

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№6, 2022 год

Подписано к публикации: 15.12.2022

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., РИНЦ (Elibrary.ru)
и в Международную базу дан-
ных Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: <http://su-journal.ru>

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулиди Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдизе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожеников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кочарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отганя Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Раkitина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебrenникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могадда Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Шербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пронина Е.В., Пронин Д.Д. МЕТОД АНАЛИЗА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА КАК ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)	8
Волкова Е.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ «INSULARITY» И «GEZELLIGHEID» В БРИТАНСКОЙ И НИДЕРЛАНДСКОЙ КАРТИНАХ МИРА	16
Гамидова Т.Г. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ОБРЯДОВОЙ ПИЦЦИ В КУНКИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА	20
Дзахова В.Т., Скрипай И.И. ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ПОНЯТИЕ» И «КОНЦЕПТ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФРАНЦУЗСКИХ ФЕ)	25
Моисеева А.А. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НОРМАЛЬНОГО И АНОМАЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	31
Николаева Е.С., Барабанова И.Г. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	39
Сперанская Н.И., Яцевич О.Е. СЕМАНТИКО-КОННОТАЦИОННОЕ ПОЛЕ АНТИНОМИЙНЫХ КОНЦЕПТОВ «ЗДОРОВЬЕ-БОЛЕЗНЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	45
Боваева Г.М., Омакаева Э.У. МИР ДИКОЙ ФАУНЫ В ЗЕРКАЛЕ КАЛМЫЦКОЙ, РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЗООФРАЗЕОЛОГИИ: БАЗОВЫЕ ЗООЛЕКСЕМЫ	50
Воякина Е.Ю. ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ	61
Жилина Н.П., Жилина-Элс Т.С. СЕМАНТИКА ЖЕЛТОГО ЦВЕТА В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ»	72
Кисель И.Ф. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ	78
Мельгунова А.В. ТЕРМИНЫ С МЕСТОИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	83
Халидова Р.Ш. РЕАЛИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ЭКСПРЕССИВНО- ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ	87

Балута А.А., Епифанцева Н.Г., Михайлов М.К. ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ИНФИНИТИВА В НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ	92
Алексеев А.В. ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ХЭШТЕГОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ГОНКОНГЕ	96
Алиева Ш.А. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОЛОГИЙ	104
Арбузова В.Ю. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ “DO” И “MAKE”	109
Загоруйко И.Н. МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАДИСКУРСА В РАМКАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА	113
Курочкина Е.А. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКЕ	120
Мартынова И.Н. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	126
Суровцева С.И., Куныгина О.В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ ДЕНЬ / JOUR В РЕЛЯТИВНЫХ ЕДИНИЦАХ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАТИКИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	133
Урусова Н.В. О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «АМБИЦИОЗНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	137
Аникина Т.В. МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ НАИМЕНОВАНИЙ ТОРГОВЫХ МАРОК КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ТОРГОВЫХ МАРОК)	142
Магомадова А.И. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ОСНОВНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ	149
Мирзоева М.И. ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ РУССКО-ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	153
Акимова А.С., Федорова Е.П. ЯКУТСКИЙ ОРНАМЕНТ НА ТРАДИЦИОННЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЯХ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ	158

Богданова Е.А. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)	164
Ван Исюань ПАРЕМИЙНЫЙ БИНОМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ О ЖИЛИЩЕ)	168
Васильева Н.М. ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА УЛУСНЫХ (РАЙОННЫХ) ГАЗЕТ	175
Власова О.В., Павлова М.Н. ОБРАЗ ЛЕШЕГО В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ "КОРОЛЬ И ШУТ")	182
Гальцов П.И., Батурина Э.Р. ЖЕНСКИЙ СТЕНДАП. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ЖЕНСКОГО ЮМОРА В СТЕНДАП КОМЕДИИ	187
Демонина Ю.М. ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОРФОЭПИЧЕСКОГО СТАНДАРТА	193
Дзахова В.Т., Терашвили Т.А. КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТЬ МЕДИАТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	199
Кравцова В.Д., Гераськова М.М. ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ КАК СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ ДЕМЕНТЬЕВА	204
Краснощёков Е.В. К ПРОБЛЕМЕ АРТИКЛЯ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ	209
Сидоренко Т.М. КОНЦЕПТЫ «ИСТИНА» И «ИСТИННОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	215
Иванов В.В., Поскачина Е.Н. ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА	220
Вяльцова А.П. ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ НЕНОРМАТИВНЫХ ДДЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	226
Овхадов М.Р., Ирезиев С.-Х. С.-Э., Шамилева Р.Д. РОЛЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	233

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Буторина Н.Ф., Будаева Л.Н. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И СПЕЦИФИКА	239
--	-----

Демидова А.П., Зиновьева В.Н., Копорова У.Д. РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ III И IV УРОВНЯ ПРИ ПОМОЩИ ПАЛЬЧИКОВОГО ТЕАТРА ИЗ ФЕТРА	244
Сорокопуд Ю.В., Кашицин А.М., Соловьева Н.В. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В РАМКАХ ПРЕДМЕТНОЙ ОЛИМПИАДЫ И В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	249
Закиева Р.Р. УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В УНИВЕРСИТЕТЕ НА ОСНОВЕ МОНИТОРИНГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ	254
Ибахаджиева Л.А. КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ	260
Антонов Н.В., Афанасьев М.В., Куницына С.М. МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ОТКЛОНЕНИЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОТ ТРЕБОВАНИЙ ТРУДОВЫХ ФУНКЦИЙ	264
Зеленина Н.М. ТЕХНОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К ВОСПИТАНИЮ АССЕРТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ	270
Зотова М.В., Лагутина Е.И. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ МЛАДШИМ ШКОЛЬНИКАМ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	275
Айгубов С.З. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ С ГРУППАМИ РИСКА В РД	280
Сорокопуд Ю.В., Шишков Л.Д., Сапачев В.А. ФОРМИРОВАНИЕ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ	284
Магин В.А., Ярычев Н.У. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	290
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Иналкаева К.С. О ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	296
Калашникова Л.М. ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	301

Оксамытний В.В., Цветикова Т.В. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ОБЩЕСТВА	305
Пурге А.Р. ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ	312
Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., Александров А.Н. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	319
Вронская М.В., Трушков И.И. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВ НА БЕСХОЗЯЙНЫЕ ЗЕМЛИ В САДОВЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ	324
Новикова Е.А., Карпушин О.Е., Ряполова А.В., Новикова Я.О. К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	331
Шатохина Е.Д. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ НА ПРИМЕРАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕДОМСТВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРОКУРОРУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ	337
Гилева Н.С. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ (ГЕНЕТИЧЕСКИХ) РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ ПО ПРОГРАММЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	343
Шебалов В.А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С «ЧЕРНЫМИ КОПАТЕЛЯМИ»	349

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Пронина Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Пронин Д.Д.,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(Национальный исследовательский университет)*

МЕТОД АНАЛИЗА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА КАК ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Аннотация: в статье обосновывается и описывается применение статистического метода оценки эмоциональной тональности текста литературного произведения как инновационного актуального инструментария компьютерной лингвистики. Предлагаются метрики численной оценки сложности языка и эмоционального фона текста, которые могут быть полезны для различного рода интерпретации и смыслового анализа художественных и публицистических произведений.

Для создания эффективного алгоритма отображения выбран перечень 10 000 самых частотных слов русского языка, сформированный на основе текстов Национального корпуса русского языка, являющегося лексической базой исследования. После чего описываются этапы первичной машинной обработки текста, которыми являются удаление знаков препинания, нормализация текста с помощью Python-библиотек `rumorphy2` и `NLTK`, а также удаление слов, отсутствующих в перечне частотных слов.

В статье представлены графики визуальной оценки сложности «авторского стиля» и языка текста в целом, построены кривые эмоционального фона, позволяющие визуально представить содержание текста и выявить его кульминационные точки. Анализ эмоциональной тональности текста производится на примере первого в истории русской литературы психологического романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Приведенные графический план произведения и его кривая отражают эмоциональную тональность романа и могут быть использованы при его метадисциплинарном изучении.

В заключении статьи в ходе сопоставления графического плана и кривой представления графического плана выявлена закономерность: вершины кривой и пики графического плана соответствуют кульминационным моментам произведения, что подтверждается данными содержательного и идейного анализа произведения.

Ключевые слова: цифровая лингвистика, контент-анализ, обработка естественного языка, машинное обучение, эмоциональная тональность текста, Python, `rumorphy2`, `NLTK`

С развитием компьютерной лингвистики увеличивается число методов контент-анализа, позволяющих формализовать содержание художественного или публицистического текста с целью его дальнейшего изучения методами математики и статистики. Описанный относительно недавно метод анализа тональности текста, базирующийся на технологиях обработки естественного языка в машинном обучении, применялся для анализа сообщений в социальных сетях с целью противодействия экстремизму [1] и классификации сюжетов художественных произведений [2].

Предлагаемый метод анализа эмоциональной тональности текста подразумевает представление слов текста в виде упорядоченного списка чисел и его последующий анализ. Задачу преобразования текста в тональный список можно определить следующим образом. Пусть $T = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}$ –

упорядоченный набор предварительно обработанных слов из анализируемого текста. Необходимо получить тональный список $L = \{r_1, r_2, \dots, r_n\}$,

произведя отображение $f: T \rightarrow L$ так, чтобы в

списке L каждое число r_1, r_2, \dots, r_n являлось

субъективной оценкой того, насколько позитивная или негативная информация содержится в словах w_1, w_2, \dots, w_n . Для чего словам требуется дать

оценку по шкале от 0 до 10, где 0 означает предельно негативную информацию (например, лексемы с ядерными семами: «убийство», «война», «страдание»), а 10 – максимально позитивную информацию (например, лексемы с ядерными семами: «радость», «улыбка», «любовь») (табл. 1).

Таблица 1

Примеры слов с разными оценками тональности

0	Катастрофа, преступник, убийца
1	Мрачный, трагический, противный
2	Дурной, неприятность, боевик
3	Украсть, жалкий, сбить
4	Нарушить, бессмысленный, стрельба
5	Я, он, дом, математика
6	Успокоить, ветеран, поэт
7	Хохотать, волшебный, поздравлять
8	Совершенный, возрождение, душа
9	Блестящий, счастье, прекрасный
10	Добро, благо, любовь

Для создания эффективного алгоритма, производящего отображение f выбран перечень 10 000 самых частотных слов русского языка, сформированного на основе текстов Национального корпуса русского языка по состоянию на 19.08.2022 г. Слова помещены в таблицу и маркированы по описанному выше принципу.

Для корректного использования полученной таблицы требуется произвести первичную машинную обработку изучаемого текста, а именно: преобразование произведения в упорядоченный набор

слов T , которое проводится с использованием Python-библиотек `rumorphy2` и `NLTK`, предназначенных для обработки естественного языка. Процесс цифрового преобразования можно разделить на 3 этапа (рис. 1):

1) удаление знаков препинания;

2) нормализация с помощью `rumorphy2` (постановка слов в начальную форму для возможности поиска точных соответствий в перечне самых частотных слов);

3) удаление слов, отсутствующих в перечне самых частотных слов.

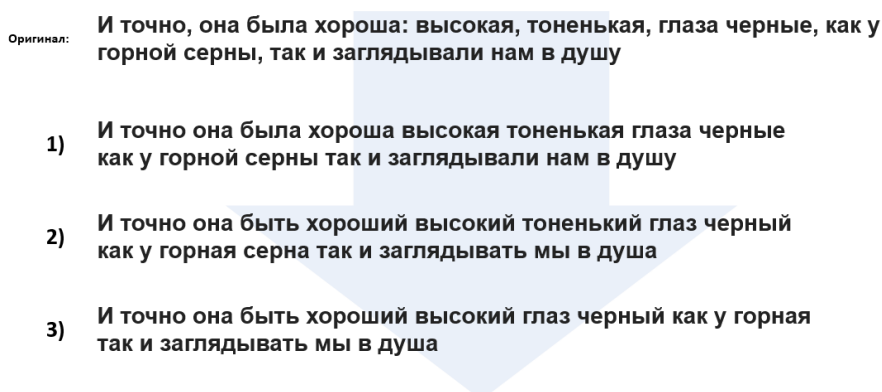

Рис. 1. Процесс преобразования текста в упорядоченный набор слов T на примере предложения романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Построим график (рис. 2), чтобы оценить размер перечня слов, которого будет достаточно для проведения последующего анализа. На оси абсцисс отмечена длина выбранного списка частот-

ных слов, отсортированного в порядке уменьшения частоты использования слова, по оси ординат – доля слов текста произведения «Герой нашего времени», попадающая в этот список.

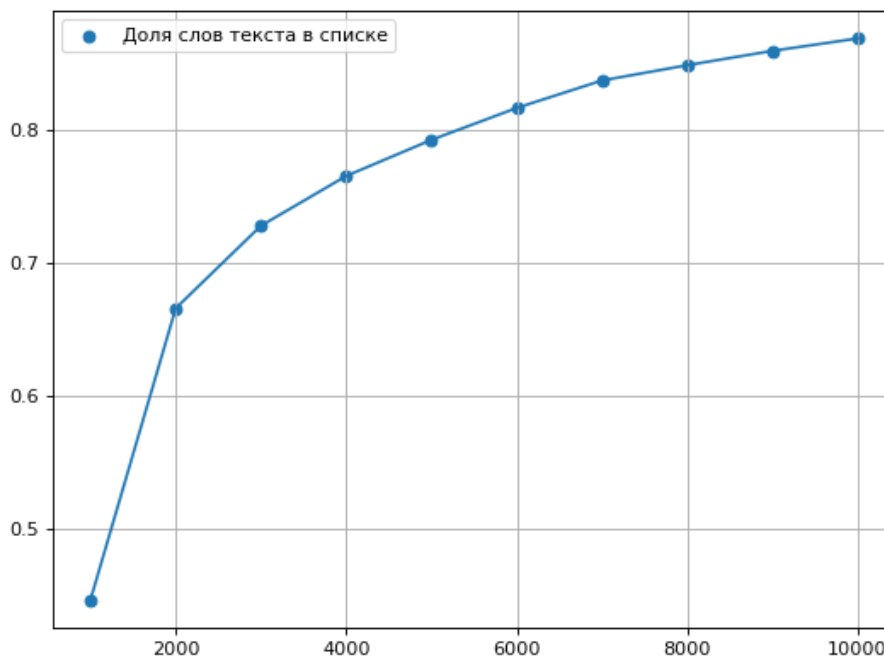

Рис. 2. Доля слов текста произведения «Герой нашего времени», попадающая в первую 1000, 2000, ..., 10 000 самых частотных слов русского языка

По графику можно сделать вывод, что доля слов произведения, попадающая в перечень самых частотных слов русского языка, растет нелинейно. Получившаяся кривая близка к графику логарифмической функции. Подобные графики можно использовать для визуальной оценки сложности «авторского стиля» и языка текста в целом, так как чем быстрее растет доля слов, попавших в список самых частотных, и чем выше находится кривая графика, тем с большей долей вероятности слова в тексте будут понятны большинству читателей, не требуя дополнительного толкования и комментирования.

В ходе исследования целесообразно и допустимо при анализе романа М.Ю. Лермонтова исполь-

зовать 4000 самых частотных слов русского языка, а значит, информацию из более чем 75% текста. Это делается с целью ускорения расчетов и экономии времени на оценку слов перечня, которая производится вручную.

Отображение f осуществляется путем нахождения в таблице слова w_k из набора T с последующим добавлением оценки его эмоциональной окраски (числа r_k) в список тональности L (рис. 3).

$$T = \{ \dots, w_k, \dots \} = \{ \dots, \text{радостно}, \dots \}$$

2794	кот	5
2795	остановка	5
2796	платок	5
2797	радостно	10
2798	ага	5
2799	локоть	5

$$L = \{ \dots, r_k, \dots \} = \{ \dots, 10, \dots \}$$

Рис. 3. Схема отображения $f: T \rightarrow L$

Произведем построение графического плана текста романа «Герой нашего времени», являющегося визуальным представлением тонального списка L . Ввиду того что автор плавно переходит

в процессе повествования от одного эмоционального события к другому (резкие скачки-переходы от одного эмоционального тона к другому маловероятны) и однородные эмоциональные события описываются некоторое продолжительное время (занимают исчисляемую протяженность текста), слова следует разбить на группы, каждая из которых в среднем будет соответствовать описанию

одной эмоциональной тональности. Поэтому при построении графического плана текста следует разбить L на части, вычислив тональность каждой

из которых как среднее арифметическое входящих в нее слов. Также важно упомянуть, что, если не произвести указанной выше операции, графический план будет плохо различим из-за шумов, вызванных тем, что встречающиеся с относительно большой частотой слова с нейтральной эмоциональной окраской (оценка которых сильно отличается от средней) становятся причиной резких колебаний, «смазывающих» общую картину (рис. 4).

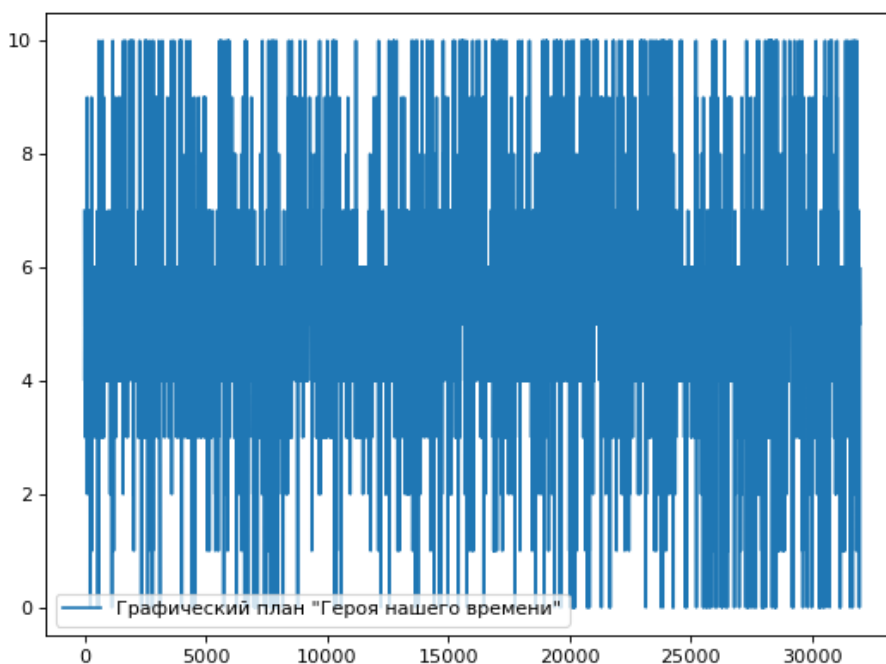

Рис. 4. Графический план произведения «Герой нашего времени»

Стоит отметить, что при внимательном рассмотрении графического плана произведения, колебания тональности слов происходят около некоторой кривой (в этих местах наблюдается «утолщение» графика), которую и требуется выявить.

Построим график по точкам, численно выражающим среднее значение «эмоциональности» каждой из частей тонального списка (рис. 5).

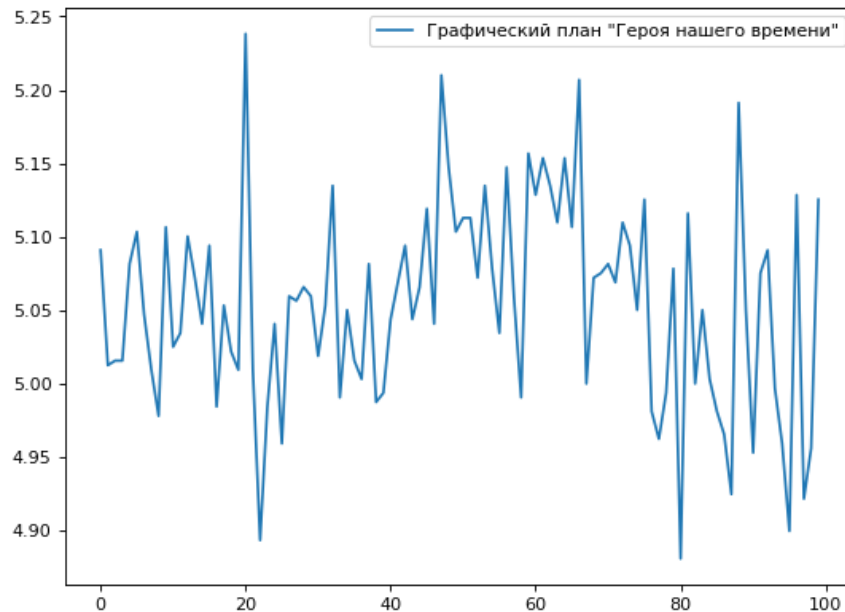

Рис. 5. Графический план «Героя нашего времени», построенный по точкам

Вспользуемся полиномиальной регрессией, чтобы представить графический план в виде гладкой кривой, определив степень многочлена эмпирическим путем. По графику (рис. 6) видно, что степени 3 недостаточно для представления, а сте-

пень 17 теряет обобщающую способность, «пытаясь» воспроизвести шумы. Значит, для представления графического плана подойдет кривая, соответствующая многочлену 5-13 степени.

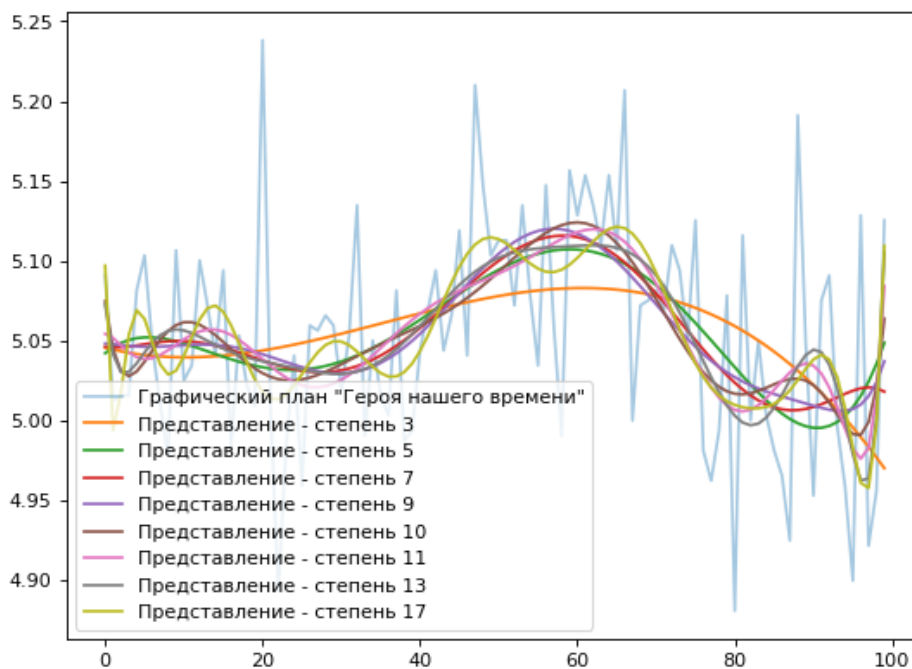

Рис. 6. Представление графического плана «Героя нашего времени» многочленами разных степеней

Вспользуемся многочленом 9 степени для представления графического плана (рис. 7).

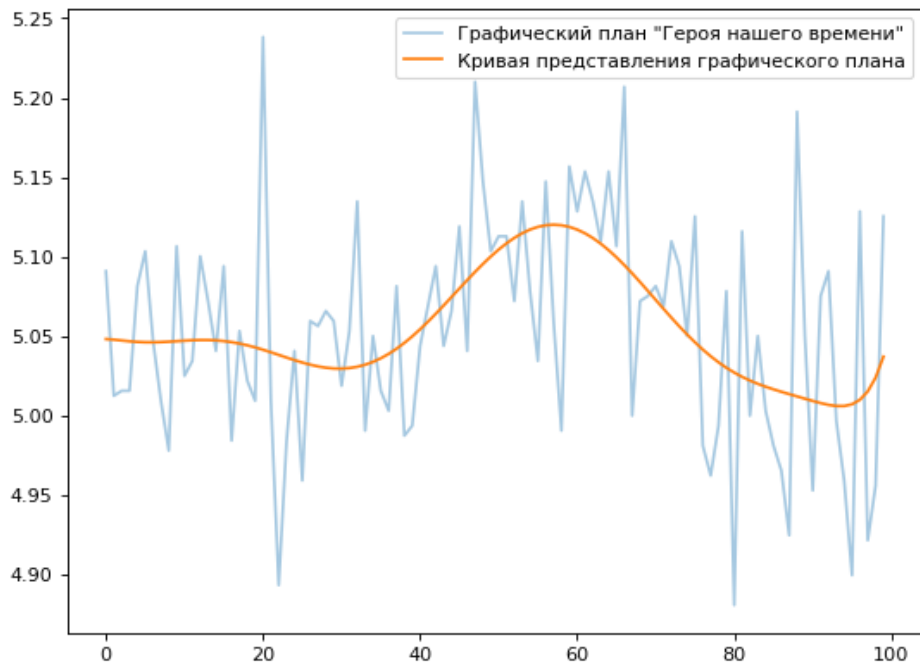

Рис. 7. Итоговое изображение графического плана «Героя нашего времени»

Приведенные графический план и его кривая отражают эмоциональную тональность произведения и могут быть использованы при его изучении с позиций лингвокультурологии, литературоведения, лингвостилистики и других наук.

Так, если рассмотреть графический план и кривую его представления (рис. 8), сопоставив их с текстом художественного произведения, можно заметить закономерность: вершины кривой и пики

графического плана, не обобщенные кривой, соответствуют кульминационным моментам произведения и раскрытия характера главного героя. Автор не может не быть эмоциональным, стараясь описать что-то действительно драматичное, те места, которые и становятся поворотными, следовательно, уровень экспрессии в большинстве случаев коррелирует с важностью момента.

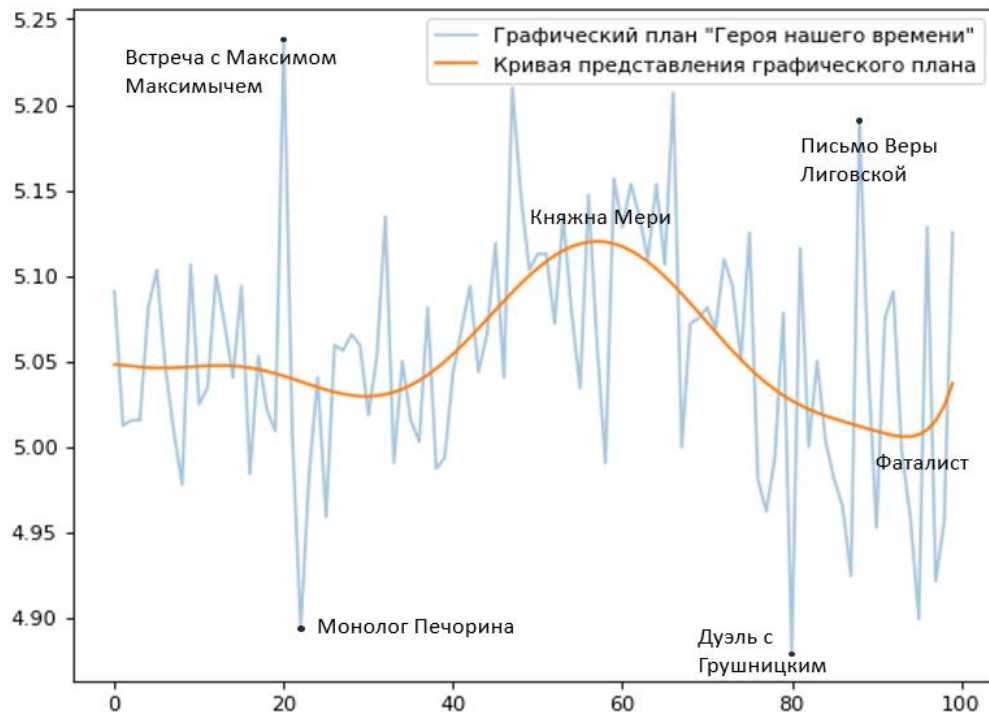

Рис. 8. Сопоставление текста романа «Герой нашего времени» и графического плана произведения

Литература

1. Романов А.С., Васильева М.И., Куртукова А.В., Мещеряков Р.В. Анализ тональности текстов с использованием методов машинного обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ceur-ws.org/Vol-2233/Paper_8.pdf (дата обращения: 19.08.2022)
2. Andrew J. Reagan, Lewis Mitchell, Dilan Kiley, Christopher M. Danforth, and Peter Sheridan Dodds. The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/1606.07772.pdf> (дата обращения: 19.08.2022)
3. Семина Т.А. Анализ тональности текста: современные подходы и существующие проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 47 – 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tonalnosti-teksta-sovremennye-podhody-i-suschestvuyushhie-problemy> (дата обращения: 22.08.2022)
4. Петров А.В. Инструменты экспериментальных исследований полиномиальной регрессии // Вестник ИрГТУ. 2013. № 10 (81). С. 22 – 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-eksperimentalnyh-issledovaniy-polinomialnoy-regressii> (дата обращения: 22.08.2022)
5. Хамидуллин Р.Я. Теория вероятностей и математическая статистика: учебное пособие. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2020. 276 с.
6. Математическая статистика: Учеб. для вузов / Под ред. В.С. Зарубина, А.П. Крищенко. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. 424 с.
7. Национальный корпус русского языка. 2003-2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

References

1. Romanov A.S., Vasil'eva M.I., Kurtukova A.V., Meshherjakov R.V. Analiz tonal'nosti tekstov s ispol'zovaniem metodov mashinnogo obuchenija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ceur-ws.org/Vol-2233/Paper_8.pdf (data obrashhenija: 19.08.2022)
2. Andrew J. Reagan, Lewis Mitchell, Dilan Kiley, Christopher M. Danforth, and Peter Sheridan Dodds. The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://arxiv.org/pdf/1606.07772.pdf> (data obrashhenija: 19.08.2022)
3. Semina T.A. Analiz tonal'nosti teksta: sovremennye podhody i sushhestvujushhie problemy. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6, Jazykoznanie: Referativnyj zhurnal. 2020. № 4. С. 47 – 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tonalnosti-teksta-sovremennye-podhody-i-suschestvuyushhie-problemy> (data obrashhenija: 22.08.2022)
4. Petrov A.V. Instrumenty jeksperimental'nyh issledovaniy polinomial'noj regressii. Vestnik IrGTU. 2013. № 10 (81). S. 22 – 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-eksperimentalnyh-issledovaniy-polinomialnoy-regressii> (data obrashhenija: 22.08.2022)
5. Hamidullin R.Ja. Teorija verojatnostej i matematicheskaja statistika: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergija», 2020. 276 s.
6. Matematicheskaja statistika: Ucheb. dlja vuzov. Pod red. V.S. Zarubina, A.P. Krishhenko. M.: Izd-vo MGTU im. N.Je. Baumana, 2001. 424 s.
7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. 2003-2022. Dostupen po adresu: ruscorpora.ru

*Pronina E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Pronin D.D.,
Bauman Moscow State Technical University (National Research University)*

**THE METHOD OF ANALYZING THE EMOTIONAL TONALITY OF
A TEXT AS A DIGITAL TOOL FOR STUDYING THE TEXT OF A WORK OF LITERATURE
(BASED ON THE EXAMPLE OF M.YU. LERMONTOV'S NOVEL «THE HERO OF OUR TIME»)**

Abstract: the article substantiates and describes the application of a statistical method for assessing the emotional tonality of the text of a literary work as an innovative, up-to-date toolkit of computational linguistics. The metrics of numerical evaluation of the complexity of the language and the emotional background of the text are proposed, which can be useful for various kinds of interpretation and semantic analysis of artistic and journalistic works.

To create an effective display algorithm, a list of 10,000 most frequent words of the Russian language was selected, formed on the basis of the texts of the Russian National Corpus, which is the lexical base of the study. After that, the stages of primary machine text processing are described, which are the removal of punctuation marks, text normalization using Python libraries pymorphy2 and NLTK, as well as the removal of words missing from the list of frequency words.

The article presents graphs of the visual assessment of the complexity of the "author's style" and the language of the text as a whole, the curves of the emotional background are constructed, allowing you to visually represent the content of the text and identify its culminating points. The analysis of the emotional tonality of the text is carried out on the example of the first psychological novel in the history of Russian literature by M.Yu. Lermontov "Hero of our Time".

The given graphic outline of the work and its curve reflect the emotional tone of the novel and can be used in its meta-disciplinary study.

In the conclusion of the article, during the comparison of the graphic plan and the representation curve of the graphic plan, a pattern was revealed: the vertices of the curve and the peaks of the graphic plan correspond to the culminating moments of the work, which is confirmed by the data of the content and ideological analysis of the work.

Keywords: digital linguistics, content analysis, natural language processing, machine learning, emotional tonality of text, Python, pymorphy2, NLTK

*Волкова Е.В., ассистент,
Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПТОВ «INSULARITY» И «GEZELLIGHEID» В БРИТАНСКОЙ И НИДЕРЛАНДСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация: данная работа посвящена исследованию и сравнительному анализу концептуальных сущностей, отражающих национальную самобытность жителей Британских островов и Нидерландского королевства. В современном мире наиболее актуальными становятся вопросы, касающиеся особенностей национального менталитета, а также взаимосвязи концептов и культур. Объект исследования: менталитет и внутреннее мироощущение нидерландцев и британцев. Предмет исследования: языковое выражение в нидерландском и британском английском языках на основе концептов *insularity* и *gezelligheid*. Материал исследования: лексические единицы, взятые из языка средств массовой информации. Задачи, которые мы хотим решить в данном исследовании – изучение концепта *Insularity*, его отображение в языке средств массовой информации. Второй задачей является изучение концепта *Gezelligheid*, а также его отображение в художественных текстах нидерландских авторов и в языке средств массовой информации. В первую очередь, существует необходимость дать определение концепту *insularity* и *gezelligheid*. В своей работе мы будем опираться на данные из авторитетных толковых словарей английского и нидерландского языка. В научной работе будут применены методы лексико-семантического, контекстуального, лингвокогнитивного и дискурсивного анализа. Автор рассматривает такие понятия как языковая и понятийная картины мира, функциональные особенности языковых концептов на основе материалов средств массовой информации обеих стран. Результаты исследования внесут вклад в теорию и практику преподавания английского и нидерландского языков и культуры, помогут лучше понять особенности нидерландского языка и британского варианта английского языка.

Ключевые слова: языковой концепт, культурологический концепт, категоризация, концептуализация, языковая и понятийная картины мира, концептуальная сущность, культурный смысл, национальная картина мира, компаративный анализ, межкультурная коммуникация, лингвокультурная среда

В современной лингвистике все чаще встречаются исследования, связанные с национальными особенностями различных культур. Характерные особенности любой национальной группы обнаруживаются в сфере культурологических концептов, которые в свою очередь, образуют определенного рода групповые ментальные сущности, раскрывающие при помощи описательных характеристик или характеристик наименования, семантику целых смысловых систем. И это не удивительно, ведь если мы рассматриваем данный процесс как реализацию межкультурных связей между коммуникантами, то в этом случае для нужной репрезентации реальности нам совершенно необходимо преломление данной языковой картины мира, которое необходимым образом отражает в нашем сознании ту или иную культурологическую особенность изучаемого языка. В случае погружения в другое культурно-языковое поле, все составляющие нашей лингвистической картины мира становятся более осязаемыми. В данном случае мы имеем дело не с полной заменой одной языковой реальности на другую, а с совмещением нескольких языковых картин мира, той, которую изучаем, и исконной «родной», в результате чего расширяются лингвокультурные горизонты сознания. В результате общения на межкультурном уровне представители коммуникаци-

онного процесса находятся в так называемой сфере взаимного проникновения культур, то есть для них открывается «третья культура», которая носит некий промежуточный статус [1, с. 144]. Целью данной работы является сравнительный анализ языковых концептов «*insularity*» и «*gezelligheid*» в британской и нидерландской картинах мира.

Как мы знаем, каждая культура имеет национальные, характерные только для нее признаки, этими признаками обладают культурные концепты, а они, со своей стороны, образуют групповые семантические сущности, которые представлены в языке посредством описания и наименования их смысловых характеристик. Таким образом, мы можем идентифицировать как одну из главных характеристик концепта его возможность отражать в своем значении черты национального характера носителей того или иного лингвокультурного поля.

Каждый индивид, носящий черты определенного лингвокультурного поля, анализирует все информационные потоки, которые он получает, данный процесс определяется как концептуализация, т.е. образование концептов, концептуальных сущностей и определенного рода целой концептуальной схемы в сознании носителя.

Кроме этого концептуализация является процессом, при котором происходит постоянное об-

новление и зарождение новых концептуальных сущностей, которые в свою очередь регулярно трансформируются и дополняют концептуальные системы той или иной языковой сферы. Как и процесс познания, концептуализация является непрерывным и никогда не прекращающимся процессом. Стоит заметить, что в данном случае, основное значение приобретает исследование в научных целях реальных образцов речи индивида, являющихся отражением процессов, имеющих отношение к внутренней культуре и сознанию человека в целом. Наиглавнейшим условием воплощения их в реальности является знание иностранного, в нашем случае английского и нидерландского языков, и необходимых навыков их использования. В этой ситуации мы подходим к пониманию того, насколько адекватно была интерпретирована полученная информация из того или иного источника, и здесь особенно важен процесс согласованности и взаимодействия двух репрезентативно-понятийных систем коммуницирующих. Таким образом, мы приходим к пониманию того, что концепты это семантические структурные кирпичики концептуальной системы индивида, отвечающие за восприятие, последующую обработку и корреляцию информационных элементов, элементарные частицы – атомы, воспроизводящие человеческую уникальность и отражающие ее в национальных характеристиках того или иного общества, в нашем случае нидерландского и британского. Основными элементами здесь выступают такие определения как концептуализация и категоризация. Концептуализация рассматривается нами как выявление основных наименьших смысловых элементов опытных и структурных составляющих познания, категоризацией мы считаем кооперацию различных явлений в более крупные единицы и целые категории на основании метонимических релятивных связей.

В основе понимания роли человека в мире, его моральных и ценностных ориентиров лежат регулятивные культурные концепты, язык же в свою очередь служит определенным элементом отражения не только концептов, выражающих определенную ценность, но также целых концептуальных «сообществ», имеющих возможность представлять в языке изменяющиеся со временем ценностные ориентиры.

Таким образом, мы рассматриваем концепт как явление социокультурное, обусловленное наличием в его структуре семантико-языковой составляющей, последняя может быть рассмотрена как элемент с полностью открытой системой концептосферы. Составляющая концепта, отраженная в разделах когнитивной лингвистики, безусловно содержит в себе аспекты, имеющие отношение к

лингвистике как таковой. Репрезентация концепта как знаковой структуры может быть реализована путем осмысления большого объема так называемых смысловых сущностей, которые определяются контекстом в лингвокультурном понимании. Система, состоящая из элементарных элементов-концептов – это своего рода семантически-лингвальная структура, в которой находит отражение познавательная деятельность человека, а именно восприятие информации, ее передача, преобразование и т.д. Основную роль в распространении концептов принято отдавать лингвокультурной формации, определяющей все уникальные концептуальные сущности, а помимо этого универсальные лингвистические концепты. Такие концепты как «INSULARITY» и «GEZELLIGHEID» являются одними из основных концептуальных регуляторов-элементов британской и нидерландской национальных культур и представлены достаточно большим количеством своих воплощений в разных слоях нидерландского и английского языков. Рассмотрим важнейший нидерландский культуроспецифический концепт «GEZELLIGHEID». A common trait to all descriptions of gezelligheid is a general and abstract sense of individual well-being that one typically shares with other individuals. All descriptions involve a positive atmosphere, flow or vibe that colors the individual personal experience in a favorable way. The origin of the word comes as a derivation from the word *gezel*, which means ‘friend’ or ‘companion’. Back in the past, *gezel* was also used to mean a ‘journeyman’, which was used in the Dutch guild system as a group that formed around master craftsmen. If we deal with the original meaning of the word, then we can definitely confirm that it has received the connotation of belonging. Thus, we can describe «GEZELLIGHEID» as a state of coziness and togetherness, a shared sense of joy of spending time together with friends or nearest and dearest. If we deal with *hygge*, this very concept means that you are involved in condition of comfort and cozyness. To understand this better several Dutch people were interviewed about their personal understanding of «GEZELLIGHEID» (5):

© WillemijnPheifer.

«It’s very difficult to translate *gezelligheid*. It can be a kitchen in the house where you spend time with friends or café with a glass of wine with your nearest and dearest. Practically all the time you spent having fun with the company of people you enjoy. It also can be a travel adventure with friends to share. If you have the right people near everything can become *gezellig* even cleaning your apartment.»

© WouterMulders

«Everything that can make people smile and spend their free time together, making fun is *gezelligheid*.

Meeting friends is gezellig too. Visiting concerts with nearest is gezelligheid, but there is difference between hygge and gezelligheid. When we deal with hygge it is a kind of seasonal cozyness and very often it is associated with winter season, at the same time gezelligheid is actual through all the seasons.»

© WillekeBoumans

«In the company of my English speaking acquaintances I usually use cosy instead of gezellig. I consider that many things are gezellig such as warm socks or fireplaces. But I would like to say that word gezellig is different for people. Some people find things I do not like as gezellig. »

© Bartvan Enis

«I suppose gezelligheid can be translated as cozy conviviality or convivial coziness. What is more I consider that the inner state of this or that person can be gezellig too. »

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что регулятивный элемент нидерландской культуры GEZELLIGHEID выражается огромным количеством способов своей репрезентации в голландском обществе, один из которых может быть описан авторами как уютный индивидуализм наряду с проявлением толерантности и глубокого уважения к миру и поведению других людей.

Перейдем к одному из ключевых концептов национальной картины мира британцев «INSULARITY». Кембриджский англо-русский словарь дает следующую коннотацию для концепта insularity (6):

«The quality of only being interested in your own country or group and not being willing to accept different or foreign ideas:

Their actions have led to accusations of insularity or arrogance.

She dislikes the cosy insularity of the local jazz scene.»

Thesaurus описывает insularity как:

«The state of being isolated or detached; the insulation of England was preserved by the English Channel. »

В своей статье «British identity and society. What it really means to be British», опубликованной 16 мая 2006 года в «The Guardian» Lucy Mangan рассуждает о том, что означает этот концепт для британцев, и вот на что она указывает:

«Insularity. With a lot of work to parse the behavior and possessions of British people, we can easily understand that they practically do not feel the necessity to receive stimulus abroad.

What else I can add that our island position saved us many times from multiple invasions that is why we have fear of all things more than 28 miles from our coast. Insularity is a feature that characterizes the British and it is the heart of British value system. I should say that the sooner our children understand that we are here and Europe is over there, the better and more successful they will do in life.» (6) Журналист Lucy Mangan прямо указывает на то, что детей в Британии необходимо с раннего возраста приучать к мысли о том, что изолированность равна преуспеванию в жизни: «Мы здесь, а Европа там, чем раньше они это поймут, тем успешнее будут в жизни».

Существует также фраза, описывающая британскую замкнутость. Звучит она так «Storm on Channel – Continent isolated» (5). Во фразе «Шторм на канале – Континент изолирован»:

- Канал обозначает Ла-Манш, то есть морской канал, отделяющий южную Англию от северной Франции;

- Континент обозначает материковую часть Европы в отличие от Британских островов.

Это выражение является сатирическим по отношению к британской замкнутости, поскольку оно описывает континентальную Европу как отрезанную от Британских островов вместо того, чтобы описывать последнюю как отрезанную от первых. Таким образом, мы можем предположить, что концепт «INSULARITY» является неотъемлемой частью понятийной и языковой картины мира жителей британских островов.

В заключении необходимо отметить, что язык и мышление имеют глубокую и тесную связь. Знаменитый немецкий философ Вильгельм фон Гумбольдт считал, что язык – это отражение духа нации, а между мышлением и действительностью есть прослойка в виде языка, отражающая образ жизни и основные культурные приоритеты говорящих на нем людей. Таким образом, мы считаем, что, изучая иностранные языки и исследуя ключевые концептуальные сущности определенного социума, мы постигаем картины мира другого народа. В нашей работе мы постарались объяснить причины межкультурных различий в нидерландской и британской картинах мира на основе сравнительного анализа двух концептов: INSULARITY и GEZELLIGHEID и установления механизмов аккумуляции этнокультурного содержания данными языковыми единицами.

Литература

1. Bolt, Rodney. The Xenophobe's Guide to the Dutch. London: Oval Books, 1999.
2. Филиппова М.М. Английский национальный характер. Сборник статей и извлечений из работ об английском языке и культуре. М.: Добросвет. М, 2006.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. яз. общ. ред. Г.В. Рамишвили. Москва: Прогресс, 2001. 400 с. URL: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-trudy-po-yazykoznaniju-read-213842-1.html> (дата обращения: 1.10.2022)
4. Луканина С.А. WorldofMassMedia. Английский язык в рекламе, PR, журналистике: учебное пособие. М.: КДУ, 2008.
5. Луговской А.В. Отражение островного менталитета в английской художественной картине мира. Постулат. 2019. № 1. С. 3 – 9. URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/download/2403/2444>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36973817> (дата обращения: 1.10.2022)
6. Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс. Екатеринбург: УрОПАН, 2016. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/Angliyskaya_identichnost_Karavaeva_DN.pdf (дата обращения: 29.09.2022)

References

1. Bolt, Rodney. The Xenophobe's Guide to the Dutch. London: Oval Books, 1999.
2. Filippova M.M. Anglijskij nacional'nyj harakter. Sbornik statej i izvlechenij iz rabot ob anglijskom jazyke i kul'ture. M.: Dobrosvet. M, 2006.
3. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per. s nem. jaz. obshh. red. G.V. Ramishvili. Moskva: Progress, 2001. 400 s. URL: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-trudy-po-yazykoznaniju-read-213842-1.html> (data obrashhenija: 1.10.2022)
4. Lukanina S.A. WorldofMassMedia. Anglijskij jazyk v reklame, PR, zhurnalistike: uchebnoe posobie. M.: KDU, 2008.
5. Lugovskoj A.V. Otrazhenie ostrovnogo mentaliteta v anglijskoj hudozhestvennoj kartine mira. Postulat. 2019. № 1. S. 3 – 9. URL: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/download/2403/2444>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36973817> (data obrashhenija: 1.10.2022)
6. Karavaeva D.N. Anglijskaja identichnost' i ee diskurs. Ekaterinburg: UrORAN, 2016. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/Angliyskaya_identichnost_Karavaeva_DN.pdf (data obrashhenija: 29.09.2022)

*Volkova E.V., Assistant Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LINGUISTIC CONCEPTS "INSULARITY" AND "GEZELLIGHEID" IN THE BRITISH AND DUTCH WORLDVIEWS

Abstract: the article deals with the study and comparative analysis of conceptual entities reflecting the national identity of the inhabitants of the British Isles and the Netherlands Kingdom. Emphasis is made on the conceptual and linguistic worldview, functional features of language concepts based on the materials of the mass media. This work is devoted to the study and comparative analysis of conceptual entities that reflect the national identity of the inhabitants of the British Isles and the Kingdom of the Netherlands. In the modern world, the most pressing issues are related to the peculiarities of the national mentality, as well as the relationship of concepts and cultures. Object of research: the mentality and inner worldview of the Dutch and the British. Subject of study: linguistic expression in Dutch and British English based on the concepts of insularity and gezelligheid. Research material: lexical units taken from the language of the mass media. The tasks that we want to solve in this study are the study of the concept of Insularity, its display in the language of the media. The second task is to study the concept of Gezelligheid, as well as its reflection in the literary texts of Dutch authors and in the language of the media. First of all, there is a need to define the concepts of insularity and gezelligheid. In our work, we will rely on data from authoritative dictionaries of the English and Dutch languages. The scientific work will use the methods of lexico-semantic, contextual, linguocognitive and discursive analysis. The author considers such concepts as linguistic and conceptual pictures of the world, functional features of linguistic concepts based on the media materials of both countries. The results of the study will contribute to the theory and practice of teaching English and Dutch languages, help to understand the features of the Dutch language and British English.

Keywords: language concept, cultural concept, categorization, conceptualization, linguistic and conceptual worldview, conceptual essence, cultural meaning, national worldview, comparative analysis, intercultural communication, linguistic and cultural environment

Гамидова Т.Г., аспирант,
Дагестанский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ОБРЯДОВОЙ ПИЩИ В КУНКИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: основная цель данной работы – семантический анализ названий ритуальных блюд в кункинском говоре даргинского языка. Актуальность данного исследования обуславливается тем, что изучение обрядовой пищи помогает понять глубинный смысл важнейших обычаев жизненного цикла, а также традиционных семейных праздников в исследуемом говоре даргинского языка. Обряды, общественные праздники – важная составная часть духовной культуры народов. Обряд – совокупность установленных обычаев действий, связанных с выполнением бытовых традиций, религиозных предписаний. Общественные праздники, обычаи и обряды даргинцев формировались и развивались в неразрывной связи социально-экономического и культурного развития горских народов. Приуроченные к важнейшим событиям в жизни кункинцев адаты, обряды, праздники в прошлом включали в себя игры, приготовление различного рода блюд и угощений, символические действия и др. Названия обрядовой пищи выступают своего рода маркерами жизни любого этноса. В них отражаются особенности языка, способы жизнеустройства, история и быт народа. Они являются показателями формирования картины мира кункинцев.

Ключевые слова: семантический анализ, гастрономическая лексика, наименования пищи, кункинский говор, даргинский язык, обрядовая пища, ритуальные блюда

Введение

Семантический анализ названий пищи, изучение ритуальных блюд даргинского народа, символики отдельных блюд, этнические и региональные особенности пищи и культуры питания входят в одно из актуальных научных направлений дагестанских языков. Семантический анализ наименований блюд традиционной кухни в современной культуре относится, по мнению исследователей, к числу наиболее устойчивых элементов культуры: «в области пищи этнографическая специфика сохраняется несравненно более продолжительно, нежели в других сферах материальной культуры, например, в одежде и жилище» [1, с. 5].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в кункинском говоре даргинского языка, да и в самом литературном даргинском языке не исследованы наименования пищи, в том числе и названия обрядовой пищи. Изучение обрядовой пищи помогает понять глубинный смысл важнейших обычаев жизненного цикла, традиционных и современных праздников даргинцев. Обрядовая пища носила смысловое значение. Каждому действию и пище в обрядах кункинцев придавалось особое значение. Как известно, процесс приема пищи не есть только утоление инстинкта голода. Это явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиционные для данного общества» [5, с. 3].

Результаты и обсуждение

Наименования продуктов питания представляют собой довольно значительный пласт

деятельности человека. Данные названия сопровождают человека все этапы жизни. Многие названия продуктов питания, различных блюд ярко и выпукло представляют языковую картину мира того или иного этноса, в данном случае картину мира кункинцев, представителей кункинского говора даргинского языка. Высокогорное село Кунки расположено в Дахадаевском районе, имеет глубокую историю. Говор данного села отличается от других даргинских говоров и диалектов.

Объектом нашего анализа являются названия обрядовой пищи кункинского говора даргинского языка. По своей структуре это простые, сложные и составные названия, входящие в лексический состав данного говора, собранные путем интервьюирования и бесед со старожилками с. Кунки.

В данной тематической группе отмечаются различные типы семантических связей. Это гипонимы и гиперонимы с множеством видов и понятий. К примеру, название *обрядовая пища* служит общим для блюд, которые готовятся в период определенных праздников, событий, (иногда религиозного характера) происходящих в жизни этноса. По отношению к нему все названия, включаемые в понятие *обрядовая пища* являются гипонимами: *кьюкбай*, *г'ёл'ёл'яй*, *к'як'яба*, *магацла чутне*, *делх'ун хинк'ле*, *нук'унна палав*, *суннатла варк'ни* и т.д. В своих значениях они имеют различительные признаки. А общая семантическая часть одна – обрядовая пища.

В кункинском говоре гипероним *берква* обозначает общее понятие «пища, блюда». Он вклю-

чает в себя множество различных названий блюд обрядового значения. Это такие названия (гипонимы), как *цликурулла берква* «блюда невесты», *жамиглятла мекъ* «сельский праздник», *хьурдуккайла берква* «блюда праздника Первой борозды», *гале варкъни* «Рождение ребенка», *хьунелла берква* «дорожная еда», *суннатла варкънилла берква* «пища, связанная с обрезанием», *Хвала барилла берква* «блюда на Ураза-байрам», *Кьурбан барилла берква* «Блюда на Курбан-байрам», *Гляшурала банрелла берква* «блюда на День Ашуры». Каждый из приведенных гипонимов подразделяется на более мелкие наименования обрядовой пищи. Они составляют лексические парадигмы. Рассмотрим их.

На данном уровне понятие *цликурулла берква* «блюда невесты» становится гиперонимом, так как в системе гиперо-гипонимических отношений все наименования блюд, относящиеся к данной тематической группе становятся гипонимами, они подчинены ему.

Гипероним может конкретизироваться не только непосредственно в своих гипонимах, но и на последующих ступенях, на которых его непосредственные гипонимы выступают уже в качестве гиперонимов, в свою очередь конкретизируемых на дальнейших ступенях гиперо-гипонимической структуры [4, с. 98].

Свадебные циклы обрядов (сватовство, свадьба, послесвадебный период) кункинцев также насквозь пронизаны ритуальными блюдами. Все названия блюд, посуды, связанные с данным событием мы отнесли к данной группе: *хунча* «свадебный поднос с едой», *накьунна палав* «каша с толокном, с топленным маслом и мёдом», *ици хинкле* «чабанский хинкал», *цликурулла хухне* «чуду невесты», *хухналла гьалмагъ* досл. «невеста из чуду».

Процесс сватовства начинался с Ураза Байрама, когда к невесте шли сваты с *хухне* (слоеный хлеб и чуду размером с поднос, на котором они лежат) досл. «чуду с хлебом». Вместе с этим относили и кольцо, ткани для платьев, браслет и др. Этот обычай получил название *хухналла гьалмагъ* досл. «невеста из чуду». После этого обряда назначали дату свадьбы.

В день свадьбы родственники жениха несут огромный поднос с едой и напитками, который именуется *хунча*. По утверждению А.А. Селимова, слово усвоено из иранских языков, перс, *хунче* «деревянный поднос, большое деревянное блюдо (для фруктов, лакомств, а также для подношения приданого невесте)» [2, с. 487].

После перевода невесты в дом жениха женщины-наставницы возвращаются в дом невесты и го-

товят молодоженам *накьунна палав* «каша с толокном, с топленным маслом и мёдом» и кормят их.

В последний день свадьбы готовят *ици хинкле* «чабанский хинкал» в доме молодоженов, на который приглашают родственников жениха и невесты. Готовит данный хинкал невеста. Режут и раздают всем приглашенным по кусочку *цликурулла хухне* «чуду невесты», которые приносит невеста. Считалось, что если невеста отведала кусочек этого чуду, то она может быстро забеременеть. Как видим, все эти обряды, традиции носителей кункинского говора сохранились еще с языческих времен, они составляют основу их жизнедеятельности, мировоззрения, менталитета. Позднее, с принятием ислама, в их жизни появились и другие праздники, такие как Ураза байрам, Курбан байрам, День Ашура и др.

Тематическая группа *жамиглятла мекъ* «сельский праздник» объединяет в себе целый ряд гипонимов: *магацла чутне* «пирог с жирным сыром», *тлилтле* «блинчики на жиру», *делхьун хинкле* «жареный хинкал», *клярхлялла хьватли* «слоенный хлеб», *кьалтукъ* «срубленное дерево», *делхьун дихъве* «вареные яйца», *хьвихъве* «орехи» и т.д.

Данный праздник является традиционным весенним праздником. Первая часть этого праздника проводилась не в селении, а в местности *Кьяккри*. От каждого хозяйства готовили поднос с жирной изысканной едой: обильно намазанные маслом *магацла чуттне* «пирог с сырной (творожной) начинкой», *тлилтле* «жирные блинчики», *делхьун хинкле* «жаренный в масле хинкал» и т.д. В этот день женщины с хуторов рано утром выходили с подносами, а к ним из села шли мужчины с напитками и музыкой. Каждый из состоятельных животноводов должен был доставить сюда по две бараньи туши: одну в вареном виде, другую в сыром. Собравшиеся начинали танцы. Во время танцев девушки, по обычаю, макали одну руку в сосуд с маслом и всей пятерней припечатывали ее к спине танцующего впереди по кругу парня, желая этим действием ему изобилия в текущем году.

Важным элементом и обязательным компонентом второй части праздника, который проходил уже в селе, было срубленное живое дерево *кьалтукъ*, украшенное вареными яйцами (*делхьун дихъве*), орехами (*хьвихъве*), фруктами (*цледехъ*) и т.д. Это дерево устанавливалось в центре праздничной площади и время от времени мужчины делали обычно безуспешные попытки что-то сорвать с дерева. Пойманные при этих попытках расплачивались штрафом – «подносом с едой» (*хунча*).

В общее название *хьурдуккайла берква* «блюда праздника Первой борозды» входят: *кьакъба*

«хлеб в виде антропоморфного или зооморфного изображения, с запеченным внутри яйцом», *гелэгяй* «специальные ритуальные хлебцы из слоенного теста в форме солярного знака» (их надевали на рога быков), *кьюкбай* «начиненный мясом, творогом, яйцами и жиром».

Все названные блюда должны были обеспечить обильный и богатый урожай сельчанам. «Особенное многообразие зоо- и антропоморфных печеных изделий на главном календарном и аграрном празднике народов Горного Дагестана – празднике первой борозды, вероятно, свидетельствовало о том, что именно в этих ипостасях мыслился дух (хозяин) пашни, хлебного поля [3, с. 45].

Эти виды ритуальной пищи кункинец также были связаны с плодородием, они запечатлелись в кункинском говоре даргинского языка, делая язык более насыщенным и образным. Как показывают наши материалы, конфигурация семантического поля гипонимов многоуровневая. В системе гиперо-гипонимических отношений гипонимами могут стать и другие изделия, кроме блюд, то есть, они тоже составляют лексическую парадигму. Например, *хунча* «поднос», *кьалтукь* «срубленное деревце» и другие сопутствующие тем или иным праздникам, событиям предметы, привлекаемые в процессе проведения праздника. Такие гипонимы в свою очередь являются гиперонимами для других, более частных гипонимов.

В культуре кункинец важную роль играли ритуальные блюда, которыми сопровождалась практически все основные календарные и семейные обряды. Гипероним *Гале варкьни* «Рождение ребенка» включает в себя гипонимы: *гьяше накьунн чекахлибце палав* «жидкая мучная каша с толокном и тмином», *накьунна палав* «каша с топленным маслом и медом» и т.д. Рождение ребенка было радостным событием и сопровождалось обильным угощением роженицы. После рождения ребенка женщине давали жидкую мучную кашу с добавлением толокна и тмина (*гьяше накьунн чекахлибце палав*) для поддержания её физических сил. Также давали яичницу с добавлением толокна и тмина.

В обряде, связанном с укладыванием ребенка в люльку, важную роль играет ритуальная каша *накьунна палав* «с топленным маслом и медом», которую готовила и приносила мать роженицы. Варят кашу из пшеничной муки, солят, выкладывают в толокно и разминают ложкой пока она не станет густой. После того, как она стала густой, её перекладывают в блюдо, посередине делают ямку, куда кладут мёд разбавленный с топленным маслом. Едят кашу вилкой. После того, как первый раз ребенка уложили в люльку, всех соседей и присутствующих кормили данной ритуальной кашей.

После обряда *суннатла варкьни* «обрезание» приходили все родственники с подарками – специально испеченными ритуальными пирогами *кьакьба* (*куропатка*), начиненными яйцами. У кункинец существует так называемое *хьунелла берква* «дорожное блюдо», которое готовят перед выходом в путь. Традиционным блюдом, которое готовят в дорогу у кункинец является *делхьун хинкле* «жаренный на топленном масле хинкал». Данное блюдо считается удобным есть в дороге, и он долго не портится. Чаще всего его готовят, когда из дома отправляют в армию призывников или в старину, когда кто-то выезжал из села на заработки. Утром, когда путник должен был выйти в путь, сельчане собирались, оставив свои работы, чтобы проводить его. После напутственных слов, его провожали. После проводов члены семьи раздавали собравшимся сладости и возвращались домой. Это знак уважения к односельчанам. Особым видом культуры питания кункинец также является обрядовая пища религиозных праздников *Хвала бари* «Ураза-байрам», *Кьурбан бари* (*Кьурбанна хвала банре*) «Курбан-байрам», *Гляшурала банре* «День Ашуры». Пища мусульманских праздников и обрядов сельского населения Дагестана состоит из определенного набора архаических блюд традиционной дагестанской кухни, отличающихся высокими питательными и вкусовыми качествами – мучной халвы (*бахьухь*, *аварша*, *иситла* и др.) и козинаки, варева из смеси злаковых и бобовых культур, отварного мяса, супов, каш, курзе, хинкала, чуду и печеных мучных изделий (лепешки и пышки), что позволяет говорить об их значимости в системе компонентов религиозной идентичности дагестанцев [3, с. 13].

В гиперонимы *Хвала барилла берква* «блюда на Ураза-байрам», *Кьурбан барилла берква* «Блюда на Курбан-байрам», *Гляшурала банрелла берква* «блюда на День Ашуры» входят целый ряд гипонимов-названий блюд: *арбаиш* «мучная халва на топленном масле», *цла-вергва* «дым-огонь», *клярхлялла хьватӀне* «слоеные хлеба», *гьибалла чуттне* «чуду с картошкой и с творогом», *хьватӀне* «чуреки», *кьяна* «маленькие треугольные пироги в форме вороны», *хьяя* «злаково-бобовое блюдо», *кьамкьамте* «тонкие лепешки из теста с наложенным сверху мучной халвой» и т.д.

Главным мучным ритуальным блюдом, которое готовили кункинцы во время похорон является мучная халва *арбаиш*. Его готовили ночью после похорон 2 родственницы покойного. Каждый четверг в теплом виде его несут на кладбище и наливают на тонкие лепешки *кьамкьамте*, которые раздают всем пришедшим на кладбище. Названия обрядовой пищи в кункинском говоре даргинского

языка по своей структуре простые и составные названия.

Простые названия блюд состоят из одного слова: *хинкле* «хинкал», *къяна* «треугольный хлеб в форме птицы», *хъия* «злаково-бобовое блюдо», *арбаи* «мучная халва», *хъватлне* «хлеба», *хунча* «поднос с едой», *кьалтукъ* «дерево», *хъихъхъве* «орехи», *гъёлъгъляй* «круглые хлебцы», *тлилтле* «блинчики на жиру», *къамкъамте* «тонкие лепешки из муки», *бахъухъ*, *аварша*, *иситла*. (разновидности мучной халвы).

Составные названия состоят из двух или более слов. Первое слово является определителем ко второму. Они широко распространены в данном говоре: *магацла чутне* «пирог с жирным сыром», *делхъун хинкле* «жареный хинкал», *клархъялла хъватли* «слоеный хлеб», *делхъун дихъве* «вареные яйца», *гъибалла чуттне* «чуду с картошкой и с творогом», *накъунна палав* «каша с топленным маслом и медом», *гъяше накъунн чекяхлибце палав* «жидкая мучная каша с толокном и тмином», *хъурдуккайла берква* «блюда праздника Первой борозды» и т.д. В большинстве своем это блюда из муки и злаков.

Заключение

Проведенный анализ наименований обрядовой пищи в кункинском говоре даргинского языка показывает, что у носителей данного говора главенствующее место на всех праздниках занимали изделия из муки и злаков. Среди наименований обрядовой пищи в кункинском говоре даргинского языка отмечаются различные типы семантических связей. Это гипонимы и гиперонимы с множеством видов и понятий. Гипероним может конкретизироваться не только непосредственно в своих гипонимах, но и на последующих ступенях, на которых его непосредственные гипонимы выступают уже в качестве гиперонимов, в свою очередь конкретизируемых на дальнейших ступенях гиперогипонимической структуры. По своей структуре данные наименования обрядовой пищи в кункинском говоре даргинского языка являются простыми и составными названиями. Названия ритуальных блюд, представленные в лексике кункинского говора, наиболее ярко отражают менталитет данного народа, позволяет окунуться в атмосферу далекого прошлого, познакомиться с древними формами быта, с архаическими представлениями.

Литература

1. Арутюнов С.А., Воронина Т.А. Предисловие // Хмельное и иное: напитки народов мира. М., 2008. С. 5 – 13.
2. Селимов А.А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001. 544 с.
3. Сефербеков Р.И. Современная культура питания сельского населения Дагестана: традиционное и новое // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 1. С. 7 – 23.
4. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 1992. 92 с.
5. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 1981. 256 с.

References

1. Arutjunov S.A., Voronina T.A. Predislovie. Hmel'noe i inoe: napitki narodov mira. M., 2008. S. 5 – 13.
2. Selimov A.A. Slovar' orientalizmov lezginskogo jazyka. Mahachkala, 2001. 544 s.
3. Seferbekov R.I. Sovremennaja kul'tura pitaniija sel'skogo naselenija Dagestana: tradicionnoe i novoe. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Gumanitarnye nauki. 2022. T. 37. № 1. S. 7 – 23.
4. Haritonchik Z.A. Leksikologija anglijskogo jazyka: uchebnoe posobie. Minsk: Vysshaja shkola, 1992. 92 s.
5. Jetnografija pitaniija narodov stran zarubezhnoj Azii. Opyt sravnitel'noj tipologii. Otv. red. S.A. Arutjunov. M.: Nauka, 1981. 256 s.

*Gamidova T.G., Postgraduate,
Dagestan State University*

SEMANTIC ANALYSIS OF THE NAMES OF RITUAL FOOD IN THE KUNKA DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE

Abstract: the main purpose of this work is the semantic analysis of the names of ritual dishes in the Kunka dialect of the Dargin language. The relevance of this study is due to the fact that the study of ritual food helps to understand the deep meaning of the most important customs of the life cycle, as well as traditional family holidays in the studied dialect of the Dargin language. Rituals and public holidays are an important part of the spiritual culture of peoples. A rite is a set of actions established by custom related to the fulfillment of household traditions and religious prescriptions. Public holidays, customs and rituals of the Dargins were formed and developed in an inseparable connection of the socio-economic and cultural development of the mountain peoples. Adats, rituals, holidays timed to the most important events in the life of Kunkin people in the past included games, cooking various kinds of dishes and treats, symbolic actions, etc. The names of ritual food act as a kind of markers of the life of any ethnic group. They reflect the peculiarities of the language, the ways of life, the history and way of life of the people. They are indicators of the formation of the Kunkin people's worldview.

Keywords: semantic analysis, gastronomic vocabulary, food names, Kunka dialect, the Dargin language, ceremonial food, ritual dishes

Дзахова В.Т., доктор филологических наук, доцент,
Скрипай И.И., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ПОНЯТИЕ» И «КОНЦЕПТ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФРАНЦУЗСКИХ ФЕ)

Аннотация: целью исследования, описанного в данной статье, является демонстрация различий между понятиями и концептами, стоящими во французском языке за лексемами *свой-чужой*. Актуальность исследования связана с тем, что термины «понятие» и «концепт» продолжают рассматриваться в некоторых лингвистических исследованиях как явления тождественные и синонимичные. Между тем, как показывают результаты исследования, бинарные концепты *свой-чужой* намного шире аналогичных понятий, поскольку включают оценочные компоненты и ассоциации, характерные для французской культуры. Принципиальное отличие концепта от понятия заключается, прежде всего, в том, что он является частью определенной лингвокультуры, несет отпечаток конкретной ментальности, связанной с национальными представлениями и способами отражения окружающей действительности, со своим конкретным отношением к соседним народам. Понятие, как отражение наиболее значимых черт некоего объекта действительности, в основных чертах совпадает у представителей разных национальностей, поскольку отражает общечеловеческую способность познавать окружающую действительность, являясь, прежде всего, категорией мышления. Попадаю в конкретную культуру, понятия «насыщаются», «обогащаются», обрастают определенными ассоциативными связями, становясь уже концептами как категорией лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, понятие, французский язык, свой-чужой

Формирование понятий, осуществляющееся в процессе мыслительной деятельности человека, – это то, что в первую очередь отличает человека от животного. Именно в процессе комплексного познания окружающей действительности происходит сопоставление имеющихся данных с новыми, формируются понятия, категории. Понятие – это и есть, по сути, отражение различных явлений и предметов в человеческом сознании. По мнению С.Г. Воркачева, под понятием подразумевается мысль о предмете или явлении, весь комплекс имеющихся знаний и информации о предмете, сгенерированных в полноценную уникальную мысль [4]. Определенное представление, собранное первоначально из набора отдельных специфических признаков предмета и образующее языковое единство представление о чем-либо, и есть «понятие».

Будучи категорией мышления, понятие для адекватного восприятия и преобразования в сфере непосредственной коммуникации нуждается в вербализации, которая, благодаря наличию у участников коммуникации единого кода, позволяет воплотить понятие и донести его смысл до слушателя.

Следует, однако, отметить, что ключевым феноменом современной лингвистики выступает не понятие, а концепт, о чем свидетельствует большое количество исследований, посвященных анализу того или иного концепта. Разные подходы к анализу концепта, возможность исследовать его с различных сторон – все это является причиной множества трактовок и определений концепта, что

вносит определенную неясность и в без того сложное и многогранное явление, каким является концепт.

Так, например, по мнению С.А. Аскольдова-Алексеева, под термином «концепт» подразумевается единая оперативная единица памяти, выступающая в роли мыслительного образования [1, с. 28]. Такое определение концепта не дает его четкого отличия от понятия. Аналогичным образом и определение концепта, данное А.П. Бабушкиным, мало чем отличается от понятия: по А.П. Бабушкину, концепт, выступая в формате ментального кодирования, берет на себя функцию описания и категоризации вещей [2, с. 16].

Пожалуй, самое существенное отличие концепта от понятия дается в определении Д.С. Лихачева, который справедливо отмечал, что концепт – явление, тесно связанное с культурными установками и зависит от опыта [9, с. 12, 13]. Именно зависимость от культуры и опыта индивида, на наш взгляд, обуславливает принципиальное отличие концепта, как носителя культуры, от понятия. Именно поэтому основными факторами перцепции концепта являются менталитет, национальность и комплексные особенности той или иной лингвокультуры.

Первостепенным демаркационным фактором между понятием и концептом является природа их образования. Термин «концепт» взят из математической логики, но успешно прижился в рамках современной лингвистики, культурологии и лингвокультурологии. Термин «понятие» заимствован из логики и философии [14, с. 42-67].

В целом, понятие характеризуется исследователями как феномен с более простой структурой, нежели концепт, так как понятие имеет в своей структуре мысль о предмете, основные характеристики объекта, в то время как структура концепта представляет собой систему, состоящую из основной идеи, эмоциональных, оценочных, ассоциативных и абстрактных признаков [8, с. 75].

Есть и альтернативная научная позиция, суть которой состоит в отсутствии необходимости кардинально разводить эти явления, представляющие собой взаимообусловленные сущности. Так, например, В.И. Карасик, В.В. Красных и др. отмечают, что в основе взаимосвязи понятия и концепта лежат отношения «часть-целое», т.е. концепт шире понятия, включает его, но не ограничивается им [20, 21].

Еще одно интересное замечание по поводу отличия понятия от концепта можно обнаружить в работах В.З. Демьянкова: понятие люди создают для того, чтобы договориться, понимать друг друга в процессе общения; концепт же не конструируется, а реконструируется людьми, это некий суперстрат, позволяющий оценивать каждого индивида или группу людей с позиции уникальных национальных и психологических особенностей, а также различать в соответствии с неповторимым жизненным, социальным, культурным опытом [6, с. 45].

Таким образом, основные различия между терминами «концепт» и «понятие» сводятся к тому, что концепт, будучи намного шире понятия, включает в себя кроме отражения общих и значимых черт об отражаемом объекте реальности, еще и идеи, оценочные, ассоциативные признаки, характерные для определенной лингвокультуры.

Попытаемся продемонстрировать различия между понятием и концептом на примере феноменов «свой» и «чужой» во французской лингвокультуре.

Феномены «свой» и «чужой» являются базовыми понятийными категориями, а также базовыми концептами, присутствующими в сознании всех народов мира, но каждый, естественно, наполняет их неповторимым, непохожим содержанием.

Важно отметить, что феномены «свой» и «чужой» часто рассматриваются с точки зрения бинарной оппозиции «свой-чужой», ввиду сложности рассмотрения каждого из элементов максимально изолированно. При всей полярности толкований, один элемент часто может представляться с помощью другого. Бинарность или дуальность данной оппозиции исследуется как способ самоидентификации любой культуры.

С древнейших времен, при столкновении с чем-то мало знакомым, с иными принципами, особен-

ностями, культурами, человек пришел к осознанию, что люди неодинаково воспринимают мир, у каждого есть **своя** собственная точка зрения. Вследствие расхождений и несовпадений каких-либо культурных явлений иной культуры с принятыми в «своей» культуре возникает понятие «**чужой**».

Понятия «свой» и «чужой» входят в список ключевых понятий межкультурной коммуникации. Данные понятия характеризуются при помощи описания специфических свойств и признаков, но без конкретно сформулированной научной дефиниции этих понятий [5, с. 36-37].

Для определения существенных свойств, зафиксированных в понятиях «свой» и «чужой» во французском языке, были проанализированы толковые и синонимические словари, что позволило определить языковые средства, отражающие наиболее важные мыслительные процессы при восприятии эмпирического объекта как «своего» или «чужого».

Понятие «свой» включает следующие значимые черты:

- Indique la possession ou l'intérêt
 - Qui appartient, est affecté en propre à quelqu'un, à quelque chose
 - Qui concerne spécialement quelqu'un
 - Qui distingue quelqu'un ou quelque chose; spécifique: Signe particulier:
 - Qui se rencontre spécialement chez quelqu'un, dans quelque chose:
 - Ce qui appartient à lui, à elle
 - Qui est inhérent à quelqu'un, à quelque chose, qui lui appartient en propre
 - Qui est lié d'amitié avec quelqu'un
- Понятие «чужой» обозначает:
- Qui n'appartient pas à la nation où on vit ou par rapport à laquelle on se place
 - Qui a trait aux relations avec les autres pays; extérieur
 - Qui n'est pas de la nature propre de quelque chose, qui est un élément rapporté
 - Qui n'est pas impliqué dans une action, qui est à l'écart
 - Qui est inconnu à quelqu'un ou peu familier
 - Qui s'est introduit dans un groupe, chez quelqu'un, sans avoir qualité pour y être admis, sans y être invité
 - Toute personne autre que soi-même, surtout considérée sur le plan moral; ensemble des personnes autres que soi-même [16-24].

В результате анализа данных феноменов «свой» и «чужой», можно выделить гибридные «понятия», основанные на максимально общих и значимых признаках, без учета таких факторов как

национальность, культура, опыт, психологические особенности индивидов.

Феномены «свой» и «чужой» можно рассматривать как «концепт», поскольку наряду с восприятием понятия и отождествлением с лексемой, возникает ряд аксиологических признаков, ассоциаций, когнитивных и эмпирических алгоритмов, культурных и прочих реминисценций, которые накапливаясь в сознании, при необходимости можно «распаковать» будто файлы формата RAR (формата архивных файлов); иными словами, выходят из формата пассивного фонового знания в активную фазу.

Таким образом, и «свой», и «чужой» можно рассматривать не только с позиции «понятия», как элементарное тождество «мыслительный феномен = понятийно-вербальное оформление», но и с точки зрения «концепта», как результат аксиологического осмысления понятия или неоднородной смысловой нагрузки концепта; сознание делает множество отсылок к хранилищам памяти, накопленной информации, а также позволяет выдать необходимую культурологическую «справку», возможно, через призму уникальной системы изложения, акцентов и интерпретации данной информации конкретными этническими группами.

В данной статье акцент делается на фразеологической репрезентации концептов «свой», «чужой».

С психологической, лингвокультурологической, философской точек зрения, данные «якорные» феномены являются «болевыми точками», поэтому явления «свой» и «чужой», возможно, изначально несут эмоциональную нагрузку. А вследствие возникновения эскалации конфликта «своего» и «чужого», вызванного различными обстоятельствами, степень эмоционального восприятия, естественно, возрастает. К примеру, это является одним из основных факторов появления новых фразеологических единиц.

Так в период конфликта между Францией и Англией в рамках Семилетней войны, возникло фразеологическое выражение **to take a French leave** «уйти по-французски», незаметно, не попрощавшись. Англичане с помощью этого фразеологизма намекали на «трусливость» французов, на то, что они сдались, «убежали» с поля боя. Каждая нация проецирует на себя самые лучшие и высокие качества, а ввиду ненависти к оппоненту реализует все творческие потенциалы для максимально унижительной характеристики для врага – «абсолютного чужака».

Но другая сторона не осталась в долгу, поскольку так же, как и англичане, не приемлет статуса «униженного». В лингвокультурный арсенал французов как бы в отместку вошел фразеологизм

S'en aller (partir) à l'anglaise «уйти по-английски, незаметно, не попрощавшись, не прощаясь».

Фразеологизмы **Traiter à l'anglaise** «поступить бесцеремонно» и **La perfide Albion** «коварный Альбион (об Англии)», вероятно, возникли в середине XIX века как результат возмущения Франции по поводу заключенной Лондонской конвенции 15 июля 1840 Англии с *великими европейскими державами* и *Турцией* в связи с египетским кризисом [19]. Мухаммед Али-паша, паша Египта являлся вассалом турецкого султана Махмуда II. Государства, подписавшие Лондонскую конвенцию, требовали от Мухаммеда Али вернуть султану все его владения, кроме Египта и Палестины. Восставший Египетский паша отклонил данное требование, решив «отстоять саблею то, что было саблею добыто», а Франция всячески подстрекала египетского пашу к дальнейшему сопротивлению. Подписав эту конвенцию, официальный Лондон рассчитывал изолировать с политической точки зрения и ослабить влияние Франции на Ближнем Востоке [18].

Началом политических отношений между Францией и Турцией стал союз, заключенный между Франциском I и Сулейманом Великолепным в XVI веке. В целом, отношения долгое время были довольно дружественными, этим сближением объясняется появление множества французских заимствований в турецком языке. И.В. Бойчук полагает, что в связи с тем, что для Турции наиболее престижной моделью стала именно Франция, именно французский язык стал ведущим источником заимствований [3; с.42]. Другими факторами появления заимствований стали: открытие в XVIII веке в Стамбуле школ с преподаванием на французском языке, интерес к французской литературе.

Появление таких фразеологических единиц с негативной коннотацией с французской стороны как **Les amis ne sont pas des Turcs** «друзья снисходительны друг к другу» (букв. друзья – не турки), **C'est un vrai Turc** разг. «он сущий варвар» (букв. это настоящий турок), является, вероятно, реакцией на действия антифранцузской коалиции, в которую вошла в частности, Турция. В августе 1798 г. был создан план действий военно-морских сил коалиции на Средиземном море, в соответствии с которым русско-турецкая эскадра должна была освободить от французов Ионические острова, завладеть о. Корфу, идти к Родосу, а затем к берегам Египта, чтобы блокировать армию Бонапарта совместно с английским флотом [13, 15].

Французские фразеологизмы, имеющие в своей структуре компоненты **"allemand"**, **"Allemagne"**, возникли в результате сложных отношений между Францией и Германией в период франко-прусской войны. К примеру, **C'est du haut allemand pour**

moi «я в этом ничего не понимаю, это для меня китайская грамота» (букв. это старый немецкий для меня), **Querelle d'Allemagne** «пустая ссора, ссора из-за пустяков» (букв. германская ссора).

Пренебрежительный оттенок фразеологизмов **Parler le français comme une vache espagnole (comme un Basque espagnol)** «очень плохо говорить по-французски» (досл. говорить по-французски как испанская корова), **Aller (courir, marcher) comme un Basque** «идти, бежать очень быстро, бежать сломя голову» (досл. ...как баск), связан с социально-иерархическими представлениями французов.

По одной из версий фразеологизм **Parler le français comme une vache espagnole (comme un Basque espagnol)** «очень плохо говорить по-французски» (досл. говорить по-французски как испанская корова) возник в связи с тем, что в XVII веке служанки, в основном, были из Испании и Португалии и плохо знали французский язык, а слово "vache" – результат преобразования слов "basse" – "служанка" или "Basque".

Анализ вышеуказанных фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что французы критично, а иногда и с презрением относятся ко множеству народов, с которыми они сталкивались или сталкиваются в жизни. Факт любви французов к самим себе и доли неуважительности к другим народам ярко подтверждается таким фразеологизмом, как **Ce qui n'est pas clair n'est pas français** «что не ясно, то не по-французски». Кроме того, фразеологизмом **Parler français comme père et mère** «говорить на чистом французском языке», французы еще раз подчеркивают свою индивидуальность и особенность через ведущие компоненты родства и «свойскости»- «отец» и «мать».

Таким образом, даже краткий анализ некоторых фразеологизмов французского языка наглядно демонстрирует, что концепты «свой» – «чужой» намного шире аналогичных понятий, так как включают оценки и отношения, которые веками складывались у французов с соседними народами.

Литература

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. Вып. II. С. 28 – 44.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 330 с.
3. Бойчук И.В. О романо-тюркском взаимодействии (на материале французских заимствований в современном турецком языке) // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара / НИУ БелГУ; отв. ред. Т.В. Самосенкова, Л.Г. Петрова. Белгород, 2010. С. 41 – 45.
4. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. С. 8 – 33.
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
6. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35 – 47.
7. Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методич. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.
8. Красавский Н.А. Концепты «мудрость», «терпение», «целеустремленность» и «любовь» в аксиологической картине мира Германа Гессе // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. 2-е изд., испр. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. Ч. 1. С. 75 – 84.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 52. № 1. С. 3 – 99.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М.: Тетра Системс, 2004. 256 с.
11. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 176 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
13. Сацкий А. Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 57 – 65.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
15. Чернышев А. Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. М.: ВЕЧЕ, 2012. С. 69 – 93.
16. ReversoDictionnaire URL: <https://dictionnaire.reverso.net/>
17. Rémy M. Dictionnaire du français modern. Paris: Hatier, 1969. 832 p.

18. Encyclopédie Universelle URL: https://encyclopedia_universelle.fr-academic.com/
19. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne URL: <https://www.larousse.fr/>
20. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Никитина С.А. и др. Большой русско-французский словарь. М.: Русский язык, 2000. 561 с.
21. Гак В.Г., Мурадова Л.А. и др. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык. Медиа, 2005. 1628 с.
22. Полный русско-французский словарь МультиТран / MultiTran Russian-French dictionary (Rus-Fra) URL: <https://multitrans.com>
23. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Даусс М.Ф. Русско-французский словарь. М.: Юнвес Лист, 1996. 788 с.
24. Яндекс Переводчик URL: <https://translate.yandex.ru>

References

1. Askol'dov-Alekseev S.A. Koncept i slovo. Russkaja rech'. Novaja serija. L., 1928. Vyp. II. S. 28 – 44.
2. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1996. 330 s.
3. Bojchuk I.V. O romano-tjurkskom vzaimodejstvii (na materiale francuzskih zaimstvovanij v sovremennom tureckom jazyke). Jazyk professional'nogo obshhenija i lingvisticheskie issledovanija: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. Seminara. NIU BelGU; otv. red. T.V. Samosenkova, L.G. Petrova. Bel-gorod, 2010. S. 41 – 45.
4. Vorkachev S.G. Koncept schast'ja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologičeskogo analiza. Krasnodar, 2002. S. 8 – 33.
5. Grushevickaja T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii: uchebnik dlja vuzov. Pod red. A.P. Sadohina. M.: JuNITI-DANA, 2003. 352 s.
6. Dem'jankov V.Z. Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke. Voprosy filologii. 2001. № 1. S. 35 – 47.
7. Zaharova L.A., Shuvaeva A.V. Slovar' molodjozhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta): uchebno-metodich. posobie. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 126 s.
8. Krasavskij N.A. Koncepty «mudrost'», «terpenie», «celeustremennost'» i «ljubov'» v aksiologičeskoj kartinе mira Germana Gesse. Chelovek. Jazyk. Kul'tura: sb. nauch. st., posvjashh. 60-letnemu jubileju prof. V.I. Karasika: v 2-h ch. otv. soled. V.V. Kolesov, M.V. Pimenova, V.I. Terkulov. 2-e izd., ispr. Kiev: Izdatel'skij dom D. Burago, 2013. Ch. 1. S. 75 – 84.
9. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka. Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. 1983. T. 52. № 1. S. 3 – 99.
10. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika: ucheb. posobie. M.: Tetra Sistems, 2004. 256 s.
11. Pimenova M.V., Kondrat'eva O.N. Konceptual'nye issledovanija. Vvedenie. M.: FLINTA; Nauka, 2011. 176 s.
12. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST; Vostok-Zapad, 2007. 314 s.
13. Sackij A. Fedor Fedorovich Ushakov. Voprosy istorii. 2002. № 3. S. 57 – 65.
14. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Izd. 3-e. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 982 s.
15. Chernyshev A. Russkij flot v vojnah s napoleonovskoj Franciej. M.: VEChE, 2012. S. 69 – 93.
16. ReversoDictionnaire URL: <https://dictionnaire.reverso.net/>
17. Rémy M. Dictionnaire du français modern. Paris: Hatier, 1969. 832 p.
18. Encyclopédie Universelle URL: https://encyclopedia_universelle.fr-academic.com/
19. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne URL: <https://www.larousse.fr/>
20. Shherba L.V., Matusevich M.I., Nikitina S.A. i dr. Bol'shoj russko-francuzskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 2000. 561 s.
21. Gak V.G., Muradova L.A. i dr. Novyj Bol'shoj francuzsko-russkij frazeologičeskij slovar'. pod red. V.G. Gaka. M.: Rusckij jazyk. Media, 2005. 1628 с.
22. Polnyj russko-francuzskij slovar' Mul'titran. MultiTran Russian-French dictionary (Rus-Fra) URL: <https://multitrans.com>
23. Shherba L.V., Matusevich M.I., Dauss M.F. Russko-francuzskij slovar'. M.: Junves List, 1996. 788 s.
24. Jandeks Perevodchik URL: <https://translate.yandex.ru>

*Dzakhova V.T., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Skripai I.I., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

**PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF THE TERMS "NOTION"
AND "CONCEPT" (BY THE MATERIAL OF THE ANALYSIS
OF FRENCH PHRASEOLOGICAL UNITS)**

Abstract: the purpose of the study described in this article is to demonstrate the differences between the concepts and notion that stand in French for the lexemes friend or foe. The relevance of the study is due to the fact that the terms "concept" and "notion" continue to be considered in some linguistic studies as identical and synonymous phenomena. Meanwhile, as the results of the study show, the binary concepts of friend or foe are much broader than similar concepts, since they include evaluative components and associations characteristic of French culture. The fundamental difference between a concept and a notion lies, first of all, in the fact that it is part of a certain linguistic culture, bears the imprint of a specific mentality associated with national ideas and ways of reflecting the surrounding reality, with its specific relationship to neighboring peoples. The concept, as a reflection of the most significant features of a certain object of reality, basically coincides with representatives of different nationalities, since it reflects the universal human ability to cognize the surrounding reality, being, first of all, a category of thinking. Getting into a specific culture, the notion are "saturated", "enriched", overgrown with certain associative links, becoming already concepts as a category of linguoculturology.

Keywords: concept, notion, French language, friend or foe

*Моисеева А.А., преподаватель,
Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НОРМАЛЬНОГО И АНОМАЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: работа посвящена исследованию нормального и аномального на материале русской фразеологии с параметрической семантикой. Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью оценочной оппозиции «норма-аномалия» и необходимостью более подробного описания выше-названной категории. В статье представлен анализ экспрессивно-оценочных возможностей фразеологизмов. Осмысливается связь категории оценки с категориями градуальности и интенсивности. Кроме того, уделено внимание анализу средств выражения нормального и аномального на лексическом, словообразовательном и морфологическом уровнях русского языка. Источниками языкового материала послужили фразеологические словари, а также примеры текстов сайта «Национального корпуса русского языка». Результаты исследования вносят вклад в теорию лингвистической категории оценки и могут быть использованы как для расширения словарных статей, так и в качестве учебного материала для преподавания русского языка в вузах, в том числе русского как иностранного.

Ключевые слова: категория оценки, норма, аномалия, фразеология, параметрическая норма, аксиологическая норма

Оппозиция «норма-аномалия» входит в число оценочных категорий русского языка. При этом замечено, что нормальное, в отличие от своей противоположности, относительно слабо представлено в языке. Всё, что может быть обозначено словами *средний, обычный, нормальный* или *стандартный*, хотя и имеет неограниченную область применения к предметам и явлениям, редко выражается эксплицитно. «Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [2, с. 65]. Ярче представлены объекты оценки, находящиеся на противоположных точках градационной шкалы, а не «золотая середина». Ещё в античной философии отмечалось, что она не всегда имеет наименование. Такова в первую очередь **параметрическая норма**.

Языковые единицы способны выражать отношение к норме или аномалии. Было обнаружено, что семантические различия между антонимичными параметрическими прилагательными заключаются в отношении к норме. Для всех параметрических прилагательных семантика нормы, с которой связаны представления о среднем размере, является общей. Но в отношении характеристик предметов и явлений, не имеющих точного измерения, параметрическая лексика практически неприменима. Оценочные прилагательные, например, *правильный* и *неправильный*, способны выражать оппозицию «норма-аномалия», однако в этом случае норма находится не в середине, а соответствует значению «хорошо». Такие нормы в русском языкознании получили название **аксиологических норм**.

Параметрические нормы не обладают формальной определенностью, выражаясь в основном за счёт аномалий. Те или иные параметры могут меняться в зависимости от размерно-ко-

личественных характеристик объекта. Тем не менее, параметрические нормы, так же, как и аксиологические, отклоняются не только в сторону недо-стижения, но и в сторону превышения. Оптимальность – обязательная характеристика аксиологических норм, которые определяют ценность того или иного объекта (напр.: смелый, умный, мудрый), «у параметрических норм проявляется нерегулярно, поскольку количество и качество предмета не связаны друг с другом непосредственно» [5, с. 23-31].

Наиболее очевидным отклонением от параметрической нормы являются **изменения размеров, количеств и параметрических пропорций**. Великаны и лилипуты вызывают больше эмоций, чем люди среднего роста. В случае необходимости описания среднего значения «автор нередко прибегает к одновременному отрицанию обоих экстремальных предикатов, например: «*В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Гоголь)*» [2, с. 82].

Традиционно в лингвистике исследование нормы как оценки начинается с параметрических прилагательных. Они образуют антонимические пары типа *большой – маленький, высокий – низкий, длинный – короткий* и т. п., различие между которыми может быть возведено к противопоставлению «*больше нормы*» – «*меньше нормы*». Степень отклонения от нормы определяется посредством соотнесения объекта со средней мерой, которая обозначает норму.

Параметрические прилагательные способны образовывать сравнительную степень и т.н. степени качества. Слабая, умеренная или высокая степень отклонения от нормы может выражаться с

помощью суффиксов: -оват- (*длинноватый*), -енек/-онек (*долгонек, коротенек*), -ав/-ощав- (*худощавый, моложавый*), -ейш/-айш- (*сильнейший, крепчайший*), -ущ- и -енн- (*здоровущий, здоровенный*); а также префиксами: по- (*покрепче, побольше*), пре- (*преобладающий*), сверх- (*сверхбыстрый, сверхдальний*). Усиление признака также выражается различными повторами, например: *полным-полно, видимо-невидимо, много-премного* и т.д. Таким образом, умеренная степень признака соответствует норме.

Параметрическая лексика также способна описывать явления, которые не совпадают с центром градуальной шкалы, но и не выходят за пределы нормы, а, значит, не приобретают отрицательную оценку. Например, не обладают семантикой аномальности параметрические прилагательные в словосочетаниях *большая девочка и маленький мальчик, крупный кабачок и мелкая щебенка, длинный пояс и короткий рукав, толстая тетрадь и тонкая тетрадь* и т.д.

Оппозиция «норма-аномалия» может быть представлена в виде функционально-семантического поля с ядром, в котором находятся стереотипные представления носителей языка об оптимальных размерах и количестве объектов определённого класса, окружённым периферийной семантикой. Причем представления, занимающие центральное место, т.е. значение нормы, обычно не имеют специальных средств обозначения.

Одно из самых употребляемых средств, которое выражает превышение относительно параметрической нормы – это формы прилагательных с суффиксами *-ейш/-айш-*, а также с префиксом *наи-*. Приставки и суффиксы превосходной степени сравнения чаще всего указывают на наличие аномального. Например: *наименьший, наибольший, мельчайший, крупнейший, нижайший, кратчайший, длиннейший, глубочайший и наиглубочайший, толстейший* и др. Или с префиксом *пре-*: *пребольшой, прекрупный, претонкий, пренизкий, превысокий*; а также повторы: *большой-пребольшой, маленький-премаленький, длинный-предлинный* и т.д.

Семантика нормального и аномального также обнаруживается в производных от параметрических прилагательных именах существительных и наречиях: *карлик – гигант; лилипут – великан; малютка – громадина; чуточка, капелька, крошка, крупица – уйма* и т.д. Параметрические признаки существительных могут выражаться уменьшительно-ласкательными аффиксами: -ок/-ик/-чик (*ключик, ротик, носик, лопушок, лучик*), -ец (*хлебце*), -к(о)/-ышк(о) (*пятнышко, облачко*), -к(а)/очк(а) (*курочка, звездочка, горка, норка*), -иц(а)/-ц(а) (*дверца, рожица*), -к(и)/-ик(и)/-чик(и)

(*руковички, часики, брючки*), -ц(а) (*перильца*), -шк- (*городишко, домишко*), -ушк(а) (*избушка, домишка*), -ёшк(а) (*рыбёшка*), -онк(а) (*собачонка, ручонка, ножонка, девчонка*); увеличительными суффиксами – суффиксы -ин(а) (*детина, голосина*), -ищ- (*городище, умище, голосище*) и др. Однако уменьшительно-ласкательные суффиксы не всегда обозначают аномалии. Семантический компонент «меньше нормы» также служит для выражения ласкательного значения. Русские уменьшительные суффиксы насыщеннее увеличительных. В семантику «таких слов, как *бородища, домина, домище, мужчина, ножища, ручища* входит представление об очень большом размере соответствующих предметов. В значение слов типа *голосина, голощице, жарыща, сучища, холодина* входит представление об очень большой степени или интенсивности соответствующих явлений» [1, с. 146]. В тех случаях, когда уменьшительность выражает пренебрежительную оценку, объект расценивается как аномалия.

Одним из часто встречаемых средств выражения аномального является наречие-интенсификатор *слишком*. Например: *слишком большой – слишком маленький; слишком высокий – слишком низкий* и т.п. Среднее значение в данном случае будет выражаться прилагательным *нормальный*: *нормального размера, нормальное количество, нормальное расстояние*. Исследователи отмечают связь между категорией оценки и категорией интенсивности. Интенсификация появляется «как результат аксиологической интерпретации говорящим действительности и создаваемых им текстов, оценка же не обязательно предполагает усиление, хотя и обладает способностью варьирования в соответствии со значениями шкалы интенсивности» [8, с. 89].

Синонимы наречия *слишком* также способны участвовать в создании семантики аномального: *излишне, чересчур, чрезмерно, чрезвычайно, весьма, шибко, зело, изрядно, необычайно, чертовски* и др. Низкая степень интенсивности обозначается меньшим количеством синонимов: *мало, не очень, немного, слегка, чуть, чуть-чуть, не так уж*, что свидетельствует о преобладании оценки «больше нормы» в русском языке. При этом отметить, что сами по себе адвербиальные средства низкой степени интенсивности не выражают семантику отклонения от нормы, а скорее находятся на ее периферии (*ср. мало воды – слишком мало воды; немного длинное платье – чересчур длинное платье*).

Потенциалом для лингвистических исследований в этом направлении обладают фразеологические единицы в связи с наличием у них важного отличительного признака – «оценочного значения» [6, с. 148]. Выделяют *фразеологизмы с соб-*

ственно оценочным значением, обладающие этим качеством постоянно, и **фразеологизмы с оценочным употреблением**, оценочное значение которых зависит от контекста. В большей степени оценочной функцией обладают субстантивные и адъективные фразеологические единицы, тем не менее, глагольный вид фразеологизмов также способен выражать оценку. В некоторых случаях её усиливают отрицательные частицы *не* и *ни*, предлог *без* или приставки с отрицательной семантикой.

Среди микрополей, выражающих норму и её антиномию, можно выделить следующие: **собственно параметрическую норму** (количественные и размерные характеристики оцениваемого объекта); **степень целостности объекта** («сверхкомплект», «недокомплект»); **стабильность и общее положение дел**; **норму психического здоровья человека; умения и умственные способности; норму поведения человека и восприятия его в обществе**. Каждая разновидность выделена на основании тех особенностей, которые присущи представлению в языке аномалий, соотносимых с конкретной нормой, и рассмотрена на примере фразеологизмов, причем установлено, что они способны выражать как параметрическую, так и аксиологическую разновидность нормы. В настоящей статье представлен анализ фразеологических единиц **собственно параметрической нормы**.

На фразеологическом уровне норма и обыденность находят ещё меньше способов для эксплицитного выражения. Нормальное не обладает эмоционально-экспрессивными качествами, характерными для идиоматического языка. Например, устойчивый оборот *ни много ни мало (ни больше не меньше)* по своему компонентному составу предположительно должен занимать центральное положение на градуальной шкале. Тем не менее, значение фразеологической единицы – «именно, как раз» [12] – хотя и может быть соотнесено с семантикой «именно столько, сколько нужно, нормально», обладает разговорно-экспрессивной окраской и в высказываниях, как правило, обозначает большое количество чего-либо. Например: *А прожила я с ним ни много ни мало – пять лет* (Улицкая) [10].

В большей степени фразеологизмы с параметрической семантикой выражают аномалию, нежели норму. Так синонимами антонимичной пары «слишком маленький – слишком большой» являются следующие фразеологизмы: **слишком маленький** (*ростом не вышел, метр с кепкой, от горика два вершка, от земли не видать, с палец (с ноготок), с гулькин нос, с иголку (с булавочную иголку)*); **слишком большой** (*ростом под потолок*

(*ростом с небоскрёб*), *верста коломенская, каланча пожарная, дубина стоеросовая, с локоток (мужичок, борода), с гору*). В данном случае норма имплицитна и может быть выражена свободным сочетанием *нормальный размер*.

Фразеологизм *ростом не вышел* обладает пренебрежительным разговорным оттенком и входит в группу глагольных фразеологизмов, которые выражают оценочное значение, не утрачивая глагольных категорий вида и времени. Отрицательная частица *не* интенсифицирует оценочную функцию и вместе с тем является одной из форм проявления модальности. Это фразеологическое сочетание, несмотря на умеренность экспрессивности, употребляется в случае необходимости подчеркнуть, что объект оценки не входит в нормативную систему: – *Я хочу быть в полку. – Мало ли чего ты еще захочешь! Ростом не вышел... Иванов! В какую роту зачислен недоросль Александр Суворов?* (Григорьев) [10]. В других случаях аномалия является способом обратить внимание на достоинства объекта оценки: – *А ты не гляди, миленький, что я ростом не вышел; я, душа моя, такие дела дельвал, что другому даже в генеральских чинах во сне не приснится.* (Салтыков-Щедрин) [10]. Противительный союз *а* усиливает семантику чужеродности.

Антонимичный фразеологизм *ростом под потолок* имеет варианты: он может выражать значение «в рамках нормы» (*Фрицы рыжие, ростом под потолок. Подходит одна немка в полушубке: «Где Москва?»*), а может обозначать отклонения от неё (*Холодильник оказался ростом под потолок, серебристо-серым, как ракета с ядерной боеголовкой, чудищем, беспорядочно набитым до отказа разноцветной, заведомо несъедобной снедью, в количестве, достаточном для стратегических запасов небольшой страны!* (Веселова) [10].

Просторечное и иронично окрашенное выражение *метр с кепкой* (и его синонимы *метр с кепкой в прыжке, метр без кепки*) обозначает объект оценки (чаще неодушевлённый) очень маленького роста – ниже нормы. Например: *Сам – метр с кепкой, а туда же, «бросить пантеру»* (Запашный) [10].

Фразеологизм *верста коломенская* отображает стереотипные представления о «неодинаковом отношении к превышению нормы в росте у мужчин и женщин» [3, с. 109] Верста играет роль эталона длины, высоты объекта, обычно – человеческого тела. Образ и вместе с ним оценка формируются с помощью метафоры и гиперболы, которые также используются в синонимичных фразеологизмах *телеграфный столб, Останкинская башня, высокий как жердь, ростом с небоскрёб, каланча пожарная*. Например: *Таня за этот год*

так пошла в рост, что было ясно – для балета она потеряна. «Ну, куда такую **версту коломенскую** на сцену!» – думала Анна Ивановна [3, с. 109].

Выражение возникло в связи с тем, что в XVII веке во времена царствования Романова Алексея Михайловича в село Коломенское была проложена дорога, вдоль которой установили верстовые столбы. Их высота была значительно выше столбов, установленных на других дорогах. Сильное впечатление, которое они произвели, надолго отложилось в народной памяти и легло в основу фразеологизма. «Это был первый опыт обозначения видными знаками верстовых измерений, существовавших издавна в одном лишь призрачном представлении с обязательно неточностью самой меры» [7, с. 77].

Фразеологизм *от горшка два вершка* обладает семантикой меры длины. Он может быть употреблён в отношении к неодушевленным объектам: *А тут ещё против меня шебаршил маленький радиоприемничек – от горшка два вершка – и мешал мне читать: передавали скрипичный концерт Чайковского* (Грекова) [10]; и в значении «слишком молод для того, чтобы»: – *Пигалицы, от горшка два вершка, а туда же!* (Григорян) [10].

Как и фразеологизм *верста коломенская*, синонимичные или антонимичные ей *от горшка два вершка*, *метр с кепкой*, *каланча пожарная*, *дубина стоеросовая*, основываются на древней мифологической форме осознания окружающей действительности через аналогию «вещь – человек» и являются сочетанием элементов предметно-пространственного и антропного культурных кодов.

Важное место среди перечисленных фразеологических единиц занимает выражение *дубина стоеросовая*, т.к. оно может относиться к типу «умственные способности», и в то же время обозначать слишком большие размеры объектов оценки. В русской культуре сложился стереотип о дураке, характерным признаком которого «является зрелый возраст и большой рост и противопоставление небольшому интеллекту, физическая развитость – умственной неразвитости; ср. в фольклоре: *Ростом с меня, а умом с теля; Голова как у вола, а всё кажется мала; Брода выросла, а ума не вынесла; С лешего (с чёрта) вырос, а ума не вынес; Ростом с Ивана, а умом с болвана; Нос с локоть, а ума с ноготь; Велик бы детина, да глуп; Большой, а дурной*». [3, с. 195] Например: *Среди мальчишек-учеников я чувствовал себя Ломоносовым в Греко-латинской академии – и, возможно, за спиной моей так же шептались: «Гляди-ка, какая **дубина стоеросовая** учиться грамоте собралась!...»* (Лазарчук, Успенский) [10].

Устойчивые сочетания *с палец (с пальчик)*, *с ноготок (сам с ноготок, мужичок с ноготок)*, *с булавочную иголку*, *с гулькин нос* (в значении очень мал; совсем маленький) преимущественно представляют собой конструкции «имя существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом + предлог», либо «имя прилагательное с предлогом + имя существительное в косвенном падеже» (последнее – субстантивное словосочетание с предлогом). Обращает на себя внимание тот факт, что почти все перечисленные фразеологические единицы (кроме выражения *с гулькин нос*) способны соотноситься как с антропным культурным кодом, так и с предметным, а объект оценки может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Например: *Дрались, оказывается, из-за улова: одной-единственной рыбёшки с палец величиной* (Грекова) [10]; *Ранец за плечами тяжело нагружён книгами, шинель до пят, сам с ноготок*. (Вересаев) [10]; *Они отправились в город. Город был маленький, с гулькин нос* (Носов) [10].

Фразеологизмы с семантикой «слишком мало – слишком много»: **слишком мало** (*с гулькин нос (с воробьиный нос), (как) капля в море, (как) кот наплакал, всего ничего, на один зуб, на гроши, полтора человека/ по пальцам пересчитать*); **слишком много** (*через край, выше крыши, куры не клюют, невесть сколько, (сверх, не) без меры, до черта, до чертиков*). В данном случае норма обозначается устойчивым выражением *в меру*.

Фразеологизм *с гулькин нос* сочетается с понятиями: ум (*У него ума с гулькин нос.*), деньги (*Да ничего, с гулькин нос, десять да пятнадцать рублей*) (Белов) [10], место или пространство (*Земельки-то во владениях, наверно, с гулькин нос, кафтаньишко рваный, шпаконка ржавая, а гордости, как у столбового боярина*) (Есин) [10]. Ценность может представлять любой объект, а его недостаточное количество оценивается как отклонение от нормы: *Снега с гулькин нос, толком и не покатаешься* (Хейг).

Устойчивое выражение *капля в море* обозначает особенно малое количество чего-либо в сравнении с чем-то «огромным или по сравнению с остальной частью, с тем, что может или должно быть. Имеется в виду, что число предметов, людей, организаций, объём информации, результаты деятельности и под. (Z) являются мизерными, несопоставимо малыми» [3, с. 326]. Трансформировавшись, идиома стала использоваться в значении «несоразмерно малого» количества. Например: *Ситцевая мануфактура – хорошо поставленное дело, но это только микроскопическая капля в море промышленности* (Чарская) [10].

Фразеологизм *кот наплакал* основывается на стереотипных представлениях о поведении жи-

вотного – кот не умеет плакать. Образ, подразумевающий ничтожно малое количество чего-либо, создан с помощью приёма "небывальщины", «характерном, в частности, для фольклора (ср. когда рак на горе свистнет), выступает как эталон минимальной меры материальной, интеллектуальной или духовной собственности» [3, с. 334]. Например: *Радости-то сейчас у нас – кот наплакал* (Балашов) [10]; *Пахотной земли – кот наплакал, да и была она худородной* (Бару) [10].

Той же семантикой обладают устойчивые сочетания *всего ничего* и *на один зуб*, которые также соотносятся как с конкретными объектами высказывания, так и абстрактными: *Пахотной земли в местечке осталось всего ничего, под зерновые же не используется ни один гектар* (Саврасов) [10]; *До премьеры осталось всего ничего, а ты никак текст не выучишь* (Геласимов) [10].

Частица *ни* в сочетании с фразеологизмом *на грош* обозначает отклонения от нормы. Например: *В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии* (Лермонтов) [10]; *Словом, помощи от него не было ни на грош*. (Хайт) [10].

Устойчивое выражение *по пальцам пересчитать* подразумевает, как правило, недостаточное количество неодушевленных предметов или одушевленных объектов, осознаваемых как ценные. Например: *Гениев – приличных людей, можно по пальцам пересчитать* (Мацанов) [10].

Фразеологизм *через край* сочетается с глагольными компонентами *бить*, *хватить*, *переливаться*, *переваливать/перевалить*, *перехлестывать*. Глагол *бить* полисемичен, одно из его значений – «извергаться, стремительно вытекать наружу», таким образом, фразеологизм входит в «антропную метафору, отображающую представление о потере контроля интеллектуально-волевым "Я" над эмоциональным "Я", которое, проявляясь во внешнем мире, выходит за пределы допустимой "нормы"» [3, с. 40]. Компонент *край* в составе устойчивого сочетания обозначает предел проявления эмоций, энергии, желаний и т.п. В составе безличного предложения выступает в роли именной части сказуемого. Например: *Это было так чрезмерно, так грубо, так через край – что в ухе визжало!* (Солженицын) [10]; *Никак ты через край хватил сегодня, так у тебя от питья-то ум помешался!* (Сумароков) [10].

В основе фразеологизма *выше крыши* (а также *сверх меры*, т.е. больше меры), как и в основе устойчивых сочетаний (*как*) *капля в море*, (*как*) *кот наплакал*, находится сравнительная степень. Субстантивный компонент является эталоном измерения, обозначая рукотворный и обыденный объект. Все, что количественно превышает его, признается ненормальным. Например: *Только не*

плачь, не разводи сырость, тут и так ее выше крыши (Завершнева) [10].

В выражении *без меры* степень аномальности увеличивается в связи с наличием отрицательного компонента *без*, утверждающим отсутствие всякой меры, а, значит, и нормы. Среди синонимов данного фразеологизма обнаруживаются прилагательные с отрицательным префиксом *без/бес*: *безгранично*, *безмерно*, *бесконечно*, *беспредельно*. Устойчивое сочетание *без меры* широко распространено и способно обозначать как очень большое количество чего-либо, так и высокую степень интенсивности действия или состояния. Например: *Всё в этом театре было грандиозным: злодейство – без меры, смех – гомерический* (Еремеева) [10]; *Она преследовала меня без меры и совети, сделалась гонительницей, тиранкой моей* (Достоевский) [10].

В антонимичные отношения с фразеологизмом *без меры* вступает устойчивое сочетание *в меру*, обозначая собой эксплицитную норму. Например: *Однако – ничего сверх, всё в меру, всё аккуратно* (Слаповский) [10]; *Обыкновенная русская баба, в меру ревнивая и бранчливая, в меру экономная и обиходная, годная, если нужда заставит, работать день и ночь на свой дом и семью* (Обертон) [10].

Однако добавление отрицательного предлога *не* меняет семантику высказываний на противоположную: *Я был не в меру разгулявшийся молодой человек, что отца заметно расстраивало* (Кю) [10]; *И как мы тут могли жить? Но шумно как-то не в меру. Оглядываюсь и вижу, что попала к концу какого-то страшного события* (Мордюкова) [10].

Фразеологизм *куры не клюют* обозначает избыток чего-либо, преимущественно денег. Образ основан на наблюдениях за домашними птицами, которые, как правило, всегда клюют хотя бы по зернышку и, если даже куры пресыщены какой-либо пищей, значит, её имеется более чем достаточно (ср. *Работы столько, что куры не клюют*). Тем не менее, возможность рассматривать данный фразеологизм в качестве аномалии во многом зависит от прагматического потенциала конкретного высказывания. Например: *Хотя изо дня в день нам внушают, что денег у страны куры не клюют* (Юров) [10]. В данном случае скорее имеется в виду, что денежных средств достаточно, то есть столько, сколько нужно. Ср.: – Э, да у вас, гражданин, червонцев-то куры не клюют (Булгаков) [10] – т.е. по мнению говорящего денег слишком много для одного человека, а, значит, их обладатель мог бы отдать излишек.

Также контекстуально зависима фразеологическая единица *невесть сколько*. В словарях обна-

руживаются два значения: во-первых, «не особенно много», а, во-вторых, «очень много» [12]. Следует отметить, что слово *невесть*, выступая в качестве наречия, передаёт семантику неизвестности (*Ушел из дома невесть когда/Живет он невесть где.*); незначительного, однако не выходящего за рамки нормы, количества (*– Остались деньги? – Невесть сколько.*); чего-либо чрезвычайного (Ср.: *Он невесть как обиделся на неё, так что через день другой они помирились/ Он невесть как обиделся на неё и больше они не разговаривают*); а в качестве местоимения-существительного *невесть что (кто)* обозначает нечто необыкновенное, грозное или удивительное (*В темноте мерещится невесть что/Приняли тебя за невесть кого!*).

Фразеологизм *до чёрта* (а также *до чёртиков*) так же многозначен: устать, обозлиться и т. п. до чёрта (*Ты папу сейчас не дёргай, он злой до чёрта – у него на работе что-то случилось. (Реч.) – Ну, как ты живёшь? – Да нормально, всё хорошо. Работы только очень много – устаю до чёрта. (Реч.)*), а также «необыкновенно много» [3, с. 187]. В зависимости от контекста семантика отклонения от нормы может иметь место и в том, и в другом случае. Подразумевается, что живых существ или предметов, проблем, забот, работы или эмоций больше, чем способен вынести человек. Но данное устойчивое выражение обозначает аномалию не во всяком высказывании. Например, предложение «У нас с вами ещё дел *до чёрта*» не сообщает, превышает ли это количество дел норму. Ср.: *Старые люди говорят – конец света скоро: наводнений, землетрясений всяких до чёрта в последние годы* (Реч.) – т.е. бедствий настолько много, что, по мнению «старых людей», их количество неестественно и может привести к самым крайним последствиям. Или: *Надоело это «творение» до чёрта, читаю и переделываю, кусками выбрасываю и все сначала* (Чивилихин) [10] – т.е. слишком надоело – чувства, испытываемые по отношению к «творению», так сильно переполняют автора высказывания, что ему приходится прибегнуть к крайним мерам.

Отмечается, что фразеологизм *до чёрта* «соотносится с религиозно-антропоморфным кодом культуры, т.е. с совокупностью нравственных установок, а также имён, обозначающих небожителей, представителей нечистой силы и их отличительные характеристики, особенности поведения. В данном случае – с представлением об исключительной множественности чертей. В русском языке есть и другие, аналогичные, выражения, в которых с предлогом "до" соединяются различные наименования чертей: до беса, до лешего, до чемору и под» [9, с. 255]. В основе образа лежит метафора, отождествляющая большое количество

объектов измерения с «неисчислимостью нечистой силы» [3, с. 187]. Тем не менее, выражение *до чёрта* может быть использовано и для выражения предельно малого количества чего-либо. Например: – *Эх, эх, а дров до чёрта мало* (Булгаков) [10].

Синонимичное выражение *до чёртиков* в одном из значений подразумевает крайнюю степень опьянения – настолько сильную, что она намного превышает норму. Фразеологизм связан с «народными представлениями о том, что из-за пьянства человек попадает во власть к чёрту: в земной жизни черти заставляют плутать пьяных, доводят их до самоубийства или гибели, а в качестве наказания в загробном мире алкоголики вынуждены будут возить чертей на себе» [3, с. 188]. Образ фразеологизма представляет собой метафору, согласно которой слишком большое количество выпитого спиртного и связанное с этим опьянение уподобляется бесчисленности нечистой силы. Крайняя степень опьянения оценивается как ненормальное и противоестественное состояние, вызывающее галлюцинации. Например: *Кончилось тем, что Михайло-Семеновский поп стал до чёртиков напиваться; вот он нализался, да и вообразил, что дьячок зарезать его хочет, – насилу уложили его* (Кропоткин) [10]; – *До чёртиков допилась, батюшки, до чёртиков, – выл тот же женский голос, уже подле Афросиньюшки, – анамнясь удавиться тоже хотела, с веревки сняли* (Достоевский) [10]; *Напился наш гость до чёртиков, тащить его надо!* (Курицын) [10].

В широком смысле выражение *до чёртиков* имеет семантику «очень сильно, до предела, чрезвычайно» [3, с. 188] и сочетается с глаголами устать, надоесть, любить, наречием сложно и т. д. Например: *Большую частью холостяк, а если женат, то запирает жену на замок. Ревнив до чёртиков. Шуток не понимает* (Чехов) [10]; *Я вертелся там, как волчок, скандалил, ругался и измаялся до чёртиков* (Горький) [10]; *Однако довольно, так пожалуй договоришься до чёртиков, а мне бы этого не хотелось, ибо вы знаете, что я вас люблю искренно, несмотря на ваш талант заставлять меня перхать кровью* (Фет) [10].

Таким образом, в рамках параметрической нормы основанием оценки становятся стереотипные представления о размерных и количественных параметрах объекта или о степени проявления того или иного процесса. Норму выражают прилагательные *нормальный, обычный, средний* и устойчивое сочетание *в меру*. Антонимы, обозначающие аномалию, находятся в отношении контрарной противоположности, т.к. между ними возможен «средний, промежуточный член» [11, с. 9]. Даже будучи имплицитным, он играет роль точки отсчета.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. М.: Школа Языка русской культуры, 1995. . 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 784 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Ефанова Л.Г. К вопросу о параметрических нормах // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 22 – 31.
6. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
7. Крылатые слова и выражения русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 510 с.
8. Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика: курс лекций. М.: Ступени: Инфра-М, 2002. 160 с.
9. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Наука: Флинта, 2007. 464 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.09.2021)
11. Новиков Л.А., Львов М.Р. Антонимия и словари антонимов // Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1978. С. 5 – 27.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка (А.И. Федорова) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 25.09.2021)

References

1. Apresjan Ju.D. Izbr. tr.: v 2 t. M.: Shkola Jazyki russkoj kul'tury, 1995. . 2: Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. 767 s.
2. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. Otv. red. V.N. Telija. 4-e izd. M.: AST-PRESS ShKOLA, 2019. 784 s.
4. Vol'f E.M. Funkcional'naja semantika ocenki. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.
5. Efanova L.G. K voprosu o parametricheskix normah. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija. 2013. Vyp. 1 (21). S. 22 – 31.
6. Zhukov V.P. Russkaja frazeologija. M.: Vysshaja shkola, 1986. 310 s.
7. Krylatye slova i vyrazhenija russkogo naroda. M.: Jeksmo-Press, 2001. 510 s.
8. Miloslavskij I.G. Kul'tura rechi i russkaja grammatika: kurs lekcij. M.: Stupeni: Infra-M, 2002. 160 s.
9. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi: istoriko-jetimologicheskie ocherki frazeologii. M.: Nauka: Flinta, 2007. 464 s.
10. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashhenija: 25.09.2021)
11. Novikov L.A., L'vov M.R. Antonimija i slovari antonimov. Slovar' antonimov russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1978. S. 5 – 27.
12. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka (A.I. Fedorova) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (data obrashhenija: 25.09.2021)

*Moiseeva A.A., Lecturer,
Syzran branch of Samara State University of Economics*

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PARAMETRIC SEMANTICS AS A MEANS
OF EXPRESSING NORMAL AND ABNORMAL IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract: the work is devoted to the study of normal and abnormal on the basis of Russian phraseology with parametric semantics. The relevance of the chosen topic is due to the insufficient study of the evaluative opposition "norm-anomaly" and the need for a more detailed description of the above category. The article presents an analysis of the expressive and evaluative possibilities of phraseological units. The connection of the evaluation category with the categories of gradation and intensity is comprehended. In addition, attention is paid to the analysis of the means of expressing normal and abnormal at the lexical, derivational and morphological levels of the Russian language. Phraseological dictionaries, as well as examples of texts from the website of the National Corpus of the Russian Language, served as sources of language material. The results of the study contribute to the theory of the linguistic category of assessment and can be used both to expand vocabulary entries and as educational material for teaching Russian in universities, including Russian as a foreign language.

Keywords: evaluation category, norm, anomaly, phraseology, parametric norm, axiological norm

*Николаева Е.С., кандидат филологических наук, доцент,
Барабанова И.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ЭВФЕМИЗМОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема перевода эвфемизмов с английского на русский язык в современном медиадискурсе. Данная проблема приобретает особую значимость, поскольку в последние десятилетия появление эвфемизмов происходит с высокой интенсивностью. Это обусловлено тем, что язык непрерывно обновляется, каждый день в языке появляются заимствованные слова и фразы, которые выполняют кроме номинативной функции также эвфемистическую функцию. Использование эвфемистической лексики в речи благоприятствует успешной коммуникации, позволяет интерпретировать реальность в выгодном для собеседника направлении, обеспечивает бесконфликтное коммуникативное сотрудничество с адресатом и соблюдение правил вежливости. На данный момент эвфемизмы активно используются в экономической сфере, которая направлена на эмоциональное воздействие на граждан страны и на принятие социально-политических решений. Сфера экономики интересна тем, что является малоизученной с лингвистической точки зрения. В ходе исследования были установлены наиболее часто используемые трансформации при переводе эвфемизмов на русский язык.

Ключевые слова: эвфемизм, английский язык, русский язык, дискурс, экономический дискурс, перевод, способ перевода

К настоящему моменту существует большое количество исследований, посвящённых проблеме эвфемии. По наблюдениям М.Л. Ковшовой, теоретические основы изучения эвфемии заложены в работах многих известных российских учёных. Например, мы можем проследить особенности развития и тенденций эвфемизмов в работах Л.А. Булаховского, А.А. Реформатского, Б. Ларина, А.М. Кацева, Н.С. Арапова [6]. Эвфемистическая лексика чаще всего описывает общественную жизнь, а именно предпочтения, намерения общества, а также его страхи. Эвфемизмы показывают важность различных событий в жизни людей и негативные чувства, связанные с ними [8, с. 86]. Необходимо отметить, что эвфемизации подвергается речь людей разного возраста, профессий и самых разнообразных сфер деятельности [2].

Главным критерием, позволяющим отличить эвфемизм от смежных явлений (синонима, сленга, жаргонизма, стилистических явлений, таких как метафора, метонимия, перифразы), является изменение оценочного знака высказывания с отрицательного на положительный (например, слово «defence» (оборона) может использоваться как эвфемизм к слову «attack» (нападение). По наблюдениям М.Л. Ковшовой, термин «эвфемизм» обозначает смягчающее выражение нетактичного, неприличного или грубого высказывания по отношению к слушающему. Использование эвфемизмов предоставляет говорящему в тактичной форме указать на какие-либо отдельные изъяны собеседника, либо на недостатки в его поступках, деяниях, пояснить в чем причина данных недостатков, а также оказать поддержку собесед-

нику, чтобы исправить отдельные отрицательные черты его характера [6].

Рассмотрим определение эвфемизма, которое даёт Л.Л. Нелюбин: «Эвфемизм – слово или выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые предоставляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [10, с. 253].

О.С. Ахманова характеризует эвфемизм как «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с. 584]. В.П. Москвин, напротив, оспаривает данное определение. По мнению учёного, эвфемизмы и тропы выполняют различные функции. «Эвфемизм является средством смягчения, поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию» [9, с. 68].

С точки зрения Ю.М. Скребнева «эвфемизмы заменяют табуированные обществом названия на менее оскорбительные, которые кажутся не такими прямыми, мягкими, безобидными и менее обидными» [15, с. 54]. Также определение эвфемизма встречается у И.Р. Гальперина, который характеризует эвфемизм как «слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они находятся в словарном составе языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия» [4, с. 164].

Необходимо отметить, что человеческий фактор является определяющим при выборе и использовании эвфемизмов, эвфемизмы должны соответствовать структуре и стилистическим особенно-

стям речи, условиям и задачам общения, содержанию переданной информации, выбранному типу и стилю изложения, автору и адресату. И если использование эвфемизмов определяется функциями, которые они могут выполнять, то ответственность за интерпретацию и раскрытие содержания и смысла несёт адресат, в то время как основная задача реципиента – точно понять, осознать и объяснить идею, выдвинутую собеседником. Интерпретация и перевод эвфемизмов, возможны только при наличии необходимых знаний, если контекст чётко раскрывает их значение или его можно расшифровать на основе типа семантического изменения, в котором происходит эвфемизм слова [5]. Перевод эвфемистических единиц непосредственно связан с контекстом, одинаковые лексемы в разных текстах могут нести разную смысловую нагрузку.

На данный момент существуют несколько различных взглядов по поводу классификации эвфемизмов, которые выражают стремление многих исследователей понять суть эвфемизма и объяснить его структуру.

Е.П. Сенчикова выделяет виды эвфемизмов с точки зрения их современного бытования: 1) девфемизмы; 2) исторические эвфемизмы; 3) эвфемизмы по происхождению; 4) языковые эвфемизмы, которые закреплены в языке и осознаются его носителями; 5) окказиональные эвфемизмы [13, с. 49-55].

По мнению Р.А. Будагова эвфемизмы делятся на эвфемизмы общелитературного языка и эвфемизмы различных жаргонов. К первому типу Р.А. Будагов относит эвфемизмы «смягчения» для того, чтобы не называть слишком «грубые» слова. Согласно автору, такие эвфемизмы попадают в литературный язык, тем самым способствуют развитию его словарного состава, расширяя полисемию и увеличивая количество омонимов. Совсем по-другому устроены эвфемизмы жаргонов. Они отличаются от эвфемизмов общелитературного языка тем, что эвфемизмы жаргонов употребляются даже тогда, когда нет такой необходимости. Р.А. Будагов выделяет контекстуальные эвфемизмы. Они более сложны и их необходимо рассматривать в контексте ситуации [3].

Согласно К. Барриджу, эвфемизмы выполняют шесть функций: защитный эвфемизм (для того, чтобы избежать обиды); скрытый эвфемизм (для того, чтобы ввести в заблуждение); возвышающий эвфемизм (для преувеличения каких-либо явлений); провокационный эвфемизм (для вдохновения и стимулирования); связующий эвфемизм (для того, чтобы проявить солидарность); смехотворный эвфемизм (для того, чтобы веселить и развлекать) [18].

Классификация Х. Роусона также достойна внимания. Исследователь выделяет положительные и отрицательные эвфемизмы. Положительные эвфемизмы, за счёт того, что они преувеличивают и приукрашивают свойства предмета, заставляют эвфемизированные предметы казаться более величественными и важными, чем они есть на самом деле. Негативные эвфемизмы, напротив, преуменьшают свойства объекта, занимают оборонительную позицию, искореняя из языка все, с чем люди предпочитают не иметь дела напрямую. Согласно Х. Роусону, положительные эвфемизмы включают множество причудливых профессиональных названий, которые успокаивают эго работников, повышая их статус работы. Например, сторож для дворника или менеджер по клинингу вместо уборщик [19].

Следует отметить, что положительные и отрицательные эвфемизмы, согласно Х. Роусону, делятся также на бессознательные и сознательные эвфемизмы. Так как бессознательные эвфемизмы появились очень давно, многие не осознают их изначальную этимологию и используют их, соответственно, бессознательно, без цели завуалировать какое-либо явление. Х. Роусон приводит в пример слово «cemetery» – «кладбище», оно заменило более грубое слово «graveyard» – («могильный двор»). Сознательные эвфемизмы представляют собой гораздо более сложную категорию, что неудивительно, учитывая изобретательность и изворотливость человеческого разума. Сознательные эвфемизмы облегчают социальный дискурс. Однако они также приводят к двусмысленности. Именно эта природа эвфемизмов делает их такими привлекательными для тех людей, которым есть что скрывать, которые не хотят говорить, что они думают, и которым удобно лгать о том, как они поступают в тех или иных ситуациях. Данные эвфемизмы Х. Роусон обозначает «нечестными» и приводит в пример эвфемизм «executive action» – «исполнение», вместо «murder» «убийство» [19].

Приняв во внимание приведённые выше классификации эвфемизмов, можно сделать вывод, что благодаря разнообразию классификаций эвфемизмов данное явление довольно многоаспектно и обширно. Этот факт помогает отметить особую роль эвфемизмов в современной лингвистике.

В настоящее время эвфемизмы являются важным составляющим всех средств массовой информации. Благодаря своим свойствам смягчать сказанное, эвфемизмы получили широкое применение в СМИ. Практически в каждой новостной статье или в выпуске новостей мы можем заметить использование эвфемизмов. Поскольку они используются в различных контекстах, можно столкнуться с эвфемизмами во многих сферах дея-

тельности [11].

Из-за стремительного развития экономики стран и напряженных отношений на политической арене лексический состав статей в СМИ подвергаются большим изменениям. Использование эвфемизмов стало распространённым явлением, так как они могут «смягчить» какие-либо грубые слова и выражения или сделать текст статьи более нейтральным, а также способствовать манипулированию как массами людей, так и своими политическими соперниками [17].

В политической и экономической сферах чаще всего эвфемизмы употребляются с целью завуалировать явление, которое вызывает негативную оценку общества и массовое возмущение за счёт создания нейтральной или положительной коннотации [12].

Таким образом, задача СМИ состоит в том, чтобы целенаправленно воздействовать на формирование общественного мнения при помощи реализации определенно заданного манипулятивного воздействия. Следует добавить, что ассоциации, как нейтральные, так и позитивные, которые возникают в сознании людей при использовании эвфемистической лексики, носят временный характер [16].

«Эвфемизмы недолговечны, – писал Б.А. Ларин. Существенным условием действительности эвфемизма является наличие «грубого», «недопустимого». Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований, и тогда требует новой перемены» [7, с. 120]. Эвфемизмы заменяются новыми словами, которые актуальны для определенного исторического периода [14].

Тема экономики в СМИ на сегодняшний день не остаётся незамеченной. Во-первых, пандемия вызвала экономический кризис как в экономике отдельных стран, так и в мире в целом. Поэтому существует неопределённость и страх в отношении возможных последствий пандемии для мировой экономики. Во-вторых, многие страны вводят санкции в качестве ответа на действия отдельных лиц, организаций или государств, которые, по их мнению, представляют угрозу их интересам или международной безопасности, тем самым влияя на привычную работу разных отраслей, провоцируя экономический кризис. Поэтому эвфемизмы активно используются в экономической коммуникации, поддерживают определенный культурный уровень речевого общения и помогают успешному бизнесу.

В англоязычных СМИ, связанных с экономической сферой, часто используется эвфемизм

«stagnation» (стагнация) в значении экономического кризиса, спада. Это связано с тем, что слова иностранного происхождения часто бывают не понятны для аудитории, что позволяет скрыть действительность и истинное положение дел.

Стагнация = экономический кризис, спад:

Under economic stagnation, limited purchasing power has threatened the living standards of the Russian electorate and risks invigorating political opposition [20].

В условиях экономической стагнации ограниченная покупательная способность пошатнула уровень жизни российского электората и рискует укрепить политическую оппозицию [20].

В данном примере был использован приём калькирования.

Эвфемизм «vulnerable citizens» (уязвимые граждане) используется в англоязычных СМИ для того, чтобы избежать негативных ассоциаций по отношению к экономической ситуации в стране. Также данный эвфемизм помогает избежать коммуникативного конфликта и не задеть чьи-либо чувства, так как он используется по отношению к малообеспеченным слоям населения.

Уязвимые граждане = малообеспеченные граждане:

In this sense, Trump's election was enabled by the neoliberal policies of the Clintons and Obama that overlooked the plight of our most vulnerable citizens [20].

Избрание Трампа стало возможным благодаря политике, которая игнорирует трудное положение наших самых уязвимых граждан [20].

В данном примере был использован приём калькирования.

Эвфемизм «to recover» (восстановиться) часто используется в англоязычных СМИ в значении «выйти из кризиса».

Восстановиться = выйти из кризиса:

Russia struggles to recover [20].

Россия борется за выход из кризиса [20].

В данном примере был использован приём логического развития (модуляции).

Эвфемизм «massive consequences», «worst effects» (тяжёлые последствия) в данном контексте подразумевает ужесточение экономических санкций либо снижение цен.

Тяжёлые последствия = экономические санкции:

Its worst effects have come in energy markets [20].

Но самые тяжёлые последствия испытывает энергетический рынок [20].

В данном примере был использован приём калькирования.

Эвфемизм «engine» (мотор) обозначает явление, которое является причиной осуществления

экономического процесса.

Мотор экономического роста = явление, которое является причиной осуществления экономического роста:

For 15 years, China has been a key engine of global growth [20].

Уже на протяжении 15 лет Китай является основным мотором глобального экономического роста [20].

В данном примере был использован приём калькирования.

Рассмотрев определения эвфемизмов и их ведущие признаки, которые дают учёные-лингвисты, можно сделать вывод, что эвфемизм – это единица, которая используется для смягчения грубых и резких выражений, чтобы адресант мог добиться своей цели в процессе коммуникации. Большинство изменений, которые происходят в обществе и языке, в первую очередь отражаются в средствах

массовой информации. Рассмотрев эвфемизмы, которые связаны с экономическими явлениями, мы можем отметить, что данная группа эвфемизмов отличается тем, что в экономической сфере существуют как периоды стремительного взлёта, так и кризисы. По этой причине в языке появляются новые эвфемизмы, маскирующие негативные события. Основная роль экономических эвфемизмов состоит в камуфлировании процессов, связанных с экономическими проблемами в стране, например, экономическим кризисом, чтобы не вызвать волнений среди населения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данной сфере много терминов, поэтому главным способом перевода послужил такой переводческий приём как калькирование. Среди других переводческих приёмов можно выделить добавление и логическое развитие (модуляцию).

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов 2-е изд., стер. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Бородина А.Н., Черникова Н.В. Функции эвфемизмов в современной речи: в сборнике: Перспективы науки. 2017: Материалы VI Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. Научный редактор А.В. Гумеров. 2017. С. 260 – 264.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учебное пособие. М.: Добросвет-2000, 2003. 544с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 448 с.
5. Горбачева О.А. Особенности перевода эвфемизмов с английского языка на русский (на материале художественной литературы и языка СМИ). Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2016. № 1. С. 416 – 422.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 453 с.
7. Ларин Б.А. Об эвфемизмах. Проблемы языкознания. Л., 1961. 224 с.
8. Миронина А.Ю. Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник Вятского Государственного Гуманитарного Университета. Киров: Изд-во Вятского гос. ун-та, 2010. № 2. С. 86 – 89.
9. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 106 с.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 320 с.
11. Парахина К.А. Особенности функционирования эвфемизмов в текстах средств массовой информации на примере газеты «Комсомольская правда». Филологический аспект. 2016. № 6. С. 26 – 28.
12. Решетняк И.А. Специфика политико-экономических эвфемизмов на примере английских СМИ. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 12. С. 145 – 149.
13. Сенчикова Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. 151с.
14. Сибул В.В., Куксова А.В. Общение в эпоху коронавируса: функционирование эвфемизмов в медиадискурсе. Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 47 – 65.
15. Скрёбнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 221с.
16. Харитонова В.Ю. Эвфемизм как средство непрямого общения. Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 110 – 116.
17. Хортова А.И., Кириллова А.В. Способы передачи эвфемизмов с английского языка на русский на материале текстов различной жанровой принадлежности // В сборнике: материалы Международной научной конференции молодых учёных. 2017. С. 674 – 677.

18. Burrige K., «Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages », 2012. P. 66.
19. Rowson H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Castle Books. New York, 2002. P. 312.
20. ИноСми <https://inosmi.ru/>

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov 2-e izd., ster. M.: Sov. jenciklopedija, 1969. 608 s.
2. Borodina A.N., Chernikova N.V. Funkcii jevfemizmov v sovremennoj rechi: v sbornike: Perspektivy nauki. 2017: Materialy VI Mezhdunarodnogo zaochnogo konkursa nauchno-issledovatel'skih rabot. Nauchnyj redaktor A.V. Gumerov. 2017. S. 260 – 264.
3. Budagov R.A. Vvedenie v nauku o jazyke: uchebnoe posobie. M.: Dobrosvet-2000, 2003. 544s.
4. Gal'perin I.R. Oчерki po stilistike anglijskogo jazyka. M.: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1958. 448 s.
5. Gorbacheva O.A. Osobennosti perevoda jevfemizmov s anglijskogo jazyka na russkij (na materiale hudozhestvennoj literatury i jazyka SMI). Konferencium ASOU: sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferencij. 2016. № 1. S. 416 – 422.
6. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. 3-e izd. M.: LENAND, 2016. 453 s.
7. Larin B.A. Ob jevfemizmah. Problemy jazykoznanija. L., 1961. 224 s.
8. Mironina A.Ju. Jevfemizm kak javlenie jazyka i kul'tury (lingvisticheskij i lingvokul'turologicheskij analiz). Vestnik Vjatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta. Kirov: Izd-vo Vjatskogo gos. un-ta, 2010. № 2. S. 86 – 89.
9. Moskvina V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'. 3-e izd. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007. 106 s.
10. Neljubin L.L. Tolkovyj perevodcheskij slovar'. 5-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2008. 320 s.
11. Parahina K.A. Osobennosti funkcionirovanija jevfemizmov v tekstah sredstv massovoj informacii na primere gazety «Komsomol'skaja pravda». Filologicheskij aspekt. 2016. № 6. S. 26 – 28.
12. Reshetnjak I.A. Specifika politiko-jekonomicheskikh jevfemizmov na primere anglijskikh SMI. Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya. 2012. № 12. S. 145 – 149.
13. Senichkina E.P. Jevfemizmy russkogo jazyka: Speckurs: ucheb. posobie. M.: Vysshaja shkola, 2006. 151s.
14. Sibul V.V., Kuksova A.V. Obshhenie v jepohu koronavirusa: funkcionirovanie jevfemizmov v media-diskurse. Voprosy prikladnoj lingvistiki. 2021. № 41. S. 47 – 65.
15. Skrebnev Ju.M. Osnovy stilistiki anglijskogo jazyka: Uchebnik dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov 2-e izd., ispr. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 221s.
16. Haritonova V.Ju. Jevfemizm kak sredstvo neprjamoj kommunikacii. Jazyk i mir izuchaemogo jazyka. 2016. № 7. S. 110 – 116.
17. Hortova A.I., Kirillova A.V. Sposoby peredachi jevfemizmov s anglijskogo jazyka na russkij na materiale tekstov razlichnoj zhanrovaj prinaldlezhnosti. V sbornike: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchjonyh. 2017. S. 674 – 677.
18. Burrige K., «Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages », 2012. P. 66.
19. Rowson H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Castle Books. New York, 2002. P. 312.
20. InoSmi <https://inosmi.ru/>

*Nikolaeva E.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Barabanova I.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Rostov State University of Economics*

THE PROBLEM OF TRANSLATION OF EUPHEMISMS IN ECONOMIC DISCOURSE IN THE ENGLISH MEDIA

Abstract: the article deals with the problem of translation of euphemisms from English into Russian in modern media discourse. This problem is of particular importance, as over recent decades, euphemisms have been appearing intensively. It happens due to the fact that the language is constantly changing: every day borrowed words and phrases appear in the language, which, in addition to the nominative function, also perform an euphemistic function. The use of euphemistic vocabulary in speech promotes successful communication, helps to interpret reality in a favorable direction for the interlocutor, ensures conflict-free communicative cooperation with the recipient and follows the rules of politeness. At present euphemisms are actively used in the economic sphere, which is directed towards the emotional impact of the country's citizens and making socio-political decisions. The sphere of economics is interesting because it is poorly studied from a linguistic point of view. During the research the most frequently used ways of translating euphemisms from English into Russian transformations were determined.

Keywords: euphemism, the English language, the Russian language, discourse, economic discourse, translation, way of translation

*Сперанская Н.И., кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный учитель РФ,
Яцевич О.Е., кандидат философских наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

СЕМАНТИКО-КОННОТАЦИОННОЕ ПОЛЕ АНТИНОМИЙНЫХ КОНЦЕПТОВ «ЗДОРОВЬЕ-БОЛЕЗНЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: исследователи из разных областей научных знаний, много столетий пытаются определить болезнь, используя общенаучные и частнонаучные методологические подходы, которые, несмотря на их разность, зачастую дают сумму понятий относящихся к концептосфере «здоровье». В представленной авторами статье рассматриваются антитетические концепты «здоровье – болезнь» через призму семантико-этимологического анализа и лингвокультурологического дискурса в разрезе сравнительно-исторического сопоставления. Методологической базой изучения выступили работы Э. Дюргейма, Б. де Куртенэ, Ф. Соссюра и Г. Спенсера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, В.А Афиногеновой, С.Г. Белоножкина, М.В. Гавриловой, Ж. Кайзера, Г. Лассуэла, Б. Мэттью.

Новизна исследования заключается в использованном авторами этимологическом анализе концепта «здоровье», позволившем выделить его центральные компоненты, которые объясняются через антиномийную составляющую здоровья, что обогащает науку новым пониманием столь важного вневременного понятия.

Ключевые слова: концепт «здоровье/болезнь», лингвокультурологический дискурс, этимология, диахрония

Введение

Социально-экономические реалии сегодняшнего дня акцентирует важность качества жизни индивида и человечества в целом, что включает в себя самые разнообразные аспекты: повышение производительности труда, интеллектуальное развитие, аккумуляцию жизненного опыта, уровень образования, состояние здоровья отдельного индивида. Лингвокультурологический дискурс о здоровье является вневременной константой, тем самым акцентируется абсолютная аксиологичность здоровьесбережения, его значимость для отдельного человека, микро- и макро социума. Самое распространенное представление о здоровье определяется через отсутствие заболеваний. Данная характеристика в ходе развития человечества претерпела существенные изменения и расширила свое содержание, включая физические, психические, социальные показатели. Современное поколение является свидетелем острейшего противоречия: с одной стороны, бурное развитие медицины (способность купировать и полностью избавиться от некогда неизлечимых заболеваний), а с другой стороны, она испытывает недостаток собственных возможностей и ресурсов для обеспечения здоровья человека в широком его понимании, поскольку он является предметом и объектом скрупулезного изучения множества научных дисциплин.

Целью данного исследования является рассмотрение содержания антиномийных концептов «здоровье-болезнь» в лингвокультурологическом дискурсе о здоровье через решение следующих задач:

- изучить индоевропейскую языковую семью на предмет данных понятий;
- выявить наличие архетипических символов, языковых формул, устоявшихся и трансформировавшихся диахронически;
- определить специфику их семантико-коннотационных полей;
- разграничить ядро и периферию (языковые, культурные, социальные особенности), описать динамичность их развития.

Объектом представленного исследования выступают концепты «здоровье - болезнь», а предметом стали лексемы данного семантико-коннотационного поля.

Материалы и методы исследования

Методологическим основанием исследования послужили работы следующих авторов: Э. Дюргейма, Б. де Куртенэ, Ф. де Соссюра и Г. Спенсера, занимавшихся структурным анализом; в представленном нами исследовании выделяются лексемы, позволяющие иерархически выявить стержневые и переменные составляющие концептов «здоровье/болезнь»; М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, использовавших феноменологический метод; при анализе терминов нами был сделан упор на рефлексивный и интринсивный опыт; В.А Афиногеновой, С.Г. Белоножкина, М.В. Гавриловой, применявших интент-анализ, конструирующий интенции автора через его субъективное оценивание.

Ж. Кайзера, Г. Лассуэла, Б. Мэттью, предложивших контент-анализ; в рамках нашего изыскания основополагающими являются количественно-качественные характеристики.

Методы исследования: анализ (этимологический, коннотационный, семантический, аксиологический, стилистический), обобщение, лингвокультурологическое и сравнительно-историческое сопоставление.

Источниками изучения послужили словарные статьи (толковые, этимологические, тематические, двуязычные словари).

В ходе работы было выдвинуто предположение, что концепт «здоровье – болезнь» имеет характерные национально-культурные особенности, наделенные собственной аксиологической градацией. Языковая картина мира каждого отдельно взятого народа является неким рефлексивным зеркалом, отражающим представления о состоянии здоровья в онтогенезе. Лингвокультурологический анализ представляет собой связующее звено при рассмотрении этно-национальной картины мира и лингво-гносеологического сознания.

Семантико-коннотационный анализ ключевых концептов

Считаем целесообразным изучить понятие концепта, которое рассматривается в трудах многих ученых (Верещагин Е.М., Воркачев С.Г., Красных В.В., Костомаров В.Г., Лихачев Д.С., Телия В.Н., Фрумкина Р.М. и др). Фрумкина Р.М. определяет «концепт» как вербализованное понятие, отраженное в культурологических категориях [7, с. 6-9]. Существенны для нашего исследования замечания Лихачева Д.С., выделяющего лингвокультурную специфику и семантическую природу данного феномена, что весьма красноречиво характеризует носителей разнообразных этнокультур [4, с. 211]. Более того, данный ученый подчеркивает, что концепт отражает этническое мировидение народа, формирует национальную языковую картину мира, однако, в то же время является элементарной частицей знания, отражающей содержание человеческой деятельности в целом, поскольку не образовывается непосредственно из значения слова, а является результатом взаимодействия словарного значения с личным и народным опытом человека, окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

Проведем этимологический анализ концепта «здоровье», осуществив сопоставительное сравнение в индоевропейской языковой семье. В немецком языке лексема *gesund* – имя прилагательное, со значениями «не больной, здоровый, полезный» (древневерхненемецкий *gisunt(i)* «сильный, не больной, целый и невредимый») зародилось в 8 веке. Как известно, древние немецкие племена, будучи кочевниками, часто меняли места своего обоснования, для лечения несложных заболеваний пользовались растениями, травами, находящимися в ареале их обитания. С развитием письменности,

древние германцы фиксировали свои наблюдения в лечении кашля, кровотечения, диареи.

Средний ново-немецкий зафиксировал *gesund* (среднесаксонский *gisund*, средний нидерландский *ghesont*, нидерландский *gezond*, английский *gesund*), вероятно, в переходный период вошла в обиход германская форма **ga-sunda-*, которая восходит к современной *geschwind* «проворный» (южно-немецкой). Эти формы восходят к индоевропейскому **sunto-* (на дальнейшем этапе **sunto*), присоединяются значения «вооруженный, здоровый». В 8 веке входит в обиход существительное женского рода *Gesundheit* (здоровье, состояние здоровья), средневерхненемецкий *gesuntheit*; поздний древнегерманский *gisuntī* «Unverlettheit» (неприкосновенный), средневерхненемецкий (среднегерманский) *gesunde, gesundheit*. В 10-11 веках появляется глагол *gesund-* «выздоровливать», «*gesundwarden*», древнегерманские *gisuntēn*, «*gesund sein*», средневерхненемецкий *gesund*, *gesunten* «делать здоровым, оставаться, становиться» [10]. Считается, что Конрад фон Вюрцбург (1220/30-87), лирический поэт, писатель-дидактик, впервые употребил данную словоформу [13].

Древнеанглийский *hælf* «целостность, существо целое, или здоровое» берет начало от протогерманского ** hailitho* с протогерманским абстрактным суффиксом существительного **-itho* от индоевропейского ** kailo-* «целое, неповрежденное, с хорошим предзнаменованием» (источник также древнеанглийский *hal* «*hale, whole*», старонорвежский *heill* «здоровый», древнеанглийский *halig*, древнескандинавский *helge*, «святой, священный»; древнеанглийский *hælan* «лечить»). Абстрактное существительное используется для обозначения целого, а не для исцеления, на среднеанглийском шла речь о физическом здоровье, процветании, счастье, благополучии, сохранности, безопасности. Значение «приветствие» (в тосте и т. д.), пожелание блага, процветания относится к 1590-м годам, с 1848 года – новая коннотация «здоровая пища». Во французском языке зафиксировано в 1826 году существительное с семантикой «телосложение», восходит к латинскому *physicus* (естественное), физика (греческое слово *physikos* – физический), «природа» (от индоевропейского корня ** bheue-* «быть, существовать, расти») [12].

В русском языке словоформа «здоровый» связана с «деревом» (крепкий, надежный, долговечный, большой, сильный). В славянской группе языков: украинский *здоровий*, древнерусский *сѣдоровъ*, старославянский *сѣдравъ ѱυϋς*, болгарский *здрав*, сербохорватский *здрав*, *здрава*, словенский *zdrav*, *zdrava*, чешский, словацкий *zdravý*, польский *zdrowy*. В древнеславянском **sъdorъvъ*,

где *sz* восходит к древне-индоевропейскому *su* «хороший». [6, с. 345].

Толковые словари дают следующие описания слову «здоровый, -ая, -ое; -ов.»: обладающий здоровьем, не больной (В здоровом теле здоровый дух. Долго болел, а теперь здоров.); выражающий, обнаруживающий здоровье (вид, румянец); полезный для здоровья (здоровая пища); в переносном значении – полезный, правильный (здоровая идея, критика) [5].

Возможно, лексема «здоровье» связана со словом «дар», «дарование», [3] если брать фонетические особенности произношения слов, позднее была образована редуцированная форма «здравие». Древнеримское *salve* – «привет, будь здоров» до сих пор остается во многих языках в форме *salut-* «привет», в испанском форма *salud* переводится как «здоровье», во французском *salubrite* имеет значение «чистота, гигиена, целебность» [9]. Ставшее формулой речевого этикета общепринятое приветствие «Здравствуй» оформилось в языке к концу 17 века в значении: «желаю, чтобы ты оставался здоровым» [8]. Рукописи середины 11 века (1057 год) сохранили до нашего времени эти уместные и сегодня пожелания здоровья, счастья, силы. Копирование клишированных заграничных приветствий привело к зарождению калькированных словосочетаний (добрый день, доброе утро и добрый вечер), которые, однако, появились хронологически позже «добрь здоровь». Встречи и прощания начинались с пожелания здоровья. Этимологически с жизнью, энергией, здоровьем связана форма «гой», часто встречающаяся в былинных повествованиях и происходит от индоевропейского корня **gī* – «жить». В древнерусском «житии» употреблялось в значении «кормиться, питаться, выздоравливать». В.И. Даль выделяет глагольную форму «гойть» (жить, говеть, здравствовать). В белорусском языке «загаіц» (вылечить, заживить, залечить) [1]. В известном стихотворении Сергея Есенина, автор желает Родине процветания, сохранения своей культуры и самобытности [2, с. 234].

Этимологический анализ концепта «здоровье» позволил выявить его кордовые компоненты: целостность; процветание; счастье; благополучие; долговечность; дар. В славянских и германских языках присутствуют атрибуты «сильный», «крепкий». В то же самое время семантико-коннотационное поле включает в себя антиномийный контент: лечить; не больной; чистота; гигиена. В связи с этим целесообразным видится рассмотрение дополняющего понятия «болезнь».

Прилагательное «больной» имеет значение «не здоровый, страдающий». В 13 веке в древнем

верхненемецком *kranc* – слабый, в средневерхненемецком *kranc* – слабый, бессильный, маленький, узкий, низкий, плохой, в позднем средневерхненемецком – страдающий, не здоровый (и после этого древний саксонский, южно-немецкий были вытеснены). Новый средненемецкий *crank*, средний ново-голландский *cranc*, голландский *krank*, древний немецкий *krankolōn* означает «споткнуться, оступиться», а в древнем английском *cranc* и *crancstæf* – изогнутый инструмент, используемый при ткачестве; английский *crank* (кривошип) Ц производное от *crīncan* «падать в бою» (на самом деле «сгибаться, перегибаться»). Возможно, в литовском языке *gręžti* «поворачивать, поворачивать, сверлить» возвращается к гуттуральному типу произношения **greng* – или **greng*, многократно распространенных и сформированных индоевропейским корнем **geṛ-* «вращать, приводить в движение ветром». Для описания больных имеет значение «согнутый, кривой из-за слабости». В 15 веке появились существительные мужского рода *Kranker* (больной – тот, кто болен) и женского рода *Krankheit* (болезнь, физическое или психическое/душевное расстройство, страдание), а также глагол *krenken* (ослаблять, унижать, наносить вред, свести на нет, известить, обижаться), в 16 веке – глаголы *kranken*, *kranksein* (болеть, слабеет время от времени, приболеть). В 17 веке добавляются смыслы «немошный из-за болезни, старости», а в 19 веке – «заразиться». Необходимо отметить, что в 1512 в венгерском языке появляются составные существительные *desskrankgelczwegen*, а в 1683 – в немецком языке *Krankengeld* (деньги, которые заболевший работник получает от работодателя *Hamburgkranckengeldt* в случае болезни), *Krankenhaus* – больница (1832 год), *Krankenschein* – больничный (1846 год).

Наибольший пик употребления морфемы – *krank-* пришелся на конец 1980 годов [11]. Семантико-этимологический анализ концепта «болезнь» акцентирует атрибутивные характеристики (слабый, бессильный, плохой, маленький, немошный, узкий) и глаголы (споткнуться, падать в бою, унижать, заразиться, слабеет) с негативными коннотациями.

Диахроническое изучение антитезы «здоровье-болезнь» в индоевропейской языковой семье позволило выявить формирование семантико-коннотационных нюансов рассматриваемых концептов и прийти к выводу, что феномен «здоровье» является ядром для развития периферийного смыслового каркаса понятия «болезнь».

Литература

1. Гой еси. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 05.05.2022)
2. Есенин С.А. «Гой ты, Русь, моя родная...». Москва: АСТ, 2017. 84 с.
3. Здоровье. Этимология. Русский язык для нас. URL: <https://rusforus.ru/viewtopic.php?t=2800> (дата обращения: 05.05.2022)
4. Лихачев Д.С. Избранные работы. Москва: Академия, 1987. С. 200 – 218.
5. Ожегов С.И. Толковый онлайн-словарь русского языка С.И. Ожегова. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 01.02.2022)
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4. т. Около 4000 слов. Изд-во АСТ. 2009. Т. 1. 588 с.
7. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2003. 320 с.
8. Этимология этикетных речевых формул русского языка. URL: <http://www.russiansociety.org/94/etimologiya-etiketnyih-rechevyih-formul-russkogo-yazyika/> (дата обращения: 28.01.2022)
9. Этимология. URL: <https://pr-franciscus.livejournal.com/63649.html> (дата обращения: 28.01.2022)
10. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. URL:<https://www.dwds.de/wb/Gesundheit> (дата обращения: 17.02.2022)
11. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute: URL:<https://www.dwds.de/wb/Krankheit> (дата обращения: 17.02.2022)
12. Etymon online. URL:<https://www.etymonline.com/word/health> (дата обращения: 18.03.2022)
13. Köbler G. Woerterbuch. URL:<http://www.koeblergerhard.de/der/DERG.pdf> (дата обращения: 19.03.2022)

References

1. Goj esi. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija: 05.05.2022)
2. Esenin S.A. «Goj ty, Rus', moja rodnaja...». Moskva: AST, 2017. 84 s.
3. Zdorov'e. Jetimologija. Russkij jazyk dlja nas. URL: <https://rusforus.ru/viewtopic.php?t=2800> (data obrashhenija: 05.05.2022)
4. Lihachev D.S. Izbrannye raboty. Moskva: Akademija, 1987. S. 200 – 218.
5. Ozhegov S.I. Tolkovyj onlajn-slovar' russkogo jazyka S.I. Ozhegova. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (data obrashhenija: 01.02.2022)
6. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4. t. Okolo 4000 slov. Izd-vo AST. 2009. T. 1. 588 s.
7. Frumkina R.M. Psiholingvistika: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva: Aka-demija, 2003. 320 s.
8. Jetimologija jetiketnyh rechevyh formul russkogo jazyka. URL: <http://www.russiansociety.org/94/etimologiya-etiketnyih-rechevyih-formul-russkogo-yazyika/> (data obra-shhenija: 28.01.2022)
9. Jetimologija. URL: <https://pr-franciscus.livejournal.com/63649.html> (data obrashhenija: 28.01.2022)
10. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. URL:<https://www.dwds.de/wb/Gesundheit> (data obra-shhenija: 17.02.2022)
11. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute: URL:<https://www.dwds.de/wb/Krankheit> (data obra-shhenija: 17.02.2022)
12. Etymon online. URL:<https://www.etymonline.com/word/health> (data obrashhenija: 18.03.2022)
13. Köbler G. Woerterbuch. URL:<http://www.koeblergerhard.de/der/DERG.pdf> (data obrashhenija: 19.03.2022)

*Speranskaya N.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Honoured Teacher of the Russian Federation,
Yatsevich O.E., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen*

**SEMANTIC-CONNOTATIONAL FIELD OF THE ANTINOMIAN CONCEPTS
"HEALTH-SICKNESS" IN LINGUOCULTURAL DISCOURSE**

Abstract: for many centuries researchers from different fields of scientific knowledge have been trying to define a disease, using general scientific and particular scientific methodological approaches, which, in spite of their difference, often give a sum of concepts related to the conceptsphere "health". In the article, presented by the authors, the antithetical concepts "health - disease" are considered through the prism of semantic-etymological analysis and linguocultural discourse in the context of comparative-historical comparison. The methodological basis of the study was the works of E. Dürheim, B. de Courtenay, F. Sossur and G. Spencer, M. Heidegger, E. Husserl, V. Afinogenova, S. Belonozhkin, M. Gavrilova, J. Kaiser, G. Lasswell, B. Matthew.

The novelty of the research lies in the etymological analysis of the concept of "health" used by the authors, which made it possible to identify its central components, which are explained through the antinomic component of health, which enriches science with a new understanding of such an important timeless concept.

Keywords: health/disease concept, linguocultural discourse, etymology, diachrony

*Боваева Г.М., кандидат филологических наук, доцент,
Омакаева Э.У., кандидат филологических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова*

МИР ДИКОЙ ФАУНЫ В ЗЕРКАЛЕ КАЛМЫЦКОЙ, РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЗООФРАЗЕОЛОГИИ: БАЗОВЫЕ ЗООЛЕКСЕМЫ

Аннотация: в статье на примере ключевых анималистических маркеров калмыцких, русских и немецких зоологических фразеологических единиц (ЗФЕ) рассматривается вопрос о базовых анимализмах с ярко выраженной национально-культурной спецификой (медведь, волк, лиса, заяц и др.), лингвокультурный потенциал которых все еще недостаточно изучен. Представлены результаты сопоставительного анализа семантики ряда базовых зоономинаций (*чон / DerWolf / 'волк', аю/ derBär / 'медведь'* и др.), зафиксированных в фразеологической системе трех языков. Новизна данного исследования определяется тем, что названия диких животных в заявленном аспекте на материале трех указанных лингвокультур не подвергались системному изучению. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания калмыцко-русско-немецкого словаря зоолексики. В работе показано, что ЗФЕ в рассматриваемых языках обнаруживают как сходства, так и различия. Соответственно этому выделены три группы ЗФЕ. Сделан вывод о том, какова символика фразеологического образа того или иного дикого животного, какие ассоциации он вызывает, а, следовательно, какие качества человека ценятся в анализируемых лингвокультурах больше всего, какие действия и поступки оцениваются отрицательно, а какие положительно.

Ключевые слова: калмыцкая зоофразеология; немецкий язык, русские анимализмы, дикие животные, картина мира, лингвокультурный образ

Введение

В калмыцкой (ойратской) лингвокультуре названия диких животных служат источником образования собственных имен: антропонимов, этнонимов, топонимов [7]. В качестве примера приведем синьцзянский зоогидроним *Арсланг гол* 'Лев-река', зафиксированный во время экспедиции 2012 г. [3] и эпический зоороним *Арсланг уул* 'Лев-гора', выявленный в калмыцком эпосе «Джангар».

Представления об одном и том же диком животном по-разному преломляются в разных лингвокультурах [6]. Это особенно заметно в сфере фразеологии [1].

Цель исследования – проследить, как фразеологический образ одного и того же дикого животного представлен в языковой картине мира (ЯКМ) [5]. Достижение поставленной цели связано с необходимостью рассмотрения некоторых дискуссионных проблем, связанных с определением своеобразия зоофразеологизмов и семантики анимализмов [4]. Предпринятое нами сопоставительное описание ключевых зоолексем направлено, в первую очередь, на выявление особенностей мировосприятия разных этносов [2].

Группы зоолексем

Ниже приведен обзор характеристических зоолексем, сгруппированных в три группы: «Домашние животные», «Синантропы», «Охотничьи и другие дикие звери». [12]

И. домашние животные. Эта группа зоолексем представлена названиями наиболее известных

зверей, которые связаны с древним бытом и древними понятиями хозяйственного благосостояния и устойчивости преимущественно или только сельских (то есть первичных) поселений: баран, бык, овца, вол, лошадь, кот, коза, корова, собака, свинья. Речь идет о животных так называемой "полезной" группы, от существования, наличия, здоровья, прироста поголовья или биомассы которых зависело благосостояние каждой семьи.

Перечень высокочастотных зоолексем, которые стоит включать в курс языковой подготовки иностранных студентов, может быть немного отличным в технических и гуманитарных учебных заведениях [10].

При выборе титульных названий, используемых в списках фауны, иногда возникает вопрос (а порой и длительные споры) о правильности использования того или иного слова как единого родового или видового названия: например, бык или корова, коза или козел, баран или овца. Общей тенденцией в зоологии является фиксация названий мужского пола как основных [8].

Сложности возникают при отборе названий домашних или диких форм одного и того же вида (бык vs тур, свинья vs кабан). В курсе преподавания естественных дисциплин важно придерживаться сугубо научного, «зоологического» подхода, тогда как во время языковой подготовки иностранных студентов акцент делается на использовании форм мужского и

женского рода (козел – коза, бык – корова). Обращается внимание на стилистически окрашенные слова: например, зоолексема пес уживается преимущественно в отношении молодых, старых и добрых животных, тогда как лексема собака обозначает чаще злых или одичавших представителей этого рода.

Важными хозяйственными свойствами домашних животных является помощная сила (тягловые и вьючные животные, охрана усадеб, ловля мышей и т. п), еда (как источник белка и жиров), полезные дериваты (кожа, рога, шерсть, жир и тому подобное). Указанные свойства нередко лежат в основе наименования домашних животных, дают ценный материал для изучения языка, культуры и традиций народа, углубляют знания о фауне [11].

III. Синантропы. Группа включает виды, которые издавна известны человеку как сопутствующая фауна, и представлена названиями животных, поселяющихся возле человека в человеческих (преимущественно хозяйственных) жилищах или формирующих устойчивые поселения в смежных с человеческими жилищами местонахождениях: выверка, волчок, еж, летучая мышь, ласка, лилик, мышь, крыса, хорек, хомяк.

Поскольку в целом эти животные толерантны к присутствию человека и домашних животных, человек имеет с ними частые контакты. Но такие контакты фактически никогда не рассматриваются сквозь призму хозяйственных свойств.

Поэтому и указанные виды животных часто не имеют прямого хозяйственного значения, хотя практика хозяйствования поделила их на «полезных» и «вредных». Последние два понятия – сугубо экономические, которые измеряют прибылями или убытками в хозяйственной деятельности. Деление животных на «полезных» и «вредных» можно использовать при подборе зооназваний для знакомства с местной фауной.

Как в эпосах и сказках, так и в реальной практике хозяйствования внимание к «полезным» животных-синантропов выражается в содействии их существованию, созданию искусственных хранилищ, подкормки, тогда как «вредных» синантропов всячески отваживают самых от жилищ, усадеб и хозяйств.

III. Охотничьи и другие дикие звери. В эту группу входят названия животных, которые хорошо известны не только природопользователям, но и общественности, поскольку такие виды животных являются типичными для природных экосистем, их можно наблюдать, они узнаваемы, их наличие может быть (или исторически была важным фактором существования людей. В частности, такие животные были

объектами промысла, источником фобий или опасности. Такие животные в норме не являются синантропами или домашними.

Однако нередко они становятся объектами содержания в неволе, в частности в зверинцах и зоологических парках; именно здесь с ними чаще всего имеют контакты граждане и гости страны [9].

В десятку наиболее распространенных зоолексем этой группы входят сурок, бобр, медведь, волк, заяц, крот, куна, лис, олень, суслик. Благодаря тому, что эти виды хорошо известны в разных регионах, в языке сформировались ряды семантических синонимов: волк – волчара – серый – волк, заяц – косой – русак, крот – кертница, куна – куница – белодушка, лис – лисица, олень – волынь, суслик – оврашок — оврашка. Особенности местной фауны находят проявление в функционировании зоолексем в составе сравнительных оборотов: злой как волк, хитрый как лис, быстрый как олень, дрожит как заяц и тому подобное.

Отрасли и направления применения

Важно не только очертить круг знаковых видов, но и назвать возможные области применения их названий и использование их изображений в символикe. Языковая подготовка будущих естественников (а также филологов) предполагает знакомство со всеми названиями животных, но в техническом учебном заведении этот перечень должен быть откорректирован с учетом распространения видов и, соответственно, частоты употребления зоолексем.

Собственно, это и предложено в трех представленных выше перечнях. Учебная лексика будет варьироваться в зависимости от специализации, что будет определять подавляющее внимание к одному из представленных выше списков, в том числе для естественных, технических или гуманитарных учебных заведений.

Учитывая образовательные задачи и потребности ознакомление иностранных студентов с историей, культурой и природой Калмыкии и России в целом можно различать три основных направления применения названий видов-символов:

- 1) образовательные измерения и социализация:
 - знание эпоса и народных героев
 - знание поговорок и устоявшихся выражений
 - знание местной природы и видов;
- 2) объектные маскоты:
 - лозунги опытных или образовательных проектов
 - символика в обозначении мест или объектов

- символические названия отдельных профессиональных деталей;

3) социальная организация и пространственные замеры:

- названия творческих коллективов, спортивных команд,
- названия изобретений и др,
- прозвища друзей, известных людей.

Итак, зоолексемы содержат ценную информацию о животном мире, географии, мировоззрении народа и играют важную роль в языковой подготовке иностранных студентов.

Системность терминов зоологической номенклатуры, их производных проявляется в том, что слова объединяются в словотворные типы.

В зоологической номенклатуре (наименование млекопитающих) научные понятия выражаются существительными. Прилагательные являются элементами сложных слов и словосочетаний.

Все лексемы, означающие наименование животных, структурно подразделяются на два типа:

- зоологические номены;
- термины-словосочетания.

Значительная часть зоолексем являются древними, непроходными образованиями и с точки зрения современного языка не подлежат объяснению. Их значение могут трактовать только этимологические словари *2; 6; 9; 10+. Непроизводные лексемы, хотя в языке-основные они являются производными образованиями, делятся на две группы с точки зрения происхождения: национальные и заимствованные.

К национальным наименованиям относятся 54 зоолексемы: баран, бык, белка, бобр, бугай, валах, медведь, Вепрь, выдра, выхухоль, овца, вол, волк, горноста́й, заяц, зверь, зубр, изюбр, еж, летучая мышь, лошадь, кот, хряк, кобыла, коза, корова, крот, куна, лайка, лань, ласка, лось, мышь, нетопырь, олень, пес, поросенок, росомаха, свинья, Серна, скот, собака, Соболь, теленок, тур, суслик, хомяк, борзая, выхухоль, скот, щенок, крыса, ягненок.

Заимствованные непроизводные зоолексемы представлены 79 единицами: архар, сурок, байбак, барс, барсук, бизон, бурундук, верблю́д, вивера, газель, гепард, гиббон, гиена, горилла, дельфин, джейран, доберман, дог, дюгонь, енот, ехидна, жираф, зебра, зебу, ишак, кабан, кабарга, кашалот, кенгуру, кит, колонок, кролик, ламантин, лев, лемур, леопард, лори, лота, свинья, обезьяна, мамонт, лошадь, марал, медалян, мерин, мопс, морж, нерпа, нутрия, ондатра, опоссум, осел, панголин, панда, пантера, пинчер, приматы, рысь, сайга, косуля, сирена, сунс, слон, сугак, сурок, тапир, тарбаган, терьер, тигр, тушканчик, тюлень, фауна, цап, циветта, шакал, шиншилла, кляча, ягуар, ящер.

В системе исследуемой лексики они выступают немотивированными словами в словообразовательных гнездах, которые объединяют родственные слова на основе семантической общности.

Среди непроходных слов выделяются отдельные слова, которые не являются образующими и не имеют производных. Поэтому они не создают словообразовательных гнезд. Являются ли они заимствованиями и относятся к международным наименованиям животных:

- английские: боксер, бульдог, гемпшир, гну, гризли, динго, лемминг, мустанг, пойнтер, пони, сейвал, сеттер, спаниель, стиплер, финвал, фляер, шропшир;

- французские: арден, бабуин, вампир, дромадер, дромедар, маго, маки, муфлон, ньюфаундленд, павиан, першерон, прекос, рамбулье, раса, сапажу;

- тюркские: аргали, аргомак, бахмат, дзерен, ирбис, калан, каракал, корсак, кулан, манул, тарпан, харза;

- африканские: галого, геренук, канна, куду, мандрил, окапи, шимпанзе;

- немецкие: антилопа, мартышка. пудель, такса, шпиц;

- испанские: вигонь, викунья, гуанако, инфантадо, коати, лама;

- индейские: агути, карибу, коата, койот, кугуар, оцелот;

- латинские: адакс, гиппопотам, резус; – с санскрита: хорошая, гаур, гаял;

- греческие: онагры, пардус;

- арабские: мегари, мехари;

- португальские: макака, сервал;

- малазийские: орангутанг, сиаманг;

- итальянские: капуцин;

- шведские: нарвал;

- гебрайские: бегемот;

- из австралийских языков: коала.

В статье анализируются словообразовательные типы зоологических номенов, образованные неморфологическим (лексико-семантическим и морфолого-синтаксическим разновидностями) способами.

Первоначальная основа зоологических номенклатурных названий-общеупотребительные слова, и поэтому все простые зооименования, обозначающие животных класса млекопитающих, в прошлом образованы лексико-семантическим способом. На современном уровне в зоологической номенклатуре создание лексем лексико-семантическим способом наименее распространено. Этим способом образованы термины котик-на обозначение морского млекопитающего из семейства ушастых тюленей,

нюфаундленд, сенбернар, доберман – наименование служебных собак, беркшир, йоркшир – наименование пород свиней. Особенность этого способа созидания терминов состоит в том, что производное слово образуется лишь путем изменения семантики образующей лексемы.

Слово, которое стало базой для семантического образования зоонаименования, продолжает употребляться в литературном языке в своем первоначальном значении: лексема котик в зоотерминологии означает животное из семейства тюленей, а в литературном языке она функционирует со значением уменьшительности и ласковости по отношению к лексеме кот. Отделившись от значения общеупотребительного слова, зоонаименования котик стало самостоятельным словом-номеном, которое является основой для образования зоотермина котик. Итак, имеем пример последовательного лексико-семантического словообразования.

Номены нюфаундленд, сенбернар в первичном значении являются географическими названиями, а в зоотерминологии означают служебных собак, которые были выведены в данных местностях. Номенклатурная единица доберман означает служебную собаку и образована на основе фамилии немецкого собаковода Л. Добермана, который вывел эту породу. Лексемы беркшир и йоркшир образованы от географических названий графств Англии, где были выведены эти породы свиней.

По мнению некоторых лингвистов, этот способ не является словосоздательным в полном смысле, потому что он не связан с появлением формально нового слова, и поэтому его лучше рассматривать в разделе, посвященном проблемам лексикологии, а не словообразование [5, с. 69]. Мы присоединяемся к авторам «Современного русского литературного языка», которые считают, что при лексико-семантическом словосоздании новая дериватема возникает с новыми грамматическими и семантическими признаками [8, с. 27]. Морфолого-синтаксическое словообразование осуществляется на основе перехода слов из одной части речи в другую.

В процессе созидания таким способом слово приобретает новое значение вследствие изменения морфологических признаков и синтаксических функций. Для зоологической номенклатуры языка характерно образование номенов путем субстантивации, то есть перехода прилагательных в разряд существительных.

Перейдя в состав существительных, прилагательные утрачивают свое значение и приобретают предметности, являющихся семантической основой существительных.

Вместе с семантикой существительного субстантивированные прилагательные приобретают грамматические признаки существительного и выполняют синтаксические функции существительного.

К этой номенклатуре относятся 138 наименований типов, классов, рядов, семей, родов, животных, которые образованы в процессе субстантивации. Употребляются они только в форме множественного числа: агутиевые, сурку, многорезцовые, бегемоту, быку, бычьи, билуговые, беличьи, бобровые, броненосцевые, медвежьи, верблюжьи, вилорогие, волчьи, водосвиночные, вомбатовые, восьмизубовые, гибоновые, гимнуровые, гиеновые, гладконосые, гоферовые, дамановые, дикобразу, дюгоневые, енотовые, ехидневые, жвачные, зайцу, зайцеобразные, заячьи, зверозубые, звероподобные, землеройки, златокротовые, зорилловые, игрунки, кабарговые, калиевые, капуциновые, утконосу, кашалотовые, кенгуровые, китовые, китообразные, клоачные, клоачные, насекомоядные, лошадиные, копытные, косатковые, кошачьи, крилановые, кротовые, куньи, кускусовые, ламантиновые, ластоногие, лемуровые, лятятовые, ленивцу, лориевые, мартишковые, мышинные, мышинные, мозоленные, моржовые, нежвачные, непарнокопытные, неполнозубые, носорожьи, нутриевые, однопроходные, оленю, олени, опосумовые, панголиновые, панцирковые, парнокопытные, пекариевые, пищаниковые, плацентные, плацентарные, полорогих, рукокрылые, свинковые, свиные, сивучие, сиреноподобные, слепцы, слоновые, собако-головые, собачьи, соневые, сумчатые, тапировые, тереквые, трубнозубные, тушканчики, тюленю, хищные, хоботные, хомяк, хордовые, хошувые, позвоночные, цебусовые, ценолестовые, черепные, цепкохвостые, шерстохвостые, шиншилловые, яйцекладущие, ящеровые, ящероподобные [3; 7; 1; 4я. Например: «Подобно другим игрушечных, эти имеют округлую голову с плоской мордочкой...» [3, с. 38]; «Жвачные /Ruminanta/ – подрод парнокопытных млекопитающих» [1, с. 183]; «Особый бедный здесь /фауна тундры/ видовой состав млекопитающих, из которых случается представители хищных /Carnivora/, парнокопытных /Artiodactyla/ и грызунов /Rodentia/» [3, с. 89]; «Из млекопитающих характерны неполнозубые» [7, с. 149]. Таким образом, морфолого-синтаксическим способом образовано значительное количество лексем, поскольку процесс субстантивации характерен для терминной лексики. Анализ неморфологических способов словообразования зоолексем в составе современного языка позволяет сделать выводы:

лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы создания зооименований имеют общие черты – не использование таких аффиксов словообразования, как суффиксы, префиксы и интерфиксы.

Слова приобретают только нового лексического значения, то есть происходит процесс переосмысления имеющихся лексем в языке. Более продуктивно морфолого-синтаксическое словообразование слов: для зоономенклатуры языка характерно создание номенов путем субстантивации. А лексико-семантическое словообразование характеризуется последовательной вторичной номинацией.

Попытаемся выявить лингвокультурный потенциал базовых зоолексем в фразеобразовании. Зоофразеологизмы в разных лингвокультурах могут либо совпадать (полностью или частично), либо расходиться [16]. В связи с этим большой интерес вызывает выявление фразеологической специфики калмыцкого анималистического фрагмента ЯКМ в сравнении с аналогичным сегментом русской и немецкой ЯКМ.

Каким образом то или иное дикое животное попало в ЗФЕ? Проблематике «человек и животное в зеркале языка» посвящен ряд исследований [13]. Исследователи пишут: «Человеческое сообщество на протяжении веков накопило огромный запас знаний о животных, передаваемых из поколения в поколение (в основном через устные традиции), которые тесно связаны со многими культурными аспектами, и эти зоологические знания являются важной частью нашего культурного наследия» [12].

Зоолексема является стержневым компонентом зооморфных фразеологизмов. В данной работе многозначное слово с исходным значением ‘название животного’ имеет общее наименование *зоолексема* (синонимы фаунизм, анимализм), а для номинации отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) используются такие термины, как *зоосемизм* (прямое обозначение дикого животного) и *зооморфизм* (метафорическое обозначение человека).

Своеобразие восприятия диких животных разными этносами (в нашем случае – калмыками, русскими и немцами) нашло свое отражение в выборе зоономинаций – названий представителей дикой фауны, чьи качества и повадки ассоциативно сопоставляются с человеком. Это послужило причиной формирования вторичных ЛСВ.

Образам диких животных на материале ЗФЕ как отдельных языков, в том числе калмыцкого, немецкого и русского, так и в сопоставительном

аспекте с другими языками, посвящен ряд исследований [17, 1, 2, 3, 9, 10, 10]. Как показывает обзор литературы, многие лингвисты изучали эту проблему с разных сторон. Но сопоставительное исследование калмыцких, немецких и русских ЗФЕ в указанном выше ракурсе проводится нами впервые.

Материалом исследования послужили русские паремии [7]; немецкие пословицы, включенные в сборник «Russko-nemetsko-pol'skii slovar' aktivnykh poslovits (s inoiazыchnymi paralleliami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariiami)» [18], и калмыцкие пословицы из двух сборников паремий [6, 8].

Образ зайца (*туула/Hase*)

В калмыцкой лингвокультуре среди животных 12-летнего цикла зодиакального круга есть такие представители дикой фауны, как *бар* ‘тигр’ (1-ый год), *туула* ‘заяц’ (2-ый год), *моһа* ‘змея’ (4-ый год), *мочн* ‘обезьяна’ (4-ый год), *хулһн* ‘мышь’ (11-ый год).

Из перечисленных животных рассмотрим образ зайца (*туула/Hase*), эксплицируемый соответствующими зоолексемами. Заяц неоднозначно репрезентирован в ЗФЕ.

У калмыков, как и у русских, заяц считается символом трусости: *Хулжн туула һурвн кевтуртэ* (У трусливого зайца 3 лежбища); *туула зурк һарһх* (показать заячье сердце). У русских в ходу такие выражения, как *труслив как заяц*; *пуганый заяц и пенька боится*.

Общеизвестно, что если возьмешься сразу за несколько дел, ничего не добьешься, результата не будет: калм. *Хойр туула көөсн күн хоосн үлднэ* (Погнавшийся за двумя зайцами остается ни с чем). Ср. русск. *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*.

Калмыцкий фразеологизм на примере зайца и теленка говорит о том, что не надо мечтать о несбыточном: *туулад өвр, туһлд соя урһх* ‘ждать, когда у зайца вырастут рога, а у теленка – клыки’. В русской ЗФЕ с той же семантикой задействован только образ телят: *Телятам по-медвежьи не реветь*.

Калмыцкий фразеологизм *туула болһн эврэ гүүдлтэ* (каждый заяц по-своему скачет) подтверждает известный факт, что каждый видит мир по-своему: сколько людей, столько и мнений. В русской фразеологии для выражения этой идеи используется другой анималистический образ: *Каждая собака в своей шерсти ходит*.

Мы выявили еще ряд калмыцких «заячьих» ЗФЕ: *дамилтын туула* «подопытный заяц» (ср. «подопытный кролик»), *өвртэ туула үзх* «увидеть зайца с рогами» (сильно удивиться).

Для немцев заяц прежде всего – символ опыта. Интересно, что там, где в русских фразеологизмах фигурирует волк, в немецких – заяц: об опытного работнике, мастере своего дела немцы говорят как о старом зайце (*ein alter Hase*). Ср. русск. *стреляный воробей*. Знать, как взяться за дело, означает ‘знать, как бегают зайцы’: *wir werden ja sehen, wie der Hase läuft* или *wissen, wieder Hase läuft*.

Смотреть, как идут дела, означает ‘смотреть, как бежит заяц’: *sehen wie der Hase läuft*. Ср. русск. *поживем-увидим*.

Представление о том, какой оборот примет дело, кодируется выражением ‘запомнить, где лежит заяц’: *merken, wo der Hase liegt*.

Немецкий образ зайца связан с чистотой помыслов. Когда дело нечисто, говорят: *Nicht hasenrein sein/ die Sache ist nicht hasenrein* (Не быть чистым зайцем/дело не в чистоте зайца).

Анализ «заячьих» фразеологизмов позволил выявить специфику восприятия данного животного носителями трех языков. Эквивалентным признаком зайца, релевантным для носителей всех трех языков, является быстрота его бега. В калмыцкой лингвокультуре заяц входит в число зоосимволов года.

Образ волка (чон/Wolf)

Зоолексема чон ‘волк’ зафиксирована во многих фразеологизмах. Образ волка ассоциируется с активностью и энергичной деятельностью, неприятием пассивного образа жизни. Для калмыцкого мужчины самое страшное – потерять честь, а для волка – упустить добычу: *Залу күнзөрсэн эс күцэхлэ – нерэн геедг, чон бэрсэн алдхла – харһндг* (Мужчина, не достигший своей цели, теряет свое имя; волк, упустивший свою добычу, гибнет от голода). Ср. русск. *Волка ноги кормят*; нем. *Selten bekommt liegender Wolf einen Schinken* (Лежащему волку ветчина редко попадается). *Ein Wolf im Schlafing nie ein Schaf* (Спящий волк ни одной овцы не поймал). *Schlafen dem Wolf läuft kein Schaf ins Maul* (Спящему волку не бежит овца в пасть).

ЗФЕ хорошо эксплицируют образ вечно голодного волка: нем. *Hungrig wie ein Wolf* (голодный как волк); *Auch der Wolf wills att werden* (Волк тоже хочет насытиться); русск. *Волк рыщет, хлеба ищет*. В русских ЗФЕ наряду с волком используется образ птицы: *Сокол на одном месте не сидит, а где птицу увидит, туда и летит*.

Одинокая овца часто становится волку добычей. Но и на волка бывает проруха: калм. *Ол эргсн чон хавхд тордг* (Волк, часто приходящий в одно и то же место, попадает в капкан).

Образ волка используется во всех трех лингвокультурах для объективации целого «букета» негативно воспринимаемых качеств (двуличия, лицемерия, жадности, коварства и предательства).

Волк символизирует подлого, лицемерного человека, от которого не стоит ждать ничего хорошего: калм. *хөөнэ арс өмссн чон* ‘волк в овечьей шкуре’; ср. нем. *Ein Wolf im Schafspelz*. Волку нельзя доверять: нем. *Der Wolf stirbt in seiner Haut* (Волк умирает в своей шкуре); русск. *Как волка ни корми, он все в лес смотрит*.

Волк – коварный хищник, поэтому надо быть осторожным: калм. *hazahasнь хэлэхнь наадһа, дотраснь хэлэхнь чон* (Снаружи посмотришь – игрушка, внутрь заглянешь – волк); русск. *глядит лисой, а пахнет волком*.

Его повадки, звериное нутро неискоренимы: калм. *Чон махнас һаршго* (Волк не перестанет есть мясо); нем. *Der Wolf ändert wohl das Haar, doch bleibt er, wie er war* (Хотя волк и линяет, он остается таким же, каким и был). Ср. русск. *Волк каждый год линяет, а нрава не меняет = Волк каждый год линяет, но обычая не меняет. Волк и каждый год линяет, а все сер бывает*.

Волк реально представляет большую опасность. Об этом напоминает калмыцкий фразеологизм *чонын амнас һарад, барин амнд орх* ‘освободившись из волчьей пасти, попасть в пасть тигру’ (избавившись от одной опасности, встретиться с еще большей). Ср. русск. *из огня да в полымя*.

Согласно русской и немецкой ЗФЕ мы должны быть осторожны, если оказываемся среди волков. Один из своих паремнологических сборников известный американский паремнолог Вольфганг Мидер издал под названием «Вой, как волк: пословицы о животных» [14].

Широко известен русский фразеологизм *хоть волком вой*. С волчьим воем сопоставляются и крайнее недовольство человека кем-чем-л., и ощущение бессилия перед сложившимися обстоятельствами.

Другой русский фразеологизм *Волк коню не товарищ* подчеркивает, что разные по своему характеру или положению люди не равны друг другу.

Интересно, что образ волка в калмыцком эпосе «Джангар» маркирован красным цветом (*улан чон*), что связано с национально-культурной спецификой данного цветообозначения в составе ЗФЕ [4].

Таким образом, образ волка достаточно противоречив: с одной стороны, он символ опытности (*старый волк, морской волк*), с другой, волк агрессивен, груб, безжалостен, лицемерен.

Об амбивалентности образа волка пишет американский фольклорист Дональд Уорд [19].

Образ лисы (*aram/Fuchs*)

Перейдем к рассмотрению фразеологизмов с компонентом *aram/lisa/der Fuchs*. Образ лисы во всех трех лингвокультурах вызывает ассоциацию прежде всего с хитрым человеком:

калм. *Кемр чини үүрчн аратла эдл болхла, хавхан оньдинд белнэр бэр* (Если твой друг подобен лисе, всегда держи капкан наготове);

нем. *ein Fuchs sein* (быть лисой);

русс. *Лиса хитростью берет. Хитра лисица — на свой хвост не наступит.*

Калмыки говорят о человеке: *Аратла эдл мектэ, кермнлэ эдл хавиун* (Хитрый как лиса, ловкий как белка). Лиса действительно умеет замечать свои следы: *арат мөрдэн, эркнч ханьдан* ‘лисица надеется на свой след, пьяница на своего приятеля’. Но хитрость лисы не абсолютна, человек оказывается еще хитрее: *Арат керсү, болв күн аратас даву керсү* (Лиса хитра, а человек еще хитрее).

Умудренного опытом человека просто так не проведешь, он всегда сможет понять, где ложь, а где правда, где добро, а где зло. В немецких и русских ЗФЕ для выражения этой идеи используется образ старой лисы:

нем. *Alte Füchse gehen schwer in die Falle* (Старые лисы с трудом идут в ловушку); *Ein alter Fuchs ist schwer zu fangen* (Старую лису трудно поймать);

русс. *Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

В русских ЗФЕ вместо лисы также используется орнитоморфный образ: *Старого воробья на мякине не поймаешь*. Но немецкая ЗФЕ *Ein alter Fuchs geht nicht zum zweiten mal ins Garn* (Старую лису точно второй раз в капкан не заманишь) имеет русский эквивалент: *Старая лиса дважды поймать себя не даст*.

Но и на старуху бывает проруха: русск. *Лукава лисица, да в капкан попадает. И лиса хитра, да шкуру ее продают.*

Лиса тоже бывает глупой: нем. *Es ist ein dummer/ armer Fuchs, der nur ein Loch weiss/hat* (Глупа/бедна та лиса, которая одну нору знает). В русской ЗФЕ вместо лисы фигурирует мышь: ср. русск. *Плоха та мышь, которая одну лазейку знает.*

Лиса в немецких ЗФЕ уступает ежу: *Der Fuchs weiss viele Künste, aber der Igel kommt mit Einer Kunst weiter* (Лиса знает много искусств, но еж пошел дальше с одним искусством); *Der Fuchs weiss viele Dinge, aber der Igel weiss eine grosse Sache* (Лиса знает много вещей, но еж знает одну большую вещь).

Тем не менее сообразительность, как и хитрость, — ключевая характеристика данного животного, лиса кого угодно может обдурить:

калм. *Арат долан чон меклх* (лисица семь волков перехитрит);

нем. *Wenn der Fuchs predigt, nimm die Gänse in Acht* (Начнет лиса зубы заговаривать (букв. когда лиса проповедует) — с гусей глаз не спускай); *Gescheite Hähne frisst der Fuchs auch* (Умных петухов лиса тоже ест);

русс. *Заговелась лиса — загоняй гусей.*

Калмыки считают, что у лисы тысяча уверток, но главное правило — не попадаться на глаза человеку: *арат миһн аальта, теднэс ицгтэнь — күүнд эс үзгдх.*

В русских ЗФЕ конкуренцию лисе составляет волк: ср. *И считанную овцу волк съедает*. Но и он ей проигрывает: *Лиса сытее волка живет. Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела.*

Образ медведя (*au/der Bär*)

Особое место во всех трех лингвокультурах занимает образ медведя [2, 5, 10].

Медведь является одним из самых почитаемых калмыцких анималистических образов.

В русских ЗФЕ медведь представлен как неуклюжее и несколько глуповатое животное, в то же время он не безобиден: *Медведь неуклюж, да дюж*. Как говорится, сила есть ума не надо. То, что есть у одного животного, не хватает другому: *Не дал бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы*. Выражение *медведь на ухо наступил* употребляется в отношении человека, лишённого музыкального слуха.

В немецких ЗФЕ нашло отражение многоаспектное представление носителей языка об этом диком животном. С 13 в. (1280 г.) медведь являет собой символ Берлина. Его изображение имеется на гербах многих немецких городов. Не удивительно, что в немецком языке фразеологизмы с данной зоолексемой встречаются очень часто.

Медведь ассоциируется с силой и здоровьем: *bärenstark* (сильный, как медведь); *Bärenkräfte haben* (медвежьи силы иметь); *die Bärengesundheit* (медвежье здоровье); *gesund wie ein Bär sein* (быть здоровым как медведь); *Der Bär wäscht sich nicht, ist aber immer gesund* (Медведь не умывается да здоров бывает). Здорового, крепкого парня немцы называют *der Bärenkerl* (парень-медведь), а сильную девушку — *das Bärenmädchen* (девушка-медведь).

Интересно, что в русском языке, как уже говорилось выше, сильный человек тоже ассоциируется с медведем, а вот здоровый человек — с быком: ср. русск. *Здоров как бык; силен как медведь.*

Иметь медвежью природу (*eine Bärennatur haben*) означает ‘находиться в очень крепком физическом состоянии’. Крепкий сон ассоциируется у немцев с медведем: *schlafen wie ein Bär* (спать как медведь); *Er hat einen Bärenschlaf* (у него медвежий сон); *wie ein Bär schnarchen* (храпеть как медведь). Ср. русск. *Спать как сурок*. И медведя, и сурка объединяет то, что на зиму они впадают в спячку и спят очень крепко.

С медведем у немцев ассоциируются большие деньги: *er hat Bärengeld* ‘у него есть медвежий деньги’. Русские в такой ситуации говорят: *у него денег куры не клюют*.

С медведем немцы ассоциируют незлобивость, покой *die Bärenruhe* (медвежье спокойствие) и очень крепкие нервы *die Bären nerven* (медвежий нервы). Но в минуты ярости медведя не узнать. С ним связаны агрессия и гнев, в такие моменты медведь смертельно опасен: *ein bärenhafter Zorn* (медвежий гнев); *der Bär ist los* (выпустить медведя); *ein angelegten Bär* (вскидывающийся медведь). В немецком языке, как и в русском, существует выражение *Bärendienst erweisen* (оказать медвежью услугу).

Медведь – лидер по натуре, он упрям: нем. *Zwei Bären können nicht in einer Höhle wohnen* (Два медведя не могут жить в одной берлоге); ср. русск. *Два медведя в одной берлоге не уживутся* (*Двум медведям в одной берлоге не улежатся*). Вариант: *Два волка в одной берлоге не живут и одну кость не грызут*.

Если в русской и немецкой ЗФЕ речь идет об одном и том же животном (медведе), то в калмыцкой ЗФЕ фигурирует либо двухголовая змея (*хойр толхата моха нег нукнд багтдо* ‘змея о двух головах в одной норе не уместается’), либо две овцы (*хойр хөөнэ толха нег хэснд чангддо* ‘головы двух овец в одном котле не варятся’).

Хотя медведь упрям, но и он может чему-то научиться: нем. *Not lehrt den Bären tanzen* (И медведя учат танцевать); ср. русск. *И медведя плясать учат*.

Образы других животных

Кроме зайца, лисы, волка и медведя, в рассматриваемых ЗФЕ фигурируют такие дикие животные, как лев, обезьяна, слон.

Калмыцкий образ льва (*арслң*) – символ силы и мощи. Приведем примеры: *Арслң урһа модна эмтин ик эмшигнь мөн* (Лев – самая большая гроза леса). *Эмтэ юмнд арслң бөк, эмн уга юмнд шар зусн бөк* (Среди живых существ силач – лев, среди неживых – желтый клей).

Лев внушает всем страх и ужас: *Арслңгин э соҕсн арсмчин һуй чичрнэ / Арслңгин дун жсиңхлэ, Арсмчин һуй чичрдг* (У спекулянта, услышавшего

рык льва, поджилки трясутся). Но качества, присущие льву, не могут быть переданы другому зверю: *Арслңгин баатр аратд керг уга, аратын альвнь арслңд керг уга* (Лисе не нужна смелость льва, а льву не нужна лисья хитрость).

В немецком языке «львиных» фразеологизмов больше, чем калмыцком и русском. Лев (*Löwe*) – символ величия, светской жизни, роскоши: *ein Löwe der Gesellschaft [des Abends, des Salons]* ‘светский лев’. Великий человек пренебрегает мелочами: *Löwen fangen keine Mäuse* (Львы не ловят мышей). Это подтверждает и русская ФЕ *Лев мышей не давит, орел мух не ловит*: не гоже царю зверей опускаться до этого, как и царю птиц.

У льва можно поучиться бесстрашию: *tapfer wie ein Löwe* (храбрый как лев); *kämpfen wie ein Löwe* (сражаться как лев). Поэтому о герое дня говорят *der Löwe des Tages*. Бесстрашного человека, способного выступить против сильного врага, характеризует выражение *sich in die Höhle des Löwen wagen* (рискнуть войти в логово льва). Но человек может прикидываться львом, быть смелым на словах, но трусом на деле: *der Esel in der Löwen haut* (осел в львиной шкуре); *ein Löwen Maul und ein Hasen Herz haben* (иметь львиный зев и заячье сердце). Лев, как и медведь, в гневе страшен: ЗФЕ *losgehen wie ein gereizter Löwe* означает «нападать как разъяренный лев». Когда человек нервно расхаживает из угла в угол по комнате, его сравнивают со львом в клетке (*wie ein Löwe im Käfig*).

Выражение *рычать как голодный лев* (*wie ein hungriger Löwe brüllen*) означает «рычать, разораться, вопить, кричать благим матом».

О том, что лев все-таки опасный хищник, напоминает немецкое выражение *den schlafenden Löwen wecken* (будить спящего льва). Ср. русск. *Не будите спящую собаку*. Но и льва может опередить, как мы уже убедились, другой зверь (вспомним лису): *Was der Löwe nicht kann, das kann der Fuchs* (Что лев не может, может лиса). К тому же, опасен только живой лев: *Den toten Löwen kann jeder Hase an Barte zupfen* (Мертвого льва каждый заяц может дергать за бороду). Ср. русск. *Подстреленного сокола и ворона носом долбит*.

В русском языке практически отсутствуют ФЕ с образом льва, можно найти единичные примеры. Лев, по мнению русских, отличается осторожностью: *Лев спит, а одним глазом видит*.

Заключение

Сопоставительное изучение зоофразеологического фонда трех разных языков (в нашем случае, калмыцкого, русского и немецкого) в лингвокультурном аспекте дает возможность выделить универсальные и специфичные ЗФЕ.

Наше обращение к фразеологическим образам лесных зверей, включая волка и медведя как архетипических зооперсонажей, позволило уточнить характеристику базовых зоолексем и аксиологический потенциал зоометафоры в разных языках, выявить как общие закономерности, так и особенности.

Этноспецифичность зоофразеологии проявляется в использовании разных зооморфических образов при совпадении содержания. Национально-специфичными для калмыцкой лингвокультуры являются образы мыши, тигра, зайца, змеи и обезьяны, которые входят в число животных двенадцатилетнего календарного цикла.

Фразеологическая активность зоолексем отражает степень значимости того или иного животного для этноса. Количественный анализ стержневых компонентов ЗФЕ показал, что разные звери представлены неодинаково. Покажем частотность названий диких животных (*wilde Tiere / зерлг адусн*) на примере немецких и калмыцких ЗФЕ: *der Hase* (35), *туула* (7); *der Affe* (36); *der Fuchs* (65), *арат* (3); *der Wolf* (38); *чон* (4); *die Löwe* (19); *арслц* (4); *der Elefant* (4); *der Bär* (53), *аю* (2).

Будем считать ключевыми зоообразами те, которые встречаются 10 и более раз в немецких фразеологизмах. У немцев абсолютный лидер – это лиса, потом идут медведь, волк, обезьяна с зайцем, замыкает шестерку лидеров лев.

У калмыков лидер – заяц, волк со львом делят второе место, а замыкает тройку лидеров лиса.

В русских ЗФЕ чаще всего встречаются зоолексемы *волк* (более 100 ЗФЕ) и *медведь* (более 40 ЗФЕ). Доминирование фразеологических образов волка, лисы, медведя, зайца во всех трех лингвокультурах связано с тем, что в древности охота и промысел были важнейшим способом жизнеобеспечения человека, главным источником его существования и выживания в окружающей среде. Низкая частотность употребления в ЗФЕ некоторых зоолексем (например, *слон*) связана с тем, что данное животное не обитает на территории проживания носителей языка и не имеет особого значения в их жизнедеятельности.

Таким образом, мы выделили на основе проведенного анализа три группы ЗФЕ: 1) эквивалентные ЗФЕ с полностью совпадающими лексическим компонентом, семантикой и образностью; 2) частично эквивалентные ЗФЕ с несовпадением зоолексемы и образности при сохранении семантики; 3) безэквивалентные ЗФЕ с полным расхождением лексического состава и образности. Иными словами, выявлены русские ЗФЕ, имеющие полные эквиваленты в сопоставляемых языках, и не имеющие калмыцких и немецких соответствий, а также обнаружены ЗФЕ, сходные по семантике, но передающие этот смысл через образы разных животных.

Литература

1. Бичер О. Образы диких животных в русской фразеологии (на фоне турецкого языка) // Современная филология: теория и практика: материалы XX международной научно-практической конференции, Москва, 26-27 июня 2015 года. Москва: Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2015. С. 15 – 22.
2. Боваева Г.М., Доржинов Д.Б. Образы диких животных в немецких анималистических фразеологизмах // Научно-образовательные дискуссии: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы XXX Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х ч Ростов-на-Дону, 14 апреля 2021 года. Ростов-на-Дону: Южный Университет (ИУБиП), ООО "Издательство ВВМ", 2021. С. 400 – 403.
3. Ковалева Л.В. Национальные особенности фразеосочетаний в европейских языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 173 – 176.
4. Куканова В.В., Омакаева Э.У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1-2 (65). С. 44 – 48.
5. Омакаева Э.У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 4. С. 162 – 174.
6. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., перевод Б.Х. Тодаевой. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
7. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2008. 381 с.
8. Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тээлвртэ толь = Толковый словарь калмыцких пословиц и поговорок / Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН; сост.: У.У. Очиров, Л.С. Сангаев; [редкол.: Э.У. Омакаева (отв. ред.), Е.В. Бембеев, Б.Б. Горяева; предисл. Э.У. Омакаевой]. Элиста: Джангар, 2011. 224 с.

9. Щукина Г.О. Переносные значения лексем волк, wolf англ., wolf нем., loup в составе фразеологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2 (74).
10. Юсупова Л.Г. Пословицы и поговорки с обозначениями диких животных в русском, немецком и татарском языках // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. С. 113 – 117.
11. Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д. Анималистические паремииологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69).
12. Alves R.R.N., Souto W.M.S. Ethnozoology: A Brief Introduction // Ethnobiology and Conservaton. 2015. ol. 4. № 1. P. 1 – 13.
13. Cherubim, D. "Mensch und Tier im Spiegel der Sprache" // Interdisziplinäre Germanistik im Schnittpunkt der Kulturen. Festschrift für Dagmar Neuendorff. Eds. Michael Szurawitzki and Christopher M. Schmidt. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2008. P. 111 – 128.
14. Mieder W. Howl Like a Wolf: Animal Proverbs. Shelburne/Vermont: The New England Press, 1993. 95 p.
15. Roberts S.E., Plante C.N., Gerbasi K.C., Reysen S. The anthrozoomorphic identity: Furry fandom members' connections to nonhuman animals // Anthrozoös. 2015. Vol. 28. № 4. P. 533 – 548.
16. Rooth A.B. Domestic Animals and Wild Animals as Symbols and Referents in Proverbs // Proverbium. 1968. № 11. P. 286 – 288.
17. Schnoor F. Octopuses, Foxes and Hares: Animals in Early Modern Latin and German Proverbs // Early Modern Zoology. The Construction of Animals in Science, Literature and the Visual Arts. Eds. Karl A.E. Enekel and Paul J. Smith. Leiden: Brill, 2007. P. 529 – 545.
18. Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. Russko-nemetsko-pol'skii slovar' aktivnykh poslovits (s inoiazыchnymi paralleliami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariiami). Greifswald, Szczecin, 2014. 433 s.
19. Ward D. The wolf: proverbial ambivalence // Proverbium. 1987. № 4. P. 211 – 224.

References

1. Bicher O. Obrazy dikih zhivotnyh v russkoj frazeologii (na fone tureckogo jazyka). Sovremennaja filologija: teorija i praktika: materialy XX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 26-27 ijunja 2015 goda. Moskva: Nauchno-informacionnyj izdatel'skij centr "Institut strategicheskikh issledovanij", 2015. S. 15 – 22.
2. Bovaeva G.M., Dorzhinov D.B. Obrazy dikih zhivotnyh v nemeckih animalisticheskikh frazeologizmah. Nauchno-obrazovatel'nye diskussii: fundamental'nye i prikladnye issledovanija: Materialy XXX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2-h ch Rostov-na-Donu, 14 aprelja 2021 goda. Rostov-na-Donu: Juzhnyj Universitet (IUBiP), ООО "Izdatel'stvo VVM", 2021. S. 400 – 403.
3. Kovaleva L.V. Nacional'nye osobennosti frazeosochetanj v evropejskikh jazykah. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2018. № 2. S. 173 – 176.
4. Kukanova V.V., Omakaeva Je.U. Frazeologicheskie i onimicheskie edinicy s komponentom-cvetooboznacheniem ulan v kalmyckom jazyke v svete lingvokognitivnogo podhoda. Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2011. № 1-2 (65). S. 44 – 48.
5. Omakaeva Je.U. Toponimija Sin'czjana kak otrazhenie ojratojazychnoj kul'tury regiona: jetnolingvisticheskij aspect. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. 2012. T. 5. № 4. S. 162 – 174.
6. Poslovicy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i ojratov Kitaja. sost., perevod B.H. Todaevoj. Jelista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2007. 839 s.
7. Slovar' russkikh poslovic: ok. 1000 edinic. pod red. V.M. Mokienko. M.: Astrel': ACT, 2008. 381 s.
8. Hal'mg ыlgырмыдин болн товчта ыгмыдин төөлвртэ тол' = Tolkovyj slovar' kalmyckih poslovic i pogovorok. Kalmyckij institut gumanitarnyh issledovanij RAN; sost.: U.U. Ochirov, L.S. Sangaev; [redkol.: Je.U. Omakaeva (otv. red.), E.V. Bembeev, B.B. Gorjaeva; predisl. Je.U. Omakaevoj]. Jelista: Dzhangar, 2011. 224 s.
9. Shhukina G.O. Perenosnye znachenija leksem volk, wolf англ., wolf нем., loup v sostave frazeologicheskikh edinic. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 8-2 (74).
10. Jusupova L.G. Poslovicy i pogovorki s oboznachenijami dikih zhivotnyh v russkom, nemeckom i tatarskom jazykah. Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov. Specvypusk. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2012. S. 113 – 117.
11. Jusupova L.G., Kuz'mina O.D. Animalisticheskie paremiologicheskie edinicy s oboznachenijami dikih zhivotnyh v russkom i nemeckom jazykah. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 3-3 (69).
12. Alves R.R.N., Souto W.M.S. Ethnozoology: A Brief Introduction. Ethnobiology and Conservaton. 2015. ol. 4. № 1. P. 1 – 13.

13. Cherubim D. "Mensch und Tier im Spiegel der Sprache". Interdisziplinäre Germanistik im Schnittpunkt der Kulturen. Festschrift für Dagmar Neuendorff. Eds. Michael Szurawitzki and Christopher M. Schmidt. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2008. R. 111 – 128.
14. Mieder W. *Howl Like a Wolf: Animal Proverbs*. Shelburne, Vermont: The New England Press, 1993. 95 p.
15. Roberts S.E., Plante C.N., Gerbasi K.C., Reysen S. The anthrozoomorphic identity: Furry fandom members' connections to nonhuman animals. *Anthrozoös*. 2015. Vol. 28. № 4. R. 533 – 548.
16. Rooth A.B. Domestic Animals and Wild Animals as Symbols and Referents in Proverbs. *Proverbium*. 1968. № 11. P. 286 – 288.
17. Schnoor F. Octopuses, Foxes and Hares: Animals in Early Modern Latin and German Proverbs. *Early Modern Zoology. The Construction of Animals in Science, Literature and the Visual Arts*. Eds. Karl A.E. Enenkel and Paul J. Smith. Leiden: Brill, 2007. P. 529 – 545.
18. Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. *Russko-nemetsko-pol'skii slovar' aktivnykh poslovits (s inoiazыchnymi paraleliami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariiami)*. Greifswald, Szczecin, 2014. 433 s.
19. Ward D. The wolf: proverbial ambivalence. *Proverbium*. 1987. № 4. P. 211 – 224.

*Bovaeva G.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Omakaeva E.U., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University*

THE WORLD OF WILD FAUNA IN THE MIRROR OF KALMYK, RUSSIAN AND GERMAN ZOOPHRASEOLOGY: BASIC ZOOLEXEMES

Abstract: the article examines the issue of basic animalisms with pronounced national and cultural specifics (bear, wolf, fox, hare, etc.), the linguistic and cultural potential of which is still insufficiently studied, using the example of key animalistic markers of Kalmyk, Russian and German zoological phraseological units (ZFE). The results of a comparative analysis of the semantics of a number of basic zoonominations (chon / DerWolf / 'wolf', ayu/ derBär / 'bear', etc.) recorded in the phraseological system of three languages are presented. The novelty of this study is determined by the fact that the names of wild animals in the declared aspect on the material of the three specified linguistic cultures were not subjected to systematic study. The relevance of the study is due to the need to create a Kalmyk-Russian-German dictionary of zoolexics. The paper shows that the ZFE in the languages under consideration reveal both similarities and differences. Accordingly, three groups of ZFE are allocated. The conclusion is made about what is the symbolism of the phraseological image of a particular wild animal, what associations it causes, and, consequently, which human qualities are valued most in the analyzed linguistic cultures, which actions and deeds are evaluated negatively and which positively.

Keywords: Kalmyk zoophraseology, the German language, Russian animalisms, wild animals, worldview, linguistic and cultural image

*Воякина Е.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет*

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ

Аннотация: цель данной работы заключается в анализе феномена гиперболизации, выступающего в качестве манипулятивного инструмента в интернет-коммуникации, в частности в различных формах креолизованных интернет-текстов, наиболее распространенной из которых является мем. Актуальность исследуемой тематики объясняется все более растущим влиянием интернет-коммуникации на жизненные установки современного человека, что обуславливает необходимость более глубокого осмысления транслируемого потока информации в интернет-среде для отслеживания как тенденций общественного развития, так и языкового поведения членов социума. Установлено, что в интернет-мемах проявляется чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации окружающей действительности, которая в основном наблюдается в употреблении гиперболических эпитетов, метафор, числительных, имен собственных, сравнительных конструкций, оксюморона в текстовой части мема и использовании соответствующего аудиовизуального ряда, основанного на противопоставлении и каламбуре. Манипулирование находит свое выражение в креолизованных интернет-текстах при помощи определенных манипулятивных стратегий, среди которых выделяются стратегия нагнетания отрицательных эмоций, ссылка на авторитет, стратегия «свой» – «чужой» / «хороший» – «плохой», стратегия «ожидание» – «реальность» и стратегия героизации. Использование мемов с элементами гиперболизации нацелено на закрепление в общественном сознании определенных ценностных установок, стереотипов, моральных принципов, формирующих языковую и культурную картины мира. Интернет-мемы с элементом гиперболизации, таким образом, служат инструментом манипулирования общественным сознанием, а также средством переконцептуализации устоявшейся картины мира в сознании адресата.

Ключевые слова: гиперболизация, манипуляция, манипулятивная стратегия, интернет-коммуникация, креолизованный интернет-текст, мем, речевое воздействие, прагматический потенциал

Интернет-пространство как динамично развивающаяся и постоянно обновляющаяся система, обладающая определенным набором признаков и характеристик, стала естественной средой общения каждого человека. Являясь специфическим каналом коммуникации, интернет характеризуется высокой скоростью передачи информации, нестабильностью организационной структуры, а именно децентрализацией, анонимностью и субъективизмом. Данные характеристики обуславливают появление и распространение в сети различного рода информации, которая оказывает воздействие на сознание и ценностные ориентиры реципиента. Современное состояние развития сети Интернет позволяет совершенно незаметно для сознания человека вводить в его память любого рода информацию, формировать его жизненные позиции, поведение и ценностные установки. Знакомство с какой-либо информацией вызывает у человека определенные чувства, что связано с формированием личностных переживаний и навязыванием некоего стереотипа поведения, который является общепринятым. Интернет в данном случае доминирует над другими каналами связи, поскольку имеет возможность использовать все методы и приемы, свойственные другим средствам коммуникации: текст, звуковое сопровождение, изображение, видеоряд и т.д. Именно поэтому интернет

представляет собой мощный манипулятивный инструмент, способный оказать явное и скрытое воздействие на целевую аудиторию.

Существует достаточно большой корпус работ, посвященных вопросам манипулирования сознанием человека, общественным мнением, в том числе и в интернет-коммуникации [4-6, 11, 15, 17]. С точки зрения лингвистики проблемы языкового манипулирования рассматривались в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся вопросами использования языковых средств для осуществления речевого воздействия на целевую аудиторию [2, 3, 7, 8, 13, 19].

Рассуждая о воздействии на сознание и поведение реципиента, следует отметить, что ряд ученых проводит различие между понятиями «речевое воздействие» и «манипулирование» [7, 13]. Так, И.А. Стернин утверждает, что речевое воздействие заключается в эксплицитном воздействии на собеседника с помощью речи для убеждения его сознательно изменить свою точку зрения, в то время как манипулирование является скрытым, имплицитным воздействием на собеседника с целью побудить его изменить свое мнение, позицию касательно какого-либо явления неосознанно и вопреки собственному намерению [13, с. 56].

В интернет-коммуникации как широком поле для осуществления манипулятивных действий,

обладающем сходными свойствами с механизмом действия толпы, используются различные лингвистические и экстралингвистические средства, которые зачастую воспринимаются реципиентами без осмысления того факта, что на них осуществляется какое-либо воздействие. Среди таких средств особое место занимает гиперболизация, представляющая собой один из механизмов концептуализации человеком окружающей его действительности. Гиперболизация, являясь когнитивно-дискурсивным процессом, обладает мощным прагматическим потенциалом, который включает в себе возможность влияния на сознание человека. Исследователи не раз подчеркивали прагматическую функцию гиперболизации в осмыслении действительности, формировании языковой картины мира, выражении эмотивно-оценочных смыслов и т.п. [1, 9, 12, 14, 18, 20, 21].

Креолизованные интернет-тексты как неотъемлемая часть интернет-коммуникации ярко демонстрируют манипулятивный потенциал, в том числе и посредством гиперболизации. Поскольку креолизованные тексты включают в себя негетерогенные элементы (вербальные и невербальные компоненты), они представляют собой своего рода гибридные образования, целостно воздействующие на адресата. Гибридная природа интернет-коммуникации проявляется в таких формах, как мемы, хэштеги, никнеймы, вирусная реклама, PR тексты в различных сегментах интернет-пространства, что предоставляет креолизованным текстам богатые возможности для придания текстам аттрактивности и реализации манипулятивного воздействия (шрифтовые вариации, комбинация цветовых возможностей, подбор фона, изображений, текстовых подписей к ним и т.д.). Прагматический эффект гиперболизации в данных видах текстов возможен благодаря использованию знаков разных типов, а именно знаков-индексов, знаков-образов, знаков-символов, непосредственно демонстрирующих знаковую природу самой культуры [1]. Подобный семиотический подход к явлению гиперболизации отражает саму сущность интернет-коммуникации, построенной на разно-

плановых единицах и выражающейся в соотношении неоднородности и единства.

Говоря о прагматическом эффекте гиперболизации в креолизованных интернет-текстах, рассмотрим такую популярную форму интернет-коммуникации, как мем, который практически всегда представляет собой гиперболизацию, стереотипизацию, иронию, гротеск. Способы конструирования и распространения мемов, их динамика освещаются во многих филологических исследованиях, подчеркивающих особую роль в современной интернет-коммуникации, заключающуюся, во-первых, в экономии языковых средств, требуемых для эмоционального описания тех или иных явлений, а во-вторых, в создаваемом мощном прагматическом эффекте благодаря формированию в сознании адресата образа, на основании которого происходит его сопоставление с конкретным субъектом, объектом или явлением, обладающим сходными качествами, вследствие чего мем становится более эффективным с точки зрения речевого воздействия [10, 16, 22].

В мемах проявляется чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации описываемой ситуации, которая в основном наблюдается в употреблении эпитетов, метафор, имен собственных, сравнительных конструкций в текстовой части мемов и использовании соответствующего аудиовизуального ряда, основанного на противопоставлении, каламбуре. Рассмотрим каждый из перечисленных приемов на конкретных примерах.

– **гиперболические эпитеты**, несущие эмоциональную нагрузку: *умопомрачительный, несокрушимый, бесконечный, колоссальный, неистовый* и т.д. Следующий мем с текстом *«Не жалей себя. Если начнешь барахтаться в жалости к самому себе, жизнь станет бесконечным кошмаром»* содержит эмоционально окрашенный эпитет «бесконечный», дополняющий существительное «кошмар», несущее в себе отрицательную коннотацию, тем самым усиливая негативный характер высказывания (см. рис. 1):

Рис. 1. Мем, содержащий гиперболический эпитет

– **гиперболические метафоры**, представляющие собой некий образ, за которым стоит определенное значение (рис. 2). Так, *Слоупок* – мем, изображающий медлительное глупое существо, похожее на медведя. В обычном разговоре можно услышать фразу: «Да он слоупок». Это означает, что до него не сразу дошел смысл слов или он опоздал с каким-то действием или высказыванием. В рунете Слоупок является неофициальным ироничным символом

Почты России). Мем-метафора *Ждун* содержит изображение серого безногого существа с головой морского слона, которое сидит, сложив руки. Изначально скульптура под названием *Homunculus loxodontus* была создана для Лейденского университета и символизировала человека в очереди на приеме у врача, но в рунете Ждун стал символом длительного ожидания. Мем-метафора *Ничоси* с искаженной фразой «ничего себе» является символом крайнего удивления.

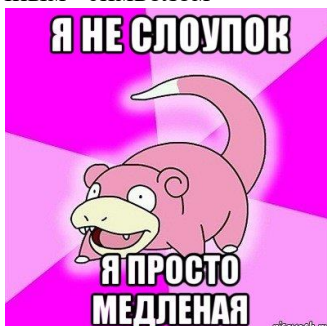

Рис. 2. Мемы-метафоры

– **гиперболические числительные**, либо **гиперболическое обозначение количества**: $+100500$ (плюс сто пятьсот, стоицот), означающий «очень много», также использующийся в интернет-коммуникации для выражения поддержки; *куча* (денег, проблем и

т.д.) и др. Рис. 3 с изображением «кучи» долларов, которую может хватить лишь на то, чтобы заправить полный бак автомобиля, демонстрирует саркастическое отношение к газовой ценовой политике на Западе.

Рис. 3. Мем, демонстрирующий гиперболическое обозначение количества

– имена собственные как источник гиперболизации, к которым обычно относятся прецедентные имена известных реальных людей или вымышленных персонажей (рис. 4). Например, мемы Чак Норрис представляют собой ряд иронических мемов, иллюстрирующих чрезмерные силу актера, владение единоборствами, а также привлекательность и мужественность: *Пожарные лестницы были*

Рис. 4. Мемы, содержащие имена собственные как источники гиперболизации

– гиперболические сравнительные конструкции: *То чувство, когда...* (*То чувство, когда ты раздаешь друзьям Wi-Fi*). Прагматический (в том числе комический) эффект подобных мемов достигается комбинацией лингвистического контекста (фразы-установки и фразы-кульминации) и фоновой картинкой (фотографии, цветовой схемы и др.). Так, в приведенном на рис.

изобретены для защиты от пожаров от Чака Норриса; Чак Норрис считал до бесконечности. Дважды. Мем Илон Маск употребляется, когда пользователи хотят показать самые нелепые изобретения, а затем «бросают вызов» главе компании Tesla и Space X: *Как тебе такое, Илон Маск?* Данный мем стал популярным в России после того, как Маск запустил в космос ракету-носитель Falcon Heavy с электрокаром на борту.

Что ты на это скажешь, Илон Маск?

5 примере мема фраза, разделенная на две части – фразу-установку («То чувство») и фразу-кульминацию («когда ты раздаешь друзьям Wi-Fi»), дополняется картинкой с изображением важного, влиятельного человека, что усиливает прагматический эффект креолизованного сообщения (рис. 5).

Рис. 5. Мем, содержащий гиперболическое сравнение

– **оксюморон**: юный старик, публичная тайна, страшно вкусно, ужасно красиво, рабочий выходной и др. Оксюморонные противопоставления очень часто встречаются в

креолизованных интернет-текстах, зачастую становясь его основой и определяя его логику (рис. 6).

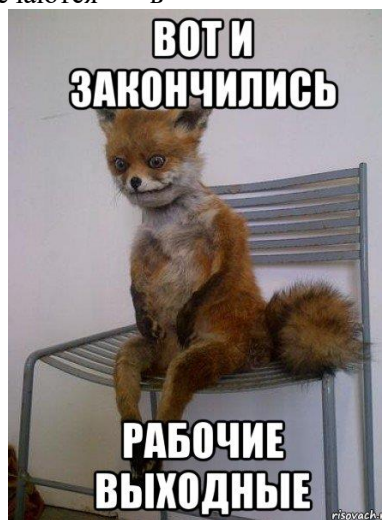

Рис. 6. Мемы, содержащие оксюморон

– **гиперболические изображения**, намеренно утрирующие отражаемую ситуацию. Так, в связи с актуальностью инфоповода (резкий рост цен на газ в странах Евросоюза и США) в последнее время стали активно распространяться мемы на газовую тематику. Данная тема порождает нескончаемый поток мемов с гиперболи-

зированными изображениями, подчеркивающими значимость данной проблемы для адресата и реципиента информации. Приведенные мемы демонстрируют прагматический эффект путем комбинации лингвистического контекста и фоновой картинки (рис. 7).

Рис. 7. Мемы, содержащие гиперболические изображения на тему газовой ценовой политики

Литота как разновидность гиперболы, употребляемая для преуменьшения или нарочитого смягчения свойств, признаков, значений каких-либо предметов или явлений, также часто

употребляется в мемах. Следующий мем наглядно демонстрирует насколько недоступным становится топливо для обычных граждан (рис. 8):

Putting \$15 worth of gas in my car today.

Рис. 8. Мем, содержащий литоту

Отдельно стоит сказать о гиперболизации в фейковых сообщениях, представляющих собой различного рода вбросы и провокации, направленные на нагнетания паники в международном сообществе. В подобных случаях гиперболизация используется для создания

эффекта тревожности и тем самым манипулирования общественным мнением. Употребление языковых средств гиперболизации вместо конкретных цифр, данных, статистики свидетельствует о фактоидном характере предоставляемой информации.

Таким образом, гиперболизация или намеренное преувеличение используется продуцентами мемов с целью вызова определенной эмоциональной реакции реципиента.

Манипулирование находит свое выражение в креолизованных интернет-текстах, содержащих элемент гиперболизации, при помощи определенных манипулятивных тактик и стратегий. Наиболее распространенными в креолизованных интернет-текстах являются следующие стратегии:

– **стратегия нагнетания отрицательных эмоций**

Данная стратегия основывается на негативном представлении ситуации, описываемой как

Рис. 9. Демотиваторы, реализующие стратегию нагнетания отрицательных эмоций

– **ссылка на авторитет**

Данная стратегия заключается в замещении четкой доказательной базы личным мнением какой-либо авторитетной в конкретной сфере личности, которая также служит авторитетом для целевой аудитории. Хотя поскольку мем имеет комическую природу, зачастую авторитетность становится предметом иронии и даже сарказма. Так, популярный мем «You know, I'm something of a scientist myself» (Знаете, я и сам своего рода ученый) демонстрирует реализацию указанной стратегии путем отсылки на известную личность.

When I successfully connect my computer to the wifi

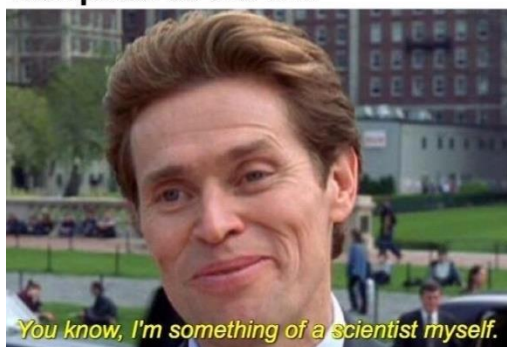

Рис. 10. Мем, реализующий стратегию ссылки на авторитет

безысходной, катастрофичной. Создавая подобные креолизованные тексты, автор играет на эмоциях целевой аудитории, акцентируя внимание на наиболее социально значимых моментах, тем самым вызывая бурный эмоциональный отклик. Здесь работает так называемый прием «эмоционального заражения», заключающийся в стимулировании эмоционального состояния адресата, связанного с негативным опытом, переживаниями, паникой. Данная стратегия часто реализуется в демотиваторах, смысл которых изначально направлен на создание атмосферы обреченности и бессмысленности прилагаемых усилий (рис. 9).

Текстовая часть мема включает фразу, которую произнес персонаж Уиллема Дефо, игравший роль известного ученого в фильме «Человек-паук» 2002 года. Кадр с репликой используют в качестве панчлайна в шутках о собственных научных и любых других начинаниях. Мем дополняется фразой «When I successfully connect my computer to the WiFi» (Когда я подключаю свой компьютер к WiFi), используемая для ироничного комментария к сомнительным достижениям – как своим, так и чужим (см. рис. 10):

– стратегия «свой» – «чужой» / «хороший» – «плохой»

Будучи емким инструментом общения, мем способен передать историю, эмоцию, при этом показывая принадлежность адресата к определенной возрастной категории, профессии, социальному статусу. Мем представляет собой способ выявления бинарной оппозиции «свой» – «чужой» в интернет-коммуникации, описывающий общественное мнение по различным социальным, политическим, экономическим и другим острым социально значимым вопросам. Оппозиция «свой» – «чужой» основывается на традициях, стереотипах и ценностях, свойственных конкретным культурам, где «свои» имеют положительную коннотацию, а «чужие» характеризуются негативно. Причем автор

В целом, времена пандемии были прикольными, согласитесь

Рис. 11. Мем, иллюстрирующий стратегию «свой» – «чужой»

– стратегия «ожидание» – «реальность»

Данная стратегия является разновидностью приема «создание оппозиции «свой» – «чужой», однако здесь происходит поляризация и гиперболизация ситуации путем сравнения

гиперболизированного креолизованного текста рассчитывает на неосведомленность, либо невнимательность реципиента, а именно на то, что он в первую очередь обратит внимание на экспрессивность сообщения и не будет углубляться в суть описываемой ситуации.

В качестве наглядной демонстрации рассматриваемой манипулятивной стратегии можно привести пример с «увяданием» проблематики коронавируса, ослаблением внимания к статистике заболеваемости (рис. 11). В связи с последними экономическими и политическими событиями общество переключилось на политико-экономические вопросы (экономические санкции, военный конфликт), тем самым коронавирус превратился из «чужого» в «своего».

ождаемого и реального результата, причем ожидания оцениваются только со знаком плюс, а реальная ситуация имеет негативную оценку. В основе данной стратегии лежит механизм контрастного сопоставления (рис. 12).

Рис. 12. Мем, иллюстрирующий стратегию «ожидание» – «реальность»

– стратегия героизации

В основе данной стратегии лежит интенция, направленная на укрепление авторитета человека, социального института и т.д. в общественном сознании. Интересно отметить, что в основе мемов часто лежат вечные образы, архетипы, кочующие из одной эпохи в другую. Со временем происходит их трансформация, перемещение в новый культурный контекст, где те же образы применяются к совершенно новым явлениям действительности. В 21 веке обилие

всевозможных «супергероев» с экстраординарными способностями воспринимается как неизменная часть массовой культуры. Так, врачи, борющиеся с пандемией коронавируса, сравниваются с образом Супермена, способного победить опасный вирус (рис. 13). Концепт «сила», содержащийся в образе Супермена, отходит от прямого значения «физическая сила» и перемещается в область профессионального мастерства.

Рис. 13. Мемы, реализующий стратегию героизации

Таким образом, креолизованные интернет-тексты, содержащие элементы гиперболизации, создают благоприятную среду для того, чтобы созданное и запущенное креолизованное сообщение подобно вирусу распространялось самостоятельно с большой скоростью и имело длительный жизненный цикл. Проведенный анализ креолизованных интернет-текстов, а именно мемов, показал, что в их содержании практически всегда выражается гиперболизированная эмоциональная реакция на конкретную социально значимую ситуацию, что порождает желание распространить мем далее.

Использование мемов с элементами гиперболизации нацелено на закрепление в общественном сознании определенных ценностных установок, стереотипов, моральных принципов, формирующих языковую и культурную картины мира. Ин-

тернет-мемы с элементом гиперболизации, таким образом, служат инструментом манипулирования общественным сознанием, а также средством переконцептуализации устоявшейся картины мира в сознании адресата. Мем, выполняя информативную функцию, зачастую предполагает наличие готовых выводов и установок по тому информационному материалу, который он описывает, тем самым являясь мощным инструментом воздействия на целевую аудиторию.

Обобщая, можно сказать, что стремление мема к лаконичности, экономии языковых средств, краткому и ясному выражению мыслей, с одной стороны, и гиперболизации, манипулированию, с другой стороны, порождает короткие готовые модели и устойчивые сочетания, которые при минимальном наборе языковых средств создают мощный прагматический эффект.

Литература

1. Афанасьева А.Л. Гиперболизация как средство отображения советской действительности: На материалах центральной прессы второй половины 50-х – начала 80-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 169 с.
2. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: вестник Российской риторической ассоциации. 2000. Вып. 1 (9). С. 42 – 52.
3. Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 174 с.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Копнина Г.А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // *Филология и человек*. 2021. № 3. С. 30–46.
9. Крысин Л.П. Гипербола в художественном тексте и обыденной речи: учеб. пособие. Саратов: ООО «Научная книга», 2006. 307 с.
10. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2017. 10 (4). С. 410 – 424.
11. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. 576 с.
12. Пром Н.А., Высоцкая И.В., Глебова Е.А., Тихаева В.В. Прагматический эффект гиперболы в медиадискурсе (на материале немецкого и русского языков) // *Современные исследования социальных проблем*. 2018. Т. 10. № 4. С. 176 – 189.
13. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
14. Тихомиров С.А. Гипербола в градуальном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 160 с.
15. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.
16. Шурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // *Вестник Череповецкого университета*. 2014. № 6 (59). С. 85 – 89.
17. Attkisson S. *Slanted: How the News Media Taught Us to Love Censorship and Hate Journalism*. N.Y.: Harper, 2020. 320 p.
18. Claridge C. *Hyperbole in English: A Corpus-based Study of Exaggeration*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 316 p.
19. Dijk T.A. van. *Discourse and Manipulation* // *Discourse and Society*. 2006. Iss. 17 (2). P. 359 – 383.
20. Barnden J.A. *Metonymy, reflexive hyperbole and broadly reflexive relationships* // *Review of Cognitive Linguistics*. 2022. Vol. 20. Iss. 1. P. 33 – 69.
21. Saffah M.D. *Hyperbole: A Pragmatic Perspective* // *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2021. Iss. 8 (8). P. 571 – 574.
22. Wiggins B. *The discursive power of memes in digital culture: ideology, semiotics, and intertextuality*. New York: Routledge, 2019. 180 p.

References

1. Afanas'eva A.L. *Giperbolizacija kak sredstvo otobrazhenija sovetskoj dejstvitel'nosti: Na materialah central'noj pressy vtoroj poloviny 50-h – nachala 80-h gg.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. 169 s.*
2. Bykova O.N. *Opyt klassifikacii priemov rechevogo manipulirovanija v tekstah SMI. Rechevoe obshhenie: vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii*. 2000. Vyp. 1 (9). S. 42 – 52.
3. Golubeva T.M. *Jazykovaja manipuljacija v predvybornom diskurse (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2009. 174 s.*
4. Docenko E.L. *Psihologija manipuljacji: fenomeny, mehanizmy i zashhita. M.: CheRo, Izd-vo MGU, 1997. 344 s.*
5. Issers O.S. *Rechevoe vozdejstvie: ucheb. posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po special'nosti «Svjazi s obshhestvennost'ju»*. M.: Flinta: Nauka, 2009. 224 s.
6. Kara-Murza S.G. *Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo, 2005. 832 s.*
7. Karasik V.I. *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.*
8. Koptina G.A. *Rechevaja manipuljacija v massmedijnom tekste/diskurse: problema raspoznavanija. Filologija i chelovek*. 2021. № 3. S. 30–46.
9. Krysin L.P. *Giperbola v hudozhestvennom tekste i obydennoj rechi: ucheb. posobie. Saratov: OOO «Nauchnaja kniga», 2006. 307 s.*
10. Lysenko E.N. *Internet-memy v kommunikacii molodezhi. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*. 2017. 10 (4). S. 410 – 424.
11. Pohepcov G.G. *Informacionnye vojny. M.: Refl-buk, K.: Vakler, 2000. 576 s.*
12. Prom N.A., Vysockaja I.V., Glebova E.A., Tihajeva V.V. *Pragmaticeskij jeffekt giperboly v mediadiskurse (na materiale nemeckogo i russkogo jazykov). Sovremennye issledovanija social'nyh problem*. 2018. T. 10. № 4. S. 176 – 189.
13. Sternin I.A. *Osnovy rechevogo vozdejstvija. Voronezh: Istoki, 2012. 178 s.*
14. Tihomirov S.A. *Giperbola v gradual'nom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 160 s.*
15. Shiller G. *Manipuljatory soznaniem. M.: Mysl', 1980. 326 s.*

16. Shhurina Ju. V. Internet-memy: problema tipologii. Vestnik Cherepoveckogo universiteta. 2014. № 6 (59). S. 85 – 89.
17. Attkisson S. Slanted: How the News Media Taught Us to Love Censorship and Hate Journalism. N.Y.: Harper, 2020. 320 p.
18. Claridge S. Hyperbole in English: A Corpus-based Study of Exaggeration. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 316 p.
19. Dijk T.A. van. Discourse and Manipulation. Discourse and Society. 2006. Iss. 17 (2). P. 359 – 383.
20. Barnden J.A. Metonymy, reflexive hyperbole and broadly reflexive relationships. Review of Cognitive Linguistics. 2022. Vol. 20. Iss. 1. P. 33 – 69.
21. Saffah M D. Hyperbole: A Pragmatic Perspective. Advances in Social Sciences Research Journal. 2021. Iss. 8 (8). P. 571 – 574.
22. Wiggins B. The discursive power of memes in digital culture: ideology, semiotics, and intertextuality. New York: Routledge, 2019. 180 p.

*Voyakina E.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tambov State Technical University*

HYPERBOLIZATION AS A MANIPULATION TOOL IN CREOLIZED INTERNET TEXTS

Abstract: the purpose of this paper is to analyze the phenomenon of hyperbolization, which acts as a manipulative tool in Internet communication, in particular in various forms of creolized Internet texts, the most common of which is a meme. The relevance of the topic is explained by the ever-increasing influence of Internet communication on the life attitudes of a modern person, which necessitates a deeper understanding of the transmitted information flow in the Internet environment in order to track both social development trends and the linguistic behavior of society members. It has been established that Internet memes manifest excessive hyperbolization in the linguistic conceptualization of the surrounding reality, which is mainly observed in the use of hyperbolic epithets, metaphors, numerals, proper names, comparative constructions, oxymoron in the text part of the meme and the use of the appropriate audiovisual series based on opposition and pun. Manipulation finds its expression in creolized Internet texts with the help of certain manipulative strategies, among which are the strategy of forcing negative emotions, reference to authority, the strategy “we” – “they” / “good” – “bad”, the strategy “expectation” – “reality” and the heroization strategy. The use of memes with elements of hyperbolization is aimed at fixing certain values, stereotypes, moral principles that form the linguistic and cultural picture of the world in the public mind. Internet memes with an element of hyperbolization, therefore, serve as a tool for manipulating public consciousness, as well as a means of reconceptualizing the established picture of the world in the addressee’s mind.

Keywords: hyperbolization, manipulation, manipulative strategy, Internet communication, creolized Internet text, meme, speech impact, pragmatic potential

*Жилина Н.П., доктор филологических наук, профессор,
Жилина-Элс Т.С., кандидат филологических наук, доцент,
ОНК «Институт образования и гуманитарных наук»
Балтийский федеральный университет им. И. Канта*

СЕМАНТИКА ЖЕЛТОГО ЦВЕТА В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ»

Аннотация: в статье исследуется характер изображения и функциональная роль желтого цвета в художественной структуре первого романа известного ирландского писателя. Анализ проводится на сюжетном и аксиологическом уровнях, изучается также символика, свойственная данному колору и реализованная в тексте романа, что позволяет выявить важнейшие особенности мировосприятия и личностного становления главного героя. Устанавливается, что в каждом случае использования желтого цвета в исследуемом романе его семантика остается практически неизменной: соответствуя лишь одному из значений, представленных в словарях символов, она реализует отрицательную коннотацию, связанную исключительно с низким, негативным содержанием данного колора. Доказано, что главными повторяющимися значениями желтого цвета в этом произведении Джойса можно считать порочность, ложность, а также предательство. Во всех немногочисленных эпизодах романа, где в описаниях появляется этот колор, он предвосхищает, создает или усиливает ощущение обманчивости и неправдоподобности происходящего. Каждый раз использование этого цвета углубляет эффективность восприятия развертывающейся перед читателем сцены. Показывается, что желтый цвет напрямую связан с темой порока, занимающей одно из центральных мест в сюжете произведения. Кроме того, при помощи *жёлтого* цвета актуализируется тема предательства, играющая важную роль в художественном сознании писателя. Системный анализ приводит автора к выводу, что семантическое микрополе *жёлтый* в романе Джойса является одним из способов передачи глубинного смыслового содержания и служит для имплицитного выражения авторской позиции.

Ключевые слова: Джойс, семантика, колористика, желтый цвет, становление героя, тема порока, тема предательства

Первый роман Джеймса Джойса «Портрет художника в юности», опубликованный в самом начале XX века и представивший читателю взрослеющего героя, который проходит сложный путь переосмысления ценностей, сразу обратил на себя внимание публики и вызвал восторженные отклики критики. Интерес к роману возобновился затем спустя несколько десятилетий, в течение которых он оставался в тени последующих произведений Джойса. Появились работы, посвященные сопоставлению биографии писателя и фактов жизни его героя [12, 17], изучался также социальный и политический фон того времени [16]. Исследовалась связь «Портрета» с европейской литературной традицией романа воспитания, анализировалось формирование в главном герое качеств художника [8; 10]. Не был обойден вниманием и вопрос отношения писателя и его героя к религии [19].

Сюжет романа организован как путь героя от младенчества к зрелости, при этом главное внимание сосредоточено на «портрете души». В изображении окружающей героя действительности, как и при раскрытии его внутреннего мира, важную роль играет цветовая гамма. Цвет как семантически значимый элемент изображения в романе Джойса также становился предметом анализа в работах различных ученых [9, 11]. Внимание

большинства исследователей привлекали, прежде всего, красный и зеленый – цвета, встречающиеся в первой главе романа, посвященной периоду детства главного героя. Многократное их повторение в дважды описанной сцене рождественского ужина сосредоточивает на них внимание читателя, а парное упоминание и контрастность закрепляет их в памяти. Нередко один и тот же цвет меняет свою семантику на протяжении романа. Так, представленный в первоисточнике тремя лексемами (red, scarlet and maroon), *красный* – red – переходит от энергии и радости красного остролиста на Рождественском празднике и красной розы на зеленом лугу из любимой детской песенки Стивена – к воспаленности и боли в последующих главах. В то же время синоним красного *алый* – scarlet – наоборот, от цвета стыда в первой главе преобразуется в цвет энергичной молодой радости в последней: «...дорога из роз ... вверх, до небес, вся усыпанная алыми цветами» [2, с. 241]. Семантика других красок изменяется в сочетаниях с какими-либо иными или в различных контекстах: так, например, *зеленый* в одних случаях связан с торжественным предвосхищением чего-то необычного (украшения из зеленого плюща на Рождество, конфетная коробка в форме зеленого с красным яблока, обитая зеленым сукном дверь в кабинет ректора), в других же случаях – с отвратительной

картиной разложения (зеленые лужи коровьего навоза). Похожий пример можно наблюдать в третьей главе романа, где бледно-зеленое небо, под которым стоят сбившиеся с пути истинного дети, противопоставлено серо-зеленому пустырю с омерзительными бесами. Однако в изобразительной палитре джойсовского произведения присутствуют и такие краски, которые не употребляются в сочетании с иными и значения которых остаются устойчивыми – к таковым относится *желтый*. Его функциональная роль в сюжетной структуре романа Джойса ранее не становилась предметом изучения, в чем и заключается новизна и актуальность данной статьи.

Как указывается в «Словаре символов» Дж. Тресиддера, желтый «из всех основных цветов наиболее противоречивый по своей символике – от позитивного до негативного, в зависимости от контекста и оттенка. Теплые желтые тона разделяют солнечную символику золота» [5, с. 96-97]. Этим объясняется возникшая в древности у различных народов семантика царственности, связанная с желтым цветом: так, у древних египтян этот колор символизировал «золото, божественную сущность» [4, с. 235]. Как отмечается в «Энциклопедии символов, знаков, эмблем», «желтый, по ассоциации с солнцем, является знаком имперской власти и фамильным цветом китайских императоров» [7, с. 514]. Об этом же пишет и Х.Э. Керлот: желтый цвет в китайской символике, «благодаря ассоциации с солнцем, считается священной привилегией императорской фамилии» [3, с. 553]. В. Копалинский указывает, что «на античных театральном подмостках актер, одетый в пурпур, расшитый золотом, конечно, означал властителя, царя» [4, с. 236]. В то же время в античном театре в желтом одеянии появлялись «распутницы, проститутки» [4, с. 236], а «в китайском театре желтый может означать предательство» [5, с. 97]. Эта символика, как указывает Дж. Тресиддер, «распространена весьма широко и объясняет, почему евреи (из-за предательства ими Христа) должны были носить желтое в средневековой Европе и желтую “звезду Давида” во времена нацизма» [5, с. 97]. В свою очередь Дж. Фоли отмечает, что жёлтый цвет может быть «знаком болезни», цветом «предательства, ревности, трусости, лжи» [6]. Таким образом, хорошо видно, что исследуемый колор обладает амбивалентной семантикой: с одной стороны, он передает символику высокого благородства и даже сакральности, с другой стороны, может заключать в себе семантику человеческих пороков, низких страстей и дна человеческой жизни и души.

В анализируемом романе Джойса на протяжении всех событий желтый цвет представлен не ис-

крящимися лучами солнца, наполняющего все живые существа радостью бытия, не золотом осенних пейзажей или костюма героев, а, чаще всего, грязными, блеклыми оттенками различных предметов, передающих тусклое, подавленное состояние души главного героя. В связи с этим представляется уместным привести высказывание И.В. Гете об оттенках этого колора: «В своей высшей чистоте желтый всегда обладает светлой природой и отличается ясностью, веселостью и мягкой прелестью». И далее: «Если этот цвет в своей чистоте и ясности приятен и радостен, в своей полной силе имеет что-то веселое и благородное, то, с другой стороны, он очень чувствителен и производит неприятное впечатление, если он загрязнен или до известной степени сдвинут в сторону холодных тонов» [1].

В 1 главе романа желтый цвет возникает в нескольких ситуациях, каждый раз выявляя обманчивость впечатлений мальчика, о чем свидетельствуют последующие события. Так, одним из трудных периодов в жизни главного героя является первый год его пребывания в закрытом учебном заведении Клонгоуз, когда ему приходится утверждать свое место среди одноклассников и бороться за лидерство в классе. Его соперник, спортивный и напористый Джек Лотон, на уроке математики первым решает задачу, а шелковый значок красной розы, который «выглядел очень ярко, потому что был приколот к его синей матроске» [14, р. 9], дополняет образ настоящего лидера, умного, сильного и мужественного. Он умеет все, что не получается у Стивена, который не любит командных игр и не может быстро решить уравнение из-за мыслей о разноцветных розах – это заставляет его чувствовать себя никчемным и слабым. Во время футбольного матча Джек – один из нападающих, и в борьбе, которая происходит возле Стивена, именно его *желтые* ботинки дают решающий пас, определивший победу чужой команды.

Стивену кажется, что собственное отличие от других мальчиков воздвигает некую стену, отчуждая его от одноклассников, и он вспоминает несбывшиеся уверения отца в том, что «он здесь будет свой, потому что пятьдесят лет тому назад его дедушка подносил здесь адрес Освободителю» [14, р. 24]. В сознании героя прошлое и настоящее Клонгоуза разделены жесткой чертой, их общность обманчива, что, по его представлению, выражается даже во внешних проявлениях: «Людей того времени можно узнать по их старинным костюмам. В то время все было так торжественно – и он подумал, что, может быть, в то время воспитанники в Клонгоузе носили голубые куртки с медными пуговицами, и *желтые* жилеты, и шапки из кроличьих шкур, и пили пиво, как взрослые,

и держали собственных гончих для охоты на зайцев» [14, р. 24].

Однако вскоре выясняется, что его представление об учениках Клонгоуза – как прошлых, так и нынешних – было иллюзорным: когда над учениками нависает угроза наказания, Джек Лотон оказывается таким же, как и все – неподготовленным к занятиям, не смеющим поднять глаза на учителя и немеющим от ужаса перед классным инспектором. А настоящим лидером становится Стивен, маленький и слабый, который, однако, набирается храбрости пойти к ректору и этим заслуживает уважение всего класса, крики «Ура!» в свою честь и качание на руках. Однако положение первого ученика не защищает его от задиристого старшеклассника Уэллса, который, разозлившись на отказ от неравного обмена, толкает Стивена в выгребную яму, где обитают крысы. Причем за физическим унижением следует унижение вербальное: продолжая издеваться, Уэллс задает ему в присутствии других одноклассников личный вопрос, на который нет правильного ответа, что бы Стивен ни ответил, это лишь станет поводом для насмешки. Как считает один из исследователей, «одноклассник Роуч пытается убедить Стивена в его более низком социальном положении, спрашивая, кем является его отец. Отцы других мальчиков или некоторых из них являются местными дворянами и мировыми судьями» [18, р. 126].

Отсутствие своего места в пространстве школы, унижения и страх, усиленные размышлениями над этой проблемой, совершенно выбивают главного героя из душевного равновесия и доводят до физических страданий. Причем болит у него не живот, как предполагают окружающие, а сердце («если только в этом месте может болеть» [14, р. 10]), которое для ребенка сливается с понятием души. Во время этой болезни в воображении мальчика возникают его собственные похороны в Клонгоузе, пышные и торжественные: «Ректор будет в черном с золотым облачении, и высокие желтые свечи будут гореть на алтаре и вокруг катафалка» [14, р. 10]. Однако могила, видевшаяся ему в призрачном свете желтых свечей, не стала его последним пристанищем: выяснилось, что болезнь не так серьезна, и уже к концу дня ему стало лучше. С другой стороны, сложность ситуации оказалась сильно преувеличенной, и ему не пришлось умирать, чтобы услышать извинения обидчика. Таким образом, в изображении двойной обманчивости всего произошедшего желтый цвет является существенным элементом, функциональность которого имеет немаловажное значение.

Несмотря на счастливо закончившуюся проблему с обидчиками, страх перед враждебным

пространством Клонгоуза не покидает главного героя. Особенно ярко это заметно при употреблении Джойсом приема столкновения сна с реальностью. Радостное сновидение Стивена о доме заканчивается тяжелым пробуждением в дортуаре колледжа, среди плотных *желтых* занавесок. Закрывающие каждую кровать, они становятся для него как бы физической границей между сном и явью, между теплым и родным домом и холодным и враждебным колледжем. В бледном солнечном свете их *желтый* цвет в сопоставлении с яркими красками дома, представшего во сне, еще больше усиливает ощущение чуждости пространства и обманчивости сна. Но истинное значение этого *желтого* знака, явленного во сне, раскрывается в сцене рождественского ужина, когда радостная встреча в украшенном к празднику доме заканчивается скандалом, и полный разрыв отношений между близкими Стивену людьми оказывается первой трещиной в развале семьи. Следующим этапом в разрушении дома становятся «два больших *желтых* фургона», которые однажды утром остановились у ворот, «и люди, тяжело топая, вошли в дом, чтобы увезти обстановку» [14, р. 68].

Жалкая, убогая действительность Дублина, куда переехала семья Дедалов, противопоставленная атмосфере родного мальчику Блэкрока, разрушает те романтические идеалы, которым он ранее поклонялся. И хотя Дублин должен был бы напоминать Марсель и возбудить фантазии мальчика, он не чувствует себя больше графом Монте-Кристо, прибывшим в родной некогда город после многолетних скитаний, наоборот, он ощущает себя Эдмоном Дантесом, который попал в темницу и испытания которого только начинаются. «И среди этой новой кипучей жизни он мог бы вообразить себя в Марселе, но только здесь не было ни яркого неба, ни *залитых солнцем* решетчатых окон винных лавок. Смутная неудовлетворенность росла в нем, когда он смотрел на набережные, и на реку, и на низко нависшее небо, и все же он продолжал блуждать по городу день за днем, точно и в самом деле искал кого-то, кто ускользал от него» [14, р. 70].

Синее небо Марселя и корабли под *белоснежными парусами*, описанные в книгах, возникают в его сознании, обнаруживая противоречие с единственным ярким пятном – густой *желтой* пеной на поверхности воды в дублинском порту. Об этом же пишет и один из известных исследователей творчества Джойса Ричард Кейн: «После своего первого знакомства с городом, Стивен доходит до доков и там переживает очередное столкновение между романтическим идеалом и убогой и отвратительной реальностью. С одной стороны, пена на реке, гремящие

повозки и неряшливый полицейский, а, с другой – “огромность и странность” жизни, вызванная в его воображении городами, куда направляются товары, которые грузят на корабли» [15, р. 93].

Самым запоминающимся для читателя фрагментом является, несомненно, описание дублинского квартала в конце 2 главы: «Желтые языки фонарей возникли перед его беспокойным взором на фоне темного неба, пылая, как свечи перед алтарем» [14, р. 107]. Этот колор производит здесь особенно сильное впечатление, поскольку, блуждая в темном лабиринте грязных улиц неприятного города, Стивен вдруг обнаруживает таинственное место, где желтые фонари на фоне темного неба вспыхивают особенно ярко. Герою представляется, что он наконец-то нашел то чудесное светлое место, где его приласкают и успокоят, а женщины в ярких нарядах откроют для него иной мир. Но уже следующая глава начинается с совершенно иного описания того же самого локуса – иллюзия торжественности исчезает, обнажая отвратительную реальность: «Ночь будет темная и глухая. В ранних сумерках желтые фонари осветят тут и там убогий квартал публичных домов» [14, р. 109]. Грязь и мерзость квартала борделей, где каждая деталь оскорбляет все его чувства, притупляются лишь похотью. Посещения проститутки приводят к более серьезному опустошению в душе Стивена, чем он мог бы предположить, и подводят его к черте своеобразного умирания, за которой ощутим лишь холодный хаос тьмы. Выслушанная вскоре проповедь старого учителя-монаха оказывает сильнейшее воздействие не только на его душу, но и приносит ему невыносимые физические страдания: «Он ощущал только боль, чувствовал, как изнывают его душа и тело, как одурманено и истомлено все его существо – память, воля, сознание, плоть» [14, р. 113]. Живописания ада на лекции о Страшном суде дают толчок его воображению и воплощаются в сонном кошмаре, представляющем его персональный ад. Урбанистический пейзаж, представший далее глазам героя, содержит лишь одну цветовую деталь – это мгла, окрашенная в желтый цвет: «Когда приступ миновал, он с трудом добрал до окна, поднял раму и сел в углу ниши, облокотившись на подоконник. Дождь перестал. Клочки тумана плыли от одной светящейся точки к другой, и казалось, что город прядет вокруг себя мягкий кокон желтоватой мглы. Небеса были тихи и слабо сияли, воздух был сладостен для дыхания, как в лесной чаще, омытой дождем, и среди тишины, мерцающих огней и мирного благоухания он дал обет своему сердцу [2, с. 330-331]». После осознания своей греховности и собственного страшного падения, убожество окружающего мира не вы-

глядит в его глазах столь поразительным, как раньше, в сравнении с увиденным адом. Дав обет стать лучше и отречься от прошлой жизни, Стивен проводит больше времени в колледже и в церкви, чем дома. Однако очищение, которого он жаждал, оказалось неполным. И желтый свет заката, освещающий его встречу с ректором, становится предвестником того, что эта встреча не откроет ему путь в иную жизнь. «Тот легкий желтый отблеск, который скрывал едва заметный огонек, плясавший на его щеке» [14, р. 168], можно считать цветовой миниатюрой дальнейшего развития событий – отказа Стивена принять сан и его отхода от церкви.

Приезд героя домой, его встреча с родными, когда-то неотделимая от атмосферы праздника, теперь обнажает конфликт с устройством дома и домашними, настолько же глубокий, как и разногласия с церковью. Описание завтрака, данное в самом начале 5 главы, воспроизводит всю атмосферу дома: «Он осушил третью чашку жидкого чая до самой гущи на дне и стал жевать корки поджаренного хлеба, которые были разбросаны возле него, уставившись в темное содержимое банки. Застывший желтый жир, оставшийся после жарки мяса, был вычерпан ложками, как впадина на болоте, а жидкость, скопившаяся на ее дне, оживила воспоминания о темной торфяного цвета воде в ванной Клонгоуза» [14, р. 188]. Не только колористика (сочетание застывшего желтого жира с общим неприятным темным цветом еды), но и появившееся в сознании героя воспоминание о ненавистной «торфяного цвета воде в ванной Клонгоуза», а также возникший в связи с этим образ болота, не могут не вызвать у читателя отвращения ко всему изображенному. Дальнейшее описание ясно показывает, что это жалкое подобие семейного завтрака отражает подобие дома и семьи, где слышатся только причитания матери, свист и ругань отца и ощущается полное равнодушие остальных.

Выйдя из дома, главный герой отправляется на прогулку по городу и доходит до университета, такого желанного ранее и уже успевшего его разочаровать. Среди университетских приятелей, с которыми Стивен обсуждает свои эстетические теории и житейские идеи, выделяется Линч, который в противоположность привычному словоупотреблению использует лексему «желтый» в качестве ругательства, заменяя ею проклятие. Эта своеобразная желтая метка, присущая данному персонажу, по мнению Ричарда Эллманна, напоминает об использовании желтого цвета в одежде, которую должны были носить евреи в средневековой Европе как «цвет предательства». Отметим, что у Линча имелся совершенно определенный прото-

тип – друг и однокашник Джойса Винсент Косгрейв, сначала пытавшийся соблазнить Нору Барнакл, будущую жену писателя, а затем опорочить ее перед ним [13, р. 183]. Как подчеркивает исследователь, именно этот эпизод из собственной жизни заставил писателя связать в своих романах тему дружбы с предательством. Более полно эта тема в таком ракурсе раскрывается в романе «Улисс», где «Стивен называет Линча Иудой и предсказывает, что тот повесится» [12, р. 97]. В «Портрете художника в юности» такой сюжетный поворот лишь смутно угадывается в резких суждениях Стивена и в употреблении непривычного «желтого» ругательства как своеобразной «метки».

Как можно убедиться, в каждом случае использования желтого цвета в исследуемом романе его семантика остается практически неизменной: соотвествуя лишь одному из значений, представленных в словарях символов, она реализует отрицательную коннотацию, связанную исключитель-

но с низким, негативным содержанием данного колора. Главными повторяющимися значениями желтого цвета в этом произведении Джойса можно считать *порочность*, *ложность*, а также *предательство*. Во всех немногочисленных эпизодах романа, где в описаниях появляется этот колор, он предвосхищает, создает или усиливает ощущение *обманчивости* и неправдоподобности происходящего. Каждый раз использование этого цвета углубляет эффективность восприятия развертывающейся перед читателем сцены. Желтый цвет напрямую связан с темой *порока*, занимающей одно из центральных мест в сюжете произведения. Кроме того, при помощи *жёлтого* цвета актуализируется тема *предательства*, играющая важную роль в художественном сознании писателя. Таким образом, семантическое микрополе *жёлтый* в романе Джойса является одним из способов передачи глубинного смыслового содержания и служит для имплицитного выражения авторской позиции.

Литература

1. Гете И.В. К учению о цвете. Хроматика. Очерк учения о цвете (отрывки) // Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 555 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/gete.htm> (дата обращения: 25.08.2022)
2. Джойс Дж. Портрет художника в юности // Джойс Дж. Избранные сочинения: в 3 т. М.: Знаменитая книга, 1993. Т. 1. 449 с.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
4. Копалинский В. Словарь символов: пер. с польск. В.Н. Зорина. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 267 с.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов% пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
6. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. 2-е изд-е, доп. и перераб. М.: Вече, 1997. 512 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/>. (дата обращения: 15.07.2022)
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель; МИФ; АСТ, 2001. 576 с.
8. Buckley J. Season of Youth: the Bildungsroman from Dickens to Goldberg. Cambridge: CUP, 1974. 352 p.
9. Bernstock B.A Light from Some Other World: Symbolic Structure in A Portrait of the Artist // Approaches to Joyce's Portrait. Ten Essays / Ed. by Thomas F. Staley and B. Benstock. Pittsburg, University of Pittsburgh Press, 1976. P. 185 – 212.
10. Castle G. Reading The Modernist Bildungsroman. Gainesville: University of Florida Press, 2015. 340 p.
11. Catherine Mullin. An Introduction to A Portrait of the Artist as a Young Man. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/an-introduction-to-a-portrait-of-the-artist-as-a-young-man>, 2016 (дата обращения: 12.08.2022)
12. Ellmann R.A Portrait of the Artist as a Friend // Joyce's Portrait. Criticism and Critiques. Ed. Thomas Connolly. London, P. Owen, 1964. P. 86 – 101.
13. Ellmann R. James Joyce. New York, Oxford Univ.: OUP, 1959. 887 p.
14. Joyce James. A Portrait of the Artist as a Young Man. London, Penguin Books, 1992. 218 p.
15. Kain R. Epiphanies of Dublin // Approaches to Joyce's Portrait. Ten Essays / Ed. by Thomas F. Staley and B. Benstock. Pittsburg, University of Pittsburgh Press, 1976. P. 92 – 112.
16. Kain R., Scholes R. The Workshop of Daedalus: James Joyce and the Raw Materials for "A Portrait of the Artist as a Young Man". Evanston: University of Illinois Press, 1965. 287 p.
17. Mahon John W. Joyce Among the Brothers // Christianity and Literature. 2004. Vol. 53. № 3. P. 349 – 359.
18. Parrinder P. Joyce's Portrait and the Proof of the Oracle // James Joyce's A Portrait / Ed. by H. Bloom. NY–Philadelphia, Chelsea House Publishers, 1988. P. 125 – 141.
19. Sullivan K. Joyce Among the Jesuits. New York, Columbia University Press, 1958. 268 p.

References

1. Gete I.V. К ucheniju o cvete. Hromatika. Oчерk uchenija o cvete (otryvki). Gete I.V. Izbrannye sochinenija po estestvoznaniyu. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 555 s. [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://psyfactor.org/lib/gete.htm> (data obrashhenija: 25.08.2022)
2. Dzhoids Dzh. Portret hudozhnika v junosti. Dzhoids Dzh. Izbrannye sochinenija: v 3 t. M.: Znamenitaja kniga, 1993. T. 1. 449 s.
3. Kerlot H.Je. Slovar' simvolov. M.: REFL-book, 1994. 608 s.
4. Kopalinskij V. Slovar' simvolov: per. s pol'sk. V.N. Zorina. Kaliningrad: Jantarnyj skaz, 2002. 267 s.
5. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov: per. s angl. S. Pal'ko. M.: FAIR-PRESS, 1999. 448 s.
6. Foli Dzh. Jenciklopedija znakov i simvolov. 2-e izd-e, dop. i pererab. M.: Veche, 1997. 512 s. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://slovari.yandex.ru/>. (data obrashhenija: 15.07.2022)
7. Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem. Avt.-sost. V. Andreeva i dr. M.: Astrel'; MIF; AST, 2001. 576 s.
8. Buckley J. Season of Youth: the Bildungsroman from Dickens to Goldberg. Cambridge: CUP, 1974. 352 p.
9. Bernstock B.A Light from Some Other World: Symbolic Structure in A Portrait of the Artist. Approaches to Joyce's Portrait. Ten Essays. Ed. by Thomas F. Staley and B. Benstock. Pittsburg, University of Pittsburgh Press, 1976. P. 185 – 212.
10. Castle G. Reading The Modernist Bildungsroman. Gainesville: University of Florida Press, 2015. 340 p.
11. Catherine Mullin. An Introduction to A Portrait of the Artist as a Young Man. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/an-introduction-to-a-portrait-of-the-artist-as-a-young-man>, 2016 (data obrashhenija: 12.08.2022)
12. Ellmann R.A Portrait of the Artist as a Friend. Joyce's Portrait. Criticism and Critiques. Ed. Thomas Connolly. London, P. Owen, 1964. P. 86 – 101.
13. Ellmann R. James Joyce. New York, Oxford Univ.: OUP, 1959. 887 p.
14. Joyce James. A Portrait of the Artist as a Young Man. London, Penguin Books, 1992. 218 p.
15. Kain R. Epiphanies of Dublin. Approaches to Joyce's Portrait. Ten Essays. Ed. by Thomas F. Staley and B. Benstock. Pittsburg, University of Pittsburgh Press, 1976. P. 92 – 112.
16. Kain R., Scholes R. The Workshop of Daedalus: James Joyce and the Raw Materials for "A Portrait of the Artist as a Young Man". Evanston: University of Illinois Press, 1965. 287 p.
17. Mahon John W. Joyce Among the Brothers. Christianity and Literature. 2004. Vol. 53. № 3. P. 349 – 359.
18. Parrinder R. Joyce's Portrait and the Proof of the Oracle. James Joyce's A Portrait. Ed. by H. Bloom. NY–Philadelphia, Chelsea House Publishers, 1988. P. 125 – 141.
19. Sullivan K. Joyce Among the Jesuits. New York, Columbia University Press, 1958. 268 p.

*Zhilina N.P., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Zhylina-Els T., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
ONK "Institute of Education and Humanities",
Immanuel Kant Baltic Federal University*

SEMANTICS OF YELLOW COLOR IN JAMES JOYCE'S A PORTRAIT OF THE ARTIST AS A YOUNG MAN

Abstract: the article examines the nature of the image and the functional role of yellow color in the artistic structure of the first novel by the famous Irish writer. The analysis is carried out at the plot and axiological levels, the symbolism inherent in this color and implemented in the text of the novel is also studied, which makes it possible to identify the most important features of the worldview and personal development of the protagonist. It is established that in each case of using the yellow color in the novel, its semantics remains practically unchanged: corresponding to only one of the meanings presented in the dictionaries of symbols, it realizes a negative connotation associated exclusively with the low, negative content of this color. It is proved that the main recurring meanings of yellow in this work of Joyce can be considered depravity, falsity, and betrayal. In all the few episodes of the novel where this color appears in the descriptions, it anticipates, creates or enhances the feeling of deceptiveness and implausibility of what is happening. Each time the use of this color deepens the perception of the scene unfolding in front of the reader. It is shown that yellow color is directly related to the theme of vice, which occupies one of the central places in the plot of the work. In addition, with the help of yellow, the theme of betrayal is actualized, which plays an important role in the artistic consciousness of the writer. Systemic analysis leads the researcher to the conclusion that the semantic microfield of yellow in Joyce's novel is one of the ways to convey deep semantic content and serves to implicitly express the author's position.

Keywords: joyce, semantics, yellow, colouring, maturing of the protagonist, vice, betrayal

*Кисель И.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация: цель исследования – выявление особенностей репрезентации концепта «Здоровье» в английских паремиях. Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования базовых лингвокультурных концептов, включая такие элементы концептосферы, которые репрезентируют физическое и ментальное состояние человека, влияющее на его здоровье и, соответственно, на качество жизни. Анализ вербализации английского концепта «Здоровье» позволяет установить основные ценностные координаты представителей английской лингвокультуры, репрезентирующиеся в отношении человека к состоянию своего организма.

Новизна заключается в когнитивной интерпретации дословных значений паремиологических единиц. Отказ от использования русских эквивалентов английских пословиц позволяет получить наиболее объективные данные о семантике паремиологических единиц.

В результате исследования было установлено, что для представителей английской лингвокультуры здоровье является более ценным понятием, чем материальные блага. Оптимизм, профилактика, полезные привычки и образ жизни в целом являются определяющим фактором физического состояния человека. В тоже время отмечается относительность здоровья, невозможность его познания без опыта борьбы с болезнью.

Результаты проведенного исследования могут быть применены при дальнейшем исследовании особенностей репрезентации английского концепта «Здоровье» и для анализа специфики концептосферы английской лингвокультуры в целом.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, концептосфера, паремия, когнитивный признак, коммуникативное поведение

Физиолого-психологическое состояние человека является одним из наиболее важных составляющих его жизни и определяет не только его мировосприятие, но и поведение, включая коммуникативное.

Актуальность исследования, представленного в данной статье, определяется возрастающей медико- и социокультурной релевантностью. Современный человек выстраивает свое коммуникативное поведение и оценочные суждения, основываясь на своих физиолого-психологических особенностях и на специфике отношения общества к его состоянию.

Целью проведенного исследования является анализ исторически сложившегося отношения представителей англоязычной культуры к понятию здоровья, отраженное в английской лингвокультуре.

Английский концепт здоровье включает понятийные, образные и ценностные признаки концепта. Концепт «здоровье» является бинарным типом концептов и взаимосвязан с концептом «болезнь».

Основное содержание концепта «здоровье» в английской лингвокультуре включает следующие элементы: оппозиции, которые представлены противопоставлениями *целостность организма – нарушение целостности, устойчивость функционирования организма – неустойчивость функционирования организма, сила человека – слабость человека*; образные ассоциации, связанные с природными явлениями, элементкультуры, связан-

ные с безупречной красотой; ценностные ориентации, связанные с особенностями социального взаимодействия, обусловленного физиолого-психологическим состоянием человека [6, с. 2].

Являясь сложным, многокомпонентным образованием, концепт находит вербализацию с помощью различных языковых средств: лексических, фразеологических, паремических, включая реакции носителей языка, и в целом дискурсивных.

Особенности видения мира этноса зафиксированы в паремиологических единицах (пословицах и поговорках), репрезентирующих народное мировоззрение. Пословицы и поговорки эксплицируют традиции и исторически сложившееся мировидение этноса. Паремии – это кристаллизовавшиеся осмысления того или иного концепта, формирующиеся на протяжении длительного времени [6, с. 4].

Пословицы представляют собой компактные, сжатые изречения, обладающие не только особенностями формы, но и содержания: ритмически организованная форма иназидательно-оценочное содержание.

Понятие поговорки не имеет четкого научного определения. Поговорки, так же как и пословицы, оформляются в виде коротких высказываний, но им нехарактерна поучительная функция. Пословицы эксплицируют народную мудрость, они более абстрактны, чем поговорки.

Анализ семиотических особенностей паремий раскрывает особый вид концептуальной структу-

ры. Знания о мире, обыденное познание, концептуальноотражаются в пословицах и поговорках. Учитывая многоаспектность и многофункциональность концепта, представляется возможным проанализировать особенности формирования концептосферы в диахронии.

Анализ паремилогического материала позволяет установить и проанализировать особенности эволюции мировосприятия этноса на протяжении длительного исторического периода. Основной пласт пословиц был сформирован в дописьменный период, и чем старше пословица, тем нагляднее расхождения смысла, вложенного в паремию, с особенностями актуального мировосприятия этноса.

Таким образом, задачей анализа паремилогического материала является изучение элементов ментальности этноса с целью описать трансформации и тенденции современной этнической картины мира.

Паремии не ограничиваются репрезентацией отдельного концепта и иллюстрируют отношения между различными элементами концептосферы.

Этим обусловлено наличие антонимии и антагонизма паремилогических единиц. Пословицы и поговорки, благодаря экспрессивности, транслируют отношение представителей лингвокультуры к определенным реалиям жизни.

Представители того или иного этноса фиксируют свое мировосприятие и опыт именно в пословицах и поговорках. Культурный концепт, являясь многомерным явлением, включают в себя оценочный аспект и отражает эволюцию семантики того или иного понятия, которые вербализуются своей в пословицах и поговорках. Следовательно, историческая память народа может быть изучена на материале паремилогических единиц.

А.А. Потебня отмечал, что метафоричность и образность паремий, их устойчивость, лаконичность, организация формы, и поучительный смысл, позволяют наиболее емко исследовать социально-исторический опыт народа [5]. Понятие, отраженное в пословице, благодаря своей метафоричности, транслирует отношение представителя конкретной лингвокультуры к тому или иному явлению или объекту окружающей действительности. Абстрактные понятия заключаются в конкретные образы, что позволяет наиболее четко понять и описать мировосприятие человека.

Метафоры встречаются в тех паремилогических единицах, которые содержат коммуникативно релевантные понятия, то есть широко представленные в повседневной жизни для описания поступков человека и явлений окружающей действительности [5].

Границы между языковой и концептуальной картинами мира достаточно размыты. Культурная картина мира не может быть сформировано одномоментно кристаллизоваться на длительный период времени. Познание мира отдельным этносом имеет свои особенности в различный момент исторического развития общества, обусловленные социально-экономическими и политическими факторами. Поэтому, в пословицы часто включают суждения, ошибочные для современного представителя той или иной лингвокультуры, так как языковая картина мира более стабильна и устойчива, чем концептуальная, и может длительный период времени сохранять ошибочные представления о бокружающей действительности и, в особенно это касается аксиологического аспекта мировосприятия. Таким «хранилищем» информации, зачастую противоречивой, и являются пословицы, поговорки и афоризмы.

В данном случае уместно процитировать мысль о том, что «консервативные имманентные культурно-языковые формы этносов» [1, с. 115].

Сложная жизненная ситуация репрезентируется в конкретной паремии, имеющей ограниченное количество средств и являющейся вторичной языковой единицей.

Материалом для анализа паремий, вербализующих элементы концепта «Здоровье» в английском языковом сознании, послужили данные выборки из паремилогических словарей [2, 3, 4]. Перевод пословиц сделан нами. Целенаправленно предложен дословный перевод, так как, при анализе русских эквивалентов, упускаются особенности структуры и семантического наполнения аутентичных паремилогических единиц.

Паремилогический материал анализируется путем когнитивной интерпретации значений единиц, то есть смысл паремии интерпретируется как отражение когнитивного признака. Когнитивная интерпретация предполагает анализ и классификацию семантических признаков, выявленных в паремилогическом поле концепта «Здоровье», то есть исследуемые единицы включают не только лексему *health*, но и лексические единицы, связанные с состоянием здоровья человека.

Анализ английских паремий позволяет выявить следующие когнитивные признаки:

1. Здоровье всего дороже.

«Good health is above wealth».

Здоровье выше богатства.

«Wealth is nothing without health». – *Богатство ничто без здоровья.*

2. Здоровье связано с позитивным настроем человека.

«Happiness is nothing more than good health and a bad memory». – *Счастье это всего лишь хорошая*

здоровье и плохая память. В данном примере мы наблюдаем противопоставление «хорошее здоровье – плохая память».

Подобное явление связано, скорее всего, с необходимостью не помнить того, что может негативно сказаться на эмоциональном состоянии человека и навредить его здоровью.

«Health and cheerfulness mutually beget each other». – *Здоровье и жизнерадостность рука об руку идут.*

«A sound mind in a sound body». – *В здоровом теле здоровый дух.*

«Laughter is the best medicine». – *Смех – лучшее лекарство.*

«He who has health has hope; and he who has hope, has everything». – *У кого есть здоровье – у того есть надежда, у кого есть надежда – у того есть все.*

3. Питание и образ жизни влияют на состояние здоровья.

«To rise at five, dine at nine, sup at five, go to bed at nine makes a man live to ninety-nine». – *Вставай в пять, обедай в девять, ужинай в пять и ложись спать в девять, проживёшь девяносто девять лет.*

«An apple a day keeps the doctor away». – *Яблоко в день держит доктора на расстоянии.*

«Gluttony kills more than sword». – *От обжорства гибнет больше людей, чем от меча.*

«You are what you eat». – *Ты – то, что ты ешь.*

«Eat to live, not live to eat». – *Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть.*

«Eat well, drink in moderation, and sleep sound, in these three good health abounds». – *Ешь хорошо, пей умеренно и крепко спи. В этих трех вещах все здоровье.*

«Cleanliness is next to godliness». – *Чистота следует за богоугодностью.*

«We drink one another's health and spoil our own». – *Мы пьем за здоровье друг друга, и при этом губим собственное.*

«Temperance is the best physic». – *Умеренность – лучшее средство.*

«Early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise». – *Кто рано ложится и рано встает, здоров, богат и разумен.*

4. Относительность здоровья.

Для того, чтобы быть здоровым необходимо спать и, в то же время, необходимо рано вставать.

«Sleep is a healing balm for every ill». – *Сон – бальзам от любой болезни.*

«The early bird gets the worm». – *Ранняя птица находит червяка.*

Отдых необходим для здоровья, но и работы много не бывает.

«A good rest is half the work». – *Хороший отдых – половина дела.*

«It is better to wear out than to rust out». – *Лучше износиться, чем заржаветь.*

«Hard work never did anyone any harm». – *Упорная работа никому ещё вреда не принесла.*

5. Ценность здоровья осознается через болезни.

«Health is not valued till sickness comes». – *Здоровье не ценится, пока не приходит болезнь.*

«By the side of sickness health becomes sweet». – *По сравнению с болезнью здоровье сладостно.*

6. Здоровье – явление непостоянное и хрупкое, а болезнь, наоборот, достаточно сильна и устойчива.

«Health is a call loan». – *Здоровье – ссуда, которая может быть отозвана.*

«Sickness comes in haste and goes at leisure». – *Болезнь приходит в спешке, уходит неспешно.*

7. Столкнувшись с болезнью, необходимо сохранять оптимизм.

«What can't be cured must be endured». – *То, что нельзя вылечить, нужно вытерпеть.*

«Better ten times ill than one time dead». – *Лучше десять раз болеть, чем один раз умереть.*

«Sickest is not the nearest to the grave». – *Быть самым больным не означает быть самым близким к могиле.*

Необходимо отметить, что данные примеры, возможно, относятся также к сфере британского концепта «silver lining», включающего в себя оптимизм и жизнелюбие.

8. Особая роль отводится сохранению здоровья с помощью профилактики.

«Prevention is better than cure». – *Профилактика лучше лечения.*

«Study sickness while you are well». – *Изучай болезни, пока здоров.*

«An ounce of prevention is worth a pound of cure». – *Унция профилактики стоит фунта лечения.*

Тем не менее, встречаются выражения с противоположным значением обесмысленности профилактики или об опасности чрезмерной заботы о здоровье.

«The trouble with always trying to preserve the health of the body is that it is so difficult to do without destroying the health of the mind». – *Опасность постоянной заботы о здоровье тела состоит в трудности сделать это без повреждения здоровья ума.*

«Eat right, exercise regularly, die anyway». – *Питайся правильно, делай гимнастику, умрешь все равно.*

9. Влияние врача и медицины в целом на состояние здоровья человека неоднозначно.

«Every patient carries her or his own doctor inside». – *Доктор – внутри каждого.*

«Fond of doctors, little health, Fond of lawyers, little wealth». – *Любовь к докторам – малоздоровья, любовь к юристам – мало денег.*

«Whowantstokeepsaneshouldlivefarfromadoctor». – *Кто хочет сохранить рассудок, должен находиться подальше от докторов.*

«Medicine and war depopulate the earth». – *Медицина и война уничтожают население земли.*

10. Вопросы, связанные с лечением, являются индивидуальными и непринимаящие обобщений. Попытки давать рекомендации относительно лечения воспринимаются негативно.

«Itiseasyforamaninhealthtopreachpatienttothesick». – *Легко здоровому учить больного терпению.*

«Oneman'smeatisanotherman'spoison». – *Что для одного человека пища, для другого – яд.*

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что паремиологические единицы репрезентируют такие черты англоязычной лингвокультуры, как внимательность к состоянию своего организма, ценность здоровья, стоицизм и настороженное отношение к советам других людей и к медицине.

Перспективным представляется расширение исследования английского концепта «Здоровье» на материале ассоциативного эксперимента и сопоставление с соответствующими понятиями в других лингвокультурах.

Литература

1. Балова И.М., Кремшюкалова М.Ч. Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур // *Философские науки*. 2011. № 1. С. 108 – 121.
2. Комаров А.С. Английские пословицы, поговорки и крылатые выражения: учебное пособие. Москва: ТК Велби, Проспект, 2005. 80 с.
3. Костенко С.А., Курбединов Р.А. Англоязычные идиомы и пословицы, связанные с медициной и здоровьем // *Молодой ученый*. 2020. № 40 (330). С. 237 – 239. URL: <https://moluch.ru/archive/330/73817/> (дата обращения: 05.10.2022)
4. Митина И.Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги / *English Proverbs and Sayings and their Russian Equivalents*. Москва: КАРО, 2017. 336 с.
5. Потенция А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // *Теоретическая поэтика*. М.: Высшая школа, 1990. 244 с.
6. Туленинова Л.В. Концепты "здоровье" и "болезнь" в английской и русской лингвокультурах: автореферат дис. ... канд. филолог. наук / *Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград*, 2008. 20 с.

References

1. Balova I.M., Kremshokalova M.Ch. Paremiy kak forma sintezasmyslovyh mirov russkoj i kavkazskih kul'tur. *Filosofskie nauki*. 2011. № 1. S. 108 – 121.
2. Komarov A.S. Anglijskie poslovicy, pogovorki i krylatyevyrazhenija: uchebnoe posobie. Moskva: TK Velbi, Prospekt, 2005. 80 s.
3. Kostenko S.A., Kurbedinov R.A. Anglojazychnye idiomyy i poslovicy, svjazannyye smedicinoy i zdorov'em. *Molodoj uchenyj*. 2020. № 40 (330). S. 237 – 239. URL: <https://moluch.ru/archive/330/73817/> (data obrashhenija: 05.10.2022)
4. Mitina I.E. Anglijskie poslovicy i pogovorki i ih russkie analogi. *English Proverbs and Sayings and their Russian Equivalents*. Moskva: KARO, 2017. 336 s.
5. Potebnja A.A. Iz lekcij po teorii slovesnosti. Basnja. Poslovica. Pogovorka. *Teoreticheskaja pojetika*. M.: Vysshaja shkola, 1990. 244 s.
6. Tuleninova L.V. Koncepty "zdorov'e" i "bolezni" v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoreferat dis. ... kand. filolog. Nauk. *Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd*, 2008. 20 s.

*Kisel I.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Rostov State University of Economics (RINH)*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "HEALTH" IN ENGLISH PAROEMIAS

Abstract: the purpose of the study is to identify the features of the representation of the concept of "Health" in English paroemias. The relevance of the work is due to the need to study basic linguistic and cultural concepts, including such elements of the conceptosphere that represent the physical and mental state of a person that affects his health and, accordingly, the quality of life. The analysis of the verbalization of the English concept "Health" allows us to establish the main value coordinates of representatives of the English linguoculture, which are represented in relation to a person's state of his body.

The novelty lies in the cognitive interpretation of the literal meanings of paremiological units. The refusal to use Russian equivalents of English proverbs allows us to obtain the most objective data on the semantics of paremiological units.

As a result of the study, it was found that for representatives of the English linguistic culture, health is a more valuable concept than material goods. Optimism, prevention, healthy habits and lifestyle in general are the determining factor of a person's physical condition. At the same time, the relativity of health is noted, the impossibility of knowing it without experience in fighting the disease.

The results of the study can be applied to further study of the peculiarities of the representation of the English concept "Health" and to analyze the specifics of the conceptual sphere of English linguoculture.

Keywords: concept, linguoculture, conceptosphere, paremia, cognitive trait, communicative behavior

Мельгунова А.В., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

ТЕРМИНЫ С МЕСТОИМЕННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: в статье рассматриваются немецкоязычные лингвистические термины, фиксирующие определённые аспекты использования местоимений, в первую очередь – личных, в процессе авторизации научных трудов. Материалом послужили работы современных лингвистов – Т. Штайнхофа, П. Ауэра, Х. Вайнриха и др., посвящённые различным характеристикам научного текста и затрагивающие в том числе тему авторизации. Целью исследования является структурный и семантический анализ слов с местоименными компонентами в сфере терминологии. Функционирование подобных лексических единиц может быть различным в зависимости от науки, в языке которой они используются. Задачи заключаются в выявлении терминологии с местоименными компонентами, фигурирующей в лингвистических работах о научном стиле и в описании её особенностей. Тема авторизации тесно связана с использованием местоимений, чем обусловлено большое количество слов с местоименными компонентами в соответствующей терминологии. Актуальность данной темы связана с тем, что терминология не является абсолютно замкнутой группой лексических средств, а развивается – в её рамках также возможно появление новых слов, авторских терминов, которые затем становятся широко употребительными. Терминология рассмотренной области отражает определённые тенденции, свойственные современному научному стилю в аспекте авторизации. Практическое применение результатов исследования заключается в возможности их использования в теоретических курсах и на семинарах по словообразованию и лексикологии немецкого языка.

Ключевые слова: авторизация, научный стиль, терминология, немецкий язык, словосложение, местоимения, слова с местоименными компонентами

Лексические единицы немецкого языка с включением компонентов- местоимений фигурируют в различных языковых контекстах. Некоторые из них используются в устной речи и публицистике, однако большое количество подобных слов употребительно в языке различных профессиональных областей и может быть отнесено к терминологии.

Известно, что в словообразовании научного текста словосложение задействовано в большей степени, чем в других сферах коммуникации [5, с. 88]. Если рассматривать терминологию отдельных научных сфер более подробно, можно выявить некоторые специфические характеристики терминов-сложных слов – например, типичность компонентов определённого типа в их составе.

В лингвистике термины с местоименными компонентами касаются непосредственно функционирования соответствующих местоимений в речи, в отличие от других наук – например, в психологии местоимение *ich* «я» как компонент сложного слова прежде всего обозначает личность человека [2, с. 61-62]. Далее будет рассмотрена терминология с включением местоименных компонентов, типичная для немецких лингвистических текстов, посвящённых языковым характеристикам научного стиля.

Одной из проблем научного стиля является авторизация, то есть наличие в тексте языковых средств, которые указывают на личность автора.

Тексты научного стиля характеризуются низким уровнем эксплицитной авторизации, что проявляется в том числе в нечастотности личных местоимений для обозначения автора [4, с. 317].

Этим объясняется возникновение некоторых терминов, которые связаны с данной специфической чертой научного текста – например, широко используемый термин Х. Вайнриха *das Ich-Verbot* – *запрет использования «я»* / *запрет на авторизацию* [11, S. 132] и *das Ich-Tabu* – *табу на использование «я»* – аналогичный термин Х.Л. Кретценбахера [9, р. 26].

Обычно среди личных местоимений в качестве компонентов немецких композитов преобладают местоимения первого лица единственного и множественного числа [1, с. 124], что можно сказать и о рассмотренном материале. Именно эти личные местоимения имеют непосредственное отношение к теме авторизации.

Реже можно встретить другие типы местоимений – например, указательное местоимение *selbst* «сам». Если в текстах психологической и филологической тематики доля слов с компонентом *selbst* особенно высока [3, с. 110], то в исследуемом контексте количество таких слов минимально – они представляют собой обозначения самого факта автореференции – *die Selbstreferenz*, *die Selbstthematisierung*. Синонимом к ним также может служить композит с компонентом *ich*: *Und tatsächlich verwenden die Autoren wissenschaftlicher*

Texte Strategien, um **die Ich-Referenz** zu vermeiden [6, p. 17]. – *И в самом деле авторы научных текстов применяют стратегии, позволяющие избежать автореференции (перевод А. В. Мельгуновой).*

Рассмотрим лексические единицы с местоименным компонентом на первом месте, т. е. когда он является определительным по отношению ко второму, определяемому. Самыми известными из них являются приведённые выше обозначения запрета на авторизацию с включением местоимения *ich*. Именно эти лексические единицы являются наиболее терминологичными в том смысле, что за ними закрепилось конкретное значение и они присущи трудам определённой – а именно, лингвистической – тематики.

Другие слова с местоимением на первом месте касаются классификации типов значений местоимений в контексте: *der Ich-Typ* (множ. -*Typen*), *der Wir-Typ(-en)*, *der Man-Typ(-en)* – *тип(ы) «я»*, *тип(ы) «мы»*, *тип(ы) неопределённо-личного местоимения*. Данные композиты являются гиперонимами к названиям конкретных вариантов значения местоимений, которые будут приведены далее. Здесь присутствует и неопределённо-личное местоимение *man*, которое также используется авторами научных текстов – например, в формулировках обобщающего характера.

В работах, посвящённых научному стилю, существует также большая группа слов с местоименными компонентами, которые можно было бы назвать «узуальными словами терминологического характера» – они появляются в тексте по мере надобности для характеристики употребления местоимений, их частотности и т. п. Подобные слова характеризуются менее жёсткой привязкой к конкретной сфере и вследствие этого более размытым значением. Многие из них могут использоваться и вне трудов о научном стиле – например, при преподавании языков, описании и объяснении грамматических форм, обсуждении проблем коммуникации. Поэтому они не являются терминами в строгом понимании.

К ним можно отнести, например, *der Ich-Gebrauch* – *использование «я»*, *die Ich-Verwendung* – *употребление «я»*, *die Ich-Vermeidung* – *избегание «я»*, *das Ich-Vorkommen* – *встречаемость местоимения «я»*, *das Man-Vorkommen* – *встречаемость неопределённо-личного местоимения*, *die Ich-Konstruktion* – *конструкция с местоимением «я»*, *die Ich-Form* – *форма с местоимением «я»*, *die Ich-Ersatz* – *замена «я»*; *der wir-und-man-Gebrauch* – *использование «мы» и неопределённо-личного местоимения*, *wir/unser-Formen* – *формы с местоимениями «мы/наш»*. Иногда два местоимения мо-

гут составлять один компонент, как в двух последних композитах.

Для слов, обозначающих типы значений и грамматические формы, характерно частое употребление во множественном числе, а обозначения факта использования фигурируют в единственном числе. Узуальные слова терминологического характера представляют собой исключительно слова с первым местоименным компонентом.

Все рассмотренные слова имеют абстрактное значение. Редким исключением является следующий случай, когда авторы используют контекстуальную номинацию лица: *Auch dabei fehlt allerdings – wie bei den getreuen Ich-Vermeidern – die Reflexion auf den Zweck der Gattung (...)* [7, p. 67-97]. – *Впрочем, и в этих случаях – как и у убеждённых уклонистов от использования «я» – отсутствуют размышления о смысле этого жанра.* Данная номинация, однако, связана с упомянутым выше более употребительным абстрактным существительным *die Ich-Vermeidung*.

Из того, что использование личных местоимений для авторизации в научном стиле не приветствуется, не следует, что они отсутствуют в научных трудах вообще. Их употребление отражает также терминология с субстантивированным местоимением в качестве второго компонента, которая касается вариантов семантики конкретных местоимений в зависимости от контекста и представляет собой гипонимы к упомянутым словам с компонентом *-Typ(-en)*.

Например, *das Ich: das Verfasser-Ich* – *авторское «я»*, *das Forscher-Ich* – *исследовательское «я»*, *das Erzähler-Ich* – *повествовательское «я»*. Эти термины обозначают конкретные варианты смысла, которые исследователь вкладывает в местоимение – например, в случае с авторским «я» учёный говорит от первого лица о структуре и содержании своей работы, в случае с исследовательским «я» он выдвигает гипотезы, занимается научной аргументацией [10, p. 174-176].

Другое местоимение, которое используется в качестве второго компонента композитов – субстантивированное *wir* «мы». Выступая в качестве замены местоимения первого лица единственного числа, оно традиционно фигурирует в научных трудах. Р. Креста выделяет различные типы его значения, вводя следующую терминологию: *das Autoren-Wir* – *авторское «мы»* [8, p. 74], *das Teamwork-Wir* – *коллективное «мы»* – имеется в виду автор и читатель, *das Fachkreis-Wir* «мы» *научного сообщества* и наиболее обобщённое *das Gemeinschafts-Wir* – *общественное «мы»* [8, p. 132-141]. Лишь первое из этих слов обозначает самого автора (так называемое «множественное

скромности»), другие обозначают более широкий круг людей – впрочем, включая также и автора.

Интересно также наличие слов с неопределённо-личным местоимением *man*: *das Autoren-Man*, *das Fachkreis-Man*, *das Gemeinschafts-Man*, так как вне лингвистического контекста слова с данным местоименным компонентом практически отсутствуют. Терминология с ним совпадает по структуре с тремя из приведённых выше слов с компонентом *wir* – включает те же самые первые компоненты и имеет схожую семантику, касающуюся вариантов использования. Исключение представляет собой термин *das Aufforderungs-Man* [8, p. 126] – *побудительное неопределённо-личное местоимение*, который не связан с авторизацией, а касается структур с побудительным значением, адресованных читателю.

Таким образом, можно отметить, что тема авторизации в научном стиле и существующие в

этой области традиции нашли отражение в возникновении немецкоязычной терминологии с местоименными компонентами. При этом данные компоненты выполняют функцию как определятельных, так и определяемых. Большинство рассмотренных лексических единиц образовано с включением местоимения первого лица в единственном и множественном числе, что объясняется тематической направленностью конкретных текстов, посвящённых правилам самообозначения автора в научных трудах. Рассмотренные композиты обозначают определённые ограничения, связанные с использованием местоимений, а также возможные варианты значения местоимений в контексте. Образование таких слов объясняется широкими возможностями словосложения в немецком языке, а также потребностью в обозначении и классификации различных аспектов текстового функционирования местоимений.

Литература

1. Мельгунова А.В. Личные местоимения в системе словообразования немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2 (64). С. 124 – 127.
2. Мельгунова А.В. Местоимения как словообразовательный элемент в терминологии гуманитарных наук (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 57 – 62.
3. Мельгунова А.В. Словообразовательный потенциал местоимений в немецком и русском языках // Научный диалог. 2021. № 10. С. 101 – 116.
4. Нефёдов С.Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе // XLIII Международная филологическая конференция. Избранные труды. СПб: СПбГУ, 2015. С. 313 – 320.
5. Нефёдов С.Т. Грамматическое пространство научного текста // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой: сб. статей / отв. ред. проф. Л.Б. Копчук. СПб.: Свое издательство, 2017. С. 87 – 103.
6. Auer P., Bassler H. *Der Stil der Wissenschaft // Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Frankfurt, New York: Campus, 2007. P. 9 – 29.
7. Graefen G., Thielmann W. *Der wissenschaftliche Artikel // Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Frankfurt, New York: Campus, 2007. P. 67 – 97.
8. Kresta R. *Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen*. Frankfurt am Main: Lang, 1995. 405 p.
9. Kretzenbacher H.L. *Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // Linguistik der Wissenschaftssprache*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 15 – 39.
10. Steinhoff T. *Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten*. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. 460 p.
11. Weinrich H. *Formen der Wissenschaftssprache // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1989. P. 119 – 158.

References

1. Mel'gunova A.V. *Lichnye mestoimenija v sisteme slovoobrazovanija nemeckogo jazyka*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 10-2 (64). S. 124 – 127.
2. Mel'gunova A.V. *Mestoimenija kak slovoobrazovatel'nyj jelement v terminologii gumanitarnyh nauk (na materiale nemeckogo jazyka)*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 3. S. 57 – 62.
3. Mel'gunova A.V. *Slovoobrazovatel'nyj potencial mestoimenij v nemeckom i russkom jazykah*. Nauchnyj dialog. 2021. № 10. S. 101 – 116.
4. Nefjodov S.T. *Avtoreferencija v nauchnom lingvisticheskom diskurse*. XLIII Mezhdunarodnaja filologičeskaja konferencija. Izbrannye trudy. SPb: SPbGU, 2015. S. 313 – 320.

5. Nefjodov S.T. Grammaticheskoe prostranstvo nauchnogo teksta. Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoj lingvistiki. Materialy nauchnyh chtenij pamjati prof. L.V. Shishkovej: sb. Statej. otv. red. prof. L.B. Kopchuk. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2017. C. 87 – 103.
6. Auer P., Bassler H. Der Stil der Wissenschaft. Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt, New York: Campus, 2007. P. 9 – 29.
7. Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel. Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt, New York: Campus, 2007. P. 67 – 97.
8. Kresta R. Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen. Frankfurt am Main: Lang, 1995. 405 p.
9. Kretzenbacher H.L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? Linguistik der Wissenschaftssprache. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 15 – 39.
10. Steinhoff T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. 460 p.
11. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1989. P. 119 – 158.

*Melgunova A.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State University*

PRONOUN-COMPONENT TERMS AS THE MANIFESTATION OF AUTHORISATION ISSUE IN GERMAN SCIENTIFIC WRITING

Abstract: the article discusses German-language linguistic terms that fix certain aspects of the use of pronouns, primarily personal ones, in the process of authorizing scientific papers. The material was the work of modern linguists – T. Steinhoff, P. Auer, H. Weinrich, etc., devoted to various characteristics of the scientific text and including the topic of authorization. The purpose of the study is the structural and semantic analysis of words with pronoun components in the field of terminology. The functioning of such lexical units may be different depending on the science in which they are used. The tasks are to identify terminology with pronoun components that appears in linguistic works on scientific style and in the description of its features. The topic of authorization is closely related to the use of pronouns, which is due to the large number of words with pronoun components in the corresponding terminology. The relevance of this topic is due to the fact that terminology is not an absolutely closed group of lexical means, but develops - within its framework, it is also possible to create new words, author's terms, which then become widely used. The terminology of the considered area reflects certain trends characteristic of the modern scientific style in the aspect of authorization. The practical application of the research results lies in the possibility of their use in theoretical courses and seminars on word formation and lexicology of the German language.

Keywords: authorisation, scientific writing, terminology, German, word composition, pronouns, pronoun-component words

*Халидова Р.Ш., доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Дагестанский филиал*

РЕАЛИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: представленная статья содержит культурологический анализ эмоционально окрашенных речевых формул злопожеланий (проклятий) двух разноструктурных и разносистемных языков (русского и каратинского) с целью выявления общего и этноспецифического компонента данных формул речевого этикета. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи: 1) сбор и систематизация злопожеланий (проклятий) исследуемых языков, содержащих соматический культурный код; 2) выявление универсальных и специфических черт злопожеланий (проклятий) с соматическим кодом культуры русского и каратинского языков. Проведенный анализ позволяет резюмировать, что соматический код культуры как совокупность названий частей тела, репрезентирующих вторичные символические, культурно значимые значения, создаёт языковую картину мира, которая находит концентрированное отражение, прежде всего, во фразеологическом и паремиологическом фонде языка, куда входят также эмоционально окрашенные речевые формулы – добро - и злопожелания и проклятия. Анализ собранного по данной теме материала позволил выявить также приблизительно одинаковую степень использования одних и тех же соматизмов в проклятиях русского и каратинского языков, хотя они относятся к языкам различных типологий и разных культурных традиций.

Полученные в статье данные могут найти применение при разработке лекционных курсов и практикумов по сопоставительной фразеологии русского и дагестанских языков.

Ключевые слова: русский язык, каратинский язык, соматический код культуры, проклятия, речевой акт

В коммуникативной культуре любого народа важное место занимают эмоционально окрашенные речевые формулы – весьма востребованные компоненты речевого акта. Проблемы речевых актов – один из наиболее дискутируемых вопросов теории коммуникации. В современной лингвистике организация речевых актов считается одной из наиболее актуальных проблем. С прагматической точки зрения коммуникативный акт может быть успешным лишь при наличии у адресата определенной реакции на слова адресанта.

Экспрессивно-эмоциональные выражения добропожелания или злопожелания занимают особое место в коммуникативной культуре разных этносов. Злопожелание или проклятие «как типологическая единица языка представляет собой самостоятельное высказывание в составе речевого акта, который относится либо к классу экспрессивов, либо к декларациям и мотивирован и обусловлен прагматическим контекстом» [1, с. 5].

Один из основоположников теории речевых актов, известный английский философ, профессор Оксфорда, член Британской Академии Джон Лэнгшо Остин рассматривал формулы проклятий в качестве разновидности речевых актов и характеризовал их как «понятие реакции на поведение других людей, их судьбу и установки и выражение установок по отношению к чьему-то поведению в прошлом или будущем» [2, с. 22].

Проклятие в любой культуре представляет собой устойчивую эмоционально окрашенную речевую формулу, принятую в данной этнической

культуре. Семантическим содержанием проклятия является пожелание адресату зла (в виде болезни, смерти, материального ущерба, потери близких и всяких бед). С прагматической точки зрения проклятие представляет собой вербальную реакцию на агрессию, посредством пожелания обидчику зла.

Проклятия также как и паремии и фразеологизмы считаются языковыми единицами, обладающими культурно-национальной спецификой. Язык и культура представляют собой формы сознания, которые отражают мировоззрение человека [3, с. 270]. Культурно-национальное мировоззрение проявляется не только в паремиологических и фразеологических единицах, но и в злопожеланиях и добропожеланиях каждого языка. В. Н. Телия рассматривает культуру как «своеобразную историческую память народа» [4, с. 226].

Исторически проклятия произносились с твердым намерением нанести обидчику вред в той или иной форме и носили сакрально-магический характер. С течением времени происходили определенные изменения в функции проклятий, так что они превратились в современном обществе из сакрально-магических формул в эмоционально-экспрессивные выражения. Бытовавшие веками в народе злопожелания сохранили свою формальную структуру, но изменили семантическую структуру, а именно – утратили магический содержательный компонент.

Поскольку проклятия формировались под влиянием общественно-исторического и этнокультур-

ного опыта народа – носителя языка, они характеризуются ярко выраженной этнической спецификой. Во всех этнических культурах в конструировании проклятий активно используется соматический код культуры. Э.С. Ветрова объясняет широкое использование соматизмов в проклятиях «антропоцентричностью языка, а также особенностями процессов мышления, физиологии и психологии человека, который познает окружающий мир с помощью таких рецепторов, как глаза, нос, рот, язык и др., и сравнивает предметы, которые его окружают, с частями своего тела» [5, с. 18]. Соматическая лексика, как известно, считается наиболее древним пластом номинативных единиц любого этнического языка.

Названия частей тела, употребленные в переносном смысле (во вторичных значениях) для описания различных ситуаций, чаще всего, эмоционально окрашенных, передающие культурно значимые смыслы, образуют соматический код культуры.

По признанию ведущих исследователей языковой картины мира соматический культурный код наряду с пространственным и темпоральным культурными кодами является наиболее древним способом концептуализации и вербализации окружающего человека физического мира. Соматический культурный код позволяет наиболее наглядно выразить антропоцентричный характер языковой картины мира того или иного этноса. Ю.Д. Апресян обращает внимание, на тот факт, что языковая картина мира отчасти «наивна» и что она по ряду параметров отличается от научной картины мира. Во многих случаях представления наивной картины мира не менее сложны и интересны, чем научные, например наивные представления о внутреннем мире человека [6, с. 39]. Культурные коды репрезентируют черты не только универсальные для всех языков и культур, но и чисто этноспецифические, характерные для конкретных этнических языков. Специфика соматического кода в языках различных культурных традиций проявляется в различной сфокусированности внимания к разным частям тела. В зависимости именно от этого фактора в разных языках количество употребляемых во фразеологических и паремнологических единицах соматизмов не совпадает. Н.В. Дмитриук выявляет большую разницу в применении соматизма *печень / печенки* в русском и казахском языках. Во фразеологической системе русского языка соматизм *печень / печенки* является компонентом всего лишь двух фразеологизмов: *сидит в печенках, достал до печенок*, в то время как в сопоставляемом казахском языке Н.В. Дмитриук выявляет 65 фразеологизмов соматическим компонентом *бауыр* «печень» [7, с. 31].

Человек познает и вербализует окружающий его реальный мир в силу своей эгоцентричности по своему подобию [8]. В процессе концептуализации физического мира и формирования этнокультурной картины мира, части человеческого тела приобретают символические, культурно-значимые значения, которые занимают большое место в соматическом коде культуры.

Соматическая лексика часто используется в составе экспрессивно-эмоциональных речевых формул и чаще всего в пожеланиях зла или в проклятиях. Анализ соматического кода культуры, реализованного в проклятиях русского и каратинского языков, выявляет приблизительно одинаковую степень использования одних и тех же соматизмов. Хотя русский и каратинский языки относятся к языкам различных типологий и разных культурных традиций. Каратинский язык – это язык эргативной типологии, относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы дагестанских языков.

Как правило, злопожелания или проклятия краткие, небольшие по объему, но при этом очень выразительные, ёмкие по содержанию. Возникнув еще в глубокой древности, злопожелания также как и благопожелания и проклятия, играют важную роль в языке и культуре народа – носителя языка и представляют собой один из видов жанра фольклорного творчества.

Проклятие, выражающее пожелание смерти адресату, актуализируется в исследуемых языках, чаще всего, посредством метафоризации соматизмов ‘голова’ и ‘сердце’, как жизненно важных органов человека, например:

рус. *Чтоб твоя голова сломалась!*

карат. *Гьадоъа биъукъа (дуб)! «Да сломается (твоя) голова!».*

карат. *Гьадоъа бокъакъа (дуб)! «Чтоб отрезали (твою) голову!».*

карат. *Гьадоъа тIарикъа (дуб)! «Чтоб голова (твоя) упала!».*

рус. *Чтоб сердце остановилось!*

карат. *РакI къвагъайги дур! «Пусть разорвётся сердце твоё!».*

карат. *РакIва къвагъе"икъа дуб! «Пусть разорвётся сердце твоё!».*

карат. *РакIва бохъакъа дуб! «Чтоб вырвали твоё сердце!».*

карат. *РакIва иссабал бохъакъа дуб! «Чтоб сердце твоё кошки вырвали!».*

карат. *РакIва бохъоб къоральер гъаь"къа! «Чтоб горе твою душу вынуло!».*

карат. *РакIва бецеххоб зебу гъаьимиссе! «Чтоб душу радующего дня не увидел!».*

Общими для исследуемых языков являются проклятья, чтобы сломались или отсохли руки или ноги, например:

рус. *Чтоб руки отсохли!*

рус. *Чтобы у тебя руки (ноги) отсохли!*

карат. *Кверал ракъваги дур!* «Да отсохнут руки твой!».

карат. *Кверал рекаги дур!* «Да сломаются руки твой!».

карат. *Щункла-рекъла гъоровхва вуххукья!* «Чтобы у тебя руки-ноги сломались! (букв. Чтоб ноги-руки раскрошились!»).

карат. *Рекъла-гъажу торикья дурай!* «Да сгниют руки твой!».

карат. *Кледал рекъал биъу вайдухъкъе хъада вухху мен!* «Да сломаются руки твой!» (букв. сломав обе руки, чтоб слезы лил!»).

карат. *Риччидорай гъоревхва вуххукья!* «Чтоб ноги сломались!» (букв. Чтоб то, чем наступают, раскрошились!»).

карат. *Регъбай гъоревхва вуххукья!* «Чтоб бедра сломались!».

карат. *Боъодал ххвабовхва вуххукья!* «Чтоб руки и ноги отнялись» (букв. чтоб все четыре съжившись остался!»).

Могут пожелать также, чтобы высохли (выкололи) глаза, рот, язык, например:

рус. *Чтоб твои глаза повылазили!*

рус. *Чтобы погасли твои глаза!*

рус. *Чтоб твои глаза лопнули!*

рус. *Чтоб завистливые глаза лопнули!*

карат. *Гъекъер рахъукья дурай гъарклай!* «Чтоб твои глаза повылазили!».

карат. *Нуре боъа^н риччикья дурай гъарклай!* «Чтобы погасли твои глаза!».

карат. *Къвагье^н гъекъер рахъукья дурай гъарклай!* «Чтоб твои глаза лопнули!».

карат. *Парцидорай гъарклай къвагье^нйкья!* «Чтоб завистливые глаза лопнули!».

карат. *Гъаркли маъа биххубиссекья дуб!* «Чтобы высохли твои глаза!» (букв. Чтоб даже слезы не осталось в твоём глазу!»).

карат. *Гъарклай рахъакья дурай!* «Чтобы выкололи глаза твой!».

карат. *Гъарклай хъатубир рахъукья дурай!* «Чтобы упали глаза твой!» (букв. Чтоб в ладони твои глаза упали!»).

рус. *Чтоб у тебя язык отвалился!*

рус. *Отсох бы твой (поганный) язык!*

рус. *Да чтоб твой поганный язык отсох!*

карат. *Гъекъли-миса тори дуб!* «Чтоб сгнил твой рот (ротовая полость!»).

карат. *Гъекъли-миса бекъу дуб!* «Чтобы отсох твой язык!».

карат. *Гъекъли идяб маццли бекъукья дуб!* «Чтобы отсох твой язык!».

карат. *Маццлихъанлъил маццли бекъукья!* «Чтоб поганный язык сплетницы отсох!».

карат. *Маццли тори дуб!* «Чтоб сгнил твой язык!».

карат. *Эли зарагъукья дуб!* «Чтобы онемел твой рот!».

карат. *Галалъа эли гъачле вуххукья!* «Да отнимется твой язык!».

карат. *Гъекъли-миса зарагъукья дуб!* «Да онемает твой язык!», «Да потеряешь ты дар речи!».

Единичными примерами представлены проклятья с соматизмом «нос», например:

карат. *Миглардахъигал бехъукья гобал гъедела!* «Чтобы из носа у тебя это вышло!».

карат. *Пурми лъльункледда вухху!* «Чтоб нос всю жизнь сопливым был!».

Наряду с общими для всех языков проклятиями имеются и этноспецифичные, характерные для каждого конкретного языка, например:

рус. *Чтоб тебе в живот воткнули нож!*

рус. *Чтоб шальная пуля пробила твой лоб!*

карат. *Хъатабар вокку мен!* «Чтоб ходить не мог ты!» (букв. Чтоб на ладонях ты остался!»).

карат. *Баквал къвангье^н вучликья!* «Чтоб от взрыва в животе умер!».

карат. *Гъекъли пампа билъа дува!* «Чтоб ты умер!» (букв. Чтоб рот ватой закрыли!) (по традициям мусульман, покойника рот при обмывании наполняют ватой).

карат. *Багла-кусе баххикья!* «Чтоб лицо твоё разрушилось!».

Как в русской, так и в каратинской культуре проклятья чаще всего встречаются в речи женщин, так они выражают свои негативные эмоции. Мужчины в подобной ситуации выражают свои негативные эмоции через мат (в русской речевой культуре) или через применение физической силы (в каратинской этнокультуре). Таким образом, можно отметить гендерный характер проклятий в исследуемых культурах. Кремшокалова М.Ч. также рассматривает проклятья как малые жанры, имеющие гендерную параметризацию [9].

Проклятие как разновидность речевой агрессии, может быть связано не только с пожеланием зла адресату, но может проявляться в некоторых случаях как ответная реакция на внешний раздражитель. В последнем случае проклятие выполняет функцию реализации эмоциональный разрядки, снятия напряжения через речевую агрессию.

Литература

1. Крюкова И.В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.
2. Остин Дж. Лангшо Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22 – 181.
3. Маллаева З.М. Этнолингвистический феномен Дагестана // Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Papers from the International Conference “Current Advances in Caucasian Studies” Macerata, January 21-23, 2010. Band 16. Verlag Otto Sagner. München – Berlin, 2011. P. 267 – 273.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 287 с.
5. Ветрова Э.С. Речевой этикет в лезгинской и украинской лингвокультурах: дис.... док. филол. наук. Донецк, 2018. 398 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37 – 67.
7. Дмитриук Н.В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30 – 33.
8. Маллаева З.М. National-cultural specificity of paronyms of the dagestanian languages // Материалы Международной научно-практической конф. 25-26 окт. 2012г. «Культура как основной потенциал формирования позитивного имиджа Кавказа», Пятигорск 2012. С. 98 – 102.
9. Кремшокалова М.Ч. Благопожелания и проклятия как малые жанры устной речи (когнитивно-дискурсивный анализ). Нальчик, 2013. 236 с.

References

1. Krjukova I.V. Rechevoj akt prokljatija i leksiko-grammaticcheskie sredstva ego osushhestvlenija: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Stavropol', 2011. 20 s.
2. Ostin Dzh. Langsho Slovo kak dejstvie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVII. Teorija rechevyh aktov. M., 1986. S. 22 – 181.
3. Mallaeva Z.M. Jetnolingvisticheskiy fenomen Dagestana. Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Papers from the International Conference “Current Advances in Caucasian Studies” Macerata, January 21-23, 2010. Band 16. Verlag Otto Sagner. München – Berlin, 2011. P. 267 – 273.
4. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M., 1996. 287 s.
5. Vetrova Je.S. Rechevoj jetiket v lezginskoj i ukrainskoj lingvokul'turah: dis.... dok. filol. nauk. Doneck, 2018. 398 s.
6. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisaniya. Voprosy jazykoznanija. 1995. № 1. S. 37 – 67.
7. Dmitrjuk N.V. Frazeologicheskij somatikon kak otrazhenie arhetipov jazykovogo soznaniya jetnosa. Voprosy psiholingvistiki. 2009. № 10. S. 30 – 33.
8. Mallaeva Z.M. National-cultural specificity of paronyms of the dagestanian languages. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konf. 25-26 okt. 2012g. «Kul'tura kak osnovnoj potencial formirovanija pozitivnogo imidzha Kavkaza», Pjatigorsk 2012. S. 98 – 102.
9. Kremshokalova M.Ch. Blagopozhelanija i prokljatija kak malye zhanry ustnoj rechi (kognitivno-diskursivnyj analiz). Nal'chik, 2013. 236 s.

*Khalidova R.Sh., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia, Dagestan branch*

**IMPLEMENTATION OF THE SOMATIC CODE OF CULTURE IN
EXPRESSIVE AND EMOTIONAL EXPRESSIONS OF
DIFFERENT STRUCTURAL LANGUAGES**

Abstract: the presented article contains a culturological analysis of emotionally colored speech formulas of malevolence (curses) of two different-structured and multi-system languages (Russian and Karatinsky) in order to identify a common and ethno specific component of these formulas of speech etiquette. To achieve this goal, the following tasks are solved in the article: 1) collection and systematization of malevolence (curses) of the studied languages containing the somatic cultural code; 2) identification of universal and specific features of malevolence (curses) with the somatic code of the culture of the Russian and Karatinsky languages. The analysis allows us to summarize that the somatic code of culture as a set of names of body parts representing secondary symbolic, culturally significant meanings creates a linguistic picture of the world, which finds concentrated reflection, first of all, in the phraseological and paremiological fund of language, which also includes emotionally colored speech formulas – good and ill wishes and curses. The analysis of the material collected on this topic also revealed approximately the same degree of use of the same somatisms in the curses of the Russian and Karatinsky languages, although they belong to languages of different typologies and different cultural traditions.

The data obtained in the article can be used in the development of lecture courses and workshops on comparative phraseology of the Russian and Dagestan languages.

Keywords: the Russian language, the Karatinsky language, somatic code of culture, curses, speech act

*Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Епифанцева Н.Г., доктор филологических наук, профессор,
Михайлов М.К., аспирант,
Московский государственный областной университет*

ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ИНФИНИТИВА В НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Аннотация: в статье исследуются изменения синтаксических функций инфинитива в народной латыни. Определяются основные функции инфинитива в классическом латинском языке. Рассматривается постепенное усиление глагольных функций инфинитива и основные изменения в структуре полупредикативных инфинитивных конструкций. Выявлены особенности исторических изменений модальных значений инфинитивных конструкций. Установлено, что уже в архаический период инфинитив как одно из самых распространенных древних глагольных имен субстантивного характера часто употреблялся в пограничном глагольно-именном значении. Эти конструкции могли быть предложными и беспредложными. В ходе исследования удается засвидетельствовать постепенное разрушение синтаксического и модального единства многих отрицательных инфинитивных конструкций и усиление тенденции к аналитическому выражению ирреальных модальных значений. В народном языке постепенно уходит из употребления полифункциональный модальный союз “ne”, являющийся по происхождению модальной отрицательной частицей. Аналитический способ выражения отрицания “noli+инфинитив” теряет дополнительный семантический фундамент отрицания желания и передает только отрицание действия, как и в большинстве индоевропейских языков. Постепенно в народной латыни происходит усиление вербализации форм инфинитива и упразднение его именных функций. Разрушение модального единства конструкций с отрицательным модальным союзом “ne” «чтобы не» также приводит к переносу выражения модального значения исключительно на глагол в форме конъюнктива.

Ключевые слова: романские языки, народная латынь, инфинитив

Введение

В классической латыни инфинитив как глагольное имя субстантивного характера обладал большими синтаксическими возможностями и имел высокую частотность употребления. У инфинитива было шесть грамматических форм, куда входили формы настоящего, прошедшего и будущего времени активного и пассивного залогов. Не все эти формы имели одинаковую частотность употребления: формы настоящего времени встречались гораздо чаще и использовались в любых типах предложений. Формы прошедшего и будущего времен использовались преимущественно для образования полупредикативных оборотов *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*, которые были эквивалентны придаточным изъяснительным и представляли собой распространенное дополнение. Также инфинитив настоящего времени употреблялся в составе аналитических форм повелительного наклонения со значением запрета – *imperativus negativus*.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные особенности изменений синтаксических функций инфинитива в народной латыни.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Определить основные функции инфинитива в классическом латинском языке.
2. Изучить постепенное усиление глагольных функций инфинитива.

3. Рассмотреть основные изменения в структуре полупредикативных инфинитивных конструкций.

4. Выявить исторические изменения в перераспределении модальных функций инфинитивных конструкций.

Основные методы исследования – сравнительно-исторический и метод контекстуального анализа.

Основная часть

Синтаксические функции инфинитива в народной латыни значительно расширились. Прежде всего следует сказать, что он стал употребляться при глаголах движения для указания цели действия, вытеснив во многом иные способы выражения цели, которые прежде использовались в классическом языке. Например: “*Ego meum intellegere nulla pecunia vendo*” «Я своего разума не продаю ни за какие деньги»; “*Quod crimen dices amasse meum?*” «Что ты поставишь мне в вину, кроме моей любви?» [7]. Следует отметить, что в приведенных примерах инфинитив выступает скорее как именная, чем как глагольная форма, даже в прошедшем времени. Это отражено в переводе и является признаком более древнего состояния языка [1, с. 37].

Уже в архаический период инфинитив как одно из самых распространенных древних глагольных имен субстантивного характера часто употреблялся в пограничном глагольно-именном значении.

Эти конструкции могли быть предложными и беспредложными. Они передавали значение цели при глаголах движения и выполняли ту синтаксическую функцию, которая ранее принадлежала фирмам винительного падежа супина: «*Abiit aedem visere*» «Он пошел осмотреть храм» [8].

Аналогичную ситуацию можно увидеть и в других древних языках, даже не принадлежащих к италийской и романской группам, например, в древнерусском: «Русину не звати латина на поле **бить ся**» [2, с. 34]. Или «В лето 6643 ходи Мирослав посадник из Новгорода **мирить** кыян с черниговцы...» [5]. Позже в древнерусском языке, после упразднения форм супина, эту функцию полностью принимает инфинитив. В народной латыни конструкции модели «глагола движения + целевой инфинитив» получили широкое распространение, после чего стали проникать из народного языка в язык некоторых поэтов “*Ibat et hirsutas ille videre feres*” «Он ходил также смотреть на косматых диких зверей» [9]. Также в Вульгате высока частотность употребления целевого инфинитива при глаголах движения, например, “*Venimus adorare eum*” «Идем поклониться ему». Или “*Vado piscari*” «Иду рыбу ловить». Следует отметить, что в ранних старославянских переводных памятниках при переводе этой фразы используется именно супин, а не инфинитив «Иду рыбу ловить». При этом данный вариант перевода не следует формам греческого текста Евангелия от Иоанна, (21, 3), где представлен целевой инфинитив, а супин не мог быть употреблен в силу того обстоятельства, что ни в древнегреческом языке, ни в языке греческого койне этой формы не было: “*λέγει αὐτοῖς Σίμων Πέτρος ὑπάγω ἀλιεῦν*” [4].

Это позволяет предположить, что структурно старославянский язык первых переводов текстов Священного писания не уступал в области архаики глагольно-именных форм латыни и греческому койне, хотя возник по официальной версии значительно позже.

Еще одним изменением функций инфинитива в народной латыни по отношению к классическому языку следует считать то обстоятельство, что инфинитив стал употребляться при глаголе “*facere*”, который постепенно приблизился по значению к глаголу “*efficere*”, и эта конструкция позже получила особое значение во французском языке “*faire savoir, faire mourir, faire voir*” и т.д.

Оборот *Accusativus cum infinitivo* (Винительный с инфинитивом), представляющий собой полупредикативную конструкцию, эквивалентную изъяснительно-объектным придаточным, был хорошо распространен в классической латыни, как и во многих других древних языках. Он, как и другие подобные конструкции, на ранних этапах раз-

вития языка хорошо позволял передавать синтаксическую структуру внутреннего высказывания, что вполне соответствовало условиям первичного партаксиса. Однако со временем народная латынь, как и большинство иных романских языков, изменились в сторону развития аналитизма грамматической структуры. И постепенно в народной латыни оборот *Accusativus cum infinitivo*, как и некоторые аналогичные обороты переходного типа, полностью вышел из употребления и был заменен аналогичными по семантике и синтаксическим функциям изъяснительными придаточными конструкциями. Однако следы этого оборота сохранились в народном языке, причем именно в тех случаях, где *Accusativus cum infinitivo* зависел от глагола “*facere*” [3, с. 137].

Структура таких конструкций постепенно была переосмыслена в области синтаксической и смысловой связи между ее компонентами. Конструкция, которая воспринималась как «логическое подлежащее» и «логическое сказуемое» полупредикативного оборота стала восприниматься как переходный глагол с прямым дополнением. При этом управляющий конструкцией *Accusativus cum infinitivo* глагол “*facere*” входил уже в состав описательного глагольного оборота, принимая функции вспомогательного компонента, а смысловым компонентом и, следовательно, управляющим глаголом становился инфинитив. Так “*facio regere inimicum*” постепенно перешло в выражение “*facio occidere inimicum*” «Я делаю (так), чтобы враг умер» – «Я убиваю (совершаю убийство) врага». Подобное преобразование катализировало и расширение ареала семантики глаголов, управляющих оборотами типа *Accusativus cum infinitivo*, так как в классической латыни они, как правило, зависели только от глаголов со значением речи и мысли, а в народном языке управление конструкции могло переходить также к глаголам действия, например, “*facio*”.

Инфинитив с отрицанием в народном языке мог получать значение императива. В других индоевропейских языках такая функция инфинитива, даже без отрицания, также была распространена, причем речь идет не только о древних языках. Например, в современном русском языке хорошо распространены инфинитивные предложения в императивной значении, типа «Встать!», «Молчать!», «Не сорить!» и т.п. Подобные конструкции можно найти и в латыни “*Tu socios adhibere sacris*” «Допусти союзников к жертвоприношению» [3, с. 138]. Однако следует отметить, что в русском языке императивные возможности инфинитива несколько шире, чем в латыни. Русский инфинитив одинаково часто употребляется в качестве императива и с отрицанием, и без, при этом совмещает

значения единственного и множественного числа. «Встать!» может означать и «Встань!» и «Встаньте!». Также необходимо помнить, что латинский отрицательный императив имел несколько иную грамматическую структуру. Форма его была аналитической и состояла из вспомогательного компонента отрицательного модельного “noli/nolite” в единственном или множественном числе 2 лица и смысловой компонент в виде инфинитива: “noli/nolite ornare!” – «не украшай/не украшайте!». Таким образом русский инфинитив передает запрет только на уровне действия, латинский же классический инфинитив передавал запрет на уровне желая (букв. «не желай украшать»). В латинском языке новый оборот речи, который сформировался в конце Империи, получился в результате смешения “non” и “noli” при запрете, направленном на одно лицо, видимо в тот момент, когда вспомогательный модальный глагол “nolo” в отдельных формах утрачивал собственную семантику и сближался в значении от отрицательной частицей. Поэтому выражение “noli tangere” преобразовалось в “non tangere”: “Si videre lassionem esse, non tangere!” «Если ты заметишь, что он устал, не трогай!» [3, с. 138]. Такая отрицательная конструкция закрепилась в восточной части Италии на севере Галии. В южной части Галии и в области Иберии функционировал иной тип *imperativus negativus*. В римской поэзии часто употреблялась форма *imperativus praesentis* с отрицанием, но классическая проза этого не допускала. Например, у Овидия отрицание *non* встречается с конъюнктивом в значении запрета: “Munditiis capimur: non sint sine lege capili” [6] «Нас пленяет изыщество: пусть не будут в беспорядке волосы». Поскольку в классический период народный и поэти-

ческий язык были довольно близки в области структурной организации высказывания, то данный пример можно рассматривать не как особенности индивидуального авторского стиля, а как случай употребления распространенных в народной среде оборотов речи. Позже отрицательные конструкции типа “non + *conjunctivus prohibitivus*” вместо “ne + *conjunctivus prohibitivus*” закрепился и в Иберии, и на юге Галии. Со временем под влиянием этой конструкции также произошла замена *noli* на *non* при инфинитиве с императивным значением. А еще позже отрицание “non” также вытеснило из народной латыни отрицание “haud”.

Выводы

Все эти явления в совокупности свидетельствуют о разрушении синтаксического и модального единства многих отрицательных конструкций и усилении тенденции к аналитическому выражению ирреальных модальных значений. Так в народном языке постепенно уходит из употребления полифункциональный модальный союз “ne”, являющийся по происхождению модальной отрицательной частицей. Аналитический способ выражения отрицания “noli+инфинитив” теряет дополнительный семантический фундамент отрицания желая “noli ornare” «не желай украшать» и передает только отрицание действия, как и в большинстве индоевропейских языков “non ornare” «не украшай». Таким образом постепенно в народной латыни происходит усиление вербализации форм инфинитива и упразднение его именных функций. Разрушение модального единства конструкций с отрицательным модальным союзом “ne” «чтобы не» также приводит к переносу выражения модального значения исключительно на глагол в форме конъюнктива.

Литература

1. Балута А.А. Особенности исторического развития грамматических форм глагола в индоевропейских и семитских языках (на материале глагольных имен): монография / Под ред. А.А. Балуты. М.: МГОУ, 2015. 375 с.
2. Борковский В.И. Смоленская грамота 1229 г. русский памятник / Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та. Вып.1. Ярославль, 1944. С. 27 – 46.
3. Дынников А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь: монография. М.: Изд-во Московского Университета, 1975. 313 с.
4. Евангелие от Иоанна на греческом, церковнославянском (русскими буквами) языках в параллельном переводе. Новый Завет. [Электронный ресурс]. URL: (azbyka.ru) (дата обращения: 09.11.2022)
5. Новгородская Летопись Первая по Синод. Списку [Электронный ресурс]. URL: Новгородская Летопись (bibliotekar.ru) (дата обращения: 09.11.2022)
6. Ovidius P.N. Ars Amandi [Электронный ресурс]. URL: I Искусство любви. Овидий ~ Поэзия (Поэтические переводы) (chitalnya.ru) (дата обращения: 09.11.2022)
7. Petronius. C. PETRONII SATIRICON LIBER [Электронный ресурс]. URL: Petronius: Satiricon (thelatinlibrary.com) (дата обращения: 09.11.2022)

8. Plautus T.M. [Электронный ресурс]. URL: Casina – Titus Maccius Plautus, Plautus – Google Книги (дата обращения: 09.11.2022)
9. Propertius S. Elegiae [Электронный ресурс]. URL: Sextus Propertius, Elegiae 1.1.1 (packhum.org) (дата обращения: 09.11.2022)

References

1. Baluta A.A. Osobennosti istoricheskogo razvitiya grammaticheskikh form glagola v indoevropskikh i semitskikh jazykah (na materiale glagol'nyh imen): monografija. Pod red. A.A. Baluty. M.: MGOU, 2015. 375 s.
2. Borkovskij V.I. Smolenskaja gramota 1229 g. russkij pamjatnik. Uchenye zapiski Jaroslavskogo gos. ped. in-ta. Vyp.1. Jaroslavl', 1944. S. 27 – 46.
3. Dynnikov A.N., Lopatina M.G. Narodnaja latyn': monografija. M.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 1975. 313 s.
4. Evangelie ot Ioanna na grecheskom, cerkovnoslavjanskom (russkimi bukvami) jazykah v parallel'nom perevode. Novyj Zavet. [Jelektronnyj resurs]. URL: (azbyka.ru) (data obrashhenija: 09.11.2022)
5. Novgorodskaja Letopis' Pervaja po Sinod. Spisku [Jelektronnyj resurs]. URL: Novgorodskaja Letopis' (bibliotekar.ru) (data obrashhenija: 09.11.2022)
6. Ovidius P.N. Ars Amandi [Jelektronnyj resurs]. URL: I Iskusstvo ljubvi. Ovidij ~ Pojezija (Pojeticheskie perevody) (chitalnya.ru) (data obrashhenija: 09.11.2022)
7. Petronius. C. PETRONII SATIRICON LIBER [Jelektronnyj resurs]. URL: Petronius: Satiricon (the-latinlibrary.com) (data obrashhenija: 09.11.2022)
8. Plautus T.M. [Jelektronnyj resurs]. URL: Casina – Titus Maccius Plautus, Plautus – Google Knigi (data obrashhenija: 09.11.2022)
9. Propertius S. Elegiae [Jelektronnyj resurs]. URL: Sextus Propertius, Elegiae 1.1.1 (packhum.org) (data obrashhenija: 09.11.2022)

*Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Epifantseva N.G., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Mikhailov M.K., Postgraduate,
Moscow Region State University*

CHANGING THE SYNTACTIC FUNCTIONS OF THE INFINITIVE IN FOLK LATIN

Abstract: the article examines the changes in the syntactic functions of the infinitive in folk Latin. The main functions of the infinitive in classical Latin are determined. The gradual strengthening of the verb functions of the infinitive and the main changes in the structure of semi-predicative infinitive constructions are considered. The features of historical changes in the modal values of infinitive constructions are revealed. It has been established that already in the archaic period, the infinitive as one of the most common ancient verbal names of a substantive nature was often used in the borderline verb-nominal meaning. These constructions could be prepositional and non-prepositional. In the course of the study, it is possible to witness the gradual destruction of the syntactic and modal unity of many negative infinitive constructions and the strengthening of the tendency to the analytical expression of unreal modal meanings. In the vernacular, the multifunctional modal conjunction “ne”, which is a modal negative particle by origin, is gradually disappearing from use. The analytical way of expressing negation “noli+ infinitive” loses the additional semantic foundation of negation of desire and conveys only the negation of action, as in most Indo-European languages. Gradually, in folk Latin, the verbalization of infinitive forms is increasing and its nominal functions are being abolished. The destruction of the modal unity of constructions with the negative modal conjunction “ne” “to not” also leads to the transfer of the expression of the modal meaning exclusively to the verb in the form of a conjunctive.

Keywords: romance languages, folk Latin, infinitive

*Алексеев А.В., кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений*

ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ХЭШТЕГОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ГОНКОНГЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена хэштегирования. Актуальность исследования определена тем, что на сегодняшний день хэштег активизм получает широкое распространение по всему миру посредством сети Интернет в целом и в текстах социальных сетей в частности. Новизна исследования видится в раскрытии словообразовательных моделей формирования хэштегов для понимания вектора социально-политических процессов, связанных с протестными движениями, которые представлены в медиадискурсе. Отдельное внимание уделяется лексическим единицам, выраженным по форме хэштегами, которые имеют общее семантическое поле. Подчеркивается, что принцип экономии речевых усилий Андре Мартине довольно распространён в текстах социальных сетей. Посредством статистического анализа лексем подтверждаются идеи относительно значительной роли языковой компрессии, которая выражается одновременно на семантическом и графическом уровнях. Экстралингвистические данные помогают проследить взаимосвязь между процессом возникновения хэштегов и их дальнейшим развитием.

Ключевые слова: хэштеги, социальная сеть, Революция зонтиков, языковая компрессия, директивные конструкции

Введение

В начале XXI века мир встал на путь интеграции, немалую роль в данном процессе сыграли современные средства коммуникации, Интернет, социальные сети и платформы, в которых осуществляется медиа коммуникация. Социальные сети являются следующим этапом развития средств массовой информации, новейшим из которых стала сеть Интернет. Отличительными особенностями социальных платформ становятся тесная кооперация акторов дискурса между собой, общедоступность, а также демократичный порог вхождения в дискурс. Данный феномен интересен для исследования, так как многие социальные и политические процессы принимают совершенно иной характер по сравнению с тем, который они носили в XX веке.

В связи с этим представляется важным исследовать закономерности распространения информации в медиа пространстве в целом и лексических единиц в частности. Наиболее ёмкой лексической единицей в социальных сетях является хэштег. Форма хэштега позволяет объединить в лексеме как вербальную составляющую, так и визуальный, а иногда и аудио ряд, расширяя семиотическое пространство, которое может в себя вместить лексическая единица.

Хэштеги на сегодняшний день зачастую используются в протестных движениях с целью кооперации людей и организации их последующих действий. Данное явление носит наименование хэштег активизма. Процессы хэштег активизма стали распространяться очень быстрыми темпами с начала 2010-ых годов, затронув регионы по всей планете. Точкой отсчёта в истории данного процесса можно считать события Арабской весны,

которые показали, насколько значимыми может быть, организованное применение в дискурсе конкретных лексических единиц, выраженных по форме хэштегами. В дальнейшем социальные сети сыграли важную роль в движениях в различных уголках планеты, в том числе в Австралии и Бразилии [1, 2].

Материалы и методы

В данной работе нам представляется важным исследовать феномен хэштег активизма на примере «Революции зонтиков» в Гонконге. Во-первых, данная революция получила более организованный характер по сравнению с протестами в Северной Африке, так как была организована двумя годами позже, и участники извлекли уроки из предыдущих прецедентов. Во-вторых, использование лексем, выраженных по форме хэштегами, представляется возможным для исследования в диахронии в рамках компаративистики, так как протестные движения в Гонконге проходили в две стадии с перерывом в пять лет.

Перед анализом непосредственно лексических единиц, выраженных по форме хэштегами, следует обратиться к экстралингвистическим составляющим исследуемого социально-политического феномена. Это позволит нам выделить рамки медиа дискурса и информационно-семиотической системы.

В данном контексте в первую очередь следует отметить, что в Гонконге остро стоит вопрос национальной идентичности, вследствие того, что жители не ассоциируют себя с китайским населением, провозглашая себя гонконгцами [3]. Многие жители специального административного района будучи билингвами эмигрировали в период с 1980 по 1997 годы в англоязычные страны, такие

как Канада, Соединённые Штаты Америки, Австралия, так как не намеревались признавать авторитет Китая [4]. Данный факт также подтверждает непринятие постоянными гонконгцами «правил игры», которые устанавливает материковый Китай. Отношения между Китаем и Гонконгом очень непросты, так как Пекин продолжает рассматривать Сянган как геополитический форпост с развитой экономикой и промышленностью, выступая за интеграцию, в то время как жители Гонконга придерживаются политики региона с широкой автономией.

Первой волной протестов стало движение 2014 года, которое впоследствии было названо «Революция зонтиков». Так в Гонконге проходили демонстрации граждан, которые протестовали против попыток властей в Пекине взять под полный контроль процесс выборов кандидатов в местные органы власти. Также протестующие требовали отставки действующего на тот момент Лян Чжэньина, главы исполнительной власти Гонконга и предоставления реального всеобщего избирательного права [5]. До этого выборы осуществлялись коллегией выборщиков, и со стороны Пекина было выдвинуто предложение ограничить круг избираемых лиц до трех кандидатур. Однако такая реформа избирательной системы не встретила одобрения со стороны населения Сянгана, и в 2016г. протестное движение вспыхнуло снова в связи с отказом Китая допустить некоторых политических активистов к выборам. Недовольство жителей Гонконга ущемлением их избирательных прав свидетельствовало о нарастающем конфликте между народом, властью в САР и центральным правительством Китая [6].

28 сентября 2014 года в Гонконге начались многотысячные протесты, которые продолжались 79 дней. Митинги стали частью акции *Ocupy Central* («Захвати Централ»), предполагавшей краткосрочную забастовку по форме близкую к слэktivизму, но из-за применения полицией слезоточивого газа против митингующих на улицы вышли тысячи демонстрантов, которые продолжили свою кампанию [7].

Первое проявление неудовлетворенности со стороны гонконгцев было связано с политическим курсом администрации района, направленным на изменение учебных планов в образовательных учреждениях и их адаптации к системе материкового Китая [8]. Затем они распространились и на порядок выбора кандидатов в органы власти.

Не найдя компромисс со стороной китайского правительства, студенты специального административного района Гонконг посредством

хэштегов в социальных сетях призывали молодёжь бойкотировать как школьные, так и университетские занятия. В дальнейшем число протестующих стало расти, и в итоге массовое недовольство ситуацией нашло своё отражение в протестах на улицах Сянгана. В качестве официальной даты старта протестов принято 1 октября 2014 г., однако ещё 28 сентября 2014 года центральный район Гонконга был захвачен студентами. В ходе демонстрации для обмена информацией жители Гонконга активно коммуницировали в социальных сетях. В период с 26 сентября по 31 декабря 2014 г. в Twitter было зарегистрировано более 100 миллионов сообщений, связанных по тематике с данными протестами. Благодаря социальной платформе Instagram протестующие рассылали фотографии и видео с демонстраций, на которых зачастую были запечатлены люди, защищающиеся зонтиками от слезоточивого газа. Данный факт стал символом митингов, что закрепилось в его названии «Революция зонтиков». Сама же кампания была названа «*Ocupy Central*», сформировав одноимённый хэштег. Ещё одним атрибутом демонстрации стала желтая лента, изображение с которой пользователи Интернета и социальных сетей, выступающие в поддержку движения «*Ocupy Central*», размещали на своих страницах на черном фоне [9]. Комбинация данных символов с лексическими единицами, выраженными по форме хэштегами, сформировали семиотическое пространство данного социально-политического явления.

Создание образов и обилие публикаций протестных хэштегов вновь провозгласили серьёзную роль социальных медиа в контексте формирования протестных движений даже в районе, официально находящемся под протекторатом Китайской Народной Республики, в распоряжении у которой имеются новейшие технологии по мониторингу цензуры в сети Интернет [10]. В период Арабской весны, которая по форме организации и по высокой степени использования средств социальных сетей имеет много общего с Революцией зонтиков, всемирная сеть была отключена правительствами некоторых регионов Северной Африки. Осознавая данную опасность ограничения доступа к Интернету, порядка 100 тысяч жителей Сянгана на первоначальном этапе своего протестного движения скачали приложение для обмена текстовой информацией *FireChat*, которое предоставляет возможность распространять сообщения без доступа к Интернету благодаря технологиям Wi-Fi или Bluetooth [11].

В 2019 году началась вторая волна протестных движений. Триггером недовольства стало принятие закона об экстрадиции, согласно которому власти специального административного района Гонконг могли выдавать правонарушителей под юрисдикцию континентального Китая [12]. Основным опасением гонконгцев стала возможность распространения данного права как на обвиняемых в совершении уголовных преступлений, так и на митингующих, лидеров протестных движений и политактивистов, оспаривающих экспансию политической системы континентального Китая. Процесс рассмотрения законопроекта изначально был приостановлен, а затем полностью аннулирован, что было воспринято гонконгцами как победа. Несмотря на это, протестные движения продолжились, а требования митингующих расширились, что стало следствием многочисленных задержаний демонстрантов и насильственных действий по отношению к ним со стороны полиции. Дальнейшие ультиматумы протестующих сводились к необходимости разбирательства случаев насилия со стороны полиции в отношении демонстрантов, прекращению приравнивания протестных движений к «беспорядкам» и требованию ввести всеобщее прямое избирательное право для гонконгцев, которое было выдвинуто ещё в 2014 году [13]. Приказ городской администрации о запрете масок в целях идентификации протестующих вызвало ещё большее раздражение у населения, так как эти действия были восприняты жителями Сянганася как посягательство на свободу личности и нарушение прав человека [14].

Как и при рассмотрении социальных медиа, используемых в период первой волны протестных движений в Гонконге, проанализируем социальные платформы, пользующиеся популярностью во время демонстраций 2019-2020 годов для обхода государственной цензуры и организации движения без лидеров.

В Китае и Гонконге у митингующих было крайне мало контента в главной социальной сети Китая и специального административного района Гонконг: WeChat [15]. Данное приложение для социальных сетей, сообщений, новостей и платежей к 2019 году насчитывало 1,15 миллиарда пользователей. Даже в США и других странах за пределами Китая сообщения пользователей WeChat подвергаются цензуре, если в них содержится информация о поддержке протестной кампании в Гонконге. Данный сервис находится на жестком контроле у правительства Китайской Народной Республики.

Вследствие данного факта протесты перешли на другие социальные платформы, чтобы повысить осведомленность в социуме, отстаивать свою

позицию и обеспечить анонимность. В Гонконге движение стало распространённым явлением в приложении чата Telegram и LHKG, аналогом Reddit для специального административного района Гонконг [16]. Более того, митингующие также использовали AirDrop для передачи информации, где публиковались призывы для организации протестов и сообщения AirDrop в виде упрощённых китайских иероглифов. Данный факт подчёркивает, что гонконгцы стремятся оповестить аудиторию, включающую туристов из континентального Китая, так как на территории Сянганася население использует традиционные иероглифы [17].

Цифровые следы (информация, которая осталась после просмотра веб-страниц и сохранённая в cookie) исследуемой протестной кампании также остались в самых крупных социальных сетях мира – Facebook и Twitter. Именно в данных социальных медиа были сформированы такие хэштеги, как #StandWithHongKong, которые в дальнейшем публиковались по всему миру с целью поддержки митингующих в специальном административном районе Гонконга [18].

Выше представленные социальные сети предлагают ряд инструментов для международной кооперации. Twitter стал основной платформой для рассылки новостей и видео по всему миру вирусным способом. Facebook также насчитывает большое количество групп для демонстрантов в целях их дальнейшей кооперации и коммуникации.

Особое внимание следует уделить тому факту, что помимо основных хэштегов, используемых в Twitter в 2014 году (#OccupyCentral, #UmbrellaRevolution, #Occupyhk) и в 2019-2020 годах (#HongKong, #StandwithHongKong, #HongKongProtests), в социальной сети были проведены дополнительные правозащитные акции касательно конкретных персоналий.

Так в 2014 году наибольший резонанс получил случай помещения в Пекинский центр задержания №1 Джанг Миао, работавшей в Китайской Народной Республике ассистентом в немецком журнале Zeit Online, где она помогала подготавливать репортажи для корреспондента Ангелы Кокритс, которая работала в этой же организации. Затем немецкие журналисты приложили огромные усилия для того, чтобы освободить Джанг Миао.

История задержания Миао была опубликована в «Цайт Онлайн» на немецком и английском. Затем в Твиттере была проведена кампания с хэштегом #freemiao (Освободите Миао). Процесс получил широкую огласку, после чего министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер на переговорах с китайским премьером Ли Кэцзяном в Германии обсудили этот вопрос [19].

Джанг Миао была освобождена после 9 месяцев заключения.

5 октября 2019 года генеральный менеджер "Хьюстон Рокетс" Национальной баскетбольной ассоциации Дэрил Мори опубликовал твит в поддержку Гонконга, переведя протесты в плоскость международного внимания, затронув вопрос нелегких отношений между Соединёнными Штатами, Китайской Народной Республикой и Специальным административным районом Гонконга. В ответ на этот твит КНР запретила Национальной баскетбольной ассоциации использовать континентальные СМИ. Китай – одна из самых больших аудиторий Национальной баскетбольной ассоциации, поэтому НБА быстро выпустила письмо с извинениями к Китаю, чтобы вернуть своих китайских болельщиков. Эти действия вызвали гнев у американцев, и в Твиттер стали широко распространяться хэштеги #StandWithHongKong и #StandWithMorey.

Как видно из выше представленных примеров, процесс хэштегирования носит общемировой характер, даже в случае локальных процессов, кото-

рые представляются вниманию мира. Коммуникация в медиа пространстве способна повлиять на международные отношения. С лингвистической точки зрения, следует отметить, что как в первом случае с лексической единицей #freemiao, так и во второй с #StandWithMorey мы видим призыв к действию, что можно объяснить директивной составляющей данных лексем с позиции теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля.

Данный факт крайне важен для понимания целостной картины формирования лексических единиц, выраженных по форме хэштегами, вследствие того, что данный аспект словообразования присущ многим лексемам в медиа дискурсе. Так, нами были изучены основные хэштеги, которые были использованы в процессе протестных движений в специальном административном районе Гонконг. Исследователи Ришель Вернерс, Чейм Винберг и Дэвид де Би составили табл. 1, в которой отразили рейтинг самых популярных хэштегов, используемых в период протестов в Гонконге в 2014 году [20]. Аналогичное исследование провел в 2019 году Гриффин Лио, оно отражено на рис. 1 [21].

Таблица 1

Топ 10 хэштегов, используемых во время протестов в Гонконге в 2019 году

Frequency	Hashtag
15015	HongKong
11766	OccupyCentral
8213	UmbrellaRevolution
3069	Occupyhk
2483	umbrellamovement
2049	China
1470	OpHongKong
1088	HK
928	香港
876	HongKongProtests

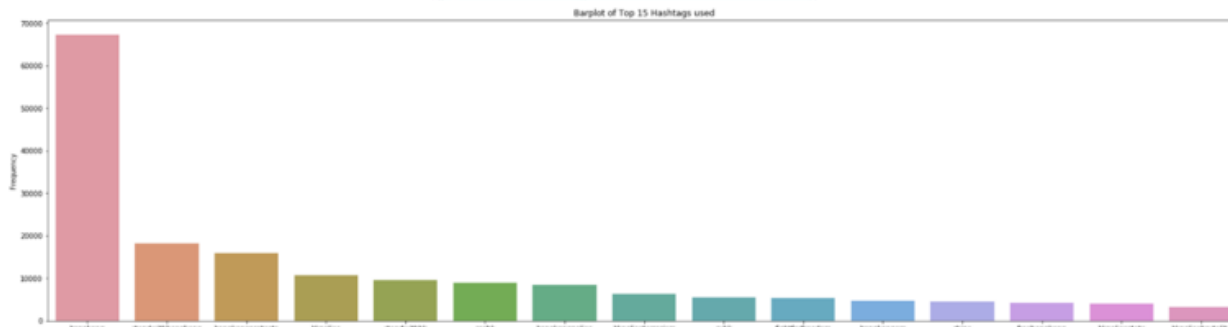

Рис. 1. Топ 15 хэштегов, используемых во время протестов в Гонконге в 2019 году

Результаты исследования

В нашем исследовании мы сопоставили данные относительно 10 самых популярных хэштегов во время протестов в Гонконге в 2014 и 2019 годах, выявляя основные словообразовательные модели. В первую очередь, следует обратить внимание на

директивную составляющую, о которой было написано выше.

На рис. 2 к хэштегам, обладающим директивным вектором, относятся такие лексические единицы как #occupycentral и #occupyhk, количество которых составляет 25% и 7% соответственно.

Так, порядка трети хэштегов, используемых во время протестов в Гонконге в 2014 году, являются по своей структуре директивами.

На рис. 3 хэштеги-директивы составляют в общей сложности 27%, данное значение также близко к данным по хэштегам из первой диаграммы.

Несмотря на меньший процент, разнообразие лексических единиц, выраженных по форме хэштегами, в протестных движениях в Гонконге в 2019 году шире: #fightforfreedom, #soshk, #standwithhk, #standwithhongkong.

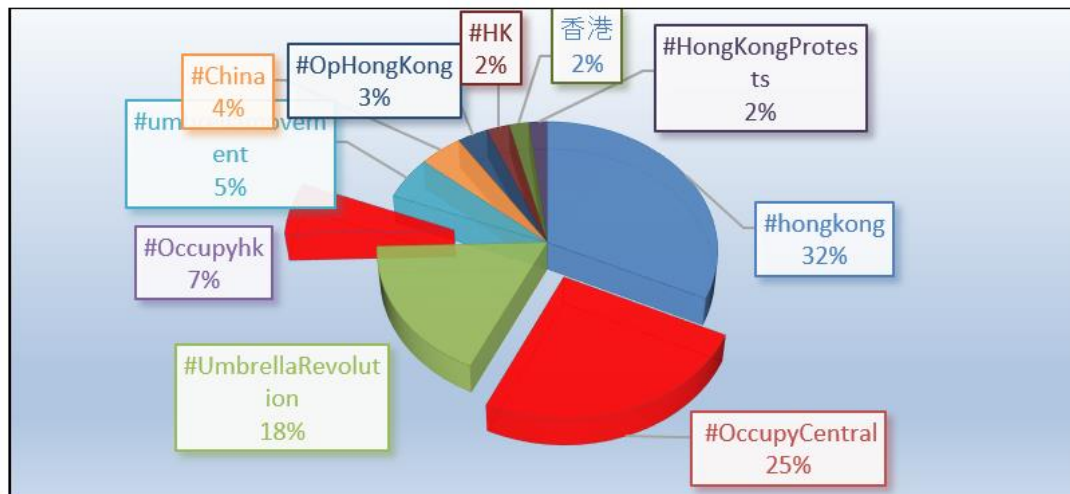

Рис. 2. Хэштеги-директивы, используемые во время протестов в Гонконге в 2014 г.

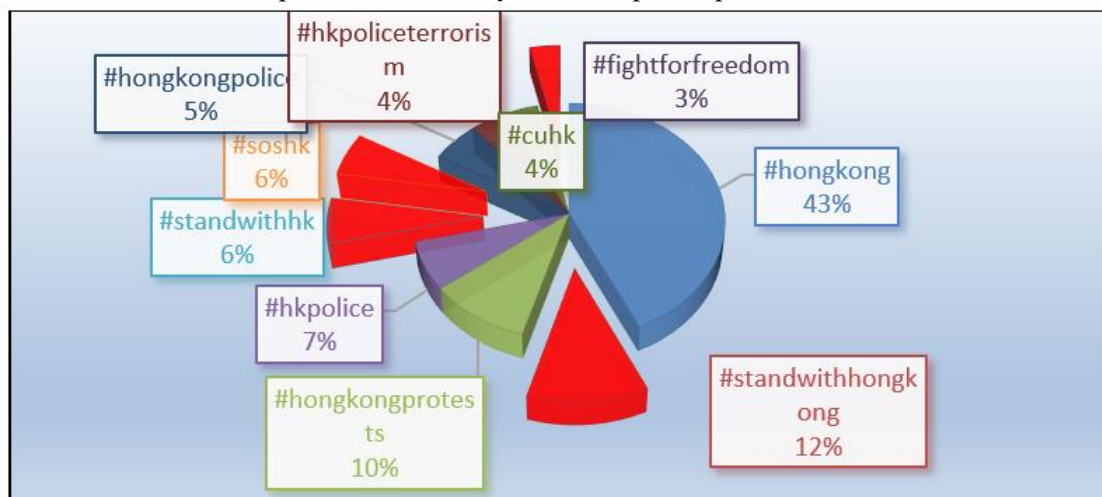

Рис. 3. Хэштеги-директивы, используемые во время протестов в Гонконге в 2019 г.

Все выше упомянутые хэштеги-директивы, согласно классификации Гуровой Е.К., Ломыкиной Н.Ю. и Спиртовой Д.А., относятся к хэштегам-призывам, выполняя функцию социального отклика, вследствие того, что обладают глагольной структурой [22]. Следующий важный момент, который следует отметить, касается языковой компрессии. В своей работе филолог Анна Петровна Атягина отмечает, что языковая компрессия в социальной сети выражается на графическом, словообразовательном, синтаксическом и семантическом уровнях [23]. Согласно статье Алексева гипертекст в определенной степени отражает семантическую компрессию [24]. В нашем исследовании хэштегирование в социальных сетях, являясь компрессией на семантическом уровне, стремится к еще большей компрессии на графическом

уровне. И если компрессию на семантическом уровне можно наблюдать, ориентируясь на экстралингвистические факторы формирования хэштега, когда в одной лексической единице зачастую заложен визуальный и аудиоряд, то компрессия на графическом уровне ярко отражена на выше представленных рис. 1 и 2.

Так, в 2014 году в протестном движении хэштеги-сокращения составляли лишь 12% от общего числа десяти наиболее употребляемых лексических единиц: #HK (2%), #OpHongKong (3%), #Occupyhk (7%). В 2019 году во время протестов в Гонконге их доля увеличилась до 27%: #cuhk (4%), #hkpoliceterrorism (4%), #soshk (6%), #standwithhk (6%), #hkpolice (7%).

Для людей, которые видят данные сокращенные лексические единицы впервые вне контекста,

достаточно сложно будет понять их семантику. Если же будет представлен определенный фондовый материал, легко будет установить, что НК – Hong Kong, sos – сигнал бедствия. Проблемы в данном случае возникнут с пониманием лексем #OpHongKong – Operation Hong Kong и #cuhk – Chinese University of Hong Kong.

Процесс графической компрессии является достаточно распространенным явлением в хэштег активизме: #MAGA (Make America Great Again), #BLM (Black Lives Matter), #Jan25 (January 25) и др. Данный феномен получил распространение, во-первых, потому что число символов в Twitter ограничено, и все стараются сделать своё сообщение наиболее ёмким графически. Во-вторых, процесс графической компрессии (как и процесс сокращения лексических единиц) базируется на принципе экономии речевых усилий Андре Мартина [25].

Также следует обратить внимание на образование хэштегов. Если в 2014 году в целом лексические единицы были образованы на базе трех семантических полей «Hong Kong» (41%), «Occupy» (32%) и «Umbrella» (23%) и в меньшей степени «China» (4%), то в 2019 мы наблюдаем обратную ситуацию с одним доминантным хэштегом #hongkong (43%) и большим разнообразием остальных хэштегов, представляющих другие се-

мантические поля, однако некоторые из них комбинируются с основным.

Обсуждение и заключения

Итак, лексические единицы, выраженные по форме хэштегами, являются основой общения в социальных сетях в период протестных движений, в нашем случае в период митингов в Гонконге, они выполняют функцию социального отклика, помогая протестующим коммуницировать между собой и кооперироваться для дальнейших действий. В связи с этим важно понимать принципы их формирования с лингвистической точки зрения. Во-первых, данные принципы способствуют выявлению лозунгов, которые выражаются посредством директивных конструкций. Во-вторых, процесс языковой компрессии следует учитывать при дешифровании определённых лексических единиц в целях понимания их семантики. Широкое распространение данных явлений подтверждается в настоящем исследовании.

Кроме того, с точки зрения количественного анализа, хэштеги легко поддаются обработке, сложность их исследования заключается в том, что несколько хэштегов могут находиться в одном семантическом поле, и правильное их определение помогает наиболее точно раскрыть причины социально-политических волнений, точно определить их место проведения и установить цели протестного движения.

Литература

1. Алексеев А.В. Элементы семантического поля протестного движения SOSBLAKA AUSTRALIA. Диахронический аспект // Современный ученый. 2021. № 2. С. 234 – 238.
2. Alekseev A.V. The phenomenon of the multilingual impact of the protest movement on the population in the process of virtual communication during the presidential elections in Brazil in 2018 // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2022. № 3 (94). P. 425 – 428. DOI 10.24412/1991-5497-2022-394-425-428
3. Объединённая китайско-британская декларация по вопросу передачи Гонконга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (дата обращения: 03.08.2020)
4. Зюзин Александр. Одна страна – две системы. Феномен Гонконга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/polit-070728165328> (Дата обращения: 03.08.2020).
5. Bradsher, Keith; Buckley, Chris. Hong Kong Leader Reaffirms Unbending Stance on Elections (англ.). New York Times (20 October 2014) (дата обращения: 3 августа 2020)
6. Серова К.Е. Гонконг как центр политической нестабильности в КНР. СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 72 – 77.
7. Schwartz, Matthew S. 'Umbrella' Protesters Sentenced For 2014 Hong Kong Pro-Democracy Demonstration (англ.). NPR (2019=04-24)
8. Косенко К.В. Гонконг: между Западом и Востоком // Актуальные проблемы современных международных отношений // [Электронный ресурс] 2014. № 3. С. 65 – 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gonkong-mezhdu-zapadom-i-vostokom> (дата обращения: 03.08.2020)
9. Зверев А.Л., Федоров А.П. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014г.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 149 – 154.
10. Shujie Leng, David Wertime Foreign Policy. Hong Kong's Protest, in Memes [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/29/hong-kongs-protest-in-memes/> (дата обращения: 03.08.2020)
11. Юзбекова И., Дорохов Р. Гонконг протестует через FireChat [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/society/562949992508296> (дата обращения: 03.08.2020)

12. "HKU POP releases latest survey on Hong Kong citizen's ethnic identity" from 8 July 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hkupop.hku.hk/chinese/index.html> (дата обращения: 03.08.2020)
13. Stuart Lau, Amy Nip, and Adrian Wan. 2012 Protest against national education to end after government climbdown [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1032535/protest-against-national-education-end-after-government-climbdown> (дата обращения: 03.08.2020)
14. Shibani Mahtani//Hong Kong police use tear gas against thousands protesting Beijing's new law // Washington Post. 2020.
15. Patterson, James. "WeChat, China Ban US Users From Talking About Hong Kong Protest." International Business Times, 26 Nov. 2019, URL: <https://www.ibtimes.com/wechat-china-ban-us-users-talking-about-hong-kong-protest-2873691> (дата обращения: 03.08.2020 г.)
16. Steger, Isabella. "Hong Kong's Fast-Learning, Dexterous Protesters Are Stumped by Twitter." Quartz, 2 Sept. 2019, URL: <https://qz.com/1698002/hong-kong-protesters-flock-to-twitter-to-shape-global-message/> (дата обращения: 03.08.2020 г.)
17. Hui, Mary. "Hong Kong's Protesters Put AirDrop to Ingenious Use to Breach China's Firewall." Quartz, 10 July 2019, URL: <https://qz.com/1660460/hong-kong-protesters-use-airdrop-to-breach-chinas-firewall/> (дата обращения: 03.08.2020 г.)
18. "Stand With Hong Kong" Facebook Page. 13 April, 2020. URL: <https://moveme.berkeley.edu/project/standwithhongkong/#ftnt11> (дата обращения: 03.08.2020 г.)
19. Kockritz, Angela They Have Miao (англ.). Zeit Online (14 January 2015) (дата обращения: 03.08.2019)
20. Richelle Werners, Chaïm Wijnberg, David de Bie. A study on the bias in Twitter's Search API and Streaming API during the Hong Kong Protests, between October 11th and 12th, 2014.
21. Griffin Leow. Analysis of Tweets on the Hong Kong Protest Movement 2019 with Python. URL: <https://towardsdatascience.com/analysis-of-tweets-on-the-hong-kong-protest-movement-2019-with-python-a331851f061> (дата обращения 03.08.2019)
22. Гурова Е.К., Ломыкина Н.Ю., Спиртова Д.А. Хэштег как единица медиакommunikации // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (30 мая – 1 июня 2019 г.). Калининград, 2019. С. 42 – 45.
23. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети интернет // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 203 – 208.
24. Alekseev A.V. Hypertext as a result of semantic compression in the texts of web 2.0 // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2021. № 1 (86). P. 416 – 419. DOI 10.24412/1991-5497-2021-186-416-419
25. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 366 – 566.

References

1. Alekseev A.V. Jelementy semanticheskogo polja protestnogo dvizhenija SOSBLAKAUSTRALIA. Di-hronicheskiy aspekt. Sovremennyyj uchenyj. 2021. № 2. S. 234 – 238.
2. Alekseev A.V. The phenomenon of the multilingual impact of the protest movement on the population in the process of virtual communication during the presidential elections in Brazil in 2018. Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2022. № 3 (94). P. 425 – 428. DOI 10.24412/1991-5497-2022-394-425-428
3. Ob#edinjonnaja kitajsko-britanskaja deklaracija po voprosu peredachi Gonkongga [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (дата obrashhenija: 03.08.2020)
4. Zjuzin Aleksandr. Odnа strana – dve sistemy. Fenomen Gonkongga [Jelektronnyj resurs] URL:<http://www.rondon.org/polit-070728165328> (Data obrashhenija: 03.08.2020).
5. Bradsher, Keith; Buckley, Chris. Hong Kong Leader Reaffirms Unbending Stance on Elections (англ.). New York Times (20 October 2014) (дата obrashhenija: 3 avgusta 2020)
6. Serova K.E. Gonkong kak centr politicheskoy nestabil'nosti v KNR. SKIF. Voprosy studencheskoj nauki. 2020. № 4 (44). S. 72 – 77.
7. Schwartz, Matthew S. 'Umbrella' Protesters Sentenced For 2014 Hong Kong Pro-Democracy Demonstration (англ.). NPR (2019=04-24)
8. Kosenko K.V. Gonkong: mezhdu Zapadom i Vostokom. Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij//[Jelektronnyj resurs] 2014. № 3. S. 65 – 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gonkong-mezhdu-zapadom-i-vostokom> (дата obrashhenija: 03.08.2020)
9. Zverev A.L., Fedorov A.P. Social'nye seti kak instrument politicheskogo manipulirovaniya (na primere organizacii massovyh protestov v Gonkongе 2014g.). Vestnik Burjatskogo gosudar-stvennogo universiteta. 2015. № 7. S. 149 – 154.

10. Shujie Leng, David Wertime Foreign Policy. Hong Kong's Protest, in Memes [Elektronnyj resurs]. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/29/hong-kongs-protest-in-memes/> (data obrashhenija: 03.08.2020)
11. Juzbekova I., Dorohov R. Gonkong protestuet cherez FireChat [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rbcdaily.ru/society/562949992508296> (data obrashhenija: 03.08.2020)
12. "HKU POP releases latest survey on Hong Kong citizen's ethnic identity" from 8 July 2018 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.hkupop.hku.hk/chinese/index.html> (data obrashhenija: 03.08.2020)
13. Stuart Lau, Amy Nip, and Adrian Wan. 2012 Protest against national education to end after government climbdown [Elektronnyj resurs]. 2012. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1032535/protest-against-national-education-end-after-government-climbdown> (data obrashhenija: 03.08.2020)
14. Shibani Mahtani//Hong Kong police use tear gas against thousands protesting Beijing's new law. Washington Post. 2020.
15. Patterson, James. "WeChat, China Ban US Users From Talking About Hong Kong Protest." International Business Times, 26 Nov. 2019, URL: <https://www.ibtimes.com/wechat-china-ban-us-users-talking-about-hong-kong-protest-2873691> (data obrashhenija: 03.08.2020 g.)
16. Steger, Isabella. "Hong Kong's Fast-Learning, Dexterous Protesters Are Stumped by Twitter." Quartz, Quartz, 2 Sept. 2019, URL: <https://qz.com/1698002/hong-kong-protesters-flock-to-twitter-to-shape-global-message/> (data obrashhenija: 03.08.2020 g.)
17. Hui, Mary. "Hong Kong's Protesters Put AirDrop to Ingenious Use to Breach China's Firewall." Quartz, Quartz, 10 July 2019, URL: <https://qz.com/1660460/hong-kong-protesters-use-airdrop-to-breach-chinas-firewall/> (data obrashhenija: 03.08.2020 g.)
18. "Stand With Hong Kong" Facebook Page. 13 April, 2020. URL: <https://moveme.berkeley.edu/project/standwithhongkong/#ftnt11> (data obrashhenija: 03.08.2020 g.)
19. Kockritz, Angela They Have Miao (angl.). Zeit Online (14 January 2015) (data obrashhenija: 03.08.2019)
20. Richelle Werners, Chaïm Wijnberg, David de Bie. A study on the bias in Twitter's Search API and Streaming API during the Hong Kong Protests, between October 11th and 12th, 2014.
21. Griffin Leow. Analysis of Tweets on the Hong Kong Protest Movement 2019 with Python. URL: <https://towardsdatascience.com/analysis-of-tweets-on-the-hong-kong-protest-movement-2019-with-python-a331851f061> (data obrashhenija 03.08.2019)
22. Gurova E.K., Lomykina N.Ju., Spirtova D.A. Hjeshteg kak edinica mediakommunikacii. Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30 maja – 1 iyunja 2019 g.). Kaliningrad, 2019. S. 42 – 45.
23. Atjagina A. P. Ttwitter kak novaja diskursivnaja praktika v seti internet. Vestnik Omskogo universiteta. 2012. № 4. S. 203 – 208.
24. Alekseev A.V. Hypertext as a result of semantic compression in the texts of web 2.0. Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2021. № 1 (86). P. 416 – 419. DOI 10.24412/1991-5497-2021-186-416-419
25. Martine A. Osnovy obshhej lingvistiki. Novoe v lingvistike. Vyp. 3. M.: Progress, 1963. S. 366 – 566.

*Alekseev A.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Institute of Foreign Affairs*

THE MAIN WORD-BUILDING MODELS OF HASHTAG FORMATION AND THEIR MEANING IN THE CONTEXT OF PROTEST MOVEMENTS IN HONG KONG

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of hashtagging. The relevance of the study is determined by the fact that today the hashtag activism is widely distributed throughout the world through the Internet in general and in the texts of social networks in particular. The novelty of the study is seen in the disclosure of word-building models of hashtag formation for understanding the vector of socio-political processes associated with protest movements, which are presented in the media discourse. Special attention is paid to lexical units expressed in form by hashtags, which have a common semantic field. It is emphasized that Andre Martinet's principle of saving speech efforts is quite common in the texts of social networks. The statistical analysis of lexemes confirms the ideas regarding the significant role of language compression, which is expressed simultaneously at the semantic and graphic levels. Extralinguistic data helps to trace the relationship between the process of hashtag emergence and their further development.

Keywords: hashtags, social network, Umbrella Revolution, language compression, directive constructs

Алиева Ш.А., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОЛОГИЙ

Аннотация: актуальность темы представленной статьи определяется потребностями современной компаративной фразеологии. Цель статьи – выявить общие и специфические черты в структурной организации компаративных фразеологических единиц (КФЕ) в языках различных типологий и установить типы межъязыковых фразеологических соответствий. Для достижения поставленной цели применялся метод сопоставительного анализа исследуемых языковых единиц и метод фразеологической идентификации, разработанный на материале английского языка профессором А.В. Куниным.

Выбор именно компаративных фразеологических единиц объясняется тем, что данный тип фразеологических единиц обладает средствами выражения сравнения. Эта особенность позволяет КФЕ функционировать в качестве эффективного средства речевого воздействия в системе дискурса. Кроме того, они характеризуются особой структурной организацией, характерной для грамматического строя кокретного языка, поэтому представляют собой особый тип устойчивых сочетаний.

Проведенный анализ позволил выявить, что структура КФЕ различных языков обнаруживает больше сходств, чем различий, что не является характерной чертой других типов фразеологических единиц. Это сходство в структурной организации компаративных фразеологизмов следует отличать от тождества, которое может иметь место лишь в родственных языках.

Ключевые слова: компаративные фразеологические единицы, структурная организация, разноструктурные языки, специфика

Выявить специфику фразеологии конкретного языка можно лишь при условии сопоставительного анализа двух и более языков. Поэтому для исследования вопроса нами были выбраны языки различных генетических и типологических характеристик: русский, английский, немецкий, арабский, кумыкский, аварский и лакский. Общим для всех исследуемых (и не только) языков является наличие в структуре КФЕ сравнительного союза, который выполняет функцию сравнения. В компаративных фразеологизмах русского языка используется несколько союзов: *как, как будто, будто, словно, точно*. В английском языке в компаративных конструкциях используются союзы *as, like* и *as... as*; в немецком языке – союз *wie*; в арабском языке следующие сравнительные частицы: *ك* «как», *كان* «как будто», «словно», *مثل* «подобно», *يشبه* «подобно»; в лакском языке – *кун (-н, -м)а*, выбор которых зависит от грамматического класса имени существительного; в аварском *Гладин, Гладав, Гладай, Гладаб, гладал*, выбор которых также зависит от грамматического класса имени существительного. В кумыкском языке в функции сравнения в компаративных фразеологических структурах используется не сравнительный союз, а послелог *йимик* и аффиксы: *-дай* и *-дей*, которые и выполняют в структуре исследуемых единиц функцию сравнения.

Во всех исследуемых языках, в зависимости от количества компонентов, выделяются следующие модели КФЕ: двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные, многокомпонентные.

Двухкомпонентная КФЕ в русском, английском и немецком языках (все три языка относятся к индоевропейской языковой семье) имеет одинаковую структуру «сравн. союз + имя существительное (ном.)», например:

рус.: *как рыба* «быть немым», «молчать, не разговаривать»; *как вол* «работать без устали», «работать много и усердно»; *как бык* «упрямо»; *как черепаха* «медленно»; *как часы* «точно», «четко»; *как воздух* «быть очень необходимым», «быть крайне нужным» и т. д.

англ.: *as a wolf* «как волк»; *like a cat* «как кошка (живучая)»; *like flies* «подобно мухам (многочисленные)»; *like clockwork* «как часы», «как по маслу»; *like an elephant* «как слон (неуклюжий)» и т. д.

нем.: *wie ein Affe* «как обезьяна»; *wie ein Reh* «как косуля (робко)»; *wie ein Mauschen* «как мышонок (тихо)»; *wie ein Rabe* «как ворон»; *wie ein Aal* «как угорь»; *wie eine Schlange* «как змея» и т. д.

араб. *هادئ كالغابة* «быстр как ветер», *هادئ كالغابة* «спокоен как лес», *صلب كالصخر* «тверд как скала», *قوي كالثور* «силен как бык», *جميل كالقمر* «красив как луна».

В привлекаемых для сравнения дагестанских языках двухкомпонентные КФЕ состоят из тех же компонентов, но расположены они в другом порядке: «имя существительное (ном.) + сравн. союз / послелог», например:

авар.: *Гурилем Гладин* «упрямо», букв. «как мул»; *махх Гладин* «крепко», «стойко», букв. «железо как»; *оц Гладин* «упрямо», букв. «бык как»;

paɣlad ɣladin «незаметно», букв. «тень как»; *xleleko ɣladin* «заносчиво», «гордо», букв. «петух как»; *ɕer ɣladin* «хитро», букв. «лиса как»; *boroɕ ɣladin* «бесшумно», «тихо», букв. «змея как» и т.д.

лак.: *дунгъуз куна* «жирный», букв. «свинья как»; *ɣьанта кунма* «быстроногий», «шустрый», букв. «лань как»; *бюрх куна* «трусливый», букв. «заяц как»; *тIавлелуххи кунма* «важный», букв. «павлин как»; *къаз куна* «глупый», букв. «гусь как»; *ɕулчIа куна* «хитрый», букв. «лиса как»; *чIача куна* «проворный», букв. «блоха как»; *бярч куна* «кроткий» «теленочек как» и т.д.

кум.: *таш йимик* «твердый, крепкий», букв. «камень как»; *къурчакъ йимик* «очень красивая», букв. «кукла как»; *донгуз йимик* «жирный», букв. «свинья как»; *толкю йимик* «хитрый», букв. «лиса как»; *йылан йимик* «коварный», букв. «змея как» и т.д.

Аварский и лакский языки относятся к автохтонным дагестанским (кавказским) языкам эргативной типологии. Кумыкский язык относится к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи. Поэтому эти языки обнаруживают значительные расхождения в грамматическом строе.

В кумыкском языке сравнительный компонент представлен не союзом, а послелогом сравнительной семантики *йимик* «как».

Спорным является лингвистический статус сравнительного компонента *кун (-н, -м)а* лакском языке. Автор первой научной грамматики лакского языка П. К. Услар рассматривает сравнительный компонент *кун (-н, -м)а* как формант падежа уподобления [1, с. 33]. С. М. Хайдаков определяет *кун (-н, -м)а* как частицу [2, с. 140]. И. Х. Абдуллаев называет *кун (-н, -м)а* послелогом, выражающим сравнительно-сопоставительные отношения [3, с. 75]. На наш взгляд, сравнительный компонент *кун (-н, -м)а* в лакском языке следует квалифицировать как послелог.

В кумыкском языке представлена также двухкомпонентная КФЕ структуры: **«имя существительное (с компаративным постфиксом -дей, -дай) + глагол»**, например: *чепелекдей болмакъ* «лепешка как расплющиться»; *аювдай акъырмакъ* «медведь как кричать».

Во всех исследуемых языках наибольшее распространение получили двухкомпонентные компаративные фразеологизмы. Востребованность двухкомпонентных КФЕ в различных языках Н. М. Сидякова объясняет уместностью в живом разговорном дискурсе лаконичных сравнений, в отличие от громоздких [4, с. 112].

Следующий по степени распространенности тип компаративных фразеологизмов – это трех-

компонентные структуры: **«прилагательное + сравнительный союз + существительное в номинативе»**, например:

нем.: *fleißig wie eine Ameise* «работяга», «трудоголик», букв. «занятый как муравей»; *listig wie eine Schlange* «изворотливый», «коварный», букв. «хитрый как змея»; *dürr wie ein Hering* «худой как палка», «сухой», букв. «сухой как вобла»; *hungrig wie ein Bär* «голодный как медведь»; *rot wie Blut* «красный как кровь»; *dürr wie ein Besenstiel* «худой как метла»; *flach wie ein Brett* «плоский как доска» и т.д.

англ. *as drunk as a lord* «пьяный в стельку», букв. «пьяный как лорд»; *as hungry as a wolf* «голодный как волк»; *as bold as brass* «дерзкий», букв. «смелый как латунь»; *cowardly as a hare* «трусливый как заяц»; *as gruff as a bear* «грубый как медведь»; *as silly as a goose* «глупый как гусь»; *as red as a cherry* «красный как вишня»; *as cunning as a fox* «хитрый как лиса»; *as black as coal* «черный как уголь», *as silly as a sheep* «глупый как баран» и др.

лак. *бюрни куна овъхъусса* «грациозный как лебедь»; *тIавлелуххи кунма* «важный как павлин»; *къаз куна авлясса* «глупый как гусь»; *ɕулчIа куна чIавукълусса* «хитрый как лиса»; *бюрх куна анаварсса* «быстрый как заяц»; *чIача куна дирисса* «проворный как блоха»; *бярч куна мютлусса* «кроткий как теленок» и некоторые другие.

кум. *донгуз йимик семиз* «свинья как жирный»; *толкю йимик ɣыллачи* «лиса как хитрый»; *таякъ йимик арыкъ* «палка как худой»; *къоян йимик чалт* «заяц как быстрый», *эцек йимик ɣайгев* «осел как глупый» и т.д.

В кумыкском языке трехкомпонентные компаративные фразеологизмы представлены также структурами:

1) **«прилагательное + существительное (ном.) + послелог»**, например: *къара агъач йимик* «очень много», букв. «черные дрова как»; *къутургъан ит йимик* «нехороший», «злой», букв. «как злая собака».

2) **«прилагательное + существительное (с постфиксом сравнения) + глагол»**, например: *ач сюлюкдей ябушмакъ* «назойливо», букв. «прилипнуть как голодная пиявка».

3) **«существительное + глагол + послелог»**, например: *анадан тувгъанда йимик* «чистый», букв. «в чём мать родила»; *кёк тешилген йимик* «очень много», букв. «лить как из ведра»; *дюнъяда болмагъан йимик* «до сих пор какого не было», «невиданный, неслышанный».

В русском языке представлены следующие трехкомпонентные структурные типы:

1) **«как + существительное (ном.) + прилагательное»:** *как сажа бела* «дела плохи», «никуда не годятся».

2) **«как + прилагательное + существительное (ном.)»:** *как банный лист* «навязчиво», «назойливо».

3) **«как (будто, словно) + существительное + глагол»:** *как Мамай прошел* «полный беспорядок»; *будто (словно) аршин проглотил* «держится неестественно прямо»; *как ножом отрезал* «резко», «категорически», «тоном, не допускающим возражений»;

4) **«как + предлог + существительное (в разных падежах)»:** например: *как на грех* «нарочно, как назло»; *как на вулкане* «в ожидании каких-л. неприятностей».

Следующие структурные типы четырех- и более компонентных КФЕ представлены в русском языке:

1) **«как + предлог + атрибутивный компонент + существительное (ген.)»:** *как у себя дома* «уверенно, спокойно чувствовать».

2) **«как + предлог + существительное + глагол»:** *как в воду канул* «бесследно исчез, пропал».

3) **«как + существительное + предлог + атрибутивный компонент + существительное»:** *как гром среди ясного неба* «вдруг, неожиданно произойти».

4) **«как + предлог + существительное + предлог + существительное + глагол»:** *как у Христа за пазухой* «чувствовать себя хорошо, спокойно».

5) **«как (словно) + существительное + предлог + существительное»:** *как маслом по сердцу* «очень приятно», «доставляя большое удовольствие»; *как снег на голову* «неожиданно», «совершенно внезапно»; *как рыба в воде* «комфортно», «чувствовать себя свободно».

В кумыкском языке представлены следующие структурные типы четырехкомпонентных моделей КФЕ

1) **«существительное + существительное + послелог + глагол»:** *юрек ярасын йимик сыйламакъ* «очень уважать кого-л.».

2) **«существительное + глагол + послелог + глагол»:** *кёк тешилген йимик явмакъ* «пить как из ведра».

3) **«глагол + послелог + существительное + глагол»:** *айтган кюйде иш болмай* «скоро говорится, да не скоро дело делается», букв. «как говорится дела не бывают (происходят)».

В кумыкском языке можно выделить следующие структуры многокомпонентных КФЕ:

1) **«существительное + союз + существительное + союз + послелог»:** *бал да къашыкъ да йимик* «как мед и ложка», *бал да, яв да йимик* «как мед и масло».

2) **«глагол + глагол + существительное + послелог + глагол»:** *къозлап болмайган тавукъ йимик айлана* «ходит как курица, которая не может снести яйцо». Во всех языках основными компонентами чаще всего выступают глагол и существительное.

В аварском языке представлен трехкомпонентный структурный тип «существительное в косв. падежах + существительное в номинативе + ср. союз *гладин*», например: *гъабихъа хъанда гладин* «не достигнув цели», «не солоно хлебавши», букв. «(вернуться) с мельницы пёс как»; *магларда глудин* «вольготно», букв. «бараны на горе как»; *гъороца тамах гладин* «как ветром сдуло», букв. «ветром листочек как»; *бичасул вали гладин* «как святой», букв. «как божий угодник»; *борхъицца тлом гладин* «обманчиво», «непостоянно», букв. «змея шкуру как»; *гъиналь микки гладин* «не находя себе места», букв. «как голубка в силках»; *нахульа рас гладин* «легко», «непринужденно», букв. «из масла волос как (вытащить)» и т.д.

Как показывает приведенный для анализа материал, в исследуемых языках имеется ряд полных или частичных эквивалентов компаративных фразеологических единиц. Наличие фразеологических эквивалентов объясняется совпадением отражения реальной действительности носителями разных языков [5, с. 14; 6].

«Наиболее низкой структурно-семантической эквивалентностью обладают ФЕ, имеющие в своем составе наименования национальных реалий, просторечные компоненты и компоненты со слабой фразеологической активностью. Низкая структурно-семантическая эквивалентность характерна также для ФЕ, с редкой синтаксической структурой или для ФЕ с нестандартными морфологическими формами. Самый низкий уровень эквивалентности обнаруживают немотивированные ФЕ, дешифровка значения которых представляет трудности не только для иноязычного реципиента, но и для самого носителя языка» [7, с. 3642].

Сравнительная функция в русском языке осуществляется при помощи сравнительных союзов (**как, будто, как будто, словно, точно**). Превалируют КФЕ со сравнительным союзом **как**. А в кумыкском языке показателем сравнения являются послелог **йимик**, реже **кюйде** и аффиксы **-дай, -дей**. В арабском языке функцию сравнения выполняют частицы: (ك) [ка] «как», (كان) [ка-анна] «как будто, словно», (مثل) [мислю] «подобно», (يشبه) [юшбиху] «подобно». В русском, английском и немецком языках сравнительный союз находится в начале (как правило) фразеологических единиц: *как пить дать*, реже – в середине: *гол как сокол*. В кумыкском, лакском и аварском языках

языке показатель сравнения находится всегда в конце фразеологических единиц: *сурат йимик* «как картинка», *судан чыкъгъандай* «как будто вышел из воды», В кумыкском суффиксальные показатели сравнения редко могут быть и в начале фразеологизма: *учгъундай болуп гетмек* «уйти, как искра».

Наиболее продуктивными во всех языках исследования являются двух- и трехкомпонентные модели. Четырех и более компонентные модели компаративных фразеологизмов менее продуктивны.

Литература

1. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Лакский язык. Тифлис. 1890. 422 с.
2. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. 102 с.
3. Абдуллаев И.Х. Морфологическая структура служебных частей речи в лакском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. С. 69 – 90.
4. Сидякова Н.М. «Структурные особенности КФЕ в современном английском языке // Вологодский ГПИ, Уч. записки, Т. XXVI, 1961. С. 110 – 115.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 328 с.
6. Маллаева З.М. National-cultural specificity of paronyms of the dagestanian languages // Материалы Международной научно-практической конф. 25-26 окт. 2012 г. «Культура как основной потенциал формирования позитивного имиджа Кавказа», Пятигорск 2012. С. 98 – 102.
7. Маллаева З.М., Рамазанова З.М. Спорные вопросы сопоставительной фразеологии // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (16). С. 3639 – 3642.

References

1. Uslar P.K. Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie. Lakskej jazyk. Tiflis. 1890. 422 s.
2. Hajdakov S.M. Oчерки po leksike laskogo jazyka. M., 1961. 102 s.
3. Abdullaev I.H. Morfologičeskaja struktura sluzhebnyh chastej rechi v laskom jazyke. Morfologičeskaja struktura dagestanskih jazykov. Mahachkala, 1981. S. 69 – 90.
4. Sidjakova N.M. «Strukturnye osobennosti KFE v sovremennom anglijskom jazyke. Vologodskij GPI, Uch. zapiski, T. XXVI, 1961. S. 110 – 115.
5. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semantičeskij, paradigmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty. M.: Jazyki russoj kul'tury, 1996. 328 s.
6. Mallaeva Z.M. National-cultural specificity of paronyms of the dagestanian languages. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konf. 25-26 okt. 2012 g. «Kul'tura kak osnovnoj potencial formirovanija pozitivnogo imidzha Kavkaza», Pjatigorsk 2012. S. 98 – 102.
7. Mallaeva Z.M., Ramazanova Z.M. Spornye voprosy sopostavitel'noj frazeologii. Fundamental'nye issledovanija. 2015. № 2 (16). S. 3639 – 3642.

*Alieva Sh.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

FEATURES OF THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN LANGUAGES OF VARIOUS TYPOLOGIES

Abstract: the relevance of the topic of the presented article is determined by the needs of modern comparative phraseology. The purpose of the article is to identify common and specific features in the structural organization of comparative phraseological units (CPHU) in languages of various typologies and to establish the types of interlingual phraseological correspondences. To achieve this goal, the method of comparative analysis of the studied language units and the method of phraseological identification, developed on the material of the English language by Professor A.V. Kunin, were used.

The choice of comparative phraseological units is explained by the fact that this type of phraseological units has the means of expressing comparison. This feature allows CPHU to function as an effective means of speech influence in the discourse system. In addition, they are characterized by a special structural organization characteristic of the grammatical structure of a particular language; therefore they represent a special type of stable combinations.

The analysis made it possible to reveal that the structure of CPHU of different languages reveals more similarities than differences, which is not a characteristic feature of other types of phraseological units. This similarity in the structural organization of comparative phraseological units should be distinguished from the identity, which can only take place in related languages.

Keywords: comparative phraseological units, structural organization, languages with different structures, specificity

Арбузова В.Ю., кандидат филологических наук,
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ “DO” И “MAKE”

Аннотация: в данной статье исследованию подвергнуты фразеологизмы английского языка, содержащие компоненты “do” и “make” – глаголы, которые на русский язык можно перевести сходным образом: «делать», «производить». Цель статьи – провести сопоставительный анализ фразеологизмов, в состав которых входят данные глаголы. Реализация этой цели предполагает решение следующих задач: 1) систематизировать фразеологизмы обеих групп; 2) выявить разницу в оттенках передаваемых этими словами значений в сходных словосочетаниях; 3) описать структуру подобных словосочетаний. В ходе исследования применялись методы описания, анализа, синтеза, а также методика компонентного анализа и методика анализа словарных дефиниций. Примеры выражений с компонентами “make” и “do”, использованные в работе, взяты из словарей, а также из художественных и публицистических текстов. В статье сделаны выводы о широких возможностях использования данных фразеологизмов в речи, например о возможности включения в их состав дополнительных элементов или образования на их основе других выражений. Полученные результаты могут быть как использованы в дальнейших исследованиях английской фразеологии, так и найти практическое применение в школьном и вузовском преподавании английского языка.

Ключевые слова: английский язык, слово, фразеологизм, make (делать), do, (делать)

Можно отметить, что в английском языке словосочетания с глаголами “make” и “do” обладают высокой частотностью и отличаются многочисленностью, что определяется их коммуникативной ценностью. Вследствие этого они имеют большое значение для овладения английским языком на хорошем уровне. Так, уже первые фразы, с которых обычно начинается изучение языка и которые учитель английского языка использует в разговоре со своими учениками, уже содержат данные глаголы: “How do you do?” («Как поживаете?»), “Do exercises” («Выполняйте упражнения»), “Don’t make a noise” («Не шумите»), “You have made a good progress” («Ты добился больших успехов»).

Оба эти глагола в своем исходном, абстрагированном значении соответствуют русским глаголам «делать», «производить». Достаточно сопоставить такие фразеологизмы, как “do shopping” («делать покупки») и “make a purchase” («сделать покупку»), “do homework” («сделать уроки») и “make a mistake” («сделать ошибку»). Однако в конкретных контекстах их значение может передаваться и другими русскими глаголами. Например: “do an experiment” – «проводить эксперимент», “do research” – «проводить научное исследование», “make friends” – «подружиться», “do English” – «изучать английский язык», “make the bed” – «разостлать, застелить, заправить постель» и др. Вместе с тем, многие коллокации с глаголами “make” и “do” являются фиксированными сочетаниями с различной степенью воспроизводимости, переосмысления и устойчивости, вплоть до идиоматической “make it” («суметь что-либо сделать, успеть куда-то»).

В устной и письменной речи, т.е. при самостоятельном выборе между этими глаголами, возникают дополнительные трудности из-за близости их значений. К сожалению единого, простого правила по их употреблению не существует. Создается впечатление, что иногда при выборе этих глаголов даже сами носители английского языка испытывают определенные неудобства и выбирают их как бы произвольно. Вот что пишет по этому поводу известный автор учебников, авторитет в области теории и практики английского языка М. Суон: “In other cases there are no clear rules. If you are not sure which word is correct look in a good dictionary or choose make – it is more likely to be right” («В других случаях нет четких правил. Если вы не уверены, какой выбор слова наиболее верен, обратитесь к хорошему словарю или положитесь на случайный выбор – он, скорее всего, окажется правильным») [6, p. 180]. Тем более, довольно часто оба глагола могут сочетаться с одними и теми же словами, не привнося в значение нового комплекса существенных изменений. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные примеры, обнаруженные нами на страницах художественных книг. Приведем некоторые из них:

1. “As a rule we don’t do any research outside the building. We try to make research as painless as possible” («Как правило, мы не проводим никаких исследований вне здания. Мы стараемся сделать исследования как можно менее болезненными») [5].

2. “Bernie was making calculations with a pencil... He looked anxiously at Fermi who was doing calculations with a slide rule” («Берни делал вычисления на бумаге... Он с беспокойством взглянул

на Ферми, делавшего вычисления с помощью логарифмической линейки») [4].

3. “Kweku Adoboli’s colleagues knew that he was *making fake trades*” («Коллеги Квеки Адоболи знали, что он заключал ложные торговые сделки») [8].

4. “In New York, Veals had given Marc Bezamen *carte blanche to do such trades whenever he saw fit*” («В Нью-Йорке Марк Безамен получил от Вилса разрешение заключать такие сделки, когда он сочтет нужным») [3].

5. “We *made it!*” he said. “We *did it!* The future is ours” («Мы смогли это сделать! – сказал он. – Мы это сделали! Будущее за нами») [1].

Иными словами, возникают варианты одного и того же выражения: “make (do) a check” – проверить состояние, осматривать, “make (do) a trip” – совершить путешествие, “make (do) rounds” – делать обход больных, “do (make) calculations” – делать подсчет, расчет. В подобных вариациях дифференциальные признаки глаголов нейтрализуются, и выбор очевидно становится просто делом вкуса. В то же время отмечаются случаи, в которых при чередовании глаголов происходят некоторые семантические сдвиги. Так, существуют сочетания, в которых оба глагола могут сочетаться одним и тем же словом, но иметь различное значение. Например: “make good” – разбогатеть, преуспевать, “do good” – делать, творить добро, “make time” – найти, выкроить время, “do time” – отбывать тюремный срок.

О подобных изменениях в значении коллокаций, возникающих при чередовании “make” и “do”, существуют разные мнения. Так, например, М. Суон подчеркивает: “We use sometimes do instead of make to sound casual about creative activity – as if we are not claiming to produce any very special results. “What shall we eat? – Well, I could do an omelette” («Мы иногда используем глагол do вместо make, рассказывая о творческой деятельности, чтобы рассказ звучал более обыденно, как будто мы не претендуем на особенные достижения. «Что мы будем есть? – Что ж, пожалуй, приготовлю омлет») [6, p. 106].

Другие английские авторы Р. Картер и М. МакКартти отмечают: “Many nouns can collocate with both do and make. Do tends to emphasize the activity involved, while make emphasizes the result or end product” («Многие существительные могут вступать в устойчивые словосочетания с обоими глаголами. Глагол “do” обычно подчеркивает, что производится то или иное действие, тогда как глагол “make” подчеркивает результат или окончание действия») [7, p. 148]. Так, например, известное сочетание “do translation” означает «делать перевод», то есть заниматься переводом, причем на первый план выдвигается сема «процесс», «про-

должительность». Фразеологизм “make translation” тоже означает «делать перевод». Но в данном случае имеется в виду «продукт, конечный результат», то, что достигнуто в процессе работы над переводом. Таким образом “Who did this translation?” можно понять как «Кто занимался этим переводом?», а “Who made this translation?” как «Кто выполнил этот перевод?», то есть перевод во втором случае предстает как законченный продукт, а не как процесс.

Более того, в отдельных сочетаниях, при замене глагола “make” глаголом “do” возникает и разница значения. Например, пара “make shoes” – “do shoes” («производить обувь»). “Make shoes” является свободным словосочетанием подобно сочетаниям “make a dress (car, table, furniture и др.)” со значением «делать», то есть шить, выпускать, производить, а “do shoes”, в зависимости от контекста, может иметь значение: «готовить, продавать, поставлять, обеспечивать, обслуживать данным видом товара (предоставлять данный вид услуг)». Аналогичными свойствами обладают также комплексы: “do clothes (wedding, lunch, dinner, salmon и др.)” («производить одежду, устраивать свадьбу, обед, ужин, форельный (ужин)»).

Анализ представленных в словаре устойчивых словосочетаний с глаголами “make” и “do” при всех названных трудностях употребления глаголов, позволяет все же сформулировать следующее правило их употребления. Когда речь идет о создании чего-либо нового, ранее не существовавшего, об изменениях, наблюдаемых в чем-то или с кем-то, о достижении какого-то результата чаще всего употребляется глагол “make”. Например, “make a meal (еду), lunch (обед), dinner (ужин), progress (успехи), plan (план), changes (изменения), peace (мир), decision (решение), contribution (вклад), fortune (состояние), career (карьеру), confession (признание)” и др.

При описании же видов деятельности как таковой преимущественно используется глагол “do”. Например, “do housework (заниматься работой по дому), the washing (стиркой), the cooking (стряпней), the cleaning (уборкой), the ironing (глажкой), the dishes (посудой), the table (столом), the flat (квартирой), the laundry (стиркой белья), the vacuuming (уборкой пыли), the gardening (садоводством), the talking (разговорами)” и др. Обычно в таких выражениях “do” указывает на сам процесс, подчеркивает его продолжительность, регулярность.

Отмечено также, что в большинстве случаев для словосочетаний с “make” и “do” характерны разные структурные модели. Значительную часть выражений с глаголом “make” составляют бинар-

ные образования, созданные по модели V+N (глагол + существительное): “make a choice” (делать выбор), “make a promise” (дать обещание), “make a fuss” (суетиться). Это именно те сочетания, которые имеют глагольные квазисинонимы. Они составляют периферию, т.е. сопредельную зону между фразеологизмами и свободными сочетаниями. Например: make a guess – to guess (догадаться), make a visit – to visit (навестить), make an attempt – to attempt (попытаться).

На диаметрально противоположных полюсах находятся высокоидиоматичные фразеологизмы, как “make a pass at” («обхаживать»), “make a killing” («совершить убийство»), “do the trick” («сделать трюк»), и свободные сочетания: “make a car” («сделать автомобиль»), “make a dress” («сшить платье»), “do one's work” («выполнить чью-то работу»). Появление новых фразеологизмов по этой модели практически не ограничено.

Большую группу выражений с глаголом “do” составляют бинарные образования разных типов, созданные по модели V+N, отражающие концепты быт, отдых, спорт: “do the room” («убирать комнату»), “do the museum” («создать музей»), “do judo” («заниматься дзюдо»). В то же время обширную группу единиц с глаголом do образуют выражения, созданные по модели V+V+ing: do the cooking («заниматься стряпней»), do the shopping («делать покупки»), do sightseeing («осматривать достопримечательности»). Особую продуктивность вышеуказанные модели приобретают во второй половине прошлого века и сейчас проявляют наибольшую интенсивность.

Обилие подобных фиксированных комплексов в английском языке, видимо, связано с тем, что, будучи языком аналитического типа и языком весьма идиоматичным, он часто имеет тенденцию выражать определенные понятия, ситуации не отдельными словами, а словесными комплексами, такими, как “go shopping” («пойти по магазинам»), “go swimming” («пойти поплавать»), “get dressed” («одеться»), “get married” («жениться»), “have a look” (взглянуть), “have a shower” («принять душ»), “take part” («принять участие»), “take time” («уделять время»), “take a nap” («вздремнуть»), а также знаменитыми фразовыми глаголами: “make up” («накраситься»), “make for” («загладить вину»), “make out” («разобрать»), “do with” («обходиться чем-то»), “do up” («застегнуть» / «починить» / «навести порядок») [2].

Широкое распространение среди фразеологизмов с компонентами “make” и “do” получило такое явление, как включение нового элемента в состав словосочетания для усиления, уточнения или ослабления значения, что позволяет говорящему (пишущему) модифицировать, подстраивать такие

единицы под свое экспрессивно-оценочное настроение, под свое эмоциональное состояние: “make a decision” («принимать решение»)– “make a quick decision” («принимать решение быстро»), “do shopping” («делать покупки») – “do some shopping” («делать кое-какие покупки»), “make a living” («зарабатывать на жизнь») – “make a comfortable living” («хорошо зарабатывать»), “do good” («принести пользу») – “do a lot of good” («принести большую пользу»), “make a choice” («делать выбор») – “make a poor choice” («делать неверный выбор»), “make a difference” («составлять разницу») – “make a huge difference” («составлять серьезное различие»).

Подобные коллокации используются не так, как готовые единицы, т.е. без изменений. На основе знания новых языковых комплексов, например “make an attempt” («сделать попытку»), “make a decision” («принять решение») формируется умение творчески использовать их, ловко манипулировать ими, привнося в них свое видение ситуации, свою оценку. Например: “make a reckless, hardest, final, conscious, bad, unique, right, huge, big, difficult, snap, smart etc.) decision” («принять нелепое, тяжелейшее, осознанное, плохое, уникальное, правильное, важнейшее, серьезное, трудное, мгновенное, умное и т.д. решение»). Владение данными коллокациями можно считать одним из признаков высокого уровня владения языком.

Коллокации с константной зависимостью компонентов, т.е. единицы не допускающие модификацию своего лексического состава, являются идиомами. Ряд коллокаций с компонентами “make” и “do” имеют более чем одно значение, т.е. являются полисемантическими: “make progress” («добиваться успеха»), “make it” («добиться»), “make rounds” («обходить»), “do a test” («протестироваться»). Среди рассматриваемых единиц имеются также выражения, которые находятся в синонимических отношениях друг к другу. Это такие выражения, которые при частичном несовпадении их лексического состава имеют относительно тождественные значения. Самым многочисленным по составу является синонимический ряд, элементы которого обладают общим инвариантным значением «успех»: “make a success”, “make progress” (, “make a hit”, “make headway”, “make a break through”, “make the grade”, “make an advance”, “make strides”, “make it”, “make one's mark”, “make a name” («добиться успеха», «продвинуться вперед», «заявить о себе»).

Наблюдение за динамикой развития выражений с компонентом “make” показывает, что нередко на базе этих единиц возникают сложные слова т.е. они являются словообразующей основой: “make a deal” («заключить сделку») – “deal maker” («де-

лец)), а также по аналогии: make a decision («принять решение») – decision maker; make a match – match maker; make trouble – trouble maker; make policy – policy maker; make money – money maker; make law – law maker; make peace – peace maker; make plans – plan maker; make news – news maker; make profit – profit maker и т.д.

Выводы

Выражения с компонентом “make” и “do” отражают в основном концепты, связанные с различными аспектами человеческой деятельности, как отношения между людьми, работа, отдых,

спорт, успех, деньги и т.д., и крайне часто используются в современном английском языке. Все сказанное о словосочетаниях с “make” и “do” убеждает в необходимости их более внимательного и тщательного изучения. Сегодня ни один словарь не дает полного перечня выражений с этими глаголами, видимо, это и невозможно. Тем не менее, в английском языке наблюдается большое количество устойчивых выражений, в состав которых входят данные глаголы, и работа с данными фразеологизмами должна являться неотъемлемой частью изучения английского языка.

Литература

1. Bradbury R. Stories. New York, 2005. 893 p.
2. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English: Cambridge University Press, 2006. 973 p.
3. Faulks S. A week in December. New York, 2003. 878 p.
4. Follet K. Winter of the World. New Yprk, 2013. 890 p.
5. Grisham J. Firm. London, 1991. 490 p.
6. Swan M. Practical English Usage, Oxford: Oxford University Press. 2005. 658 p.
7. Swan M. Practical English Usage. Moscow, 2000. 639 p.
8. The Times. Sept. 26, 2012. P. 35.

References

1. Bradbury R. Stories. New York, 2005. 893 p.
2. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English: Cambridge University Press, 2006. 973 p.
3. Faulks S. A week in December. New York, 2003. 878 p.
4. Follet K. Winter of the World. New Yprk, 2013. 890 p.
5. Grisham J. Firm. London, 1991. 490 p.
6. Swan M. Practical English Usage, Oxford: Oxford University Press. 2005. 658 p.
7. Swan M. Practical English Usage. Moscow, 2000. 639 p.
8. The Times. Sept. 26, 2012. P. 35.

*Arbuzova V.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D),
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan*

ENGLISH IDIOMS WITH THE COMPONENTS “DO” AND “MAKE”

Abstract: in this article English idioms containing the components “do” and “make”, which can be translated into Russian in the same way as “produce”, are subjected to research. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of the idioms that include these verbs. The implementation of this goal involves the solution of the following tasks: 1) to systematize the idioms of both groups; 2) to reveal the difference in shades of meanings conveyed by these words in similar phrases; 3) to describe the structure of such phrases. In the course of the study, methods of description, analysis, synthesis, as well as the method of component analysis and the method of analysis of dictionary definitions were used. The examples of expressions with components “make” and “do” used in the work are taken from dictionaries, as well as from fiction and journalistic texts. The article draws conclusions about the wide possibilities of using these idioms in speech, for example, about the possibility of including additional elements in their composition or forming other expressions based on them. The results obtained can be used in further studies of English phraseology as well as find practical application in school and university teaching of the English language.

Keywords: the English language, word, idiom, make, do

*Загоруйко И.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет*

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАДИСКУРСА В РАМКАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА

Аннотация: данная статья посвящена исследованию манипулятивного потенциала информационного пространства русскоязычного сегмента всемирной Сети оформленного медиаплатформами (социальные сети, видеохостинги, мессенджеры), которые не только создают реальность, но и качественно ее моделируют. Необходимость исследования связана с глобальными изменениями, которые происходят в коммуникационном пространстве в целом, а также с трансформациями, которые влияют на каждого участника индивидуально. Наблюдаемые изменения в медиaprостранстве и медиадискурсе характеризуются системными преобразованиями и качественными искажениями. В ходе анализа сложившихся реалий отмечается их междисциплинарный характер, что позволило применить инструментарий социальной психологии для описания коммуникативного воздействия и взаимодействия в рамках институционального дискурса. Так автором была предложена трактовка понятия медиадискурс с ключевым акцентом на возможность влияния на сознание участников информационного пространства, а также выделены адаптивные архетипы, воспринимаемые как высоко стандартизированные инструменты, позволяющие латентно, не искажая общее восприятие окружающей действительности, манипулировать индивидом.

Адаптивные архетипы делятся на: 1) конструктивные архетипы, которые эффективно организуют человеческую деятельность, расширяют кругозор, 2) манипулятивные архетипы, способные нарушить и изменить привычный жизненный уклад и исказить восприятие привычных ситуаций. Наиболее значимым представляется второй тип рассматриваемого феномена, так как эти архетипы активно работают с персональным представлением пространства, которое формируется вокруг индивида.

Ключевые слова: медиадискурс, архетип, вербальный портрет, перцептуальная репрезентация, карнавализация, семантический блок, парадокс релевантности, хештег

Введение

Современная языковая картина мира крайне динамична и непостоянна. В попытках формирования и моделирования концептуальной системы представлений у граждан той или иной страны медиасреда активно создает, даже навязывает, коммуникативное поле, ограниченное особенностями идейно-политической и социально-экономической систем. Подобного рода сдерживание связано с тектоническими изменениями в глобальном информационном языке и сменой курса медиапроцессов, наблюдается стирание границ между подлинной и виртуальной реальностями, унифицируется окружающая действительность, минимизируется ее уникальность в условиях глобализации.

Цель работы заключается в раскрытии манипулятивного потенциала в медийном пространстве и типологизации инструментария – адаптивных архетипов, как шаблонных конструкций, позволяющих антиципировать ситуационные перспективы информации.

Методология и методы исследования

Для подтверждения манипулятивного характера актуальных информационных материалов, опосредованных особенностями медиадискурса, применялся анализ и интерпретация, позволяющие взглянуть на результаты комплексно, компилировать междисциплинарное знание. Иллюстратив-

ный материал базируется на Telegram-каналах официальных лиц и новостных площадок этой же кроссплатформенной системы с количеством участников от 500 тыс. пользователей (Telegram-канал, депутата ГД ФС РФ Рябцевой Ж.А.; Telegram-канал российского государственного и политического деятеля Медведева Д.А.; Telegram-канал официального представителя МИД России Захаровой М.В.; Telegram-канал председателя Либерально-демократической партии России Слуцкого Л.Э.; Readovka аудитория 1,3 млн. подписчиков; Сладков + аудитория 986 тыс. подписчиков; Тупи40k Goblina (oper.ru) аудитория 470 тыс. подписчиков; Рыбарь аудитория 1,1 млн. подписчиков; Война с фейками аудитория 810 тыс. подписчиков; Раньше всех. Ну почти аудитоия 1,3 млн. подписчиков и др.). Выбор продиктован ведущей ролью Telegram в сетевом пространстве с общей долей более 60% трафика в России [25], что свидетельствует о высокой популярности площадки и, как следствие, позволяет считать его ведущим информационным агентом страны.

Понятие адаптивного архетипа и манипулятивный потенциал информационного поля в медиaprостранстве

Принимая за основу сложный и дискуссионный характер языка, функционирующего в рамках медиасистемы, представляется возможным исследовать его как междисциплинарный феномен, так

как широкое разнообразие социальных процессов порождают уникальное коммуникативное пространство – медийный дискурс (см., например, работы М.Н. Володиной, А.А. Леонтьева, В.З. Демьянкова, А.Н. Баранова, Д.Б. Гудкова, В.И. Карасика), который в рамках данной работы, понимается как текст, репрезентированный во всем многообразии форм и жанров, взятый в событийном аспекте, а потому отражающий актуальную информационную повестку, формирующую сознание коммуникантов с помощью набора определенных инструментов, воздействующих на когнитивную сферу человека и требует изучения психологических, социокультурных процессов.

Данный факт положил начало изучению информационного языка в медийной среде посредством коммуникативно-деятельностного подхода [13]. Таким образом коммуникативное взаимодействие воспринимается как процесс, опосредованный обстоятельствами и участниками, цель которого видится в реализации механизмов манипулятивного потенциала, рассчитанного на коллективного адресата, раскрывающегося в сети посредством текстового наполнения, видеоблогов, музыкальных композиций, компьютерных игр. Данная продукция транслирует широкий спектр чувств, идей и мнений, создавая иллюзию развития индивидуального мышления и уникальных позиций, однако наблюдается принуждение к заданному векторному мышлению и стандартизованности суждений. В результате возникает тенденция доминирования в информационном пространстве феномена коллективного бессознательного [4]. Данный факт представляется возможным трактовать как взаимодействие фиксированных моделей, ввиду редукции индивидуальной стороны, отмеченной эмоционально окрашенными комплексами, образующими интимную душевную жизнь личности. Ключевой особенностью фиксированных моделей, определяющих человеческое мышление и поведение – архетипы, понимаемые как общечеловеческое основание духовной жизни людей, наследуемое, а не формирующееся на базе индивидуального опыта [21].

В современном информационном пространстве медиадискурс выступает в роли буфера, смягчающего кардинальную смену социальных ориентиров, когда индивид в условиях быстроменяющихся обстоятельств теряет возможность качественно анализировать действия, совершающиеся вокруг него, и сосредотачивается на упрощенных механизмах работы с данными, которые доступны широкой аудитории. Благодаря этому формируется адаптивный архетип – шаблон, определяющий функционирование и развитие субъекта, предопределяет жизненные ситуации. Материалы, ко-

торые дают обобщенное и определенное представление об окружающей действительности и фактически программируют психику [6].

Отметим, что адаптивные архетипы существуют вне времени и формируются в разных комбинациях и стереотипах отражения окружающей действительности, репрезентированных, например, в поведении индивида, его эмоциональном уровне, чувственном восприятии. Предъявляемые шаблоны не всегда действуют одинаково на участников медиаполя, так как количество накопленного опыта и его проработка у каждого субъекта индивидуальна и своеобразна: чем выше уровень воздействия, тем ниже уровень архетипического опыта и наоборот. Любопытной представляется в свете последних событий в стране и мире, которые освещаются на разнообразных информационных площадках, подача материала и реакция на него среди аудитории. Чем выше провокация, тем больший отклик она находит. Обратная связь осуществляется посредством количества участников и комментарием в рамках обсуждения. При анализе информационного потока каналов в системе «Telegram» было выявлено, что аудитория делится на легко возбудимую, то есть те пользователи, кто активно откликался, поддерживая деструктивный вербальный контент, с использованием клишированных конструкций: *катастрофа неизбежна, нас вновь обманули, мы так долго не сможем, все пошло не так, почему нам никто не дает ответа, чем занимаются наше руководство, все покрыто туманом, тяжелейшая ситуация, все становится только хуже, ориентируемся пока на худший вариант, все только тянут и др.* Вербальный портрет такого пользователя включает в себя пиктограммы и символы недовольства. Отмечается неумение системно и качественно анализировать и классифицировать входящую информацию, происходит фиксация на волнующем элементе (например, негативное эмоциональное состояние, в связи с общим высоким напряжением, так как по данным ВЦИОМ порядка 57% россиян сталкивались со стрессовыми ситуациями [17]), как следствие циркулярная реакция интенсифицирует вербальную деструкцию [15], что говорит о низком архетипическом опыте человека.

Кардинальным образом отличается реакция участников коммуникативного взаимодействия с высоким архетипическим опытом. Наблюдается попытка взглянуть на происходящее объективно и критически, выявляется желание успокоить и вывести из панических состояний, нарастающих лавинообразно из-за циркулярной реакции, других участников обсуждения: *нет никаких причин волноваться, слушайте и читайте только проверенные источники, думайте своей головой, хватит*

нагнетать, не судите строго, благодаря этому мы поняли, давайте разбираться, хватит впадать в истерики, все это уже было, смотрите на вещи реально, это рассчитано на обывателя и др. Практически всегда данные участники ограничиваются вербальным наполнением сообщения, не прибегают к невербальным способам выражения своего состояния.

Адаптивные архетипы можно разделить на две группы.

1. Конструктивные, созидательные архетипы (стимулируют к развитию и дают возможность объективно воспринимать окружающую действительность, зачастую повышают эффективность человеческой деятельности).

2. Моделирующие архетипы (сложились в рамках эволюционного процесса и имеют наиболее сильное воздействие на человека, нарушая его привычный жизненный уклад и являются базисом для осуществления манипуляций сознанием).

Вторая группа архетипов активно работает с перцептуальной репрезентацией частного опыта, складывающегося в силу неврологической конституции и опыта. Целью данной группы является передача ценностных ориентиров [14] посредством вытеснения исходного намерения, а в некоторых случаях и замещающая его антонимической моделью. Иллюстрацией моделирования опыта может служить крайне субъективное высказывание о насилии в ходе программы «Антонимы» российского общественного деятеля, журналиста и политтехнолога А.В. Красовского во время беседы с писателем С.В. Лукьяненко (подробно с материалами можно ознакомиться в материалах Симоньян приостановила сотрудничество RT с Красовским из-за слов о детях [16], «Топить и жечь этих детей». Чем обернулись слова об украинских детях для журналиста Красовского [19]).

Алгоритм реализации моделирующего архетипа обнаруживается в четко заданной цели, опосредованной активизацией корыстного мотива зеркальной реакции: агрессивные действия множатся при ее неконтролируемом распространении и порождают новую агрессию [18].

В рамках архетипов создаются особые семантические блоки, которые запускают процесс программирования субъекта на уровне противопоставлений: лидер – деспот, тиран; вера – суеверия; нация – дикари, агрессоры; защитники – враги; освободители – оккупанты; повстанцы – сепаратисты; свобода – вседозволенность; целеустремленность – агрессия; уникальность – имидж, фальшь и др. Создается иллюзия искажения модели мира из-за подмены смыслов и понятий [12].

Однако данный прием не всегда достигает поставленной цели, так как может восприниматься в качестве явного агрессивного воздействия (последствия включают в себя и применение статей из УК РФ: 280.3; 20.3.3; 207.3 и др.), и участники коммуникативного взаимодействия прибегают к карнавализации, латентной попытке ухода от любых норм, ограничений и запретов. Информационное пространство мистифицируется [7], создается иллюзия подмены, заключающаяся в имитации значимых аспектов действительности при помощи выхода за грань повседневной реальности [3] и передаче рядовым участникам целого спектра возможностей лидеров общественного мнения. Наблюдается крайняя вербальная развязность и профанация, реализующая универсальную модель вседозволенности в виде снятия этических регуляторов и редукция иерархических барьеров. В этом случае цель будет тесно связана с мотивом – абстрактным или реальным объектом/субъектом, который необходимо девальвировать, как важного и значимого элемента информационного пространства. Наиболее качественно данный аспект репрезентирован в негативной и даже оскорбительной риторике (Приводимые примеры представлены в оригинальном, неизменном виде, таким образом, иллюстративный материал, который содержит обценную лексику, бранные, вульгарные и непристойные выражения будет сокращен и отмечен звездочкой):

«На втором фото действующий канцлер Германии Олаф Шольц. Американская п*****» (https://t.me/ryabseva_zhanna/484), «Закономерный итог бездарной косплейщицы от британской политики... (речь о бывшем премьер-министре Великобритании Лиз Трасс https://t.me/ryabseva_zhanna/493?single)» (Telegram-канал, депутата ГД ФС РФ Рябцевой Ж.А.);

- «Там какой-то очередной п*****, бывший министр из Латвии...» (https://t.me/medvedev_telegram/123), «Этому и***** вежливые психиатры должны сделать...» (https://t.me/medvedev_telegram/189) «Такой бизнес доктора Урсулы, похоже, не вывезут даже толерантные в разных местах евродепутаты» (https://t.me/medvedev_telegram/196) (Telegram-канал российского государственного и политического деятеля Медведева Д.А.).

- «Ждем комментариев Борреля...Жгите, Жозеп, глаголом. А больше и нечем» (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/3970>), «Гадкую и противозаконную позитию...занимают власти Дании...» (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/3860>), «Закон запада #1 гласит: «Если вас один раз

купили.... Доброе утро, Володимир ССаныч» (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/3844>), «Кто подставил президента США в очередной раз... Понятно, что сам американский президент не в состоянии ни анализировать, ни размышлять на сложные темы...» (<https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova/3747>)

(Telegram-канал официального представителя МИД России Захаровой М.В.).

- Трасс вошла в историю как самый, пожалуй, бездарный премьер, проработав в этой должности всего 44 дня... (https://t.me/slutsky_1/1411); (Telegram-канал председателя Либерально-демократической партии России Слуцкого Л.Э.)

Моделирующий архетип формирует неблагоприятную среду эгоцентричной подачи информации, которая изобилует аггравированными суждениями. Манипуляция осуществляется посредством бескомпромиссности, аудитория фактически программируется в бинарной парадигме [11].

Уверенная подача и категоричные формулировки появляются в потребности подчиняться установкам, которые задают вектор интерпретации материалов. Для понимания этого факта до-

статочно погрузиться в чтение комментариев, которые сопровождают провокационные информационные зарисовки, где наблюдается единство мнений и поддержка заявленной позиции. В данном аспекте архетип сопровождается эффектом социального доказательства, когда у человека отсутствует конкретная модель действий, и он поступает как большинство окружающих, ведь подавляющее большинство не способно создавать и использовать шаблоны [20].

Для формирования стойкого эффекта и удержания функциональной аудитории немаловажную роль играет парадокс релевантности. Обеспечивается данный феномен алгоритмами работы социальных сетей и коммуникативных площадок и представляет собой уход от разнообразия информации в силу ее ограничения интересами персоны и, как следствие, невозможности работы с ней, а также восприятие информационного потока в иррациональном восприятии содержания образа [24]. Процесс добровольной редукции осуществляется осознанно: в каждом канале доминирующий (автор, владелец) участник настойчиво предлагает подборки проверенных им источников, уверяет, что им точно можно доверять (рис. 1).

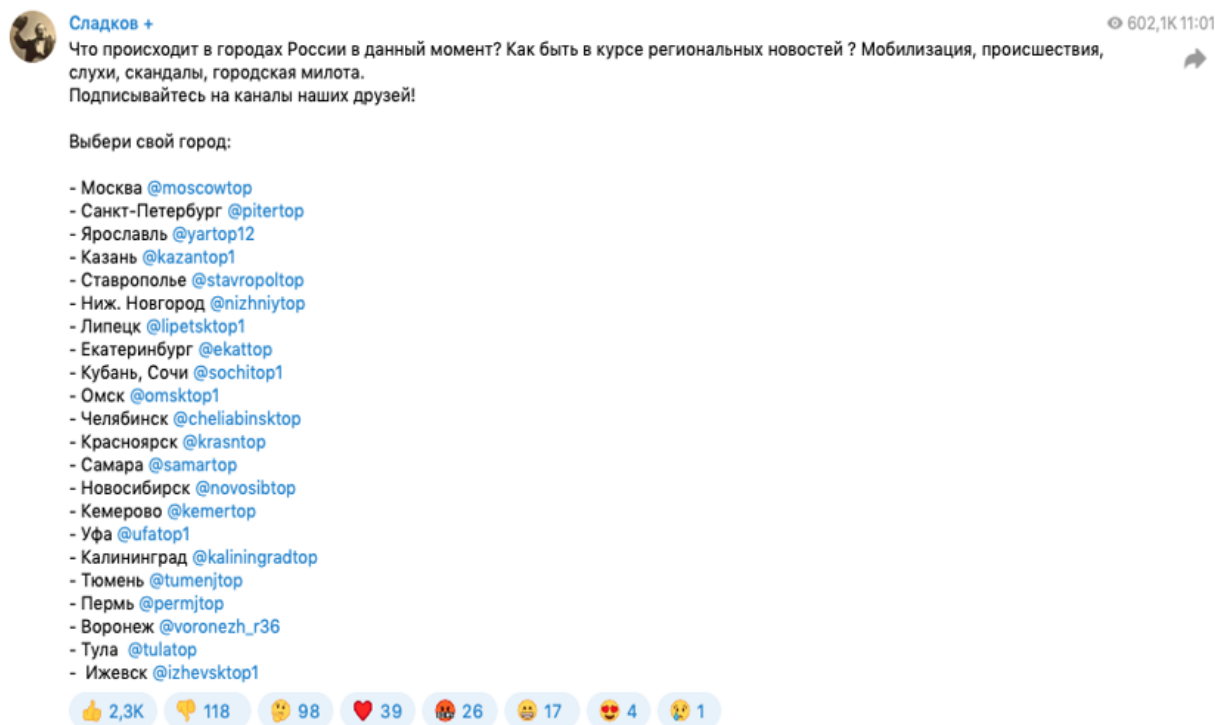

Рис. 1. Подборка источников

Либо использование ключевых слов – хештегов, инструментов структурирования и распространения информации [23]. Выделяют три типа хештегов:

1) односложные – репрезентированы одним словом #тренд, #фейк, #кейс и др.

2) двусложные – два ключевых слова с нижним подчеркиванием #только_тут, #самое_актуальное, #только_лучшее и др.

3) многосложные – фраза или предложение (достаточно редкий тип хештега) #хотели_как_лучше и др.

По данным исследователей даже один тематический маркер, связанный с сообщением, позволяет актуализировать информацию среди пользователей на 12,6%, что говорит о его высоком потенциале [5].

Алгоритмы, которые выполняют роль своеобразных фильтров, обеспечивают персонализацию получаемых данных и зависимость от них, так как данный инструмент опирается на принцип позитивного подкрепления и жажду признания [1]. Манипуляция осуществляется через вербальные поглаживания: *вы самые лучшие, стараюсь только для вас, только эксклюзивная информация, всех обнимаю, все будет хорошо, гордимся такой аудиторией, только лучшее по теме и др.*

Вывод

Таким образом медиадискурс, являя собой важный аспект коммуникационного пространства, становится универсальной платформой не только взаимодействия коммуникантов, но и серьезным инструментом формирования стандартизированных форм взаимодействия с подлинной реальностью, раскрывающейся в виде шаблонов, которые представляют собой иррациональный конструкт, в основе которого дихотомический базис, раскрывающийся в сути адаптивных архетипов: с конструктивной основой и деструктивной, меняющей алгоритмы восприятия информации в угоду той части участников медиaprостранства, которые поставили целью реализовать латентное воздействие, минимизируя стрессовые моменты при работе с широкой аудиторией социальных сетей.

Литература

1. Адам А. Не оторваться! Почему наш мозг любит всё новое и так ли это хорошо в эпоху интернета. Эксмо, 2019. 370 с.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: мат-лы к словарю. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. 193 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Изд-во «Э», 2017 640 с.
4. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. Москва, 1978. 295 с.
5. Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51 – 58.
6. Бухарин С.Н. Проблема трансформации адаптивных архетипов при организации информационного противоборства // Информационные войны. 2007. № 1 (1). С. 75 – 97.
7. Гаврилов А.А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание // ОмГТУ. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vozdeystviya-smi-na-obschestvennoe-soznanie> (дата обращения: 01.11.2022)
8. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 286 с.
9. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. Москва, 1992. 163 с.
10. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5 – 20.
11. Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах (1946а): пер. с англ. А.Н. Ниязовой // Кляйн М. Психоаналитические труды: в 7 т. Ижевск: ERGO, 2009. Т. 5: «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945-1952 гг. С. 69 – 101.
12. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 7 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-yazykovogo-znacheniya> (дата обращения: 26.10.2022)
13. Гришаева Л.И., Пастухов А.Г. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / отв. ред. Т.В. Чернышова. Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. 226 с.
14. Методы и технологии информационных войн. Москва: Академический Проект, 2007. 382 с.
15. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. М.: Юрайт, 2022. 159 с.
16. Симоньян приостановила сотрудничество RT с Красовским из-за слов о детях. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2022/6355c1319a79471f71981aee> (дата обращения: 26.10.2022)
17. Стресс – и как с ним бороться? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 26.10.2022)
18. Субботина Н. Д. Естественные и социальные предпосылки человеческой агрессии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2008. № 2. С. 14 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-i-sotsialnye-predposylki-chelovecheskoy-agressii> (дата обращения: 28.10.2022)

19. Топить и жечь этих детей. Чем обернулись слова об украинских детях для журналиста Красовского URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/10/24/15671245.shtml> (дата обращения: 26.10.2022)
20. Цыганов В.В., Бородин В.А., Шишкин Г.Б. Интеллектуальное предприятие. Механизмы овладения капиталом и властью. Москва: Университетская книга: Логос, 2004. 767 с.
21. Юнг К.Г. Психологические типы. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. URL: <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/psytypes.txt> (дата обращения: 26.10.2022)
22. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. Москва: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
23. Bruns A., Moe H. Structural Layers of Communication on Twitter // Twitter and Society / Ed. by K. Weller, A. Bruns, J. Burgess, M. Mahrt, C. Puschmann. New York: Peter Lang Publishing, 2014. P. 15 – 29.
24. Eli Pariser. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 244 pp.
25. Telegram обошел Whatsapp по объему трафика в России URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/03/20/914320-telegram-oboshel-whatsapp> (дата обращения: 30.10.2022)

References

1. Adam A. Ne otorvat'sja! Pochemu nash mozg ljubit vsjo novoe i tak li jeto horosho v jepohu interneta. Jeksmo, 2019. 370 s.
2. Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Russkaja politicheskaja metafora: mat-ly k slovarju. M.: In-t rus. jaz. AN SSSR, 1991. 193 s.
3. Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. Moskva: Izd-vo «Je», 2017 640 s.
4. Bessonov B.N. Ideologija duhovnogo podavlenija. Moskva, 1978. 295 s.
5. Boguslavskaja V.V., Boguslavskij I.V. Mediatekst i hjeshtegi: cifrovaja transformacija SMI. Gumanitarnyj vektor. 2017. T. 12. № 5. S. 51 – 58.
6. Buharin S.N. Problema transformacii adaptivnyh arhetipov pri organizacii informacionnogo protivoborstva. Informacionnye vojny. 2007. № 1 (1). S. 75 – 97.
7. Gavrilov A.A. Sredstva vozdeystvija SMI na obshhestvennoe soznanie. OmGTU. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vozdeystviya-smi-na-obschestvennoe-soznanie> (data obrashhenija: 01.11.2022)
8. Gudkov D.B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Gnozis, 2003. 286 s.
9. Dem'jankov V.Z. Kognitivizm, kognicija, jazyk i lingvisticheskaja teorija. Jazyk i struktura predstavlenija znaniy. Moskva, 1992. 163 s.
10. Karasik V.I. O tipah diskursa. Jazykovaja lichnost': institucional'nyy i personal'nyy diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd, 2000. S. 5 – 20.
11. Kljajn M. Zametki o nekotoryh shizoidnyh mehanizmah (1946a): per. s angl. A.N. Nijazovoj. Kljajn M. Psihoanaliticheskie trudy: v 7 t. Izhevsk: ERGO, 2009. T. 5: «Jedipov kompleks v svete rannih trevog» i drugie raboty 1945-1952 gg. C. 69 – 101.
12. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskij aspekt jazykovogo znachenija. Voprosy psiholingvistiki. 2011. № 13. S. 7 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskij-aspekt-jazykovogo-znachenija> (data obrashhenija: 26.10.2022)
13. Grishaeva L.I., Pastuhov A.G. Mediatekst: strategii – funkcii – stil': kollektivnaja monografija. otv. red. T.V. Chernyshova. Orël: Orlovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury, poligraficheskaja firma «Gorizont», 2010. 226 s.
14. Metody i tehnologii informacionnyh vojn. Moskva: Akademicheskij Proekt, 2007. 382 s.
15. Nazaretjan A.P. Psihologija stihijnogo massovogo povedenija. M.: Jurajt, 2022. 159 s.
16. Simon'jan priostanovila sotrudnichestvo RT s Krasovskim iz-za slov o detjah. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2022/6355c1319a79471f71981aee> (data obrashhenija: 26.10.2022)
17. Stress – i kak s nim borot'sja? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsja> (data obrashhenija: 26.10.2022)
18. Subbotina N. D. Estestvennye i social'nye predposylki chelovecheskoj agressii. Gumanitarnyj vektor. Serija: Pedagogika, psihologija. 2008. № 2. S. 14 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-i-sotsialnye-predposylki-chelovecheskoj-agressii> (data obrashhenija: 28.10.2022)
19. Topit' i zhech' jetih detej. Chem obrnulis' slova ob ukrainkih detjah dlja zhurnalista Krasovskogo URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/10/24/15671245.shtml> (data obrashhenija: 26.10.2022)

20. Cyganov V.V., Borodin V.A., Shishkin G.B. *Intellektual'noe predpriyatie. Mehanizmy ovladenija kapitalom i vlast'ju*. Moskva: Universitetskaja kniga: Logos, 2004. 767 s.
21. Jung K.G. *Psihologicheskie tipy*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2001. URL: <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/psytypes.txt> (data obrashhenija: 26.10.2022)
22. *Jazyk sredstv massovoj informacii: uchebnoe posobie dlja vuzov*. Pod red. M.N. Volodinoj. Moskva: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2008. 760 s.
23. Bruns A., Moe H. *Structural Layers of Communication on Twitter. Twitter and Society*. Ed. by K. Weller, A. Bruns, J. Burgess, M. Mahrt, C. Puschmann. New York: Peter Lang Publishing, 2014. P. 15 – 29.
24. Eli Pariser. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 2011. 244 pp.
25. *Telegram oboshel Whatsapp po ob#emu trafika v Rossii* URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/03/20/914320-telegram-oboshel-whatsapp> (data obrashhenija: 30.10.2022)

*Zagoruiko I.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Udmurt State University*

MANIPULATIVE POTENTIAL OF MEDIA DISCOURSE WITHIN THE RUSSIAN-SPEAKING SEGMENT OF THE INTERNET

Abstract: this article is devoted to the study of the information space manipulative potential designed by media platforms (social networks, video hosting, messengers), which qualitatively model reality. The need for research is associated with global changes that occur in the communication space, as well as with transformations that affect each participant individually. The observed changes in the media space and media distortion of the discourse are characterized by systemic transformations and qualitative distortions. In the course of the existing realities analysis, their interdisciplinary nature is noted, which made it possible to apply the social psychology approaches to describe the communicative impact and interaction within the institutional discourse framework. Thus, the author proposed a different interpretation media discourse concept with a key emphasis on the possibility consciousness influencing a participant in the information space, and also highlighted adaptive archetypes perceived as highly standardized tools that allow latently, without distorting the general perception of the surrounding reality, to manipulate an individual.

Among the archetypes were highlighted: 1) constructive archetypes that effectively organize human activity, broaden horizons, 2) manipulative archetypes that can disrupt and change the usual way of life and distort the perception of familiar situations. The second type of the phenomenon under consideration seems to be the most significant, since these archetypes actively work with the individual representation of the space that is formed around the individual.

Keyword: media discourse, archetype, verbal portrait, perceptual representation, carnivalization, semantic block, relevance paradox

*Курочкина Е.А., старший преподаватель,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКЕ

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности употребления заимствований в интернет-переписке немецкоязычной молодежи. Актуальность темы работы определяется тем, что за последнее время в интернет-сообщениях молодого поколения появилось большое количество заимствованных слов, преимущественно из арабского, турецкого и английского языков. Цель данной статьи заключается в выявлении основных особенностей использования заимствованных лексических единиц в интернет-переписке немецкой молодежи. Предметом исследования являются виды заимствований в переписке молодых людей Германии в электронной коммуникации. В статье ставится задача доказать, что использование заимствованной лексики является эффективным средством пополнения словарного состава молодежного сленга и немецкого языка в целом. По мнению автора, одной из главных причин использования иноязычной лексики молодым поколением является создание виртуального имиджа, желание выделиться и подчеркнуть свой социальный и интеллектуальный уровень, дифференцироваться от мира взрослых и объединиться своей собственной социальной группой. Стоит отметить, что чаще всего немецкая молодежь в интернет-переписке использует лексические единицы, пришедшие из английского, турецкого и арабского языков. Данная особенность объясняется психологическими, техническими, социальными, экономическими и политическими причинами.

Ключевые слова: заимствование, молодежный язык, калькирование, полукалька, слово-гибрид, социальные сети, интернет

В последние десятилетия в речи немецкоязычной молодежи появилось множество иностранных слов, пришедших из французского, итальянского, испанского, арабского, турецкого, курдского и, конечно же, английского языков. Нередко заимствованные лексические единицы можно встретить и в интернет-переписке. Это является естественным результатом процесса межкультурного и межъязыкового взаимодействия в условиях процесса глобализации в интернет-пространстве.

Согласно исследованиям Л.М. Савушкина, чем моложе интернет-пользователь, тем больше их электронная переписка насыщена разного рода сокращениями и заимствованиями [4, с. 70].

Чаще всего иноязычная лексика встречается в социальных сетях, молодежных чатах и форумах, например: Facebook, StudiVZ.de, SchülerVZ.de, MeinVZ.de Whatsapp, LinkedIn, Snapchat, Tumblr, Pinterest, YouNow.

Большая российская энциклопедия предлагает определение понятию заимствование: «заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [2].

Схожее определение можно найти и в работе С.А. Горской «Фразеология. Лексикография: практикум»: «заимствования – слова не исконного происхождения, перенесенные из одного языка в другой в результате территориальных и культурных контактов» [3].

В словаре Duden можно найти такое определение понятию заимствование: «Wörter aus anderen Sprachen, die kaum oder gar nicht mehr als fremde Wörter erkannt werden, weil sie sich dem Deutschen in allen Belangen angeglichen haben» (Слова из других языков, которые в большей или меньшей степени распознаются как иностранные слова, потому что они приблизились к немецкому языку во всех отношениях.) [7].

Как видно из предложенных определений, заимствование представляет собой результат взаимодействия языковых культур. Как правило, заимствуются лексические и фразеологические единицы, словообразовательные суффиксы, синтаксические структуры.

Стоит сказать, в немецком языкознании существует понятие Jugendsprache, т.е. язык молодежи или молодежный сленг. В германистике под термином Jugendsprache понимается не как однородное явление, он встречается в разных формах в разных географических точках и в разных социальных контекстах. Наиболее важными общими его чертами являются отклоняющаяся лексика, заимствования, метафоры, провокации, преувеличения, слова-паразиты, ирония и юмор, аббревиатуры и синтаксис, отклоняющийся от повседневного языка.

Кроме того, молодежный язык выполняет ряд определенных функций: дифференциация от взрослых, идентификация со своей собственной социальной группой, усиление чувства единения и как средство для выражения эмоций [14].

Процесс заимствования лексических единиц немецкой молодежью происходит из французского языка, китайского, испанского итальянского языков, например: *chic* – *schick* (шикарно); *Karoschi* – инфаркт, *Macho* – мачо, *der Antipasto* – закуска; *Cicca* – сигарета и другие.

Однако часть филологов полагает, что эти языки потеряли свою актуальность и многие лексические единицы перешли в разряд общеупотребительно лексики. Молодое поколение сегодня активно сокращает немецкие слова добавляя суффикс –o или –i, придавая им шарм и звучание итальянского, например: *der Normalo* – нормальный парень, *der Dulli* – неуклюжий и неповоротливый человек. Последнее слово восходит к бюрократической системе 1938 года, когда использовался «актендулли» – элемент из картона для сшивания нескольких отдельных листов бумаги [6, с. 189].

Сегодня значительное влияние на немецкий язык оказывают арабский и турецкий языки, результатом чего стало появление «*Kanak Sprak*», т.е. немецкий социолект, образованный турецкой молодежью в Германии в 1980-х. Свое название социолект берет от названия книги «*Kanak Sprak*» (1995 год) немецко-турецкого писателя Феридуна Заимоглу (*Feridun Zaimoğlu*). Сегодня у этого явления несколько синонимов «*Kanakisch*», «*Ghetto-sprache*», «*Türkenslang*», «*Türkendeutsch*». Считается, что словарь «*Kanakisch*» составляет около 300 слов, которые в основном встречаются в устной речи и используется как ругательства или для обозначения марок машин и телефонов. Данный социолект имеет ряд лексических и грамматических особенностей. Среди лексически особенностей специалисты выделяют следующие: в лексических единицах, обозначающих родственников или профессии добавляются «n», «h» и удваиваются согласные, например: *Dokthern*, *Mutthern*, *Vatthern*, *Brudern*, *Schwestern*, *Omma*, *Oppa*. Существует и «своя» номинация, например, ребёнок – *Balg*», друг – *Kumpeln*, *Nutte*, *Ratte*, диджей – *Scratchhern*, водитель автобуса, кондуктор или учитель – *Wixer* [13].

Позже язык «*Kanak Sprak*» повлиял на образование так называемого «*Kiezdeutsch*» (Кицдойч), который возник как язык мигрантов в полиэтнических районах крупных городов, а именно в районах Кройцберг и Нойкельн г. Берлина. Лингвисты рассматривают это явление как «мультиэтнолект» (нем. *Multiethnolekt*), то есть диалектом, на котором говорят различные этнические группы. Немецкий лингвист, профессор кафедры современного немецкого языка Университета Потсдама Хайке Визе (*Heike Wiese*) рассматривает «*Kiezdeutsch*» «как новый диалект» немецкого языка. На мультиэтнолекте «*Kiezdeutsch*» говорят

в основном образованные молодые люди, прекрасно владеющие нормированным (литературным) немецким (*Standarddeutsch*, *deutsche Literatursprache*), вне зависимости от своего происхождения [5, с. 175-176].

Так, в ходе исследования было установлено, что процент использования лексики, пришедшей из арабского и турецкого языка, составил 23%. Например, слово *Köftespieß*, популярное в 2020-2021 турецкого происхождения и означает хорошо прожаренный шашлык из баранины и говядины, однако молодежь использует это слово в значении «желаемая еда после освобождения из тюрьмы», например: *Elektron Supernova: nö!!! das ist dein köftespiessß*

Слово *Habibi* арабского происхождения и используется в значении «любимая» или «сокровище», которое стало популярным благодаря одноименной песне рэпера *Nura*. В 2019 году «*Habibi*» прогуглили колоссальные 72 000 раз [13].

Слово «*Alman*» происходит из турецкого и означает просто «немец». В Германии это воспринимается скорее как ругательное клишированное выражение. К слову сказать, что «*Alman*» насчитывало 40 500 поисковых запросов в 2019 году и претендовало на «молодежное слово 2019 года».

Слово *Mashallah* заимствовано из арабского языка и означает («как захочет Господь», «На все воля Божья»), а в интернет-переписке молодых людей имеет значение «великий» и служит комплиментом.

Турецкое влияние можно обнаружить в слове *jemensch* – варианте слова «*jemand*», популярном в молодежной среде в 2021 году, например: *Schnecke: Kann mir jemensch helfen?*

Еще одна особенность – появление двух новых императивных частиц «*lassma*» и «*musstu*» и предложение, где они используются необходимо воспринимать как внушение или повелительное наклонение, например [12]:

1. *Affenpower: Lassma auf Skype chatten!*
2. *Eddi-Fetti: Musstu noch erklären!*

Эти выражения не превращают *Kiezdeutsch* в смешанный турецко-немецкий или немецко-арабский язык, а интегрируются как новые иностранные слова, т.е. используются в соответствии с правилами немецкой грамматики, а их произношение германизировано.

Кроме того, заимствованию подвержены и восклицания, например, особенно популярное в 2020 году арабское *Uff* используется в интернет-переписке для выражения удивления или признательности.

Таким образом, турецкий и арабский языки изменяются под воздействием немецкой грамматики и фонетики и в результате взаимовлияния появля-

ется турецко-немецкий, арабско-немецкий, немецко-турецкий и немецко-арабский.

Особой популярностью пользуются заимствования из английского языка – англицизмы (Anglizismen). Экономическая и политическая роль США и Великобритании довольно велика во всем мире, поэтому подобно явлению можно сегодня наблюдать и в русском языке. Кроме того, компьютерные программы, приложения выходят на английском языке.

Лингвисты выделяют следующее заимствования из английского языка [1]:

– калькирование, т.е. заимствование слов с удержанием своего первоначального значения и своего звукового и графического облика: *Femboy* (2020 г.) – *женственный юноша*, *cheugu* (2021) – *старомодный, простой и скучный*, *Plottwist / Plot Twist* (2020г.) – *неожиданный поворот*, *Lowbob / Low Bob* (2021) – *человека без определенных навыков или способностей, или плохой игрок*, *Purge-Watching* (2019г.) – *просмотр сериала или фильма до конца, даже если он перестал быть интересным*, *Big Brain Time* (2020г.) – *очень глупый поступок*, *Niceness* (2021г.) – *что-то милое*, *Lowkey* (2021г.) – *что-то секретное*, *wild* (2020г.) – *дикий*, *same* (2022г.) – *то же самое*, *lost* – *потерянный*, например [11]:

Me and my Monkeysagt:

März 2022 um 16:40 Uhr

Wa wir tun jetzt? Wr sind total lost (((.

– Слова-гибриды представляют собой сложные слова, одна часть которых заимствована из английского языка, другая часть из немецкого, например: слово популярное в 2020 году *Lachkick* используется в значении «дикий смех», и, предположительно, произошло по аналогии с английским *Laugh kick* [12].

– Полукалька – это способ заимствования, при котором к английскому корню присоединяются суффиксы, приставки или окончания языка-реципиента. Эти слова при дальнейшем использовании подчиняются правилам немецкой грамматики, например: *Nicenstein / Niceigkeit* (2019г.) – *что-то милое и хорошее*, *flexen* (2021г.) – *хвастаться*, *cornern* – *тусоваться и пить пиво на углу улицы*, *hustlen* – *светиться, много работать*, *triggern* (2020г.) – *разглагольствовать, болтать*, *canceln* (2022г.) – *отменить, прервать что-то*, *Ally* (2021г.) – *защитника маргинализированных, дискриминируемых или угнетенных людей*, *ausgedribbelt* (2019г.) – *быть обманутым*, *verbuggt* (2018г.) – *глючить, быть неисправным*, например [14]:

Walls: siest sau verbuggt 😊.

В данных примерах наблюдается фонологическая германизация, т.е. заимствованные лексиче-

ские единицы, содержащие некоторые грамматические или фонетические свойства немецкого языка.

Нередко можно встретить иноязычные вкрапления, которые имеют лексические эквиваленты в языке-реципиенте, но могут отличаться стилистически, например: восклицание «Sheesh», которое заняло третье место в молодежном немецком сленге в 2021 году, используется для выражения удивления, испуга или даже «раздражения» и предположительно произошло от формы «geez» (Боже).

Стоит отметить, что нередко заимствованные слова изменяют в процессе перехода в другой язык. Так, заимствованное из английского слово *based* (2021г.) на английском означает «основанный или базирующийся на чем-либо», однако в молодежном сленге используется в значении «кто-то уверен в себе и позитивен» [10].

Англоязычное выражение, популярное в 2020 году, *Game Changer* первоначально использовалась для обозначения человека, который меняет ход игры, однако в молодежном сленге это понятие расширило свое значение и означает уже некую персону или событие, которые меняют процесс происходящего чего-либо.

Популярное англоязычное слово в 2021 году *Crush* изначально обозначало «давка», но сегодня молодежь использует в значении «влюбленность» или «человек, в которого кто-то влюблен».

Пришедшее из английского языка слово *woke*, которое в свою очередь образовано от глагола *wake* («пробуждаться, просыпаться») в временной форме Past Simple, используется молодежью в значении «быть в курсе социальных проблем» [14].

Выражение *Brexit Machen* сочетает в себе заимствованное из английского языка *Brexit* и глагол *Machen*. Данная фраза стала популярным в связи с выходом Великобритании из ЕС. Немецкая молодежь же трактует его по-своему: «кто-то неоднократно прощается, но так и не покидает тусовку» [12].

Англоязычное заимствованное прилагательное *relatable* (2022г.) (от англ. «относительный, родственный») означает, что кто-то способен что-то понять и сопереживать. Не редко в переписке можно встретить образованный с помощью присоединения окончания к данному прилагательному глагол *relaten*, например [13]:

immermüdemvolk%): M1Tussi reltet mich nicht...

Стоит сказать, что сегодня популярно такое явление как «Zangendeusch», которое используется в нескольких значениях: как неосмысленные и неудачные переводы с английского языка, и как интернет-шутка [9].

Данное явление появилось в 2000-х годах. Он распространялся через немецкий имиджборд Krautchan, где пользователи создают контент, мемы и шутки, среди прочего, напрямую переводя английские термины, что приводит к появлению абсурдных конструкций слов и предложений. С середины 2010-х Zangendeusch распространяется через немецкие сообщества на Reddit. Отсюда и появляются многие нестандартные молодежные словечки, которые часто можно встретить в интернет-переписке, например: *Internet* – *Zwischennetz*, *Playstation* – *SpielStation*, *Twitter* – *Zwitschern*, *WhatsApp* – *WasApplikation*, *Bruh* – *Brüh*, *Butterfly* – *Butterfliege*, *Cringe* – *Kringel*, *cool* – *kühl*, *Lockdown* – *Schlossrunter*, *Neckbeard* – *Genickbart*, *Oldschool* – *altschul*, *Pineapple* – *Pinienapfel*, *Homies* – *Zuhausis* [9].

Это явление создало дополнительную площадку для словотворчества и юмора, однако для старшего поколения это является ребусом, поскольку слова являются знакомыми, но их сочетаемость приводит в недоумение.

Англицизмы приходят в молодежный сленг из разных сфер, например: СМИ и реклама (*Feature*, *Escalation*, *Branding*, *Jingle*); кинопроизводство и музыка (*Remix*, *Single*, *Lovestory*); общество и политика (*Brexit*, *Hater*, *Containment*); развлечения (*Selfie*, *Gaymer*, *Gameboy*); спорт (*Freestyle*, *Finish*, *Jogging*, *Fitness*); здоровье, мода и косметика (*Cover*, *Highlighter*, *Concealer*).

Однако основной источник – интернет-сети Twitter, Instagram, Facebook и такие интернет-сервисы как Reddit, Tik-Tok, YouTube (*Bot*, *Hacker*, *Skyline*, и др.);

Можно выделить еще ряд причин, которые влияют на востребованность иноязычной лексики в молодежной среде.

Заемствования возникают для наименования нового объекта или явления, которого нет в языке-реципиенте. Особой популярностью пользуются названия трендов, стримов или явлений, которых не было в немецком языке и немецкой культуре, например, словосочетание *Insta Baddie* (2020г.) – наименование тренда в Instagram, используется для описания девушки, которую ее подписчики считают крутой, привлекательной и желанной; *Bruh Girl* – популярный в 2021 году образ девушки, которая не заботится о своей внешности, много ест, ругается и является «своим парнем»; *E-girls* и *e-boys* (2021г.) – молодежная субкультура, популяризированная приложением для обмена видео TikTok [11].

Кроме того, лексические единицы заимствуются с целью языковой экономии, например: *der Lifhack* (2019) – *das Alltagsleben erleichterndes Vorgehen, das oft auf einem kreativen Lösungsansatz*

beruht («полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы»); *die Deadline* – *Einsendeschluss* (крайние сроки); *der Impeachment* (2019г.) – *das Amtsenthebungsverfahren (импичмент)* [11, 13].

С целью уточнения или разграничения близких по содержанию понятий, например: вместе с заимствованным словом *das Sandwich* (сэндвич) в немецком языке функционируют слова *der Hamburger* (гамбургер – булочка с вложенной в неё начинкой, как правило, с бифитексом), *der Cheeseburger* (чизбургер – булочка с сыром), *der Chickenburger* (булочка с цыпленком).

Заемствование новых слов может быть обусловлено влиянием иностранной культуры или продиктовано модой на иноязычную лексику, поэтому, в речи немецких подростков часто можно услышать английские слова *cool*, *wyld/wild* (круто), заменяющие немецкие эквиваленты *toll*, *prima*. Это придает речи больше выразительности и экспрессивности [12].

Процент лексических единиц, заимствованных из английского языка, составил 68%. Это значит, что больше всего заимствований приходят именно из английского языка. И примечателен тот факт, что в конкурсе на самое популярное молодежное словечко 2021 года, проводимое издателями словаря Langenscheidt, «победило» именно перенятое из английского языка слово *cringe* в значении «сжегиваться, «содрогаться», «приседать, приседать», «подхалимски льстить, ползать», «начинать, дергаться». Слово *Cringe* используется как восклицание в ситуации дискомфорта. Его также можно найти в столбцах комментариев в социальных сетях в разделе «непристойный» контент («cringeworthy» Content) [8].

В ходе исследования встретились несколько лексических единиц из цыганского языка, например, слово *Chaya*, которое означает девушку, и *Chabo* – юношу, и голландского языка, например, слово, которое используется и как звукоподражание, *Bieb* – *Bibliotheek* [10]:

Anonymoussagt:

21. August 2022 um 14:59 Uhr

bieb bieb i'm a sheep 😊

Согласно проведенному исследованию, количество лексических единиц, пришедших из итальянского, голландского, цыганского и других языков составило 9%.

Как видно из примеров, немецкая молодежь активно использует в своей речи заимствованную лексику, особенно популярны англицизмы и производные от них. Это не просто дань моде, а повседневная необходимость, т.к. современные информационные технологии и компьютерные программы связаны с английским языком.

Наиболее востребованные виды иноязычного заимствования – калькирование и слова-гибриды. Как правило, заимствованная лексическая единица приживается и приспосабливается к немецкой грамматике: получает род, соответствующий артикль или окончание глагола –en, –n.

Особенностью широкого распространения иноязычной лексики является стремление молодого поколения уйти от клишированных выражений, избавиться от «серости» речи, стремление противопоставить себя политической и общественной системе. Кроме того, стремительный темп повседневной жизни и появление новых предметов или явлений вносят свой вклад в постоянное пополнение лексического состава молодежного языка, поскольку каждому нововведению требуется свое

обозначение в языке. Именно у молодого поколения быстрее находит отклик все новое и необычное и, как результат, появление большого количества новых лексических единиц и даже словотворчество.

Таким образом, использование заимствований является эффективным способом обогащения словарного состава молодежного сленга и немецкого языка в целом. Переход лексических единиц из одного языка в другой является естественным и необходимым процессом языкового развития. Однако вопрос о «положительном эффекте» этого явления для самого национально языка остается неясным, поскольку утрачивается его уникальность и неповторимая красота.

Литература

1. Анিকেева Л.А. Англицизмы в немецком языке // Издательский дом «Первое сентября». М., 2013. №14. URL: <http://festival.1september.ru/articles/415089/> (дата обращения: 12.10.2022)
2. Большая российская энциклопедия: электронная версия. 2019. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1985739> (дата обращения 12.10.2022)
3. Горская С.А. Лексика. Фразеология. Лексикография: практикум. Гродно: ГрГУ, 2009. 137 с. URL: http://ebooks.grsu.by/prakt_sov_rus/13-zaimstvovaniya.htm (дата обращения 12.02.2021)
4. Савушкин Л.М., Первушина В.Н., Хуторной С.Н. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник ВГУ. 2017. № 1 (23). С. 59 – 71.
5. Сорокина Е.А., Темнякова А.А. Kiezdeutsch – диалект современного немецкого языка // Филологические науки. 2021. № 2 (50). С. 274 – 277.
6. Шемчук Ю.М., Неологизмы в немецкоязычном академическом дискурсе как результат влияния коронавирусной пандемии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 185 – 194.
7. DUDEN URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/abkBCrzung?ls=abkuerzung&s=abkBCrzung> (дата обращения: 19.10.2022)
8. Langenscheidt. 2021. URL: <https://www.langenscheidt.com/jugendwort-des-jahres> (дата обращения: 19.10.2022)
9. Schmalzried G., Zangendeutsch: Anatomie einer Memesprache. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://coolgenug.de/p/zangendeutsch-anatomie-einer-memesprache/>. (дата обращения: 21.10.2022)
10. Sprachnudel: Wörterbuch der Jetztsprache. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sprachnudel.de/kategorie/jugendsprache> (дата обращения: 14.10.2022)
11. Stuttgarter Nachrichten: Jugendsprache. 2022. URL: <https://www.stuttgarter-nachrichten.de/> (дата обращения: 19.10.2022)
12. Thielemann L. Anglizismen im Deutschen. 2014. URL: http://lars-thielemann.de/heidi/hausarbeiten/Anglizismen2.htm#_6 (дата обращения: 24.10.2022)
13. Wortbedeutung.info. URL: <https://www.wortbedeutung.info/Kanak-Sprak/> (дата обращения: 24.10.2022)
14. StuduSmarter: Jugendsprache. URL: <https://www.studysmarter.de/schule/deutsch/sprachanalyse/jugendsprache/> (дата обращения: 24.10.2022)

References

1. Anikeeva L.A. Anglicizmy v nemeckom jazyke. Izdatel'skij dom «Pervoe sentjabrja». M., 2013. №14. URL: <http://festival.1september.ru/articles/415089/> (data obrashhenija: 12.10.2022)
2. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: jelektronnaja versija. 2019. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1985739> (data obrashhenija 12.10.2022)
3. Gorskaja S.A. Leksika. Frazеologija. Leksikografija: praktikum. Grodno: GrGU, 2009. 137 s. URL: http://ebooks.grsu.by/prakt_sov_rus/13-zaimstvovaniya.htm (data obrashhenija 12.02.2021)
4. Cavyshkin L.M., Pevushina B.H., Hytopnoj S.N. Osobennosti kommunikacii v kiberprostranstve. Vestnik VGU. 2017. № 1 (23). S. 59 – 71.

5. Sorokina E.A., Temnjakova A.A. Kiezdeutssh – dialekt sovremennogo nemeckogo jazyka. Filologicheskie nauki. 2021. № 2 (50). S. 274 – 277.
6. Shemchuk Ju.M., Neologizmy v nemeckojazychnom akademicheskom diskurse kak rezul'tat vlijanija koponavipucnoj pandemii. Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2020. № 4 (39). S. 185 – 194.
7. DUDEN URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/abkBCrzung?ls=abkuerzung&s=abkBCrzung> (data obrashhenija: 19.10.2022)
8. Langensscheidt. 2021. URL: <https://www.langenscheidt.com/jugendwort-des-jahres> (data obrashhenija: 19.10.2022)
9. Sshmalzried G., Zangendeutssh: Anatomie einer Memesrrashe. 2019. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://coolgenug.de/p/zangendeutsch-anatomie-einer-memesprache/>. (data obrashhenija: 21.10.2022)
10. Sprashnudel: Wörterbush der Jetztsprache. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.sprashnudel.de/kategorie/jugendsprach> (data obrashhenija: 14.10.2022)
11. Stuttgarter Nashrishten: Jugendsrrashe. 2022. URL: <https://www.stuttgarter-nachrichten.de/> (data obrashhenija: 19.10.2022)
12. Thielemann L. Anglizismen im Deutsshem. 2014. URL: http://lars-thielemann.de/heidi/hausarbeiten/Anglizismen2.htm#_6 (data obrashhenija: 24.10.2022)
13. Wortbedeutung.info. URL: <https://www.wortbedeutung.info/Kanak-Sprak/> (data obrashhenija: 24.10.2022)
14. StuduSmarter: Jugendsrrashe. URL: <https://www.studysmarter.de/schule/deutsch/sprachanalyse/jugendsprache/> (data obrashhenija: 24.10.2022)

*Kurochkina E.A., Senior Lecturer,
Sterlitamak branch of the Bashkir State university*

PECULIARITIES OF THE USE OF BORROWED VOCABULARY BY GERMAN-SPEAKING YOUTH IN INTERNET CORRESPONDENCE

Abstract: this article discusses the features of the use of borrowings in the Internet messages of German-speaking youth. The relevance of the topic of the work is determined by the fact that recently a large number of borrowed words have appeared in the Internet messages of young people, mostly from Arabic, Turkish and English. The purpose of this article is to identify the main features of the use of borrowed lexical units in the Internet correspondence of German youth. The subject of the research is the types of borrowings in the correspondence of young people in Germany in electronic communication. The article aims to prove that the use of borrowed words is an effective means of replenishing the vocabulary of youth slang and the German language as a whole. According to the author, one of the main reasons for the use of foreign language vocabulary by the younger generation is the creation of a virtual image, the desire to stand out and emphasize their social and intellectual level, to differentiate from the world of adults and unite with their own social group. It is worth noting that most often German youth in Internet correspondence uses lexical units that came from English, Turkish and Arabic. This feature is explained by psychological, technical, social, economic and political reasons.

Keywords: borrowing, youth language, tracing, semi-tracing, hybrid word, social networks, Internet

*Мартынова И.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу переводов выступлений ведущих современных американских политиков на русский язык, а именно детальному разбору лингвопрагматических нюансов подобных переводов. Актуальность данной темы определяется текущей общественно-политической обстановкой в мире и сложностью российско-американских отношений, где конфронтация, к сожалению, выступает ведущим мотивом. Это обуславливает необходимость точной передачи высказываний американских политиков на русском языке, выявления их истинных намерений и адекватного перевода. Особый акцент сделан на изучении крупных публичных выступлений президентов США. Цель исследования состоит в определении лингвопрагматических особенностей перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык. Исходя из цели работы, задачами исследования стали определение основ изучения лингвопрагматических особенностей англоязычных публичных выступлений; рассмотрение лингвостилистических характеристик публичных выступлений в англоязычном политическом дискурсе; установление способов адаптации текстов англоязычных публичных выступлений; выявление проблематики, перспективные приёмы и особенности перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык. Результаты исследования могут быть использованы в курсах теории перевода и практических переводческих дисциплинах, а также практикующими переводчиками, в особенности работающие с переводами текстов политической тематики.

Ключевые слова: американские политики, публичные выступления, лингвопрагматические особенности перевода

В настоящее время, характеризующееся понятиями конкуренции, межнациональных конфликтов, борьбы за рынок сбыта, состоянием напряжённости в отдельных точках политического и экономического столкновений культур, а также в специфически демократичном развитии языка, вызванном повышением уровня свободы слова и одновременно ограничениями высказываний по толерантности, расширением спектра политических выступлений, всё больше и больше становится заявлений и высказываний англоязычных сторон, направленных по отношению к русскоязычной аудитории или упоминающих её. Так, актуальность исследования лингвопрагматических особенностей перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык обуславливается повышенным уровнем языковых столкновений американской и русской культур в условиях конфронтации, что подразумевает необходимость разработки эффективных и толерантных способов трансляции информации посредством перевода с английского языка на русский.

В связи с вышеизложенным, цель нашего исследования состоит в определении лингвопрагматических особенностей перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык. Объектом исследования являются публичные выступления современных американских политиков. Предметом исследования яв-

ляются лингвопрагматические особенности публичных выступлений современных американских политиков в аспекте их перевода на русский язык.

Для достижения поставленной цели были использованы материалы публичных выступлений Барака Обамы, Дональда Трампа, Джозефа Байдена и иные тексты выступлений политиков, например: Нэнси Пелоси, Джона Бейнера, Пола Райана, Энтони Блинкена. В теоретическую базу нашего исследования вошли труды отечественных и зарубежных исследователей в областях сравнительной стилистики английского языка, методологии её перевода и лингвистических аспектов перевода Арутюновой Ю.Д. [1], Горностаевой А.А. [2], Кубряковой Е.С. [3], Манякиной Т.И. [4], Сарсикеевой Г.К. [5], Щербы Л.В. [6], Jakobson R. [10], Newmark P. [12], Lederer M. [11] и других. В исследовании были использованы типологический метод систематизации, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение полученных данных, а также системный метод исследования.

Согласно анализу политического дискурса в аспекте лингвистической прагматики, при определении особенностей публичного выступления могут возникать лингвистические проблемы определения характеристики речей ораторов, что обусловлено наличием в выступлениях аспектов не только политического дискурса в его действительном определении, но и функциональных средств выразительности данной речи, используемой по-

литиками терминологии и приемов эмоционально-экспрессивного окрашивания языка, применяющимися со следующими целями: экспрессивность воздействия, что означает уверенность в доступности выражения цели выступления на публике, и символизм, который основывает эмоциональность выражения знаковости и образности речи политиков. Итак, лингвостилистические особенности англоязычных публичных выступлений мы разделили на особенности грамматики, особенности лексики и стилистики, а также особенности фонетики. Среди определяющих черт политического дискурса были отмечены постоянно растущий уровень экспрессивности в выступлениях политических лидеров, целеполагающие властную борьбу, направленную на выделение личности политического лидера. С ростом конкуренции в политической сфере политические лидеры с языковой точки зрения приобретают индивидуальные характеристики.

Анализ функционального потенциала высказываний политических деятелей в переводе показал, что речевые шаги, которые выбираются политиками выполняют разные функции: репрезентативную, регулятивную, пропагандистскую, прогностическую. В целях их реализации выступающий на публике прибегает к стратегиям дискредитации, театральности и формирования эмоционального настроения аудитории. Культурологический подход в анализе языковых средств в публичных выступлениях политического дискурса в переводе говорит о том, что основными общественными приоритетами для американцев являются социально-политические аспекты, преобладая над нравственностью и моралью. Тем не менее, последние всё равно присутствуют, так как публичное выступление основывается на общественном мнении и общечеловеческих принципах морали.

For our citizens to live, work, raise their children, rejoice and be proud of the achievements of our people, we will continue the policy of developing human capital. First of all, what should we do in this direction? What worries people the most today? – Мы продолжим развивать человеческий капитал, чтобы наши граждане жили, работали, воспитывали своих детей, радовались и гордились достижениями нашего народа. Прежде всего, что мы должны сделать в этом направлении? Что сегодня больше всего волнует людей? – из речи Пола Райана, члена Палаты Представителей США в период 2015-2017 гг. [16]. Косвенно восхваляя силу государства, политиком демонстрируется решимость установить иерархичную систему национальных ценностей – свободу и человеческий капитал. В данном отрывке явно прослеживается реализация манипулирования аудиторией посред-

ством такого средства, как риторический вопрос. Так, националистические настроения и народные ценности закрепляются в общественном полилоге и подчёркивают степень и уровень их важности. В данном отрывке прослеживаются приемы синтаксической перестановки, опущения и калькирования.

The fundamental question: Can we do better? The answer, in my view, is obvious: You bet we can. But President Obama only offers excuses instead of answers. Yet he has the nerve to say that he's moving us forward and the audacity to hope that we'll believe him. – Фундаментальный вопрос: Можем ли мы добиться большего? Ответ, на мой взгляд, очевиден: Вы уверены, что можем. Но президент Обама только оправдывается. Он не дает нам ответов. И все же у него хватает наглости сказать, что он ведет нас в верном направлении, и дерзости надеяться, что мы ему поверим. – из речи Джона Бейнера, члена Палаты Представителей США в период 2015-2017 гг. [9]. В данном примере наглядно видно, как реализуются тактики обвинения и доноса. В преддверии президентских выборов 2013 года, когда действующим президентом являлся Барак Обама, политик напрямую критикует действия Президента за бесконечные обещания и бездействие. Риторическим вопросом он обращает внимание всех граждан страны на то, что жители Америки продолжают мириться с тем, что имеют, не спрашивая о том, что нужно сделать с тем, чтобы ситуация изменилась в лучшую сторону. При переводе риторического вопроса используется эквивалентная устойчивая фраза в ПЯ, также переводчик принимает решение не применять нейтральную лексику и использует высоко-эмоциональные существительные как «наглость» и «дерзость».

Анализ языковых средств политиков в переводе показывает разные уровни языкового содержания. Среди наиболее ярких языковых средств в афоризмах американских политиков в переводе самыми распространёнными можно обозначить приёмы эпифоры, сравнительных оборотов, параллелизма, аллегорий, риторических вопросов, анафоры и восклицаний. Данные приёмы способствуют не только нахождению общего языка с аудиторией, но и воздействию на неё посредством эмоционального отклика. С помощью данных средств выразительности политики задействуют широкий спектр ценностей и оказывают эмоциональное воздействие на аудиторию. Эти лексические и стилистические средства пропагандируют значение порядка, безопасности, закона и равенства.

We Democrats believe that the future of America should be decided by the voices of the voters, not the pocketbooks of the powerful. And only then can we

have fairness in a budget that should be a statement of our values, that invests in the future, creates jobs, reduces the deficit, and ensures that everyone is paying their fair share, for an economy that works for everyone, not just the privileged few. – Мы, демократы, верим, что будущее Америки должно решаться голосами избирателей, а не кошельками сильных мира сего. И только тогда у нас может быть справедливый бюджет, который должен быть заявлением о наших ценностях, который инвестирует в будущее, создает рабочие места, сокращает дефицит и гарантирует, что каждый платит справедливую долю, для экономики, которая работает для всех, а не только для привилегированного меньшинства. – из речи Нэнси Пелоси, члена Палаты Представителей США в период 2015-2017 гг. [14]. Вдохновляющая функция, реализуемая посредством тактики негативного отношения и обвинения (в данном случае действующей власти) предполагает способность публичного выступления политического дискурса в речи или образности политика вдохновения аудитории слушателей выступления – в частности, и народа – в целом, как такового, на экспансию гражданской активности, национальных приоритетных ценностей, а также продолжение традиционности предшествующих политических направленностей. В переводе применяется метафорический перевод яркой эмоционально оценочной фразы, синтаксическая перестановка инверсии, грамматическая перестановка в словосочетании «**справедливый бюджет**», а также калькирование.

Также было выявлено, что при переводе все средства выразительности, используемые политиками, передаются путем подбора эквивалентных слов и выражений. При работе с данными языковыми и стилистическими средствами выразительности для переводчиков необходима не только культурная адаптация и нахождение эквивалентов в целевом языке, но и учёт особенностей трансляции политического дискурса в публичных выступлениях в общечеловеческих нормах морали, что требует от переводчика придерживаться стратегий опущения, то есть исключения при необходимости или сокращения той или иной части текста; возможности расширения значений дискурса, то есть переосмысления данной изначальной информации в соответствии с культурными нормами целевой аудитории. Такие стратегии включают приёмы и подходы: лексической адаптации, например, сленга, диалектизмов или жаргонизмов; восстановления, то есть реконструкции исторически ушедших или пережитых обществом целевой аудитории перевода языковых и культурных понятий; креативности, то есть создания при необходимости абсолютно или частично новых для целевой аудитории

понятий; а также понимания ситуативности и нахождения эквивалентности – что в общей своей совокупности в каждом отдельном случае перевода требует от переводчика тщательного контекстуального анализа.

Инаугурационные речи политиков содержат многофункциональные коннотации политического дискурса, среди которых можно выделить мораль, материализм, демократию, возможность инакомыслия и оппозиции, важность учёта общественных настроений и общечеловеческих норм социальной приемлемости, а также национализм и выделение силы власти. Такие коннотации определяются посредством лексического анализа публичных выступлений, содержащих многочисленные абстрактные понятия, присущие данному дискурсу в переводе, например: **people** – люди; **president** – президент; **power, government, democracy** – власть, правительство, демократия; **cost** – стоимость; **welfare** – благосостояние; **unity** – единство; **future** – будущее; **trust** – доверие, большая часть которых – это социально весомые понятия. При семантическом анализе структуры публичных англоязычных выступлений было определено, что социально весомые понятия и экспрессивность повествования фигурируют в речах политиков и отличаются немалым количеством средств выразительности, которые усиливают эмоциональный посыл и подчеркивают заинтересованность политиков в воодушевлении аудитории. Все три политика: Б. Обама, Д. Трамп и Дж. Байден используют тактические манипуляции риторикой для достижения своих целей. Наиболее заметными стилистическими приемами в выступлениях американских политиков являются: метафорические выражения, синтаксический параллелизм и лексический повтор. Выявляя особенности перевода данных средств выразительности, можно заключить, что существует тенденция их сохранения в языке перевода путем подбора эквивалентных средств выразительности для передачи эмоциональной окраски речи политиков.

Например, вторая инаугурационная речь первого афроамериканского президента Соединённых Штатов Америки, Барака Обамы, 2013 года была переведена на многие языки, в том числе и на русский язык. Данное выступление представляет широкий интерес, так как Барак Обама вступает в должность президента Америки во второй раз, и, если основной задачей президента во время первого срока было приведение в порядок внутренних дел страны, теперь его главная задача – урегулирование проблем внешней политики. Основной упор в своих публичных выступлениях Барак Обама делает на такие понятия, как демократия, равенство и свобода слова. Охарактеризовать пре-

зидента можно скорее как исполнительного политического деятеля, а не стратега или идеолога. В выборе речевых шагов политик придерживается традиции американских политиков: вступительное слово, приветствие аудитории, изложение основной темы и заключительное заявление.

Each time we gather to inaugurate a President we bear witness to the enduring strength of our Constitution. We affirm the promise of our democracy. We recall that what binds this nation together is not the colors of our skin or the tenets of our faith or the origins of our names. We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal; that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights; that among these are life, liberty, and the pursuit of happiness. – Каждый раз, собираясь на инаугурацию Президента, мы подтверждаем непреходящую силу нашей Конституции. Мы поддерживаем наше обещание демократии. Мы вспоминаем, что нашу страну объединяет не цвет нашей кожи, не догматы нашей веры и не происхождение наших имен. Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью.

[13]. Во вступлении политик сразу делает акцент на бескомпромиссной силе великой американской конституции и демократии, в своей речи он затрагивает одну из самых ключевых проблем истории Соединённых Штатов Америки – проблему расовой дискриминации. Его интенция – донести до аудитории мысль о неопровержимой силе равенства народа перед своей страной и Богом. С точки зрения перевода можно наблюдать значительные переводческие преобразования исходного текста: грамматическая замена глагола причастием, а глагола – существительным – «*we gather to inaugurate a President*» – «собираясь на инаугурацию Президента» (с тем, чтобы избежать излишнего добавления слова «когда», переводчик принимает решение изменить части речи в предложении); лексическая замена – «*we bear witness*» – «мы подтверждаем» (устойчивое выражение можно перевести дословно – «свидетельствовать», однако, понимая интенцию спикера, переводчик использует глагол «подтверждать» с тем, чтобы показать, что церемония является прямым доказательством неизменной конституции): грамматическая замена синтаксического строя предложения – «*We recall that what binds this nation together is ...*» – «Мы вспоминаем, что нашу страну объединяет ...» (в то время как в предложении ИЯ используется три предикативные оси, в ПЯ – две, в русском языке такая конструкция была бы слишком громоздкой и не обусловленной); комплекс-

ное лексико-грамматическое преобразование предложения – «*We hold these truths to be self-evident*» – «Мы исходим из той самоочевидной истины» (описательный перевод устойчивого выражения «*to hold truth*» и адаптация сложного дополнения в ИЯ ввиду отсутствия данной конструкции в ПЯ).

В завершение настоящего исследования можно сказать, что поставленная цель была достигнута, а именно – были определены лингвопрагматические особенности перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык. Решая задачи определения основ изучения лингвопрагматических особенностей перевода англоязычных публичных выступлений, рассмотрения публичных выступлений в англоязычном политическом дискурсе и лингвостилистических характеристик англоязычных публичных выступлений, было определено, что переводчики в действительности не имеют проблемы культурной трансляции и ретрансляции в политическом дискурсе публичных выступлений при переводе. Определяя методологию перевода англоязычных публичных выступлений, характеризуя специфику английского политического языка как объекта перевода и устанавливая способы адаптации текстов англоязычных публичных выступлений, мы проанализировали лингвопрагматические особенности перевода публичных выступлений с английского языка на русский язык, мы установили проблематику, перспективные приёмы и особенности перевода публичных выступлений современных американских политиков на русский язык, а также достижения адекватности при переводе англоязычных публичных выступлений, которые заключаются в сравнительной стилистике английского языка, методологии её перевода и лингвистических аспектах перевода, переформлении лингвистических аспектов перевода в лингвопрагматические в англоязычном политическом дискурсе, а также в вербализации фрагментов сферы понятий «нравственно-этические ценности» в политическом дискурсе. Определение особенностей перевода публичных выступлений, пересмотр легитимации в политическом дискурсе, критический взгляд на легитимацию и этичность в переводе, уточнение семиотики политического дискурса с точки зрения лингвопрагматики и изучение лингвистических особенностей постановки речи американских политиков-ораторов продемонстрировало большое разнообразие стилистических приемов, например, антитезы, фигуры речи, сравнительные обороты, параллелизм, аллегории, риторические вопросы, анафоры и восклицания. Данные приёмы способствуют не только нахождению

общего языка с аудиторией, но и воздействию на неё посредством эмоционального отклика.

Таким образом, к основным рекомендациям по переводу англоязычных публичных выступлений можно отнести становление переводчика интерпретатором, но при работе с данными языковыми и стилистическими средствами выразительности для переводчиков необходима не только культурная адаптация и нахождение эквивалентов в целевом языке, но и учёт особенностей трансляции политического дискурса в публичных выступлениях в общечеловеческих нормах морали, что требует от переводчика придерживаться стратегий опущения при переводе, то есть исключения при необходимости или сокращения той или иной части текста; возможности расширения значений дискурса, то есть переосмысления данной изначально информации в соответствии с культурными нормами целевой аудитории. Такие стратегии включают в том числе и адаптацию сленга, диалектизмов или жаргонизмов; восстановления, то есть реконструкцию исторически ушедших или пережитых обществом целевой аудитории перевода языковых и культурных понятий; креативности, то есть создания при необходимости абсолютно или частично новых для целевой аудитории поня-

тий; а также понимания ситуативности нахождения эквивалентности, что в общей своей совокупности в каждом отдельном случае перевода требует от переводчика тщательного контекстуального анализа. Так, было проанализировано 112 реплик из выступлений 7 политических деятелей Соединённых Штатов Америки, было выделено 134 переводческие трансформации, основными приёмами перевода при лингвопрагматических особенностях публичных выступлений были выявлены: лексико-грамматические преобразования – 38 случаев, приемы опущения – 28 случаев, приемы добавления – 23 случая, приемы перестановки – 19 случаев, приемы антонимического перевода – 15 случаев, остальные переводческие трансформации как калькирование, транскрипция, транслитерация, синтаксические слияния и разделения – 11 случаев. Проблема изучения лингвопрагматических особенностей перевода публичных выступлений остаётся всё ещё актуальной, так как язык политики живёт и развивается, а, следовательно, происходящие в речи, языковых сегментах, семантике, стилистике публичных выступлений изменения будут требовать освоения новых подходов в переводческой деятельности.

Литература

1. Арутюнова Ю.Д. Язык и мир человека. Москва: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
2. Горностаева А.А. Ирония как черта современного политического дискурса. Москва: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 208 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание. К знанию языка. Москва: Яз. слав. культуры, 2004. 289 с.
4. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризма (на материале немецкого языка) дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Днепропетровск, 1980. 230 с.
5. Сарсикеева Г.К., Айтжанов К.Б. Окациональное в современном языке: новые аспекты анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). С. 10 – 16.
6. Щерба Л.В. Система языка и речевая деятельность. 2-е изд., стер. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
7. Biden J. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. 2021 // The White House : official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 15.04.2022)
8. Blinken A. Secretary Antony J. Blinken On Release of the 2020 Country Reports on Human Rights Practices // U. S. Department of State: an official website of the United States Government. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-release-of-the-2020-country-reports-on-human-rights-practices/> (дата обращения: 07.04.2022)
9. Boehner J. John Boehner RNC speech, 2012 // Politico: website. URL: <https://www.politico.com/story/2012/08/john-boehner-rnc-speech-transcript-080377> (дата обращения: 09.04.2022)
10. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation. On translation. New York : Oxford University Press, 1966. P. 107 – 239.
11. Lederer M. Translation. The Interpretive Model. Manchester: St. Jerome, 2003. 252 p.
12. Newmark P.A Textbook of Translation. Hertfordshire : Prentice Hall, 1988. 311 p.
13. Obama B. Inaugural Address by President Barack Obama, 2013 // The Whitehouse President Barak Obama: website. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama> (дата обращения: 09.09.2022)

14. Pelosi N. Remarks at the 2016 Democratic National Convention – July 26, 2016 // Iowa State University. Archives of Woman's Political Communication: website. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/03/09/remarks-at-the-2016-dnc-july-26-2016-2/> (дата обращения: 04.09.2022)

15. Ryan P. Read Paul Ryan's Speech Calling Donald Trump's Victory the 'Most Incredible Political Feat', 2016 // Time: website. URL: <https://time.com/4564832/paul-ryan-speech-donald-trump-election/> (дата обращения: 02.09.2022)

16. Trump D. Donald Trump inauguration speech transcript, 2017 // Politico: website. URL: <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> (дата обращения: 14.09.2022)

References

1. Arutjunova Ju.D. Jazyk i mir cheloveka. Moskva: Jaz. rus. kul'tury, 1999. 896 s.
2. Gornostaeva A.A. Ironija kak cherta sovremennogo politicheskogo diskursaa. Moskva: BIBLIO-GLOBUS, 2018. 208 s.
3. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie. K znaniju jazyka. Moskva: Jaz. slav. kul'tury, 2004. 289 s.
4. Manjakina T.I. Jazykovo-stilisticheskaja karakteristika zhanra aforizma (na materiale nemeckogo jazyka) dis. ... na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk. Dnepropetrovsk, 1980. 230 s.
5. Sarsikeeva G.K., Ajtzhанov K.B. Okkazional'noe v sovremennom jazyke: novye aspekty analiza. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva. 2020. № 1 (106). С. 10 – 16.
6. Shherba L.V. Sistema jazyka i rechevaja dejatel'nost'. 2-e izd., ster. Moskva: Editorial URSS, 2004. 432 s.
7. Biden J. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. 2021. The White House : official web-site. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обрashhenija: 15.04.2022)
8. Blinken A. Secretary Antony J. Blinken On Release of the 2020 Country Reports on Human Rights Practices. U. S. Department of State: an official website of the United States Government. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-release-of-the-2020-country-reports-on-human-rights-practices/> (дата обрashhenija: 07.04.2022)
9. Boehner J. John Boehner RNC speech, 2012. Politico: website. URL: <https://www.politico.com/story/2012/08/john-boehner-rnc-speech-transcript-080377> (дата обрashhenija: 09.04.2022)
10. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation. On translation. New York : Oxford University Press, 1966. P. 107 – 239.
11. Lederer M. Translation. The Interpretive Model. Manchester: St. Jerome, 2003. 252 p.
12. Newmark P.A Textbook of Translation. Hertfordshire : Prentice Hall, 1988. 311 p.
13. Obama B. Inaugural Address by President Barack Obama, 2013. The Whitehouse President Barak Obama: website. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama> (дата обрashhenija: 09.09.2022)
14. Pelosi N. Remarks at the 2016 Democratic National Convention – July 26, 2016. Iowa State University. Archives of Woman's Political Communication: website. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/03/09/remarks-at-the-2016-dnc-july-26-2016-2/> (дата обрashhenija: 04.09.2022)
15. Ryan P. Read Paul Ryan's Speech Calling Donald Trump's Victory the 'Most Incredible Political Feat', 2016. Time: website. URL: <https://time.com/4564832/paul-ryan-speech-donald-trump-election/> (дата обрashhenija: 02.09.2022)
16. Trump D. Donald Trump inauguration speech transcript, 2017. Politico: website. URL: <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> (дата обрashhenija: 14.09.2022)

*Martynova I.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
I.Ya. Yakovlev Chuvach State Pedagogical University*

LINGUO-PRAGMATIC FEATURES OF TRANSLATION OF PUBLIC SPEECHES BY MODERN AMERICAN POLITICIANS INTO RUSSIAN

Abstract: this article is devoted to the analysis of translations of speeches by leading contemporary American politicians into Russian, namely, a detailed analysis of the linguo-pragmatic nuances of such translations. The relevance of this topic is determined by the current socio-political situation in the world and the complexity of Russian-American relations, where confrontation, unfortunately, is the leading motive. This necessitates the accurate transmission of the statements of American politicians in Russian, the identification of their true intentions and an adequate translation. Particular emphasis is placed on the study of major public speeches of US presidents. The purpose of the study is to determine the linguo-pragmatic features of the translation of public speeches of contemporary American politicians into Russian. Based on the purpose of the work, the objectives of the study were to determine the foundations for studying the linguo-pragmatic features of English-language public speaking; consideration of the linguistic and stylistic characteristics of public speaking in the English-language political discourse; establishing ways to adapt the texts of English-language public speeches; identification of problems, potential techniques and features of the translation of public speeches of modern American politicians into Russian. The results of the study can be used in translation theory courses and practical translation disciplines, as well as by practicing translators, especially those working with translations of political texts.

Keywords: American politicians, public speeches, linguo-pragmatic features of translation

Суровцева С.И., кандидат филологических наук, доцент,
Куныгина О.В., кандидат филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ ДЕНЬ / JOUR В РЕЛЯТИВНЫХ ЕДИНИЦАХ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: предметом исследования являются фразеологические предлоги темпоральной семантики с лексемой-компонентом *день / jour*. Целью статьи является исследование функционирования лексемы *день / jour* во фразеологических предлогах русского и французского языков в сопоставительном ракурсе. Эмпирическим материалом послужила оригинальная картотека фразеологических предлогов темпоральной семантики. Употребления были взяты из следующих ресурсов: Национальный корпус русского языка и Национальный корпус французского языка. На основании практического материала были сделаны выводы о функционировании лексемы *день / jour* в русском языке и французском языке.

Использовались следующие методы: метод компонентного анализа, способствующего осмыслению исследуемых единиц, описательный метод, включающий приёмы наблюдения, сопоставления, обобщения. Выявлены семантические свойства фразеологических предлогов с компонентом *день / jour* в русском и во французском языке. Метод системного подхода позволил выстроить взаимосвязанную и организованную систему темпоральных предлогов с лексемой-компонентом *день / jour* в современном русском и французском языках.

Авторами данной статьи были представлены семантическое и структурное описание релятивных единиц с исследуемым компонентом в своем составе в сопоставительном ключе.

Ключевые слова: лексема, релятивная единица, служебная единица, темпоральность, фразеопредлог

Современная лингвистическая наука активно исследует значимость релятивных единиц в языках, так как на сегодняшний день изучение семантических характеристик служебных единиц релятивной семантики – актуальная проблема. Бесспорно, что имеются работы по данной тематике [1, 2, 3], но отсутствует целостное описание отдельных групп релятивных единиц, рассматриваемых в сопоставлении с французским языком. Представленная статья является результатом исследования функционирования лексем-компонентов *день* и *le jour* во фразеологических предлогах темпоральной семантики в русском и французском языках.

Фразеология является одним из разделов языковедческой науки и в ней рассматриваются разнообразнейшие проблемы языка. Так, к примеру, семантика освещена в работах В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алевиренко, В.П. Жукова, Ю.А. Гвоздарева, А.М. Чепасовой и др., грамматический аспект представлен в исследованиях А.М. Чепасовой, В.А. Лебединской, Ф.И. Никоновой, Г.И. Михайловой, А.П. Окуновой, Л.П. Гашевой, А.В. Жукова, Н.Б. Усачёвой и др., лексикографические вопросы раскрываются в научных сочинениях В.П. Жукова, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдорова и др.

Изучив и проанализировав труды А.А. Зализняка, И.А. Мельчука, Г.В. Степановой, А.Н. Шрамма, мы пришли к выводу, что уместно говорить о лексико-семантической парадигме исследу-

емых единиц. Под лексико-семантической парадигмой мы понимаем ряд лексических и фразеологических предлогов с одним общим компонентом и системными связями в русском и французском языках.

Релятивные единицы временной семантики отражают суть реализации значения темпоральности и построены в основном по принципу репрезентации одновременности событий или действий, начала, ограничения, предшествования, течения действия или события и следования чего-либо [6]. Именно исходя из этих позиций исследуются нами лексико-семантическая парадигма релятивных единиц с лексемой-компонентом *день* и *le jour* в русском и французском языках. В представленной статье были исследованы фразеологические предлоги в количестве семи единиц в русском языке и шести единиц во французском языке в более чем 350 употреблениях. Эмпирический материал был извлечен из электронных ресурсов [10, 11].

В значении лексемы-компонента *день* присутствует сема некоторого периода, в частности, «часть суток от утра до вечера. Промежуток времени в пределах суток, занятый какой-нибудь деятельностью» [4, с. 249]. Такое же значение отмечается и в толковом словаре французского языка «*espace de vingt-quatre heures*» [12, с. 452].

Значение периода семантизируется в релятивных единицах с исследуемым компонентом и реализуются в указании на соположение, т.е. одновременность действия или события, процессность

или течение действия в реальности, предшествование и следование, лимитативность, т.е. некоторое ограничение временного промежутка, исходную, т.е. начальную точку события или действия.

Сопоставление лексико-семантических парадигм проводим по шести позициям на том основании, что наш эмпирический материал показывает закономерность данных характеристик, которые являются актуальными для всех фразеологических предлогов, как русского, так и французского языков.

Релятивность фразеопредлогов реализуется в условиях двусторонней синтаксической связи [8, 9]. Безусловная семантизованность темпоральных релятивных единиц-предлогов позволяет более дифференцированно реализовать отношения к реальной действительности, что и определяет предпочтение их употребления.

В результате более глубокого изучения релятивных единиц с компонентом *день* и *le jour* было выявлено следующее:

- указание на одновременность реализуется в русском языке у фразеопредлога *в день* (чего), во французском – *au jour de*;

- указание на начало чего-либо реализуется в русском языке – *со дня* (чего), *в дни* (чего)...с (чего), во французском – *dès le jour de*;

- указание на течение реализуется в русском языке *в дни* (чего), во французском – *aux jours de*;

- указание на ограничение реализуется в русском языке – *до дня* (чего), во французском – *jusqu'au jour de*;

- указание на следование реализуется в русском языке – *в дни после* (чего), во французском – не выявлены такие единицы;

- указание на предшествование реализуется в русском языке – *в дни перед* (чем), во французском – *avant le jour de*.

Таким образом, наглядно видим, что для выражения одновременности, течения, ограничения и предшествования и в русском, и во французском языках употребляется только по одной релятивной единице с лексемой-компонентом *день* и *le jour*. Для указания на начало действия или события в русском языке обнаружены две единицы, тогда как во французском только одна. В позиции указания на следование в русском языке выявлена одна единица, во французском языке таких единиц не выявлено.

По синтаксической организации исследуемые нами единицы образованы по типу модели сочетания слов [7, с. 32-38]. Валентность лексемы-компонента *день* в русском языке с производными предлогами *в, с/со, до, перед* и с производным предлогом *после* позволяет фразеопредлогам отражать суть реализации темпоральности: одно-

временность, начало, течение, ограничение, предшествование и следование.

Например, *Но бездомным, например, не запретили в день открытия смотреть*

Салют прямо у стадиона (Записки из Русского дома). *Мой путь к фильмам о ГУЛАГе начался со дня приезда в Воркуту – один из тех многих городов Советского Союза, которые выросли, без преувеличения, на страданиях тысяч и тысяч заключенных...* (Сталин возвращался?). *В дни юбилея В. Гюго И Николая Гоголя Не получил я ничего – Ни хлеба, ни алкоголя* (Дом и остров, или Инструмент языка). *Силовые операции на юго-востоке, в результате которых гибнет все больше мирных людей, в дни после трагедии стали еще более ожесточенными* (Vesti.ru, 2014.07). *Курс фунта стерлингов вырос в дни перед голосованием на ожиданиях, что власти тем или иным образом не допустят «жесткого Brexit»* (Ведомости, 2019.03). *On a un bon équilibre, sauf au jour de la souveraineté, où le Québec aura intérêt à décentraliser.» Bien, M. le Président, ils ont choisi* (Les travaux parlementaires, 2003, N 6). *Ma nostalgie a commencé dès le jour de ma naissance* (Hubert Aquin – L'invention de la mort). *Et pensez, M. le Président, que, jusqu'au jour de l'élection, la députée s'est défendue de réaliser la chose dans sa région...* (Les travaux parlementaires, 4 avril 1995). *Je l'aurais attendu dans un bain d'aromates, je ne serais pas sortie de mes limbes avant le jour de sa naissance* (Hubert Aquin, L'invention de la mort). *Pour Rose, un châle en soie comme en portent les Provençales aux jours de fête ; la soie provient des vers que l'on élève sur place avec les feuilles de mûrier* (Jacques Brillant – Guerre mal apprise).

Исследуемые единицы в русском языке организованы в основном по схемам: 1) лексический непроизводный предлог плюс имя существительное – четыре единицы; 2) лексический непроизводный предлог плюс имя существительное плюс лексический производный предлог – две единицы; 3) лексический непроизводный предлог плюс имя существительное плюс лексический непроизводный предлог – одна единица.

Во французском языке выявлены следующие схемы организации: 1) лексический непроизводный предлог плюс имя существительное плюс лексический непроизводный предлог – четыре единицы; 2) лексический производный предлог плюс лексический непроизводный предлог плюс имя существительное – две единицы.

Анализ эмпирического материала показывает, что лексический предлог актуализирует имя существительное и значение всей релятивной единицы зависит от семантики лексического предлога. Тогда как реализация лексического значения предло-

га осуществляется во взаимодействии с именем существительным.

Рассматриваемая в представленной статье парадигма с лексемой-компонентом день / jour вы-

полняет смыслоформирующую функцию с указанием на определенный временной ориентир на оси времени.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., исп. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящ. св. памяти Н.И.Толстого. М.: Индрик, 1997. С. 351 – 356.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. 1360 с.
5. Сосунова Г.А. Семантико-структурная классификация фразеологических предлогов (на материале профессионально ориентированной таможенной литературы на французском языке) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 178 – 181.
6. Суровцева С.И. Лексические и фразеологические предлоги со значением времени в русском и французском языках: монография. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2019. 262 с.
7. Чепасова А.М. Фразеология русского языка: Книга для юношества. Челябинск, 1993. 215 с.
8. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. 454 с.
9. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
10. Национальный корпус русского языка: электронный ресурс. <https://ruscorpora.ru/new/search-school.html>
11. Национальный корпус французского языка: электронный ресурс. <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum>
12. Dictionnaire encyclopédique. 1 vol. noms communs. Locutions latines, grèques et étrangères. P.: Larousse, 1994. 1104 p.

References

1. Vinogradov V.V. Russkij jazyk: Grammaticeskoe uchenie o slove. 3-e izd., isp. M.: Vysshaja shko-la, 1986. 640 s.
2. Gak V.G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. M.: Dobrosvet, 2000. 832 s.
3. Krejdlin G.E. Vremja skvoz' prizmu vremennyh predlogov. Logicheskij analiz jazyka: Jazyk i vremja: Posvjashh. sv. pamjati N.I.Tolstogo. M.: Indrik, 1997. S. 351 – 356.
4. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 100 000 slov, terminov i vyrazhenij.Pod red. prof. L.I. Skvorcova. 27-e izd., ispr. M.: ООО «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2011. 1360 s.
5. Sosunova G.A. Semantiko-strukturnaja klassifikacija frazeologicheskikh predlogov (na materiale professional'no orientirovannoj tamozhennoj literatury na francuzskom jazyke). Uchjonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (60). S. 178 – 181.
6. Surovceva S.I. Leksicheskie i frazeologicheskie predlogi so znacheniem vremeni v russkom i francuzskom jazykah: monografija. Cheljabinsk: Izd-vo Juzhno-Ural. gos. гуман.-пед. un-ta, 2019. 262 s.
7. Chepasova A.M. Frazeologija russkogo jazyka: Kniga dlja junoshstva. Cheljabinsk, 1993. 215 s.
8. Shiganova G.A. Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom jazyke: monografija. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2001. 454 s.
9. Shiganova G.A. Reljativnye frazeologizmy russkogo jazyka. Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2003. 306 s.
10. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: jelektronnyj resurs. <https://ruscorpora.ru/new/search-school.html>
11. Nacional'nyj korpus francuzskogo jazyka: jelektronnyj resurs. <http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiquum>
12. Dictionnaire encyclopédique. 1 vol. noms communs. Locutions latines, grèques et étrangères. P.: La-rousse, 1994. 1104 p.

*Surovtseva S.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kunygina O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

FUNCTIONING OF THE DAY / JOUR LEXEMES IN THE RELATIONAL UNITS OF TEMPORAL SEMANTICS IN RUSSIAN AND FRENCH

Abstract: the subject of the study is phraseological prepositions of temporal semantics with a lexeme component day / jour. The purpose of the article is to study the functioning of the lexeme day / jour in phraseological prepositions of the Russian and French languages in a comparative perspective. The empirical material was the original card file of phraseological prepositions of temporal semantics. The usages were taken from the following resources: the National Corpus of the Russian Language and the National Corpus of the French Language. Based on the practical material, conclusions were drawn about the functioning of the day / jour lexeme in Russian and French. The following methods were used: the method of component analysis, which contributes to the understanding of the studied units, a descriptive method, including methods of observation, comparison, generalization. Semantic properties of phraseological prepositions with the day / jour component in Russian and in French are revealed. The method of the systematic approach allowed us to build an interconnected and organized system of temporal prepositions with a lexeme component day / jour in modern Russian and French. The authors of this article presented a semantic and structural description of relational units with the studied component in their composition in a comparative way.

Keywords: lexeme, relational unit, service unit, temporality, phraseological preposition

*Урусова Н.В., кандидат филологических наук,
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «АМБИЦИОЗНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: в статье затрагивается актуальная проблема взаимодействия языка и общества. Целью работы является рассмотрение изменений, происходящих в концептуальной картине мира на примере концепта «амбициозный», который является одним из базовых социальных концептов. В задачи исследования входит выявление ядерных лексем, вербализирующего рассматриваемый концепт и их дефиниционный анализ с целью установления семантической структуры языковых знаков, с дальнейшим определением семем, которые отражают когнитивные признаки концепта. В качестве основы для работы берутся данные толковых словарей и словарей синонимов и антонимов. В исследовании проводится эксперимент с участием молодых людей, учащихся высших учебных заведений, основываясь на результатах которого делаются выводы об изменениях в структуре рассматриваемого концепта в русском языке. Как показали полученные данные, в русском языке происходит смещение коннотации концепта в сторону позитивного, что отчасти можно объяснить влиянием западной культуры, в частности английского языка, как языка международного общения.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения тенденций изменений, которые происходят в современном обществе и отражаются в концептуальной картине мира.

Ключевые слова: амбициозный, концепт, ядро концепта, ядерная лексема, вербализация, концептуальная картина мира

Одним из наиболее молодых и прогрессивных направлений современной лингвистики по праву можно считать когнитивную лингвистику, активные изыскания в сфере которой пришлось на конец 20 века. Это направление занимает особое место в языкознании, поскольку рассматривает вопросы взаимосвязи человеческого сознания и языка, который представляется как система знаков, одновременно являясь средством кодификации и трансформации информации о феноменах окружающего мира.

В когнитивной лингвистике всегда большое внимание уделялось проблеме описания содержания концепта, так как люди живут не только в мире предметов, но и в мире концептов. То, как человек воспринимает окружающую его реальность, находит отражение в системе концептов, то есть все изменения, происходящие в обществе, влекут за собой преобразования в их структуре. Данные о подобных трансформациях помогают определить специфические особенности культуры того или иного народа и перемены, происходящие в социуме. Необходимо отметить ряд работ, посвященных рассмотрению концептов, наиболее актуальных в современном мире, например, Ананьева С.В., Габдуллина В.И. рассматривают концепты «Дом» и «Родина», отмечая, что на современном этапе процесс глобализации обостряет понятие идентичности и самоидентификации этноса [2]. Сергеева Е.П. в своей работе «Описание концепта терроризм (на материале немецкого языка)» говорит, что проблема терроризма является одной из самых сложных, что находит отражение в изменениях, происходящих в языке [7].

В настоящее время многие лингвисты обращают внимание на концепт «амбициозный», который можно отнести к ключевым концептам современного языка. Такой интерес можно объяснить, с одной стороны стремлением современного человека к успешности, власти и богатству, а с другой стороны, теми изменениями, которые претерпевает понятие «амбициозный» в языке. В русском языке значение слова «амбициозный» тоже подвергается трансформации. Поэтому особый интерес представляет тезис, что понятие «амбициозный», утратило свою негативную окраску. Например, в работе «Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова амбициозный)» Храмова Н.Л. утверждает, что употребление слова «амбициозный» с положительной или отрицательной окраской напрямую зависит от возраста, социального статуса и психологического типа говорящего. Автор делает вывод о том, что существует тенденция закрепления положительной семантики слова в сознании более молодого поколения [9]. Е.В. Маринова говорит об утрате отрицательного компонента значения, утверждая что «новым в начале XXI века оказывается и значение прилагательного *амбициозный*. Его можно сформулировать так: “перспективный, масштабный, направленный на достижение больших целей”. <...> Как видим, отрицательный компонент значения полностью утратился» [5, с. 62].

Поскольку споры лингвистов относительно изменений в семантической структуре слова «амбициозный» не утихают, представляет научный интерес проведение анализа концепта «амбициоз-

ный» в русском и английском языках, определение различий в их структуре, а также выявление трансформации, которую претерпевает рассматриваемый концепт в русской концептуальной картине мира. Анализ языковых единиц, объективирующих концепт, помогает изучить процесс категоризации знаний в сознании человека, который дает возможность хранить, интерпретировать и дополнять уже полученные знания.

Концепт включает в себя как существенные признаки, так и несущественные. Помимо совокупности признаков объекта, концепт также выражает представления, знания, ассоциации, которые с ним связаны. Для концепта характерна эмоционально-экспрессивная окраска, поэтому данный термин связан с разными понятиями и ображениями. Необходимо различать ядро и периферию концепта. Ядро представляет собой словарное значение лексемы. Именно толковые словари предлагают возможности для раскрытия содержания концепта и определения особенностей его языкового выражения [6, с. 45].

При анализе ядра концепта, прежде всего мы определяем концепт, затем ключевые слова, представляющие данный концепт в языке. Лексемы лучше всего отражают ядро концепта. По мнению Н.Ф. Алефиренко, в ядро поля входят лексемы с наиболее высокой частотностью, максимально общие по значению, и которые употребляются в прямом значении, они должны быть стилистически нейтральны и в минимальной степени зависеть от контекста [1, с. 126]. Содержание концепта можно расширить анализом синонимов или антонимов базовых единиц. Здесь выделяются основные семемы, их ядерные и периферийные компоненты. Анализируя сочетаемость лексем, воплощающих концепт в языке, мы можем также выявить некоторые составляющие концепта.

Чтобы детальнее рассмотреть ядерную зону концепта, необходимо обратиться к анализу словарных дефиниций ядерных лексем. В толковых словарях английского языка мы находим следующее определение:

Ambitious, adj

- having a strong wish to be successful, powerful, or rich [10];
- determined to be successful, rich, powerful etc [11].

Что касается синонимического ряда, использованного для толкования концепта «амбициозный» в английском языке, он был представлен следующими лексемами: *aggressive, aspiring, avid, determined, eager, energetic, enterprising, enthusiastic, hungry, industrious, intent, purposeful, resourceful, sharp, thirsty, vaulting, zealous* [12].

Следующим этапом исследования представляется обращение к методу анализа словарных дефиниций, который предоставляет информацию о компонентах содержания концептов. Рассмотрим словарные дефиниции выбранных лексем:

- *aggressive* – using forceful methods and determined to succeed;
- *aspiring actor/politician/writer, etc* – someone who is trying to become a successful actor/politician/writer, etc;
- *determined* – wanting to do something very much, and not letting anyone stop you;
- *eager* – wanting to do or have something very much;
- *energetic* – having or involving a lot of energy;
- *enterprising* – enthusiastic and willing to do new, clever, and difficult things;
- *enthusiastic* – showing enthusiasm (the feeling of being very interested in something and wanting very much to be involved in it);
- *be hungry for sth* – to have a strong wish for something;
- *industrious* – hard-working;
- *intent* – determined to do or achieve something, giving a lot of attention to something;
- *purposeful* – showing that you know what you want to do;
- *resourceful* – good at finding ways to solve problems;
- *sharp* – quick to notice and understand things;
- *thirsty* – having a strong desire for something;
- *vaulting ambition* – (literary) the desire to achieve as much as possible;
- *zealous* – extremely enthusiastic [10, 11].

На основе приведённых дефиниций можно определить составляющие концепта «амбициозный» в английском языке:

- *enthusiastic* (полный энтузиазма, восторженный);
- *energetic* (энергичный);
- *determined* (целеустремленный);
- *having a strong desire* (страстно желающий);
- *hard-working* (трудолюбивый);
- *successful* (успешный).

Обобщив полученные результаты, можно говорить о том, что для английского когнитивного сознания характерна «положительная» концептуализация амбициозности. В английском языке амбициозность ассоциируется с трудолюбием, успехом и целеустремленностью.

Обратимся к анализу ядерной лексемы, вербализующей концепт «амбициозный» в русском языке. В толковых словарях дается следующая интерпретация лексемы:

Амбициозный:

- неодобр. чрезмерно, обострённо честолюбивый, властолюбивый, самолюбивый;
- полный претензий, притязаний, амбиций; вызываемый ими [3].

С целью определения более широкого состава признаков концепта «амбициозный» мы рассмотрим, какими лексемами представлен синонимический ряд, использованный для толкования исследуемого концепта: *важный, гордый, надменный, высокомерный, честолюбивый, самолюбивый, тщеславный, заносчивый, претенциозный, напыщенный, спесивый, чванливый, амбициозный, кичливый, притязательный, чванный, гонористый* [8]. Для лексем, составляющих ядерную зону концепта в русском языке также проведем дефиниционный анализ:

- важный – имеющий особенно большое значение, значительный, существенный. 2. разг. занимающий высокое положение, должность. 3. проникнутый достоинством, высокомерием; величавый, гордый, надменный. 4. нар.-разг. хороший по качеству; отличный;

- гордый – 1. обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения. 2. обычно кратк. испытывающий чувство удовлетворения от достигнутых успехов; сознающий важность, значительность чего-л. 3. выражающий гордость (1-2 зн.); исполненный гордости. 4. возвышенный, высокий. 5. разг. обладающий преувеличенно высоким мнением о себе: заносчивый, высокомерный, излишне самолюбивый;

- высокомерный – отличающийся высокомерием, проявляющий высокомерие (о человеке);

- напыщенный – 1. преувеличенно важный; надменный, высокомерный. 2. чрезмерно торжественный, высокомерный (о речи, слоге и т.п.);

- надменный – пренебрежительно, свысока относящийся к людям; высокомерный;

- заносчивый – высокомерный, самоуверенный;

- честолюбивый – отличающийся честолюбием (стремление добиться высокого, почётного положения, жажда известности, славы.);

- самолюбивый – обладающий обострённым самолюбием (чувство собственного достоинства, обычно сочетающееся с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих.);

- тщеславный – стремящийся к славе, к почестям, исполненный тщеславия;

- претенциозный – лишённый простоты, вычурный, манерный; претендующий на значительность, оригинальность;

- спесивый – проникнутый спесью (чрезмерное самомнение, уверенность в своём превосходстве перед другими; высокомерие, чванство, кичливость.); высокомерный, чванливый, кичливый;

- чванливый – склонный к чванству (тщеславная гордость, важничанье; кичливость, спесь);

- кичливый – высокомерный и заносчивый;

- притязательный – предъявляющий требования к кому-, чему-л.; требовательный, взыскательный (о человеке);

- чванный – такой, в котором много чванства; спесивый, кичливый;

- гонористый – разг. проявляющий гонор (самолюбие, заносчивость, спесь); заносчивый [4].

Опираясь на результаты дефиниционного анализа, можно определить составляющие концепта «амбициозный» в русском языке:

- пренебрежительно важный;
- отличающийся высоким самомнением;
- требовательный;
- чувствующий превосходство;
- стремящийся достичь высокого положения.

Результаты анализа данных словарей русского языка показывают, что в русском национальном сознании «амбициозный» имеет отрицательную коннотацию.

Как видно из приведенных примеров в английском языке преобладают элементы стремления, желания достичь успеха, которые ассоциируются с упорной работой и целеустремленностью. Однако в русском языке ключевыми семемами являются жажда высокого положения и преувеличенное чувство гордости.

Для проверки утверждения, что в современном русском языке прослеживается закрепление положительной восприятия концепта «амбициозный», особенно в среде молодого поколения, мы прибегли к эксперименту. Молодым людям в возрасте 18-22 года было предложено заполнить Google форму отметив слова, которые ассоциируются у них с понятием «амбициозный». В опросе участвовало 50 студентов учащихся ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Опрашиваемым необходимо было ответить, какое значение (положительное, отрицательное или нейтральное) для них имеет слово «амбициозный» и далее выбрать слова из предложенного списка, которые ассоциируются с этим понятием. Список слов был составлен на основании базовых компонентов концепта, выявленных в результате анализа семного состава ядерных лексем и их синонимов.

По результатам первой части опроса, было установлено, что в большинстве случаев «амбициозный» имеет положительное значение, 44 респондента дали эту оценку, лишь по 3 респондента отметили отрицательное и нейтральное значение.

Во второй части участникам было предложено выбрать слова, которые для них соотносятся с понятием «амбициозный». Результаты представлены на рис. 1.

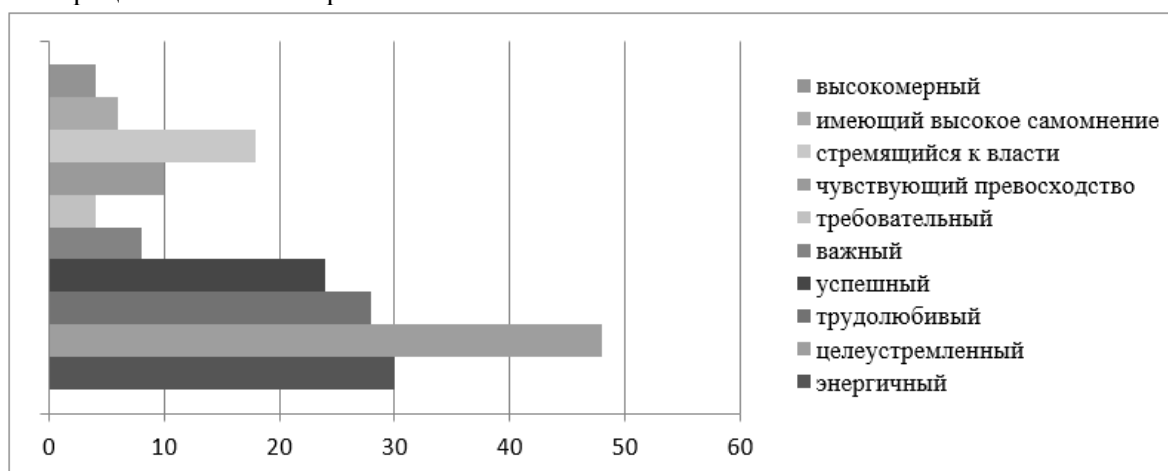

Рис. 1. Результаты исследования

Как видно на рисунке самыми распространенными ответами являлись «целеустремленный», «трудолюбивый», «энергичный» и «успешный», что ближе к составляющим структуры концепта «амбициозный» в английском языке. Полученные результаты подтверждают изменения в восприятии окружающей реальности, что отражается в концептуальной картине мира. Концепт, являясь ее компонентом, фиксирует в себе трансформации, происходящие в обществе. В рассматриваемом случае вы наблюдаем влияние западной культуры и ценностей, которому особенно подвержена

молодежь. В современном социуме происходит заимствование не только слов, но «смыслов» и «идей». Как известно, язык является подвижной системой, претерпевающей изменения на всех его уровнях. Одним из факторов влияния в современном мире можно считать процесс глобализации и доминирования английского языка в сфере бизнеса, коммерции и компьютерных технологий, что, как можно предположить, ведет к изменению восприятия некоторых понятий в языках-реципиентах.

Литература

1. Ананьева С.В., Габдуллина В.И. От концепта дома – к концепту родины // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75) С. 468 – 470. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kontseptta-doma-k-kontseptu-rodiny>
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография / Российская акад. социальных наук (РАСН), Белгородский гос. ун-т. Белгород : Белгородский гос. ун-т, 2008. 150 с.
3. Викисловарь: многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус: [сайт]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>
4. ГРАМОТА.РУ: Справочно-информационный портал: [сайт]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic>
5. Маринова Е.В. Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. 2012. № 5. С. 57 – 63. [сайт]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2012-5/57-63>
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТеатраСистемс, 2004. –56 с.
7. Сергеева Е.П. Описание концепта терроризм (на материале немецкого языка) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17-18 мая 2018 года. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. С. 822 – 827.
8. Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор: [сайт]. URL: <https://sinonim.org/>
9. Храмова Н.Л. Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова амбициозный) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 2 С. 143 – 160.

10. Cambridge English Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ambitious>
11. Longman Dictionary of Contemporary English. New ed. Harlow: Longman, 2007. 1950 p.
12. 21st century synonym and antonym finder. New York: Dell Publishing, 1993. 520 p.

References

1. Anan'eva S.V., Gabdullina V.I. Ot koncepta doma – k konceptu rodiny. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. № 2 (75) S. 468 – 470. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kontsepta-doma-k-kontseptu-rodiny>
2. Alefirenko N.F. Frazheologija i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma: monografija. Rossijskaja akad. social'nyh nauk (RASN), Belgorodskij gos. un-t. Belgorod : Belgo-rodskij gos. un-t, 2008. 150 s.
3. Vikislovar': mnogofunkcional'nyj mnogojazychnyj slovar' i tezaurus: [sajt]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>
4. GRAMOTA.RU: Spravochno-informacionnyj portal: [sajt]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic>
5. Marinova E.V. Mogut li ambicii byt' zdorovymi? Russkaja rech'. 2012. № 5. S. 57 – 63. [sajt]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2012-5/57-63>
6. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe posobie. Minsk: TeatraSistems, 2004. –56 s.
7. Sergeeva E.P. Opisanie koncepta terrorizm (na materiale nemeckogo jazyka). Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXVIII: Kognitivnye issledovanija v gumanitarnyh naukah: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 17-18 maja 2018 goda. Tambov: Print-Servis, 2018. S. 822 – 827.
8. Slovar' sinonimov russkogo jazyka – onlajn podbor: [sajt]. URL: <https://sinonim.org/>
9. Hramcova N.L. Dinamicheskie processy v pragmaticheski markirovannoj leksike v russkom jazyke v nachale XXI veka (na primere slova ambicioznyj). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. T. 7. № 2 C. 143 – 160.
10. Cambridge English Dictionary: [sajt]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ambitious>
11. Longman Dictionary of Contemporary English. New ed. Harlow: Longman, 2007. 1950 p.
12. 21st century synonym and antonym finder. New York: Dell Publishing, 1993. 520 p.

*Urusova N.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky*

ON THE STRUCTURE OF THE CONCEPT "AMBITIOUS" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Abstract: the article deals with the actual problem of the interaction of language and society. The purpose of the work is to consider the changes taking place in the conceptual picture of the world, using as the example the concept "ambitious", which is one of the basic social concepts. The tasks include identifying lexemes that can verbalize the concept under consideration and carrying out their definitional analysis in order to establish the semantic structure of language units, with further identification of the sememes that reflect the cognitive features of the concept. Data from explanatory dictionaries and dictionaries of synonyms and antonyms are taken as the basis for the work. A survey was conducted with the participation of young people, students of higher education institutions. Taking into account the results of the survey, conclusions are drawn about the changes in the structure of the concept in the Russian language. The data obtained showed that there is a shift in the connotation of the concept in the Russian language towards the positive, which can partly be explained by the influence of Western culture, in particular English, as the language of international communication.

The results obtained can be used to further study the trends of changes that occur in modern society and are reflected in the conceptual picture of the world.

Keywords: ambitious, concept, the core of the concept, nuclear lexeme, verbalization, conceptual picture of the world

*Аникина Т.В., кандидат филологических наук, доцент,
Нижегородский государственный социально-педагогический институт,
филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета*

МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ НАИМЕНОВАНИЙ ТОРГОВЫХ МАРОК КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ТОРГОВЫХ МАРОК)

Аннотация: статья посвящена изучению наименований русских и зарубежных торговых марок уходовой и декоративной косметики. В рамках данного исследования понятие «торговая марка» представляет собой совокупность букв, цифр, знаков пунктуации. Материалом исследования являются 107 наименований торговых марок. Основу номинации торговых марок уходовой и декоративной косметики составляют определенные признаки или мотивы. Нами были рассмотрены общие мотивировочные признаки для наименований российских и зарубежных торговых марок косметики: имя создателя, название компонентов, входящих в состав продукции, область применения продукции, ассоциации, связанные с торговыми марками, а также род занятий создателя. В группе зарубежных торговых марок выделены дополнительные мотивы номинации: указание на свойства продукции, целевую группу и географическое положение.

Ключевые слова: имя собственное, номинация, торговая марка, прагматоним, мотивировочный признак, мотивированность, косметическая продукция

В настоящее время наблюдается интенсивное развитие сферы красоты по всему миру. Потребители, преимущественно женщины, проявляют большой интерес к продуктам декоративной косметики, что в свою очередь рождает спрос у производителей и ведет к возникновению на рынке новых различных компаний, занимающихся выпуском данной продукции.

Производители стараются создать такое название для своей продукции, чтобы оно, во-первых, привлекало потенциальных клиентов, что привело бы к росту прибыли данной компании; во-вторых, отличало бы их компанию от ряда других, аналогичных. Потребность компаний в оригинальном имени торговой марки приводит к появлению новых способов наименования, которые, в свою очередь, вызывают интерес у исследователей лингвистов.

Изучением торговых марок занимались такие отечественные авторы как А.В. Суперанская, Н.А. Подольская, М.Е. Новичихина и др.

А.В. Суперанская, советский и российский лингвист, доктор филологических наук, в своей работе «Общая теория имени собственного» дает следующее определение понятия «товарные знаки» – особые обозначения марок товаров, а также различных видов бытовых услуг, возникшие в сфере торговли [11, с. 193-194]. Н.А. Подольская определяет товарный знак как «словесное (или иное) обозначение марки товара или вида бытовых услуг данного мастера или предприятия, охраняемое законом» [10, с. 134]. Также автор отождествляет данное понятие с таким понятием как «прагматоним» и определяет его как «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [10, с. 113].

Доктор филологических наук М.Е. Новичихина считает, что такие термины как «торговая марка» и «товарный знак» синонимичны, и что под словом «знак» может подразумеваться не только языковой знак [9, с. 167]. М.Е. Новичихина выделяет следующие разновидности товарных знаков: словесный (непосредственное название товара), изобразительный (рисунок-логотип, отражающий суть товара), объемный (изображение товарного знака в трех измерениях – длине, высоте и ширине) и комбинированный (сочетание словесных и изобразительных элементов).

В.Ю. Кожанова в своих исследованиях выделила следующие лингвистические характеристики торговых марок:

1. С точки зрения фонологии имя торговой марки находится в соответствии со звуковым строем языка. Оно должно быть благозвучным, с хорошей ритмической моделью, свободное ударение в данном случае является недопустимым. В случае если производитель желает выйти на международный рынок, данное имя должно быть легким для произнесения как на одном, так и на нескольких языках. Например, российская торговая марка уходовой и декоративной косметики Art & Fact соответствует вышеуказанным характеристикам, так как не вызывает трудностей при произнесении, а слова, входящие в состав имени данной торговой марки, являются односложными, что исключает наличие свободного ударения.

2. С точки зрения морфологии при введении в наименование торговой марки сокращений или аббревиатур, получившееся название должно быть легким для расшифровки и соответствовать сути и назначению того или иного товара или продукта, принадлежащего к той или иной торговой марке.

Например, американская торговая марка декоративной косметики E.L.F. Cosmetics имеет в своем составе аббревиатуру от «Eyes Lips Face», что указывает на предназначение продукции, выпускаемой им. Таким образом, данная компания занимается производством теней, помад и товаров по уходу за лицом.

3. Рассматривая лексическую сторону названий торговых марок, нужно учитывать то, что некоторые слова имеют несколько значений, т.е. являются полисемантическими. В таком случае ни одно из значений не должно противоречить сути и назначению того или иного товара или продукта.

4. С точки зрения семантики название торговой марки должно иметь только позитивные или нейтральные коннотации, так как негативные коннотации будут вредить репутации производителя. Например, торговая марка уходовой женской косметики, имеющей в своем составе только натуральные ингредиенты, Earth's Care содержит в своем названии слова «Earth» (в переводе с англ. «земля») и «care» (в переводе с англ. «забота»), которые имеют позитивные коннотации.

5. Рассматривая графическую сторону, автор делает вывод о том, что наименование торговой марки должно читаться без затруднений у потенциального потребителя, например, как при чтении названия американского бренда уходовой и декоративной косметики Avon [6].

На основе вышеупомянутых характеристик выделяются следующие лингвистические функции торговой марки:

1. Номинативная. Основная роль имени – это обозначение торговой марки и принадлежности какого-либо товара к ней.

2. Дифференцирующая. Название торговой марки выделяет его из ряда подобных.

3. Аппелирующая. Название должно привлекать внимание потребителей.

4. Информативная. Название торговой марки должно содержать информацию о товаре.

5. Мнемоническая. Название должно запоминаться потребителем.

6. Эмоциональная. Название должно сформировать эмоциональное отношение потребителя к товарной марке.

7. Аппелирующая. Название должно мотивировать потребителя на покупку товаров торговой марки [7].

В данной статье под термином «торговая марка» мы понимаем совокупность букв, цифр и знаков пунктуации. Наименование торговой марки – это краткая информация о товаре или продукте, которая может прямо или опосредованно доноситься до потенциального потребителя. Данная информация может быть о свойствах, происхож-

дении, тех или иных характеристик товара или отсылка к его положительным ассоциациям, возникающим в сознании покупателей.

Рассмотрим понятие мотивировочного признака. По определению О.И. Блиновой, мотивированность – «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [3, с. 30].

Н.Н. Амосова под мотивированностью подразумевает «отношение между значением слова и тем признаком, который явился основанием для данного наименования предмета или явления» [1, с. 11].

Г.Н. Ягафарова считает, что к «теории номинации имеет непосредственное отношение и термин «мотив» – признак, легший в основу наименования, по-другому, «внутренняя форма слова» [12, с. 172-177].

Итак, то, что лежит в основе мотивированного слова, является мотивировочным признаком – объективным признаком самой реалии, лежащим в основе названия [5, с. 38], по определению Т.И. Вендиной – основанием оценки, т.е. тем, с точки зрения чего производится оценивание [4, с. 16]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, эти признаки, мотивирующие оценки, не только вариативны, но и нестабильны их объем, а также характер свойств, оставшихся вне его пределов [2, с. 203]. Однако некоторые исследователи, наоборот, считают, что человек при объективизации мира пользуется фиксированным, устоявшимся набором признаков, что позволяет классифицировать и систематизировать действительность [8, с. 106].

На основе анализа материалов данного исследования было установлено, что русскоязычные наименования торговых марок косметики являются малочисленными и составляют 38 % от числа российских торговых марок косметики и 8 % от общего числа торговых марок косметики, являющимися материалом данного исследования. Стремление российских производителей давать своим торговым маркам косметической продукции наименования на английском языке связано в первую очередь с их ориентированностью на международный рынок, а также на знание и понимание английского языка большинством людей, в том числе в России. Из этого следует, что малочисленность русскоязычных наименований торговых марок косметики не позволяет нам выделить их в отдельную группу и дать их подробный анализ.

Таким образом, дальнейший анализ русскоязычных наименований будет производиться в совокупности с зарубежными наименованиями

торговых марок косметики. Из общего числа отобранных наименований торговых марок мотивированными оказались 68,7%, немотивированными – 31,3% наименований.

В процессе исследования мы определили, что составными компонентами некоторых наименований торговых марок косметики являются слова, содержащие указания на признаки и свойства того или иного продукта торговой марки, то есть мотив. Так, мотив является признаком, который лег в основу номинации наименований русских и зарубежных торговых марок косметики. Таким образом, на основе материалов исследования было установлено, что зарубежные и российские наименования торговых марок косметики имеют следующие общие мотивировочные признаки:

1) Имя создателя торговой марки.

«Hermes» – французская торговая марка декоративной косметики, создатель которой является Тьерри Эрмес;

«Ilia» – канадская торговая марка декоративной косметики. Создателем является Саша Плавсик, которая назвала торговую марку в честь ее младшего брата Закори Илия;

«Helena Rubinstein» – американская торговая марка декоративной косметики, создателем которой является исследователь Елена Рубенштайн;

«Мастерская Олеси Мустаевой» – российская торговая марка уходовой косметики, созданная Олесей Мустаевой.

2) Название компонентов, входящих в состав той или иной косметической продукции.

«Rose of Bulgaria» – торговая марка уходовой косметики из Болгарии, наименование которой сочетает в себе два имени собственного: хороним «Bulgaria», то есть места, где производится продукция данной торговой марки, и фитоним «gose», указывающий на то, что данное растение входит в состав продуктов по уходу за кожей лица;

«HERBOLIVE» – греческая уходовая косметика на основе органического оливкового масла и экстрактов трав, наименование которой образовано путем сложения слов «herb» и «olive», которые передают состав продукции;

«Yellow Rose» – греческая торговая марка уходовой косметики. Основой производства продукции является желтая роза, которая призвана омолаживать и продлевать жизнь кожи, что отражено в наименовании торговой марки;

«Macadamia Natural Oil» – американская торговая марка уходовой косметики на основе масла макадамии и масла арганы, что отражено в наименовании данной торговой марки;

«Лавандовый край» – российская торговая марка уходовой косметики, продукция которой про-

изводится на основе растительных и эфирных масел горных трав, в том числе и лаванды.

3) Место добычи компонентов, входящих в состав той или иной косметической продукции.

«Aroma Dead Sea» – израильская торговая марка уходовой и декоративной косметики на основе грязей и минералов Мертвого моря.

4) Область применения продукции.

«Don't Touch My Skin» – российская торговая марка косметики, созданная Адэль Мифтаховой, в наименовании которой слово «skin» указывает на то, что вся продукция, производимая под данной торговой маркой, относится к числу уходовых, а не декоративных;

«Make Up For Ever» – французская торговая марка косметики, в которой «make up» указывает на то, что продукция данной торговой марки является декоративной;

«VG Professional Make up» – испанская торговая марка декоративной косметики, которая создается исключительно для салонов и школ по обучению макияжу и не ориентирована на массовые продажи;

«Billion Dollar Brows» – американская торговая марка декоративной косметики, специализирующейся на производстве продукции, предназначенной для оформления бровей;

«e.l.f. Cosmetics» – американская торговая марка декоративной косметики, наименование которой включает в себя аббревиатуру от «Eyes Lips Face», тем самым указывая на предназначение продукции, производимой под данной торговой маркой.

5) Ассоциации.

«Belka» – российская торговая марка минеральной декоративной косметики, создатели которой пожелали, чтобы наименование их торговой марки вызывало у потребителей ассоциацию с Россией;

«Кора» – российский производитель лечебно-профилактической и профессиональной фитокосметики, наименование которой указывает на то, что продукция данной торговой марки производится на основе растений;

«SmoRodina» – российская торговая марка уходовой косметики из натуральных ингредиентов. В одном из интервью создатель данной торговой марки, Анастасия Семенова, указала, что ей хотелось создать что-то патриотичное, и в то же время женственное. Так, по мнению Анастасии, смородина – это ягода, представляющий собой символ спелости, молодости, здоровья, природной чистоты. Также слово «Rodina» написано с заглавной буквы, так как данная торговая марка позиционирует себя как российская торговая марка натуральной косметики европейского качества. Точка

в начале слова символизирует начало и основательный подход к ведению бизнеса;

«*Rare Beauty*» – американская торговая марка, созданная певицей Селеной Гомез. Поклонники ее творчества знают, что название данного бренда создано в честь одноименного музыкального альбома данной исполнительницы;

«*Drunk Elephant*» – американская торговая марка уходовой косметики. Одним из главных компонентов продукции данной марки является масло, которое получают из плодов африканского дерева марула. По легенде, слоны едят эти плоды, когда они слегка забродили, после чего немного пьянеют, соответственно, наименование данной торговой марки связано ассоциативными связями с вышеупомянутой легендой.

б) Род занятий создателя.

«*Physician's Formula*» – американская торговая марка уходовой косметики, созданная врачом-аллергологом Франком Кренделлом;

«*Smashbox*» – американская торговая марка декоративной косметики, созданная правнуками знаменитого Макса Фактора – Дином и Дэвисом Факторами. Братья Факторы были фотографами и работали в фотостудии. Они заметили, что косметика, производимая в то время, не подходит для фотосъемок. Таким образом, данная проблема послужила мотивом для создания торговой марки косметики, продукция которой подходила бы и для фотосессий, и для ежедневного использования в дальнейшем. За основу наименования было взято сленговое обозначение камеры в форме коробки, которая была выпущена в начале 1900-х;

«*Dr. Brandt*» – американская торговая марка уходовой косметики, созданная доктором Фредериком Брантом;

«*Cosmomedica by Doctor Kondrasheva*» – российская торговая марка уходовой косметики, созданная врачом-косметологом Еленой Кондрашевой.

7) Жизненный опыт / история создателя, которая нашла отражение в наименовании торговой марки.

«*Краснополянская косметика*» – российская торговая марка уходовой косметики. Кристина с Димой, создатели торговой марки, ждали ребенка и думали, что будет лучше, если первые годы жизни малыша проведет подальше от столицы. Тогда они оставили свои московские офисы и переехали в горное село Медовеевка неподалеку от Красной Поляны;

«*Rituals*» – основатель марки Рэймонд Клостерман путешествовал по миру и видел, как в разных культурах обычные ежедневные практики люди превращали в настоящие ритуалы.

Тем не менее, зарубежные наименования торговых марок, вследствие их численного превосходства, имеют дополнительные мотивировочные признаки. Рассмотрим их подробнее.

1. Указание на свойства продукции.

«*Clean & Clear*» – американская торговая марка уходовой косметики, наименование которой отражает те свойства, которыми обладают средства данной торговой марки. Косметика очищает кожу, после чего она становится чистой и ясной, т.е. без кожных изъянов.

«*Skin79*» – корейская торговая марка уходовой и декоративной косметики, наименование которой состоит из имени существительного «*skin*» и числительного «*79*». Как отмечают производители, числительное, являющееся составным элементом названия данной торговой марки уходовой косметики, отражает тот факт, что нужно 79 дней чтобы под воздействием продуктов данной торговой марки полностью обновились клетки кожного покрова.

2. Целевая аудитория.

«*Seventeen*» – греческая торговая марка декоративной косметики, специализирующаяся на производстве косметики для подростков.

3. Город / страна – производитель.

«*Odin New York*» – американская торговая марка декоративной косметики, продукция которой производится в Америке в городе Нью-Йорк;

«*Skin Design London*» – английская торговая марка уходовой косметики, производящая свою продукцию в Лондоне.

4. Мифы и мифические существа.

«*Hera*» – корейская торговая марка декоративной косметики, названная в честь греческой богини Геры. Создатели данной торговой марки убеждены в том, что каждая девушка красива и в своей красоте она может сравниться с богиней;

«*Unicorn Glow*» – американская торговая марка декоративной косметики, слоганом которой звучит так: «Раскрой своего внутреннего Единорога». Для создателей данной торговой марки, единорог представляет собой яркое, необычное и уникальное животное, тем самым они отождествляют редкость и уникальность данного мифического существа с уникальностью той продукции, которую производят.

Также выделяются наименования торговых марок косметики, в основе которых лежит два мотивировочных признака, например:

а) Указание на свойства продукции + город / страна производитель:

«*AGESTOP SWITZERLAND*» – швейцарская торговая марка уходовой косметики против старения. Слово «*agestop*» в наименовании торговой марки отражает свойства производимой продук-

ции, а имя собственное «Switzerland» указывает на страну, где ведется производство косметики.

б) Компонент в составе продукции + имя создателя:

«Crabtree & Evelyn» – торговая марка уходовой косметики из Англии. Данная торговая марка получила свое название в честь создателя, садовода Джона Эвелина, и сорта английской яблони English Crabapple tree.

в) Имя создателя + город / страна производитель:

«Rimmel London» – торговая марка декоративной косметики, где «Rimmel» является антропонимом от имени основателя – Эжена Риммеля, а астионим «London» обозначает как место рождения основателя, так и место производства косметической продукции данной торговой марки.

Схожесть российских и зарубежных торговых марок в признаках, которые легли в основу их номинации, объясняется тем, что, во-первых, среди общего числа российских наименований торговых марок преобладают англоязычные наименования; во-вторых, российские производители, наименования торговых марок которых являются англоязычными, ориентированы на международный рынок, т.е. при создании наименования торговой марки ими учитывались зарубежные тенденции в номинации торговых марок декоративной и уходовой косметики.

В табл. 1 представлено процентное соотношение мотивировочных признаков (мотивов) наименований русских и зарубежных торговых марок косметики.

Таблица 1

Мотивировочный признак	Количество
✓ Имя создателя	27,6 %
✓ Область применения	9,0 %
✓ Свойства продукции	6,4 %
✓ Компоненты в составе продукции	5,7 %
✓ Ассоциации	5,0 %
✓ Город / страна-производитель	4,0 %
✓ Род занятий создателя	3,3 %
✓ Жизненный опыт / история создателя	2,7 %
✓ Место добычи компонентов, входящих в состав продукции	1,7 %
✓ Мифы и мифические существа	1,7 %
✓ Целевая аудитория	0,3 %
Номинация по двум признакам	1,3 %
✓ свойства продукции + город / страна производитель	0,3 %
✓ компонент в составе продукции + имя создателя	0,3 %
✓ имя создателя + город / страна производитель	0,7 %
Немотивированные	31,3 %

Таким образом, нам удалось установить, что из выделенных ранее мотивов самым продуктивным является «имя создателя торговой марки», что составляет 27,6 % от числа мотивированных торговых марок. Остальные мотивы встречаются реже, а такие мотивировочные признаки как «место добычи компонентов, входящих в состав продукции» (1,7%), «мифы и мифические существа» (1,7%) и «целевая аудитория» (0,3%) являются малопродуктивными.

Необходимо отметить, что предложенная нами классификация является открытой, т.к. может быть продолжена и расширена не только количеством самих наименований торговых марок, но и

количеством выделенных групп, и не претендует на инвариантную классификационную модель мотивировочных признаков, т. к. в ней прослеживается субъективность.

Несмотря на то, что английский и русский языки являются разноструктурными, в мотивационно-номинативной организации наименований торговых марок обнаруживаются общие черты, что свидетельствует о частичном совпадении элементов уклада жизни, природных условий жизнедеятельности, национальных и культурных традиций носителей сопоставляемых в настоящей работе языков.

Литература

1. Амосова Н.Н. Лексикология английского языка: пособие для учителей средней школы. Ленинград: Наука, 1955. 169 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
3. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Москва: URSS: КРАСАНД, 2010. 301 с.
4. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм): монография. Москва: Изд-во «Индрик», 1998. 240 с.
5. Голев Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск: УрГУ, 1974. № 8-9. С. 88 – 98.
6. Кожанова В.Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков): автореф. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 19 с.
7. Кунгушева И.А. Рекламное имя: структура, семантика, прагматика. Благовещенск: Амурский гос.ун-т, 2014. 72 с.
8. Лазарева М.Н. О соотношении универсального и лингвоспецифичного в научной картине мира растений // Актуальные направления развития научной и образовательной деятельности: II Сб. науч. тр. / редкол.: О.Н. Широков и др.Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 105 – 109.
9. Новичихина М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 165 – 170.
10. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40 – 54.
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: учебное пособие. Москва. 2007. 366 с.
12. Ягафарова Г.Н. Основные ономастиологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13. С. 172 – 177.

References

1. Amosova N.N. Leksikologija anglijskogo jazyka: posobie dlja uchitelej srednej shkoly. Leningrad: Nauka, 1955. 169 s.
2. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. Moskva: «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 896 s.
3. Blinova O.I. Motivologija i ee aspekty. Moskva: URSS: KRASAND, 2010. 301 s.
4. Vendina T.I. Russkaja jazykovaja kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovanija (makrokosm): monografija. Moskva: Izd-vo «Indrik», 1998. 240 s.
5. Golev N.D. «Estestvennaja» nominacija ob#ektov prirody sobstvennymi i naricatel'nymi imenami. Voprosy onomastiki. Sverdlovsk: UrGU, 1974. № 8-9. S. 88 – 98.
6. Kozhanova V.Ju. Lingvisticheskie osnovy naimenovanij brendov (na primere anglijskogo i russkogo jazykov): avtoref. ...kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007. 19 s.
7. Kungusheva I.A. Reklamnoe imja: struktura, semantika, pragmatika. Blagoveshhensk: Amurskij gos.un-t, 2014. 72 s.
8. Lazareva M.N. O sootnoshenii universal'nogo i lingvospecificichnogo v nauchnoj kartine mira rastenij. Aktual'nye napravlenija razvitija nauchnoj i obrazovatel'noj dejatel'nosti: II Sb. nauch. tr. redkol.: O.N. Широков i dr.Cheboksary: CNS «Interaktiv pljus», 2014. S. 105 – 109.
9. Novichihina M. E. Kommercheskoe nazvanie, reklamnyj tekst, brend, tovarnyj znak, nomen: razgranichenie ponjatij. Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Filologija. Zhurnalistika. 2004. № 1. S. 165 – 170.
10. Podol'skaja N.V. Problemy onomasticheskogo slovoobrazovanija (k postanovke voprosa). Voprosy jazykoznanija. 1990. № 3. S. 40 – 54.
11. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo: uchebnoe posobie. Moskva. 2007. 366 s.
12. Jagafarova G.N. Osnovnye onomasiologicheskie ponjatija. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 13. S. 172 – 177.

*Anikina T.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute,
branch of Russian State Vocational Pedagogical University*

**MOTIVATIONAL FEATURES OF RUSSIAN AND FOREIGN COSMETIC NAMES
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND FOREIGN TRADEMARKS)**

Abstract: the given article studies of the names of Russian and foreign brands of skincare and decorative cosmetics. The term “trademark” is defined as a set of letters, numbers and punctuation marks. The research material is based on 107 brand names. The basis for the nomination of skincare and decorative cosmetics brands are certain features or motives. The article describes common motivational features of Russian and foreign trademark names: the name of the creator, the name of the product components, the field of product use, associations connected with trademarks, as well as the occupation of the creator. In the group of foreign brands additional motives for the nomination are highlighted: indication of product properties, target group and geographical location.

Keywords: proper name, nomination, trademark, pragmatonym, motivational feature, motivation, cosmetic products

*Магомадова А.И., кандидат филологических наук, доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ОСНОВНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме развития навыков словообразования у учащихся основной школы в рамках курса русского языка. Обосновывается актуальность теоретической и методической проработки вопросов преподавания раздела «словообразование» при обучении русскому языку. Дается определение процессу словообразования, приводится краткая характеристика и история формирования словообразования, как самостоятельной отрасли языкознания. Подчеркивается значение словообразования для речевого развития учащихся, его образовательные, воспитательные, развивающие функции. Рассматриваются основные задачи словообразования в процессе обучения русскому языку в основной школе. Приводится теоретическое обоснование значимости формирования навыков словообразования, с точки зрения обогащения словарного запаса, развития орфографической зоркости, усвоения грамматического строя русского языка. Охарактеризованы ключевые компетенции – языковая, лингвистическая, коммуникативная – формирующиеся в процессе изучения словообразования. Описываются механизмы усвоения семантики новых слов посредством навыков словообразования, приводятся примеры использования закономерностей словообразования в толковых словарях. Особое внимание уделяется вопросам преемственности в изучении морфемики и словообразования в основной школе, описываются основные принципы обучения словообразованию, выработанные в педагогической практике, а именно: учет межуровневых языковых связей; соответствие содержания обучения возрастным особенностям учащихся, опора на актуальные психологические и интеллектуальные возможности учащихся с учетом зон ближайшего развития; преемственность образовательных методик в начальной и основной школе. Названы условия эффективности реализации преемственности в обучении словообразованию, основным из которых признан комплексный подход, учитывающий лингвистический (опора на межуровневые связи), психологический (развитие умственных действий, необходимых для усвоения моделей и закономерностей словообразования) и методический аспекты (соответствие используемых методик содержанию учебного материала и возрасту учащихся).

Ключевые слова: словообразование, морфемика, русский язык, речевое развитие

В государственном образовательном стандарте определены основные задачи школьного курса русского языка, которые можно сформулировать, как формирование языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций [6].

Решению этих задач во многом способствует изучение разделов морфемики и словообразования, поскольку знания и умения, приобретаемые в процессе освоения курса, носят комплексный развивающий характер, включающий не только усвоение правил языка, но и развитие речевых навыков, общей грамотности, логического мышления.

Будучи одним из основных разделов курса русского языка, реализующим своего рода переход от лексических к грамматическим языковым нормам, «словообразование» является наиболее сложным курсом для изучения в основной школе, поэтому данному разделу отводится особое место на всех ступенях школьного образования.

Между тем, анализ методической литературы и школьной практики показывает, что вопросам развития навыков словообразования в рамках формирования ключевых компетенций у учащихся основной школы на уроках русского языка зачастую не уделяется должного внимания, а теоретические вопросы, проработанные в научной педагогиче-

ской литературе, не всегда находят отражение в реальной школьной практике.

Актуальность исследования, таким образом, определяется, необходимостью систематизации теоретических научных знаний, касающихся вопросов изучения словообразования, как важнейшего раздела школьного курса русского языка, и поиска путей их реализации на практике.

Словообразование – важнейший и наиболее активный процесс обогащения словарного состава языка на основе его внутренних процессов. Применяя разные способы словообразования, можно образовать достаточно большое количество слов, каждое из которых, в свою очередь, может стать основой для образования новых слов.

Таким образом, словообразование занимает важное место в системе наук о языке. Словообразование (дериватология) – относительно молодая лингвистическая наука. До недавнего времени её не считали отдельной самостоятельной отраслью языкознания, а относили к этимологии (XIX в.), к морфологии (Л.А. Булаховский), к лексикологии (А.А. Потебня).

Словообразование как отдельный раздел языкознания начал формироваться в 40-50-х годах XX в., о чем свидетельствуют работы В.В. Виноградо-

ва, Г.О. Винокура, А.И. Смирницкого, И.И. Ковалика.

Словообразование как наука, обладающая всеми качествами отдельной научной дисциплины, а именно четко очерченной проблематикой, собственной терминологией и методологией окончательно сформировалась в 60-х – 70-х годах прошлого века, то есть около 50 лет назад. С этих пор словообразование считается отдельной отраслью языкознания, изучающей слово, как языковой уровень и его взаимоотношения с другими уровнями языка [2].

Богатство языка определяется возможностями словообразования, которые для современного русского языка поистине неисчерпаемы. Освоение родного языка, приобщение к его красоте и богатству является необходимым условием формирования образованной высококультурной личности. Именно поэтому, школьный курс словообразования обладает исключительным воспитательным, развивающим, образовательным потенциалом [9].

Идея использования развивающего потенциала школьного курса русского языка в достаточной степени реализована в учебниках под редакцией М.М. Разумовской, П.А. Леканта [7]. Отличительной особенностью этих учебников является их направленность на речевое развитие учащихся. Внимание обращается в первую очередь на изучение разнообразных языковых значений, передаваемых морфемами, словами, словоформами, а также более сложными синтаксическими образованиями.

Использование словообразования в целях речевого развития учащихся имеет теоретическое обоснование. Так, исследователи отмечают, что формирование речевой способности ребенка представляет собой поэтапный процесс, согласующийся с уровневой структурой языка, содержащей фонетический, лексический, грамматический, словообразовательный уровни [4]. При этом совершенствование словообразовательных навыков служит одной из ключевых задач на пути речевого развития. Обучение морфемике и словообразованию способствует обогащению речи учащихся производными словами, усвоению грамматического строя языка, повышению орфографической зоркости, что в свою очередь, позволяет решить основные задачи школьного курса русского языка, а именно формирование языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций.

Языковая компетенция тесно связана с навыками словообразования в силу того, что при изучении языковых норм словообразования естественным образом обогащается и активизируется словарь учащихся, происходит усвоение грамматических правил и моделей образования и функ-

ционирования языковых единиц.

Лингвистическая компетенция включает опознавательные, классификационные, аналитические умения и навыки словообразования, а именно умения различать морфемы в тексте, относить их к определенному классу, определять морфемный состав слов.

Коммуникативная компетенция формируется в процессе употребления в речи новых слов в ходе непосредственного общения, предполагающего выбор языковых форм и моделей, адекватных коммуникативной ситуации.

Речевое развитие учащихся напрямую связано со словарным запасом и процессом его обогащения за счет усвоения и активизации новых слов. Поэтому работа над словообразованием приобретает особое значение не только с точки зрения усвоения самих моделей и способов образования слов в языке, но и с точки зрения семантики однокоренных слов. Так, звукокомплекс, представляющий собой «оболочку» слова, приобретает лексический смысл в силу того, что составляющие слово звуки воспринимаются сознанием как обозначение реалий окружающего мира (объектов, явлений, закономерностей) [5]. Новые слова усваиваются не столько благодаря контексту или объяснению их смысла при помощи знакомых слов (например, в словаре), сколько за счет умения соотносить семантику известного слова с производным. Так, например, в словарях (в частности, толковом словаре Ожегова) абстрактные понятия (честность, стойкость) не вынесены в отдельную статью, тогда как значения производящих прилагательных (честный, стойкий) в словаре описаны. То есть при толковании существительных используются слова из словообразовательной цепочки [4].

Помимо значения для лексического обогащения речи, навыки словообразования играют большую роль в усвоении орфографии. В работах, посвященных методике изучения словообразования в средней школе, Е.А. Быстрова, Е.И. Литневская, С.И. Львова [1, 3] научно аргументировали заключения о необходимости установления взаимосвязи морфемного и словообразовательного анализов с целью сознательного усвоения учениками орфографии, потому что многие правила правописания связаны с морфемным составом слова.

Навыки словообразования, выработанные в процессе усвоения норм и правил языка, формируют привычку соотносить форму слов с их содержанием, что служит необходимым условием развития орфографической зоркости.

При изучении словообразования в основной школе особое значение приобретает преемственность знаний, поскольку первое знакомство с за-

конами словообразования происходит еще в начальных классах, а новые знания и умения последовательно усваиваются на основе уже имеющихся на протяжении всего периода обучения в основной школе.

Преимущество курса русского языка, в частности, морфемно-словообразовательных знаний и умений имеет в отечественной педагогике давние традиции, благодаря которым выработаны основные образовательные принципы, а именно:

- опора на межуровневые связи между единицами языка;
- соответствие содержания обучения возрастным особенностям учащихся;
- развитие умственных действий, необходимых для усвоения закономерностей словообразования;
- преимущество образовательных методик начальной и основной школы [8].

Условием наиболее эффективной реализации преимуществ при обучении словообразованию и морфемике в основной школе является комплексный подход, учитывающий лингвистический, психологический и методический аспекты.

Лингвистический аспект обучения предполагает опору на межуровневые связи и модели словообразования в языке.

Психологический аспект объединяет психологические принципы обучения, учитывающие актуальные и целевые показатели овладения умственными действиями, необходимыми для усвоения знаний.

Методический аспект подразумевает применение общих и частных методических и дидактических

приемов, методов и средств, наиболее соответствующих возрасту учащихся и содержанию учебного материала на каждом этапе обучения, использование заданий и упражнений функционально-семантической направленности.

Только комплексный подход к формированию навыков словообразования позволит в полной мере реализовать образовательную, развивающую, воспитательную функции обучения русскому языку.

Выводы

1. Словообразование является одним из ведущих разделов курса русского языка основной школы в силу его обучающего, развивающего, воспитательного потенциала.

2. Словообразование как самостоятельная отрасль языкознания сформировалась относительно недавно, не более 50-60 лет назад.

3. Речевое развитие ребенка согласуется с уровневой структурой языка, в которой словообразование является одним из уровней наряду с фонетическим, лексическим, грамматическим.

4. Развитие навыков словообразования способствует реализации основных задач курса русского языка в основной школе, а именно, формированию языковой, лингвистической, коммуникативной компетенций учащихся.

5. Преимущество обучения словообразованию и морфемике в рамках курса русского языка в основной школе обеспечивается за счет комплексного подхода, учитывающего лингвистический, психологический и методический аспекты обучения.

Литература

1. Быстрова Е.А., Львова С.И., Капинос В.И. Обучение русскому языку в школе. М. Дрофа. 2007. 237 с.
2. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. 268 с.
3. Литневская Е.И. Изучение морфемного состава слова в углубленном курсе русского языка // Русская словесность. 2000. № 1. С. 68 – 74.
4. Малинкина Н.А. Лингвофилософские основы изучения морфемике и словообразования // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. № 8. С. 173 – 183.
5. Методика преподавания русского языка / Под ред. М.Т. Баранова. М., 1990. 368 с.
6. Министерство образования и науки РФ. Приказ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» № 1897 от 17.12.2010 (в ред. от 29.12.2014). URL: <https://fgos.ru>
7. Разумовская М.М., Львова С.И. Русский язык. 5 класс: учеб. Для общеобразоват. учреждений / под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2010. 286 с.
8. Хоменко Е.В. Основные подходы к решению проблемы преимущественности в обучении морфемике и словообразованию // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3. С. 63 – 71.
9. Чуприна Ю.Г. Морфемный и словообразовательный анализ в процессе обучения русскому языку // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 319 – 322.

References

1. Bystrova E.A., L'vova S.I., Kapinos V.I. Obuchenie russkomu jazyku v shkole. M. Drofa. 2007. 237 s.
2. Krysin L.P. Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah: Oчерki o russkoj leksike i leksikografii. M., 2008. 268 s.
3. Litnevskaja E.I. Izuchenie morfemnogo sostava slova v uglublennom kurse russkogo jazyka. Russkaja slovesnost'. 2000. № 1. S. 68 – 74.
4. Malinkina N.A. Lingvofilosofskie osnovy izuchenija morfemiki i slovoobrazovanija. Vestnik JuUrGGPU. 2009. № 8. S. 173 – 183.
5. Metodika prepodavanija russkogo jazyka. Pod red. M.T. Baranova. M., 1990. 368 s.
6. Ministerstvo obrazovanija i nauki RF. Prikaz «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standartov osnovnogo obshhego obrazovanija» № 1897 ot 17.12.2010 (v red. ot 29.12.2014). URL: <https://fgos.ru>
7. Razumovskaja M.M., L'vova S.I. Russkij jazyk. 5 klass: ucheb. Dlja obshheobrazovat. Uchrezhdenij. pod red. M.M. Razumovskoj, P.A. Lekanta. M.: Drofa, 2010. 286 s.
8. Homenko E.V. Osnovnye podhody k resheniju problemy preemstvennosti v obuchenii morfemike i slovoobrazovaniju. Gumanitarnaja paradigma. 2017. № 3. S. 63 – 71.
9. Chuprina Ju.G. Morfemnyj i slovoobrazovatel'nyj analiz v processe obuchenija russkomu jazyku. Jepoha nauki. 2018. № 16. S. 319 – 322.

*Magomadova A.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
A.A. Kadyrov Chechen State University*

THEORETICAL FOUNDATIONS OF FORMING WORD-FORMATION SKILLS IN BASIC SECONDARY SCHOOL

Abstract: this article is devoted to the problem of development of word-formation skills of elementary school pupils in the course of Russian language. The topicality of theoretical and methodical research of problems of teaching the section "Word-formation" in the Russian language course is proved. Word-formation process is determined; brief description and history of word-formation as a separate branch of linguistics is provided. The importance of word-formation for pupils' speech development and its educational, formative and developing functions are emphasized. The main aims of word-formation in the process of teaching Russian language at the elementary school are examined. The article provides a theoretical substantiation of the importance of forming word-formation skills in terms of enriching vocabulary, developing orthographic sharpness, and mastering grammar structure of the Russian language. Key competences – linguistic, linguistic and communicative - are characterized. Mechanisms of mastering semantics of new words by means of word-formation skills are described, examples of using word-formation patterns in explanatory dictionaries are given. A special attention is paid to the questions of continuity in the study of morphemics and word-formation at a basic school; the basic principles of teaching word-formation, worked out in pedagogical practice, are described, namely: consideration of interlevel language links; conformity of the teaching aid with age peculiarities of pupils; dependence on actual psychological and intellectual abilities of pupils with regard to zones of the nearest development; continuity of educational techniques at a basic and primary school. The effectiveness conditions of word-formation teaching consistency are stated; the main aspect among them is a complex approach, taking into account linguistic (based on inter-level connections), psychological (development of mental acts necessary for mastering the patterns and regularities of word-formation) and methodological aspects (correspondence between the contents of educational material and the age of pupils).

Keywords: word formation, morpheme, the Russian language, speech development

*Мирзоева М.И., докторант,
Таджикский государственный институт языков им. Сотима Улугзода, Таджикистан*

ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ РУССКО-ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: статья посвящена проблемам взаимосвязи, взаимодействия и взаимообогащения литературных связей в контексте персидской-таджикской литературы. Обоснована актуальность исследуемой темы в рамках цивилизационного подхода. Определены пути освоения персидско-таджикской литературы в русском литературном процессе. Рассмотрены методологические аспекты изучения творчества представителей классической и современной литературы. Представлены работы по проблемам перевода произведений русской литературы на таджикский язык в разрезе историко-сопоставительного анализа. Определено, что изучение литературных связей России и Востока позволяет выявить взаимосвязи и процессы взаимообогащения исследуемых литератур, а также некоторые вопросы эволюции жанров. Выявлено, что традиционный описательный контекст филологического анализа текстов способствует изучению явлений литературы, анализу оригиналов и переводов, образно-тематических, жанровых и художественных особенностей исследуемых литературных произведений. Отмечено, что каждая историческая и культурная эпоха предлагала свое видение отношений Востока и Запада, характеризовалась обширным духовным и культурным освоением Востока, связанным с романтическим восприятием ориентализма русской литературой. Определено, что на протяжении многих веков персидско-таджикский язык и литература на данном языке приобрели всемирную славу не только благодаря их господствующему положению в регионах Центральной Азии, но и распространению, а также усилению влияния своего наследия. Сделан вывод о том, что литературные связи, в частности, России и стран Востока, проявляются как закономерность развития мировой литературы.

Ключевые слова: взаимосвязи, взаимодействие, взаимообогащение, культура, персидско-таджикская литература

Повышенный уровень конфликтности в международных отношениях оказывает влияние на все сферы общественной и государственной жизни. Политическая, культурная, экономическая стороны общественных отношений рассматриваются в атмосфере международных конфликтов и в условиях наложения государствами друг на друга санкций. Однако предложение представителей исламской культуры Ирана о построении диалога между цивилизациями было поддержано Организацией Объединенных Наций (ООН), и сейчас осуществляется поиск принципов, на которых можно было бы построить взаимодействие культур.

Мухаммад Хатами, занимавший пост президента Ирана с 1997 года по 2005 год, высказался о том, что при диалоге культур обязательно должен реализовываться принцип равенства, так как диалог возможен только между равными субъектами, уважающими друг друга и не превозносящимися друг над другом. Вторая особенность диалога, по мнению Хатами, заключается в том, что участники диалога должны слышать друг друга. Хатами сказал: «Диалог между цивилизациями требует, чтобы слушали и слышали друг друга люди разных цивилизаций и культур, и выслушать других ничуть не менее важно, чем сказать им что-то свое.

Пожалуй, выслушать, может быть, даже важнее» [6].

Эпоха глобализации не может существовать без договоренностей и компромиссов, потому что государства перестают быть автономными образованиями и становятся частями одного целого мирового пространства. Создатели теории глобализации считают, что на мировом пространстве с помощью экономических мер и военного воздействия можно установить систему общечеловеческих ценностей, при этом никто из глобализаторов не учел, что этические, моральные и нравственные категории в каждом народе формировались в особом культурном пространстве и получили национальную интерпретацию. Такие морально-этические концепты, как «сострадание», «любовь», «совесть», «доброта», «мудрость», «честность», «справедливость», «добросовестность», «преданность» закрепились в национальном сознании народов и выражаются в поэзии народа. В диалоге культур можно достичь взаимопонимания между народами только при осознании и учете национальных и культурных традиций, что поможет снять напряженность между народами и обеспечить политическую стабильность во всем мире [4].

Изучение литературы народов позволит реализовать поиск оптимальных решений проблем вза-

имодействия между культурами, так как в художественной литературе и в фольклоре отражаются особенности национального самосознания, которые позволяют определить, по каким общим закономерностям развивается мировое литературное и культурное пространство. Каждый народ определяет свое место между странами, переосмысливая свой накопившийся культурный опыт в свете новых вызовов времени [2].

И.В. Гете в 1827-1830 годах ввел понятие «мировая литература», употребив его в своем отзыве о дискуссии критиков по поводу его драмы «Торквато Тассо». Современники Гете указывали на универсальность и обезличенность языковых средств, которые употребляет автор, но Гете считал, что «мировая литература» должна вобрать в себя все национальные ценности, созданные народами за их историю. Гёте на основе анализа литературы разных народов мира выявил, что происходит взаимовлияние национальных стилей литературы и их взаимопроникновение, что проявилось в возникновении общих для всех народов закономерностей, на которых строится художественное мышление [1].

Поиск восточных образов, отраженных в русской литературе и в национальном русском сознании, позволяет еще раз погрузиться в накопленное за историю литературное богатство русского народа. Связи между Западом и Востоком, и, в частности, между таджикским и русским народами, имеют давнюю историю. Литературные связи между русским и таджикским народами образовались благодаря экономическим, политическим и культурным отношениям между народами.

В русском литературоведении персидско-таджикская литература осваивалась двумя способами:

– в рамках европейского ориентализма, практиковавшегося в «серебряном веке» [9];

– писатели самостоятельно изучали восточные языки, культуру и литературу [3].

При таком понимании значения вклада каждого народа в становление мировой литературы важно определить, какую роль сыграли персидские и таджикские авторы в становлении и укреплении русско-западно-восточных литературных связей. Таджикские литературоведы активно исследовали взаимоотношения таджикской и русской литературы и их значение для литературных связей между Западом и Востоком. В качестве таких литературоведческих работ можно назвать следующие:

– в рамках своего диссертационного исследования на тему «К проблеме влияния таджикско-персидской литературы на русскую литературу 20 – 30-х гг. XIX века» Гольц Татьяна

Маэтовсона в 1980 году изучила особенности восприятия представителями русского романтизма классических произведений персидско-таджикской литературы в установлении русско-восточных литературных связей на период первой трети XIX века, с учетом требований, выдвигаемых государственной независимостью и глобализацией в тот период;

– Маленький Игорь Мирославович в 1990 году в кандидатской диссертации «Персидско-таджикская поэзия в украинских переводах» рассматривал произведения персидско-таджикской литературы как предмет литературоведческого исследования, а не как явление восточной культуры филологического исследования;

– в 1995 году Д.Х. Алимова в диссертации «Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX в.» показала, что восприятие персидско-таджикской литературы активизировалось, когда произведения таджиков и персов стали переводиться сразу на русский язык, а не через западноевропейские языки;

– в своем труде «Русско-восточные литературные связи в первой трети XIX века (Восток и декабристы)» Н.Н. Холмухамедова показывает, что русские представители литературы (А.С. Пушкин, Д.П. Ознобишин, А.С. Грибоедов и другие) создавали русский ориентализм как сложное многогранное литературное явление, привнося в него отдельные черты;

– А.Р. Гейзер в произведении «Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты» в 1999 году отметил желание русских писателей проникнуть в особый мир стилистики восточных произведений. А.Р. Гейзер отмечает схожесть русских сказок с восточными образцами, проявляющуюся в наличии фантастического элемента с обязательным моральным уроком;

– в произведении Р.М. Сафиуллиной «Восточные мотивы в русской поэзии конца XIX – начала XX века» показано, как в русской литературе используются восточные мотивы, и их идейно-эстетическая ценность, отразившаяся во всей русской ориенталистике первой половины XIX века;

– Х. Шодидулов и А. Давронов в сборнике «Издrevле сладостный союз...» отмечает выдающиеся заслуги Екатерины II в укреплении связей между русским народом и восточными народами. Именно Екатерина II создала специальное ведомство для перевода иностранных

произведений на русский язык, сотрудники которого перевели практически все восточные произведения, уже тогда считавшиеся литературными памятниками Востока.

История русско-восточных связей исследовалась также М. Шукуровым, Р. Мусулмонкуловым, С.Ш. Табаровым [5].

Многие писатели и поэты использовали восточные мотивы в своих произведениях. Большое количество литературоведческих работ посвящены исследованию восточной темы в творчестве А.С. Пушкина. Таджикские и русские исследователи фиксируют восточную тематику в произведениях А.С. Пушкина на протяжении всей его творческой деятельности, но наиболее активно ориентализм в творчестве А.С. Пушкина стал проявляться с момента начала его Южной ссылки в 1820 – 1823 годах. Именно в этот период А.С. Пушкин создал цикл «Южные поэмы», куда вошли такие поэмы, как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан». Кроме «Южных поэм», А.С. Пушкин посвятил теме Востока ряд лирических стихотворений: «Узник», «К морю», «Калмычке», «Кавказ», «Обвал».

Проблеме отражения восточных образов в произведениях А.С. Пушкина и других русских писателей посвящены литературоведческие исследования «Пушкин как вершина Памира» (1999), «Бобои Крылов ва масалҳои ӯ» (2000), «Талаби замон ва робитаи адаби» («Взаимосвязь и взаимообогащение многонациональной советской литературы») (1973), «Дарахти дӯсти биншон...» («Литературный процесс сегодня») (1987), «Дӯстии адабиётҳо – дӯстии халқҳо» («Дружба народов – дружба литератур») (1975), «Проблемы литературных связей» (1976), «Проблемы взаимодействия литератур» (1976), «В единстве и родстве» («К проблеме национального и интернационального в литературах Средней Азии») (1989), «Хаёт, адабиёт, реализм» («Жизнь, литература, реализм»): в 5 кн. (1966) [6].

Российские литературоведы исследовали связи персидско-таджикской и русской литературы в советское время и продолжают активно изучать в настоящее время. Лобикова Надежда Михайловна в 1974 году издала сборник очерков «Пушкин и Восток»; в 1979 году литературовед Чельшев Евгений Петрович издал сборник статей «Пушкин в странах зарубежного Востока». Названные сборники продолжают сохранять свою актуальность и в настоящее время, так как они выходят за рамки пушкиноведения. Н.М. Лобикова и Е.П. Чельшев используют два метода исследования. Первый метод реализуют русские филологи с целью не только понять ориентальные мотивы в произведениях Пушкина, но и передать читателю, как сам А.С.

Пушкин воспринимал Восток. Второй метод применяется востоковедами, чтобы показать, как на Востоке были восприняты произведения А.С. Пушкина.

З. Мохаммади в своем диссертационном исследовании «Пушкин и Хафиз: к проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина» изучает феномен взаимопроникновения творчества А.С. Пушкина и творчества Хафиза, самого явного представителя персидской поэзии. А.С. Пушкин узнал о творчестве Хафиза из «Вестника Европы», в котором были опубликованы переводы произведений Хафиза на европейские языки. З. Мохаммади придает вниманию Пушкина к поэзии Хафиза особое историко-литературное значение, так как позволило решить проблему «восточного слога», которую активно обсуждали представители русского романтизма. З. Мохаммади отмечает парадоксальную особенность, которая заключается в том, что интерес к восточной культуре возник не из-за того, что А.С. Пушкин познакомился с восточной литературой, а из-за того, что А.С. Пушкин проявил интерес к западной литературе [6].

Х.Р. Холов в диссертационном исследовании «История и принципы перевода лирической поэзии А.С. Пушкина в таджикской литературе» показывает, что лучшим средством для осознания эстетического феномена иноязычной литературы является художественный перевод. Лирический перевод произведений А.С. Пушкина на таджикский язык стал сложной деятельностью для таджикских переводчиков, так как А.С. Пушкин считается глубоко национальным поэтом, в произведениях которого одновременно национальными и общечеловеческими ценностями и идеалами, которые трудно полностью осмыслить представителям других культур.

Специалисты в области персидского и таджикского литературоведения изучают специфику отражения восточных мотивов у других русских классиков, среди которых М.Ю. Лермонтов, Д.П. Ознобишин, Н.В. Гоголь, А.А. Бестужев-Марлинский и другие [7].

Д.А. Бобокулов в 2016 году провел комплексное исследование особенностей художественного перевода И.А. Бунина на таджикский язык. Выбор творчества И.А. Бунина в диссертационном исследовании «Художественно-стилистические особенности перевода произведений И.А. Бунина на таджикский язык», был обусловлен не только спецификой художественного перевода на таджикский язык языковых средств, используемых И.А. Буниным, но и тем, что произведения И.А. Бунина оказали значительное влияние на развитие в таджикской литературе жанра рассказа. Особенно-

сти произведений И.А. Бунина обуславливают высокие требования к переводчикам.

В 2017 году Г.Р. Рустамова в Таджикском государственном университете защитила докторскую диссертацию по теме «Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Л. Толстого)». Данная тема представляет интерес по причине значимости творчества писателя для таджикской литературы советского периода. Кроме того, таджикская литература была источником вдохновения для творческой деятельности Л.Н. Толстого.

Первые переводы произведений персидско-таджикской литературы осуществлялись на западноевропейские языки, а потом уже совершался перевод на русский язык. Переводы были неточными, потому что европейским языкам более свойственна прагматика, поэтому эстетические и моральные термины переводились словами с научным или юридическим оттенком. Со временем русские писатели стали осваивать языки оригинала и переводили произведения восточной литературы сразу на русский язык с применением всего арсенала языковых средств, присущих русскому языку. Это послужило активизации освоения восточной литературы русскими литературоведами, поэтами и писателями. В начале XIX века переводы с восточных языков стали появляться в периодических изданиях «Азиатский вестник», «Полярная звезда», «Современник», «Мнемозина», «Пчела», «Вестник Европы», «Московский наблюдатель», «Русская мысль» и других [5].

В советской научной литературе стали появляться ретроспективно-сопоставительные аналитические статьи, посвященные сравнению переводов с восточных языков на русский язык с переводами, прошедшими через западноевропейские языки. В труде А.С. Аминова «Проблема художественного стихотворного эквивалентного перевода» рассматривается проблема культурологической эквивалентности перевода текстов художественной литературы. Сложность представляют лексические единицы языка, которые в другом языке не имеют эквивалента, и зачастую происходит неадекватный и неравный перенос лингвотнической единицы языка в другую языковую среду.

Х.Р. Холов в докторской диссертации «История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский

языки» признает, что Пушкин обогатил своими «пушкинизмами» русский язык и использовал в своих произведениях восточные образы, но с их осмыслением на русский манер. Пушкин, рассматривал Коран как художественно-философское произведение, поэтому, употреблял термины из Корана не в чисто религиозном смысле, а в преломлении через русскую культуру. Следовательно, эти понятия уже не могли быть переведены на персидский или таджикский язык в том смысле, который придается им в Коране, и в этом основная проблема художественного перевода пушкинского языка на восточные языки [7].

Исследование связей между литературой Востока и произведениями русской литературы позволяет понять, как две литературные культуры обогащали друг друга в ходе истории. В рамках проводимого исследования специалисты проводили анализ оригинальных текстов, переводов, национальных образов и мотивов, употребляемых в чуждой языковой среде. Такое исследование позволяет понять закономерности освоения одной культурой особенностей другой культуры и на основе выявленных закономерностей построить стабильные культурные связи и выявить общечеловеческие ценности эстетического, морального и нравственного характера

Бесспорно, что в каждый период истории взаимоотношений Востока и Запада характеризуется своеобразным взаимовлиянием культур и национальных литератур. Например, первая треть XIX века характеризовалась тем, что восточная литература воспринималась в условиях русского романтизма. Сама заинтересованность восточной культурой и литературой возникла в связи с тем, что восточные страны на территории всей Центральной Азии занимали господствующее положение в политическом и экономическом плане, и этот же фактор обусловил распространение ориентального влияния на территории Европы, Африки и Америки. В настоящее время практически все государства и народы включены в единый мировой процесс, поэтому взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур может осуществляться по разным направлениям и в разных областях жизнедеятельности общества. В связи с этим можно сказать, что за всю историю взаимодействия Востока и России русская и восточная литература стали неотъемлемой частью мировой литературы с сохранением культурной самобытности.

Литература

1. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. Л: Худ. Литература, 1925. 154 с.
2. Брагинский И.С. Исследования по таджикской культуре (К проблеме межлитературных связей народов Советского Востока). М: Наука, 1977. 288 с.
3. Сайфуллоев А. Проблемы взаимодействия литератур. Душанбе: Ирфон, 1976. 138 с.

4. Муллоев Ш. Б. Русская культура и литература в контексте таджикского просветительства конца XIX-начала XX веков: дис. ... на соиск. уч. степени канд. филолог. наук / Науч. руков. Х.Н. Шодиколов; Рос.-тадж. (славян) ун-т. Душанбе, 2001. 141 с.
5. Рахмонов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: дис. ... док. филол. наук. Душанбе, 2018. 342 с.
6. Рустамова Г.Р. Русско-таджикские литературные связи в XX (в контексте творчества Льва Толстого): дис. ... док. филол. наук. Душанбе, 2017. 246 с.
7. Рустамова Г. Особенности русско-персидско-таджикских литературных взаимосвязей // Вестник Педагогического университета. Душанбе. 2015. № 1. С. 337 – 341.
8. Уфимцев А. Д. Связь русской культуры с персидской литературой // Туркестанские ведомости. 1908. № 3. 16 с.

References

1. Bartol'd V.V. Istorija izuchenija Vostoka v Evrope i v Rossii. L: Hud. Literatura, 1925. 154 s.
2. Braginskij I.S. Isledovanija po tadzhikskoj kul'ture (K probleme mezhliteraturnyh svjazej narodov Sovetskogo Vostoka). M: Nauka, 1977. 288 s.
3. Sajfulloev A. Problemy vzaimodejstvija literatur. Dushanbe: Irfon, 1976. 138 s.
4. Mulloev Sh. B. Russkaja kul'tura i literatura v kontekste tadzhikskogo prosvetitel'stva konca XIX-nachala XX vekov: dis. ... na soisk. uch. stepeni kand. filolog. Nauk. Nauch. rukov. H.N. Shodikulov; Ros.-tadjh. (slavjan) un-t. Dushanbe, 2001. 141 s.
5. Rahmonov B.R. Persidsko-tadzhikskaja literatura v kontekste rusko-vostochnyh literaturnyh svjazej pervoj treti XIX veka: dis. ... dok. filol. nauk. Dushanbe, 2018. 342 s.
6. Rustamova G.R. Russko-tadzhikskie literaturnye svjazi v XX (v kontekste tvorcestva L'va Tolstogo: dis. ... dok. filol. nauk. Dushanbe, 2017. 246 s.
7. Rustamova G. Osobennosti rusko-persidsko-tadzhikskih literaturnyh vzaimosvjazej. Vestnik Pedagogičeskogo universiteta. Dushanbe. 2015. № 1. S. 337 – 341.
8. Ufimcev A. D. Svjaz' ruskoj kul'tury s persidskoj literaturoj. Turkestanskie vedomosti. 1908. № 3. 16 s.

*Mirzoeva M.I., Doctoral Candidate,
Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulugzod, Tajikistan*

MUTUAL ENRICHMENT OF RUSSIAN-WEST-ORIENTAL LITERARY RELATIONSHIPS IN THE CONTEXT OF PERSIAN-TAJIK LITERATURE

Abstract: the article is devoted to the problems of interconnection, interaction and mutual enrichment of literary connections in the context of Persian-Tajik literature. The relevance of the topic under study in the framework of the civilizational approach is substantiated. The ways of mastering the Persian-Tajik literature in the Russian literary process are determined. The methodological aspects of studying the creativity of representatives of classical and modern literature are considered. Works on the problems of translating Russian literary works into the Tajik language are presented in the context of historical and comparative analysis. It has been determined that the study of literary relations between Russia and the East makes it possible to identify the interrelationships and processes of mutual enrichment of the studied literatures, as well as some questions of the evolution of genres. It is revealed that the traditional descriptive context of the philological analysis of texts contributes to the study of literary phenomena, the analysis of originals and translations, figurative-thematic, genre and artistic features of the studied literary works. It is noted that each historical and cultural epoch offered its own vision of relations between East and West, was characterized by extensive spiritual and cultural development of the East, associated with the romantic perception of Orientalism by Russian literature. It has been determined that for many centuries the Persian-Tajik language and literature in this language have gained worldwide fame not only due to their dominant position in the regions of Central Asia, but also to the spread and strengthening of the influence of their heritage. It is concluded that literary ties, in particular, between Russia and the countries of the East, manifest themselves as a regularity in the development of world literature.

Keywords: relationships, interaction, mutual enrichment, culture, Persian-Tajik literature

*Акимова А.С., кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук,
Федорова Е.П., кандидат филологических наук, доцент,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

ЯКУТСКИЙ ОРНАМЕНТ НА ТРАДИЦИОННЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЯХ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: статья посвящена анализу орнаментов, выполненных на современных ювелирных изделиях. Традиционные женские украшения ярко и выразительно характеризуют культуру и традиции якутского народа. Якуты уделяли большое значение элементам декора и орнаментам серебряных украшений, так как смысл орнаментов был тесно связан с кругом религиозных верований и мифических представлений. Якутские орнаменты и узоры исполнены в виде разветвленных непрерывных линий, которые означают продолжение рода. По якутскому поверью орнаменты и узоры защищали от злых духов.

Подбирая украшения в национальном стиле, необходимо руководствоваться определенными правилами. В частности, украшения должны быть выполнены в соответствии с традиционными канонами. Особое внимание должно быть уделено смыслу орнаментов современных украшений, поскольку среди изобилия новинок встречаются украшения, в которых нарушены архетипические образы. В зависимости от правильного расположения орнаментов, меняется её смысл и трактовка.

Орнаменты – имеют свой собственный язык, а также они несут в себе ценную информацию об истории этноса. В современном мире в связи с изменением традиционного уклада жизни якутов, смысловое содержание орнаментов частично утратили свое сакральное значение, в итоге постепенно меняется внешний вид орнаментов.

Ключевые слова: якутский язык, термин, женские украшения, ювелирное дело, серьги, орнамент

Ювелирные украшения с давних времен считались неотъемлемой частью национального костюма у многих народов мира. Общеизвестно, что ювелирное дело является одним из древних, вместе с тем широко распространенных видов декоративно-прикладного искусства.

Традиционные женские украшения ярко и выразительно характеризуют культуру и традиции якутского народа. В древности, наши предки украшения делали из меди, латуни и бронзы. Самым излюбленным материалом якутских мастеров ювелиров было серебро. В те времена золото меньше ценилось т.к. наши якуты считали его металлом, который мало чем отличается от бронзы.

Не случайно исследователи называют якутов самым «серебряным» народом Сибири в виду того, что традиционные металлические украшения якутов преимущественно были выполнены из серебра. Наши предки считали, что серебро обладает очистительным, целительным и магическими свойствами. Кроме прикладного значения якутские украшения выполняли еще несколько функций, главными из которых были защита от злых духов, помощь в лечении многих болезней и символически-декоративное средство визуализации социального статуса владелицы.

Якуты уделяли большое значение элементам декора и орнаментам серебряных украшений, так

как смысл орнаментов был тесно связан с кругом религиозных верований и мифических представлений. Якутские орнаменты и узоры исполнены в виде растительных мотивов. Растительный орнамент трактуется, как благопожелание и заклинание на плодородие, рост, жизнестойкость, благополучие и продолжение рода. Это связано с обожествлением природы и почитанием духов предков.

Якутский орнамент отличается своей самобытностью, близостью к природе. Традиционные орнаменты олицетворяют различные растения, животных, птиц, солнце и т.д. Якуты во все времена обожествляли природу, поэтому они пытались отразить ее в предметах своего быта и творчества.

Нужно отметить, что среди якутских слов-терминов, обозначающих ювелирные изделия прослеживаются ряд сходств с тюрко-монгольскими языками. Большинство якутских названий имеет тюркскую основу. Некоторые из них в современных тюркских языках различаются лишь фонетическими особенностями. Среди основных отличий от соседних тюркских народов, в исконные якутские украшения не вставляли цветные камни, только чистый металл. Этой теме мы посвятим отдельную статью.

По материалам архелогических раскопок древних якутских захоронений описанным

этнографом М. Носовым в полный комплект женских украшений входили: *бастыга* ‘начельник’, *ытарба* ‘серьги’, *суһуох симэбэ* ‘косоплетка’, *моой симэбэ* ‘ожерелье-воротничок’, *кылдыы* ‘ожерелье-гривна’, *илин-кэлин кэбиһэр* ‘нагрудно-наспинное украшение’, *бөбөх* ‘широкие браслеты’, *биһилэх* ‘кольцо’, *кур* ‘пояс’. Пояс носили все независимо от пола, к нему еще подвешивали хозяйственные мелочи такие как: *иннэлик* ‘игольница’, *сапһыйа* ‘кошелек’, *искэх* ‘щипчик’, *кулгаах хастар* ‘ухочистка’, *ымыы* ‘амулет’ и т.п. По оценкам специалистов, вес серебра в полном женском наборе украшений, мог достигать до 25 килограммов.

Ювелирные украшения современных мастеров

В настоящее время, люди при подборе ювелирных украшений, в первую очередь руководствуются своим вкусом и предпочтениям, а не смысловой нагрузкой.

О богатом ассортименте ювелирных украшений свидетельствуют прилавки ювелирных магазинов, которые пестрят яркими и интересными новинками, что сделать правильный выбор не так-то и просто. Это говорит о том, что якутское ювелирное искусство не стоит на одном месте, а идет в ногу со временем. Сегодня, кроме традиционных якутских украшений на витринах магазинов можно увидеть новые стилизованные изделия в форме *хомуса* ‘варгана’, *сардааны* ‘лилии даурской’, *чорона* ‘деревянного кубка для кумыса’, *сэргэ* ‘коноязы’, *чаппараах* ‘чепрака’, *балыксыттар* ‘рыбаков’, *кыталык* ‘стерхов’ и т.д.

Но при подборе украшений в национальном стиле, необходимо руководствоваться определенными правилами. В частности, украшения должны быть выполнены в соответствии с традиционными

канонами. Особое внимание должно быть уделено орнаментам и узорам современных украшений, поскольку среди изобилия новинок встречаются украшения, в которых нарушены архетипические образы. В зависимости от правильного расположения орнаментов, меняется её смысл и трактовка.

Как пишет, Городецкая С.В. «в орнаментальном искусстве народов мира на протяжении тысячелетий сложилась устойчивая система архетипических образов, понятная для людей разных национальностей и религиозных воззрений, живущих практически в любой точке земного шара. Значение архетипических образов огромно. Наделенная символическим смыслом, а иногда и магическим значением, она играла огромную роль в жизни древних людей, которые верили в могущество и силу этих изображений. Именно поэтому в орнаментальном искусстве архетипы играют в первую очередь роль оберегов, надежной защиты от всего негативного в окружающем мире» [2, с. 31-32].

Далее вкратце проанализируем наиболее популярные среди современных ювелиров лировидный орнамент и обережной знак *ус кут* ‘три души’.

Самым распространенным орнаментом в якутском ювелирном искусстве является *көбүөр* ‘лировидный орнамент’ (см. рис. 1). Традиционный якутский лировидный орнамент *көбүөр* ассоциировался с темой цветения матушки природы. Как пишет, А.И. Саввинов «Образный строй этой группы орнаментов связан с одухотворением растительных сил, почитанием духов окружающей среды, отразившихся в традиционных анимистических воззрениях якутов. В серебряных изделиях орнаментальные украшения символизировали благополучие, плодородие и воспринимались как своеобразный оберег, имеющий важное защитное значение» [5, с. 114-115].

Рис. 1. *көбүөр* ‘лировидный орнамент’ (правильный вариант)

Далее для наглядности приведем фотографии новинок якутских ювелирных украшений, где традиционные орнаменты и *оберегающие знаки* ‘харысхал бэлиэ’ были использованы неудачно.

Рис. 2. Разрезанный пополам лировидный орнамент (не правильный вариант)

Как видно на рис. 2 ювелир нанёс лировидный орнамент на пару серег, разделив его пополам. Тем самым, он нарушил глубокий, сакральный

Неудачное использование *көбүөр* ‘лировидного орнамента’ в современных стилизованных серьгах (рис. 2).

смысл лировидного орнамента, символизирующий благополучие, плодородие и продолжение рода.

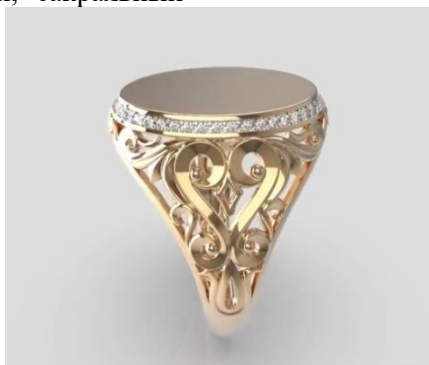

Рис. 3. Кольцо с перевернутым лировидным орнаментом (не правильный вариант)

На примере золотого кольца рис. 3. видно, как лировидный орнамент был выполнен перевернутым кверху дном. В итоге не правильного исполнения вышеуказанные изделия приобрели противоположный смысл, который уже не символизирует благопожелание хозяинам украшений.

Якуты издревле были тесно связаны с природой, они именовали себя «людьми солнечного улуса». Все традиционные обряды начиная от якутских танцев *осуохай*, совершались по направлению движения солнца т.е. с востока на запад. В этом была зафиксирована идея триединства: человек-природа-космос. Эта идея нашла свое отражение в якутском обережном знаке *үс кут*. *Үс кут* ‘три души’ является одним из значимых оберегов, который несет в себе глубокий, религиозный смысл.

Для начала дадим определение понятию *кут*.

Кут (*хут Каз. қут*) – душа «двойник» человека по представлениям тюркских народов, «жизненный эмбрион», даруемый свыше Богом, стусток

энергии, некое семя жизни, счастье, благодать, харизма [7].

Для древних тюрков обладание верховной властью определялось наличием у кагана дара Тенгри – *кут*: «По милости Неба и потому, что у меня самого было счастье (*кут*), я сел (на царство) каганом»[3, с. 95].

В «Большом толковом словаре якутского языка» термину *кут* дали следующее определение: «Психическая сфера человека, основа его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа. По представлениям якутов, *кут* состоит из трех частей: *воздух-душа*, *земля-душа*, *мать-душа*. Только при наличии всех трех элементов души человек чувствует себя здоровым, при временном отсутствии одного из них (напр., при сильном испуге может отлететь *воздух-душа*) человек испытывает недомогание» [1, с. 552].

В обережном знаке *үс кут* внутри круга изображены «три души»: *салгын кут* ‘воздух-душа’, «*буор кут* ‘земля-душа’, *ийэ кут* ‘мать-душа’ (рис. 4).

Рис. 4. обережной знак *ус кут* (правильный вариант)

1. *Салгын кут* ‘воздух-душа’ – одна из трех составляющих человеческого существа, основа дыхания, а значит и жизни, после смерти человека превращается в воздух».

2. *Буор кут* ‘земля-душа’ – представляет собой плоть, которая после смерти человека превращается в почву.

3. *Ийэ кут* ‘мать душа’ – основной элемент триады человеческого существа, представляющий

собой собственно душу-мать: считается что, при зачатии ребенка Богиня Айыысыт внедряет в женщину *ийэ кут* ребенка, когда же человек умирает, *ийэ кут* отлетает в иной мир [1, с. 553].

На рис. 4 и 5 мы видим ‘три души’, которые следуют друг за другом по направлению движения солнца т.е. по часовой стрелке.

Рис. 5. Правильный вариант обережного знака

Следует отметить, что обережной знак *ус кут* широко используется в Якутии не только в ювелирном деле. Этот знак можно увидеть на эмблемах учреждений или сообществ, обложках книг, футболках и т.д. Также, изображение *ус кут* можно увидеть на оберегах изготовленными народными умельцами. Обереги делают из любых материалов: дерева, мамонтовой кости, бисера и т.д. Обереги можно повесить дома, в рабочем кабинете, машине и т.п. Широкое

распространение обережного знака *ус кут* свидетельствует о том, что якуты считают его сильнейшим оберегом, который помогает сохранить духовную идею триединства.

Но к большому сожалению, в современных изделиях *ус кут* изображен не всегда правильно. Потому что, каждый мастер и дизайнер выполняет его по своему усмотрению и пониманию. Об этом свидетельствуют наличие множества изделий с неправильно оформленным знаком (рис. 6).

Рис. 6. *Ус кут* – следующий против движения солнца (не правильный вариант)

Таким образом, изделия и обереги с не правильными вариантами обережного знака *ус кут* могут пагубно повлиять на общее самочувствие и дальнейшую судьбу своего хозяина. Теряется гармония и идея триединства.

Орнаменты – имеют свой собственный язык, а также они несут в себе ценную информацию об истории этноса. В современном мире в связи с из-

менением традиционного уклада жизни якутов, смысловое содержание орнаментов частично утратили свое сакральное значение, в итоге постепенно меняется внешний вид орнаментов.

В дальнейшем, ювелирам и мастерам надо соблюдать традиционные каноны, чтобы якутское прикладное искусство не растеряло свои национальные черты и внутреннее содержание.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
2. Городецкая С.В. Архетипические образы в орнаментальном искусстве народов мира // Успехи современного естествознания. 2004. № 9. С. 31 – 32.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. 112 с.
4. Мозолева Г. Якутские украшения: Мифы и традиции // Источник © ysia.ru Ссылка: <https://ysia.ru/yakutskie-ukrasheniya-mify-i-traditsii/>
5. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
6. Сивцева Р.П., Устинова В.П. Традиционный орнамент в культурном ландшафте современного г. Якутска // Молодой ученый. 2014. № 20.2 (79.2). С. 47 – 48. URL: <https://moluch.ru/archive/79/14021/> (дата обращения: 11.11.2022)
7. [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. Кут.<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 11.11.2022)

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyлаah ulahan tyld'ytа: v 15 t. T. IV: Bukva K. Pod red. P.A. Slepсova. Novosibirsk: Nauka, 2007. 672 s.
2. Gorodeckaja S.V. Arhetipicheskie obrazy v ornamental'nom iskusstve narodov mira. Uspеhi sovremennogo estestvoznaniya. 2004. № 9. S. 31 – 32.
3. Malov S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii. M.; L., 1959. 112 s.
4. Mozolevskaja G. Jakutskie ukrasheniya: Mify i tradicii. Istochnik © ysia.ru Ssylka: <https://ysia.ru/yakutskie-ukrasheniya-mify-i-traditsii/>
5. Savvinov A.I. Tradicionnye metallicheskie ukrasheniya jakutov XIX – nachala NN veka: (Istori-ko-jetnograficheskoe issledovanie). Novosibirsk: Nauka, 2001. 171 s.
6. Sivceva R.P., Ustinova V.P. Tradicionnyj ornament v kul'turnom landshafte sovremennogo g. Jakutskа. Molodoj uchenyj. 2014. № 20.2 (79.2). S. 47 – 48. URL: <https://moluch.ru/archive/79/14021/> (data obrashhenija: 11.11.2022)
7. [Elektronnyj resurs]: Vikipedija. Svobodnaja jenciklopedija. Kut.<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashhenija 11.11.2022)

*Akimova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Fedorova E.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of Modern Languages and International Studies,
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*

YAKUT ORNAMENT MADE ON TRADITIONAL METAL JEWELRY: FROM HISTORY TO MODERNITY

Abstract: the article is devoted to the analysis of ornaments made on modern jewelry. Traditional women's jewelry vividly and expressively characterizes the culture and traditions of the Yakut people. The Yakuts paid great attention to decorative elements and ornaments of silver jewelry since the meaning of the ornaments were closely related to the circle of religious beliefs and mythical representations. Yakut ornaments and patterns are made in the form of branched continuous lines, which mean the continuation of the family. According to the Yakut belief, ornaments and patterns protected people from evil spirits.

Choosing jewelry in the national style requires certain rules. In particular, decorations must be made in accordance with traditional canons. Particular attention should be paid to the meaning of the ornaments of modern jewelry. Because among the abundance of new products, there are jewelry in which archetypal images are violated. Depending on the correct arrangement of the ornaments, its meaning and interpretation changes.

Keywords: the Yakut language, term, women's jewelry, jewelry, earrings, ornament

Богданова Е.А., кандидат филологических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

Аннотация: в статье рассматриваются гендерные особенности французской и русской фразеологических картин мира. Актуальность проведенного исследования определяется востребованностью изучения особенностей мужского и женского мировоззрения. В современном мире гендер является важнейшей социальной категорией, являющейся инструментом обработки информации об окружающей действительности. Гендерные стереотипы формируют элементы ценностной картины мира не только отдельной личности, но и всего лингвокультурного сообщества в целом.

Целью исследования явилось рассмотрение категории гендера во французской и русской лингвокультурах, отраженной во фразеологической картине мира. Выбор сферы фразеологии объясняется лаконичностью, устойчивостью и этноспецифической маркированностью фразеологических единиц, включая репрезентативность их ценностной составляющей.

Материалом исследования послужили более 250 фразеологических единиц. Французские и русские фразеологизмы с компонентами мужчина и женщина выбраны методом сплошной выборки. В исследовании применены методы анализа фразеологической семантики и когнитивной интерпретации.

Ключевые слова: гендер, стереотип, фразеологическая картина мира, лингвокультура, языковое сознание, маскулинность, фемининность

Антропологическая научная парадигма определяет специфику языкознания. Современные лингвистические исследования связаны с культурологическими вопросами. Границы мировосприятия языковой личности определяется лингвокультурологическими аспектами. Носитель языка создает свой собственный образ мира и закрепляет его в языке и культуре.

Язык конструирует реальность. Языковая картина мира, включает наивную картину мира, отражающую когнитивную основу адаптации человека к миру. Наивная картина мира представляет обыденное сознание, отличается прагматичностью и имеет интерпретирующий характер. Стереотипные коллективные представления фиксируются в языке. Язык объективирует элементы национального сознания, делает их доступными для изучения [1].

Специфика культуры этноса и особенности языка детерминируют языковое поведение и определяют особенности национальной языковой картины мира. Фразеология, являясь совокупностью устойчивых сочетаний слов, отражает исторически сложившиеся представления людей об окружающей действительности. Фразеологическая картина мира является наиболее устойчивой частью языковой картины мира. Фразеологический оборот является экспликатом восприятия реалий окружающей действительности. Фразеологическая картина мира описывает «нижние ярусы» языковой картины мира. Фразеологизмы анализируются с позиции гносеологии, лингвистики синхронии и диахронии. Фразеологическая картина описывает

ся с логическим, философским и аксиологическим аспектах [3].

Фразеологическая картина мира является наивной. Устойчивые обороты фиксируют национальное мировидение и становятся стереотипами. Фразеологическая картина специфична для каждого языка и отличается экспрессивностью, универсальностью и антропоцентризмом. Критерием оценки во фразеологической картине мира является человек [3].

Стереотипное восприятие мужчины и женщины отражается во фразеологической картине мира.

В русской и французской фразеологической картине мира наблюдается бинарная гендерная оппозиция, отличающаяся этноспецифичностью языкового сознания. Французские фразеологические единицы представлены в основном отношениями *homme/femme* – *мужчина/женщина*, без уточнения их супружеских отношений. Реже встречаются единицы с элементами *mari/femme*, описывающие семейные взаимоотношения, *C'est la bonne femme qui fait le bon mari* – *Хорошая жена делает хорошего мужа*. Отметим, что во французском языке отсутствует отдельная лексическая единица эквивалентная слову *жена* в русском языке. Слово *femme* переводится по контексту *женщина* или *жена*. *Où la femme règne, le diable est premier ministre* – *Где жена (женщина) правит, дьявол – премьер-министр* [4].

Наполняемость стереотипов маскулинности и фемининности не однородна в исследуемых лингвокультурах.

Андроцентризм наблюдается преимущественно во французской фразеологической картине мира.

Основная часть фразеологических единиц отражает в основном мужское мировосприятие. Возможно, подобное явление объясняется тем, что долгое время во французском языке слова *мужчина* и *человек* обозначались одной лексемой *homme*. Лексема *мужчина (homme)* фигурирует во многих фразеологизмах, характеризующих конкретные черты характера человека: *Homme bronzé* (бесстрашный боец), *homme fort* (сильный, здравомыслящий человек), *homme de fer* (человек с железным характером, досл., человек из железа), *homme orchestre* (человек оркестр), *homme de parole* (человек слова), *homme de tous les arts* (человек с нужными данными, способный, умелый человек), *homme à tout faire* (человек, умеющий все делать), *Petit homme abat grand chêne* (досл. Маленький человек рубит большой дуб), *homme de beurre* (мягкий, покладистый человек, досл., человек из масла), *homme à prendre* (досл., человек, которого нужно повесить), *de sot homme sot songe* (у дурака глупые сны), *homme de bronze* (жесткий, суровый человек, досл., человек из бронзы), *homme jugé* (недалекий), *homme en baudruch* (пустой человек, пустомеля), *homme du jour* (светский лев), *cet homme est père des difficultés* (этот человек порождает проблемы), *homme de contrebande* (человек, которому не доверяют), *homme d'autrefois* (человек старой закалки), *c'est un homme qui ne se hausse ni se baisse* (это равнодушный человек), *homme classé* (конченный человек), *homme de carton* (ничтожество, досл., человек из картона), *homme de paille* (шестерка, досл., человек из соломы), *c'est un homme fini* – конченный человек, *homme de bois* (пассивный человек, досл., человек из дерева), *homme de cabale* (интриган) [4].

Подобное разнообразие качеств во французской фразеологической картине мира женщинам не приписывается.

Анализ французских фразеологизмов с компонентом женщина (*femme*) показывает:

Женщина определяет качества своего мужа: *c'est la bonne femme qui fait le bon mari* – хорошая женщина делает мужа хорошим.

Желание женщины – закон: *ce que femme veut dieu le veut* – то, чего хочет женщина, того хочет Бог.

Женщина капризна, но с этим ничего не поделаешь: *toute heure chien pisse et femme pleure* – как собака справляет нужду, так женщина плачет.

Курящая женщина доступна: *à nous les femmes qui fument!* – нам женщины, которые курят!

Хорошая женщина простовата или немолода: *bonne femme* – простая, немолодая женщина.

Женщина принадлежит только одному: *c'est comte une femme cela ne se prête pas* – это, как женщина, не одалживается.

Женщина может руководить мужчиной, быть главой семьи: *c'est sa femme qui porte les chaussures* – его жена в штанах.

Женщина за работой очень злая: *c'est la femme à job* – это женщина за работой (говорят о злом человеке, который занят работой).

Женщина причина всех событий: *cherchez la femme* – ищите женщину.

Искусственная красота женщины недолговечна: *ciel pommé et femme fardée ne font pas longue durée* – небо в барашихах и накрашенная женщина не долговечны.

Женщины не без изъяна: *des femmes et des chevaux il n'en est point sans défauts* – женщины и кони не без недостатков.

Женщина в положении (в ожидании ребенка) очень капризна: *envie de femme grosse* – желание беременной женщины (о капризном желании человека).

С помощью женщин, милости и денег можно всего добиться – *faveurs femmes et deniers font de vachers chevaliers* – милости, женщины и динарии делают из пастухов рыцарей.

Женская любовь не постоянна – *souvent femme varie* – часто женщина переменчива [4].

Исторически в русской лингвокультуре традиционные семейные отношения представляли один из базовых ценностных элементов культуры. Поэтому единство муж-жена четко прослеживается в русской фразеологической картине мира. Отношения между женой и мужем в русских паремиях представлены вариантами муж/жена, мужик/жена, дед/баба. Например, отмечается несамостоятельность мужчины без женщины: *Муж без бабы нище малых деток сирота. Муж без жены, что гусь без воды. Жизнь и благополучие мужчины зависит от его жены: Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка* [2].

Таким образом мы видим, что в русской лингвокультуре наблюдается не только зависимость жены от мужа: *Муж как ворона, а все жене оборона. За хорошей головой жена молодеет, за плохой – как земля чернеет*; но и обратная ситуация, отразившаяся во фразеологической картине мира: *Муж без жены, что конь без узды* [2].

Образ мужчины, отраженный в русских пословицах, связан с физической силой: *Мужская сила – в плече, женская – в разуме и душе. Муж славен мечом, а жена – мудростью*; недостатком мудрости, присущей женщине: *Мужской ум – железо, а женский – золото: редок, да дорог. Мужской ум – кованный булат, все разрубит, женский ум – словно клад, все сбережет*; и зависимостью от женского ума: *Мужскому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна. Мужской ум без женского, что топор без топорница* [2].

Русская фразеологическая картина мира включает следующие характеристики женщины/жены.

В русской лингвокультуре отмечается сила женщины, как физическая, так и духовная: *Русская земля женщиной сильна. Острая сабля – не подушка, женская храбрость – не игрушка*. Женщина сильнее мужчины: *Муж возом не навозит то, что жена горшком наносит. Женская красота да храбрость весь мир перевернут* [2]. Как мы видим, женской красоте также приписывается огромная сила, а физическая сила женщины становится национальным достоянием.

Русская женщина хитра и умна: *Три матери у земли русской: одна бежит – то Волга, другая стоит – то Москва, а третья летит – то мудрость женская*. В жене прежде всего ум: *ценится Красна пава пером, а жена – умом. С умной женой жить – весь век мед пить, глупую любить – свою голову губить* [2].

Стоит отметить созидательный характер деятельности женщины и ее лидерство: *Что мужчина не разрубит, то женщина распутает. Женская хитрость да настойчивость горы по горсти пересыплют, реки к порогу течь заставят, мужа завсегда позади оставляют* [2].

Женщина в русской лингвокультуре властна и самостоятельна: *Волен Бог, да жена, коли волю взяла. Бойкую бабу и в ступе пестом не изловишь. Без женщин города не стоят. Жена досужа добра и без мужа*. Но женщина сильна не физической силой: *Жена мужа и не бьет, да под свой норов ведет*. [2].

Женщина – идеальный правитель: *Когда женщина у власти бывала, в той стране порядка прибывало. Хорош царь-батюшка, а лучше царица-матушка. На Руси цари грозны, а царицы мудры. Для царя народ – холоп, для царицы – чадо*. Мужчина ищет войны, а женщина мира: *Мужчина приведет свой народ на звуки битвы, а женщина – на шум колосьев. Мужчина живет ради власти, женщина властвует ради жизни*. Отмечается влияние женщины на правителя государства: *Царица шепнет, царь вслух молвит, глашатай на весь свет прокричит: кто всему голова?* [2].

Тем не менее, отмечается неопределенность женщины, ее вспыльчивость: *У бабы семьдесят*

две увертки в день. Бабу не переговоришь. Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает. Даже в гневе и безрассудстве женщина оказывается сильнее мужчины: *Муж задурит – половина двора горит, жена задурит – весь двор сгорит* [2].

Отметим, что в русской фразеологической картине мира встречаются единицы, отражающие право выбора женой мужа, что отражается в определенных «рекомендациях»: выходить замуж только за человека одного уровня: *Неравного в мужья не бери*. Интересна формулировка «в мужья не бери», которая идет вразрез с общепринятым *выходить замуж и брать в жены*, а не наоборот; муж должен быть покладистым: *Упрямого, задиру, бери за бригадира, а в ком добро наружу, бери за мужа. Лучшие в хате коза, чем муж – гроза*; лучшим мужем становятся добрые, спокойные и ласковые мужчины: *Грозному мужу – бабу каменную, а мне молодке – ласку пламенную. Мужик он характерный – мне такой не надобный*; внешность мужчины не первостепенна: *Хоть лицо приглядно, и одет нарядно, а с повадкой куражной – будет муж неважный* [2].

Гендерные стереотипы в исследуемых фразеологических картинах мира представлены неравномерно. Основной отличительной чертой французских гендерных стереотипов является андроцентризм и восприятие маскулинности/фемининности в рамках взаимоотношений между мужчиной и женщиной, выходя за пределы семьи. Для русской лингвокультуры, напротив, доминантными являются семейные отношения между мужчиной и женщиной. Характеристики качеств личности как мужчины, так и женщины представлены в русской фразеологической картине мира через призму супружеских взаимоотношений. Французская лингвокультура включает достаточный набор характеристик личности мужчины, в отличие от ограниченного списка личностных качеств женщин, не зависящих по большей части от ее роли в семье.

Таким образом, расхождения во фразеологических картинах мира свидетельствуют об уникальности каждой лингвокультуры и эксплицируют аксиологические доминанты национальной картины мира.

Литература

1. Борисова И.З., Винокурова Л.В. Гендерные стереотипы в языковой картине мира (на материале якутских и французских фразеологизмов) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2014. № 10 (3). С. 58 – 64.
2. Муж и жена. Пословицы и поговорки. <https://slavradio.org/articles/mudrost/muj-i-jena-poslovicy-i-pogovorki/>
3. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 568. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13230> (дата обращения: 13.11.2022)
4. Французско-русский фразеологический словарь; URL: <http://www.вокабула.рф>

References

1. Borisova I.Z., Vinokurova L.V. Gendernye stereotipy v jazykovej kartine mira (na materiale jakutskih i francuzskih frazeologizmov). Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika Filologija. Filosofija. 2014. № 10 (3). S. 58 – 64.
2. Muzh i zheny. Posloviy i pogovorki. <https://slavradio.org/articles/mudrost/muj-i-jena-posloviy-i-pogovorki/>
3. Siraeva R.T., Fatkullina F.G. Frazeologicheskaja kartina mira: osnovnoe sodержanie i priznaki. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 3. S. 568. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13230> (data obrashhenija: 13.11.2022)
4. Francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'; URL: <http://www.vokabula.rf>

*Bogdanova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Adyghe State University*

GENDER STEREOTYPES IN THE PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD (USING THE EXAMPLE OF FRENCH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES)

Abstract: the article examines the gender features of French and Russian phraseological pictures of the world. The relevance of the conducted research is determined by the demand for studying the peculiarities of male and female worldviews. In the modern world, gender is the most important social category, which is a tool for processing information about the surrounding reality. Gender stereotypes form elements of the value picture of the world not only of an individual, but also of the entire linguistic and cultural community as a whole.

The purpose of the study was to consider the category of gender in French and Russian linguistic cultures, reflected in the phraseological picture of the world. The choice of the sphere of phraseology is explained by the conciseness, stability and ethnospecific marking of phraseological units, including the representativeness of their value component.

The research material was more than 250 phraseological units. French and Russian phraseological units with the components man and woman were selected by a continuous sampling method. The research uses methods of analyzing phraseological semantics and cognitive interpretation.

Keywords: gender, stereotype, phraseological picture of the world, linguoculture, linguistic consciousness, masculinity, femininity

Ван Исюань, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПАРЕМИЙНЫЙ БИНОМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ О ЖИЛИЩЕ)

Аннотация: жилище – это не только место проживания человека, свидетельство материального благосостояния, но и проявление духовной культуры, поэтому жилищная культура разделяется на два аспекта – архитектурную форму и способ строительства жилища и традиции и правила проживания, определяющиеся социальными атрибутами человека. В данном исследовании с использованием методов лингвокультурологического анализа рассматриваются сходства и различия в стереотипных представлениях о жилищной культуре, отразившихся в русских и китайских паремиях. В центре внимания – частотные бинарные структуры, компоненты которых участвуют в формировании семантики пословицы и выражении стереотипного представления. Проведённый анализ бинарных отношений между компонентами паремий о жилище подтверждает наличие широкого спектра ассоциативных связей, на которых основаны выражаемые пословицами идеи и лингвокультурные установки – они воссоздают образ жилища, отразившегося в выражениях народной мудрости. На уровне биномов выявляются основные черты жилища как строения, его составляющие и их функции, элементы внутреннего устройства дома, связь дома с его обитателями и соседями, а также восприятие дома как надежной защиты, гаранта свободы и воли. Биномы, как и паремийные идеи, служат показателем кросс-культурных различий и сходств в видении объектов окружающего мира представителями различных культур.

Ключевые слова: русские и китайские пословицы, жилище, лингвокультурологический аспект, паремийный бином, стереотипные представления

Жилище – это не только материальный объект, но и один из ключевых символов культуры. Дом представляется концептом, имеющим «национальный характер проявления и долговременность сохранения как признака народной культуры» [10, с. 23]. «С понятием "дом" в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека» [1, с. 3]. Дом – это «пространственное воплощение всеобъемлющих функций – образовательной, производственной, религиозной и т.д.» [27, с. 6 – перевод наш – И.В.]. Жилище связано с материальными потребностями и аксиологическими ценностями этноса и поэтому интересует ученых как в аспекте выявления признаков одноименного концепта ([14, 17] и др.), так и в плане анализа межкультурных различий в представлениях о жилище/доме у носителей разных языков ([2, 7, 11] и др.).

Обращение ученых к компонентам паремиологических единиц (ПЕ) объясняется тем, что пословица как единица народного происхождения оперирует привычными для носителя языка образами, вербализуемыми с помощью определенного набора лексем. Так, Е. В. Иванова отмечает, что в ПЕ отдельные компоненты или лексические фрагменты вербализуют «отрезки смысла, которые имеют значение не только для описания одной пословицы или группы пословиц, но и для реконструкции фрагментов и всей пословичной картины мира в целом» [9, с. 56]. Компоненты паремии указывают на принадлежность ее к определенной тематической сфере. Так, ПЕ разных языков, включающие

компоненты с семантикой ‘деньги’, говорят об отношении говорящих к деньгам, о скупости и щедрости, об экономности и мотовстве [3, с. 234–238], о пользе и вреде большого и малого количества денег. Отдельное направление исследования составляют работы Л.В. Гриченко [5], Л.Б. Воробьевой [4], Т.Г. Никитиной [15], Е.И. Зиновьевой и Цао Цзяци [8], И.В. Кузнецовой [12], чье внимание направлено на ПЕ с компонентами, принадлежащими одной тематической группе – фитонимами, соматизмами, астионимами и др.

Лексический состав ПЕ во многом определяет ее значение, если речь идет о безобразных единицах, составляющие которых выражают смысл прямо: *Кончил дело – гуляй смело!* – выражение, предписывающее отдыхать после завершения работы. Однако специфика ПЕ проявляется в способности выражать переносные смыслы – как всем своим лексическим составом и пропозициональной структурой (*Цыплят по осени считают* – ‘порицание слишком раннего прогнозирования конечных результатов’), так и отдельными составляющими: ср. ПЕ *На борздом коне жениться не ездят*, где сочетание *на борздом коне* имеет значение ‘в спешке, слишком быстро’.

Компоненты паремии нередко используют образы, приобретающие символическое значение. Так, в ПЕ *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* образы животных противопоставлены как символизирующие хищника (сильного) и жертву (слабого) (см. подробнее: [20]). При этом важный для реализации идеи ПЕ контраст базируется

именно на сочетании двух компонентов, поскольку вне ПЕ *кобыла* не ассоциируется с признаком слабости и беспомощности, с жертвенностью.

Анализ ПЕ с лингвокультурологической точки зрения позволяет выявить в формировании семантики ПЕ роль отдельных компонентов, за которыми стоят предметы реального мира. Так, в русских и китайских ПЕ с компонентом-зоонимом [26] обнаруживаются расхождения в символических смыслах, которыми наделяют представителей фауны носители разных культур. Если образ черной собаки, которой не стать белой, присутствует в обеих культурах и указывает на невозможность исправления плохого человека (*Черного кобеля не отмоешь добела*; кит. «Черной собаке не стать белой, врагу не стать другом» [23, с. 453], то трактовка собаки как неблагодарной находим только в китайской ПЕ (букв. «Спаси утопающую собаку, и позже она укусит тебя»), а в русском языке эта идея выражена иначе: *Выкорми змейку на свою шейку* [23, с. 455].

Г. Л. Пермяков предложил важную для изучения природы ПЕ идею наличия в ней компонентов, называющихся противопоставленные друг другу «обобщенные сущности» – «большое – малое», «сильное – слабое», «светлое – темное», «друг – враг» и др. [16, с. 109-116]. Они имеются в ПЕ любого из языков, но вербализуются в каждом из них особым образом – с привлечением национально-маркированных средств.

Целью данного исследования является выявление бинарных отношений между компонентами ПЕ, отражающих стереотипные представления носителей русского и китайского языков и культур о жилище.

Изучение отношений между словами – компонентами ПЕ актуально, поскольку проливает свет на природу пословицы как единицы с логической структурой, ведь повторяющиеся в различных ПЕ пары компонентов отнюдь не случайны. Это, по Е. И. Селиверстовой, признак стабильности *паремиологического пространства*, под которым понимается система пословиц, «связанных различными типами отношений и обнаруживающих разной степени общность и различия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом)» [21, с. 6]. Сюда включаются и обобщенные паремийные идеи, и более дробные единицы: повторяющиеся фрагменты, типичные пары компонентов – паремийные биномы, структурные модели единиц [там же]. Назовем основные признаки паремийного биннома и покажем актуальность данного подхода к рассматриваемым нами пословицам:

1. Биномы – это «сочетания (комбинации) двух компонентов в составе ПЕ, называющих предметы и явления окружающего мира», знакомых и по-

нятных говорящему и позволяющих устанавливать между ними определенные связи и зависимости [18, с. 117]. Это видно, например, в следующих ПЕ: *Родная хижина милее каменных палат* – бином «хижина – палаты»; *В избе светло, а на дворе светлее* – бином «изба – двор» и т.д.

2. Биномы – стабильные фрагменты паремиологического пространства, «устойчивые пары компонентов, неоднократно встречающиеся в паремиологическом пространстве и осмысляемые именно в паре» [18, с. 115]. Например, биномы *изба – печь* многократно встречаются в ПЕ: *Курна изба, да печь тепла; Догадлив крестьянин – на печи избу поставил* и др.

3. Один компонент может стать в ПЕ частью биномов с различными «вторыми частями»: *Из избы сору не выноси; Избу ставят – Бога славят; Коли изба крива – хозяйка плоха; Изба не без крыши*.

В ПЕ наименования жилища вступают в бинарные отношения, свидетельствующие о широком спектре ассоциативно-тематических связей и создающие убедительную картину особенностей жилища как строения и его функций.

ПЕ для анализа (176 русских и 82 китайских) почерпнуты из источников [6, 13, 28]. Методы анализа – компонентный, семантический, лингвокультурологический, сравнительно-сопоставительный.

В типологии биномов нами выделены отдельные разряды в зависимости от того, в каком аспекте жилище рассматривается говорящими. В первую группу входят биномы, отражающие представления о жилище как строении, о его устройстве.

Прилегающая к дому территория – *двор* – неотъемлемая часть русского крестьянского жилища: 1. Участок земли при доме. 2. Крестьянский дом со всеми постройками. 3. Помещение, постройка для скота, хозяйственного инвентаря [25, т. 1, с. 370]. Двор осмысляется как «часть жилого, освоенного пространства», а также в значениях ‘дом’, ‘изба’, ‘семья’ [24, т. 2, с. 31]. Ср.: *Двор, что город, изба, что терем; Чей двор, того и хоромы*. В ПЕ *Уйдем всем двором, опричь хором, а дом подопрет колом* словосочетание *всем двором* основано на метонимии: ‘все, кто населяет двор’. Двор ограничивает дом от «внешнего мира»: *В избе светло, а на дворе светлей того; Изба крепка запором, а двор – забором*.

ПЕ участвуют в отражении повседневного образа жизни крестьянской семьи. Женщины заняты домашними делами в доме, а мужчины трудятся во дворе: *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*. Двор – это и место проведения некоторых видов сельскохозяйствен-

ной работы работы: *На дворе молотится, так в избе не колотится.*

В русских ПЕ упоминаются части жилища как строения – *крыша* (*Хоть дом худ, да крыша крепка* и др.), *матица* (*Мужик в семье, что матица в избе*), *двери* и *окна* (*Хоромина хороша, да окошки кривы; По избе ходит, а дверей не найдет*). Китайские ПЕ также отмечают значимость основания строения (立屋要好梁柱 *Строительство дома требует хорошей матицы*; 不怕楼房高, 只要根基牢 – *Не страшна высота здания, был бы фундамент крепок*) и важность материала для возведения дома: 鲁班无木难造屋 – *Мастер Лу Бань испытывает затруднения со строительством дома без дерева*; Лу Бань — великий китайский ремесленник эпохи Чуньцю (от 770 года до н. э.); 一块砖垒不成墙, 一根椽子盖不成房 – *Из одного кирпича не сделать стены, из одного деревянного столба не построить дом* и др. – метафорически ПЕ указывают на невозможность действий в одиночку. Ср. рус. *Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле дыматся.*

В русских ПЕ на материал, из которого строится изба, косвенно указывают глагол *рубить*, названия инструментов и людей, строящих дом: *Не бравшись за топор, избы не срубишь; Плотник без топора, что изба без угла.*

В ПЕ представлены жилые помещения дома – например, *горница*: *Ходи, изба, ходи, горница, и печка и лавка пляшет. Пошла изба по горнице, сени по полатям.* В китайской культуре четко различаются *горница* и *спальня*, в хорошем доме в каждой из комнат светло и просторно, потому ироничная ПЕ 亮堂屋, 黑卧房 – *Горничная комната светлая, а спальня тёмная* указывает на контраст внешнего вида жилища и его реального состояния. Важны и подсобные помещения, примыкающие к жилой части избы и предназначенные для хозяйственных нужд: *Изба ходит, сени говорят; Чулан – другая изба; В избе стережет, а в клети не ведаёт.*

Весьма своеобразен в русских ПЕ компонент *угол*. С одной стороны, дом – строение квадратной или прямоугольной формы – не обходится без углов: *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится* – речь идет о внешних углах здания. В ПЕ *Кому новые хоромы, а у меня углы отгнили* состояние углов указывает на ветхость жилья. С другой стороны, по славянской традиции каждый внутренний угол в избе имеет некое культурное значение и функцию. *Красный (святой, передний) угол* – самое значимое место в избе, там размещаются иконы и лампада. *Печной (бабий, подовый) угол* – место, где готовится еда и

скапливается мусор, предназначенный для сжигания (*Из избы сору не выноси, а в уголок копи*).

ПЕ с компонентом *углы* обнаруживают некоторое противоречие; ср.: *Изба красна углами, обед – пирогами; В своей хате и углы помогают.* Углы здесь реализуют значение ‘внутреннее убранство, порядок, чистота’. Однако куда важнее угощение, которым хозяева встречают гостей: *Не красна изба углами, а красна пирогами* – одна из наиболее употребительных сегодня русских ПЕ. Угол получил в русском языке и общее значение ‘жилище, пристанище’ [25, т. 4, с. 459]). Ср.: *Хоть худенькая избушка, а свой уголок.*

Наиболее значимым элементом внутреннего устройства дома является печь. Ее основная функция – согревать дом: *Курна изба, да печь тепла; Не хвались печью в нетопленной избе.* Печь – место для сна, отводимое чаще детям и старикам: *В избе на печи да есть калачи очень хорошо* и др. (см. о функциях печи подробнее [19]).

В ПЕ сопоставляются два типа жилья, часто составляющих контраст по качеству и богатству: рус. *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку; Родная хижина милее каменных палат*; кит. 朱门生饿殍, 白屋出公卿 – *Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками.* О ценностном восприятии жилища, отразившемся в подобных ПЕ, см. также [22].

Наименования жилища в рамках бинома вступают и в синонимические отношения: *Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится* и т. д.

Вторую группу составляют биномы, отражающие представления о жилище как месте обитания человека и его семьи, где проходит повседневная жизнь и происходят важные жизненные события. Ср.:

рус. *изба Ц хозяин/ хозяйка, дом – хозяин/ хозяйка: Дом красится хозяином; Избушка тёпленька, а хозяйюшка добренька*; кит. 屋 – 主: 家无主, 屋倒竖 – *Хозяина нет, дом перевернется*, т. е. без хозяина в доме нет порядка;

рус. *изба – сосед: Иноходец в пути не товарищ, а больной в избе не сосед*; кит. 没有木头支不起房子, 没有邻居过不好日子 (*Без дерева дом не построишь, без соседей не проживешь*). В ПЕ обоих языков вербализуется идея важности выбора соседа, а не самого дома; ср. *Не купи избу, купи соседа* и кит. 房/宅 — 邻: 选房不如选邻 – *Лучше выбрать соседа, чем дом*;

рус. *дом – жена: Долговато (от слова долг) на дому, закладывать (‘отдавать в заклад’) придётся*

жену; кит. 屋 – 妻: 人若无妻, 如屋无梁 – Муж-чина без *жены*, как *дом* без *матицы* – здесь пересекаются два бинорма, реализующие также и метафорическое восприятие жены как основы дома;

рус. изба – дети: *Изба детьми весела*; кит. 房/茅屋 – 子弟/子孙: 千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 – *Даже если у человека дом с тысячей комнат и десять тысяч акров земли, детям следует бояться того, что внуки будут невоспитанными и капризными.*

Во многих ПЕ представлен бинорм, связывающий представление о жилище с гостями: *В недо-строенную избу гостей не приглашают; Просим на избу: красному гостю красное место*; Кит. 在家没客人, 在外没主人 – *Если не принимаешь гостей у себя в доме, в другом месте не примут тебя.*

В русском языке компонент *дом* часто встречается в ПЕ, говорящих о восприятии своего и чужого. Понятие «свой дом» – это не только строение, но и семейный уклад, заведенный порядок. Ср. ПЕ, акцентирующие внутреннюю свободу и независимость хозяина в своем доме: *Свой дом – своя и воля; Свой домик – свой простор* – т.е. на своей территории человек испытывает чувство защищенности, покоя. Русские ПЕ допускают благополучное существования в любом жилище, если человек окружен любимыми людьми: *Хоть в лесной избушке жить, да с любимым быть.*

В китайских ПЕ связь психологического состояния хозяина с его жилищем отражается следующим образом: 屋/茅屋 – 心: 心安茅屋稳 – *Когда живёшь со спокойной совестью, чувствуешь себя в безопасности даже в соломенной хижине.* Плохое жильё не мешает человеку жить в мире с самим собой: 宁叫心宽, 不叫屋宽 – *Лучше сердце*

широкое (т.е. радостное восприятие жизни), чем *просторный дом.*

В китайских ПЕ дом предстает как богатство, но не материальное, а духовное; для его обретения требуется обучение: 房/屋 — 书: 书中自有黄金屋 – *Золотой дом кроется в книгах.*

Представления, реализуемые в ПЕ, отражают, как мы видим, ряд общих для русских и китайцев идей, а также этномаркированные установки.

Таким образом, изучение пословиц двух языков показывает, что жилище (дом, изба и т.д.) воспринимается в обеих культурах как жизненно необходимое, как залог существования человека. В ПЕ отразились представления о жилище как объекте бытовой сферы – это касается правил, соблюдаемых при постройке жилища, и необходимых его составляющих, типичных для жилой постройки народного типа. Чаще других здесь в русских ПЕ фигурирует *изба* как ценностно-нейтральный «представитель» в ряду наименований жилища и *дом*, рассматриваемый и как строение жилого типа, и как место обитания семьи, хотя в целом спектр наименований жилища в паремике весьма широк (*шалаш, избушка, дом, угол, терем, хоромы* и т.д.). Вместе с тем, в ПЕ обнаруживается и восприятие дома как духовной ценности, гарантирующей свободу и защищенность, как области проявления определенных психических состояний и эмоций, сложившихся отношений.

Анализ частотных бинарных отношений между компонентами ПЕ о жилище подтверждает наличие разнообразия ассоциативных связей, на которых основаны выражаемые пословицами идеи и установки; они воссоздают образ жилища, отразившегося в выражениях народной мудрости. Бинормы, как и паремийные идеи, служат показателем кросс-культурных различий и сходств в видении объектов окружающего мира.

Литература

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. Л.: Наука, 1983. 191 с.
2. Бобровник Л.А. Структура концепта «Дом» в английской, русской и белорусской лингвокультуре (на материале пословиц) // European Scientific Conference: сб. ст. X Междунар. научн.-практ. конф. Ч. 1. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 199 – 201.
3. Бредис М.А. Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) // Вестник Орловского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 234 – 238.
4. Воробьева Л.Б. Символические смыслы соматизма язык в русских и литовских пословицах // Вестник НовГУ. 2014. №77. С. 105 – 107.
5. Гриченко Л.В. Особенности семантики и функционирования фитонимов в русских пословицах // Гуманитарные и социальные науки. 2019. С. 122 – 129.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд. худ. литературы, 1957. 992 с.
7. Жекеева Е.З. Пословицы о семье и доме в карачаево-балкарском и русском языках // Заметки ученого. 2015. № 1-1. С. 44 – 49.

8. Зиновьева Е.И., Цао Цзяци. Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки НовГУ. 2020. № 2 (27). С.14 – 18.
9. Иванова Е.В. Пословичные картины мира: (на материале англ. и рус. пословиц). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. 155 с.
10. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с. (Slavica Petropolitana).
11. Кострубина Е.А. Гиперконцепт Семья/Дом – Family/Home в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 157 с.
12. Кузнецова И. В. Еще раз об эквивалентности паремий разных языков // Rossica Olomucensia XLVI-II. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008. P. 363 – 366.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
14. Мороз В.В., Рымарович С.Н. Концепт «Дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 59 – 68.
15. Никитина Т.Г. Пословицы с компонентами-астионимами: лакунарность и межъязыковой параллелизм // Вестник Псковск. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 111 – 115.
16. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
17. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
18. Селиверстова Е.И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 115 – 130.
19. Селиверстова Е.И. Векторы ассоциаций как составляющие паремийного концепта // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ, 2012. С. 94 – 96.
20. Селиверстова Е.И. Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1. С. 182 – 200.
21. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2017. 345 с.
22. Селиверстова Е.И., Ван Исюань. Жилое строение как свидетельство материального достатка / бедности в русских паремиях на фоне китайских // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 90 – 99.
23. Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо. Русские и китайские пословицы с зоосемическим компонентом // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2013. С. 451 – 456.
24. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. 702 с.
25. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1, 4. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 696 с. Т. 4. 800 с.
26. Сюй Х. Русские паремии с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 137 с.
27. 张宏 中国古代住居与住居文化. 湖北长江出版社. 2006年. 326页 (Чжан Хун. Жилище и культура проживания в Древнем Китае. Хубэй: Изд-во Хубэй Чанцзян, 2006. 326 с.).
28. 温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年 638页 (Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. 638 с.).

References

1. Bajburin A.K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan: monografija. L.: Nauka, 1983. 191 s.
2. Bobrovnik L.A. Struktura koncepta «Dom» v anglijskoj, ruskoj i belorusskoj lingvokult'ure (na materiale poslovic). European Scientific Conference: sb. st. X Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. Ch. 1. Penza: Nauka i prosveshhenie, 2018. S. 199 – 201.
3. Bredis M.A. Den'gi i bogatstvo v poslovicah raznyh narodov (na materiale russkogo, latyshskogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov). Vestnik Orlovskogo gos. un-ta. 2012. № 4. S. 234 – 238.

4. Vorob'eva L.B. Simvolicheskie smysly somatizma jazyk v russkih i litovskih poslovicah. Vestnik NovGU. 2014. №77. S. 105 – 107.
5. Grichenko L.V. Osobennosti semantiki i funkcionirovanija fitonimov v russkih poslovicah. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2019. S. 122 – 129.
6. Dal' V.I. Poslovicey russkogo naroda. M.: Gos. izd. hud. literatury, 1957. 992 s.
7. Zhekeeva E.Z. Poslovicey o sem'e i dome v karachaevo-balkarskom i russkom jazykah. Zametki uchenogo. 2015. № 1-1. S. 44 – 49.
8. Zinov'eva E.I., Cao Czjaci. Lingvokul'turograficheskoe opisanie russkih poslovic s komponentom-nazvanijem nasekomogo (na fone kitajskogo jazyka). Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 2 (27). S.14 – 18.
9. Ivanova E.V. Poslovichnye kartiny mira: (na materiale angl. i rus. poslovic). SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2002. 155 s.
10. Kolesov V.V. Jazyk i mental'nost'. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 240 s. (Slavica Petropolitana).
11. Kostrubina E.A. Giperkoncept Sem'ja/Dom – Family/Home v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011. 157 s.
12. Kuznecova I. V. Eshhe raz ob jekvivalentnosti paremij raznyh jazykov. Rossica Olomucensia XLVI-II. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008. P. 363 – 366.
13. Mокienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic. M.: OLMA Media Grupp, 2010. 1026 s.
14. Moroz V.V., Rymarovich S.N. Koncept «Dom»: istoriko-filosofskie i kul'turfilosofskie osnovanija. Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2 (30). S. 59 – 68.
15. Nikitina T.G. Poslovicey s komponentami-astionimami: lakunarnost' i mez#jazykovej parallelizm. Vestnik Pskovsk. gos. un-ta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2014. № 4. S. 111 – 115.
16. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii. M.: Nauka, 1988. 235 s.
17. Savenkova L.B. Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. 240 s.
18. Seliverstova E.I. Binarnye struktury v tuvinskih poslovicah kak projavlenie nacional'no-markirovannogo videnija mira. Novye issledovanija Tuvy. 2022. № 1. S. 115 – 130.
19. Seliverstova E.I. Vektory asociacij kak sostavljajushhie paremijnogo koncepta. Nacional'no-kul'turnyj i kognitivnyj aspekty izuchenija edinic jazykovej nominacii : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kostroma: KGU, 2012. S. 94 – 96.
20. Seliverstova E.I. Opyt vyjavlenija poslovichnogo binoma i problema variantnosti. Russkij jazyk v nauchnom osvshhenii. 2009. № 1. S. 182 – 200.
21. Seliverstova E.I. Prostranstvo russkoj poslovicey: postojanstvo i izmenchivost'. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2017. 345 s.
22. Seliverstova E.I., Van Isjuan'. Zhiloe stroenie kak svidetel'stvo material'nogo dostatka. bednosti v russkih paremijah na fone kitajskih. Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. 2021. № 3 (112). S. 90 – 99.
23. Seliverstova E. I., Cjen Kun'-czjao. Russkie i kitajskie poslovicey s zoosemicheskim komponentom. Kognitivnye faktory vzaimodejstvija frazeologii so smezhnymi disciplinami. Belgorod: Izd. dom «Belgorod», 2013. S. 451 – 456.
24. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1999. T. 2. 702 s.
25. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. T. 1, 4. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. T. 1. 696 s. T. 4. 800 s.
26. Sjuj H. Russkie paremii s komponentom-zoonimom v lingvokul'turologicheskom aspekte (na fone kitajskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2012. 137 s.
27. 张宏 中国古代住居与住居文化. 湖北长江出版社. 2006 年. 326 页 (Chzhan Hun. Zhilishhe i kul'tura prozhivanija v Drevnem Kitae. Hubjej: Izd-vo Hubjej Chanczjan, 2006. 326 s.).
28. 温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011 年 638 页 (Ujen' Duan'chjen. Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. Shanhaj: Shanhajskoe slovarnoe izd-vo, 2011. 638 s.).

*Wang Yixuan, Postgraduate,
Saint Petersburg State University*

**PROVERBIAL BINOMIAL AS A MANIFESTATION OF STEREOTYPICAL
REPRESENTATIONS (BY THE MATERIAL OF RUSSIAN
AND CHINESE PROVERBS ABOUT HOUSING)**

Abstract: a dwelling is not only a place of person's residence, a material property, but also a manifestation of spiritual culture, so housing culture can be divided into two aspects: 1. the architectural form and method of building a dwelling. 2. habits of living, determined by the social attributes of a person, its stereotypical perception of the world. In the proposed study focused on stereotypical representations embodied on the material of Russian and Chinese proverbs about housing we use the methods of linguoculturological analysis to find the universalities and differences between Russian and Chinese housing cultures. The analysis of the binary relations between the components of paremias that speak of housing confirms the presence of a wide range of associative connections on which proverbs and linguocultural attitudes are based; they recreate the image of a dwelling reflected in expressions of folk wisdom. At the level of binomials, the main features of the dwelling as a structure, its components and their functions, elements of the internal structure of the house, the connection of the house with its inhabitants and neighbors, as well as the perception of the house as a reliable protection, a guarantor of freedom and will, are revealed. Binomials, like paremia ideas, serve as an indicator of cross-cultural differences and similarities in the vision of objects of the surrounding world by representatives of various cultures.

Keywords: housing, Russian and Chinese proverbs, proverbial binomial, stereotypical representations, linguoculturological aspect

*Васильева Н.М., кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА УЛУСНЫХ (РАЙОННЫХ) ГАЗЕТ

Аннотация: целью исследования является выявление и типологизация нарушений орфографических норм якутского языка в материалах улусных (районных) газет. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) отбор улусных (районных) якутоязычных газет для мониторинга; 2) орфографический обзор газетных материалов; 3) оценка частотности употребления и форм написания (в русском начертании/фонетизированном виде) заимствованных слов в улусных (районных) газетах; 4) анализ типичных нарушений правил якутской орфографии в улусных (районных) газетах. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем охарактеризованы типичные нарушения и отступления от орфографических норм якутского языка в материалах улусных (районных) газет. Особое внимание уделяется правописанию заимствованных из русского языка слов. В ходе анализа мы пришли к выводу, что в улусных (районных) газетах прочно закрепилось правописание в фонетизированном виде многих широкоупотребительных заимствованных слов, основы которых ранее передавались в медиаматериалах в исходной форме.

Ключевые слова: якутский язык, улусные (районные) газеты, якутская орфография, правила орфографии, орфографические нормы, заимствованные слова

Актуальность темы обусловлена тем, что публикации СМИ (медиатексты), в том числе тексты периодических печатных изданий (газет) сохраняют исследовательский интерес как для собственно лингвистических исследований, так и для социолингвистики. Это обусловлено, прежде всего, давно доказанным влиянием СМИ на состояние и развитие современных языков, формирование речевой культуры населения. С учетом изложенного после утверждения в 2015 г. Правил орфографии и пунктуации якутского языка и изданием «Орфографического словаря якутского языка» Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН проводится мониторинг соблюдения орфографических норм в материалах якутоязычных печатных СМИ при участии автора статьи. Данный мониторинг предполагает постоянный анализ печатных СМИ для выявления современного состояния орфографического режима в республике, изучения его динамики. В Республике Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) из 220 официально зарегистрированных средств массовой информации (СМИ) на якутском языке выходят 9 республиканских и городских газет, 23 улусных (районных) газеты, новости на сайтах Ulus.media, Edersaas.ru, Kuum.ru, Sakhaparlament.ru, Kiin_kuorat.ru, Aartyk.Ru, SakhaLife.ru и т.д. [1]. В предлагаемой статье подвергаются анализу материалы 5 улусных (районных) газет. Отбор газет производился:

- по критерию расположения улусов в республике – по географическому разнообразию, влияющему на бытование якутского языка и его говоров;

- с учетом основных параметров СМИ – тип, форма собственности, тематическая направленность, читательская аудитория.

В целом, в рамках исследования было проанализировано 5 наименований газет и 114 номеров: в Центральной зоне – «Энсиэли» (Намский улус), №№1 – 26; в Заречье – «Эркээйи» (Мегино-Кангаласский улус), №№1 – 34, «Амма олоҕо» (Амгинский улус), №№1 – 20; в Вилюйской зоне – «Сунтаар сонуннара» (Сунтарский улус), №№1 – 22; в Арктической зоне – «Анаабыр уоттара» (Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус), №№1 – 10 за 2022 год.

Учредители данных газет – Правительство Республики Саха (Якутия), ГАУ РС(Я) «Сахапечать». Все издания являются государственными, печатными (с электронными версиями), по тематической характеристике – общественно-политические, по типу материалов – информационно-аналитические, художественно-публицистические, рассчитаны для широкого круга читателей от 12 лет.

Теоретической базой данного исследования послужили труды отечественных ученых Л.А. Нестерской, Е.Ю. Скороходовой, Н.И. Ивановой и т.д. Результаты настоящего исследования в части орфографирования заимствованных слов имеют теоретическую значимость для дальнейшей разработки теории современной якутской орфографии, а практическую значимость – для подготовки будущих и повышения квалификации и переподготовки действующих журналистов и работников СМИ. Анализ газетных материалов осуществлен в соответствии с нормами и требованиями следующих кодифицированных источников: «Орфогра-

фического словаря якутского языка» (далее – ОСЯЯ) [2], «Правил якутской орфографии и пунктуации» (далее – ПЯО) [3]. Изучение особенностей орфографии улусных (районных) газет проведено с использованием метода сплошной выборки, а также описательного и сопоставительного методов.

В настоящее время язык СМИ выполняет роль функции нормализатора. Об этом говорят многие исследователи. Так, Л.А. Нестерская отмечает, что «к началу XXI века язык СМИ становится эталонным нормотворческим фактором, влияющим не только на формирование нормы современного русского литературного языка, но на этническую языковую культуру в целом, так как происходит несомненное усреднение, массовизация речевого стандарта» [4, с. 515]. Изучение текстов современных СМИ показывает «не общее нормативное ослабление языка в аспекте его функциональной дифференциации, а, наоборот, перераспределение и даже формирование новых норм» [5, с. 31-32].

Несмотря на проводимые социологическое исследование улусных (районных) газет [6], оценку функционирования государственных языков РС(Я) в СМИ [7], изучение языка и стиля якутской периодической печати [8], анализ орфографии якутоязычных СМИ [9-11], диалектных особенностей текстов улусных (районных) газет [12], еще рано говорить о полной изученности и широком охвате тематики исследований материалов периодической печати на якутском языке.

Улусные (районные) газеты по типу аудитории ориентированы на сельских жителей, в них освещаются в основном местные, локальные новости, а также уделяется внимание новостям и проблемам республиканского, государственного и международного уровня, журналисты районных газет стараются «полноценно удовлетворять информационные потребности своей аудитории, консолидировать ее, выступать фактором этнокультурного развития, содействовать сохранению и развитию национальных ценностей, национальной культуры, органично вписанной в российскую и мировую культуру» [6, с. 178], поскольку в целом «медиапространство характеризуется локальной содержательной маркированностью, что не может не отражаться на газетной публикации» [13, с. 280].

Орфография газеты «Энсиэли»

Структура издания:

1. «Энсиэли» (по названию долины, где расположен улус) – газета МО «Намский улус (район)» РС(Я).

2. Издается с 5 октября 1935 г. (прежние названия «Колхоз кырдыга», «Ленин суола»). Выходит один раз в неделю общим тиражом около 900-1050 экземпляров.

3. Имеются страницы в социальных сетях – Телеграм-канал: <https://t.me/Ulus.media>; ВКонтакте: Газета Энсиэли, Энсиэли.РФ.

4. Номинация «Лучшая газета» 1996, 2005, 2009 гг.

5. Состоит из 8 стр.

6. Формат листов – А3, объем 2 п.л.

За указанный период всего рассмотрено и проанализировано 26 номеров газеты. В среднем в одном номере используется около 9000 слов, из них заимствованных слов – около 660, в русском начертании – около 250. По итогам анализа выделяем следующее:

Положительные тенденции:

- при правописании якутских слов нарушений правил орфографии не обнаружено;

- в издании многие заимствованные слова орфографируются в фонетизированной форме по ОСЯЯ, например, *аахсыя* ‘акция’, *бибилэтиэкэ* ‘библиотека’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *бэрэсидьиэн* ‘президент’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *иниспиэктэр* ‘инспектор’, *куонкурус* ‘конкурс’, *кэнсиэр* ‘концерт’, *министиэриститэ* ‘министерство’, *мээрийэ* ‘мэрия’, *маастар-кылаас* ‘мастер-класс’, *сийиэс* ‘съезд’, *систизэмэ* ‘система’, *сэкирэтээр* ‘секретарь’, *устуоруйа* ‘история’, *пуун* ‘пункт’, *ыстатыыстыка* ‘статистика’ и т.д.

Нарушения орфографических правил и ОСЯЯ:

- *муһуой* (ОСЯЯ: *мусуой*), *бэдэрээччит* (ОСЯЯ: *бэдэрээтчит*) и т.д.

- заимствованные слова используются в двух вариантах: *государственной/судаарыстыбаннай, депутат/дьокутаат, интернет/интэриниэт, кризис/кириисис, культура/култуура, министр/миниистир, объект/эбийиэк, политика/бэлиитикэ, республика/өрөспүүбүлүкэ, специалист/истисэлиис* и т.д.

В материалах газеты встречаются случаи фонетизации заимствованных слов, не вошедших в ОСЯЯ, например, *мэдиссиинэ* ‘медицина’, *үнүстүүт* ‘институт’, *бакыллыат* ‘факультет’, *үнүбэрсизэт* ‘университет’ и др., что соответствует примечанию правила №43 ПЯО о правописании основ заимствованных слов.

Орфография газеты «Эркээйи»

Структура издания:

1. «Эркээйи» (с якут. «метка, вежа») – общественная газета МО «Мегино-Кангаласский улус (район)» РС(Я).

2. Издается с 5 декабря 1937 г. (прежние названия «Колхоз кырдыга», «Ленинскэй знамя»). Выходит один раз в неделю в четверг общим тиражом 1200 экземпляров. С 2010 г. выходит русская версия газеты «Эркээйи-экспресс».

3. Награждена знаками «Золотой фонд прессы III степени» (2016), «Золотой фонд прессы» (2022).

4. Имеет интернет-версию, страницы в социальных сетях – Телеграм-канал: <https://t.me/gazetaerkeii>; Ulus.media; ВКонтakte: Газета Эркээйи.

5. Состоит из 12 стр.

6. Формат листов – А3.

Редакция газеты на страницах своей газеты (2016) выступила с призывом к корреспондентам и читателям придерживаться утвержденных Правительством РС(Я) правил орфографии якутского языка.

За указанный период всего рассмотрено и проанализировано 34 номера газеты. В среднем в одном номере используется 14400 слов, из них заимствованных из русского языка слов – около 1300, в т.ч. в фонетизированном виде – 1194 слов, в русской форме начертания – 106 слов.

При правописании исконно якутских слов в рассмотренных медиаматериалах каких-либо орфографических ошибок не обнаружено.

Широкоупотребляемые заимствованные слова последовательно пишутся в фонетизированном виде по ОСЯЯ.

Встречаются аномативное использование заимствованных слов:

- некоторые заимствованные слова пишутся в русской форме начертания, например, *маршрут* (ОСЯЯ: *морсуруут*) (здесь и далее в скобках кодифицированное написание – *НВ*).

- обнаружено написание русских слов вопреки фонетическим законам якутского языка, например, *бааза* (*база*).

В номерах газеты встречаются случаи употребления заимствованных слов, не регламентированных ОСЯЯ, например, *кэллиэксийэньиэр* ‘коллекционер’, *ыспартакыйаада* ‘спартакиада’, *ипэтиэкэ* ‘ипотека’, *мэдиссиинэ* ‘медицина’ и т.д.

Орфография газеты «Амма олоҕо»

Структура издания:

1. «Амма олоҕо» (с якут. жизнь Амги) – газета МО «Амгинский улус (район)» РС(Я).

2. Издается с 5 апреля 1933 г. (прежнее название «Коммунизм тутуутугар»). Выходит один раз в неделю в общем тиражом 1030 экземпляров.

3. Имеются страницы в социальных сетях – ВКонтakte: vk.com/suntaar_sonunnara; Телеграм-канал: https://t.me/amma_olo5o, Ulus.media.

4. Газета состоит из 8 стр.

5. Формат листов – А3, объем 2 п.л.

За указанный период всего рассмотрено 20 номеров газеты.

Анализ материалов газеты показал следующее:

- в среднем в одном номере используется около 10000 слов, из них заимствованных из русского языка слов – около 600, в том числе фонетизированных написаний – 450; нефонетизированных – около 150;

- последовательно по словарю фонетизируются заимствованные слова, например, *баартыйа* ‘партия’, *бүддьүөт* ‘бюджет’, *бырабыталыстыба* ‘правительство’, *бэлиитикэ* ‘политика’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *гаас* ‘газ’, *духуобунай* ‘духовный’, *култуура* ‘культура’, *куонкурус* ‘конкурс’, *кыбартыыра* ‘квартира’, *ньиэп* ‘нефть’, *пуун* ‘пункт’, *суруналыыс* ‘журналист’, *судаарыстыбаннай* ‘государственный’, *уопсастыба* ‘общество’, *учуонай* ‘ученый’, *ырыынак* ‘рынок’ и т.д.;

- русские географические названия даются в якутизированном варианте по правилу № 44 ПЯО, например, *Арасыйа*;

- допускается ряд орфографических ошибок при написании слов, например: *ангар*, *энэр* (ОСЯЯ: *ангаар*, *энээр*), *бытархан* (ОСЯЯ: *бытарҕан*), *бэдэрээтчик* (ОСЯЯ: *бэдэрээтчит*), *дэсээтэй* (ОСЯЯ: *дэһээтэй*), *колхуос* (ОСЯЯ: *холкуос*), *син биир* (ОСЯЯ: *син биир*), *төлөппүүннээ* (ОСЯЯ: *төлөпүүннээ*), *хайы-үйэ* (ОСЯЯ: *хайыы үйэ*), *эпэрээсийэ* (ОСЯЯ: *эпэрээссийэ*).

- зафиксированы слова с вариантными написаниями, например: *ангар/ангаар*, *редакция/эрэдээксийэ*, *фронт/боруон*, *хортуюоска/хортуоппуй* и др.

- встречаются случаи употребления заимствованных слов приближенно к их прототипам, например: *бааза* (*база*), *буудка* (*будка*);

- названия якутских географических наименований, например, *Мэнэ-Хангалас*, *Уус-Алдан* пишутся через дефис (в соответствии с правилом № 60 ПЯО без дефиса: *Мэнэ Хангалас*, *Уус Алдан*).

Орфография газеты «Сунтаар сонуннара»

Структура издания:

1. «Сунтаар сонуннара» (с якут. «новости Сунтара») – общественно-политическая газета МО «Сунтарский улус (район)» РС(Я).

2. Издается с апреля 1938 г. (прежнее название «Ильич уоттара»). Выходит один раз в неделю в пятницу общим тиражом 1480 экземпляров.

3. Имеются страницы в социальных сетях – ВКонтakte: vk.com/suntaar_sonunnara; Одноклассники: Сунтаар Сонуннара; Телеграм-канал: https://t.me/suntaar_sonunnara, <https://t.me/Ulus.media>; интернет-сайт: [сунтаар сонуннара.рф](https://suntaar_sonunnara.rf).

4. Состоит из 8 стр.

5. Формат листов – А3, объем 2 п.л.

За указанный период всего рассмотрено 22 номера газеты.

В среднем в одном номере используется 10200 слов, из них заимствованных из русского языка слов – около 440, в т.ч. 365 слов в фонетизированном виде, что составляет 83 %, на основе языка-источника – 75 слов, соответственно – 17%.

Последовательно фонетизируются большинство заимствованных слов по ОСЯЯ, например, *ааптар* ‘автор’, *аахсыйа* ‘акция’, *гаас* ‘газ’, *бүддүүэт* ‘бюджет’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *бырамысыланнас* ‘промышленность’, *бэлиитикэ* ‘политика’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *дьокутаат* ‘депутат’, *исписэлиис* ‘специалист’, *култуура* ‘культура’, *саайт* ‘сайт’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *сэкирэтээр* ‘секретарь’, *пуорт* ‘порт’, *успуорт* ‘спорт’, *эрэгийиэн* ‘регион’, *эспэдииссийэ* ‘экспедиция’ и др.

Русские географические названия и фамилии иногда даются в якутизированном варианте по ПЯО, например, *Арасыйыа*, *Сибизэрэп*.

В газетных материалах зафиксированы слова с вариантными написаниями, например: *анализ/анаалыс*, *штаб/ыстаап*, *контракт/хантараак* и т.д.

Русизм *конкурс* в газетных материалах последовательно орфографируется как *куонкурус*, что не соответствует ОСЯЯ: *куонкурус*.

Неправильно фонетизированы заимствованные слова, например: *бэдэрээччик* (ОСЯЯ: *бэдэрээтчит*), *хампааныйа* (ОСЯЯ: *хампаанья*), *дуобаччыт* (ОСЯЯ: *дуобатчыт*), *аакта* (ОСЯЯ: *аак*), *испэктээх* (ОСЯЯ: *испэктээк*) и др.

Встречаются случаи употребления заимствованных слов приближенно к их прототипам, например: *бааза* (*база*), *реестир* (*реестр*), *теплицэ* (*теплица*, в фонетизированном виде по ОСЯЯ – *тэтилиссэ*), *эмблемэ* (*эмблема*, в фонетизированном виде по ОСЯЯ – *эмбилиэмэ*).

Орфография газеты «Анабыр уоттара»

Структура издания:

1. «Анабыр уоттара» (с якут. «огни Анабара») – газета МО «Анабарский национальный (долгановенский) улус (район)» РС(Я).

2. Издание выходит на якутском и русском языках с 5 октября 1956 г. один раз в неделю общим тиражом 230 экз.

3. Имеются страницы в социальных сетях – Телеграм-канал: <https://t.me/anabarskiogni>, Ulus.media.

4. Газета состоит из 8 стр.

5. Формат листов – А4, объем 1,5 п.л.

Нами рассмотрено 10 номеров газеты. В одном номере издания в среднем используется около

5300 слов, из них заимствованных слов – около 300.

Нарушений орфографических правил по части правописания исконно якутских слов нами не выявлено.

Русизмы *банк*, *бюджет*, *капитал*, *министерство*, *программа*, *ремонт*, *политика*, *промышленность*, *студент*, *съезд* и т.д. используются последовательно в фонетизированном виде по словарю: *баан*, *бүддүүэт*, *хапытаал*, *министиэристикэ*, *бырагыраама*, *өрөмүөн*, *бэлиитикэ*, *бырамысыланнас*, *устудьуон*, *сийиэс* и т.д.

Нарушается правило №23 о правописании долгого согласного *нн* в именах существительных с конечным согласным *н* во множественном числе, например, *чилиэттэр* (*чилиэннэр*).

Широкоупотребительные фонетизированные заимствованные слова передаются в русской форме начертания, например, *ветеран* (ОСЯЯ: *бэтэрээн*), *интернет* (ОСЯЯ: *интэриниэт*), *республика* (ОСЯЯ: *өрөспүүбүлүкэ*), *специалист* (ОСЯЯ: *исписэлиис*) и т.д.

В целом, по орфографированию русизмов в материалах улусных (районных) газет можно сказать следующее:

- в газетах прочно закрепилось правописание заимствованных слов, таких как, например, *бүддүүэт* ‘бюджет’, *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *гаас* ‘газ’, *дастабырыанья* ‘удостоверение’, *дьокутаат* ‘депутат’, *дириэктэр* ‘директор’, *култуура* ‘культура’, *куурус* ‘курс’, *куонкурус* ‘конкурс’, *ньиэп* ‘нефть’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *уорган* ‘орган’, *устудьуон* ‘студент’, *уопут* ‘опыт’ и т.д. в фонетизированном виде, которые ранее употреблялись редакциями газет в русской форме;

- имеются варианты написаний заимствованных слов, например, *ветеран/бэтэрээн*, *герой/дьоруой*, *искусство/ускуустуба*, *история/устуорууа*, *кадр/каадыр*, *кубок/куубак*, *лицей/лиссизэй*, *музей/мусуой/түмэл*, *политика/бэлиитикэ*, *поэт/бэйиэт*, *редакция/эрэдээксийэ*, *секция/сиэксийэ*, *спорт/успуорт*, *стандарт/ыстандаарт*, *специалист/исписэлиис*, *театр/тыйаатыр*, *чемпион/чөмпүйүөн* и др.;

- редакции газет предлагают свои варианты якутского написания заимствованных слов, не включенных в ОСЯЯ, например: *батсаап/бассаап* ‘ватсап (WhatsApp)’, *дуойка* ‘дойка’, *дьаабынас* ‘диагноз’, *илиис* ‘лист’, *ипэтиэкэ* ‘ипотека’, *КуАр куод*, *куйаар куод* ‘Q-код’, *көңкүрүөнсүйэ* ‘конкуренция’, *курууппа* ‘группа’, *кыраамата* ‘грамота’, *кэллиэктэр* ‘коллектор’, *кэмпилимиэн*

‘комплимент’, *кэмпириэссэр* ‘компрессор’, *литэрэтиирэ* ‘литература’, *лотуос* ‘лотос’, *миэдик* ‘медик’, *мэдициинэ* ‘медицина’, *мусукаан* ‘музыкант’, *сомпуун* ‘шампунь’, *сыбаанньа* ‘звание’, *физкултуура* ‘физкультура’, *холодуонка* ‘кладовка’, *хомсомулус* ‘комсомолец’, *эрэсиэрбэ* ‘резерв’, *субонуоктаа* ‘звонить’, *устуорук* ‘историк’, *үнүстүүт* ‘институт’, *ыспарсымыан* ‘спортсмен’, *ыстаапка* ‘ставка’, *ыспартакыйаада* ‘спартакиада’, *ыстахаанабыс* ‘стахановец’, *эрэсиэрбэ* ‘резерв’ и т.д.;

- в газетах некоторые русские географические названия пишутся в якутизированном варианте по правилу № 44 ПЯО, например, *Арассыыйа* ‘Россия’, *Дьобуруона* ‘Европа’, *Дьоппуонньа* ‘Япония’, *Ииндийэ* ‘Индия’, *Москуба* ‘Москва’, *Эмиэрикэ* ‘Америка’ и т.п.;

- русские прилагательные также подвергаются законам якутской фонетики, например: *бырамыысыланнай* ‘промышленный’, *бэлитиичэскэй* ‘политический’, *бэтэринээринэй* ‘ветеринарный’, *духуобунай* ‘духовный’, *култуурунай* ‘культурный’, *өрөспүүбүлүкэтээби* ‘республиканский’, *духуобунай* ‘духовный’, *табаарынай* ‘товарный’, *тэхиниичэскэй* ‘технический’, *уопсастыбаннай* ‘общественный’, *экэнэмиичэскэй* ‘экономический’ и т.д. В то же время встречаются неправильные написания прилагательных типа *култуурнай*, *саахарнай* (например, в газетах «Анабыр уоттара», «Сунтаар сонуннара») (*култуурунай*, *саахарынай*);

- поддерживается инициатива газет по использованию удачных якутских неологизмов, широко употребляющихся как в речевой, так и в письменной практике, вместо русизмов: *түмэл* вм. *мусуой*, *билим* вм. *наука*, *урбаан* вм. *предпринимательство*, *урбаанньыт* вм. *предприниматель*.

В ходе анализа газетных материалов выявлены следующие колебания орфографической нормы (нарушения ПЯО и ОСЯЯ), например:

1) правило №5: употребление слова *аньыы* по старой орфографии: *айыы*;

2) правило №15: в газетах (кроме газеты «Эркэйи») в основах слов, допускающих в произношении варианты типа *ангар/ангаар*, *энэр/энээр*, используется краткий гласный: *ангар*, *энэр*;

3) правило №23: при правописании имен существительных с конечным согласным *н* во множественном числе неправильно пишут: *сиэттэр*, *хаһаайыттар* (*сиэннэр*, *хаһаайыннар*);

4) правило №29: *прокатка* (*прокакка*);

5) правило №37: *киһээнги* (*киһээнги*),

6) правило №49: *стартка* (*старка*); *спортка* (ОСЯЯ: *успуорка*);

7) основы заимствованных слов, регламентированных в ОСЯЯ в фонетизированном виде, даются в русской форме начертания: *редакция* (*эрэдээксийэ*), *редактор* (*эрэдээктэр*), *футбол* (*путбуол*), *помидор* (*помудуор*), *диплом* (*дьупулуом*), *экономика* (*экэниэмикэ*), *мелодист* (*мэлэдьиис*), *почта* (*буоста*), *герой* (*дьоруой*), *экономика* (*экэниэмикэ*), *концепция* (*кэнсиэпсийэ*), *инфляция* (*импилээссийэ*), *доллар* (*дуоллар*), *лидер* (*лиидэр*), *президент* (*бэрэсидьин*), *энергия* (*эниэргийэ*) и др.

8) вопрос дефисных написаний заимствованных слов также относится к разряду актуальных в современном якутской орфографии. Слова типа *мастер-класс* в газетах иногда используются без дефиса: *маастар кылаас*. По правилам русской орфографии, лексические единицы с несклоняемым словом в препозиции пишутся через дефис [14], поэтому рекомендуется написание таких слов в якутском языке через дефис: *маастар-кылаас* [2. С. 176] и т.д.;

9) следующий тип отступлений от орфографической нормы представляет собой некорректное оформление русизмов приближенно к их прототипам, например: *бааза* (*база*, последовательно употребляется, например, в газете «Эркэйи»), *кандидаат* (ОСЯЯ: *хандьыдаат*), *литератуура* (*литература*), *медициинэ* (*медицина*, в последнее время в якутоязычных СМИ чаще используется фонетизированный вариант: *мэдициинэ*), *специалист* (ОСЯЯ: *исписэлиис*), *циркэ* (ОСЯЯ: *сыырка*), *энергетикэ* (ОСЯЯ: *энэргиэтикэ*), *этаап* (ОСЯЯ: *этээп*) и т.д.

Таким образом, результаты проведенного сравнительного анализа материалов улусных (районных) газет подтверждают ранее отмеченные выводы и коррелируют с данными предыдущих исследований. По итогам настоящего исследования зафиксированы:

1) позитивная динамика соблюдения ОСЯЯ в части правописания заимствованных слов в фонетизированном виде (прежде всего, в газетах «Эркэйи», «Сунтаар сонуннара»);

2) стойкая тенденция роста ответственности редакций газет за качество, в том числе языковое, публикаций.

Вместе с тем:

- сохраняется практика написания заимствованных слов по старой орфографии, а также самостоятельная, не регламентированная ОСЯЯ адаптация русизмов по фонетике якутского языка;

- наблюдаются случаи нарушения орфографических правил или отсутствия фонетизации заимствованных слов по ОСЯЯ, в том числе из-за не-

достаточной орфографической корректуры публикаций (например, в газетах «Энсиэли» и «Амма олоҕо»).

С учетом изложенного перспективными направлениями исследований в этой области яв-

ляются рассмотрение и отслеживание динамики и прогнозирование тенденций развития норм правописания в современных медиатекстах на якутском литературном языке.

Литература

1. Проблемы прессы на национальных языках. URL: <https://yakutsk-gid.ru/yakutsk-gid.ru> (дата обращения: 22.09.2022)
2. Орфографический словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2015. 480 с. (на якут. яз.).
3. Правила якутской орфографии и пунктуации. Якутск: Бичик, 2016. 480 с. (на якут. яз.).
4. Нестерская Л.А. Российская пресса в иностранной аудитории: традиции, опыт, тенденции // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 513 – 516.
5. Скороходова Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 32 с.
6. Свитич Л.Г., Сидоров О.Г., Смирнова О.В. Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): функционально-содержательная структура (по результатам опроса журналистов) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2015. № 3 (47). С. 163 – 179.
7. Иванова Н.И. Функционирование государственных языков РС(Я) в СМИ: социолингвистическая парадигма. Новосибирск: Наука, 2011. 240 с.
8. Борисова Н.М. Язык и стиль современной якутской периодической печати. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 176 с.
9. Васильева Н.М. Нарушение орфографических норм якутского языка в интернет-коммуникации // Современный ученый. 2021. № 4. С. 148 – 152.
10. Васильева Н.М. Особенности адаптации языка республиканских газет к новым правилам орфографии якутского языка // Вторая Якутская комплексная экспедиция: начало пути. Сборник научных статей. Якутск: Издательский центр СВФУ, 2017. С. 26 – 30.
11. Васильева Н.М. Современные тенденции в соблюдении орфографических норм якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 86 – 92. DOI: 10.25693/SVGV.2019.03.28.11
12. Николаев Е.Р. Диалектная лексика газетного корпуса текстов якутского языка (на материале улусной газеты «Томпо илдьитэ» («Томпонский вестник»)) // Российский гуманитарный журнал. 2021. № 5. С. 358 – 363. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.6
13. Лавицкий А.А. Общеславянские концепты в билингвальном коммуникативном пространстве белорусских газет (на материале витебских изданий) // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 280 – 285. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/13042> (дата обращения: 28 октября 2022 г.)
14. Орфографический словарь русского языка. URL: <http://orfo.info> (дата обращения: 2.10.2022)

References

1. Problemy pressy na nacional'nyh jazykah. URL: <https://yakutsk-gid.ru/yakutsk-gid.ru> (data obrashhenija: 22.09.2022)
2. Orfograficheskij slovar' jakutskogo jazyka. Jakutsk: Bichik, 2015. 480 s. (na jakut. jaz.).
3. Pravila jakutskoj orfografii i punktuacii. Jakutsk: Bichik, 2016. 480 s. (na jakut. jaz.).
4. Nesterskaja L.A. Rossijskaja pressa v inostrannoju auditorii: tradicii, opyt, tendencii. Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': materialy II Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka. M.: Izd-vo MGU, 2004. S. 513 – 516.
5. Skorohodova E.Ju. Dinamika rechevyh norm v sovremennyh tekstah sredstv massovoj informacii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2008. 32 s.
6. Svitich L.G., Sidorov O.G., Smirnova O.V. Ulusnye (rajonnye) gazety Respubliki Saha (Jakutija): funkcional'no-soderzhatel'naja struktura (po rezul'tatam oprosa zhurnalistov). Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2015. № 3 (47). S. 163 – 179.
7. Ivanova N.I. Funkcionirovanie gosudarstvennyh jazykov RS(Ja) v SMI: sociolingvisticheskaja paradigma. Novosibirsk: Nauka, 2011. 240 s.

8. Borisova N.M. Jazyk i stil' sovremennoj jakutskoj periodicheskoj pečati. Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2012. 176 s.
9. Vasil'eva N.M. Narušenie orfograficheskih norm jakutskogo jazyka v internet-kommunikacii. *Sovremennyj učenyyj*. 2021. № 4. S. 148 – 152.
10. Vasil'eva N.M. Osobennosti adaptacii jazyka respublikanskih gazet k novym pravilam orfografii jakutskogo jazyka. Vtoraja Jakutskaja kompleksnaja jekspedicija: nachalo puti. Sbornik nauchnyh statej. Jakutsk: Izdatel'skij centr SVFU, 2017. S. 26 – 30.
11. Vasil'eva N.M. Sovremennye tendencii v sobljudenii orfograficheskih norm jakutskogo literaturnogo jazyka. Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2019. № 3 (28). S. 86 – 92. DOI: 10.25693/SVGV.2019.03.28.11
12. Nikolaev E.R. Dialektnaja leksika gazetnogo korpusa tekstov jakutskogo jazyka (na materiale ulusnoj gazety «Tompo ild'itje» («Tomponskij vestnik»)). Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. № 5. S. 358 – 363. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.6
13. Lavickij A.A. Obshheslavjanskije koncepty v bilingval'nom kommunikativnom prostranstve belorusskih gazet (na materiale vitebskih izdanij). Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2015. № 5. S. 280 – 285. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/13042> (data obrashhenija: 28 oktjabrja 2022 g.)
14. Orfograficheskiy slovar' russkogo jazyka. URL: <http://orfo.info> (data obrashhenija: 2.10.2022)

*Vasilyeva N.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences*

SPELLING NORMS OF THE YAKUT LANGUAGE AND SPEECH PRACTICE OF ULUS (DISTRICT) NEWSPAPERS

Abstract: the aim of the study is to identify and typologize the violations of orthographic norms in the Yakut language in the materials of ulus (district) newspapers. In order to achieve this goal, the following tasks are envisaged: 1) selection of ulus (district) Yakut-language newspapers for monitoring; 2) orthographic review of newspaper materials; 3) evaluation of the frequency of use and forms of spelling (in Russian script/fonetized form) of borrowed words in ulus (district) newspapers; 4) analysis of typical violations of Yakut orthography rules in ulus (district) newspapers. The scientific novelty of the research lies in the fact that it describes typical violations and deviations from orthographic norms of the Yakut language in the materials of ulus (district) newspapers. Particular attention is paid to the spelling of words borrowed from the Russian language. During the analysis we have come to the conclusion that in ulus (district) newspapers the spelling in phonetic form of many widely used borrowed words, whose bases were previously transmitted in the media materials in their original form, has become firmly established.

Keywords: Yakut language, ulus (district) newspapers, Yakut spelling, spelling rules, spelling standards, borrowed words

*Власова О.В., старший преподаватель,
Павлова М.Н., старший преподаватель,*
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

ОБРАЗ ЛЕШЕГО В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ "КОРОЛЬ И ШУТ")

Аннотация: в статье производится анализ образа лешего в традиционном устном народном творчестве и в авторском тексте на примере творчества группы "Король и Шут". Поскольку основным мотивом творчества вышеуказанной музыкальной группы являются сказочные истории с использованием персонажей русского фольклора, выбор ее творчества в качестве материала для исследования представляется обоснованным. Сопоставление двух образов позволяет проанализировать, как изменилось представление о мифологических персонажах в современном мире. Современная картина мира не настолько прочно связана с мифологическими представлениями и обрядовыми и традиционными мотивами, соответственно, вызывает интерес творчество известных исполнителей, которое было написано за последние несколько лет. Образ лешего широко используется в русском устном народном творчестве, так как занимает одно из ключевых мест в славянском бестиарии. Ему также отведено особое место в творчестве музыкальной группы "Король и Шут". В данной статье описывается этимология мифологического персонажа, его внешность и характерные особенности как в традиционном фольклоре (на примере традиционных русских народных сказок), так и в авторском тексте. Сопоставляются различные описания мифологического персонажа в русских народных сказках, изученных в данной работе. Также исследуется то, как современные реалии повлияли на видение данного образа в современном творчестве популярной музыкальной группы и как они при этом отразились на внешности и характере описываемого мифологического персонажа. На основании проведенного сопоставительного анализа сделаны выводы, которые приводятся в конце статьи.

Ключевые слова: фольклор, мифология, образ лешего, авторский текст

Устное народное творчество является источником для различных тем исследований. Фольклор сопровождает человека на протяжении всей жизни: начиная от детских колыбельных и заканчивая траурными, поминальными обрядами. Неудивительно, что огромное количество ученых занимались и занимаются данной проблемой. Среди них можно выделить работы следующих специалистов: С.Б. Адоньевой, О.В. Белугиной, В.П. Даниленко, С.И. Добровой, Д.Л. Кулагина, А.И. Петрухина, В.Я. Проппа, Е.И. Спицыной, В.И. Чернова и многих других.

Изучение фольклора затрагивает разные аспекты языкознания: семантику, семиотику, символику и фразеологию, лингвокультурологию, этнолингвистику и литературоведение. Традиционный фольклор, представленный различными жанрами (сказки, песни, былины, частушки, пословицы и поговорки), сменился с течением времени на современное устное народное творчество, появляются жанры так называемого советского фольклора, фольклора студентов, устного народного творчества военных лет. Также многие современные авторы используют фольклорные мотивы в своем творчестве, заимствуя их, наделяя новыми характеристиками и сочетая с современными реалиями. Представляется интересным сравнить образ традиционного персонажа с его вариантом в современном авторском творчестве. Этим обуславливается **актуальность** настоящей работы.

Цель данного исследования – провести сопоставительный анализ образа лешего в русском фольклоре и в творчестве А.С. Князева, выявить схожие и различные черты данного персонажа, на основании чего выделить особенности использования фольклорных персонажей в авторском творчестве. Соответственно, **задачами** данного исследования являются: а) изучить и описать образ лешего в традиционном фольклоре; б) изучить и описать образ лешего в творчестве А.С. Князева; в) провести сопоставительный анализ данных образов; г) выявить отличительные черты данных образов.

Научная новизна предложенного нами исследования заключается в сравнении образа персонажа традиционного устного народного творчества с данным образом, который был заимствован в авторском творчестве.

Говоря о фольклоре, мы будем придерживаться определения В.Я Проппа: "Под фольклором понимается только духовное творчество и даже, уже, только словесное, поэтическое творчество" [5, с. 18]. Именно поэтому нам представляется важным сравнить устное народное творчество с творчеством песенным. Выбор авторских текстов неслучаен: А.С. Князев является создателем большинства текстов современной популярной панк-рок группы "Король и Шут". Авторы данной музыкальной группы находят материал для своих песен в фольклоре, с помощью которого они создают

новые, интересные истории, в которых "сказочное изменяется, доводится до абсурда или сочетается с социальной проблематикой, выводящей сказочное на новый уровень и делающей известные сюжеты нетривиальными" [3]. Изменения сказочного позволяют сравнить традиционный образ фольклорного персонажа с этим же персонажем, по-другому представленным и имеющим отличные характеристики.

Леший – это один из ключевых персонажей славянской мифологии. "Это злой дух, воплощение леса, как враждебной человеку части пространства" [4, с. 243]. Поскольку леший является хозяином леса и всех живущих в нем зверей, часто его представляют одетым в звериные шкуры или даже с рогами или копытами.

С.М. Толстая дает следующее описание внешности лешего: "леший имеет вид мужика или старика с белой бородой, одетого в обычную крестьянскую одежду, но некоторые детали подчеркивают его потустороннюю природу: правая пола одежды у него запахнута за левую, левый лапоть надет на правую ногу, а правый на левую, а когда он садится, всегда закидывает левую ногу на правую. ... Одежда у него белого, красного, черного или зеленого цвета. У лешего нет бровей и ресниц, правый глаз неподвижен и больше левого; волосы зачесаны налево, у него нет правого уха, он не отбрасывает тени" [6].

Леший обладает магической силой – он может изменять свой рост, например, стать ниже травы или выше деревьев. Также леший может превратиться в любого лесного зверя, дерево или гриб. Лешего иногда называют волчьим пастырем, по преданиям, он пасет волков, что объединяет его со святым Георгием. При нахождении в лесу для защиты от лешего полагалось взять с собой очищенный от коры кусок липового дерева [4].

Леший может сбить с пути, пугать заблудившихся в лесу своим смехом [4]. Часто леший издевается над человеком: может спрятать его корзину или сорвать шапку с головы, заставляет залезть на дерево или отравиться в болото [5].

Этимологически леший происходит из проклятых людей, которыми могут являться, например, некрещеные покойники. Согласно легенде, лешими стали сброшенные с неба ангелы, упавшие в леса [5].

В лесу леший живет в бревенчатой избе в глухом ельнике вдали от человеческого жилья. "На деревьях лешие проводят большую часть времени, качаться и «дурачиться» для них – самое любимое занятие, отчего в некоторых губерниях ему дали название «зыбочник» (от зыбка, люлька). По народному поверью, леший любит сидеть на старых сухих деревьях в образе совы, и поэтому кре-

стьяне опасаются рубить такие деревья. Леший также любит прятаться в дуплах деревьев. На этот счет есть поговорка: «Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам Сатана» [1].

Образ лешего является частым героем русских народных сказок. В рамках данного исследования нами были рассмотрены русские народные сказки из сборника Афанасьева. В качестве авторских текстов были проанализированы песни музыкальной панк-рок группы "Король и Шут" "Леший обиделся" и "Парень и леший".

По сюжету русских народных сказок, в которых одним из главных героев является леший, парень или девушка попадают к нему в услужение и за определенную работу получают достойную награду. Например, в сказке "Королевич и леший" королевич попадает в плен к лешему, где выполняет самую тяжелую работу и сложные задания. По окончании службы леший одаривает королевича различными подарками, чтобы тот мог сражаться с вражеской ратью: *"После этого вывел его леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом; отколь ни взялся – вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на коленки.*

Вот тебе конь!

Дал ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую" (Королевич и леший) [2].

В отличие от русских народных сказок в песнях авторском тексте А.С. Князева леший не ищет контакта с людьми, наоборот, избегает их и предпочитает оставаться в одиночестве: *"Старик курил и говорил: Ты мне серьезную обиду причинил. Как смел ты этой ночью в мой лес ходить? О страшном лешем так бесстыдно позабыть?!"* [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-leshij-obidelsya/> (дата обращения: 11.11.2022)].

Различается и внешность лешего. Причем, порой она кардинально отличается в разных произведениях устного народного творчества. Нами было выделено три различных описания внешности данного сказочного персонажа:

1) Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит: Свети, свети, ясен месяц! Дивно стало охотнику; отчего так, думает, собою мужик еще молодец, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: Оттого, говорит, я и сед, что чертов дед! (Леший) [2].

2) Только успел сказать, как в ту же минуту ельникберезник зашумел, затрещал, все кругом затемнело, и показался из лесной чащи старик, страшный-престрашный: голова как сенная копна, глазищи будто чашищи, в плечах косая са-

жень и сам вровень с лесом (Иван, вдовый сын) [2].

3) Зеленый Леший к себе в топь заманивает. Ухватится жабыми лапищами за колеса - они по ступицу в трясине увязнут. Большущей зеленой жабой прыгает перед конскими мордами - кони в сторону шарахаются, упряжь рвется, телега ломается, а измученные, перепуганные люди плутают до рассвета, дорогу ищут (Дар черного лешего) [2].

Как мы можем видеть, в первом и во втором описании перед героем появляется человек с седыми волосами, однако, в первом случае это мужчина средних лет, а во втором старик. Второе описание полностью соответствует традиционному описанию лешего в славянской мифологии: лохматые седые волосы, страшные глаза. Также леший может изменять свой рост, соответственно, во время появления перед героем он оказывается "вровень с лесом". Третье же описание значительно отличается от первых двух. Здесь леший принимает облик большой зеленой жабы. Способность принимать обличье любого животного также присуще хозяину леса.

В текстах песен группы "Король и Шут" находим два описания:

1) В ночном лесу костер горел, А у костра усталый дедушка сидел. Трогал усы, трубку курил, О чем-то тихо сам с собою говорил (Леший обиделся) [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-leshij-obidelsya/> (Дата обращения: 11.11.2022)].

2) Но с кучей хвороста на узенькой спине, Из чащи вышел дед, заросший волосами. И в тот же миг он очутился на сосне, За ветки бородой цепляясь и усами (Парень и леший) [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-paren-i-leshij/> (Дата обращения: 11.11.2022)].

В первом случае перед нами возникает скорее положительный персонаж, чем отрицательный. Об этом мы можем судить по употреблению существительного "дедушка", которое является ласковым наименованием человека пожилого возраста. Описание внешности ограничивается лишь тем, что леший имеет усы, однако нет сведений о их цвете или размере.

Во втором случае описание частично совпадает с описанием персонажа в традиционном фольклоре. Пожилой человек, дед, имеющий копну волос. Однако, в отличие от традиционного мифологического героя леший не обладает большой физической силой, у него узкая спина, соответственно данное описание противоположно тому, которое приводится в сказке: "в плечах косая сажень".

Мы можем отметить, что в современном авторском тексте леший не представляется враждебным персонажем, в отличие от традиционного фольк-

лора, и его внешность приближена ко внешности обычного пожилого человека.

Исходя из мифологических описаний лешего, мы можем сделать вывод, что леший обладает как большой физической силой, так и наделен магическими способностями, например, запутывать следы человека, превращаться в животных или в деревья и грибы. В традиционном фольклоре данные способности сохраняются. Например, в сказке "Королевич и его дядька" леший, рассердившись на то, что король приказал поймать его "*Пошел леший рвать королевские леса!*" [2]. В сказке "Диво дивное, чудо чудное" леший на спине моментально выносит героя из леса: "*Отдал гуся мужику и велел к себе на спину сесть. Мужик сел на спину к лешему, Тот его вмиг на опушку вынес*" [2]. В сказке "Иван, вдовый сын" от свиста лешего пригибается трава: "*Тут старик свистнул так громко, что листья с деревьев посыпались, цветы к земле пригнулись и трава пожухла*" [2].

В песнях А.С. Князева мы видим иной образ: перед нами усталый старик, которого легко напугать: "*Ах, виноват, бродяга, ты передо мною, В моем родном лесу меня ты напугал!*" (Парень и леший) [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-paren-i-leshij/> (Дата обращения: 11.11.2022)].

Леший в традиционном фольклоре может причинять вред человеку, попавшему к нему в услужение или заблудившемуся в лесу. "*Был ты Иван вдовый сын, а теперь – мой слуга на веки веков. Станешь слушаться – буду тебя поить-кормить: пей, ешь волю, чего душа просит, а за ослушание лютотой смерти предам*" (Иван, вдовый сын) [2].

В авторском тексте леший не причиняет человеку вреда, он комично угрожает, но не приводит угрозы в исполнение. В песне "Леший обиделся" парень, заблудившийся в лесу, попадает в капкан, расставленный лешим, чем вызывает негодование данного персонажа. Леший хмурит брови, угрожает парню, однако, тот благополучно убегает из леса и добирается до дома: "*Погибель тебя ждет, Коль ты со мною повстречался! Ведь больше не живет, тот зверь, Что в мой капкан попался!*" (Леший обиделся) [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-leshij-obidelsya/> (дата обращения: 11.11.2022)]. При этом угрожая парню, леший называет себя "страшным": "*Как смел ты этой ночью в мой лес ходить? О страшном лешем так бесстыдно позабыть?!*" (Леший обиделся) [<https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-leshij-obidelsya/> (Дата обращения: 11.11.2022)]. Угрозе не суждено сбыться, леший не приводит ее в действие.

Такая же ситуация возникает и в песне "Парень и леший". Леший разозлился на заблудившегося в лесу парня за то, что тот его напугал. И, как и в

первом примере, мы не видим исполнения угрозы: "Занес кулак у парня дед над головою: "Таких я отродясь нахалов не видал!" (Парень и леший) [https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-paren-i-leshij/ (дата обращения: 11.11.2022)].

Интересно также и описание жилища лешего и его семьи. В сказке "Королевич и его дядька" у лешего есть семья, он живет в избе в лесу: "Повел королевич коней на водопой, а навстречу ему леший:

Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в гости!

Боюсь, кони разбегутся.

Ничего, пойдем!

Изба тут же очутилась. У лешего три дочери" (Королевич и его дядька) [2].

В сказке "Иван, вдовый сын" у лешего целое царство: "Под вечер прискакали в лешачье царство.

Видит Иван: на поляне высокие палаты, а вокруг забором обнесены из целого строевого лесу" (Иван, вдовый сын) [2].

В творчестве группы "Король и Шут" мы видим, что леший живет в землянке: "Я целый день в лесу блуждаю будто зверь, того гляди завою Пу-

стите, а не то, землянку разнесу!" (Парень и леший) [https://tekst-pesni.online/korol-i-shut-paren-i-leshij/ (Дата обращения: 11.11.2022)]. Соответственно, можно сделать вывод что благосостояние традиционного лешего значительно выше, чем лешего современного.

Интересен также тот факт, что в песнях группы "Король и Шут" леший имеет характеристики современного человека: он курит, ставит капканы, использует спички. Это говорит о том, что традиционный персонаж славянской мифологии в современном творчестве ассимилировался с современной картиной мира, стал ближе к слушателю.

На основании изученного материала мы можем сделать вывод, что традиционные персонажи славянской мифологии бытуют не только в устном народном творчестве. В авторских текстах они приобретают новые характеристики, становятся современнее. Злой и страшный персонаж в современном творчестве становится добрее, человечнее, обладает характеристиками, делающими его похожим на обычного человека. Мир устного народного творчества стал ближе читателю и слушателю, вобрав в себя черты окружающего нас мира.

Литература

1. Артемов В.В. Мифы и предания славян. М., 2014. 301 с. // https://psv4.userapi.com/c816726/u317433757/docs/e88dfeb91d6d/Mify_i_predania_slavyan (дата обращения: 10.11.2022)
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 М.: Гослитиздат, 1957. // https://librebook.me/narodnye_russkie_skazki_afanasev_aleksandr_nikolaevich (дата обращения: 11.11.2022)
3. Михалева Т.М. Тема безумия в творчестве группы "Король и Шут". <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-bezumiya-v-tvorchestve-gruppy-korol-i-shut/viewer> (дата обращения: 10.11.2022)
4. Петрухин В.Я. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
5. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
6. Толстая С.М. Славянская мифология. Этимологический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
7. Сайт <https://tekst-pesni.online> (дата обращения: 11.11.2022)

References

1. Artemov V.V. Mify i predaniya slavyan. M., 2014. 301 s. https://psv4.userapi.com/c816726/u317433757/docs/e88dfeb91d6d/Mify_i_predania_slavyan (data obrashheniya: 10.11.2022)
2. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki: v 3 M.: Goslitizdat, 1957. https://librebook.me/narodnye_russkie_skazki_afanasev_aleksandr_nikolaevich (data obrashheniya: 11.11.2022)
3. Mihaleva T.M. Tema bezumiya v tvorchestve gruppy "Korol' i Shut". <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-bezumiya-v-tvorchestve-gruppy-korol-i-shut/viewer> (data obrashheniya: 10.11.2022)
4. Petruhin V.Ja. Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'. M.: Jellis Lak, 1995. 416 s.
5. Propp V.Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost'. M.: Nauka, 1976. 325 s.
6. Tolstaja S.M. Slavjanskaja mifologija. Jetimologicheskij slovar'. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2002. 512 s.
7. Sajt <https://tekst-pesni.online> (data obrashheniya: 11.11.2022)

*Vlasova O.V., Senior Lecturer,
Pavlova M.N., Senior Lecturer,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Foreign Languages*

**THE IMAGE OF LESHY IN RUSSIAN FOLKLORE AND THE AUTHOR'S TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF THE CREATIVITY OF THE GROUP "KOROL I SHUT")**

Abstract: the article analyzes the image of leshy in the traditional oral folklore and in the author's text on the example of the "Korol i Shut" band. Since the main motive of the works of the above musical group are fairy tales with the use of the characters of Russian folklore, the choice of its songs as the material for the study seems to be justified. The comparison of the two images allows us to analyze how the idea of mythological characters has changed in the modern world. Modern world view is not so firmly connected with mythological representations and ritual and traditional motifs, and respectively, arouses interest in the works of famous personalities, which have been written in the recent years. The image of the leshy is widely used in Russian oral folklore, as it occupies one of the key places in the Slavic bestiary. It also has a special place in the works of the musical group "Korol i Shut". This article describes the etymology of the mythological character, its appearance and characteristic features both in traditional folklore (on the example of traditional Russian folk tales) and in the author's text. Different descriptions of the mythological character in Russian folk tales studied in this paper are compared. Also the issue of how modern realities have influenced the vision of this image in the modern work of a popular music group and how they are reflected in the appearance and character of the described mythological character is investigated. On the basis of a comparative analysis the conclusions are made, which are given at the end of the article.

Keywords: folklore, mythology, image of leshy, author text

*Гальцов П.И.,
Батурина Э.Р., доцент,
Московский государственный областной университет*

ЖЕНСКИЙ СТЕНДАП. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ЖЕНСКОГО ЮМОРА В СТЕНДАП КОМЕДИИ

Аннотация: статья посвящена изучению юмора в стендап комедии, в частности в её женском сегменте. Цель данного исследования – выявление форм языкового разнообразия в женском стендапе. Задачами данного исследования являются рассмотрение позиции женского юмора в медийной сфере, выявление тематического разнообразия в выступлениях женщин комиков, нахождение самых частотных средств создания комического эффекта в женских юмористических монологах. Установлено, что тематическое разнообразие женского стендапа ограничено рамками преимущественно женской тематики. Самыми частотными средствами создания комического эффекта названы гротеск, наложение ситуаций, отыгрыш, метафора и сравнение. Данное исследование может быть применено в дальнейшем исследовании юмора как языкового явления, данные исследования являются ценными в рамках программы изучения лексикологии и стилистики языка.

Ключевые слова: женский стендап, гротеск, наложение ситуаций, отыгрыш, метафора, сравнение

Термином «стендап-комедия» обозначается особый жанр комедии, в котором действующее лицо, называемое стендап-комиком, выстраивает свое выступление в форме комического монолога, содержащего элементы диалога для поддержания контакта с аудиторией. Как правило, стендап-комики выступают поодиночке, рассказывая смешные истории из жизни или короткие шутки. Личность комика, его взаимодействие с залом и способность по-своему оригинально отвечать на реакцию публики составляют основу успеха стендап-комедии [6].

Американский писатель и журналист Ричард Зоглин описывает стендап как “comedy that generally is delivered by a solo performer speaking directly to the audience in some semblance of a spontaneous manner” [11].

Большую часть выступающих в формате стендапа всегда составляли мужчины. Сейчас зарубежные стендап передачи по телевидению или интернету, например The Standups, направлены на то, чтоб уравнивать количество женских и мужских комиков на один выпуск (3 мужчины-комика и 3 женщины комика на 1 выпуск The Standups).

На протяжении долгого времени к женскому юмору на публику относились очень противоречиво. Журналист и писатель Кристофер Хитченс написал целую статью «Почему женщины несмешные». Хитченс пишет: «Почему мужчины (если мы возьмем некое усредненное значение) смешнее женщин? Ну, во-первых, им необходимо быть лучшими. Главная задача каждого мужчины – произвести впечатление на противоположный пол, и мать-природа не собирается нам в этом помогать. Фактически у мужчин есть очень ограниченный набор инструментов для конкуренции. И у вышеупомянутого среднего мужчины есть только

один шанс – он должен рассмешить свою даму сердца» [7].

В условиях нынешнего мира нельзя категорично утверждать, что мужчины всегда смешнее женщин. Женщины на протяжении долгого времени боролись за право простого выхода на юмористическую сцену, чтобы доказать, что каждый человек имеет права шутить, а также то, что юмор находится вне сценических привилегий. И это вполне обосновано. Ведь если стендап комедия раскрывает проблемы общества в бытовом, личном, социальном и других планах, то почему это должны делать только мужчины? Сейчас в стендап индустрии возможность выступать есть у комиков любого пола. Однако успешность выступления как у мужчин, так и у женщин зависит от многих факторов. К таковым относятся тематика шуток, способы создания комического эффекта, реалии в которых идёт выступление и многие другие.

Материалом данного исследования являются выступления представителей женского пола стендап комиков таких как Никки Глейзер «Bangin'» (2019), Уитни Каммингз «Can I touch it?» (2019) и Элиза Шлезингер «Elder Millennial» (2018).

При анализе тематики шуток было выявлено, что преобладающее число шуток у женщин комиков строится на теме секса (32,3%). Присутствуют также темы отношений с мужчинами (21,4%), любви (17,8%), красоты (17,8%), домогательства (10,7%). Замечено, что тематика шуток у женщин в своём большинстве строится вокруг их отношения с мужчинами.

Что касается анализа средств создания комического эффекта анализ показал, что самыми продуктивными средствами создания комического эффекта в женских стендап выступлениях являются

ся гротеск, наложение ситуаций, отыгрыш, метафора и сравнение. Рассмотрим их подробнее.

Эр. Ханпира вводит следующую дефиницию гротеска: «Гротеск на уровне художественной речи – это такое сочетание языковых единиц (или неязыковых, речевых, с языковыми), которого нет в языке и которое вовсе не задано языковой системой или задано в очень малой степени» [4, с. 310]. Словесный гротеск, как следует из анализа материала, создается лексической заумью, словообразовательными окказионализмами (особое место среди них занимают компрессивные модели), синтактико-семантическими средствами, такими как оксюморон, изменение глагольной интенции, контраст имени и персонажа и др., стилистическими приемами (использование арготизмов, анахронизмов и пр.), графическими средствами. [4]

Т. Жилка отмечает, что главным признаком гротеска может считаться сочетание чрезвычайно противоположных элементов, таких, которые в реальности или в обычной межличностной коммуникации не сочетаются [2, с. 84].

Гротеск в стендапе использовался комиками для контрастирования образов, которые также можно назвать моделями. Такие модели можно разделить на построенные и воспринимаемые. Построенные модели создаёт комик самостоятельно, воспринимаемые модели – типичные модели, которые близки для понимания зрителю вследствие социальных тенденций. Контраст между данными моделями и создаёт комический эффект.

It was one of those breakups where it's like, I don't know if you're ever broken up with someone when you live with them, but the second he left even though it was sad there was a sense of relief [...] the second the door shut I started farting for like 10 years (Nikki Glaser – the Standups)

Воспринимаемая модель среднестатистической девушки во время данного монолога не может совмещать в себе единицу *farting*, особенно при использовании гиперболы *for like 10 years*. Построенная комиком модель обладает высоким уровнем экспрессивности и успешно контрастирует с воспринимаемой.

Гротескный образ также может создавать при помощи несоответствия описания модели и её подачи.

I don't remember the guy's name, but the good news is I did accidentally stumble upon a great way to deal with harassment at work from a creepy guy. Just pretend you think he's having a medical emergency. Next time a guy's like, "Hey, sweetie, want to get a drink later?" just go, "Oh, my God, someone call an ambulance! Gary thinks he's in my league! I don't know if it's, like, dementia or maybe it's a stroke. Gary thinks I would fuck him. We've got to call an

ambulance! This is bad." Don't get **angry**. Just get very **compassionate**. [10]

В данном случае описание модели поведения *compassionate* не соотносится с подачей этого описания через отыгрыш шутки, в котором присутствуют слова *in my league, fuck*, которые выглядят инородно рядом со словом *compassionate*.

Гротеск может быть виден при использовании эпитетов, контрастирующих с главными словами

Gangbangs, like, I love gangbangs, but I'm just looking for like a **respectful gangbang**. Like, why not just a nice... Be nice to her. A respectful gangbang, that would just be a girl tied up, and guys doing lots of things to her down here, and then up here guys just brushing her hair and telling her she's strong. Respectful [9].

Эпитет **respectful** в обыденной речи не употребляется с **gangbang** и не соответствует его семантическому полю. Данный контраст далее в предложениях обыгрывается более детальным описанием ситуации, исходя из которого выглядит комично и гротескно.

Наложение ситуации используется комиком для выявления общих черт в двух на первый взгляд несовместимых или не имеющих ничего общего ситуациях. Эффект неожиданности порождает эффект комический. Как оказалось это очень частый приём в женском сегменте стендапа. Это средство показывает высокую степень лингвокреативности и артистизма, и можно сделать вывод, что женский стендап успешно подкупает свою аудиторию через интересные построения нарративов, в то время как мужской стендап очень часто ограничивается провокационными заявлениями и переизбытком слов сниженного регистра.

Наложение ситуаций работает через различные маркеры в тексте, которые создают благоприятные условия, чтобы построить параллели между двумя разными явлениями.

Одними из таких маркеров являются параллельные конструкции.

Of course, you want to touch women. They're so freaking cute. They're impossible to resist. I relate to your frustration, because sometimes I will see a service dog at the airport. And it's wearing a little vest. It says, "Dog working, do not pet." [...] I never pet a service dog. It's that vest. You're like, "Oh, God, that dog's in the middle of something." You respect that vest. I think that's what we need to start doing at work. Women need to start wearing little vests to work. "Lady working. Do not hug. Shit to do" [10].

В данном примере общим «скелетом» конструкции является «*подлежащее + сказуемое*. *Don't + сказуемое*». Выделенные предложения позволяют наблюдать следующие оппозиционные пары: (подлежащее) *dog – lady* и (сказуемое) *pet –*

hug. Параллельность создаёт благоприятную среду для противопоставления единиц, которое создаёт комический эффект там, где изначально он не подразумевался.

Параллельность также может выступать как вспомогательное средство для поддержания структурности изложения. Как в следующем примере (*Snow White got saved... – Sleeping Beauty was saved...*). Было обнаружено несколько аспектов наложения ситуаций.

We have been taught this message since we were little girls. Princesses get saved. Snow White got saved by the prince. It was really the seven dwarves and she was, like, lost in a forest. But, like... seven men. Who is she? Right. Sleeping Beauty was saved when the prince kissed her while she was sleeping. Terrible moral. What do we take away from that? Generations of men, like, "No, you kiss 'em when they're sleeping, they're forever grateful. Officer" [8].

Моральный аспект предполагает манипуляцию путём умолчания некоторых деталей, которое ведёт к изменению смысла и искажению восприятия. Как правило в подобных шутках идёт апелляция к принижению моральной значимости объекта шутки. В данном случае (*But, like... seven men. Who is she?*) исходя из недопонимания образ девушки имплицитно намекает на «низкую социальную ответственность».

Обстоятельный аспект предполагает перенесение ситуации из сказочного мира в мир реальный со своими законами и ситуациями, к которым это может приравниваться. *Sleeping Beauty, the prince* олицетворяют сказочный мир, в то время как *officer* – реальный. Интересно то, что зрители до последнего

I was holding in farts for nearly four years. All of Obama's second term, I can't... [5].

В данном случае фраза в панчлайне шутки *all of Obama's second term* образует новый взгляд на то что происходит в сетапе шутки *I was holding in farts for nearly four years*. Связь сетапа и панчлайна происходит через единицу *four years*. Контраст между ними создаёт новое понимание шутки, через которое можно даже установить отношение комика к объекту шутки. Исходя из отыгрыша комика на сцене и настроения нарратива, можно предположить, что отношение комика к на тот момент президенту США Бараку Обаме было отрицательным.

Girls, okay, do you remember the first time you found out about blow jobs? Do you remember that day? It should be a different day than the first day you gave a blow job. [...] The day I found out about blow jobs, it was a pivotal day of my life. It was... I remember the date actually, it was September 11th, 2001, and I don't know what else happened that day. [9]

В данной шутке две ситуации *the first time you found out about blow jobs* и *it was September 11th* сильно контрастируют и тематически, и стилистически. Наложение ситуаций происходит имплицитно – без параллельных конструкций или слов-связок, так как в формулировке выглядит всё так как будто автор просто назвал дату. Однако известность даты даёт понять отношение автора к первой ситуации через единицу *pivotal*.

Отыгрыш играет немаловажную роль в построении шутки в стендапе. Если учитывать, что все шутки состоят из сетапа и панчлайна, то отыгрыш помогает разнообразить эту структуру, придать динамику, переключить внимание зрителя, сменить ситуацию. Отыгрыш создаёт контраст с монологическим высказыванием в речи комика. Это работает, например когда отыгрыш происходит невербально

Do you know how gangster it is to take a dick? Let me explain something to you. The strongest, meanest biggest man in here – you pull a dick out on him and he'll be like "What?" (далее идёт отыгрыш сопротивления). You pull a dick out on a girl and she'll be like "Oh, is that all you got?" [5].

В данном примере комик сначала отыгрывает сопротивление без использования слов. Это само по себе выглядит комично, ведь зритель при помощи абстрактного мышления может представить, как это могло происходить в реальной жизни.

Второй отыгрыш происходит уже вербально "Oh, is that all you got?". Здесь контраст происходит уже с предыдущим отыгрышем по категории «невербальный-вербальный». Вербальный отыгрыш в данном примере сопровождается сменой интонации и тембра голоса.

Помимо этого, в вербальном отыгрыше может быть использована жестикация.

I used to work with this guy. Every day, he'd run past me, he'd put his hands in between my butt cheeks, like this, and he'd yell to the whole office. He'd go, "I'm swiping a credit card, I'm swiping a credit card." I thought it was hilarious. I'd be like, "You're declined. You're declined" [10].

Отыгрыш нелепости встречается и в мужских, и в женских сегментах стендапа. Женщины используют отыгрыш чаще всего в узнаваемых комических ситуациях с мужчинами, в то время как мужчины не ограничивают себя в тематике и отыгрывают нелепые образы в абсолютно любых тематических шутках.

Метафора в юморе представляет собой перенос свойств, благодаря чему ее можно назвать сокращенным сравнением: происходит замещение того, что говорящий имеет ввиду, другим выражением. Определение этому также дал С.И. Ожегов, который сказал, что метафора – это «оборот речи, со-

стоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения» [3, с. 282].

Н.Д. Арутюнова считает, что «метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 14]. «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способы и стиль мышления о нем» [1, с. 14].

В стендапе и юморе в целом метафора представляет огромный спектр способов мышления о предмете. Благодаря метафоре образ приобретает яркость выражения, экспрессивность. А также приобретает какую-то сюжетную историю, которую можно уместить в одно словосочетание.

В стендапе метафора может создавать юмор разными способами. Одним из таких является контраст со своими синонимами.

I feel like the sexual harassment news has finally been going on long enough to where my guy friends feel comfortable complaining about how hard it's been for them. Anyone have any guy friends who are acting like they have no idea how to behave at the office? All of a sudden, my guy friends say, "What, so I can't even hug a woman at work anymore?" You never could. It's why we're in this mess. No one wants to bump nipples with you at 9 a.m... [10].

Метафора работает на стилистическом уровне. Единица “*bump nipples*” выражает больше экспрессивности, семантически обозначая больше конкретики чем её нейтральная синонимичная пара *hug*.

В добавок к этому, было обнаружено что экспрессивность метафоры самодостаточна для создания комического эффекта вследствие своей нелепости.

It's nice to be noticed. So we all do it. Put on the makeup. Force our chub into some pants. You shove your coyote paws into some heels [8].

Единицы *force our chub into some pants* и *shove your coyote paws into some heels* содержащие высокую долю экспрессивности синонимичны с единицей *put on*, являющейся нейтральной. Нелепость в данном случае создаётся путём самоиронии на почве комического сходства синонимичных единиц. Отыгрыш, который добавляет визуальной составляющей плотному текстовому юмору, подкрепляет комизм тем, что ломает воспринимаемую модель образа элегантной женщины на сцене пародией на койота.

В женском сегменте метафоры чаще всего связаны с сексуальной тематикой либо с темой внеш-

ности. Мы предполагаем, что это связано с тем, что шутки над внешностью очень эффективно создаются благодаря обширному ассоциативному ряду, который можно предложить для сравнения внешнего вида девушек с различными явлениями действительности. В дополнение к этому замечено, что женская аудитория всегда будет солидарна с шутками в свою сторону.

Сравнение как правило используется для создания контраста между двумя единицами, которые сравнивают по какому-то конкретному признаку. Обычно комизм заключается в контрасте между сравниваемыми единицами. Разница может быть между личностями (I [comic] – black girl watching Disney movies), предметами (vagina – hastily packed suitcase) или многокомпонентная (he [man] – demon – Vincent D’Onofrio’s character). Сравнение как способ создания комического эффекта Сравнение как правило маркируется лексическими единицами, семантически подходящими для этого приёма (например, *feel like, resemble, turn into*).

- I used to feel alone. I really did, 'cause you watch porn and you're like, “Where’s my vagina?” That’s when I realized, I was like, “Shit... That’s not... None of these look like mine. I have a...” I **felt like** a young black girl watching Disney movies. I’m like, “Where’s one with me in it? Do you want to make one with me?” That would have been nice. “Oh, you made one with a mermaid before making one with me. Cool. That feels great.” [9].

- But the problem was, the second I thought that maybe I wasn’t so ugly up here, I realized I was ugly down here. I have a vagina **that resembles** a hastily packed suitcase. Yeah, okay [9].

- And then more information about blow jobs trickles in. Like, okay, if you do a good job at it you’re rewarded at the end with a liquid substance. Hold on, before the liquid you will know it’s about to come because he’s going to **turn into** a demon for a couple seconds. Sorry. Yeah, that’s a key part of this whole thing. He’s going to shape-shift... No one warned me about that. I’m here to... If someone hasn’t had sex before, I’m here to tell you before he comes, about five seconds before he comes, he turns... Every man **turns into** Vincent D’Onofrio’s character in *Men In Black*. You know the... That’s every man is on his way to that. I don’t know. It’s just like a... Like a roach crawling out of your eye, just... It’s frightening [9].

Как мы можем видеть в вышеперечисленных примерах шуток, в женском сегменте стендапа преобладают сравнения либо себя с мужским полом, либо мужского пола со всем остальным, как правило для выставления мужского пола в комич-

ном виде.

Подводя итог, следует отметить, что юмор в женском сегменте стендапа носит довольно ограниченный характер в тематическом плане, что проявляется в переизбытке шуток только на женскую тематику. Однако разнообразие средств создания комического эффекта присутствует и не уступает мужскому сегменту стендапа. Говоря о

будущей судьбе женского стендапа, хочется отметить, что в нынешних реалиях делается всё, чтоб поддерживать легитимность и важность гендерного разнообразия в юмористическом медиасегменте, поэтому женский стендап будет дальше развиваться, но теперь уже не отдельно, а вместе с мужским.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва, 1990. С. 5 – 32.
2. Жилка Т. Гротеск в постмодернистской литературе и в кино // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 3. С. 83 – 86.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. Москва: Рус яз. 1986. 797 с.
4. Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972. С. 245 – 317.
5. 20 Minutes of Women Being Strong & Funny As Hell [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LRyndSpc-po&t=935s> (дата обращения: 26.09.2022)
6. Córdoba G. La práctica de los monólogos cómicos: Ejercicios y técnicas: Stand-up comedy. Barcelona, Ma Non Troppo, 2017. 156 p.
7. Hitchens C. Why women aren't funny [Electronic resource]. 2007. URL: <https://www.vanityfair.com/culture/2007/01/hitchens200701>
8. Iliza shlesinger: elder millennial (2018) – FULL TRANSCRIPT [Электронный ресурс]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/iliza-shlesinger-elder-millennial-2018-full-transcript/> (дата обращения: 25.09.2022)
9. NIKKI GLASER: BANGIN' (2019) – FULL TRANSCRIPT [Электронный ресурс]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/nikki-glaser-bangin-transcript/> (дата обращения: 15.09.2022)
10. Whitney cummings: can i touch it? (2019) – FULL TRANSCRIPT [Электронный ресурс]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/whitney-cummings-can-i-touch-it-transcript/> (дата обращения: 20.09.2022)
11. Zoglin R. Stand-up comedy [Electronic resource] / Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/stand-up-comedy>

References

1. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs. Teorija metafory. Moskva, 1990. С. 5 – 32.
2. Zhilka T. Grotesk v postmodernistskoj literature i v kino. Konferencium ASOU: sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferencij. 2017. № 3. S. 83 – 86.
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: ok. 57000 slov. pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Ju. Shvedovoj. 18-e izd., stereotip. Moskva: Rus jaz. 1986. 797 s.
4. Hanpira Jer. Okkazional'nye jelementy v sovremennoj rechi. Stilisticheskie issledovanija (na materiale sovremennogo russkogo jazyka). M.: Nauka, 1972. S. 245 – 317.
5. 20 Minutes of Women Being Strong & Funny As Hell [Jelektronnyj resurs] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LRyndSpc-po&t=935s> (data obrashhenija: 26.09.2022)
6. Córdoba G. La práctica de los monólogos cómicos: Ejercicios y técnicas: Stand-up comedy. Barcelona, Ma Non Troppo, 2017. 156 p.
7. Hitchens C. Why women aren't funny [Electronic resource]. 2007. URL: <https://www.vanityfair.com/culture/2007/01/hitchens200701>
8. Iliza shlesinger: elder millennial (2018) – FULL TRANSCRIPT [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/iliza-shlesinger-elder-millennial-2018-full-transcript/> (data obrashhenija: 25.09.2022)
9. NIKKI GLASER: BANGIN' (2019) – FULL TRANSCRIPT [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/nikki-glaser-bangin-transcript/> (data obrashhenija: 15.09.2022)
10. Whitney cummings: can i touch it? (2019) – FULL TRANSCRIPT [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/whitney-cummings-can-i-touch-it-transcript/> (data obrashhenija: 20.09.2022)
11. Zoglin R. Stand-up comedy [Electronic resource]. Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/stand-up-comedy>

*Galtsov P.I.,
Baturina E.R., Associate Professor,
Moscow Region State University*

**FEMALE STAND-UP. LANGUAGE FEATURES OF
CREATING HUMOR IN FEMALE STAND-UP COMEDY**

Abstract: the article is devoted to the study of humor in stand-up comedy, in particular in its female segment. The aim of this study is to identify forms of linguistic diversity in women's stand-up. The objectives of this study are to consider the position of female humor in the media sphere, to identify thematic diversity in the performances of female comedians, to find the most frequent means of creating a comic effect in female humorous monologues. It is established that the thematic diversity of female stand-up is limited by the framework of predominantly female themes. The most frequent means of creating a comic effect are called grotesque, overlapping situations, acting out, metaphor and comparison. This research can be applied in the further study of humor as a linguistic phenomenon, these studies are valuable in the framework of the program of studying the lexicology and stylistics of language.

Keywords: female stand-up, grotesque, overlapping situations, acting out, metaphor, comparison

*Демонова Ю.М., кандидат филологических наук,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова, филиал
Ростовского государственного экономического университета*

ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОРФОЭПИЧЕСКОГО СТАНДАРТА

Аннотация: орфоэпический стандарт английского языка в настоящее время претерпевает ощутимые изменения, поэтому носителям языка крайне важно понимать, какие сегментные способы оформления речи будут релевантными к текущей ситуации общения. Спикеры, для которых английский язык является неродным, испытывают немалые трудности при выборе фонетических сегментных способов оформления грамотной речи, постоянно лавируя между устаревшим академическим звучанием и откровенно диалектными дезартикуляциями. По мнению Д. Джоунза [2], единственным стилем произношения, который подлежит практическому освоению, является быстрый разговорный стиль, ибо он лишен искусственности, присущей четкой, тщательно отработанной речи, и отражает нормы живого языка. С другой стороны, английский язык повсеместно используется как базовый для ведения деловых переговоров, общения на рабочем месте, то есть, в тех ситуациях, где требуется четкое соблюдение произносительной нормы в рамках современного стандарта. Таким образом, целью нашей работы является экспериментальным путем выяснить, насколько диалектные произносительные черты, сейчас описываемые носителями языка как норма, проникли в различные стили речи. Проведенное экспериментальное исследование поможет носителям языка более грамотно и точно использовать английский язык в различных видах дискурса, что, в свою очередь, способствует достижению более полных и желаемых результатов коммуникации.

Ключевые слова: орфоэпический стандарт английского языка, T – flap, гортанный взрыв, Yod слияние, элизия, функциональные стили речи

После выхода статьи Джона Уэллса “Whatever Happened to Received Pronunciation?” («Что же стало с орфоэпическим стандартом английского языка?», перевод наш) [5] в 1997 году, всему англоговорящему миру стало понятно, что становится довольно сложно оперировать понятиями произносительной нормы и отклонениями от нее в разрезе английского языка. Джон Уэллс наглядно продемонстрировал как современное состояние английского произносительного стандарта, так и пути его дальнейшего развития.

Тем не менее, по словам самого Уэллса, собранные им данные носят, скорее, обзорный характер и имеют ряд ограничений и оговорок, как то: функциональный стиль речи, возраст и социальный статус говорящего и так далее.

Таким образом, целью нашего экспериментального исследования мы поставили проследить, насколько описанные Джоном Уэллсом изменения орфоэпического стандарта английского языка вошли в различные функциональные стили речи на современном этапе развития языка.

В качестве основных фонетических явлений мы выбрали следующие:

1. T – flap
2. Гортанный взрыв (glottal stop)
3. Yod слияние
4. Элизия

Мы взяли к рассмотрению именно эти явления, по следующим причинам:

- вышеперечисленные фонетические явления, как нами ранее уже говорилось, описываются Дж. Уэллсом как недавно вошедшие в орфоэпический стандарт;
- данные фонетические явления перешли из разряда диалектных в разряд стандартных;
- эти явления не вызывают серьезных затруднений при аудировании.

В качестве исходного материала мы взяли 3 основных стиля речи (книжный, нейтральный и разговорный) и проследили, в какой мере и с какой частотностью проявляются вышеперечисленные явления в каждом из этих стилей.

Для исследования указанных фонетических явлений в нейтральном стиле речи нами была проанализирована речь Питера Роуча. Питер Роуч является главным председателем «Отдела исследований английского произношения», а также почетным профессором фонетики, а также непосредственным носителем RP.

В качестве звучащего примера книжного стиля речи, мы взяли аудиопостановку книги Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (The Great Gatsby) под редакцией британского издательства “Macmillan” [1].

В качестве звучащего примера орфоэпического стандарта в разговорном стиле, было выбрано интервью принца Уильяма о его помолвке с Кейт Миддлтон.

Эксперимент проводился в два этапа. Сначала нами были выделены фонетические контексты, которые позволяют использовать вышеописанные явления в речи. При математико-статистической обработке эта цифра принималась за 100%. На втором этапе из данных фонетических контекстов мы выбирали те, где эти явления были реализованы. Мы считаем, что если общее число реализаций этих явлений в фонетическом контексте было не менее 80%, то можно смело делать вывод о том, что эти явления плотно вошли в речь. Если общее число достигало 50%, то можно говорить об этом явлении как о некоей новой тенденции, появившейся в языке. Но, а если это число не превышает 30%, то можно сделать вывод, что эти явления происходят окказионально, либо носят индивидуальный характер. В итоге мы получили следующие данные.

Нейтральный стиль речи (лекции Питера Роча) [3].

В нейтральном стиле речи по данным нашего эксперимента процентное соотношение вышеописанных явлений составило: t-flap – 38%, Yod слияние – 50%, элизия – 46%. Glottal stop в этом стиле речи отсутствовал.

T-flap – исходя из того факта, что появление данного фонетического явления в речи жестко обусловлено фонетическим контекстом, а именно интервокальностью и позицией в неударном слоге, flap может считаться «аллофоном ограниченного использования» (restricted use) [<http://en.wikipedia.org>]. Следовательно, данное фонетическое явление может быть проанализировано только с точки зрения частотности проявления, а не сточки зрения функциональности.

Флэппированный способ произнесения аллофонов является естественным для фонем /t, d, r/, но самым частотным и, пожалуй, единственным в речи, исходя из данных нашего эксперимента, является флэппированный t [r]. Звонкий альвеолярный флэп (аллофон фонемы /d/ в интервокальном положении) встретился только один раз в слове *prosodic* /prə'sɒdɪk/. Поэтому, мы не можем говорить об употреблении данного аллофона с точки зрения системности.

Флэппированный [r] в 38% случаев из всех возможных фонетических появления флэпа именно фонема [t] реализовывалась данным аллофоном.

Ex: “three phonetic characteristics” [fəu'nerɪk kærɪktə'risɪk].

Флэп наблюдался как в середине слова в 22% случаев употребления, так и на стыке слов в 15% случаев употребления при достаточном фонетическом контексте.

Нами было замечено, что t-flap отсутствовал

при достаточном фонетическом контексте, если слово было ядерным даже с последующей заядерной частью. Такие произносительные условия не были отмечены ни одним из нами проанализированных исследователей, и мы предполагаем, что на выбор аллофона вообще, и в данном случае флэпа, в большой степени влияют супrasegmentные характеристики высказывания.

Ex: *If on the 'other 'hand we 'try to 'take 'stress 'out of this| and con'ceptually...*

В слове “out” при достаточном фонетическом контексте (позиционная интервокальность и отношение флэпа t к безударному слогу of) флэп не произносится предположительно потому, что это слово является ядерным. Слоговоеделение происходит через фонему /t/.

Элизия – представляет собой выпадение звука внутри слова или на стыке слов в беглой разговорной речи. Элизия чаще всего подвергаются звуки [t], [d]. Элизия, скорее всего, будет иметь место при сочетании трех согласных звуков, чаще всего на стыке двух морфем или слов. Элизии подвергается средний согласный звук.

Элизия может реализовываться в полной или частичной форме, то есть звук может частично сохранять свою выдержку.

Явление элизии было выбрано нами не случайно, так как звук, подвергающийся элизии, не исчезает вообще. Он, так или иначе, присутствует в произносительном воображении говорящего. Артикуляционно это выражается в манере стыковки звуков: в случае с элизией отмечается едва заметная пауза в соединении оставшихся двух согласных. Ср.

Ex: *generally locked cars* [lok | ka:z]; *generally lock cars* [lokka:z]

Именно разный характер артикуляционной стыковки согласных помогает носителям языка безошибочно декодировать, на первый взгляд, совершенно неразборчивую речь.

По данным нашего эксперимента, в указанном стиле речи процентное соотношение вышеописанного явления составило 46%. Нами было замечено, что элизии подвергались как гласные, так и согласные звуки. Поэтому мы решили разделить данное явление на собственно элизию (выпадение согласных) и эллипсис (выпадение гласных).

Чаще всего элизии подвергался звук [t] как в середине слова в 76% реализации возможного фонетического контекста (Ex: *to be called sen(t)ence stress*), так и на стыке слов в 37% соотношении при достаточном фонетическом контексте (Ex: *prosodic features that Christal talk(ed) about*).

Как нами указывалось выше, элизии могут подвергаться звуки, отвечающие за правильность грамматического оформления речи. Что и было

замечено в лекции Питера Роуча в 26% реализованной элизии вообще

*Ex: tightly link(ed) together;
to be call(ed) sentence;
that Christall talk(ed) about;
when I first work(ed) with Christall;
who worked and produc(ed) some brilliant work*

По нашему мнению, хотя данный фонетический контекст является достаточным для появления элизии, нейтральный стиль речи не способствует выпадению маркеров грамматического времени. Нужно отметить, что такой характер элизии в речи Питера Роуча не является системным.

Элизия гласного (эллипсис) встретила два раза в середине слова, поэтому данная элизия не может рассматриваться с точки зрения системности употребления.

*Ex: job of someb(o)dy ['sʌmbdi];
this now belongs to ancient hist(o)ry ['hɪstri]*

Нами также было выявлено, что элизия отсутствовала при достаточном фонетическом контексте, если два слова в паре составляли фонетическое целое.

*Ex: you have never finish(ed) (t)telling ['fɪnɪʃ(t) (t)elɪŋ]
at the presen(t) (t)ime ['prezn(t) (t)aim]*

Данное фонетическое целое является немой паузой и везде, где оно имело место в речи диктора, оно не разрывалось.

Ex: to give up and no(t) (t)ry to make usable rules

Данное фонетическое целое является аффрикацией и в речи не трансформируется.

То есть мы предполагаем, что появление элизии не связано с просодическими особенностями, как в случае флэпа, но зависит от функционального фонетического контекста (на стыке слов).

Yod слияние – представляет собой процесс преобразования звуков [tj] в [tʃ], [dj] в [dʒ], как было уже сказано нами ранее.

Ex: nature ['neɪtʃə], to graduate ['grædʒueɪt]

Но стоит заметить, что в настоящее время Yod слияние распространяет свое влияние, как на безударные, так и на ударные слоги

Ex: Tuesday ['tʃu:zdi], duke ['dʒu:k]

В нейтральном стиле речи данное фонетическое явление реализовывалось в 50% случаев.

Как правило, Yod слияние происходит в середине слова. Но в речи британского профессора фонетики мы обнаружили это фонетическое явление на стыке слов, и всего лишь в единичном случае.

Ex: And you could talk about [ændʒu:]

Нами было замечено, что Yod слияние было полным и частичным, то есть с частичным сохра-

нением выдержки звука [j].

*Ex: you were intellectually dead [,ɪntɪ'lektʃuəli]
Essentially these all higher theoretical approaches.. [i'sentʃ(ə)li]*

Книжный стиль речи (аудиокнига «Великий Гэтсби»).

По данным нашего эксперимента, в книжном стиле речи процентное соотношение изучаемых нами фонетических явлений составило: t-flap – 88%, элизия – 56%, Yod слияние – 25%. Glottal stop в данном стиле речи отсутствовал (как и в описанном выше нейтральном стиле речи).

T-flap – нами было замечено, что в данном стиле речи самым частотным флэппированным способом произнесения аллофонов является t [ɾ]. Звонкий альвеолярный флэп d [ɹ] нам не встретился ни разу.

Ex: Men and women walked among the beautiful flowers ['bjʊ:rəfʊl]

His motorboat roared across the bay ['mɔʊə,bəʊt]

Исходя из этих данных, мы можем говорить об употреблении глухого альвеолярного аллофона с точки зрения системности (чего мы не можем сказать о нейтральном стиле речи). В лекциях Питера Роуча встречался как флэппированный t [ɾ], так и звонкий альвеолярный d-flap [ɹ]. Следовательно, можно предположить, что в нейтральном стиле речи, в отличие от книжного, употребление этого фонетического явления не носит системный характер, либо использование звонкого альвеолярного флэпа-аллофона фонемы /d/ является индивидуальной особенностью диктора нейтрального стиля.

Также как и в нейтральном стиле речи, в книжном стиле речи t-flap наблюдался как в середине слова в 68% употребления, так и на стыке слов в 32% употребления при достаточном фонетическом контексте.

Ex: My neighbor, Mr. Gatsby, gave parties all through the summer ['pa:ris]

Gatsby's guests swam in the sea or sat on his beach ['sæər on]

Процентное соотношение употребления флэпа в позициях: на стыке слов и в середине слова практически совпадает с процентным соотношением употребления флэпа этих же позициях в нейтральном стиле речи.

Проанализировав процентное соотношение появления флэпа в нейтральном и книжном стиле речи, мы можем сделать вывод о том, что использование флэппированного аллофона как позиционного приобрело статус тенденции, а комбинационное все еще остается окказиональным.

Нами было замечено, что как в нейтральном стиле речи, так и в книжном стиле t-flap отсут-

ствовал при достаточном фонетическом контексте в том случае, если слово было ядерным или произносилось с замедленным темпом. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что на выбор аллофона в данном случае (а также в речи Питера Роуча) в большой степени влияют супрасегментные характеристики высказывания.

Ex: The party has started!

Not | all these people had been invited to Gatsby's house.

Элизия – по данным нашего эксперимента, процентное соотношение употребления данного фонетического явления в книжном стиле речи составило 56%, то есть приобрело статус тенденции.

В отличие от нейтрального стиля речи, где элизии подвергались как гласные, так и согласные звуки, в книжном стиле речи элизии подвергались только согласные звуки. Чаще всего это был звук [t].

Ex: Gatsby's cars carried his guests to and from the city ['gess]

..everyone was a little drunk ['lil].

Cars from New York were parked outside ['pa:k]

Как и в лекции Питера Роуча, так и в аудиокнижке «Великий Гэтсби» элизии подвергались также звуки, отвечающие за правильность грамматического оформления речи. Процент их реализации составил всего 14%. Следовательно, мы можем сказать, что такой характер элизии не является системным в этом стиле речи (собственно, как и в нейтральном стиле речи).

Ex: Men and women walk(ed) among the beautiful flowers

Cars from New York were park(ed) outside Gatsby's house

Исходя из анализа двух стилей речи, мы можем сделать вывод, что элизия звуков, отвечающих за грамматические формы, расширяет свои стилевые рамки. Учебники по фонетики еще тридцатилетней давности утверждали, что элизия как таковая принадлежит сугубо фамильярному стилю речи, а элизия звуков-формантов грамматических форм вообще не допустима.

Нами было замечено, что так, как и в официальном стиле речи, в аудиокнижке элизия наблюдалась в середине слова в 14% употребления, в конце слова в 64% употребления, а также во вспомогательных частях речи.

Ex: Gatsby's guests swam in the sea or sat on his beach ['gess]

Food was brought from New York ['brɔ:]

Jordan asked her ['a:sk ə:]

Также нами было выявлено, что элизия при достаточном фонетическом контексте отсутствовала,

если два звука в паре составляли фонетическое целое (как и в лекции Питера Роуча).

Ex: I always have a goo(d) (t)ime ['gu(d) '(t)aim]

I walk(ed) (t)owards her ['wɔ:k(t) (t)ə'wɔ:d(z)]

Данное фонетическое целое является немой паузой и везде, где оно имело место в речи диктора, оно не разрывалось.

Следует отметить, что нами было замечено в единичном случае выпадение звука [d] в слове *band*, несмотря на то, что это слово было ядерным.

Ex: At 'seven o'clock the band started to play

Yod слияние – в книжном стиле речи данное фонетическое явление было употреблено всего лишь один раз из возможных четырех.

Ex: Sometimes they were introduced to Gatsby [in-trə'dzu:st]

Судя по этим данным, мы можем сделать вывод о том, что Yod слияние не носит системный характер, а также является не типичным для книжного стиля речи.

В целом, фонетисты рассматривают явление Yod слияния наряду с похожей звуковой модификацией Yod выпадением (Yod-dropping) [4].

Хотя известно, что явление Yod-выпадение больше характерно для американского национального стандарта, считается, что данные явления могут быть взаимозаменяемым. Что нами и наблюдалось в книжном стиле речи.

Ex: ..due to the fact that ..[du:]

В этой фразе диктором было использовано Yod выпадение.

Разговорный стиль речи (интервью принца Уильяма с Кейт Мидлтон о помолвке) [6].

По данным нашего исследования в разговорном стиле речи процентное соотношение вышеописанных нами фонетических явлений составило: t-flap – 75%, элизия – 65%, glottal stop – 87,5%. Стоит заметить, что это единственный стиль речи (из тех, которые мы анализировали), в котором было выявлено такое фонетическое явление как glottal stop. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что это фонетическое изменение типично для разговорного стиля речи и не типично для нейтрального и книжного. Yod слияние в речи принца не наблюдалось, хотя в книжном и нейтральном стиле речи это явление имело место.

T-flap – нами было замечено, что как в книжном стиле речи, так и в разговорном самым частотным флэпшированным аллофоном являлся t [ɾ]. Звонкого альвеолярного d-флэпа [ɹ] не наблюдалось.

Ex: I've planned a sort of event ['sɔ: r əf]

Следовательно, употребление этого фонетического явления носит системный характер (как и в книжном, и в нейтральном стилях речи).

Также как и в предыдущих двух стилях речи, в разговорном t-флар наблюдался как в середине слова в 33% употребления, так и на стыке слов в 66% употребления при достаточном фонетическом контексте.

Ex: it takes a certain motivation [ʼsə: m tauri'veifn]

Стоит заметить, что процентное соотношение употребления флэпа в позициях на стыке слов и в середине слова не совпадает с процентным соотношением употребления флэпа в этих же позициях в нейтральном и книжном стилях речи.

Другими словами, так как флэппированный аллофон апекально-альвеолярной фонемы /t/ стабильно встречался в трех разных стилях речи как комбинаторный, так и позиционный и имеет довольно высокий процент использования (около 40% в нейтральном стиле, 88% в книжном и 75% в разговорном), мы можем сделать вывод о том, что данное фонетическое явление либо уже имеет статус альтернативного стандартного звучания, либо в ближайшее время его приобретет.

Нами также было замечено, что t-флар отсутствовал при достаточном фонетическом контексте в том случае, если слово было ядерным или произносилось с замедленным темпом, что мы и наблюдали в предыдущих двух стилях речи.

Ex: I've been planning it for a long, but | as very guy there you know

Таким образом, наш вывод о том, что на выбор флэппированного аллофона в большой степени влияют супrasegmentные характеристики высказывания, подтвердился и в разговорном стиле речи.

Элизия – как уже отмечалось ранее, процентное соотношение этого фонетического явления составило 65%, то есть также как и в предыдущих двух стилях речи, приобрело статус тенденции.

В разговорном стиле речи (как и в нейтральном) элизии подвергались как гласные, так и согласные звуки.

Ex: we had little private time [ʼli:l] *three weeks ago on holyday in Kenya* [ʼhɔləd]

Но следует отметить, что чаще всего элизии подвергался звук [t], в середине слова в 10% употребления, а на стыке слов в 90%.

Ex: a beautiful time [ʼbju:ful] *we've been talking about marriage* [ə'bau]

Нами также была замечена элизия в начале слова.

Ex: it was quite a nice because of course she won't be sharing [ʼkɔz]

Как в вышеописанных двух стилях, так и в разговорном элизии подвергались звуки, отвечающие за правильность грамматического оформления речи. Процент их реализаций составил 11%.

Ex: I've been reliably inform(ed)
I just decid(ed) that it was right time

Несмотря на то, что такой вид элизии присутствует во всех трех стилях речи, мы не можем сказать, что он носит системный характер, так как во всех трех стилях имеет очень маленький процент реализации – до 15%.

Также нами было замечено, что, как и в предыдущих двух стилях речи, так и в разговорном элизия отсутствовала, если два слова в паре составляли фонетическое целое.

Ex: you know i(t) (t)akes a certain motivation [i(t) (t)eiks]
we had little priva(te) (t)ime [praivi(t) (t)aim]

Данное фонетическое целое является немой паузой и везде где оно имело место в речи диктора, оно не разрывалось.

Glottal stop – до недавнего времени данное фонетическое явление считалось абсолютно диалектным. В последнее время британские фонетики (например, Джон Уэллс) описывают это явление, как вошедшее в стандарт, но с определенными оговорками. Во-первых, гортанный взрыв считается стандартным, если произносится на стыке слов, либо морфем и перед согласным звуком. Во-вторых, если glottal stop является избыточным, то его звучание считается диалектным (Cockney, Estuary English). Стандартом является лишь окказиональное использование.

В исследуемом нами отрывке разговорного стиля речи гортанный взрыв употреблялся в середине слова в 14% употребления, в конце слова в 86%, перед согласной в 57% употребления и в 43% перед гласной.

Ex: in my rucksack for three weeks [ʼru?sæk]
I just felt really right at it [ʼfel?]
I just decided that it was right time really [ʼðæ?], [ʼrai?]

Так как принц Уильям является безусловным носителем RP, мы можем рассматривать его речь как яркий образец новых тенденций в произносительном стандарте. С другой стороны, несмотря на свое королевское происхождение, его речь имеет диалектные особенности произношения, исходя из процентного соотношения употребления glottal stop, что в свою очередь является довольно странным.

Поэтому мы можем сделать вывод о том, что либо такой способ произношения является индивидуальной особенностью данного представителя королевской семьи, либо стандарт все больше и больше изменяется в сторону демократизации в речи молодого поколения.

Итак, общее число реализаций этих явлений в фонетических контекстах во всех выше представленных стилях речи составляет:

- ✓ Т – flap – 68%
- ✓ Элизия – 57%
- ✓ Yod слияние – 43%
- ✓ Гортанный взрыв (glottal stop) – 87,5% - это явление прослеживалось только в речи принца Уильяма и имело большое количество реализаций.

В других стилях речи это явление вообще не проявлялось.

Судя по этим цифрам, мы можем сказать, что эти явления приобрели статус тенденции в стандарте, которая в скором времени вполне может стать закрепленным стандартом произношения.

Литература

1. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. URL: <https://www.macmillanenglish.com/ru/catalogue/graded-readers/macmillan-readers/macmillan-readers-the-great-gatsby-pack>
2. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge: Heffen, 1960. 378 p.
3. Peter Roach: Lectures. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6774820535749371402>
4. Wells J.C. Accents of English: An Introduction. Cambridge: C.U.P., 1982. 187 p.
5. Wells J.C. Whatever happened to Received Pronunciation? URL: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/rphappened.htm>

References

1. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. URL: <https://www.macmillanenglish.com/ru/catalogue/graded-readers/macmillan-readers/macmillan-readers-the-great-gatsby-pack>
2. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge: Heffen, 1960. 378 p.
3. Peter Roach: Lectures. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6774820535749371402>
4. Wells J.C. Accents of English: An Introduction. Cambridge: C.U.P., 1982. 187 p.
5. Wells J.C. Whatever happened to Received Pronunciation? URL: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/rphappened.htm>

*Demonova Yu.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State University of Economics*

PHONETIC FEATURES OF THE MODERN BRITISH ORTHOEPIC STANDARD

Abstract: the orthoepic standard of the English language is currently undergoing significant changes, so it is extremely important for non-native speakers to understand which segmental ways of speech design will be relevant to the current situation of communication. Speakers for whom English is a non-native language experience considerable difficulties in choosing phonetic segmental ways of forming literate speech, constantly maneuvering between outdated academic sound and frankly dialect disarticulations. According to D. Jones [2], the only pronunciation style that is subject to practical mastering is the rapid conversational style, because it lacks the artificiality inherent in clear, carefully worked-out speech, and reflects the norms of a living language. On the other hand, English is widely used as a basic language for conducting business negotiations, communicating in the workplace, that is, in those situations where strict compliance with the pronunciation norm within the framework of the modern standard is required. Thus, the aim of our work is to find out experimentally to what extent the dialectal pronunciation features, now described by native speakers as the norm, have penetrated into various speech styles. The conducted experimental research will help non-native speakers to use English more competently and accurately in various types of discourse, which, in turn, contributes to achieving more complete and desired communication results.

Keywords: orthoepic standard of the English language, T-flap, glottal stop, Yod fusion, elision, functional speech styles

*Дзахова В.Т., доктор филологических наук, доцент,
Терашвили Т.А., аспирант,*

Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова

КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТЬ МЕДИАТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Аннотация: особенностью современных СМИ является то, что в них, в гораздо большей степени, чем в текстах других жанров, проявляется национально-культурная специфика мировосприятия. Тексты СМИ особым образом кодируют культуроспецифичную информацию как на уровне содержания, так и на уровне языка. Выделение в медиа текстах всей совокупности культурозначимой информации, позволяет максимально полно декодировать представленную в текстах информацию. Анализ лингвистических средств, участвующих в создании культуроспецифичности английских и осетинских СМИ при освещении событий грузино-осетинского конфликта 2008 года и посвящена данная статья. В частности, в ходе анализа происходит выделение денотативного, коннотативного, ассоциативного и метафорического уровней культурологического контекста.

Ключевые слова: медиа тексты, культуроспецифичность, осетинские СМИ, английские СМИ

Любой медиа текст представляет собой своеобразное место пересечения культуры и языка, место, где имплицитно или эксплицитно языковыми средствами выражена культуроспецифичная информация. Это обусловлено тем, что современные медиа тексты, в силу своей специфики, являются самой широко тиражируемой формой существования языка. С одной стороны, они отражают окружающую действительность, транслируя при этом определенную идеологию. С другой стороны, они позволяют понять культуру, представляя собой вербальную форму отражения культурного опыта. Культура, выраженная в медиа текстах, составляет основу их культуроспецифичности, которая может проявляться как на медийном уровне (особенности строения медиа текстов, наличие определенных рубрик и т.д.), так и на языковом (использование определенных языковых средств для выражения тех или иных смыслов). Иными словами, медиа тексты являются способом кодирования культуроспецифичной информации. Важную роль для правильной интерпретации содержащейся в медиа текстах информации играет культурологический контекст, т.е. совокупность всех содержащихся в тексте культурозначимых сведений.

При анализе языкового материала, мы, вслед за Т.Г. Добросклонской, исходим из наличия в культурологическом контексте следующих уровней:

1. Денотативного, представленного словами и словосочетаниями, обозначающими реалии той или иной культуры.

2. Коннотативного, представленного словами и словосочетаниями, которые сами по себе не являются культуроспецифичными, но имеют определенную, характерную для определенной культуры коннотацию.

3. Ассоциативного, для которого характерно использование слов и словосочетаний,

обозначающих реалии, и имеющих определенные ассоциативные связи в данной культуре.

4. Метафорического, объединяющего не только метафоры, но и многообразные цитаты, аллюзии, пословицы, поговорки и т.п., в которых в скрытом смысле проявляется национальная культура /3, с.174/.

В данной статье анализируется культуроспецифичность югоосетинских и англоязычных статей, посвященных событиям 2008 года. Интерес представляют различия в подаче материала, обусловленные как разностью идеологий, так и принадлежностью к разным культурам.

Основные результаты

Наиболее легким для вычленения и узнавания в текстах является первый уровень контекста – денотативный, который обычно представлен именами собственными, названиями партий, улиц, городов, исторических мест и т.п. Наличие в медиа текстах единиц с денотативным культуроспецифичным контекстом можно считать обязательным, т.к. любой медиа текст, описывая, анализируя, комментируя, освещая события жизни определенного языкового коллектива, одновременно отражает и реалии и факты данного коллектива.

В осетинских текстах денотативный уровень культурологического контекста представлен, в основном, фамилиями, именами, названиями улиц, городов, населенных пунктов, организаций:

Хуссар Ирыстон, Ирыстон, «Чермен», Тыбылты Леонид, Хъуылымбегты Доменти, Бибылты Анатоли, Цагат Ирыстон-Алани, Битарты Вячеслав, Тайсауты Хъазбег, Цыбырты Людвиг, Къарджиаты Эльбрус, Гаглоиты Лорæ, Гобозты Вячеслав и т.д.:

Рæзы, нæ цæстыты раз, рæсугъддæр кæны нæ уарзон горæт **Цхинвал**.

Ныртæккæ активон куыст цауы Гаглойты Владимиры, Горькийы, Фæскомцæдисы, Хуыбылты Валерийы æмæ Тугъанты Махарбеджы уынгты.

Банысан кæнын хъæуы уый, æмæ горæты уынгты хæрзарæзтады фæдыл æппæт куыстытæ дæр кæй æххæст кæны паддзахадон унитарон куыстуат «Дорэкспострой», кæцыйæн йæ къухдариуæггæнæг у Лалыты Мурат.

Если для жителей Южной Осетии все эти реалии хорошо знакомы, то для понимания читателей, живущих за пределами республики, все реалии снабжены соответствующими разъяснениями, например:

Цæгат Ирыстон-Аланийы Республикæйы Сæргълаууæджы хæстæ æххæстгæнæг Битарты Вячеслав дæр арфæ ракодта Ирыстоны адаман. – Временно исполняющий обязанности Главы Республики Северная Осетия-Алания Вячеслав Битаров также поздравил жителей Осетии.

Хайад дзы райстой Хуссар Ирыстоны Президент Тыбылты Леонид, Хицауады Сæрдар Хъуылымбегты Доменти, Парламенты Сæрдар Бибылты Анатоли. – В нем участвовали Президент Южной Осетии Леонид Тибилев, Председатель Правительства Доменти Кулумбегов, Председатель Парламента Анатолий Бибилов.

Следующий уровень культурологического контекста, коннотативный, выражается словами, которые легко можно перевести на другой язык, но в осетинской культуре они, кроме нейтрального лексического значения, обладают еще дополнительно определенной коннотацией. В данном тексте такими словам являются *æфсымар* и *æфсымарон*:

Бузныг загъта, ацы нысаниуæгджын бон немæ чи банысан кодта, уыцы уазджытæн Уæрæсейæ, Луганскæй, Донецкæй, *æфсымарон* Цæгат Ирыстонæй. – Он поблагодарил отметивших с нами этот знаменательный день гостей из России, Луганска, Донецка, братской Северной Осетии.

Нæ нысаниуæгджын бæрæгбон ма уыцы бон немæ нысан кодтой нæ бæстæйы халæрттæ не *'фсымæртæ* ... – Этот знаменательный праздник с нами отмечали в этот день наши друзья и братья ...

Слово *æфсымар*, которое переводится как «брат», имеет в осетинском языке только положительную коннотацию. Так называют не только братьев, но лучших друзей, готовых в любое время прийти на помощь. В данном случае лексема *æфсымар*, применяемая к Северной Осетии, с одной стороны подчеркивает, что в те трагические августовские дни жители Северной Осетии пришли на помощь Южной Осетии. С другой стороны, эта лексема выражает и надежду граждан обе-

их республик на объединение, на восстановление исторической справедливости, так как исторически единый народ был разделен на две части с приходом советской власти: часть севернее Кавказского хребта попала под юрисдикцию РСФСР, южнее – Грузинской АССР.

К коннотативному уровню следует отнести, прежде всего, словосочетание *стыр бæрæгбон*, которое дословно переводится как великий праздник, но имеет в осетинском языке особое значение, поскольку так обозначаются только важные, значимые для осетинской культуры даты, связанные, прежде всего, с религиозными верованиями осетин. Например: *Абон на Ирыстоны райдыдта стыр барагбон - Джеморгуыба!!!* – «Сегодня в Осетии начался великий праздник – день святого Георгия!!!»

В тексте словосочетанием *стыр бæрæгбон* называется день, когда Россия признала независимость Южной Осетии, и этот день с 2008 года отмечается также торжественно, как и религиозные праздники осетин:

Æмæ уый та у нæ хæдбардзинад нын чи банымадта æмæ абон стыр бæрæгбон кæй фæрцы нысан кæнæм, уыцы Стыр Уæрæсейы цæстуарзон æххуысы руаджы. – И это возможно благодаря Великой России, которая признала нашу независимость и оказала щедрую помощь.

Название месяца августа можно отнести одновременно и к коннотативному уровню, и к ассоциативному. Ассоциативно месяц август навсегда уже связан с новой историей Южной Осетии, вызывая как отрицательные, так и положительные ассоциации одновременно. Отрицательные ассоциации связаны с нападением Грузии на Южную Осетию и с гражданами республики, погибшими в результате этого нападения. Положительные ассоциации связаны с тем, что сбылась вековая мечта народа Южной Осетии – он стал независимым, и эту независимость признала Россия:

Августы маей æнустæм баззайдæнис нæ мысынады, уæлдайдæр та ам чи баззайдысты, уыцы бæрцыл цæрджытæн. – Месяц август навечно останется в нашей памяти, особенно для тех немногих, кто здесь остался.

Особое внимание следует уделить слову *Ирыстон*, ассоциативный контекст которого связан с образом объединенной Осетии, не разделенной границами и полностью входящей в состав России. Лексема *Ирыстон* представляет собой культуроспецифичную единицу, обусловленную особенностью национального самовосприятия северных и южных осетин как одного народа.

Ассоциативный контекст представляет собой и дата 26 августа, мало что говорящая посторонним, но имеющая важное значение для жителей Южной

и Северной Осетий. Это дата признания независимости Южной Осетии Российской Федерацией. Эта дата представляет собой олицетворение одного из самых заветных желаний осетин и широко празднуется в Южной Осетии как День признания независимости республики.

Ассоциативный контекст в статье создается также словами и словосочетаниями *хæствæллад Ирæстон* «уставшая от войн Осетия» (путь к независимости был долгим, Южная Осетия несколько раз подвергалась геноциду со стороны Грузии), *тугæрхæмттæ* «кровоточащие раны», *Ирæстон сулæфыд* «Осетия вздохнула» (освободилась от оков). Это все отсылки к кровавым событиям, произошедшим 8 августа 2008 года.

Метафорический контекст в анализируемых статьях отсутствует, что обусловлено их новостным характером.

В английских медиатекстах о войне 2008 года культуроспецифичность выражается опосредованно, так как ракурс повествования смещен. Следует учитывать географию войны, в которой принимали участие Южная Осетия, Грузия и Россия. В данном случае в англоязычных медиатекстах взгляд является сторонним, в отличие от осетинских медиа, которые освещают события «изнутри».

В английских текстах денотативный уровень культурологического контекста представлен такими названиями как *The United States, Georgia, Russia, South Ossetia, Abkhazia, Georgian President Mikheil Saakashvili, Washington, Georgian-Russian relations, Dmitry Medvedev, Vladimir Putin, Moscow, Tbilisi*:

Russian views of Saakashvili changed over the past five years as Moscow perceived Tbilisi to become increasingly hostile and watched Saakashvili use threats of force to topple the government of another autonomous region, Ajaria, in 2004 /11/. - За последние пять лет отношение России к Саакашвили переменялось, поскольку Москва наблюдала, как тот ведет себя все более враждебно; также, грозя применением силы, в 2004 году он сверг правительство другой автономной области, Абхазию.

Georgia's president clearly thought that his troops could quickly occupy South Ossetia and that Russian President Dmitry Medvedev and Prime Minister Vladimir Putin would not dare to intervene because doing so might provoke the West, especially the United States /11/. - Президент Грузии явно полагал, что его войска смогут быстро занять Южную Осетию, а президент России Дмитрий Медведев и премьер-министр Владимир Путин не посмеют вмешаться, чтобы не спровоцировать Запад, в особенности Соединенные Штаты.

Использование в медиа текстах некоторых англоязычных названий своими масштабами выходит за пределы собственной локальности. Они стали часто встречаться в медиа текстах на осетинском, русском и других языках. К примеру, *the West – Zanad*, лексема, которую принято употреблять для обозначения целого ряда понятий, начиная, в том числе, с географического расположения, образа жизни, менталитета и заканчивая политическими взглядами и представлениями о миропорядке.

В анализируемом тексте название *The West* обозначает политическую власть стран западной Европы и США. В данном случае лексема относится к коннотативному и ассоциативному уровням. Кроме того, лексема *the West* может быть отнесена и к денотативному уровню, для обозначения стран по их географическому расположению. Общее название для этих стран логически передает понятие, которое выражает чуждые ценности, мировоззрение, культуру. Таким образом, данное слово отражает все три уровня культурологического контекста, однако коннотативный и ассоциативный уровни представлены большим разнообразием его значений. Данное название для жителей стран Запада в своем собственном представлении чаще всего передается в позитивном контексте. Коннотации здесь связаны с автостереотипами, которые возвеличивают образ своей нации. В конкретном примере «*the West*» автор отводит главенствующую роль Соединенным Штатам. Что касается культурологического контекста, для противостоящих стран, в том числе для России, Запад олицетворяет «все зло в мире».

Коннотативный уровень в английском медиатексте выражается в словах, обозначающих качество этих предметов.

American officials should reflect on the implications of Saakashvili's behavior for U.S. policy toward Georgia, Russia and the region /11/. - Американским официальным лицам следует поразмыслить над последствиями поведения Саакашвили для политики США по отношению к Грузии, России и данного региона.

По аналогии с лексемой «*Zanad*», словосочетание «*политика США*» вызывает у российского читателя отрицательные коннотации, сопряженные с вмешательством данной страны во внутренние дела других государств. Создание так называемого однополярного мира, в котором существует единый центр политического и экономического влияния. Напротив, у автора текста нет подобных интенций и, под этим словосочетанием он подразумевает политику *продвижения демократии (promoting democracy)*, проводимую в интересах

своей страны, но не препятствующую развитию других государств.

Под лексемой *the region* подразумевается Южная Осетия, вопрос о международно-правовом статусе которой является спорным. Она вызывает раздражение у осетинского читателя, для которого существует только один статус – Республика Южная Осетия – государство Алания, признанный Российской Федерацией и рядом других стран.

Throughout history, weak nations with powerful neighbors have energetically sought strong allies /11/. – История знает много случаев, когда слабые страны, имеющие сильных соседей, активно искали себе сильных союзников. Все эти три выражения переводятся буквально, так как имеют также нейтральное лексическое значение в отрыве от контекста. В анализируемой статье словосочетания выражают определенную коннотацию, характеризующуюся стремлением слабо развитых государств к поиску политических и экономических тяжеловесов, в качестве союзников на международной политической арене. Нет сомнений, что словосочетания в данном предложении вызывают определенные ассоциации, так как предложение представляет обобщенное высказывание, применимое в различных контекстах. В качестве примера-ассоциации дальше в тексте приводят союзничество Сербии и России против Австро-Венгерской империи, Польши и Великобритании против нацистской Германии.

Следующий уровень культурологического контекста, метафорический, выражается в английских статьях достаточно емко. Это связано с тем, что исследуемый материал является авторским взглядом на войну и напечатан в специальном разделе *Opinion* (Мнение).

Saakashvili's recent statements demonstrate how well he has learned to push America's buttons, probably with the help of his government's lobbyists in Washington /11/. – Недавние заявления Саакашвили демонстрируют, что он научился играть на струнах Америки – вероятно, не без помощи своих лоббистов в вашингтонском правительстве.

To push someone's buttons – (дословно «нажимать на кнопки») это идиоматическое выражение, которое впервые появилось в Америке 1920 гг., когда электричество устанавливалось в широких масштабах. Возможность одним нажатием кнопки включить появившиеся первые предметы бытовой техники, оказала большое влияние на образ жизни. В скором времени метафора распространилась на другие вещи, которые имеют немедленный эф-

фект, например, способность вызывать определенную эмоцию, реакцию.

Saakashvili has embraced this tried-and-true strategy with gusto, sending a substantial share of the country's small army to Iraq (from which its troops were understandably recalled in recent days) and parroting Bush administration talking points on international issues -- especially on promoting democracy -- more than almost any other leader worldwide /11/. – Саакашвили с удовольствием воспользовался этой проверенной стратегией, отправив значительную долю маленькой грузинской армии в Ирак (откуда его войска в последние дни по понятным причинам были отозваны) и вторя как попугай доктринам администрации Буша по международным вопросам – особенно в области продвижения демократии – больше, чем чуть ли не любой другой лидер на планете.

Идиома “*tried-and-true*” (проверенный) дословно «опробованный и подлинный» используется для определения чего-то, что себя зарекомендовало, опробовано временем и никогда не подводит. Вместе с итальянским заимствованием “*gusto*” (с итальянского «вкус», далее с латинского *gustus* «вкус, чувство вкуса»), выражение имеет отрицательную коннотацию. Автор с помощью заимствованного слова, как правило, употребляющегося в противоположном позитивном контексте – *with gusto* – делать что-либо с энергией и энтузиазмом, – иронизирует по поводу корыстных намерений президента Грузии.

Saakashvili parroting Bush administration. Автор с помощью метафоры сравнивает президента Саакашвили с попугаем, который подражает всему, что слышит, не разбирая сути сказанного. От чего, как очевидно, страдает политика США.

Анализ материала позволяет сделать выводы о том, что и в осетинских, и в английских медиа текстах широко представлены языковые средства для передачи культурозначимой информации. В осетинских текстах большей частью представлены денотативный, коннотативный и ассоциативный уровни. В английских медиа текстах, кроме перечисленных трех уровней, широко представлен и метафорический уровень, что придает текстам СМИ яркость и запоминаемость, способствуя лучшему проникновению в сознание читателей. Следует, однако, отметить, что в большинстве случаев коннотативный, ассоциативный и метафорический уровни требуют для их декодирования определенных фоновых знаний, у читателей, без которых они не могут правильно декодироваться.

Литература

1. Дейк Т.А. ван «Язык. Познание. Коммуникация». Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 111 – 113.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., УРСС, 2005. С. 202 – 212.
3. Добросклонская Т.Г.. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта. 2008. С. 174.
4. Кривенко Б.В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект. Воронеж, 1993. С. 23 – 27.
5. Къеза Дж. Со стороны виднее / Новая газета. 1997. № 11.
6. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., Флинта-Наука, 2006. С. 320.
7. Язык современной публицистики // Сборник статей / под ред. Солганика Г.Я. М., Флинта-Наука, 2005, С. 144, 179.
8. Haynes J. Style. London, Routledge, 1996. С. 73.
9. Ирыстон банысан кодта Хæдбардзинады бон // Хурзæрин, 29.08.2016 <https://new.xurzarin.ru/iryston-banysan-kodta-xaedbardzinady-bon/>
10. ЗÆРДÆ РАЙЫ // Хурзæрин», 26.08.2016 <https://new.xurzarin.ru/zaerdae-rajy/>
11. Washington Post, Georgia's Recklessness, by Paul J. Saunders, Friday, August 15, 2008. <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/14/AR2008081403053.html?hpid=opinionsbox1>

References

1. Dejk T.A. van «Jazyk. Poznanie. Kommunikacija». Blagoveshensk: RIO BGK im. I.A. Bodujena de Kurtenje, 2000. S. 111 – 113.
2. Dobrosklonskaja T.G. Voprosy izuchenija mediatekstov. M., URSS, 2005. S. 202 – 212.
3. Dobrosklonskaja T.G.. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI (Sovremennaja anglijskaja mediarech'). M.: Flinta. 2008. S. 174.
4. Krivenko B.V. Jazyk massovoj kommunikacii: leksiko-semioticheskij aspekt. Voronezh, 1993. S. 23 – 27.
5. K'eza Dzh. So storony vidnee. Novaja gazeta. 1997. № 11.
6. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika. M., Flinta-Nauka, 2006. S. 320.
7. Jazyk sovremennoj publicistiki. Sbornik statej. pod red. Solganika G.Ja. M., Flinta-Nauka, 2005, S. 144, 179.
8. Haynes J. Style. London, Routledge, 1996. S. 73.
9. Iryston banysan kodta Hædbardzinady bon. Hurzærin, 29.08.2016 <https://new.xurzarin.ru/iryston-banysan-kodta-xaedbardzinady-bon/>
10. ZÆRDÆ RAJY. Hurzærin», 26.08.2016 <https://new.xurzarin.ru/zaerdae-rajy/>
11. Washington Post, Georgia's Recklessness, by Paul J. Saunders, Friday, August 15, 2008. <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/14/AR2008081403053.html?hpid=opinionsbox1>

*Dzakhova V.T., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Terashvili T.A., Postgraduate,
North Ossetian State University named after Kosta Levonovich Khetagurov*

**CULTURAL SPECIFICITY OF MEDIA TEXTS (BY THE
MATERIAL OF OSSETIAN AND ENGLISH MEDIA)**

Abstract: a feature of modern media is that in them, to a much greater extent than in the texts of other genres, the national and cultural specificity of the worldview is manifested. Media texts encode culture-specific information in a special way, both at the level of content and at the level of language. The selection of the entire set of culturally significant information in media texts allows decoding the information presented in the texts as fully as possible. This article is devoted to the analysis of linguistic means involved in creating the cultural specificity of the English and Ossetian media when covering the events of the Georgian-Ossetian conflict of 2008. In particular, in the course of the analysis, the denotative, connotative, associative and metaphorical levels of the cultural context are identified.

Keywords: media texts, cultural specificity, Ossetian media, English media

*Кравцова В.Д., ассистент,
Гераськова М.М., старший преподаватель,
Институт образования и гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта*

ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ КАК СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ ДЕМЕНТЬЕВА

Аннотация: в статье на основе функционально-семантического подхода к анализу текста рассматривается модальное значение желательности, составляющее наряду с другими значениями ситуативной модальности (значениями возможности, необходимости и долженствования) план содержания авторской модальности в лирике известного российского поэта Андрея Дмитриевича Дементьева. Устанавливается план выражения желательности как полевой структуры, где ядерное положение занимает модальный глагол *хотеть*, характеризующийся высокой емкостью модальной семантики и наибольшей частотностью употребления в рассматриваемых стихотворениях А. Дементьева. Выявляется специфика модальной семантики данного глагола в условиях бинарной оппозиции «хочу / не хочу», прослеживается его функционально-семантическая связь с глагольными экспликаторами других значений ситуативной модальности, в том числе значений возможности и необходимости. Обращается внимание на особенности функционирования в роли экспликаторов значения желательности несобственно модальных глаголов *надеяться*, *мечтать*. На основании анализа делается вывод о текстообразующей роли модального значения желательности в стихотворениях Андрея Дементьева, позволяющей раскрыть глубину духовно-нравственных устремлений и эмоциональных переживаний поэта, которые, проходя сквозной нитью через творчество поэта, составляют его жизненное кредо.

Ключевые слова: модальность, ситуативная модальность, модальное значение желательности, функционально-семантический анализ, экспликаторы желательности, авторская модальность, поэтический текст, Андрей Дементьев

Модальность, являясь, как известно, одной из ключевых языковых категорий, определяющих непосредственную связь высказывания с внеязыковой действительностью, традиционно находится в поле активного внимания исследователей-филологов. «Вряд ли будет преувеличением, – отмечает С.С. Ваулина, – считать широко распространенное мнение о том, что, пожалуй, нет ни одной языковой категории, исследовательский интерес к которой был бы столь активен, каким является интерес к модальности» [4, с. 3]. При этом важно отметить, что в последние десятилетия центр в ее изучении в соответствии с общим антропоцентрическим подходом в гуманитарных, в том числе филологических науках, сместился с модальности предложения, где традиционно выделяется модальность объективная и модальность субъективная с перечислением набора основных средств их репрезентации (см., например: [18]), на модальность текста как законченного речевого произведения, «пронизанного субъективностью и антропоцентрическими устремлениями» [1, с. 194]. И.Р. Гальперин, впервые обозначивший модальность как текстовую категорию, указывает, что, «будучи субъективной по своей природе, категория модальности в тексте носит не грамматический характер, а функционально-семантический» [8, с. 115]. С данным утверждением И.Р. Гальперина соотносится высказывание

Н.С. Валгиной о том, что сама объективная модальность «по сути, отражает, как говорящий (автор) квалифицирует действительность – как реальную или ирреальную, возможную, желательную и др.» [3, с. 285].

В контексте вышесказанного вполне очевидно, что авторская модальность как важная структурно-содержательная составляющая субъективной модальности выступает в качестве текстообразующей категории (см. об этом подробнее: [7, с. 8-13]), чем обуславливается ее достаточно активное исследование как в диахроническом, так и синхроническом аспекте [9, 5, 16, 20 и др.]. При этом исследователи учитывают тот факт, что в текстовой модальности «стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы» [2, с. 13] и в число средств их выражения входят не только средства субъективной модальности, но и средства модальности объективной, в том числе экспликаторы так называемой ситуативной модальности – значений возможности, необходимости, желательности.

В данной статье мы обращаемся к функционально-семантическому анализу одному из структурно-содержательных компонентов авторской модальности — модального значения желательности и средствам его выражения в лирике Андрея Дементьева, одного из ярчайших представителей советской и российской поэзии, опубликовавшего

более 50 сборников стихов, переведенных на многие языки мира.

Предварительно заметим, что значение желательности, в отличие от значений возможности и необходимости, характеризуется повышенным «психологизмом», связанным, «с одной стороны, со сферой удовлетворения человеческих потребностей, а с другой стороны, со сферой эмоционального переживания этих потребностей» [17, с. 3], что вызвало сомнение у ряда исследователей о целесообразности включения данного значения в число модальных. Вместе с тем его тесная смысловая связь со значениями возможности и необходимости, проявляющаяся, в частности, в том, что желание может быть одним из условий реализации данных значений, делает правомерным включение его в состав модальных значений, что, кстати, подтверждается и его словарной дефиницией: «Свойство по знач. прил. желательный; “необходимость”» [19, т. I, с. 475].

Наиболее частотным средством выражения значения желательности, в стихотворениях А. Дементьева является модальный глагол *хотеть*, что вполне закономерно, поскольку он обладает рядом частных значений: «1. Испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-л. 2. «Иметь намерение сделать что-л. 3. Употребляется для обозначения возможности осуществления какого-л. действия» [19, т. II, с. 622]. Реализация данных значений прослеживается в стихотворениях поэта.

Например: «*Хочу* тебя вернуть из прошлого. / Ты не забыта и не брошена» [10, с. 36]; «*Хочу спросить*, – / Не знаю – у кого. / Как дальше жить, // Когда душа в смятенье? <...> *Хочу спросить*, – / Не знаю – у кого, / Что означает странное виденье?» [10, с. 67]; «На дворе уже апрель – / Я *хочу* тебя поздравить с ним» [13, с. 81]; «Я *хотел* тут к озеру *податься*, / Но меня остановил забор» [12, с. 85]; «Чтоб искусством мир объединить. / Музыке *хочу* в любви *признаться*» [13, с. 85].

Весьма показательны в плане высокой степени выраженности значения желательности поэтические строки А. Дементьева, в которых он прибегает к историческим лицам.

Ср.: «Перед бедой не опускаю руки. / Перед врагом не отведу глаза. / *Хочу быть* сильным в горе и в разлуке. / Меня научит мужеству Хамза» [10, с. 123]. Данный поэтический отрывок ярко отражает позицию автора к самому себе, поэт хочет быть сильным в любой ситуации и настойчиво добивается своего. Интересна приведенная в тексте отсылка к Хамзе, который должен научить поэта мужеству. Вероятнее всего, здесь речь идет об узбекском поэте, драматурге и общественном деятеле Хамзе Хакимзаде Ниязе, являющемся осно-

воположником узбекской литературы. Таким образом, поэт обращается к опыту прошлого в своем стремлении обрести силу.

Не менее показательны с точки зрения обращения к историческим аналогам строки из стихотворения «Мойка, 12»: «*Если бы мог – я бы вызвал Дантеса...*» – / Юный земляк мне негромко сказал. / Вот ведь совпало – я тоже когда-то, / Грустным мальчишкой ступив на порог, / С горькой отвагой простого солдата / *Очень хотел бы нажать* на курок» [14, с. 67]. Приведенный поэтический отрывок примечателен тем, что модальность желательности реализуется в нем посредством глагола *хотеть* в форме сослагательного наклонения, и это придает данному значению потенциальный характер. Однако и здесь отчетливо прослеживается связь поколений, выраженную через стремление к чему-то, пусть и недостижимому, но к тому, что объединяет мальчишку и поэта.

Еще одной формой выражения желания со значением стремления к чему-либо в стихотворениях поэта являются сравнительные конструкции с модальным глаголом: «Я иногда *хочу быть* одинок / Среди людей – / *Как тайна между строк*» [14, с. 270]. Подобные конструкции отражают стремление поэта уподобиться кому-то или чему-то. В большинстве случаев употребления подобных сравнительных оборотов поэт стремится уподобиться природе, стать с ней одним целым или же, как в приведенном примере, чему-то неосязаемому. В подобных случаях модальность желательности вступает в тесную связь с коммуникативной стратегией самопрезентации автора в тексте, через форму сопоставления «я=другой...».

В плане вышесказанного одним из ярких примеров является стихотворение «О самом главном»: «И все-таки я *хочу* самого страшного, / Самого неистового *хочу!* / Пусть мне будет беда вчерашняя / И счастье завтрашнее по плечу. / Я *хочу* и болей, и радостей. / Я *хочу* свою жизнь прожить / Не в полсердца, не труся, не крадучись. / Я *взахлеб* ее *стану пить*. // Я *хочу* ее полной мерой – / В сердце, в руки, в глаза и сны...» [15, с. 82]. В стихотворении, состоящем из пяти строф, поэт пять раз прибегает к использованию оптативной модальности для выражения собственного желания. При этом, исходя из контекста, можно говорить о том, что словосочетание *стану пить* может быть трансформировано в *хочу/должен пить*, и этот конкретный факт свидетельствует о функциональной близости значений ситуативной модальности, о чем мы говорили выше.

Подобное желание нашло отражение и в стихотворении «Диалог»: «– *Хочу быть* нежным с тобой. / – И грубым? / – *Хочу* твоим рыцарем *быть*. / – И другом? / – *Хочу быть* снегом твоим и ветром. /

Дождем, смывающим все следы. / *Хочу быть* добрым / нежданным светом / в глухую полночь твоей беды. / – *Хочу улыбки* твоей. / – И слез? / – *Хочу сомнения*. / – И надежды? / – Лишь только б встретиться довелось... / – Где ж ты?» [14, с. 246]. В данном тексте также наблюдается связь модальности желательности с коммуникативной стратегией самопрезентации.

Не менее интересны для выявления модальной семантики желательности примеры, в которых автором употребляется оппозиция «*хочу / не хочу*». В предисловии к одному из своих сборников А. Дементьев пишет: «Я не хочу приспособливаться к тому, что мне не нравится. Не хочу суетиться, пытаясь вернуть или обрести чье-то внимание. Я хочу остаться самим собой и в нынешние времена, как бы они ни перекраивали вечные ценности» [13, с. 11]. Данное высказывание весьма отчетливо иллюстрирует авторскую позицию, выражаемую в его поэтических произведениях через лирического героя. Поэту чуждо то, что творится в современном ему мире, он отказывается быть приспособленцем и твердо следует своим нравственным принципам, которые весьма часто им передаются при помощи экспликаторов совмещенных модальных значений желательности и долженствования: «Ни о чем другом *писать не хочу*, / Я буду всегда *писать* о любви <...> И потому я *пишу* о любви. / И останусь верен великой теме» [11, с. 64], что делает авторскую позицию предельно ясной. Ср.: «Буду *писать* о любви / *пишу* о любви = должен *писать* о любви». В приведенном отрывке из стихотворения «Ни о чем другом *писать не хочу*» автор открыто называет главную тему своего творчества, однако следует отметить, что данное стихотворение написано А. Дементьевым в 2018 году, то есть является одним из последних стихотворений поэта, когда он уже полностью переосмыслил свое творчество. А ранее, в 2014 году, поэтом было написано стихотворение «Я хотел *писать*...»: «Я *хотел* *писать* лишь о любви и верности... / Но *пришлось забыть* мне замыслы свои. / Столько накопилось в мире мерзости, / Что *не мог писать* я больше о любви» [15, с. 237]. Если в предыдущем поэтическом тексте А. Дементьева мы обнаруживаем принципиальную позицию автора в выборе главной темы его творчества, то здесь стремление автора, выраженное через модальность желательности, сталкивается с драматической действительностью современного ему мира. В стихотворении наблюдается симбиоз модального значения желательности и модального значения возможности, а точнее, невозможности совершить то или иное

действие. Данный факт, как отмечают С.С. Ваулина и Р.Ф. Абдуллаев, «обусловливается причинами, лежащими в основе возникновения соответствующих ситуативных отношений субъекта действия и действия, которые имеют двоякий характер ... модальные значения возможности могут быть связаны с внешними обстоятельствами, моральными нормами и т.д., а также с определенными качествами самого субъекта» [6, с. 94]. Модальность в приведенном тексте выражена глагольными формами *хотел*, *пришлось* и *не мог* в сочетании с зависимым инфинитивом, из чего очевидно, что желания, стремления поэта и действительность разнятся. Желание *писать* только о любви разбивается о действительность, окружающую поэта, что и приводит к невозможности исполнения данного желания.

В лирике Дементьева встречаются и такие тексты, в которых поэт выражает категорическое нежелание совершать то или иное действие, потому что его взгляд на мир и общество отличается от того, что его окружает: «*Не хотелось* мне бы словом бранным / *Называть* сей социальный "взлет"» [14, с. 47]; «*Обидеть* никого я *не хотел*... / Но без призвания нет успеха в жизни» [12, с. 62]; «И я *не хочу заполнять* / Этот вакуум – / Между будущим счастьем / И счастьем былым» [10, с. 66]; «*Не хочу*, чтобы туристы гаденко / Вслед глазели глазами колкими, / Аппаратами вас ошелкивали: / "Вот булыжная, мол, романтика"..."» [10, с. 108].

В более редких случаях модальность желательности в стихотворениях А. Дементьева выражается с помощью несобственно модальных глаголов *надеяться*, *мечтать*, придающих дополнительный, оптимистический смысл значению желательности, хотя и не всегда этот оптимизм оказывается, с точки зрения автора, оправданным: «Я ж наивно *надеюсь*, / Что добро победить» [14, с. 42]; «И зря *мечтаю* вновь / Тебе в угоду / Я *возвращаю* июльских дней тепло» [14, с. 119]; «А я *мечтал*, любя и беспокоясь, / *стать песней или родником* в пути...» [14, с. 134].

Таким образом, проведенный функционально-семантический анализ модального значения желательности в поэтических произведениях Андрея Дементьева позволил, как нам представляется, показать текстообразующую роль данного значения в совокупности планов его содержания и выражения, заключающуюся в возможности раскрыть многогранную личность автора этих произведений, отличающихся искренним гражданским пафосом, органично переплетающимся с глубоким лиризмом истинного поэта.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.Б. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 533 с.
2. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 133 – 142.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
4. Ваулина С.С. Введение // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: коллективная монография / Под ред С.С. Ваулиной. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 206 с.
5. Ваулина С.С. Средства выражения авторской модальности в «Слове о полку Игореве» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. 2016. Т. 15. № 2. С. 25 – 33.
6. Ваулина С.С., Абдуллаев Р.Ф. Особенности функционирования экспликаторов модального значения возможности в гендерном аспекте (на материале газетных текстов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Вып. 8 (50). Ч. 5. С. 93 – 96.
7. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Филология. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 8 – 13.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
9. Девина О.В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 24 с.
10. Дементьев А.Д. Азарт. М.: Советский писатель, 1986. 180 с.
11. Дементьев А.Д. Годы любви и дни печали. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
12. Дементьев А.Д. Пока я боль чужую чувствую. М.: АСТ, 2012. 254 с.
13. Дементьев А.Д. Стихотворения. М.: Эксмо, 2014. 270 с.
14. Дементьев А.Д. Утро начинается с любви. М.: Эксмо, 2016. 150 с.
15. Дементьев А.Д. Яблоки на снегу. М.: АСТ, 2018. 309 с.
16. Кузнецова А.В. Художественный нарратив М.Ю. Лермонтова: модальность и оценочность. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 142 с.
17. Пелих Е.А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского, английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1984. 18 с.
18. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. М.: Наука, 1980. 709 с.
19. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981-1984.
20. Щукина Д.А. Интертекст как средство экспликации авторской модальности // Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. / Под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 37 – 44.

References

1. Babenko L.G., Vasil'ev I.E., Kazarin Ju.B. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2000. 533 s.
2. Babenko L.G. Ocenochnyj faktor v formirovanii modal'nogo prostranstva teksta. Ocenki i cennosti v sovremennom nauchnom poznanii: sb. nauch. tr. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2009. S. 133 – 142.
3. Valgina N.S. Teorija teksta. M.: Logos, 2003. 280 s.
4. Vaulina S.S. Vvedenie. Kommunikativnyj potencial modal'nosti v diahronii i sinhronii russkogo jazyka: kollektivnaja monografija. Pod red S.S. Vaulinoj. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta. 206 s.
5. Vaulina S.S. Sredstva vyrazhenija avtorskoj modal'nosti v «Slove o polku Igoreve». Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2016. T. 15. № 2. S. 25 – 33.
6. Vaulina S.S., Abdullaev R.F. Osobennosti funkcionirovanija jeksplikatorov modal'nogo znachenija vozmozhnosti v gendernom aspekte (na materiale gazetnyh tekstov). Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. Vyp. 8 (50). Ch. 5. S. 93 – 96.
7. Vaulina S.S., Devina O.V. Avtorskaja modal'nost' kak tekstoobrazujushhaja kategorija (k postanovke problemy). Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. S. 8 – 13.
8. Gal'perin I.R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: Nauka, 1981. 138 s.
9. Devina O.V. Avtorskaja modal'nost' v proizvedenijah A.T. Tvardovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kaliningrad, 2012. 24 s.
10. Dement'ev A.D. Azart. M.: Sovetskij pisatel', 1986. 180 s.

11. Dement'ev A.D. Goda ljubvi i dni pechali. M.: Jeksmo, 2011. 368 s.
12. Dement'ev A.D. Poka ja bol' chuzhiju chuvstvuju. M.: AST, 2012. 254 s.
13. Dement'ev A.D. Stihotvorenija. M.: Jeksmo, 2014. 270 s.
14. Dement'ev A.D. Utro nachinaetsja s ljubvi. M.: Jeksmo, 2016 150 s.
15. Dement'ev A.D. Jabloki na snegu. M.: AST, 2018. 309 s.
16. Kuznecova A.V. Hudozhestvennyj narrativ M.Ju. Lermontova: modal'nost' i ocenocnost'. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovanija, 2018. 142 s.
17. Pelih E.A. Struktura leksiko-semanticheskogo polja zhelanija (na materiale russkogo, ukrainskogo, anglijskogo jazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1984. 18 s.
18. Russkaja grammatika: v 2 t. T. II. M.: Nauka, 1980. 709 s.
19. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Russkij jazyk, 1981-1984.
20. Shhukina D.A. Intertekst kak sredstvo jeksplikacii avtorskoj modal'nosti. Modal'nost'. Kommunikacija. Tekst: sb. nauch. tr. Pod red. S.S. Vaulinoj. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta. S. 37 – 44.

*Kravtsova V.D., Assistant Professor,
Geraskova M.M., Senior Lecturer,
Institute of Education and Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University*

DESIRABILITY AS A STRUCTURAL AND CONTENT COMPONENT OF THE AUTHOR'S MODALITY IN THE POETRY OF ANDREY DEMENTIEV

Abstract: this article is devoted to the modal meaning of desirability, which together with other meanings of situational modality (the meanings of possibility, necessity and obligation) forms the content of authorial modality in the lyrics of a famous Russian poet Andrey Dementiev, using the functional semantic approach to the text analysis. The plan of expression of desirability as a field structure is established, where the nuclear position is occupied by the modal verb want, characterised by a high capacity of modal semantics and the highest frequency of use in the poems of A. Dementiev. The specificity of modal semantics of the verb in the binary opposition "want/don't want" is revealed, as well as its functional-semantic connection with verbal expressors of other meanings of situative modality, including the meanings of possibility and necessity. Attention is drawn to the peculiarities of the non-personal modal verbs "to hope" and "to dream" as expressors of the meaning of desirability. On the basis of the analysis the conclusion is made about the text-formative role of modal meaning of desirability in the poems of Andrey Dementiev, which allows to reveal the depth of spiritual and moral aspirations and emotional experience of the poet, which, passing through the poet's work, constitute his credo in life.

Keywords: modality, situational modality, modal meaning of desirability, functional and semantic analysis, explicators of desirability, author's modality, poetic text, Andrey Dementiev

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет

К ПРОБЛЕМЕ АРТИКЛЯ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация: цель предлагаемой статьи выявить наличие или отсутствие артиклей в иранских языках. На эту точку зрения среди ученых существует несколько мнений: есть только один неопределенный артикль, существует два артикля (определенный и неопределенный) и артикль вообще отсутствует. Для подтверждения или опровержения указанных мнений в статье ставится задача провести анализ нескольких иранских языков. В ходе исследования было установлено, что уже в авестийском языке (древнеиранские языки) всеми признаками артикля обладало относительное местоимение. Неопределенный, постпозитивный артикль существовал в среднеиранских языках. Постпозитивный выделительный артикль существует, в настоящее время, в языках дари и таджикском, в диалектах фарси, в памирских языках. В языках северо-западной ветви (белуджи, тати, гилаки и мазандарани) в роли артиклей выступают падежные маркеры; здесь также есть предложные элементы, которые ведут себя как неопределенные артикли. Проведенное исследование показало, что артикли существуют во многих иранских языках, где они используются для выражения категории определенности /неопределенности; функцию артикля могут выполнять демонстративы и числительное «один». Материалы статьи могут быть интересны для специалистов по сравнительно-историческому, типологическому, ареальному языкознанию, по теоретической грамматике.

Ключевые слова: артикль, определенный, неопределенный, постпозитивный, падежные маркеры, демонстративы

Введение

Споры о существовании артиклей в иранских языках ведутся очень давно, и на этот счет существует несколько точек зрения.

Согласно истории изучения персидского языка, впервые об артикле заговорили после выхода в свет грамматики персидского языка востоковеда Уильяма Джонса [18].

Уже в 1831 году Пауль Поссарт [21] высказал мнение, что в персидском языке есть только неопределенный артикль, которым является суффикс *-i*. Пол характеризует суффикс *-i* в персидском языке следующим образом: «Хотя *-i* встречается только с реальными объектами, которые не поддаются идентификации для слушателя (и поэтому ожидается, что они будут грамматически неопределенными), эта морфема является классификатором, чья основная функция лучше всего классифицируется как функция индивидуализации» [21, 44-45].

В 1841 г. в Лондоне была опубликована «Грамматика персидского языка» Мирзы Мохаммеда Ибрагима, где он также упоминает об артикле в персидском [17, с. 10].

Таким образом, разные мнения по поводу артиклей в иранских языках появились уже в конце 18 века: существует только один неопределенный артикль и существует два артикля (определенный и неопределенный).

Среди русских ученых точку зрения о двух артиклях поддерживал Е.Э. Бертельс [4], В.С. Расторгуева [10], Ю.А. Рубинчик [12]. В работе «Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке» он

развивал мысли, высказанные В.И. Расторгуевой. Юрий Аронович пишет о сходстве роли артикля и падежного маркера, поэтому он и назвал показатель неопределенности выделительным артиклем. Высказанную им точку зрения, Ю.А. Рубинчик впоследствии изложил в своей работе [11].

Известный французский иранист Жильбер Лазар [16, с. 249] поддержал мнение Ю.А. Рубинчика о выделительном артикле.

Бенвенист Э. [3, с. 233] также утверждал, что авестийское относительное местоимение *ya* обладало всеми признаками артикля (определенного). Российский лингвист Соколов С.Н. также считал, что «местоимение *ya* употребляется перед именем в значении близком, к значению определенного артикля» [13, с. 66].

Анна Лэмбтон в своей грамматике персидского языка высказывает сомнение, что в этом языке вообще существует артикль: «... имя становится неопределенным с помощью добавления [*i*]» [20, с. 3]. Здесь следует упомянуть, что в последнее время все больше ученых разделяют подобную точку зрения. Это подтверждает опубликованная американскими лингвистами [23] глава в энциклопедическом описании иранских языков.

Точку зрения о том, что в персидском языке существует два артикля, поддерживают ученые из Ирана. Ирадж Афшар [2] уверен в их существовании в персидском. Он [2, с. 28-30] утверждает, что в персидском языке есть два артикля: неопределенный и определенный. По его словам, неопределенный артикль употребляется в формах совершенного и несовершенного вида. Определенный артикль используется только в конструкциях типа

kas-i ke ("тот [кто]") в сложноподчиненных предложениях с определенным артиклем: *mard-i ke miayad pedare man ast*.

Ахмад Шафаи [14] также разделяет это мнение. Согласно Шафаи [14, с. 14], *yā-ye nakare* и *yā-ye wvahdat* являются изолированными морфемами, обозначающими два экспонента и два значения соответственно, хотя *yā-ye nakare* является инференционной морфемой, создающей грамматическую категорию избирательности (*tafkik*). Ахмад Шафаи приходит к такому выводу при сравнении следующих языковых ситуаций:

(1) *bāzargān-i be šahri vāred šod*. – 'Купец вошел в город'

(2) *amā bāzargān az šahr xošaš nayāmad*. – но 'Купцу не понравился город'

Если за (1) следует дополнительная информация, например (2), то существительное не должно быть неопределенным, поскольку участники коммуникации обладают определенными знаниями о купце, а также о городе.

Отечественные лингвисты Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. разделяют точку зрения персидских ученых о наличии артикля в иранском языке [9].

Как видим, и во второй половине 20 века мнения по поводу артикля в иранских языках не изменились, только усилился разнобой в терминологии.

Исследование

Российские ученые рассматривают артикль *-i* как одиночную, уникальную морфему, называемую "селективным (выделительным) артиклем". Этот термин (выделительный), предложенный Рубинчиком [12, с. 182], сегодня признан как наиболее подходящее определение не только для персидских данных, но и для родственных языков. Хотя Ж. Лазард согласен с мнением Рубинчика, он [16, с.249-64] также посвящает специальную статью проблеме двух морфем *-i* в современном персидском языке. В этой (известной) статье Лазарда «*L'enclitique nominal -i en Persian: un ou deux morphèmes?* (Персидский именной энклитик *-i*: одна или две морфемы?)» представлено терминологическое разнообразие. Он использует термины, применяемые иранскими учеными, такие как *yā-ye ešārat* ("*i* указания"), *yā-ye vahdat* ("*i* единственного числа"), *yā-ye nakare/tankir* ("*i* неопределенности"), *yā-ye ma'refe/ta'rif* ("*i* определенности"), а также определения, представленные в исследованиях европейских иранистов, такие как "*i d'unité*" и "*i démonstratif*", "неопределенный и распределительный *-i*" и "относительный суффикс" и т.д. [16, с. 249]. В персидском, как наиболее изученном иранском языке, различные определения артикля *-i* наглядно демонстрируют альтернативное его по-

нимание. Лазард приходит к выводу, что «можно найти у энклитического номинала *-i* во всех его применениях общее значение: это инструмент выбора» [16, с. 263].

Даже менее подробные исследования природы артикля в персидском языке ясно иллюстрируют высокий уровень двусмысленности.

Причиной существования среди ученых разных точек зрения по поводу терминологической неясности, несколько: во-первых, это разнообразие самих иранских языков и синкретическая черта семантической и грамматической категории определенности среди них. Другой возможной причиной является сложность самой категории определенности и разнообразие теоретических методов определения категории определенности и неопределенности, а также ее грамматических маркеров.

Неопределенный, постпозитивный артикль – является маркером определенности/неопределенности в среднеиранских языках: в среднеперсидском (восточно-западная группа) *ēv/e(v)* > **OP aiva*; в парфянском (северо-восточная группа) неопределенный постпозитивный артикль *-ēv* ('*yw*'); демонстративы, функционирующие как определенные артикли, предлоги: *hō* (мн.ч. *hīvin*), *im* (мн.ч. *imīn*). Предложный артикль в хорезмийском (восточно [северо] иранском): – '*y* [*ī*]' м.р., ед.ч., м.р., и ж.р. мн.ч.; '*y*' [*yā*] – ж.р. ед.ч.; определенный, предложный артикль в согдийском (восточно-иранском): *x-/w-*, *y-/m-*; «артикли выражают падежные отношения, отражающие категорию рода, числа и падежа» [19, с. 125].

Проведем краткий анализ нескольких иранских языков, в которых для выражения категории определенности/неопределенности используются артикли. С этой целью рассмотрим иранский язык **фарси-кабули**. Основная функция приименного постпозитивного артикля *-e* в этом языке может быть определена как выделительная; артикль служит для конкретизации, в частности, для выделения предметов и явлений из ряда им подобных и для выражения единичности или неопределенности. Кроме того, единичность и неопределенность предмета может быть, выражена также с помощью числительного *yak* 'один', заменяющего в таком случае артикль: *yak bāy* 'один какой-то сад' (букв.: 'один сад'). Встречается употребление числительного *yak* наряду с артиклем *yak bāyē*.

Слово, к которому относится придаточное определительное предложение, также обычно принимает артикль: «*rammayē ki dar ānjā mēcarānad azbirādar-i man ast* 'стадо, которое пастется там, принадлежит моему брату'» [6, с. 61].

Если существительное имеет при себе определение, артикль относится ко всему словосочетанию: «*pīrmard-i ājize* 'один (какой-то) немощный

старик»; однако, возможно и *pīrmardē 'ājiz*». Способность принимать артикль – свойство имени существительного. Послелог *rā* (разговорное *ra*, *a*) является одним из важных средств выражения релятивных отношений в кабули – наряду с предложениями, изафетной конструкцией и т.д. [6, с. 34-35].

Одним из средств индивидуализации предмета в языке **дари** также является постпозитивный выделительный артикль *-i/-ē*, широко используемый как в фольклоре, так и в обыденной речи. Примеры:

1) при указании на единичность или неопределенность предмета (часто в сочетании с числительным *yak/yek*): *mā ko ādam garib-i-om* ‘я (букв, мы) ведь бедный человек’; *i ko otāg-ē ni-ye* ‘это ведь и комнатой не является’; *itō yak palōuwā-ō ruḡanzard-i bā ma dādan!* ‘угостили нас таким пловом на топленом масле!’;

2) при присоединении к существительному, за которым следует относящееся к нему определительное придаточное предложение: *u taked ōu w-i ke mā kādim ami či?* ‘что [толку] в тех усилиях, которые мы приложили?’.

При указании на неопределенность или единичность предмета числительное *yak/yek* может замещать постпозитивный артикль: *ma yak nawaki ādam ni-yom* ‘я – не новичок’.

Послелог *-r/-ər/-ərʔ/érə/-er/-e/-ε/-a/-ə/-re/-re*, также служащий одним из средств индивидуализации существительного, соответствует послелогу *-ra* литературного дари. При присоединении к словам с исходом на гласный послелог обычно имеет форму «-r»: *xo-r* – лт. *xod-rā*, *amu-r* – лт. *hamān-rā*, *ruzegār-r* – лт. *rōzegār-hā-rā*. В словах с согласным исходом перед послелогом возникает гласный: «*gap-er* – лт. *gap-rā*, *tūt-ər* – лт. *tut-rā*, *ārus-erə* – лт. *arus-rā*, либо сам послелог приобретает форму *-ə*, *-ε*, *-e*, *-a*: *gusfand-ə* – лт. *gōsfand-rā*, *amdigar-e* – лт. *hamdigar-rā*, *nar-ε* – лт. *nar-rā*, *zan-a* – лт. *zan-rā*» [8, с. 45].

В **таджикском** языке чтобы выразить неопределенность или единичность предмета, к существительному прибавляется артикль (суффикс) *-e*, который играет роль неопределенного местоимения («какой-то», «один», «некий»). Например:

kitobe – какая-то книга *bore* – как-то раз, однажды

marde – какой-то мужчина *lahzæ* – один миг, какое-то мгновение

rūze – какой-то день, однажды

Sharif kitobe harid. ‘Шариф купил какую-то книгу’.

Marde ba havlyi mo daromad. ‘Какой-то мужчина вошёл к нам во двор’.

Rūze az shahr kaseomad. ‘Однажды из города кто-то приехал’.

При изафетном сочетании артикль *-e* прибавляется не к определяемому (существительному), а к определению (прилагательному). Например:

Sharif kitoby nave harid. – ‘Шариф купил какую-то новую книгу’.

Marde ba havlyi kalone da romad. – ‘Какой-то мужчина вошёл в один большой двор’.

Нередко вместо неопределенного артикля *-e* употребляется числительное *jak*, играющее также роль неопределенного местоимения. Например:

Way dina jak kitob harid. – ‘Он вчера купил какую-то книгу’ [1, с. 146].

В языках северо-западной ветви, где была разработана парадигма вторичного инновационного падежа, элемент *rādiy* трансформировался в падежные маркеры (белуджи, тати, гилаки и мазандарани).

В белуджи маркер объектного падежа: *-a*, *-ara/-r*, *-ra* <*rād*<*rādiy* обозначает прямой объект:

(3) *sing-a zurti.* – ‘он взял камень’

В Гилаки (1) и Мазандарани (2) безударный маркер винительного-дательного падежа *-a/-ra*, *-ō/-rō* также обозначает определенный прямой объект, который связан с предварительным контекстом или ситуацией.

(1) *semavər-a ātās bukun* – ‘Подогреть самовар’

(2) *mōn še pul-rō/pul-ō gum bōkōrdōm* – ‘Я потерял свои деньги’ [9]

В татском языке маркер прямого объекта *-rū/-ū* (восточный диалект), *-re/e* (северный диалект) происходит от среднеперсидского *rād* и обозначает вещи, которые являются определенными или единичными по своему происхождению и, по сути выполняет роль артикля:

(3) *Šābi tkun-ū bāst, reft be kutan* – ‘Шаби закрыл магазин и ушел’ [5]

В случаях, когда вещь является неопределенной и единичной, она обозначается числительным "один" (функционирующим как артикль), которое иногда сочетается с безударным суффиксом *-i*, как в (4):

(4) *ye mār-d-i bire* – ‘был (один) мужчина’ [5].

В диалектах фарси суффикс *-a* < *rād*<*rādiy* передает значение определенности субъекта, а также объекта.

Талиши и Гилаки выработали также предложные элементы, которые ведут себя как неопределенные артикли: *gʷlay (igla/glay/illa)* и *ita*. Например:

Гилакский язык:

(5) *ita məyāzə tāzə vabostə* – Магазин только что открылся.

(6) *tiləfunči ki 'ita duxtar bu, guša usadə*. – Оператор (а это была девушка) подняла трубку [22, с. 48].

В функции определенного артикля обычно выступают указательные местоимения *a*, ‘этот’ или, реже, *u*, ‘тот’, которые не склоняются и не имеют форм множественного числа, хотя употребляются с глаголами в форме множественного числа, с существительными они употребляются в любом числе и падеже.

(7) *təmətə a mardúm ki áya isáidi, šəhádət dəhidi* – ‘Все люди, которые здесь находятся, будут свидетельствовать’.

(8) *dər ha mahallə, dər í a az u kučān ə-miyan ki šume-re šərhu vāsf bukudəm, í a gālipuši xānə naha* – ‘В том районе, на одной из улиц, которые я вам описал, есть дом с соломенной крышей’ [22, с. 48].

Помимо собственно артиклей, в случаях словосочетаний, в основном заимствованных из персидского языка, Гиляки использует маркер единичности *-i/-ə*, который прикрепляется к существительному или следующему за ним атрибуту. Маркер зависит от существительного и придает ему оттенок неопределенности и единичности, выполняя функцию неопределенного артикля:

(9) *šahrə kučik -i bu* – ‘Там был (какой-то) маленький город’ [22, с. 48].

В памирских языках (вахи, ишкашами) в функции артикля выступают демонстративы. В вахи прилагательные местоимения *ya, yaet, yaem* (в отличие от правильного употребления местоимений) употребляются в прямом падеже единственного числа, независимо от формы группы существительных «неизменяемый артикль с изменяемым существительным» [15, с. 89]. В ишкашах демонстративы в функции артикля употребляются в «застывшей», редуцированной неизменяемой форме либо в прямом падеже *ma, da, (w)a*, либо в косвенном падеже единственного числа *am, ad, (a)w* независимо от формы именной группы.

В иранских языках прямой падеж обозначает и различает прямой и косвенный объекты. Здесь существует противопоставление определенного прямого объекта и неопределенного прямого объекта. Таким образом, определенные существительные обозначаются маркерами прямого падежа, такими как белуджские *-ra, -a/-rā, -ā* и гилякские *-a*, в то время как неопределенные существительные представлены именной группой без маркировки. Например:

jinik gul-ā áurt vs. *jinik āp áurt* – ‘Девушка принесла цветок vs. девушка принесла (немного) воды’ [22, с. 49].

Числительное «один» и демонстративы как вспомогательные слова могут передавать значение

определенности и неопределенности. В этих случаях они выражают неопределенность и определенность, как и аналогичные языковые единицы в других языках мира.

Подводя краткий итог, можно отметить, что во многих иранских языках для выражения категории определенности/неопределенности используются артикли, в роли артикля выступает также постпозиция *rā*, кроме того функцию артикля могут выполнять демонстративы и числительное «один».

Заключение

Исходя из изложенного выше материала, можно утверждать, что в ряде иранских языков артикль существует.

Категория определенности/неопределенности появилась в древнеиранских языках после исчезновения системы падежей. В языках, утративших падежную систему (персидском, таджикском, дари и некоторых других) появилась категория определенности с грамматическим маркером – артикль. В основном выделительный артикль в этих языках обозначает неизвестное неопределенное имя. В языках типа гилакский и белуджский, возникла вторичная агглютинативная падежная система. Выделительный артикль *-ī* в белуджском и гилакском языках рассматривается как заимствование. В белуджском такой артикль используется достаточно широко, а в гилакский проник вместе с заимствованными словами. Наряду с заимствованным выделительным артиклем, в гилакском языке сформировался собственный препозитивный артикль *ita*.

В гилакском и белуджском языках в качестве маркера имен определенных служат показатели косвенного падежа: в белуджском *-ā*, гилакском *-a*. Имена неопределенные стоят в номинативном падеже, который является немаркированным.

В таджикском и дари языках в результате изменения в ходе эволюции среднеперсидского числительного «один» *aiva* образуется выделительный артикль *-ī, -ē, -e*, основная функция приименного постпозитивного артикля в этих языках, а также в фарси-кабули – выделительная; артикль служит для конкретизации.

Таким образом, энклитический, безударный, постпозиционный выделительный/ неопределенный артикль *-i* в персидском языке также встречается в дари *-e*, таджикском *-e*, белуджи *-i*, диалектах фарси *-i*, талиши *-i*, гилаки *-i/ə*, тати *-ī*, мазандарани *-ī* и некоторых других языках.

Высказанная большинством иранских лингвистов и поддержанная многими нашими учеными точка зрения о наличии артикля в иранских языках, находит подтверждение.

Литература

1. Арзуманов С.В., Сангинов А. Таджикский язык. Душанбе, Маориф, 1988. 416 с.:146.
2. Афшар Ирадж. *-i* неопределенности и *-i* определенности // Аянде. Тегеран, 1991. № 1-4. С. 28 – 30.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика, М.: УРСС. 2002. 447 с.
4. Бертельс Е.Э. Грамматика персидского языка. Л., 1926. 127 с.
5. Грюнберг А.Л., Давыдова Л.Х. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки [Основы иранской лингвистики. Новые иранские языки: Западная группа, языки Каспийского региона]. Москва: Наука. 1982. С. 231 – 286.
6. Дорофеева Л.Н., Язык фарси-кабули. М.: ИВЛ. 1960. 84 с. С. 34 – 35 см. С. 61.
7. Едельман Д.И., Расторгуева В.С. Историко-типологическое изучение иранских языков [Историко-типологическое изучение иранских языков. Москва: Наука, 1975. Т. 2.
8. Иоаннесян Ю.А. Гератский диалект языка дари. М.: ИВЛ РАН. 1999. 239 с.
9. Основы иранского языкознания. Кн. 3. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 5 – 231.
10. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики персидского языка // Персидско-русский словарь: ок. 35 000 слов / Сост. Б.В. Миллер, В.С. Расторгуева. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 626.
11. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного Языка. Москва, 2001. 600 с.
12. Рубинчик Ю.А. Сложные предложения с придаточным определительным в современном персидском языке. М., 1959. 220 с.
13. Соколов С.Н. Авестийский язык. М.: Изд-во восточной литературы. 1961. 124 с.
14. Шафай Ахмад. Основы иранского языкознания. Тегеран, 1984. С. 14.
15. Эдельман, Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Москва: Наука. 1990.
16. G. Lazard L'enclitique nominal -i en Persian: un ou deux morphemes? Bulletin dela Soci t  de linguistique de Paris. T.61. Paris, 1966. P. 249.
17. Ibrahim, Mirza Mohhamed. Grammatik der lebenden persischen Sprache. Leipzig. 1875. P. 31 – 32.
18. Jones William A Grammar of the Persian Language. London: Murray & Highley, 1801. 188 p.
19. Ketevan Gadilia A typological study of (in)definiteness in the Iranian Languages // In book: Essays on Typology of Iranian Languages. Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, Walter de Gruyter & Co. 2019. pp.122-132.
20. Lambton Ann K. Persian grammar. Cambridge, 1976. P. 3.
21. Paul Anton Fedor Possart. Grammatik der persischen Sprache. Leipzig, 1831. P. 44 – 45.
22. Rastorgueva V.S. The Gilaki Language. Uppsala Universitet, 2012. 461 p.
23. The Iranian Languages / Ed. by Geront Windfuhr, London & New York, 2009. Джон Перри и Гернот Виндфур/, 2009.

References

1. Arzumanov S.V., Sanginov A. Tadzhijskij jazyk. Dushanbe, Maorif, 1988. 416 s.:146.
2. Afshar Iradzh. *-i* neopredelennosti i *-i* opredelennosti. Ajande. Tegeran, 1991. № 1-4. S. 28 – 30.
3. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika, M.: URSS. 2002. 447 s.
4. Bertel's E.Je. Grammatika persidskogo jazyka. L., 1926. 127 s.
5. Grjunberg A.L., Davydova L.H. Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskie jazyki: zapadnaja gruppa, prikaspijskie jazyki [Osnovy iranskoj lingvistiki. Novye iranskie jazyki: Zapadnaja gruppa, jazyki Kaspijskogo regiona]. Moskva: Nauka. 1982. S. 231 – 286.
6. Dorofeeva L.N., Jazyk farsi-kabuli. M.: IVL. 1960. 84 s. S. 34 – 35 sm. S. 61.
7. Edel'man D.I., Rastorgueva V.S. Istoriko-tipologicheskoe izuchenie iranskih jazykov [Istoriko-tipologicheskoe izuchenie iranskih jazykov. Moskva: Nauka, 1975. T. 2.
8. Ioannesjan Ju.A. Geratskij dialekt jazyka dari. M.: IVL RAN. 1999. 239 s.
9. Osnovy iranskogo jazykoznanija. Kn. 3. Novoiranskie jazyki: zapadnaja gruppa, prikaspijskie jazyki. Otv. red. V.S. Rastorgueva. M.: Izd-vo «Nauka», 1982. S. 5 – 231.
10. Rastorgueva V.S. Kratkij ocherk grammatiki persidskogo jazyka. Persidsko-russkij slovar': ok. 35 000 slov. Sost. B.V. Miller, V.S. Ras tor gueva. M.: Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1953. S. 626.
11. Rubinchik Ju.A. Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo Jazyka. Moskva, 2001. 600 s.
12. Rubinchik Ju.A. Slozhnye predlozhenija s pridatochnym opredelitel'nym v sovremennom persidskom jazyke. M., 1959. 220 s.
13. Sokolov S.N. Avestijskij jazyk. M.: Izd-vo vostochnoj literatury. 1961. 124 s.
14. Shafai Ahmad. Osnovy iranskogo jazykoznanija. Tegeran, 1984. S. 14.

15. Jedel'man, D.I. Sravnitel'naja grammatika vostochno-iranskih jazykov. Moskva: Nauka. 1990.
16. G. Lazard L'enclitique nominal -i en Persian: un ou deux morphemes? Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T.61. Paris, 1966. R. 249.
17. Ibrahim, Mirza Mohhamed. Grammatik der lebenden persischen Sprache. Leipzig. 1875. P. 31 – 32.
18. Jones William A Grammar of the Persian Language. London: Murray & Highley, 1801. 188 p.
19. Ketevan Gadilia A typological study of (in)definiteness in the Iranian Languages. In book: Essays on Typology of Iranian Languages. Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, Walter de Gruyter & Co. 2019. pp.122-132.
20. Lambton Ann K. Persian grammar. Cambridge, 1976. R. 3.
21. Paul Anton Fedor Possart. Grammatik der persischen Sprache. Leipzig, 1831. P. 44 – 45.
22. Rastorgueva V.S. The Gilaki Language. Uppsala Universitet, 2012. 461 p.
23. The Iranian Languages. Ed. by Geront Windfuhr, London & New York, 2009. Dzhon Perri i Gernot Vindfur/, 2009.

*Krasnoshchekov E.V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Southern Federal University*

ON THE PROBLEM OF THE ARTICLE IN THE IRANIAN LANGUAGES

Abstract: the purpose of this article is to reveal the presence or absence of articles in Iranian languages. There are several opinions on this point of view among scientists: there is only one indefinite article, there are two articles (definite and indefinite) and there is no article at all. To confirm or refute these opinions, the article's aim is to analyze several Iranian languages. In the course of the study it was found that already in the Avestan language (ancient Iranian languages) the relative pronoun had all the features of the article. The indefinite, postpositive article existed in the Middle Iranian languages. The postpositive excretory article exists, at present, in the Dari and Tajik languages, in the dialects of Farsi, in the Pamir languages. In the languages of the northwestern branch (Baluchi, Tati, Gilaki and Mazandarani), case markers act as articles; there are also prepositional elements that behave like indefinite articles. The conducted research has shown that articles exist in many Iranian languages, where they are used to express the category of definiteness/indefiniteness; the function of the article can be performed by demonstratives and the numeral "one". The materials of the article may be of interest to specialists in comparative historical, typological, areal linguistics, theoretical grammar.

Keywords: article, definite, indefinite, postpositive, case markers, demonstratives

Сидоренко Т.М., доцент,
Армавирский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТЫ «ИСТИНА» И «ИСТИННОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению концептов истины и истинности в русскоязычной языковой картине мира в лингвокультурологическом аспекте. В работе представлен обзор исследований, посвященных концептам «истина» и «истинность». Рассматриваются подходы к определению понятия концепт, выделяются характеристики лингвокультурного концепта. Автор доказывает, что анализируемым концептам «истина» и «истинность» присущи все выделяемые исследователями черты (комплексность бытования, ментальная природа, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, полиапеллируемость, методологическая открытость и поликлассифицируемость), на основании чего эти концепты могут с уверенностью быть отнесены к группе лингвокультурных. Рассматриваемые в статье концепты находят свое отражение во фразеологическом фонде языке. В результате анализа семантики, нашедшей отражение во фразеологизмах с компонентом «истина», был сделан вывод о том, что для русскоязычной картины мира характерно наделение истины рядом базовых характеристик: истина в восприятии носителей русскоязычной лингвокультуры первична, абсолютна и идеальна. Она относится к сфере идеального, а не действительного. Кроме того, истина является понятием внешнего проявления, поскольку она дается человеку извне и не зависит от его желаний.

Ключевые слова: истина, истинность, концепт, языковая картина мира, лингвокультурный концепт

Введение

Истина и истинность не раз становились объектом исследовательского интереса. Так, в статье А.Н. Жаворонковой предпринимается попытка провести разграничения между понятиями истины и правды, которые зачастую употребляются как синонимы без учета различий, актуализируемых в их семантике. В результате автор приходит к выводу о первичности истины по сравнению с правдой. Правда, по мнению исследователя, представлена в русском сознании двумя разновидностями: высшая правда, которая и есть истина и которая дается человеку извне, и земная правда, которая у каждого своя, определяясь желаниями и устремлениями самого человека [5].

О.А. Максимчик рассматривает истину как объект когнитивно-ориентированного анализа. Автор приходит к пониманию того, что истина как универсальный концепт представлен во всех этнических лингвокультурах, но при этом имеет особенности репрезентации, которые обусловлены национально-специфическими коннотациями, интерпретациями и ассоциациями, в результате чего понимание истины этнокультурно маркировано и в определенной степени различно в разных лингвокультурах [11].

Цель статьи – охарактеризовать концепты «истина» и «истинность» в языковой картине мира в лингвокультурологическом аспекте на материале русского языка.

Обсуждение

В современной лингвистике концепт рассматривается с позиций философии познания, когнитивной науки, лингвокультурологии (Е.С. Кубря-

кова, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Одно из первых определений рассматриваемого понятия было дано С.А. Аскольдовым, религиозным философом первой половины XX века, согласно которому, концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [цит. по 6, с. 269]. Базовыми характеристиками концепта, по мнению исследователя, выступают изменчивость, подвижность смыслового наполнения и потенциальную открытость интерпретациям [6, с. 269].

В 1990-х понятие «концепт» подробно исследовал академик Д.С. Лихачев, который придерживался мнения о том, что «концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [10, с. 283]. Исследователь предлагает «считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения, которым мы оперируем в своей устной и письменной речи». С другой стороны, как отмечает исследователь, концепт «не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия в понимании значения слова, он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, для эмоциональной ауры слова» [10, с. 284].

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают рассматривать концепт как «дискретное ментальное образование», которое выступает «базовой единицей мыслительного кода человека» с «упорядоченной внутренней структурой» [14, с. 76]. Концепт, по мнению исследователей, являет собой

результат познавательной деятельности как отдельной языковой личности, так и общества в целом [14, с. 76].

Концепт можно рассматривать как представление о фрагменте мира (образ, идея, символ), который формируется общенациональными признаками, дополняясь признаками индивидуального опыта и личного воображения. В.И. Карасик дает следующее определение: концепты – это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «квант переживаемого знания» [7, с. 59].

Как считает С.Г. Воркачев в статье «Категориальный синтез: от лингвокультурного концепта к лингвокультурной идее», концепт реализуется в сознании человека индивидуальным чувственным образом, функционирующим как чувственный компонент содержания концепта, выступая базовой единицей универсального предметного кода человека [3]. Автор трактует концепт как «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде» [3, с. 4]. Рассматривая концепт в лингвокультурологическом аспекте, С.Г. Воркачев указывает, что «концепт в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена» [3].

Лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, в которой соединяются во едино язык, сознание и культура [17]. Также концепты могут присутствовать и в других областях, например, художественные концепты в искусстве, музыке, рекламе и т.д.

Принимая во внимание тему статьи, остановимся на типологии лингвокультурных концептов. В литературе (в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, С.Г. Воркачева, Ю.С. Степанова, В.И. Карасик) представлены различные типологии концепта в зависимости от положенного в основу классифицирующего признака.

Для нас представляет интерес классификация В.А. Масловой, позволяющая найти место объекту нашей работы, а именно концептам *истина* и *истинность*.

В классификации концептов В.А. Масловой выделяются следующие группы: мир (*родина, зимняя ночь*); стихии и природа (*вода, огонь, цветы*); нравственные концепты (*истина, стыд*);

представление о человеке (*гений, юродивый*); социальные понятия и отношения (*война, свобода*); эмоциональные концепты (*радость, горе*); мир артефактов (*храм*) [12].

Согласно представленной выше типологии В.А. Масловой, анализируемые концепты *истина* и *истинность* относятся к группе нравственных концептов.

В данной работе мы опираемся на точку зрения Н.О. Подсеваловой, которая считает, что основу формирования концептов как отражения субъективного образа объективного мира в сознании человека как языковой личности составляют ощущение [13, с. 159]. На ранних этапах познавательной деятельности в качестве признака, ассоциирующегося с определенным фрагментом окружающей действительности, выступал тот, который имел наибольшее значение для жизни людей.

Остановимся на определении понятий, соотносимых с рассматриваемыми в работе концептами *истина* и *истинность*. Истина – это объективное знание, которое соответствует объекту познания и отражает его реальные качества и свойства. Истинность трактуется как соответствие объекта оценки истине и ее критериям. Согласно лексикографическим источникам, изначальная религиозная трактовка понятия *истина* может быть сформулирована следующим образом: это «непререкаемое положение, утверждение; то, что закреплено и неподвижно; то, что не подвластно забвению, того, что проступает в вечности, не проходит, но пребывает» [4, 19].

Ученые В.И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [7] и Г.Г. Слышкин в работе «От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» [16] выделили следующие характеристики лингвоконцептов, которые могут быть использованы и при изучении концептов *истина* и *истинность*:

1. Комплексность бытования.

Концепт существует в сознании и определяется культурой. Вербализация концепта осуществляется средствами языка. Также концепты могут присутствовать в разных областях. Например, концепты *истина* и *истинность* представлены в разных сферах жизнедеятельности человека: в литературе, живописи, музыке.

2. Ментальная природа.

Лингвокультурный концепт выделяется среди других концептов именно своей ментальностью. Для изучения лингвокультурологических текстов необходимо понимать менталитет авторов этих текстов, т.к. менталитет проявляется в сознании носителя, где взаимодействуют язык и культура одновременно. Рассматриваемые в работе концеп-

ты *истина* и *истинность* находят свою реализацию в текстах разных авторов и разных дискурсов, тем самым отражает особенности этого понятия человеком как индивидуальность, так и представителем конкретной культуры. Тема «Истина» представлена в живописи, например, в картинах Н. Н. Ге «„Что есть истина?“ Христос и Пилат», М. Черленюса «Истина», Ж.-Л. Жерома «Истина, выбирающаяся из колодца», в скульптуре Дж. Л. Бернини «Истина, раскрытая Временем», в лирике Г. Шпаликова («По несчастью или счастью...»), О. Мандельштама («Посох»).

3. Ценностность.

Ценностность является центром концепта, так как он служит инструментом исследования культуры, а в основе любой культуры лежат ценностные принципы. Если о каком-то явлении носитель языка может выразить свое мнение (например, *это интересно, скучно, красиво* и т.п.), то это явление формирует концепт. Концепты *истина* и *истинность* формируются на основании таких ценностных мнений, как *идеальный, высший* и т.д.

4. Условность и размытость.

Лингвокультурологический концепт находится в сознании народа, поскольку сознание содержит в одной форме несколько значений или компонентов значения, разделенных между несколькими формами. Примером может выступать структура концепта *истина*, представленная в статье В.В. Антроповой «Концепт «Истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ: ценностно-смысловые доминанты»:

1) в ядерную зону рассматриваемого концепта входят смыслы «то, что соответствует действительности, правда»;

2) околоядерную зону составляют такие смыслы, соотносимые с понятием *истина*, как «верное отражение действительности в сознании человека», «суждение, проверенное практикой»;

3) элементами ближней периферии выступают следующие смыслы: «искренность», «справедливость», «честь», «совесть», «верность»;

4) компонентами дальней периферии являются: «жизненный принцип», «законность», «откровенность», «достоинство», «порядочность» и др. [1].

5. Изменчивость.

Поскольку концепт является частью культуры, его значение может меняться не только градуально, но и противоположно, например, с положительного на отрицательное значение и наоборот. Например, концепт *локдаун* в настоящее время репрезентирует как положительные меры, предпринимаемые правительствами разных государств по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции, так и негативные последствия этих мер (экономические проблемы). Аналогично и концеп-

ты *истина* и *истинность* могут быть оценены как положительно, так и отрицательно.

6. Ограниченность сознанием носителя.

Лингвокультурологический концепт существует как в индивидуальном, так и в коллективном сознании. Примером русского этнокультурного концепта может выступать концепт *щедрость*, примером общечеловеческого – *истина*. По мнению О.А. Максимчик, истина представляет собой общечеловеческий нравственный суперконцепт, мировоззренческую универсалию [11, с. 156].

7. Полиапеллируемость.

Концепт может быть описан при помощи единиц разных языковых уровней: лексического (лексические единицы с соответствующей семантикой), фразеологического (фразеологизмы, паремии), синтаксического (предложения), соотносимых с разными сферами бытования. Рассматриваемые концепты *истина* и *истинность* могут быть отнесены как к научному, так и художественному концептам.

8. Методологическая открытость и поликлассифицируемость.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. Например, по типу дискурса, в котором концепты функционируют, они делятся на обиходные, научные, художественные [15, с. 7]. Анализируемые в работе концепты *истина* и *истинность* могут быть и обиходными (представлены в обиходной речи), и научными (рассматриваться с позиции науки: лингвистики, психологии, психиатрии), и художественными (представлены в художественных произведениях).

Рассматриваемые в статье концепты находят свое отражение во фразеологическом фонде языка. В словаре В. Даля приводятся следующие пословицы: *Истина хороша, да и правда не худа* (в этой пословице реализуется семантика первичности истины по отношению к остальным смежным понятиям, в частности, к правде); *Свет плоти – солнце, свет духа – истина* (истина рассматривается носителями русскоязычной лингвокультуры как нечто возвышенное, небесное, духовное, связанное с Богом); *Истина от земли, а правда с небес*. В русском фразеологическом фонде представлены и другие единицы с компонентом *истина*. Так, в пословице *Платон мне друг, но истина дороже* выражается семантика необходимости объективной оценки вне зависимости от характера отношений между людьми. Фразеологизм *прописная истина* актуализирует значение чего-то широко известного и не вызывающего сомнения.

Заключение

Таким образом, представления человека об окружающей его действительности носят систем-

ный характер и представлены в виде систематизированного набора концептов. Соотнесение языка и окружающей действительности, осуществляемое в рамках системы концептов, можно рассматривать как кодирование концептов как фрагментов окружающей действительности средствами конкретного языка. Рассмотренные в работе концепты *истина* и *истинность* обладают всеми выделяемыми исследователями характеристиками (комплексностью бытования, ментальной природой, ценностью, условностью и размытостью, изменчивостью, ограниченностью сознанием носителя, по-

лиапеллируемостью, методологической открытостью и поликлассифицируемостью), а потому могут быть отнесены к группе лингвокультурных. Семантика, актуализируемая в русских фразеологизмах с компонентом *истина*, свидетельствует о том, что в русскоязычном национальном сознании рассматриваемое понятие обладает следующими ключевыми характеристиками: она первична, абсолютна и идеальна. Иными словами, она относится к сфере идеального, а не действительного. Истина дается человеку извне, она не зависит от его желаний.

Литература

1. Антропова В.В. Концепт «Истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ: ценностно-смысловые доминанты // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17-18мая 2018г.) / сост. О.Ф. Автохутдинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 164 – 166.
2. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 400 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2003. 616 с.
5. Жаворонкова А.Н. Концепт «Истина» в русском языковом сознании // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 49 – 52.
6. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 36 – 44.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 390 с.
8. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьяненко. М.: МГУ, 1997. 250 с.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280 – 287.
11. Максимчик О.А. Истина как объект когнитивно-ориентированного исследования // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). С. 154 – 158.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.
13. Подсевалова Н.О. Концепт «Глаза» в английской концептосфере // Известия ВГПУ. 2009. № 5. С. 158 – 162.
14. Попова З.Д., Стернин И.А., Беляева Е.И. и др. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 196 с.
15. Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 241 с.
16. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2002. 125 с.
17. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004. 339 с.
18. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 1997. 989 с.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ-Технологии, 2003. 944 с.

References

1. Antropova V.V. Koncept «Istina» v diskurse raznokachestvennyh pechatnyh SMI: cennostno-smyslovye dominanty. Prioritety massmedia i cennosti professii zhurnalista: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 17-18maja 2018g.). sost. O.F. Avtohtudinova. Ekate-rinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. S. 164 – 166.
2. Babushkin A.P., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika i semasiologija: monografija. Voronezh: OOO «Ritm», 2018. 229 s.
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnyj koncept: tipologija i oblasti bytovaniya. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. 400 s.
4. Dal' V.I. Poslovicey russkogo naroda. M.: Jeksmo, 2003. 616 s.
5. Zhavoronkova A.N. Koncept «Istina» v russkom jazykovom soznanii. Chelovek v mire kul'tury. 2015. № 1. S. 49 – 52.
6. Zalevskaja A.A. Psiholingvisticheskiy podhod k probleme koncepta. Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. pod red. I.A. Sternina. Voronezh: Izd-vo VGU, 2001. S. 36 – 44.
7. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 390 s.
8. Karasik V.I., Prohvacheva O.G., Zubkova Ja.V., Grabova Je.V. Inaja mental'nost'. M.: Gnozis, 2005. 352 s.
9. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. sost. E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'janenkov. M.: MGU, 1997. 250 s.
10. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka. Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. M.: Academia, 1997. S. 280 – 287.
11. Maksimchik O.A. Istina kak ob#ekt kognitivno-orientirovannogo issledovanija. Vestnik ChelGU. 2014. № 6 (335). S. 154 – 158.
12. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. M.: Flinta: Nauka, 2006. 296 s.
13. Podsevalova N.O. Koncept «Glaza» v anglijskoj konceptosfere. Izvestija VGPU. 2009. № 5. S. 158 – 162.
14. Popova Z.D., Sternin I.A., Beljaeva E.I. i dr. Polevye struktury v sisteme jazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh, un-ta, 1989. 196 s.
15. Ponomareva E.Ju. Konceptual'naja oppozicija «Zhizn' – Smert'» v pojeticheskom diskurse (na materiale pojezii D. Tomasa i V. Brjusova): avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Tjumen', 2008. 241 s.
16. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2002. 125 s.
17. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty. Volgograd: Volgogr. gos. ped. un-t, 2004. 339 s.
18. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Akademicheskij proekt, 1997. 989 s.
19. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: ITI-Tehnologii, 2003. 944 s.

*Sidorenko T.M., Associate Professor,
Armavir State Pedagogical University*

THE CONCEPTS OF «TRUTH» AND «TRUTHFULNESS» IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

Abstract: this article is devoted to the consideration of the concepts of truth and truthfulness in the Russian language picture of the world in the linguoculturological aspect. The paper presents an overview of research on the concepts of "truth" and "truthfulness". The approaches to the definition of the concept of concept are considered, the characteristics of the linguistic and cultural concept are highlighted. The author proves that the analyzed concepts of "truth" and "truthfulness" are inherent in all the features identified by researchers (complexity of existence, mental nature, value, conditionality and blurriness, variability, limited consciousness of the carrier, polyapelability, methodological openness and polyclassifiability), on the basis of which these concepts can be confidently attributed to the group of linguocultural. The concepts considered in the article are reflected in the phraseological foundation of the language. As a result of the analysis of semantics reflected in phraseological units with the "truth" component, it was concluded that the Russian-speaking picture of the world is characterized by the endowment of truth with a number of basic characteristics: truth in the perception of native speakers of Russian linguoculture is primary, absolute and ideal. It belongs to the sphere of the ideal, not the real. In addition, truth is a concept of external manifestation, since it is given to a person from the outside and does not depend on his desires.

Keywords: truth, truthfulness, concept, linguistic picture of the world, linguistic and cultural concept

*Иванов В.В.,
Поскачина Е.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время современное общество является системой, которая отличается сложными культурно-языковыми процессами, происходящими в нем. Любому члену современного общества, чтобы достигнуть каких-либо целей, так или иначе приходится вступать в коммуникацию с другими членами этого общества. Однако, на фоне все усложняющихся связей между людьми, коллективами и социальными группами, эта задача также становится сложнее. Особенный интерес подобные процессы и коммуникация вызывают в билингвальных и полилингвальных обществах и трудовых коллективах, которые созданы для достижения определенных целей. Целью данной статьи является изучение влияния билингвизма на эффективность в профессиональной сфере. В качестве материала исследования выступают результаты исследований эффективности основной профессиональной деятельности, проведенных в нескольких трудовых коллективах, в которых взаимодействие и коммуникация ведутся на двух и более языках. Билингвизм является одним из факторов, который часто влияет на эффективность в профессиональной деятельности в сторону ее повышения. Многоязычие часто влияет не на предметно-действенный аспект деятельности, а на психологический, то есть позволяет людям в коллективе легче находить общий язык друг с другом, облегчая процесс коммуникации, предоставляет большее количество возможностей для самореализации, личностного роста и получения образования.

Ключевые слова билингвизм, полилингвизм, трудовой коллектив, эффективность

Общеизвестно, что языковой барьер всегда являлся довольно существенной сложностью в общении между людьми и поводом для возникновения разнообразных конфликтов. Именно изучение и развитие билингвизма позволило частично преодолеть этот негативный фактор взаимоотношений между людьми и позволило наладить эффективное международное и межнациональное общение и взаимодействие [5, с. 122].

Современный мир является крайне сложной и многоструктурной системой, в которой, чтобы достигнуть высоких показателей в любом виде деятельности необходимо грамотно организовать каналы коммуникации между отдельными людьми и их сообществами. Особенный интерес это представляет в билингвальных группах, который выполняют определенные функции. Процессы коммуникации в подобном трудовом коллективе должны быть отлажены и максимально функциональны, так как это прямым образом сказывается на результатах деятельности такого коллектива. Под коллективом, в свою очередь, понимается определенная группа лиц, которые объединены общей деятельностью или решением задачи [4, с. 20].

Исходя из вышеприведенного определения попробуем дать дефиницию понятию «профессиональный коллектив». Профессиональный коллектив – это группа лиц, который объединены для достижения определенного результата в трудовой, учебной, научной, общественной и других сферах,

и отношения которых часто регулируются определенными правилами и установками.

Для изучения влияния билингвизма на эффективность работы в профессиональном коллективе было выбрано две группы по 5 человек (всего 10 человек), которые осуществляют работу с кадрами в правоохранительных органах в одном из учреждений в г. Якутске, Республика Саха (Якутия).

Учитывая специфику региона, большая часть всех трудовых коллективов, осуществляющих свою деятельность являются билингвами с детства. Однако, некоторые члены подобных коллективов также могут быть полилингвами.

Целью исследования является изучение влияния билингвизма на эффективность профессиональной деятельности трудового коллектива. Исследование проходило с 31 января по 6 февраля 2022 года. В этот период были собраны сведения по основным показателям эффективности с помощью индивидуального опроса в дистанционном и очном формате (WhatsApp, Google-форма, беседа).

По результатам собранных данных, было отобрано два коллектива, где в одном коллективе общение и взаимодействие происходят на русском языке, а в другом сразу на двух (1 и 2 группы соответственно).

1 группа – общение в коллективе ведется на русском языке.

2 группа – общение в коллективе ведется в коллективе на якутском и русском языке.

Оформление документов и делопроизводство в обоих коллективах ведется на русском языке.

Для измерения эффективности работы коллективов были исследованы следующие показатели (все ответы оценивались по шкале от 1 до 10):

1. Индивидуальная оценка эффективности. Как Вы оцениваете собственную эффективность работы? (по шкале от 1 до 10)

2. Скорость передачи информации. Как Вы оцениваете скорость передачи информации внутри коллектива? (по шкале от 1 до 10)

3. Общее настроение в коллективе. Насколько гармоничным и слаженным Вы считаете работу коллектива? (по шкале от 1 до 10)

4. Объем проделанной работы. Оцените объем проделанной коллективом работы. (по шкале от 1 до 10)

5. Общая эффективность. Какую оценку (по шкале от 1 до 10) Вы бы поставили работе всего коллектива за последние 30 дней?

По результатам проведенного исследования были получены результаты, отражающие оценку эффективности двух трудовых коллективов (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки эффективности трудовых коллективов

№ вопроса	1 группа (русский язык)					2 группа (русский и якутский язык)					
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	
1	8	7	6	9	8	9	8	7	8	9	
2	6	7	8	8	9	9	8	7	10	8	
3	8	7	8	8	9	10	8	9	9	8	
4	8	8	7	8	10	9	7	8	9	9	
5	8	9	8	7	8	10	9	10	9	8	
Знание языков	(rus)	(rus)	(rus)	(rus)	(rus) (eng B2); (ger B2)	(rus) (ykt) (eng B2)	(rus) (ykt)	(rus) (ykt) (eng A2)	(rus) (ykt) (eng C1)	(rus) (ykt)	(rus) (ykt)

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: оценка собственной эффективности работы в коллективе, в котором общение велось сразу на двух языках (2 коллектив) оказалась немного выше, чем в коллективе, где общение велось на одном языке (1 коллектив); скорость передачи информации в 1 коллективе оказалась ниже, чем во второй группе; общее настроение второго коллектива оказалось чуть выше, чем в 1 коллективе; по объему проделанной работы показатели, в целом, равные в обеих группах; второй коллектив оценил общую эффективность своей работы чуть выше, чем первый коллектив.

Таким образом, мы можем видеть, что билингвизм в рабочей среде влияет на общую эффективность работы по выбранным показателям в сторону их увеличения.

Особый интерес представляет общая эффективность работы коллектива (5 вопрос). Так, во втором коллективе большинство участников поставили высокую оценку работе всего коллектива за последние полгода.

В первом коллективе этот показатель оказался ниже. Это может объясняться тем фактом, что регион исследования – Республика Саха (Якутия) является местом довольно компактного проживания населения и часто знание якутского языка и то, что этот язык является первым для человека,

позволяет считать коллегу, который также говорит на этом языке более близким и «родным», чем коллегу, общение с которым происходит на неродном для человека языке.

Это может косвенно влиять на общее настроение в группе, скорость передачи информации, укрепление неофициальных взаимоотношений и т.д.

Также путем дополнительного опроса было проведено исследование на знание всех участников третьего и других языков. Так, в коллективе, где общение велось только на русском языке, полилингвом оказался 1 человек. В группе, где общение велось на якутском и русском языке полилингвами оказались 3 человека.

Это позволяет сделать вывод о том, что у второго коллектива, который был представлен, в основном, билингвами (якутский и русский языки) работает большее количество полилингвов, что подтверждает факт того, что билингвам легче дается изучение третьего языка.

Этот вопрос позволяет нам, хоть и субъективно, судить об эффективности работы всего коллектива.

Также этот немаловажный фактор следует учитывать при проведении подобных исследований в регионах с похожей языковой ситуацией.

Естественно, что исследование эффективности работы коллектива, это зачастую комплексные

исследования сразу в нескольких областях (менеджмент, социология), однако такой фактор, как билингвальность в коллективе невозможно не учитывать, так как он влияет на одну из фундаментальных основ любой деятельности – коммуникацию, общение.

Итак, показатели эффективности не отличаются многократно, однако работа в многоязычном коллективе часто более положительно складывается на внутреннем настроении в группе, а также на общей слаженности работы.

То есть мы можем видеть, что помимо достижения основной цели трудовой деятельности, сотрудниками второго коллектива, где было выявлено наибольшее количество билингвов более сплочен и дружен, что не может не влиять на общую работоспособность и эффективность профессиональной деятельности.

Это также подтверждает статистика проведения совместного досуга коллектива в нерабочее время:

1 коллектив: 1-2 раза в 6 месяцев;

2 коллектив: 4-6 раз в месяц.

Следует также различать знание языка и владение им. Так, владение языком подразумевает способность мобилизовать знание при выполнении определенных коммуникативных задач в определенных контекстах или ситуациях.

Степень владения языком характеризует личность с точки зрения языковой/речевой способности.

Для определения уровня владения языком в трудовых коллективах была разработана классификация, которая отражала бы уровень владения якутским языком и помогала определять степень билингвальности.

Так, уровень владения языком был разделен на 4 категории:

1. (1-24%) – ниже среднего. Понимают якутский язык на бытовом уровне, но имеются сложности с формулированием предложений. Общение преимущественно односложное.

2. (25-49%) – средний. Хорошо понимают якутский язык, могут читать легкие тексты. Общение свободное, но без сложных литературных выражений.

3. (50-74%) – выше среднего. Отлично понимают язык. Понимают сложную литературную речь, но имеют сложности с изъяснением на нем.

4. (75-100%) – высокий. Прекрасно понимают язык. Могут изъясняться на сложном литературном языке и понимать его.

Понимание степени билингвальности через определение уровня владения языком позволяет получить более объективную картину о языковой ситуации в целом.

Путем проведения личных бесед с сотрудниками были получены результаты степени билингвальности второго коллектива. Результаты можно видеть в табл. 2.

Таблица 2

Степень билингвальности второго трудового коллектива

	1	2	3	4	5
1 степень					
2 степень	+				
3 степень		+			+
4 степень			+	+	

Определение степени билингвальности позволило сделать вывод, что практически все сотрудники знают якутский язык хорошо или отлично.

Немаловажным будет добавить, что 4 из 5 человек из группы родились и выросли в сельской местности.

Далее была проведена оценка эффективности профессиональной деятельности в соответствии с критериями, описанными в табл. 3:

Таблица 3

Оценка эффективности профессиональной деятельности 1 коллектива

	Задача	Результат	Примечание/Дополнение
Первостепенная цель деятельности	Выполнение поставленных работодателем задач	Поставленная руководством задача коллективом выполнена в полном объеме	Заключается в достижении плановых показателей работы. В данном случае: количество принятых на работу сотрудников.
Второстепенные цели деятельности	Повышение по карьерной лестнице; личностный рост	1 из 5 сотрудников в коллективе готовится к повышению; 4 из 5 сотрудников удовлетворены возможностями для личностного роста, предоставляемые организацией	В данном случае учитываются возможности повышения и личностного роста, предоставляемые организацией
Результат деятельности	Выполнение поставленной задачи и заполнение отчетных документов	Руководство организации удовлетворено результатами деятельности коллектива	Руководство оценивает эффективность коллектива согласно собственным нормативным документам
Психологический аспект	Работа в коллективе с благоприятным внутренним климатом	4 из 5 сотрудников удовлетворены сложившейся атмосферой и общим настроением в коллективе	Здесь учитываются такие показатели, как: общее настроение в коллективе, совместное проведение досуга и налаживание дружеских взаимоотношений
Физиологический аспект	Удовлетворение основных физиологических потребностей, требующих финансовых и материальных затрат	4 из 5 сотрудников удовлетворены своей заработной платой на данный момент	В данном случае учитывается заработная плата сотрудников

Анализируя результаты табл. 3 можно сделать вывод, что первый коллектив, где общение между сотрудниками происходит преимущественно на русском языке, существуют работники, которые

не удовлетворены условиями, которые имеются у них при работе в организации, а также размером заработной платы.

Таблица 4

Оценка эффективности профессиональной деятельности 2 коллектива

Трудовой коллектив	Задача	Результат	Примечание/Дополнение
Первостепенная цель деятельности	Выполнение поставленных работодателем задач	Поставленная руководством задача коллективом выполнена в полном объеме	Заключается в достижении плановых показателей работы. В данном случае: количество принятых на работу сотрудников.
Второстепенные цели деятельности	Повышение по карьерной лестнице; личностный рост	2 сотрудника из 5 готовятся к повышению и переводу в другие отделы на более высокие должности; все сотрудники удовлетворены возможностями для личностного роста, предоставляемые организацией	В данном случае учитываются возможности повышения и личностного роста, предоставляемые организацией

Продолжение таблицы 4

Результат деятельности	Выполнение поставленной задачи и заполнение отчетных документов	Руководство организации удовлетворено результатами деятельности коллектива	Руководство оценивает эффективность коллектива согласно собственным нормативным документам
Психологический аспект	Работа в коллективе с благоприятным внутренним климатом	Все сотрудники довольны сложившимся в коллективе настроением и атмосферой	Здесь учитываются такие показатели, как: общее настроение в коллективе, совместное проведение досуга и налаживание дружеских взаимоотношений
Физиологический аспект	Удовлетворение основных физиологических потребностей, требующих финансовых и материальных затрат	Все сотрудники 2 коллектива удовлетворены своей заработной платой на данный момент	В данном случае учитывается заработная плата сотрудников

Анализируя результаты табл. 4 можно сделать вывод, что работники во втором коллективе имеют высокий уровень удовлетворенности возможностями, которыми они располагают, а также своей заработной платой.

Количество сотрудников, готовящихся к повышению во втором коллективе также выше, чем в первом.

Таким образом, можно сделать вывод, что основная цель трудовой деятельности, поставленная руководством организации в обоих коллективах, выполняется и обе группы справляются с задачами.

Однако, можно заметить разницу в количестве сотрудников, которые готовятся к повышению или переводу в другие отделы на более высокие должности, во втором коллективе, где наблюдается большее количество билингвов таких людей оказалось больше.

Один сотрудник из первого коллектива оказался не удовлетворен теми возможностями, которые ему доступны для личностного роста при работе в организации. Во втором же коллективе все сотрудники оказались довольны предоставляемыми им возможностями.

В первом коллективе 1 сотрудник из 5 оказался недоволен сложившейся атмосферой и общим настроением в коллективе. Во втором коллективе все сотрудники довольны и удовлетворены общим настроением в коллективе.

Здесь следует добавить, что второй коллектив в несколько раз чаще собирается для проведения совместного досуга в нерабочее время.

Заработной платой оказался не удовлетворен 1 сотрудник из первого коллектива. Во втором коллективе все сотрудники посчитали свой заработок приемлемым.

Таким образом, можно сделать вывод, что второй коллектив, где наблюдается большое количество билингвов по сравнению с первым является, в целом, более доволен условиями труда, чаще проводит совместный досуг вместе и более эффективен в своей деятельности.

Количество билингвальных коллективов в нашей стране достаточно велико и изучение особенностей их коммуникации позволит понять, как именно можно использовать это для улучшения основных показателей эффективности работы коллектива по его основному виду деятельности.

Литература

1. Абдуллаев А.А. Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Махачкала: 1995. 298 с.
2. Аммосова Л.И. Состояние проблемы якутско-русского билингвизма на современном этапе // Сибирский педагогический журнал. 2007. Вып. 2. С. 297 – 309.
3. Андреева С.В. Билингвизм и его аспекты // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2016. № 3 С. 34 – 38.
4. Богдан Н.Н., Глинянов М.А. Подходы к оценке эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих // Развитие территорий. 2020. № 4 (22). С. 18 – 24.
5. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. М.: Златоуст, 2012. 488 с.

References

1. Abdullaev A.A. Kul'tura russkoj rechi v uslovijah nacional'no-russkogo dvujazychija. Mahachkala: 1995. 298 s.
2. Ammosova L.I. Sostojanie problemy jakutsko-russkogo bilingvizma na sovremennom jetape. Sibirskij pedagogičeskij zhurnal. 2007. Vyp. 2. S. 297 – 309.
3. Andreeva S.V. Bilingvizm i ego aspekty. Uchenye zapiski ZabGU. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie. 2016. № 3 S. 34 – 38.
4. Bogdan N.N., Glinjanov M.A. Podhody k ocenke jeffektivnosti i rezul'tativnosti professional'noj dejatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashhih. Razvitie territorij. 2020. № 4 (22). S. 18 – 24.
5. Chirsheva G.N. Detskij bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvuh jazykov. M.: Zlatoust, 2012. 488 s.

*Ivanov V.V.,
Poskachina E.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*

THE INFLUENCE OF BILINGUAISM ON THE EFFICIENCY OF THE WORKFORCE

Abstract: the relevance of the article is due to the fact that at present modern society is a system that is characterized by complex cultural and linguistic processes taking place in it. Any member of modern society, in order to achieve any goals, somehow has to enter into communication with other members of this society. However, against the background of increasingly complicated connections between people, collectives and social groups, this task also becomes more difficult. Such processes and communication in bilingual and multilingual societies and labor collectives that are created to achieve certain goals are of particular interest. The purpose of this article is to study the influence of bilingualism on efficiency in the professional sphere. The research material is the results of studies of the effectiveness of the main professional activity conducted in several labor collectives in which interaction and communication are conducted in two or more languages. Bilingualism is one of the factors that often affects the effectiveness of professional activity in the direction of its improvement. Multilingualism often affects not the substantive and effective aspect of activity, but the psychological one, that is, it allows people in a team to find a common language with each other more easily, facilitating the communication process, provides more opportunities for self-realization, personal growth and education.

Keywords: bilingualism, polylingualism, labor collective, efficiency

*Вяльсова А.П., кандидат филологических наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ НЕНОРМАТИВНЫХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация: в статье рассматривается одна из центральных проблем современной нормативной грамматики – употребление деепричастного оборота, не связанного с основным предикатом посредством единого субъекта. Данная конструкция, несмотря на запреты нормы, часто встречается в узусе – в текстах Интернет-дискурса, в письменной речи школьников, в публицистических текстах. Цель работы – рассмотреть ненормативные деепричастные обороты в функциональном аспекте. В задачи исследования входило распределение ненормативных деепричастных оборотов на группы с точки зрения их семантико-грамматических характеристик, анализ причин их появления в речи, выявление их функций в тексте. В результате исследования было установлено, что ненормативные деепричастные обороты, согласовываясь с Я-говорящего, выступают как средство связи предложений в тексте, указывают на границы точек зрения внутри предложения, служат средством художественной выразительности и являются средством локализации субъекта в пространстве.

Ключевые слова: узус и норма, ненормативные деепричастия, текстовые функции, субъект, точка зрения

Вопрос о ненормативных деепричастных конструкциях – перспективное направление изучения синтаксических норм в современном русском языке. На нарушение правила употребления деепричастия обратил внимание еще М.В. Ломоносов, подчеркивая, что использование двусубъектных конструкций *«идучи я въ школу, встретился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріехалъ съ моря; будучи я удостовѣренъ о вашемъ къ себѣ дружествѣ, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе»* весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение» [9]. С развитием грамматических исследований к указанной М.В. Ломоносовым ошибке добавились и другие запреты. Так, запрет на примыкание деепричастия к логическому, а не грамматическому подлежащему, например, в предложениях с логическим субъектом *мне* остается неизменным в рекомендациях и пособиях по культуре речи [13, с. 78]. Несмотря на запреты, ненормативные деепричастия начинают проникать не только в письменные работы школьников, не усвоивших правило употребления деепричастного оборота, но и в речь журналистов, блогеров; эту ошибку пропускают редакторы сайтов, она звучит в фильмах, появляется в статьях – словом, живая речь по каким-то причинам выходит из-под власти нормы. Ольга Йокояма считает данное нарушение универсальным: «На универсальность этого явления указывает в первую очередь существование его во многих языках...» [8, с. 373]. Зарубежные исследования последних десятилетий на основании данных корпусов отмечают рост конструкций с висячими причастиями (*dandling participles*): «Prescriptive grammars consider such expressions “bad English”<...> participles of this type are generally avoided in written English. However, corpora like the

British National Corpus (BNC) abound with *dandling participles*...» [17, p. 89].

При этом в разных языках было выработано различное отношение к ненормативным деепричастным конструкциям. С одной стороны, западные грамматики, в частности английские грамматики к таким конструкциям относятся строго. Любой определитель, не отнесенный к определяемому слову, считается нарушением правил согласования и требует изменения всей фразы, несмотря на семантику «висячего» определителя или возможности выявить субъект из контекста: «Readers usually can figure out what sentences marred by *dandling modifiers* intend to say, but they really say something quite illogical» [16, p. 70]. С другой стороны, иногда «висячие» определители могут встретиться и в художественной прозе, поскольку редакторы не всегда считают нужным исправлять данную ошибку, предпочитая сохранять идиостиль писателя, или попросту не замечают отсутствие согласования с подлежащим: «If meaning is clear from context, often no one notices the ambiguity, but if there is anything possibly ludicrous in one of the grammatical alternatives, the reader may very well discover it, even though a listener might miss it» [15, p. 122].

В русских справочниках и исследованиях, посвященных грамматическим нормам наряду с примерами деепричастных конструкций, не соотношенных с субъектом-подлежащим, которые рассматриваются как грубое нарушение нормы, существуют конструкции, отнесенные к своеобразной «серой зоне», поскольку считаются допустимыми в речи по тем или иным критериям. При этом наполнение «серой зоны» варьируется у разных авторов. Например, В.А. Ицкович в область допустимого относит деепричастия в обобщенно-

личных предложениях, в безличных предложениях и инфинитивных предложениях с имплицитным субъектом действия, а также деепричастные конструкции со стирающейся глагольностью, тяготеющие к предлогам *учитывая, говоря, префразируя* [7, с. 132-140]. А М.В. Панов утверждает, что «...некоторые безличные предложения позволяют поселиться в них деепричастием...» [11, с. 179]. По мнению М.Я. Гловинской, деепричастия при семантическом субъекте первого лица, выраженном косвенными падежами, чаще Род. и Дат. «воспринимаются как менее неправильные» [3, с. 281]. О.М. Чушаева добавляет к имеющимся в периферийной зоне неопределенно-личные предложения и двусоставные предложения с незамещенной позицией подлежащего [14, с. 21].

Нормативный подход к абсолютным деепричастным конструкциям фиксирует нарушение, но не объясняет их появление в речи. И хотя у В.А. Ицковича наметилась тенденция объяснить использование некоторых деепричастий как средство связи мыслей при рассуждении, русская грамматическая традиция относится к ним только как к ошибке. Между тем движение нормы в сторону узуса позволяет выявить некоторые существенные характеристики языковых явлений, увидеть тенденции языковой системы. А универсальный, межъязыковой характер данной ошибки подчеркивает, что «висячие» определители проявляются в речи как результат некоторых изменений когнитивного характера. В настоящем исследовании предлагается применить к ненормативным конструкциям с деепричастиями другой подход, при котором ошибочные употребления будут рассмотрены не с точки зрения формы, а с точки зрения функции в речи говорящего. В качестве материала исследования послужили примеры из школьных сочинений, примеры из Генерального Интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), материалы естественных корпусов русского языка (сети Интернет), данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В русском языке правило употребления деепричастия при подлежащем имеет историческую основу. Изначально согласованная по роду, числу и падежу форма нечленного причастия в аппозитивном употреблении, то есть имеющая связь как со сказуемым, так и с подлежащим, постепенно утратила указанные согласовательные категории, что привело изначально к ошибочному согласованию, «смешению форм», а потом и к появлению новой формы – деепричастия. По мнению А.А. Потемни, «начало этому смешению форм можно бы предположить в конце XII или начале XIII века, так как в памятниках конца XIII века уже есть, хотя еще довольно редко, случаи несогласования

(«того деля идетъ, абы порозну ходяче (вм. – чю) ясти и пити, Выпраш. Кюрик. по сп. XIII в.)» [12, с. 79]. В то же время в научной литературе было отмечено, что наряду с номенативными предложениями с причастиями могли встречаться нечленные причастия, употребленные при имплицитном или эксплицитном дативном субъекте, иногда даже при опорном слове, стоящем в Винительном падеже. В.М. Живов объясняет существование таких форм текстовой обусловленностью. Он пишет: «Дативный субъект в юридических и деловых текстах появляется в конструкциях со значением долженствования (типа *ему платити*), которые находят широкое применение в предписывающем и нормо-устанавливающем контексте, но, как правило, не встречаются в нарративе, в том числе и в нарративе летописном; они представляют собой, по всей видимости, элементы ненарративной стратегии изложения» [5, с. 410].

По-видимому, современные ошибочные деепричастные конструкции так же обусловлены определенными речевыми стратегиями говорящего.

Среди ненормативных конструкций с деепричастным оборотом обычно выделяют конструкции с номенативным субъектом и полисубъектные конструкции. Более подробная типология ошибок, связанных с рассогласованностью по линии подлежащего, приведена в статье Н.К. Онипенко и О.С. Биккуловой [10, с. 220-231]. Рассмотрим ненормативные конструкции с точки зрения их функции в речи.

В первую группу можно объединить ненормативные деепричастные конструкции, отнесенные к субъекту состояния или мышления. Как правило, логический субъект выражен в таких предложениях косвенным падежом, чаще конструкцией у+ Род. или Дат. падежом. Например: *Читая этот законопроект, у меня создалось впечатление, что готовятся масштабные эвакуационные мероприятия по всей стране* (Интернет).

Субъект может быть и имплицитным, с возможностью восстановления в косвенном падеже, например, в данном предложении восстанавливается субъект в Дат. п (*мне*): *Прощаясь с осенним Кисловодском, хотелось запомнить его неповторимую атмосферу, чудесные краски прекрасной осени и тех замечательных людей, которые работают в музеях этого города* (НКРЯ).

По наблюдениям Е.Р. Добрушиной, для современного носителя языка нормативной будет признана та деепричастная конструкция, субъект действия которой «ясен из контекста» [4, с. 222]. Частотность таких конструкций в речи связана с тем, что говорящий, возможно, даже не осознает их ненормативность, поскольку субъект легко может

быть понят из контекста. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в названных конструкциях субъект называется метонимически: чувства, эмоции, настроение, мечты, желания, воспоминания и мысли не отделяются от субъекта, и поэтому в семантическом данные предложения удерживают единство по линии субъекта деепричастного и глагольного действий.

С точки зрения стратегии текста следует обратить внимание на тот факт, что в данных конструкциях нарушаются некоторые из свойств деепричастия. Деепричастие в нарративном тексте изначально характеризовало активный одушевленный субъект. Именно поэтому действие деепричастия обычно связано с фоновой информацией, второстепенным действием, входит во «вторичный вспомогательный фокус» [6, с. 194]. Главное действие, выраженное глаголом, обычно включено в цепочку нарратива, а деепричастные действия являются вспомогательными, выражают таксисные отношения одновременности и предшествования по ходу развертывания основного текстового времени.

Но в данных примерах основное действие выбивается из цепочки действий, оно, наоборот, замедляет повествование, перенося слушателя или читателя в ментальный или эмоциональный, внутренний план. Ср.: *Читая рассказы Тургенева, появляется желание рисовать* (школьное сочинение); *Узнав оценку, мне стало грустно* (школьное сочинение); *Испытав перемены, мечта Макса исполняется* (Интернет); *Новичков всегда ставят на молочку, потому что это самый тяжелый отдел. Пройдя в нем «курс молодого бойца» тебе уже не страшно ничего* (Интернет); *Впервые столкнувшись с заболеванием, пациентов интересует, что это такое – ксантомы на коже* (Интернет); *По словам туристки, взяв путевку на 11 ночей, ей уже спустя 4 дня захотелось собрать вещи и улететь домой* (Интернет); *То что Заведение, расположено на берегу моря с видовыми столами, еще не означает, что хостес или администратор не обязан здороваться с тобой, а присев за стол складывается ощущение будто милостыню пришел просить* (Интернет); *Пробив заказ, внимание привлекли фигуры официантов, с радостными лицами, идущие к выходу* (ГИКРЯ).

Из приведенных примеров видно, что действие, которое составляет основу сюжетной канвы, как раз выражено деепричастием: *читая, испытав, узнав, пройдя, столкнувшись, взяв, присев, пробив* – а сказуемое, наоборот, замедляет динамику сюжета, переводит повествование во внутренний план. Это не значит, что действие, выраженное деепричастием, становится важнее, чем положение дел, выраженное глаголом. Возможно, совре-

менный нарратив меняет стратегию: на первый план выходит не действие, а явление внутреннего мира человека. Для говорящего важнее не то, что он делает, а то, что чувствует, как оценивает происходящие события, поэтому свои внутренние изменения, отраженные в эмоциональных реакциях, мыслях, желаниях, говорящий облекает в форму финитного глагола, а деепричастие в таких ненормативных конструкциях играет роль своеобразного локализатора, указывающего на положение субъекта речи в пространстве и на события его внутреннего мира на временной оси. Интересно отметить, что большинство приведенных в качестве примеров предложений содержат препозиционные деепричастия, связь которых направлена, скорее, не вперед, к глаголу-сказуемому, а назад, в предыдущий контекст. Например, в предложениях *Спокойно (внешне) все выслушиваю, спокойно говорю, что все понятно и стараюсь уйти, вежливо и с улыбкой попрощавшись! Но выйдя из кабинета меня взрывает от возмущения!* (Интернет) деепричастие *выйдя* примыкает к цепочке действий предыдущего предложения: *выслушиваю, говорю, стараюсь уйти, попрощавшись*, а не к последующему описанию эмоционального состояния говорящей – *меня взрывает от возмущения*.

В рассматриваемых примерах, помимо сочетания динамики и статики, можно усмотреть и средство интериоризации повествования: переход из плоскости наблюдения или внешней точки зрения в плоскость внутренней точки зрения, с позиций которой говорящие делятся своими ощущениями, мыслями и чувствами.

Ко второму типу ненормативных конструкций можно отнести предложения, организованные внешней точкой зрения по отношению к говорящему. Как и в предыдущей группе предложений с ненормативными деепричастными конструкциями, глагол-сказуемое в данных предложениях, как правило, не развивает повествование, а, наоборот, замедляет действие, вносит статику. Рассмотрим примеры: *Живя в деревне, у нее не было выбора* (школьное сочинение); *Приучив узбеков к строительной дисциплине и порядку мои дела вот уже несколько лет идут не плохо* (Интернет); *Нажав на звонок, мне пришлось подождать около минуты и еще пару раз позвонить, чтобы мне открыли...* (Интернет); *Подъехав к прокуратуре, Кустосу удалось скрыться внутри здания* (ГИКРЯ); *Галаад – это диктаторская республика, попав в которую твоя жизнь будет подчиняться контролю верховных чинов: «командоров», «теток» и др.* (Интернет); *При вскрытии банки, как многие и писали, увидел непонятную жижу с водой. Но перемешав обычной палкой все стало на свои места* (Интернет).

Как видно из примеров, субъект действия, которое выражено деепричастием, хотя и вытесняется подлежащим, метонимически связанным с субъектом, однако легко восстанавливается из контекста, что в целом создает условия для однозначного понимания смысла предложения.

Деепричастия *живя, приучив, нажав, подъехав, понав, перемешав* предполагают активный действующий субъект в главной части предложения, но глагол-сказуемое представляет собой ситуацию сторонней оценки: *у нее не было выбора, дела идут ... не плохо, мне пришлось, жизнь будет подчиняться, все стало на свои места*. Выбор, жизнь, дела – это параметры оценки, которые требуют от субъекта оценки большего охвата наблюдения, чем это может позволить себе говорящий. Даже если говорящий оценивает свое положение сам, он все-таки ставит себя на место стороннего критика. В случае с примером *мне пришлось* субъект становится инволютивным, подчиненным внешним обстоятельствам, внешнему, а не внутреннему должествованию. В примере *Кустосу удалось скрыться* так же оценивается успешность выполнения действия логическим субъектом.

Точкой отсчета для грамматических категорий деепричастия в современном языке выступает глагол-сказуемое. В данных примерах, помимо грамматических категорий, деепричастие заимствует от матричного предиката и аспект точки зрения, внешней по отношению к говорящему. Разницу между внутренней точкой зрения и внешней оценкой можно увидеть в следующих примерах. Ср.: *Живя в деревне, то и дело включаешь «Маяк»* (НКРЯ). В данном примере передается точка зрения, ориентированная на внутреннюю точку зрения говорящего. Однако в примере с ненормативным деепричастием *Живя в деревне, у нее не было выбора* (школьное сочинение) деепричастие подчиняется точке зрения, с позиций которой производится оценка возможности выбора у героини.

Третью группу составляют примеры с ненормативными деепричастными оборотами в составе предложения, подлежащим которого выступает неодушевленный предмет. Поскольку деепричастиям в большей степени свойственно организовывать повествование, чем описание, постольку субъектом акционального действия, выраженного деепричастием, оказывается одушевленный субъект. Позиция деепричастия при неодушевленном субъекте, как правило, связана либо с олицетворением, либо с описанием, организованным неакциональными предикатами [2].

В данную группу объединены грамматически разные конструкции. С одной стороны, конструкции логический субъект которых выражен сочетанием *у + Род.:* *Выходя из магазина, у меня порвал-*

ся пакет (Школьное сочинение); *Разговаривая с мамой, у меня упал и разбился телефон* (Школьное сочинение); *Подъезжая к даче, у нас заглох мотор* (Школьное сочинение). Конструкции с семантическим субъектом в форме Вин. п: *Так прошел месяц, и вернувшись в начале июля домой, меня ждал невероятный сюрприз* (Интернет); *Приехав после долгой дороги и надеясь попить в номере, нас ждала стеклянная бутылка воды с жутким запахом хлора...* (Интернет). Наконец, конструкции с имплицитным субъектом в форме Дат. п. (мне): *Даже ехав без шлема на байке, будет выпи-сан штраф* (Интернет) или Род. п. (у нее): *Жена покупку оформляла с телефона и было страшно, что вернувшись обратно на сайт Икеа, страница обновится и все сбросится!* (Интернет). Несмотря на разницу в оформлении логического субъекта, во всех приведенных примерах в качестве подлежащего выступает неодушевленный предмет, который попадает в рему высказывания и оказывается в фокусе внимания говорящего. Эти типы ненормативных конструкций часто оказываются примером синтаксической ошибки в практических пособиях для школьников. При этом наличие ошибки доказывается путем трансформации предложения с деепричастием в предложение с однородными членами, подлежащим которого выступает как раз неодушевленный предмет. На самом деле, говорящий потому часто и не замечает ошибку, поскольку никогда не мыслит слово, обозначающее неодушевленный предмет, субъектом своего высказывания. Ольга Йокояма доказывает это в похожих предложениях невозможностью изменить порядок слов, поставив на место темы (логического субъекта) рему (подлежащее) [8, с. 37]. Например, *выходя из магазина, пакет у меня порвался*. Попадая в рему высказывания, неодушевленный предмет помогает перевести фокус внимания с говорящего на окружающий мир и создать эффект неожиданности. Наличие этого эффекта не позволяет говорящему удержать связь между деепричастием и глаголом-сказуемым на семантическом и причинно-следственном уровне. В указанных примерах, наоборот, наблюдается разрыв двух действий. При этом деепричастие выражает, как правило, одновременность с действием глагола-сказуемого, или наблюдается минимальный разрыв по времени в следовании двух действий.

Следующую группу составляют предложения типа *Не доезжая Страстной, налево под вывеской... сидели праздные молодые люди*, на которые обратил внимание А.К. Власов [1, с. 37]. Предложения, подобные этому, встречаются в особых типах текстов – рекламных проспектах, описаниях местности, словом, в ненарративных текстах:

Поднявшись в Мурманске на гору Горелую, чья высота составляет почти 254 метра, со смотровой площадки перед вами откроется отличный вид на город и Кольский залив (Интернет); Выйдя из аэровокзала, перед вами откроется красивейшая панорама город, на нашу Волгу! (Интернет).

В научной литературе было замечено, что в данных предложениях восстанавливается субъект наблюдения (*видно, можно увидеть*). Например, в предложениях из путевых записок А.С. Грибоедова: *Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград; На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади (НКРЯ)* легко можно восстановить *я увидел, увидели*.

Однако подлежащее часто исключает возможность такого восстановления. Например, в семантике подлежащих *вид, панорама* уже содержится указание на наблюдение, поэтому восстановление глагола *видеть* неуместно в приведенных выше примерах. Кроме того, не всегда пропущенный элемент связан с каналом зрения. Например, очевидно, что в предложении *Выехав из лагерной зоны, начинаются подъемы (Интернет)* речь идет, скорее, об ощущении говорящего, передвигающегося в автомобиле, а не наблюдающего эти подъемы со стороны.

Деепричастия в рассматриваемых предложениях по большей части образованы от глаголов движения (*поднявшись, выйдя, выехав*), а не положения в пространстве. Тема, или логический субъект предложения опущен, и на первый план выходит рема – описываемая особенность местности, за счет этого создается эффект неожиданности увиденного. При этом субъект таких предложений обобщенно-личный, позволяющий использовать деепричастие, поэтому пропуск таких ошибок в речи оправдан. Говорящий может использовать такие ненормативные конструкции с целью интимизации описания, чтобы каждый почувствовал себя на месте говорящего.

Наконец, одной из не менее частотных категорий ненормативных деепричастных конструкций являются полисубъектные предложения с деепричастием. В этих предложениях имеется два одушевленных субъекта, за счет чего создается конкуренция субъектов и двусмысленность высказывания. Однако распространенность в сети этих предложений подтверждает тот факт, что для говорящего двусмысленности не возникает, он не чувствует, что предложение может быть прочитано по-другому. Это связано с тем, что рассматриваемые предложения поддерживают связь с

предыдущим контекстом. Особенно важно то, что, как правило, деепричастия в таких предложениях стоят в начале и тяготеют к предыдущему предложению или к другому предложению даже при наличии смыслового разрыва между ними. Например, в предложении *Придя в Аравию Имама встретили все эмиры и шейхи Аравии* деепричастие *придя* относится не к эмирам и шейхам, а к Имаму, поскольку в предыдущем контексте было сказано о его приезде и в другие страны: *Прибыв в Турцию на корабле из Одессы Шамиль был встречен султаном Турции*. В продолжении контекста путешествия Имама в предложении *Старик, проснувшись позвал своего сына и сказал – Иди, принеси мою лучшую одежду и приготовься, Шамиль к нам идет!!! Приехав в Медину Шамиля провели в дом к старому шейху который не мог ходить* так же не создается двусмысленности за счет отсылки к поездкам Шамиля. Функционально такие деепричастные конструкции, будучи темой высказывания, играют роль анафоры – отсылки к предыдущим действиям. В некоторых случаях они выступают как своеобразное средство компрессии, дефокусации того, о чем говорилось в предыдущей части текста или предложения. Например, *Из самых красивых и привлекательных делали объекты для издевательств. Оскорбив женщин, они были отправлены вместе со всеми на смерть (ГИКРЯ)*. В данном примере деепричастие *оскорбив* отсылает к выражению *делали объекты для издевательств* на семантическом уровне. Интересен пример, в котором связь между деепричастием и глаголом-сказуемым, а также логическим субъектом осуществляется посредством причастия, содержащегося в этом же предложении: *Придя на концерт, прямо у входа пришедших встречали домовые и прочая нечисть, а также девы в красных сарафанах (Интернет)*. Этот пример показывает, что для деепричастия возможно устанавливать связь как с предложениями в предыдущем контексте, так и с последующими конструкциями и предложениями, служащими разворачиванию сюжета высказывания.

В некоторых случаях двусмысленность избегается благодаря прагматическим аспектам ситуации. Например, в предложении *Попросив прийти ко мне в номер и разобратсья с тараканом, девушка администратор, конечно же, ответила согласием* распределение имен существительных, претендующих на роль логического субъекта зависит от реальной ситуации: обычно гость задает вопросы администратору отеля, а не наоборот. Кроме того, глагол *прийти* подчёркивает приближение к субъекту речи извне.

Предложения с ненормативными деепричастиями в этой функции являются своеобразным де-

терминантом, позволяющим удерживать связи между рядоположенными и разъединенными предложениями в тексте.

Таким образом, исследование текстовых функций ненормативных деепричастий показало, что использование в речи ошибочных предложений с деепричастными конструкциями во многом обусловлено изменением статуса самой деепричастной конструкции. Деепричастие мыслится современным носителем языка как текстовая глагольная форма, чья сфера действия не ограничивается предложением, а тяготеет к связям на уровне текста. Кроме того, рассмотренные функции деепричастных форм позволяют обнаружить повышение

роли для говорящего таких текстов, в которых присутствует сторонняя точка зрения наблюдателя, оценка, эффект неожиданности, элементы интенсификации повествования. Думается, что причины появления ненормативных деепричастий могут быть связаны не только с несформированностью грамматических правил, но со стратегией текстов, порождаемых говорящим, а также с его прагматическими задачами.

Исследование проводилось в рамках проекта «Некодифицированная русская речь XXI века: грамматическая вариативность. Первый этап» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Литература

1. Власов А.К. Деепричастный оборот, не отнесенный к подлежащему // Русский язык в школе. М., 1958. № 2. С. 35 – 38.
2. Вяльсова А.П. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. 2005. № 2. С. 36 – 45.
3. Гловинская М.Я., Воронцова В.Л., Голанова Е.И. и др. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 237 – 304.
4. Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3, Филология. 2020. № 63. С. 9 – 18.
5. Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 т. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 816 с.
6. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
7. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы, М., 1982. 199 с.
8. Йокояма О. В защиту запретных деепричастий // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983). Vol. 1. Linguistics, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983. P. 373 – 381.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика. С-Пб., 1755. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lomonosovrossiyskayagrammatika.pdf> (дата обращения: 13.11.2022)
10. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // В сборник материалов конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». Труды Института русского языка. М., Азбуковник, 2016. № 10. С. 220 – 231.
11. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: «Наука», Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
12. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. М., 1958-1985. Т. 1-2 / Акад. наук СССР, Отд. лит. и яз.; общ. ред., предисл. и вступит. ст. чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. Учпедгиз, 1958. 534 с.
13. Смирнова Л.Г. Культура русской речи: учебное пособие по развитию речи. М.: «Русское слово», 2005. 336 с.
14. Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: монография / Федеральное агентство по образованию, Мурманский гос. пед. ун-т. Мурманск: МГПУ, 2008. 197 с.
15. Kenneth G. Wilson. The Columbia Guide to Standard American English. Columbia University Press; 1st edition. 1993. 482 p.
16. Nan S Levinson. How to Sharpen Your Business Writing Skills. American Management Association; 2nd edition. 2000. 179 p.
17. Naoko Hayase. The cognitive motivation for the use of dandling participles in English // Motivation in Grammar and Lexicon. ed. by Klaus-Uwe Panther, Günter Radden, Amsterdam: Benjamins 2011. P. 89 – 106.
18. ГИКРЯ – Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>
19. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003-2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

References

1. Vlasov A.K. Deeprichastnyj oborot, ne otnesennyj k podlezhashhemu. Russkij jazyk v shkole. M., 1958. № 2. S. 35 – 38.
2. Vjal'sova A.P. Tekstovye funkcii prichastij i deeprichastij. Russkaja slovesnost'. 2005. № 2. S. 36 – 45.
3. Glovinskaja M.Ja., Voroncova V.L., Golanova E.I. i dr. Aktivnye processy v grammatike (na materiale innovacij i massovyh jazykovykh oshibok). Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). Otv. red. E.A. Zemskaja; In-t rus. jaz. Ros. akad. nauk. M.: Jazyki rus. kul'tury, 1996. S. 237 – 304.
4. Dobrushina E.R. Absolutivnye deeprichastija: norma i uzus, mikrodiachronija i sovremennoe polozenie. Vestnik Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 3, Filologija. 2020. № 63. S. 9 – 18.
5. Zhivov V.M. Istorija jazyka russkoj pis'mennosti: v 2 t. T. 1. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2017. 816 s.
6. Irishanova O.K. Igrы fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s.
7. Ickovich V.A. Oчерki sintaksicheskoj normy, M., 1982. 199 s.
8. Jokojama O. V zashhitu zapretnyh deeprichastij. American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983). Vol. 1. Linguistics, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983. P. 373 – 381.
9. Lomonosov M.V. Rossijskaja grammatika. S-Pb., 1755. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lomonosovrossiyskaygrammatika.pdf> (data obrashhenija: 13.11.2022)
10. Onipenko N.K., Bikkulova O.S. Problema deeprichastnoj normy i kategorija sub#ekta. V sbornik materialov konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diachronii». Trudy Instituta russkogo jazyka. M., Azbukovnik, 2016. № 10. S. 220 – 231.
11. Panov M.V. Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka. M.: «Nauka», Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 275 s.
12. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike: v 4 t. M., 1958-1985. T. 1-2. Akad. nauk SSSR, Otd-nie lit. i jaz.; obshh. red., predisl. i vstupit. st. chl.-korr. AN SSSR V. I. Borkovskogo. Uchpedgiz, 1958. 534 s.
13. Smirnova L.G. Kul'tura russkoj rechi: uchebnoe posobie po razvitiju rechi. M.: «Russkoe slovo», 2005. 336 s.
14. Chupasheva O.M. Grammatika russkogo deeprichastija: monografija. Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Murmanskij gos. ped. un-t. Murmansk: MGPU, 2008. 197 s.
15. Kenneth G. Wilson. The Columbia Guide to Standard American English. Columbia University Press; 1st edition. 1993. 482 p.
16. Nan S Levinson. How to Sharpen Your Business Writing Skills. American Management Association; 2nd edition. 2000. 179 p.
17. Naoko Hayase. The cognitive motivation for the use of dandling participles in English. Motivation in Grammar and Lexicon. ed. by Klaus-Uwe Panther, Günter Radden, Amsterdam: Benjamins 2011. P. 89 – 106.
18. GIKRJa – General'nyj internet-korpus russkogo jazyka. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>
19. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. 2003-2022. Dostupen po adresu: ruscorpora.ru

*Vyalsova A.P., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
St. Tikhon's Orthodox University for Humanities*

TEXTUAL FUNCTIONS OF NON-NORMATIVE CONSTRUCTIONS WITH ADVERBIAL PARTICIPLES

Abstract: the article deals with one of the central problems of modern normative grammar – the use of constructions with adverbial participles that are not connected with the main predicate through a single subject. This construction, despite the prohibitions of the norm, is often found in the following situations – in the texts of the Internet discourse, in the written speech of schoolchildren, in journalistic texts. The purpose of the work is to consider non-normative adverbial participles in a functional aspect, to study their textual functions. The objectives of the study included the division of non-normative adverbial participles into groups in terms of their semantic and grammatical characteristics, analysis of the reasons for their presence in speech, and identification of their functions in the text. As a result of the study, it was found that non-normative adverbial participles maintain an agreement with the I-subject of the text, serve as the means of textual expression and localisation of the subject in space, connect sentences in the text and indicate the boundaries of points of view within the sentence.

Keywords: usage and norm, non-normative adverbial participles, textual functions, subject, point of view

Овхадов М.Р., доктор филологических наук, профессор,
Ирезиев С.-Х. С.-Э., кандидат филологических наук, доцент,
Шамилева Р.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

РОЛЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация: статья посвящена фразеологической системе английского языка, которая складывалась в течение длительного времени его становления. Как и любой язык, английский язык является отражением истории народа, всех его значимых событий, всех зигзагов в жизни народа-носителя английского языка. В большей мере, чем другие уровни языка, своеобразие языковой картины мира англичан подчеркивает фразеология. Видение окружающей действительности и ее отражение в сознании этого народа, влияние исторической действительности на образ мышления и систему ценностей британцев также заключено в английских устойчивых сочетаниях слов и паремиях – поговорах и пословицах. В широком толковании термин «фразеология» включает в себя и паремии. Цель данной статьи заключается в анализе устойчивых словосочетаний английского языка, отражающих цветообозначение. В соответствии с данной целью в статье поставлены задачи проанализировать фразеологизмы английского языка с компонентом «цвет». Как известно, цветовая гамма делится на две категории: спектральные цвета и внеспектральные. Преимущественное внимание в данной работе уделено фразеологизмам с компонентами, обозначающими спектральные цвета (черный, белый, синий, зеленый, красный, желтый). Наряду с ними рассмотрены также некоторые фразеологизмы с компонентами – обозначениями внеспектральных цветов (серого, розового, пурпурного, коричневого). Рассмотренный разряд фразеологизмов английского языка подчеркивает своеобразие языковой картины мира англичан и ее национальный колорит.

Ключевые слова: фразеологизм, цвет, прилагательное

Цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [1]. Значение устойчивых сравнительных единиц с компонентом «цвет» в английской культуре не всегда соответствует их значениям в других лингвокультурах. Специфика и своеобразие английской истории также отражены в английской фразеологии.

Рассмотрим цветовые прилагательные, входящие во фразеологизмы английского языка.

Black. Как указано в Oxford Advanced Learner's Dictionary, *black* – цвет сажи, угля или близких оттенков. Это сравнение обусловлено тем, что уголь – это место естественного существования цвета, где он наиболее четко себя проявляет (Oxford Advanced Learner's Dictionary) [3]. Прежде всего, использование лексемы „черный” является частотным в сравнениях *as black as a crow's wing*.

Фразеологизмы с компонентом «черный» чаще всего обозначают грусть, печаль, невзгоды, так как это цвет смерти и траура в европейской и американской культуре. Согласно «Oxford Dictionary of English idioms»: *a black day for smb* – день, когда с кем-то случается что-то грустное, неприятное, ужасное.

Афроамериканцы часто выступают против такой традиции. Это доказывает культурное движение *Black is beautiful*, которое было начато в Соединенных Штатах Америки в 1960-х годах. Цель

движения – развеять миф о том, что природные черты чернокожих людей (цвет кожи, черты лица и волосы) по своей сути уродливы (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

«Черный» используется как эвфемизм для обозначения чернокожего населения: *black flash* или *black stock* – черные рабы; *blackamoor* – негр, темнокожий.

Черный цвет может означать нарушенный закон, нелегальность. Например: *black market* – черный рынок.

Некоторые фразеологизмы в английском языке имеют значение исключения из правил, кое-чего необычного: *to blackball* – не избрать кого-либо на выборах.

Нижеперечисленные обороты имеют одинаковую основу сравнения (*black*), но отличаются объектами сравнения. Образы сравнения – это предметы окружающего нас мира, что придает сравнительным оборотам ясность и прозрачность.

Например, мы можем назвать фразеологизмы со словом *black*:

black as a crow/raven, black as a crow's wing/raven's wing,

black as a sloe, black as ebony, black as ink, black as jet,

black as soot, black as coal, black as night, black as midnight,

black as hell, black as pitch.

Словосочетание *black as ink* имеет несколько значений:

1) очень черный, темный, лишенный света (*The basement gives me the creeps, it's as black as ink down there!*),

2) хмурый, безрадостный, унылый (*She narrowed her eyes, and I could tell her thoughts had turned as black as ink*).

Черный цвет часто сравнивают с белым, таким образом, образуя новые фразеологизмы с противопоставленными значениями: *call white black* – называть белое черным.

При приглашении на концерт, танцы, в театр фразеологическое выражение *white tie* означает, что гостю необходимо появиться в белом галстуке-бабочке (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Тем не менее, существуют некоторые фразеологизмы с лексемой «черный», не имеющие отрицательных значений. Например, *to be in the black* – получать прибыль от предприятия (в старинных конторских книгах прибыль записывали черными чернилами).

В английском языке лексема *black* часто используется вместе с прилагательным *white* для усиления контраста между обозначаемыми предметами.

White. В Oxford Advanced Learner's Dictionary указано, что *white* – это цвет молока и снега, противоположность черного цвета. Dictionary of *Symbolism* отмечает, что *white* считается цветом мира, спокойствия, благородства, знатности и величия. Разнообразные процессы и поступки (ведьмы, колдуны, ложь и т. д), несущие негативные ассоциации, в словосочетаниях с лексемой «белый» приобретают другое, позитивное значение. Например: *white lie* – ложь ради блага, ложь во спасение; *a white witch* – Белая Колдунья; *white magic* – белая магия.

В представленных фразеологизмах мы можем наблюдать, как лексема *white* вносит оттенок альтруистической цели в противовес деструктивной (при использовании прилагательного *black*). Также существует большое количество фразеологизмов на обозначение честности, порядочности, высокой морали: *white man* – порядочный, хорошо воспитанный человек. Далее рассмотрим фразеологизмы-метафоры и метонимии, которые несут негативный оттенок, например *bring to a white heat* – допечь до сердца.

Лексема *white* часто используется для особого подчеркивания какого-либо предмета в сравнительных оборотах: *as white as a ghost*. Как известно, белый флаг в военных конфликтах всегда означал отказ совершать нападение на враждующую сторону, мирное урегулирование ситуации. На этой основе были образованы соответствующие фразеологические обороты: *white alert* – отбой воздушной тревоги.

Прилагательное *white* используется для характеристики цвета кожи европейского населения. (*white slave* – белая девушка, которую эксплуатирует хозяин)

Ассоциация с цветом также повлияла на образование таких фразеологизмов, как *white Christmas*, *white New Year*, обозначающих наличие снега и *whitecaps*, *white horses*, *white noses* в обозначение белых гребней волн.

Как уже было отмечено, *white* используется вместе с колоронимом *black* для выявления выразительного контраста между явлениями или предметами. Например: *to call white black* – называть белое черным.

Blue. Согласно Oxford Advanced Learner's Dictionary, «*blue*» находится в спектре между зеленым и фиолетовым, цвет неба или моря при ясной погоде (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Такая ассоциация повлияла на то, что фразеологизмы с исследуемым прилагательным были использованы в лексике военнослужащих и мореплавателей, а также для поэтического обозначения морских глубин и неба. Например: *the blue blanket* (небо, «далекая синяя высь»).

Синий цвет также используется во фразеологизмах, где он описывает состояние кожи и лица человека как реакцию на холод или недостаток воздуха: *blue in the face* – багровый от гнева.

Голубой цвет обозначает также благородное происхождение, королевскую власть, благородство, а также высокое качество. Например: *blue blood* (представители королевской семьи или люди очень высокого происхождения).

Как ни странно, голубой цвет одновременно ассоциируется с трудом и рабочим классом. Это типичный цвет джинсов (которые первоначально использовались в качестве рабочей спецодежды). В Соединенных Штатах существует фразеологизм «*blue collar*» – это лицо, которое занято физическим трудом и не носит деловых костюмов.

Кроме того, синий – цвет партии консерваторов, что повлияло на возникновение такой фразеологической единицы, как *to vote blue* голосовать за консерваторов. Стоит отметить, что в Соединенных Штатах существуют такие понятия, как *blue states* и *red states*. *Blue states* соответствуют тем штатам, большинство жителей которых голосуют за кандидата в президенты из Демократической партии, *red states* – из республиканской.

В США данный цвет ассоциируется со строгостью, консервативностью и пуританскими обычаями: *blue laws* (пуританские законы).

Фразеологические единицы с компонентом *blue* часто ассоциируются с постоянством, верностью, порядочностью. Например: *true blue* (верный, преданный человек).

В противовес верности и порядочности, прилагательное используется также во фразеологизмах с прямо противоположными значениями:

1) обозначает злобу, гнев, нечестность: *to make the air blue* (ссориться);

2) что-то развратное, «грязное»: *blue movie* (фильм с неприличными сценами).

В английском языке прилагательное *blue* часто входит в состав фразеологизмов, которые обозначают печаль, тоску, грусть. Это коннотативное значение прилагательного в английском языке доминирует. Рассмотрим некоторые примеры: *the blues* (ощущение печали и потери), *blue devils* (плохое настроение, депрессия).

Также в музыке используется термин *blue note* (блюзовый лад) – один из видов мажоро-минора, характерный для блюза и родственных жанров.

Еще одно значение исследуемого прилагательного – что-то неожиданное, незапланированное, редкое: *blue moon* (большая редкость).

Иногда прилагательное не несет особой семантической нагрузки, а употребляется лишь для усиления значений, выполняет эмфатическую функцию. Например: *blue-eyed boy* (любимчик, баловень) (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Итак, прилагательное «*blue*» вызывает разнообразные ассоциативные сравнения, поэтому некоторые образованные с ним фразеологизмы имеют кардинально противоположные значения (благородное происхождение – рабочий класс, верный – развратный.) Может иметь следующие значения: усталость, грусть, меланхолия, депрессия, или состояние глубокой задумчивости. Нередко ассоциируется с водой и воздухом. Означает чистоту, мир, мечту, благочестие, мудрость, непорочность. Это символ верности, соблюдения традиций, постоянства, преданности вечным ценностям. Ассоциируется с мудростью, интуицией.

Green. Прилагательное *green* тесно связано с древнеанглийским глаголом *growan* (to grow – расти). Именно поэтому наиболее распространенная визуальная ассоциация с цветом – это зеленые листья и трава, недозревшие фрукты и овощи. На основе этого образовался следующий уровень ассоциативных связей для характеристики молодости и неопытности. Эта особенность отразилась и на фразеологических оборотах в речи: *green years* – детские годы (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Названия организаций, которые выступают за защиту природы, окружающей среды, часто включают в себя компонент «*green*»: *Green Peace* – Гринпис (Международная природоохранная организация).

Одним из многих значений прилагательного является «разрешение, свобода выполнять определенные действия». Появилось оно в начале 20 века, после того как зеленый цвет был использован в светофорах, чтобы позволить транспорту продолжать движение. Позже появляются соответствующие фразеологические обороты: *the green light* – разрешение; *to give a green light* – развязать руки, дать свободу действий; *green card* – вид на жительство (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Существуют соответствующие фразеологизмы, обозначающие здоровье и благосостояние людей: *in the green tree* – во время расцвета, процветания; *green old age* – здоровая или счастливая старость; *in the green wood* – в расцвете сил.

Зеленый цвет также может обозначать неудачу и зло в наиболее общем его значении. Это объясняется тем, что зеленым был цвет змея в Эдемском саду, который обольстил Адама и Еву. В Англии и Франции зеленый костюм считался символом неудачи среди актеров театра, потому что Мольер умер на сцене, одетый в зеленый костюм (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

В Европе и Соединенных Штатах зеленый цвет иногда ассоциируют с высоким социальным статусом, процветанием, достатком, а в частности – долларовыми купюрами. Понятно, что референция таких лексем – цвет банкнот. Как следствие, в языке появились следующие фразеологизмы: *the long green, green folding* – доллары; *green goods man* – фальшивомонетчик; *green stuff* – деньги.

Благодаря Шекспиру, данный цвет также ассоциируют с ревностью и завистью. Фразеологизм *the green-eyed monster*, что значит ревность, Шекспир впервые употребил в своей пьесе «Отелло», позже в комедии «Венецианский купец», а впоследствии – фразеологизм приобрел широкое употребление. Похожие значения имеют фразеологизмы *green with envy* – готов лопнуть от зависти; *to look through green glasses* – ревновать, завидовать чьему-то успеху (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Таким образом, зеленый цвет в составе фразеологизмов имеет амбивалентный характер. Он означает молодость, красоту и веселье, напоминает о юности, цветении, надежде и радости. Ассоциируется с природой, весной, теплом, свежестью, спокойствием. Однако, с другой стороны, этот цвет символизирует плохое самочувствие, зависть, зло.

Red. Он связан с солнцем и всеми богами войны, гневом, жадной кровью, мести, огнем и мужским началом. Однако с другой стороны, красный цвет может одновременно обозначать любовь, страсть, здоровье (Oxford Advanced Learner's Dictionary).

Лексема «red» используется в компаративных фразеологических оборотах, чтобы подчеркнуть цвет предмета, что они характеризуют: *as red as a poppy* (красный, как маков цвет). Можем наблюдать следующие фразеологические обороты: *Red Book* – Красная книга (справочник, содержащий в себе сведения о представителях английских правящих классов). Иногда такой фразеологизм ошибочно переводят на русский язык как «Красная книга», хотя такой перевод будет не точным. Красная книга в значении сборника, где зафиксированы вымирающие виды животных и растений, имеет англоязычное соответствие *Red Data List*. *Red Book of Exchequer* – «красная книга министерства финансов» (сборник разнообразных документов, что относятся к 18 веку и хранятся в министерстве финансов Англии).

Красный ковер традиционно использовался для чествования руководителей государств на церемониальных и официальных мероприятиях, а лишь в последние десятилетия распространенным явлением стало использование его для знаменитостей. В языке это нашло свое отражение в следующих фразеологических оборотах: *roll out the red carpet for someone* (встречать кого-то торжественно, гостеприимно); *to get/ to give someone/ to have red-carpet treatment* (относиться с особым уважением); Ранее в государственных ведомствах Англии для скрепления документов между собой использовалась красная лента, на основе чего и возникли словосочетания *red tape* (бюрократия) и *cut through red tape* (отменять бюрократические правила и нормы).

Фразеологизм *to catch someone red-handed* (поймать на горячем, поймать за правонарушением) происходит от цвета крови на руках преступников. Сначала он использовался только по отношению к уголовным преступлениям, а позже начал характеризовать любое правонарушение.

Существует также ряд фразеологизмов, в которых прилагательное *red* субстантивируется и обозначает убытки, долги, нерентабельность: *red ink* (долг). Такое его использование связано с выделением долгов в учетных книгах банков именно красным цветом. В данном случае, значение компонента *red* все же тяготеет к своему основному значению – цветовому признаку.

Использование компонента *red* в таких оборотах *not to have a red cent* (совсем не иметь денег) связывается с цветом медных монет и применяет-

ся в речи несколько переосмысленно. Красный цвет традиционно используется для предупреждения об опасности. В средние века красный флаг предупреждал о том, что защитники города или замка будут бороться и защищать его, а красный флаг, поднятый на военном корабле, означал, что врагу не будет пощады. Неудивительно, что такая коннотация цвета отразилась и в речи. Например: *to see a red light* (видеть или подозревать опасность); *run a red light* – проехать на красный свет (красный цвет светофора предупреждает о том, что двигаться дальше – опасно).

Yellow, как и большинство цветовых прилагательных английского языка входит в состав фразеологизмов – сравнений: *as yellow as a crow's foot* – желтый как гусиная лапка, *as yellow as a guinea* – желтый как лимон, *as yellow as a kite's claw* – желтый как коготь коршуна, *as yellow as corn* – желтый как кукуруза и *as yellow as gold* – желтый как золото.

Цветовой компонент *yellow* в составе фразеологизмов – метафор может означать болезнь, плохое самочувствие. Такую семантику имеют следующие обороты: *yellow flag* (желтый флаг – как символ карантина).

Желтый цвет может иметь также следующие значения: – трусливый, подлый – *a yellow streak*;

– бульварный – *yellow journalism* (бульварная пресса). Таким образом, основные значения желтого цвета – болезни, страх, боязливость и уличная пресса, бульварные литературные произведения.

Существуют две лексемы – *rosy* и *pink*, которые также вошли в состав лишь фразеологизмов – метафор. С розовым цветом как здоровым цветом лица связаны следующие ФЕ: *in the pink* (в расцвете сил, в прекрасном состоянии здоровья), *the pink of health* (здоровый на вид). С розовым цветом связаны положительные переживания, он созвучен радостному, открытому отношению к миру. Фразеологизмы типа *to see everything through rose-coloured spectacles* (видеть все в розовом цвете), *to take a rosy view of smth.* (оптимистично смотреть на что-то), *rosy in the garden* (все в порядке) построены именно на этой ассоциации.

Grey в первичном значении вошел в состав таких ФЕ, как *grey matter* (серое вещество головного мозга; ум), *grey of the dawn* (утренняя, предрассветная мгла), *all cats are grey in the dark* (ночью все кошки серы). Благодаря цветовому признаку, значение фразеологизмов является мотивированным. А вот в такой фразе, как *the grey mare is the better horse* (жена верховодит), мотивация отсутствует.

Что касается фразеологических метафор с лексемой *brown*, то в их состав данный цвет входит с различными значениями. В таких ФЕ, как *brown bread* (хлеб из непросеянной муки) и *brown ware* (глиняный сосуд), компонент *brown* имеет свое первичное значение «коричневый».

В определенной степени с цветовым признаком связаны и такие выражения, как *to do brown u to do up brown* (доводить до конца), где *brown* сохраняет семантику «хорошо поджарить».

В психологическом аспекте с коричневым цветом связывается жизненная неактивность. Такая трактовка присутствует в некоторых фразеологизмах, содержащих лексему *brown*: *brown study* (мрачное размышление), *in a brown study* (в мрачном раздумье), *to be browned off* (испытывать скуку).

В английском языке с колоронимом *purple* существует несколько фразеологизмов. Один из них – *a purple patch* (лучшее место в литературном произведении). В нем значение компонента *purple* в некоторой степени можно отождествить с сакральным толкованием, что означает духовное начало, высшая ступень познания.

В такие фразеологизмы, как *to wear the purple* (принадлежать к королевской семье) и *to marry into the purple* (вступить в брак с членом королевской семьи), название цвета вошло в переносном значении (*purple* – королевский пурпур, власть монарха) (Oxford Advanced Learner's Dictionary). Следовательно, использование внеспектральных цветов также распространено в английском языке и может вызывать разнообразные ассоциации: положительные, отрицательные, нейтральные.

Таким образом, язык – зеркало окружающего мира «... он [язык] отражает действительность и создает свою собственную картину мира, специфическую и неповторимую для каждого языка и, следовательно, для народа, этноса, речевой общности, использующей данный язык как средство общения» [2, с. 119-123]. В этом отношении английская фразеология является отражением «английского взгляда» на мир, основанного на историческом опыте народа. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения – отдельное звено в английской лингвокультуре.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.
2. Юздова Л.П. Адвербиальные качественные фразеологизмы как средство отражения русской языковой картины мира // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 17. С. 119 – 123.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, New York: Oxford University Press, 2001. 900 p.

References

1. Amosova N.N. Osnovy anglijskoj frazeologii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1963. 208 s.
2. Juzdova L.P. Adverbial'nye kvalitativnye frazeologizmy kak sredstvo otrazhenija russkoj jazykovoј kartiny mira. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. № 17. S. 119 – 123.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, New York: Oxford University Press, 2001. 900 p.

*Ovkhadov M.R., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Ireziev S.-Kh. S.-E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Shamileva R.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kadyrov Chechen State University*

ROLE OF COLOUR DESIGNATION IN THE ENGLISH PHRASEOLOGY

Abstract: the article is devoted to the English phraseological system that formed for a long time. Like any language English is a reflection of people's history, all its significant events, all the zigzags in the life of the native English-speaking people. To a greater extent, phraseology, in comparison with the other levels, emphasizes originality of the British linguistic model of the world. The vision of surrounding reality and its reflection in the people's minds, the influence of historical reality on the way of thinking and the system of values of the British is also contained in the English stable set phrases and paroemias – proverbs and sayings.

In broad interpretation, the term «phraseology» includes proverbs.

The purpose of this article is to analyze stable set phrases of the English language reflecting the color designation. In accordance with this purpose, the article sets the task to analyze the English phraseological units with the «color» components.

As it is known, the colour scheme is divided into two categories: spectral colours and non-spectral. In this research primary attention is paid to phraseological units with components denoting spectral colours (black, white, blue, green, red, yellow). Some phraseological units with non-spectral colour designation components (grey, pink, purple, brown) are also considered along with them. The considered category of the English phraseological units emphasizes the originality of the English linguistic world-image and its national character.

Keywords: phraseological unit, colour, adjective

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Буторина Н.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Будаева Л.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный медицинский университет*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И СПЕЦИФИКА

Аннотация: актуальность исследования определяется активизацией и углублением международных образовательных контактов. Молодые люди из зарубежных государств ежегодно приезжают получать образование в наших университетах, что является следствием роста конкурентоспособности отечественного образования на международном рынке. В связи с этим вопрос, связанный с изучением проблем социокультурной адаптации иностранных студентов не теряет свою актуальность. Целью данной работы было рассмотреть основные аспекты социокультурной адаптации иностранных студентов и выявить специфику адаптации иностранных студентов-медиков, обучающихся в ОрГМУ. В статье раскрывается понятие «социокультурная адаптация иностранных студентов» на примере индийских студентов, обучающихся в Оренбургском государственном медицинском университете. Авторы рассматривают виды адаптации и методы педагогической помощи иностранным студентам в преодолении языковых, академических и социокультурных барьеров в процессе адаптации к условиям обучения в российском университете. Авторы считают, что процесс обучения и воспитания на неродном языке должен напрямую зависеть от уровня физиологической, социально-психологической и академической адаптации студентов. Особый акцент делается на роли куратора в процессе социокультурной адаптации. Полученные результаты можно использовать в качестве практических рекомендаций профессорско-преподавательскому составу, работающему с иностранными студентами.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные студенты, образовательная среда, проблемы социокультурной адаптации, адаптация, успешность социокультурной адаптации, образовательный процесс

Введение

Содержание и структура социокультурной адаптации изучаются различными социальными и гуманитарными науками. Теория социальной адаптации была довольно продуктивно разработана представителями различных областей социологии и социальной психологии (Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Ф. Знанецким, У. Томасом, Т. Парсонсом, Р. Мертоном и др. Основные теоретические положения были изложены П.А. Сорокиным, В.П. Козырьковым, Ф.И. Минюшевым, Е.А. Орловой, Н.Г. Скворцовым, Л.Л. Шпаком и другими. Особенности адаптации иностранцев, обучающихся в России, изучались И.А. Гребенниковой, В.В. Гриценко, И.А. Мнацаканян, Вэй Син, Л. Тьерри, И.А. Шолоховым.

Большой вклад в развитие теории социокультурной адаптации внесли Л.В. Корел [3], Н.С. Кузнецов [4], А.А. Налчаджян [6]. Однако проблема социокультурной адаптации иностранных студентов изучена недостаточно. Более того, вопросы социокультурной адаптации иностранных студентов рассматривались, прежде всего, через призму адаптации к образовательному процессу.

Т.Г. Стефаненко определяет социокультурную адаптацию как «...сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними» [7, с. 318].

По мнению В.В. Гриценко, социокультурная адаптация – это « процесс, в результате которого происходит изменение внешних поведенческих стратегий индивида в ответ на требования новой социокультурной среды» [1, с. 62].

Т. Лондаджим считает, что «социокультурная адаптация - это форма взаимодействия субъекта со сферой повседневности, создающая субъекту условия эффективного вхождения в социум и освоения различных форм социальной деятельности. Ее содержанием является освоение новых, нестандартных ситуаций в повседневной жизни, а результатом – взаимоприспособление, совместимость и обмен продуктами деятельности индивида и среды» [5, с. 111].

В данной работе под **социокультурной адаптацией** мы понимаем активный процесс взаимодействия между представителем одного культур-

ного сообщества и его новым культурным окружением, в ходе которого активно приобретаются новые навыки и знания, усваиваются основные нормы, образцы, ценности нового культурного сообщества.

Говоря о социально-психологической адаптации, исследователи имеют в виду приспособление отдельной личности к жизни в группе, выстраивание иностранным студентом межличностных отношений, выработку собственной модели поведения.

Следует отметить, что многие исследователи отмечают уровневую структуру социальной адаптации и выделяют определенное количество уровней. В частности, А.А. Налчаджян выделяет два уровня: адаптированность и дезадаптированность [6]. По словам Н.С. Кузнецова, существует три уровня адаптации: высокий, средний и низкий уровень социокультурной адаптации [4]. А.Н. Жмырикова включает четыре уровня адаптации: высокий оптимальный, высокий избыточный, низкий и дезадаптация [2].

В ряде исследований также подчеркивается роль социально-психологической и культурной адаптации на примере студентов из разных стран. Так, К. Бриссе, С. Сафдар, Дж.Р. Льюис и К. Сабатье изучают элементы, облегчающие или препятствующие адаптации китайских иностранных студентов во Франции [8]. Психологическое благополучие и социокультурная адаптация иностранных студентов в Ирландии рассматриваются А. О'Рейли, Т.М. Хики и Д. Райаном [9].

Педагогический аспект адаптации подразумевает адаптацию иностранных студентов к нормам и представлениям о профессиональной среде, к особенностям организации учебного процесса, формирование у студентов навыков самостоятельной работы.

Следует заметить, что адаптация иностранных студентов к новым социальным и социокультурным условиям при обучении в университете является важнейшим фактором, который, в большинстве случаев, определяет эффективность всего образовательного процесса. Таким образом, роль университета в процессе социальной адаптации студентов-иностранцев приобретает особое значение, что свидетельствует об актуальности исследования.

Результаты и обсуждения

90% всех индийских студентов в российских вузах обучаются по биомедицинскому направлению. Это, безусловно, говорит о конкурентоспособности отечественной медицинской школы. Высокое качество при относительно низкой стоимости обучения по сравнению с другими странами

делают Россию привлекательной для многих индийских студентов.

Исследовательской группой было проведено анкетирование, включающее мотивы приезда и учебы в России, трудности, связанные с адаптацией (проживание, обучение, общение, культура). Анкетирование проводилось на английском языке, чтобы студенты не испытывали языковых трудностей и могли свободно выражать свое мнение.

В анкетировании оренбургских иностранных студентов из Индии одной из задач было желание понять, какие ключевые особенности адаптации выделили сами студенты.

Индийские студенты 1-2 курсов отмечают, что испытывают трудности адаптации к новым условиям жизни. Большая часть студентов-иностранцев в первые месяцы жизни в России испытывает множество трудностей как физиологического (изменения в климате, непривычная кухня), так и социально-психологического характера (другие условия быта, отличающиеся нормы поведения в общественных местах, новые требования к учебной деятельности).

Помимо прочего, студенты считают, что ряд трудностей вызван различиями в организации учебного процесса в российских и индийских школах и вузах. Многие преподаватели тоже отмечают отсутствие у студентов-иностранцев навыков самостоятельной работы. Конспектирование лекций, работа с различными источниками информации, посещение библиотеки, отбор и анализ информации большого объема к семинару, выполнение контрольных и практических работ – все это представляет существенные трудности для иностранных студентов.

Вступая в общение с представителями другой культуры, имеющими другой менталитет, студент-иностранец сталкивается с другим видением мира – другой картиной мира и нормами поведения. Естественно, что попадая в иноязычную культурную среду, иностранцы часто испытывают трудности как в общении, так и в понимании определенных вещей, событий и обычаев.

Анкетирование выявило трудность вхождения студентов-иностранцев в российское студенческое сообщество. В качестве барьеров и трудностей установления общения в студенческой среде индийские студенты упомянули нежелание российских студентов контактировать с иностранцами. Иностранные студенты имеют ограниченные контакты с российскими студентами. Русские друзья являются скорее исключением, чем правилом, хотя студенты проживают в России на протяжении 6 лет и имеют большое желание завести друзей среди российских студентов и местного населения. В связи с этим необходимо отметить, что расшире-

ние дружественных контактов между русскими и индийскими студентами способствовало бы скорее усвоению языка, расширению кругозора и успешной социокультурной адаптации. Активное включение в культурную и общественную жизнь, дружеские отношения действительно помогают преодолеть многие трудности при вхождении в новую культуру.

Можно выделить следующие группы трудностей, с которыми иностранный студент сталкивается в первые месяцы пребывания в чужой стране:

1. психофизиологические трудности, вызываемые адаптацией к новому образу жизни, новой среде, новым климатическим условиям, новым продуктам и т.д.;

2. академические трудности, вызываемые языковым барьером, различиями в организации учебного процесса, включающего навыки индивидуальной работы; новыми требованиями к контролю знаний;

3. социокультурные трудности, вызываемые погружением в новое социокультурное пространство; трудности при решении коммуникативных задач с руководством факультета и в процессе общения с небольшой студенческой группой. Бытовые трудности часто являются помехой в учебе. Студенты, не привыкшие жить вдали от родителей, учатся самостоятельно заботиться о себе: делать самостоятельные покупки в магазине, готовить еду, стирать одежду и т.д. Очень часто студенты не могут рассчитать средства, выделенные родителями на месяц, в связи с чем образуются долги.

Большую роль в процессе адаптации иностранных студентов играет куратор, который является преподавателем русского языка. Основная цель куратора – создать условия для образовательной и социальной адаптации иностранных студентов. Процесс адаптации иностранных студентов во многом зависит от умения куратора создать комфортную психологическую атмосферу на занятиях. Многие иностранные студенты воспринимают куратора как "няню", готовую решить любые возникающие проблемы в любое время суток. Степень участия куратора в процессе адаптации иностранных студентов может быть различной. Это зависит от уровня подготовки студента, от его личностных качеств, сформированности мотивационной сферы, от его ожиданий и т.д. Кому-то нужна ежедневная помощь и контроль, а для кого-то достаточно указать уровень требований и перспектив.

Учитывая, что наиболее сложный период адаптации приходится на первый год жизни в России, преподаватели русского языка, работая с иностранными студентами, включают в свою препода-

вательскую деятельность две важные составляющие: познавательную-образовательную и развлекательную, реализующиеся во внеклассных мероприятиях.

Внеклассные мероприятия играют очень важную роль. Формы и методы проведения различных внеклассных мероприятий разнообразны, но все вместе они являются частью образовательного процесса. В связи с этим внеучебные формы работы на начальных этапах обучения имеют большое теоретическое и практическое значение с точки зрения повышения уровня владения русским языком. Студенты всегда активно участвуют во внеклассных мероприятиях, с удовольствием знакомятся с культурой и историей страны проживания, применяют знания русского языка на практике.

Преподаватели планируют внеклассные мероприятия на весь период обучения: Новый год, посещение театров, музеев, выставок, занятия зимними видами спорта, пешие и автобусные экскурсии по культурным и историческим местам Оренбургской области. Некоторые мероприятия посвящены конкретным артефактам русской культуры и помогают снять культурный барьер в процессе социокультурной адаптации.

Запланированные таким образом внеклассные мероприятия делают жизнь иностранных студентов насыщенной и интересной, знакомят их с русскими традициями и культурой, учат уважать традиции, ценности и нормы других народов. Именно на это направлена работа профессорско-преподавательского состава кафедры русского языка.

Выводы

Начальный этап обучения в вузе является самым важным и самым сложным в жизни иностранного студента. Чтобы сделать адаптацию максимально эффективной и свести к минимуму все проблемы и трудности, иностранные студенты должны обладать достаточной информацией о жизни и учебе в России, условия проживания и обучения должны быть комфортными, а отношения с преподавателями и однокурсниками, российскими студентами университета должны быть доверительными и дружелюбными.

Учет всех аспектов социокультурной адаптации приводит к успешному включению студентов-иностранцев в образовательный процесс, обеспечивает качество образования иностранных студентов, повышает мотивацию к приобретению знаний, навыков и умений. Изучение русского языка как иностранного помогает студентам расширять кругозор, формирует позитивное отношение к принимающему культурному сообществу. Активное участие в общественной жизни, в общеуниверситетских научных конференциях, спортивных

соревнованиях, конкурсах и фестивалях, оказывает положительное влияние на адаптацию, стимулирует познавательную активность студентов и повышение мотивации к дальнейшему образованию.

Таким образом, социокультурная адаптация – это комплексная педагогическая программа,

успешная реализация которой позволяет повысить качество образования иностранных студентов и способствует формированию положительного имиджа российских вузов в мировом образовательном сообществе.

Литература

1. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.
2. Жмыриков А.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности в новых условиях деятельности общества. М.: Питер, 2003. 249 с.
3. Корель Л.В. Социология адаптации; вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
4. Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности / Под ред. Р.Х. Тугушева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 73 с.
5. Лондаджим Т. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Альманах современной науки. 2011 № 11 (54). С. 109 – 112.
6. Налчаджян А.Л. Социально-психологическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии) / АН АрмССР, Ин-т философии и права. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 262 с.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН: Академический проект, 2000. 320 с.
8. Brisset, C., Safdar, S., Lewis, J. R. and Sabatier, C. Psychological and sociocultural adaptation of university students in France: The case of Vietnamese international students // International Journal of Intercultural Relations. № 34 (4). P. 413 – 426.
9. O' Reilly A., Hickey T.M., Ryan D. The Experiences of American International Students in a Large Irish University // Journal of International Students. 2015. № 5 (1). P. 87 – 98.

References

1. Gricenko V.V. Social'no-psihologicheskaja adaptacija pereselencev v Rossii. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2002. 252 s.
2. Zhmyrikov A.N. Diagnostika social'no-psihologicheskoy adaptacii lichnosti v novyh uslovijah dejatel'nosti obshhestva. M.: Piter, 2003. 249 s.
3. Korel' L.V. Sociologija adaptacii; voprosy teorii, metodologii i metodiki. Novosibirsk: Nauka, 2005. 424 s.
4. Kuznecov P.S. Adaptacija kak funkcija razvitija lichnosti. Pod red. R.H. Tugusheva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. 73 s.
5. Londadzhim T. Sociokul'turnaja adaptacija: sushhnost' i funkcii. Al'manah sovremennoj nauki. 2011 № 11 (54). S. 109 – 112.
6. Nalchadzhjan A.L. Social'no-psihologicheskaja adaptacija lichnosti: (Formy, mehanizmy i strategii). AN ArmSSR, In-t filosofii i prava. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1988. 262 s.
7. Stefanenko T.G. Jetnopsihologija. M.: IP RAN: Akademicheskij proekt, 2000. 320 s.
8. Brisset, C., Safdar, S., Lewis, J. R. and Sabatier, C. Psychological and sociocultural adaptation of university students in France: The case of Vietnamese international students. International Journal of Intercultural Relations. № 34 (4). P. 413 – 426.
9. O' Reilly A., Hickey T.M., Ryan D. The Experiences of American International Students in a Large Irish University. Journal of International Students. 2015. № 5 (1). P. 87 – 98.

*Butorina N.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Budaeva L.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Medical University*

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS OF ORENBURG STATE MEDICAL UNIVERSITY: MAIN ASPECTS AND SPECIFICS

Abstract: the relevance of the research is determined by the activation and deepening of international educational contacts. Students from foreign countries come to our universities every year to get higher education, which is due to the growing competitiveness of Russian education in the international market. In this regard, the issue of studying the problems of socio-cultural adaptation of foreign students does not lose its relevance. The purpose of this work was to consider the main aspects of socio-cultural adaptation of foreign students and to identify the specifics of the adaptation of foreign medical students studying at the OSMU. The article reveals the concept of "socio-cultural adaptation of foreign students" on the example of Indian students studying at the Orenburg State Medical University. The authors consider the types of adaptation and methods of pedagogical assistance to foreign students in overcoming linguistic, academic and socio-cultural barriers in the process of adaptation to the conditions of study at a Russian university. The authors believe that the process of teaching and upbringing in a non-native language should directly depend on the level of physiological, socio-psychological and academic adaptation of students. Special emphasis is placed on the role of the tutor in the process of socio-cultural adaptation. The results obtained can be used as practical recommendations to the teaching staff working with foreign students.

Keywords: socio-cultural adaptation, foreign students, educational environment, problems of socio-cultural adaptation, adaptation, success of socio-cultural adaptation, educational process

Демидова А.П., кандидат педагогических наук, доцент,
Зиновьева В.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Копорова У.Д.,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ III И IV УРОВНЯ ПРИ ПОМОЩИ ПАЛЬЧИКОВОГО ТЕАТРА ИЗ ФЕТРА

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема развития связной речи детей с общим недоразвитием речи III и IV уровня. Целью статьи является создание комплекса дидактических игр с использованием пальчикового театра из фетра, направленного на развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста. В статье рассматривается понятие «общее недоразвитие речи», характерные особенности речи детей с разными уровнями речевого развития, а также эффективность использования пальчикового театра из фетра в работе по развитию связной речи детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III и IV уровня. Автор приводит примеры упражнений по блокам «развитие связной монологической речи» и «развитие связной диалогической речи» для III и IV уровней речевого развития. В упражнения первого блока входят задания, направленные на формирование и расширение навыков составления рассказов не только по заданным темам и иллюстрациям, но и с включением фантазийных и творческих сюжетов, пересказа знакомых сказок и текстов. В упражнения второго блока входят задания, направленные на развитие и расширение навыков составления и воспроизведения диалогов, развитие умения начинать диалог, используя вежливые слова и вести диалог на заданную тему, отвечать на вопросы. Данный комплекс игр подходит для логопедов, воспитателей и психологов, работающих в дошкольных образовательных учреждениях, поскольку воздействует не только на речевую сферу, но и на эмоции, мелкую моторику, воображение, мышление и внимание.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи, связная речь, речевое развитие, старший дошкольный возраст, пальчиковый театр из фетра, пальчиковые куклы, логопедическая работа, коррекционная работа, развитие связной речи

Введение

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования говорится о необходимости создания дошкольным образовательным учреждением условий для развития личности, способностей и мотивации детей во всех видах детской деятельности. Целевые ориентиры ФГОС ДО предполагают, что к моменту поступления в общеобразовательное учреждение ребенок должен хорошо владеть устной речью, использовать речь для выражения своих мыслей, чувств и желаний, построения связного речевого высказывания в ситуации общения, обладать развитым воображением, которое применяется в различных видах деятельности. ФГОС ДО охватывает все пять образовательных областей: социально-коммуникативное развитие, речевое развитие, познавательное развитие, художественно-эстетическое развитие и физическое развитие. Важной задачей коррекции речевых нарушений у детей является развитие связной речи. Проблемой обучения программированию связного высказывания детей с общим недоразвитием речи всегда оставалась актуальной, ее изучением занимались такие ученые, как Р.Е. Левина, Н.А. Никашина, Н.С. Жукова, А.Ф. Спирина, Т.В. Туманова, Т.В.

Филичева, Г.В. Чиркина, А.В. Ястребова, В.П. Глухов, И.А. Смирнова и другие. Авторами были разработаны различные методики, которые остаются актуальными и эффективными для современных педагогов. Для наиболее успешной реализации данной задачи каждый педагог старается внести немного творчества в образовательный процесс. При работе с детьми старшего дошкольного возраста нужно учитывать, что их внимание еще недостаточно устойчивое, поэтому использование только иллюстративного материала может утомлять ребенка, возможно, даже ограничивать работу его воображения. Необходимо подобрать такой материал, который будет ярким, многофункциональным, универсальным и, самое главное, интересным дошкольнику. Пальчиковый театр из фетра может стать тем самым универсальным средством.

Цель статьи: создание комплекса дидактических игр, направленных на развитие связной речи, с использованием пальчикового театра из фетра. Для реализации данной цели были поставлены такие задачи: 1) изучение специальной литературы об особенностях речевого онтогенеза у детей старшего дошкольного возраста с ОНР; 2) изучение различных алгоритмов развития связной речи дошкольников с ОНР, предложенных учеными; 3)

изготовление кукол пальчикового театра из фетра;
4) разработка дидактических игр для развития связной речи.

Изложение основного материала статьи.

Определение понятия «общее недоразвитие речи» было дано Т.Б. Филичевой: «*Общее недоразвитие речи (ОНР)* – сложное речевое расстройство у детей с нормальным слухом и сохранным интеллектом, при котором нарушено формирование основных компонентов языковой системы: лексики, грамматики и фонетики и, как следствие, всей связной речи» [3].

При ОНР – ребенок не немой, он говорит, но наблюдаются нарушения всех компонентов речевой системы: дефекты звукопроизношения; недостаточная сформированность слоговой структуры слова, которая проявляется в перестановке, пропуске слогов и звуков; бедный словарный запас – ребенок практически не использует местоимения, наречия и служебные части речи, запас слов, обозначающих признаки предмета, ограничен; нарушения в формировании грамматического строя проявляются в наличии ошибок при согласовании слов в словосочетаниях и предложениях, употреблении приставок, суффиксов и окончаний. В свою очередь, недоразвитие вышеперечисленных компонентов ведет к трудностям в овладении фразовой речью: дети употребляют короткие, неправильно построенные предложения, с пропуском его членов. Есть и сложные случаи, когда фраза отсутствует – ребенок разговаривает отдельными, несогласованными между собой словами, заменяют многие слова жестами. У детей с ОНР наблюдается запаздывание в понимании речи – при ее восприятии ребенок опирается на ситуацию, поэтому иногда высказывания других людей понимаются ребенком не полностью, искаженно. Но, несмотря на это, мы можем сказать, что импрессивная речь у ребенка развита лучше, чем экспрессивная. Без грамотно организованной специализированной логопедической помощи речь ребенка с ОНР будет значительно отставать в развитии и, к моменту достижения ребенком школьного возраста, уровень речевого развития не будет соответствовать возрастным нормам.

Р.Е. Левина выделяла три уровня развития речи при ОНР, позже Т.Б. Филичевой был добавлен IV уровень. Самый тяжелый (первый) уровень характеризуется очень бедной речью – отдельными лепетными или звукоподражательными словами при отсутствии фразы. Второй уровень речевого развития примерно соответствует «тяжелому варианту» недоразвития речи. Третий уровень – «промежуточному варианту», когда речь ребенка находится между тяжелой и более легкой формой ОНР. Четвертый уровень – «легкому варианту». Ребенок

пользуется фразой. Понимание речи удовлетворительное (М.А. Полякова) [2].

Состояние связной речи на всех уровнях ОНР отличается. Для детей с ОНР I уровня связная речь недоступна. На втором уровне речевого развития дети пользуются простыми, часто распространенными предложениями, но допускают в них ошибки, меняют слова местами, пропускают их. Сложные предложения дети не употребляют и понимают с трудом, поскольку не усваивают причинно-следственных и логико-временных отношений, которые являются основой таких конструкций. Затруднительно для таких детей и составление самостоятельных рассказов, хотя при помощи взрослого ребенок может справиться с созданием простых видов текста без передачи причинно-следственных связей. У детей с ОНР III уровня есть трудности с программированием собственных высказываний, наблюдаются пропуски членов предложения и инверсии. В сложноподчиненных предложениях наблюдаются нарушения структуры, проявляющиеся в отсутствии главных или второстепенных членов предложения. Дети с ОНР IV уровня испытывают трудности при пересказе: дети часто смешивают главные и второстепенные события рассказа. Характерным является ограниченность, неточность изложения сюжета, нарушение взаимосвязи частей текста, пропуски союзов или союзных слов, их неправильное употребление или замещение, пропуски элементов повествования, отсутствие в высказывании логических связей. Трудности в понимании предложений и текстов приводят к ограничению возможности овладения монологической и диалогической речью. Стереотипность высказываний, сложности в адекватной передаче завязки сюжетной линии, ее кульминации и смысловой развязки.

Изучением особенностей развития связной речи детей старшего дошкольного возраста посредством пальчикового театра и театрализованной деятельности занимались О.А. Гурьянова, М.В. Арсеньева, Л.Б. Баряева, Е.В. Андреева, С.Н. Архипова, Н.В. Горбунова, Е.И. Замятина, Е.В. Землянская, О.А. Кондратьева, Г.А. Лазарева, Е.А. Лысечко, А.В. Мелешко и другие.

Пальчиковый театр – это разновидность кукольного театра, где куклы надеваются на отдельный пальчик. Это могут быть животные, герои сказок, люди, также в пальчиковый театр могут входить специальные декорации, которые помогут в инсценировке историй. Пальчиковые куклы могут быть изготовлены из разного материала: фетра, бумаги, картона, ткани, пластилина, дерева, пластика, ниток. Они просты в изготовлении и эффективны в работе.

Развитие связной речи детей с ОНР III уровня речевого развития, согласно Т.Б. Филичевой, подразумевает «расширение навыков составления повествовательного рассказа на основе событий заданной последовательности, составление предложений с разными видами придаточных, закрепление умений составлять рассказы по картине, серии картин, по представлению, по демонстрации действий, преобразование деформированного текста; включение в рассказы начала и конца сюжета, элементов фантазии» [3]. На данном этапе у логопеда больше возможностей для применения пальчикового театра. Самым распространенным и интересным способом использования данного пособия является разыгрывание сказок. Данный вид применения пальчикового театра используется на групповых занятиях. Педагог совместно с детьми распределяет роли и проигрывает сюжет. Эта работа способствует не только развитию связной речи, но и эмоциональной сферы, коммуникативных навыков, а также сплочению дошкольников. Для инсценирования сказок используются адаптированные тексты. Задания для детей с ОНР III уровня были разделены на два блока. В первый блок включены задания, направленные на развитие связной монологической речи (упражнения 1-3), а во второй блок – задания на развитие диалогической речи (упражнение 4). Примеры заданий с использованием пальчикового театра из фетра представлены ниже.

Упражнение 1. Придумай историю

Цель: расширение навыка составления рассказа с заданными героями.

Оборудование: пальчиковые куклы из фетра, фланелеграф и декорации (по желанию).

Инструкция: перед ребенком выкладываются герои будущего рассказа (1-2 действующих лица вначале, по мере развития связной речи количество героев можно увеличивать), педагог дает задание придумать историю, в которой участвовал/и этот герой/эти герои. По мере повествования можно помогать ребенку, задавать вопросы, придумывать события. Также можно использовать фланелеграф с декорациями (дом, грядки, лес и т.д.).

Упражнение 2. Опиши ситуацию

Цель: расширение навыка составления рассказа по иллюстрации.

Оборудование: пальчиковые куклы, фланелеграф, фетровые декорации.

Инструкция: педагог составляет картину на фланелеграфе с использованием пальчикового театра и фетровых декораций. Ребенку дают задание описать, что происходит на картине. Педагог может задавать ребенку вспомогательные вопросы, чтобы помочь в составлении рассказа.

Упражнение 3. Вспомни сказку

Цель: составление пересказа знакомой сказки с использованием пальчикового театра.

Оборудование: пальчиковый театр из фетра.

Инструкция: Ребенку предлагают вспомнить сюжет сказки, которую он недавно читал (предварительно педагог узнает у воспитателя/родителей, какие сказки они с ребенком читали). Для помощи используются пальчиковые куклы, например, для определения правильной последовательности появления героев («Теремок», «Колобок»). Также пальчиковых кукол можно использовать как подсказку – педагог выкладывает перед ребенком кукол-героев сказки, которую он будет вспоминать («Посмотри, кто перед тобой (мышь, лиса, волк, лягушка, медведь, заяц), героями какой сказки они являются? (теремок), Правильно, ты помнишь сказку «Теремок», расскажи).

Упражнение 4. Диалог двух героев.

Цель: развитие диалогической речи.

Оборудование: пальчиковые куклы.

Инструкция: в диалоге участвуют два ребенка.

Педагог дает детям пальчиковые куклы, которые ребята надевают на пальцы. Педагог задает ситуацию, которые ребята должны обыграть. Например, зайчик пришел на день рождения к мышке и принес в подарок сыр, подумайте, о чем могли говорить животные; внучка пришла в гости к бабушке, подумайте, что может рассказать внучка бабушке; сын пришел со школы грустный, мама это заметила, подумайте, о чем будет говорить мама с сыном и т.д. Детям можно предлагать как бытовые ситуации, так и необычные.

Совершенствование связной речи у детей с ОНР IV уровня речевого развития проходит на основе закрепления навыков рассказа, пересказа с элементами фантазийных и творческих сюжетов [3]. Для этого можно использовать вышеперечисленные упражнения и такие упражнения, как:

Упражнение 5. А что, если...

Цель: закрепление навыков пересказа с элементами фантазийных и творческих сюжетов.

Оборудование: пальчиковый театр из фетра.

Инструкция: Педагог предлагает ребенку придумать другой конец сказки. Например, а что бы было, если бы Колобок не встретил лису?; чем бы закончилась сказка «Теремок», если бы звери не построили новый теремок?; что бы было, если бы петух не помог зайчику выгнать лису и т.д.

Упражнение 6. Придумай свою сказку.

Цель: закрепление навыков рассказа с элементами фантазийных и творческих сюжетов.

Оборудование: Педагог помогает ребенку самостоятельно составить сказку. Ребенок сам выбирает главных и второстепенных героев, сам придумывает место действия, реплики, сюжет. Главное, дать ребенку возможность свободно фан-

тазировать, самостоятельно создавать историю, быть хозяином. В случае затруднений можно немного помочь ребенку, но не составляйте рассказ за него.

Упражнение 7. Волк пришел в гости к лисе.

Цель: развитие умения начать диалог, используя вежливые слова.

Оборудование: пальчиковый театр.

Инструкция: Педагог будет в роли хозяина дома, в данном случае, лисы, а ребенок в роли волка. Ребенку дается задание начать диалог, используя вежливые слова «здравствуй», «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер». В ходе работы можно менять героев и ситуации, например, встретились близкие друзья, как они будут начинать диалог, с каких слов? «привет», «рад тебя видеть» и т.д.

Упражнение 8. Расскажи поросенку что-нибудь интересное.

Цель: развитие умения вести диалог на заданную тему, отвечать на вопросы.

Оборудование: пальчиковый театр.

Инструкция: педагог говорит ребенку, что тот находится в роли учителя и ему нужно объяснить поросенку новую тему. Педагог дает ребенку тему, по которую нужно объяснить (лучше начинать с темы, которая интересна ребенку, в которой он хорошо разбирается, далее можно задавать тему, которая была недавно изучена на занятиях). Задача ребенка рассказать поросенку, отвечая на его вопросы. В роли поросенка выступает педагог. В процессе выполнения задания получается диалог между ребенком и героем.

Содержание упражнений, выполняемых на занятиях с использованием пальчикового театра из фетра можно менять в соответствии с индивидуальными особенностями и опытом ребенка, структурой речевого нарушения, темой и целью занятия.

Вывод

В результате логопедического воздействия связная речь ребенка с общим недоразвитием речи максимально приближается к возрастным нормам. Это должно проявляться в безошибочном, свободном пользовании диалогической и монологической речью. Умение правильно задавать вопросы, отвечать на них, умение свободно, связно и интересно описывать события реального мира, пересказывать художественные произведения, составлять творческие рассказы – все эти умения могут быть сформированы благодаря использованию в работе пальчикового театра из фетра. Пальчиковый театр интересен детям, он красочный, приятный на ощупь, удобный в использовании. Ребята с большим интересом играют с пальчиковыми куклами, разыгрывают сказки, придумывают различные истории. Пальчиковый театр из фетра является эффективным средством в формировании и развитии связной речи у детей с ОНР III и IV уровня, так как воздействует не только на речевую сферу, но и на эмоции, мелкую моторику, воображение, мышление, внимание. Данное пособие набирает все большую популярность среди воспитателей, логопедов, психологов потому, что является многофункциональным средством не только для развития речи, но и других высших психических функций.

Литература

1. Российская Федерация. Приказ (2013). Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1155 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования»: принят 17 октября 2013 года / Российская Федерация. Приказ (2013) URL: <https://docs.cntd.ru/document/499057887>
2. Полякова М.А. Самоучитель по логопедии. Универсальное руководство. Изд. переработанное и дополненное. М.: ЛОГО ЭЙДОС Т. Дмитриева, 2018. 160 с.
3. Филичева Т.Б. Логопедия. Теория и практика / Под ред. д.п.н., профессора Т.Б. Филичевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2019. 608 с.

References

1. Rossijskaja Federacija. Prikaz (2013). Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii № 1155 «Ob utverzhenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doskol'nogo obrazovanija»: prinjat 17 oktjabrja 2013 goda. Rossijskaja Federacija. Prikaz (2013) URL: <https://docs.cntd.ru/document/499057887>
2. Poljakova M.A. Samouchitel' po logopedii. Universal'noe rukovodstvo. Izd. pererabotannoe i dopolnennoe. M.: LOGO JeJDOS T. Dmitrieva, 2018. 160 s.
3. Filicheva T.B. Logopedija. Teorija i praktika. Pod red. d.p.n., professora T.B. Filichevoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Jeksmo, 2019. 608 s.

*Demidova A.P., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Zinovyeva V.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Koporova U.D.,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky*

**DEVELOPMENT OF COHERENT SPEECH IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN
WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT OF LEVEL III AND
IV WITH THE HELP OF A FINGER THEATER MADE OF FELT**

Abstract: this article discusses the problem of the development of coherent speech of children with general speech underdevelopment of the III and IV levels. The purpose of the article is to create a complex of didactic games using finger theater made of felt, aimed at the development of coherent speech of older preschool children. The article discusses the concept of "general speech underdevelopment", the characteristic features of the speech of children with different levels of speech development, as well as the effectiveness of using finger theater made of felt in the development of coherent speech of older preschool children with general speech underdevelopment of III and IV levels. The author gives examples of exercises in the blocks "development of coherent monological speech" and "development of coherent dialogical speech" for the III and IV levels of speech development. The exercises of the first block include tasks aimed at forming and expanding the skills of composing stories not only on given topics and illustrations, but also with the inclusion of fantasy and creative plots, retelling familiar fairy tales and texts. The exercises of the second block include tasks aimed at developing and expanding the skills of composing and reproducing dialogues, developing the ability to start a dialogue using polite words and conduct a dialogue on a given topic, answering questions. This set of games is suitable for speech therapists, educators and psychologists working in preschool educational institutions, because it affects not only the speech sphere, but also emotions, fine motor skills, imagination, thinking and attention.

Keywords: general underdevelopment of speech, coherent speech, speech development, senior preschool age, finger theater made of felt, finger puppets, speech therapy work, correctional work, development of coherent speech

*Сорокопуд Ю.В., доктор педагогических наук, профессор,
Московский финансово-промышленный университет Синергия,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Кашицин А.М., аспирант,
Московский финансово-промышленный университет Синергия,
Соловьева Н.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Гжельский государственный университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В РАМКАХ ПРЕДМЕТНОЙ ОЛИМПИАДЫ И В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрено формирование образовательных компетенций у обучающихся в рамках предметной олимпиады на примере «Всероссийской олимпиады школьников». Также говорится о задачах специальных центров для подготовки к предметным олимпиадам и реализации образовательной программы для учащихся школьного возраста и педагогов на примере Центра педагогического мастерства г. Москвы. В статье делается вывод о том, что предметные олимпиады, а, в частности, «Всероссийская олимпиада школьников» способствуют формированию у обучающихся школьного возраста образовательные компетенции и является показателем качества образования. Существование специализированных центров, таких как Центр педагогического мастерства г. Москвы, способствует реализации образовательных программ для развития таланта школьников и повышению квалификации педагогов. Целью статьи является рассмотрение подходов формирования образовательных компетенций учащихся школьного возраста в рамках предметной олимпиады и в условиях учреждений дополнительного образования.

Ключевые слова: предметная олимпиада, образовательные компетенции, олимпиада, центр подготовки

Введение

Формирование образовательных компетенций у учащихся школьного возраста является одним из значимых аспектов развития личности в современном обществе [3]. Вместе с тем, данная задача невозможна без повышения навыков преподавателей и реализации современных образовательных программ на высоком уровне. Предметные олимпиады являются хорошим инструментом для реализации таких образовательных программ и развития интереса к учебе у школьников, а специальные центры для подготовки к олимпиадам могут развить необходимые навыки как у учащихся, так и у педагогов [11, 2, 4].

Задачей настоящей статьи является описательная характеристика предметной олимпиады и центра специальной подготовки на конкретных примерах, и выявление возможностей для прогресса образовательных компетенций у учащихся и профессиональных навыков педагогов в этих условиях. Для выполнения поставленной задачи был проведен анализ методической литературы о предметных олимпиадах и центрах специальной олимпиадной подготовки, применен компетентный подход.

В статье подробно описана «Всероссийская олимпиада школьников», как пример предметной олимпиады, выделены процессы образовательной деятельности, в которых задействованы учащиеся, а также охарактеризован ГАОУ ДПО ЦПМ (Центр педагогического мастерства г. Москвы), как при-

мер специального центра для подготовки, и отображены его задачи и применение образовательных программ на практике [5; 6]. Структура образовательных компетенций определена как требование к подготовке в рамках процесса обучения, связь знаний, умений, опыта и навыков, а также ориентации в понятиях об окружающих нас объектах и продуктивной деятельности [12]. Описанные образовательные процессы, в которых задействованы участники предметных олимпиад, и образовательные программы по типу ГАОУ ДПО ЦПМ (Центра педагогического мастерства г. Москвы), могут быть применены для повышения мотивации школьников к учебе и более глубокому пониманию значимости данного вида обучения, а также повышению квалификации педагогических работников.

Изложение основного материала статьи

Предметные олимпиады в России как систематизированный способ оценки знаний и умений учащихся школьного возраста существуют уже более 50 лет [6]. Олимпиада позволяет провести всеобъемлющую оценку уровня теоретической, практической и компетентной подготовки школьника по предмету. С ростом требований к качеству образования и сложившейся тенденции к непрерывному обучению с каждым годом интерес к этой теме растет [1]. Так, ежегодно увеличивается перечень предметов, входящих в олимпиады [8], что предоставляет более широкий спектр возможностей для учащихся школьного возраста к

построению собственной индивидуальной траектории обучения и понимая своих сильных и слабых сторон. Кроме того, данный вид образовательной деятельности предоставляет возможность для высших учебных заведений получить выпускников школ с наиболее высокими навыками и обладающих компетенциями в предметной области.

В данной статье в качестве примера одной из предметных олимпиад, которая проводится в России мы будем использовать «Всероссийскую олимпиаду школьников» (далее ВсОШ) [6; 8]. Рассмотрим то, как она организована, сколько этапов в себя включает и какие компетенции по мнению авторов могут развиваться при участии в олимпиаде.

ВсОШ проходит во всех субъектах РФ в 4 этапа для обучающихся школьного возраста [8]:

Первый этап – школьный. Проводится в образовательных учреждениях основного школьного образования в начале осени (сентябрь-октябрь); участвовать могут учащиеся школьного возраста с 4 по 11 класс. Задания и методические рекомендации предоставляются организаторами на муниципальном уровне.

Второй этап – муниципальный. Руководители местных организаций в сфере образования органи-

зуют проведение мероприятия в конце осени-начале зимы (ноябрь-декабрь); участвовать могут учащиеся школьного возраста с 7 по 11 класс, успешно прошедшие школьный этап (стали призёрами или победителями). Задания и методические рекомендации предоставляются организаторами на региональном уровне.

Третий этап – региональный. Проведение и организация на уровне руководителей субъектов регионов РФ в сфере образования; сроки проведения – зима (январь-февраль); принять участие могут учащиеся школьного возраста с 9 по 11 класс при успешном выступлении на муниципальном этапе (призёры и победители). Задания и методические рекомендации предоставляет центральная комиссия олимпиады.

Четвёртый этап – заключительный. Организатор – Министерство просвещения РФ; начинается в марте, заканчивается в апреле; участниками могут стать призёры и победители регионального этапа при наборе установленного порогового значения баллов.

На момент написания настоящей статьи во ВсОШ входит 24 школьных предмета (табл. 1) [8].

Таблица 1

Список предметов, входящих в перечень «Всероссийской олимпиады школьников»

№ п/п	Предмет
1	английский язык
2	астрономия
3	биология
4	география
5	информатика и ИКТ
6	искусство (мировая художественная культура)
7	испанский язык
8	история
9	итальянский язык
10	китайский язык
11	литература
12	математика
13	немецкий язык
14	обществознание
15	основы безопасности жизнедеятельности (ОБЖ)
16	право
17	русский язык
18	технология
19	физика
20	физическая культура
21	французский язык
22	химия
23	экология
24	экономика

В рамках данной статьи выделим процессы, в которых задействованы учащиеся по мере прохождения различных этапов «Всероссийской олимпиады школьников»:

- Оценка личных навыков и знаний;
- Выбор дисциплины;
- Теоретическая и практическая подготовка;
- Проектная деятельность;
- Работа со сборной командой региона;
- Анализ ошибок и формирование выводов для повышения дальнейшей эффективности.

Для оценки компетенций, которые развиваются у детей на олимпиаде будем использовать структуру А.В. Хуторского [12].

Учебно-познавательные компетенции развиваются в рамках процесса подготовки. Учащиеся ставят целью получить высокий результат, выполнив все предложенные задания, и для этого выбирают наиболее эффективные способы, например, посещение очных занятий в специальных центрах или школах для подготовки, использование компьютерных средств и технологий (вебинары, онлайн-занятия и др.), работа со сборной командой региона [8].

Ценностно-смысловые компетенции развиваются в процессе проектной деятельности. Учащийся должен реализовать оригинальный проект, обосновать его актуальность и защитить в рамках требований олимпиады [8].

Информационные компетенции развиваются на протяжении всего участия в олимпиаде и задействуют все выделенные выше процессы. Особенно активный рост наблюдается во время подготовки и реализации проектной деятельности. Учащемуся необходимо самостоятельно найти наиболее точные и полезные данные для своей работы, применить для этого навыки работы с различными источниками информации и владения информационными устройствами, ориентироваться в материале, отсеивая все лишнее и нерелевантное [8].

Коммуникативные компетенции прогрессивно развиваются в процессе теоретической и практической подготовки и при работе с сборной командой от региона, где учащиеся вынуждены работать в команде и оказывать взаимопомощь [8].

Социально-трудовые компетенции совершенствуются в рамках всех, приведенных в данной статье процессов участия во ВсОШ. Так, участник учится быть внимательным слушателем, зрителем, формирует трудовые отношения с государством при условии выполнения требований регистрации на олимпиаде [8].

Общекультурные компетенции также прогрессируют во всех процессах, так как учащийся осоз-

нает роль науки и технического прогресса по мере участия [8].

Компетенции личностного самосовершенствования участник ВсОШ получает в рамках процесса анализа ошибок и формирования выводов, чем больше опыт участия в олимпиаде, тем выше развиты данные навыки у учащегося [8].

Особое внимание хочется уделить развитию учебно-познавательных компетенций учащихся в рамках специальных центров для подготовки в «Всероссийской олимпиаде школьников». В связи с тем, что потребность в подготовке во ВсОШ с каждым годом растет [13] учащиеся нуждаются в выборе наиболее эффективного способа для обучения. Для удовлетворения данных потребностей Министерство образования РФ, а также частные организации открывают специальные центры для подготовки к олимпиадам [10].

В настоящей статье мы рассмотрим «Центр педагогического мастерства» (ГАОУ ДПО ЦПМ) г. Москва (далее ЦПМ) в рамках его задач и реализации образовательных программ [7].

Задачами ЦПМ г. Москвы является:

- реализация образовательных программ по подготовке учащихся школьного возраста к предметным олимпиадам,
- организация информационно-методического сопровождения школ и организаций дополнительного образования г. Москвы по вопросам развития таланта учащихся;
- методическое сопровождение интеллектуальных соревнований в школах города, проведения мероприятий по повышению квалификации для педагогических работников в соответствии с требованиями ФГОС стандартами реализации городских образовательных проектов Департамента образования и науки города Москвы;
- проведение мероприятий для педагогов для формирования у них компетенций в области применения современных образовательных методик и информационных технологий для повышения эффективности реализации образовательных программ различных видов образования для учащихся школьного возраста;
- проведение практико-ориентированных мероприятий для подготовки педагогов к применению моделей развития таланта учеников;
- разработка методических материалов для олимпиады; проведение различных этапов олимпиады [9].

Для подготовки учащихся школьного возраста организуются:

- курсы подготовки к различным этапам ВсОШ в рамках основного и дополнительного школьного образования;
- выездные школы на период каникулярного времени;
- специальные «олимпиадные классы» в рамках текущего места обучения учащегося или на базе самого ГАОУ ДПО ЦПМ;
- работа со сборной командой г. Москвы на ВсОШ и личный контакт участников с главными тренерами.

В рамках образовательных программ ГАОУ ДПО ЦПМ проходит обучение не только учащихся школьного возраста, но и педагогических работников. Образовательная программа ЦПМ направлена на развитие кадрового состава в школах и других организациях основного школьного образования г. Москвы с точки зрения работы подготовки учащихся к олимпиадам [9].

Для педагогов предусмотрены:

- курсы повышения квалификации;
- практические занятия с тренерами сборной г. Москвы от ВсОШ;
- практическая работа в «олимпиадных классах»;
- получение консультаций и других видов информационно-методического сопровождения по реализации программ подготовки учащихся к предметным олимпиадам.

Таким образом, можно сделать **выводы** о том, что предметные олимпиады, а, в частности, «Всероссийская олимпиада школьников» способствуют формированию у обучающихся школьного возраста образовательные компетенции и является показателем качества образования.

Кроме того, существование специализированных центров, таких как ГАОУ ДПО ЦПМ, способствует реализации образовательных программ для развития таланта школьников и повышению квалификации педагогов.

Литература

1. Барабаш Н.С. Непрерывное образование в России и мире: новые подходы, тенденции и технологии // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2015. № 1 (14). С. 260 – 270.
2. Дятлова К.Д. Предметные олимпиады как способ развития познавательной активности школьников // Школа Будущего. 2012. № 3. С. 56 – 61.
3. Ефремова Н.Ф. Формирование и оценивание компетенций в образовании (монография) // Международный Журнал Экспериментального Образования. 2012. № 1. С. 104 – 105.
4. Курасовская Ю.Б., Махмурян К.С. Всероссийская олимпиада школьников как показатель качества обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2018. № 11. С. 32 – 47.
5. Образование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--11afu.xn--plai/образование/> (дата обращения: 21.10.2022)
6. Олимпиады – История олимпиады. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110214172500/http://old.rosolymp.ru/default.asp?trID=53> (дата обращения: 21.10.2022)
7. Основные сведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--11afu.xn--plai/основные-сведения/> (дата обращения: 21.10.2022)
8. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27.11.2020 № 678. Официальное опубликование правовых актов. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103050027> (дата обращения: 21.10.2022)
9. Программа научно-методического и (или) методического обеспечения образовательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--11afu.xn--plai/wp-content/uploads/2022/09/programma-gaou-dpo-cpm.pdf> (дата обращения: 21.10.2022)
10. Распоряжение Правительства Москвы от 8 мая 2007 г. N 866-РП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dokipedia.ru/document/5281130> (дата обращения: 21.10.2022)
11. Сальков, Н.А. Предметные олимпиады как показатель качества обучения // Геометрия и графика. 2015. Т. 3. № 4. С. 45 – 54.
12. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58 – 64
13. Швецов Г.Г. Организация подготовки школьников к участию в предметной олимпиаде // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 16 – 19.

References

1. Barabash N.S. Nepreryvnoe obrazovanie v Rossii i mire: novye podhody, tendencii i tehnologii. Innovatika i jekspertiza: nauchnye trudy. 2015. № 1 (14). S. 260 – 270.
2. Djatlova K.D. Predmetnye olimpiady kak sposob razvitija poznavatel'noj aktivnosti shkol'nikov. Shkola Budushhego. 2012. № 3. S. 56 – 61.
3. Efremova N.F. Formirovanie i ocenivanie kompetencij v obrazovanii (monografija). Mezhdunarodnyj Zhurnal Jeksperimental'nogo Obrazovanija. 2012. № 1. S. 104 – 105.
4. Kurasovskaja Ju.B., Mahmurjan K.S. Vserossijskaja olimpiada shkol'nikov kak pokazatel' kachestva obuchenija inostrannomu jazyku. Inostrannye jazyki v shkole. 2018. № 11. S. 32 – 47.
5. Obrazovanie. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://xn--11afu.xn--p1ai/obrazovanie/> (data obrashhenija: 21.10.2022)
6. Olimpiady – Istorija olimpiady. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://web.archive.org/web/20110214172500/http://old.rosolymp.ru/default.asp?trID=53> (data obrashhenija: 21.10.2022)
7. Osnovnye svedenija. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://xn--11afu.xn--p1ai/osnovnye-svedenija/> (data obrashhenija: 21.10.2022)
8. Prikaz Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii ot 27.11.2020 № 678: Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov: Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103050027> (data obrashhenija: 21.10.2022)
9. Programma nauchno-metodicheskogo i (ili) metodicheskogo obespechenija obrazovatel'noj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://xn--11afu.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/09/programma-gaou-dpo-cpm.pdf> (data obrashhenija: 21.10.2022)
10. Rasporjazhenie Pravitel'stva Moskvy ot 8 maja 2007 g. N 866-RP [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://dokipedia.ru/document/5281130> (data obrashhenija: 21.10.2022)
11. Sal'kov, N.A. Predmetnye olimpiady kak pokazatel' kachestva obuchenija. Geometrija i grafika. 2015. T. 3. № 4. S. 45 – 54.
12. Hutorskoj A.V. Kljuchevyje kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannogo obrazovanija. Narodnoe obrazovanie. 2003. № 2. S. 58 – 64
13. Shvecov G.G. Organizacija podgotovki shkol'nikov k uchastiju v predmetnoj olimpiade. Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2017. № 5. S. 16 – 19.

*Sorokopud Yu.V., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Financial and Industrial University Synergy,
A.A. Kadyrov Chechen State University,
Kashitsin A.M., Postgraduate,
Moscow Financial and Industrial University Synergy,
Solovyova N.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Gzhel State University*

FORMATION OF EDUCATIONAL COMPETENCIES OF SCHOOL-AGE STUDENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SUBJECT COMPETITION AND IN THE CONDITIONS OF INSTITUTIONS OF ADDITIONAL EDUCATION

Abstract: the article considers the formation of educational competencies among students in the framework of the subject competition on the example of the “All-Russian Olympiad of Schoolchildren”. It also talks about the tasks of special centers for preparing for subject competitions and implementing an educational program for school-age students and teachers on the example of the Center for Pedagogical Excellence in Moscow. The article concludes that subject competitions, and, in particular, the “All-Russian Olympiad of Schoolchildren” contribute to the formation of educational competencies among school-age students and is an indicator of the quality of education. The existence of specialized centers, such as the Center for Pedagogical Excellence in Moscow, contributes to the implementation of educational programs for the development of students’ talent and professional development of teachers. The purpose of the article is to consider approaches to the formation of educational competencies of school-age students within the framework of the subject competition and in the conditions of institutions of additional education.

Keywords: subject competition, educational competencies, competition, training center

*Закиева Р.Р., кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский государственный энергетический университет*

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В УНИВЕРСИТЕТЕ НА ОСНОВЕ МОНИТОРИНГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в данной работе рассматривается эффективность системы управления качеством образования на основе оценки профессионального развития студента, которая позволяет определять пробелы в образовательном процессе и вносить соответствующие изменения в содержание, формы, методы обучения, в подготовку преподавателей, в структуру цифровой образовательной среды, во внеучебную жизнь студентов и в сами инструменты контроля. Затруднения, состоят в том, что современная инженерия не может выйти на уровень мировых открытий, замкнута на устаревших подходах, пытается лишь модернизировать существующее; не распространена коммерциализация научно-исследовательских работ и изобретений (путем сотрудничества с промышленностью и/или создания совместных с вузом предприятий); курсы повышения квалификации для преподавателей не ориентированы на соответствие учебных целей и стратегических задач промышленных предприятий, осуществляющих технологическую модернизацию на основе инновационных стратегий; распространена проблема импортозамещения (не просто тривиального копирования зарубежной продукции, а получения за короткий срок качественного продукта, имеющего конкурентные преимущества перед зарубежным прототипом). Об эффективности модели свидетельствуют показательные результаты, полученные в результате апробации технологии оценки уровня сформированности компетентности выпускника технического университета.

Ключевые слова: компетентностный подход, профессиональная подготовка специалиста, единство образовательного пространства, педагогические измерения, цифровые технологии в педагогике, образование

В данном исследовании для сравнения использовались репрезентативные для массового опыта материалы работы института электроэнергетики и электроники Казанского государственного энергетического университета, подлежащей самообследованию [7]. Максимальная погрешность выборки при доверительной вероятности 0,95, генеральной совокупности всех респондентов 1013 чел., размером выборки 648 чел., равна 2,31%.

В данном исследовании, «процесс формирования состоял из трех этапов: первый этап инструментально-аналитический – уяснение сущности технических задач, решаемых инженером; второй этап структурно-синтетический – овладение опытом решения технических задач в процессе инженерного проектирования; третий этап практико-интегративный – перенос инженерного опыта в ситуации самостоятельной разработки технических проектов» [3, 7].

Для примера, в исследовании продемонстрировано оценивание будущих инженеров по четырём критериям для одной компетенции ПК 4 - «Способ-

бен учитывать современные тенденции развития электроники, измерительной и вычислительной техники, информационных технологий в своей профессиональной деятельности».

Для оценки мотивационно-смыслового критерия, раскрывающего профессиональную направленность личности студента, были использованы методики А.А. Реана [6], Б.А. Жигалева [2] и А.М. Кондакова [4].

По методике А.А. Реана студентам предлагалось указать значимые для них ключевые мотивы учебной деятельности; по опроснику Кондакова профессиональные установки и дописать предложение по методике «Незаконченное предложение» («Я учусь для того, чтобы...»), по опроснику Б.А. Жигалева – дописать «я учусь чтобы...». Результаты продемонстрированы в табл. 1 до и после опытного-экспериментальной апробации. Элементы методик, подлежащие выбору студентами в таблице показаны выборочно (только наиболее значимые и имеющие особый интерес).

Таблица 1

Основные ценностные ориентиры студентов до и после опытной работы

Выборочные элементы методик	1 курс (85 чел.)		2 курс (74 чел.)		3 курс (52 чел.)		4 курс (48 чел.)		Всего (259 чел.)	
	абс. число	% от числа	абс. число	% от числа	абс. число	% от числа	абс. число	% от числа	абс. число	% от числа
<i>Цель обучения:</i>										
Для лучшего трудоустройства, карьерного и профессионального роста.	71/63	83,5/74,1	47/54	63,5/72,9	37/37	71,2/71,2	23/36	47,9/75,0	178/190	68,3/73,3
Ради получения диплома.	47/31	55,2/36,4	29/13	39,2/17,6	21/11	40,3/21,1	18/7	37,5/14,6	115/62	44,4/23,9
Работа за рубежом	6/5	7,1/5,9	19/11	25,6/14,8	26/9	50,0/17,3	23/8	47,9/16,7	74/33	28,4/12,7
<i>Мотивы учебной деятельности:</i>										
Потому что полученные знания позволят мне добиться всего необходимого.	17/34	20,0/40,0	23/29	31,0/39,1	27/47	51,2/90,3	20/39	41,6/81,2	87/149	33,6/62,3
Потому что в будущем думаю заняться научной деятельностью по специальности.	0/1	0/1,1	0/2	0/2,7	1/2	1,9/3,8	2/4	4,1/8,3	3/9	1,16/4,2
Чтобы узнавать новое, заниматься творческой деятельностью.	11/46	12,9/54,1	27/51	36,4/68,9	22/36	42,3/69,2	18/28	37,5/58,3	78/161	30,1/62,1
<i>Профессиональные установки:</i>										
У меня достаточно способностей, чтобы стать очень хорошим специалистом	23/45	27,0/52,9	39/51	52,7/68,9	34/42	65,3/80,7	38/39	79,1/81,2	134/177	51,7/68,3
Я с большим вниманием прислушиваюсь к каждому совету о моем профессиональном выборе	42/34	49,4/40,0	20/17	27,0/22,9	8/3	15,3/5,7	1/0	2,08/0	71/54	27,4/20,8
Главное в моей будущей профессии — добиться личных достижений	7/35	8,2/41,1	32/65	39,1/87,8	29/44	55,7/84,6	33/37	68,7/77,0	101/181	39,0/69,8

Увеличение фактора «Для лучшего трудоустройства, карьерного и профессионального роста» (с 68,3% до 73,7%) свидетельствует о готовности к преодолению трудностей. 44,4% обучающихся для получения диплома. Однако, после прохождения эксперимента показатель снизился до 23,9%, что свидетельствует об увеличении интереса будущих инженеров к техническим наукам, техникой и конструированием, стремление к научно-исследовательской работе. 28,4% до и 18,7% после опытно-экспериментальной апробации студентов хотели бы работать за рубежом, что свидетельствует о склонности к идеализации, «юношескому максимализму» [5]. Отношение студентов к науке и научной работе, то есть доля намеревавшихся посвятить себя научной карьере студентов неблагоприятное, хотя, после проведенного исследования был зафиксирован незначительный прирост от 1,16% до 4,2%. Нерешительность профессионального выбора выявилось у 36,6% студентов до апробации и 18,3% после. Оп-

тимизм в отношении профессионального будущего возросло от 43,8% до 83,4%, из которых у 69,9% обучающихся проявились качества в упорстве и готовности к преодолению трудностей.

Следующий критерий – когнитивный, выявляющий предметные, метапредметные и специальные инженерные знания. Для этого студенты проходили тесты/кейс-измерители по компетенциям в соответствии с семестром обучения, которые привязаны к уровню образования и направлению подготовки (профилю) обучающегося. Каждая дисциплина связана с предшествующими и последующими дисциплинами (модулями) компетенциями, которые необходимы для дальнейшего успешного развития студента и позволяют выявить «пробелы» в предыдущих знаниях обучающихся. Так, программа с помощью нейротехнологии проводит операцию сличения знаний студента (за необходимый период времени) с требованиями к выпускнику, указанными в ФГОС ВО по данной (инженерной) специальности, и даёт информацию о не-

знаниях студентов по конкретной дисциплине/семестру/теме и предсказывает уровень усвоения компетенций по последующим дисциплинам. Информационная система позволяет отразить декомпозицию контекстной диаграммы функциональных процессов работы системы, тем самым маршрутизирует человека, даёт ему рекомендации по его дальнейшему пути развития. Сформированность профессиональной компетенции ПК-4 определялась:

- наличием необходимых знаний, умений, навыков, способностей, обуславливающих формирование данной компетенции (I), таких как: умеет учитывать новые тенденции в организации процесса проектирования и знает тренды изменения аналогичной продукции на отечественном и зарубежном рынках, знает тенденций развития отрас-

левого рынка, развития конъюнктуры конкретной инженерной продукции, знает новые тенденции в организации процесса проектирования и тренды развития конкурентоспособных аналогов, умеет определять структуру и необходимый перечень актуальных нормативных документов в рамках технического проекта;

- способностью использовать усвоенные знания для получения новых (II);

- коррекцией и ликвидацией пробелов в знаниях, совершенствование (III).

Всего приняли участие 259 респондентов (рис. 1). Распределение студентов по уровням (усреднение веса различных оценочных процедур) проходит следующим образом: непроходной уровень – менее 55%, низкий – 55-69%, средний – 70-84%, высокий – 85-100%.

Рис. 1. Динамика формирования профессиональной компетенции (когнитивный критерий)

Представленные результаты позволяют констатировать, что у студентов всех уровневых групп наблюдается положительная динамика развития обобщенных параметров, после внесения соответствующих корректировок в содержание (например, добавление в учебную программу модуля «Тенденции развития конструкторской деятельности») и методы обучения (например, применение индуктивных и дедуктивных методов), студенты «поднимались» на более высокий уровень. Также в ходе опытной работы проводилось повышение квалификации педагогического состава. Преподаватели овладевали применяемыми в этой сфере

современными информационными и коммуникационными технологиями (программа «Инновационные технологии в области профессионального образования»).

Деятельно-практический критерий предполагал проверку готовности студентов решать профессиональные задачи, создавать «инженерные» продукты. Оценка эффективности предлагаемой технологии, проводилась на основе сравнения уровня сформированности к решению инженерных задач (ситуаций) у студентов разных курсов в зависимости от уровней готовности (рис. 2).

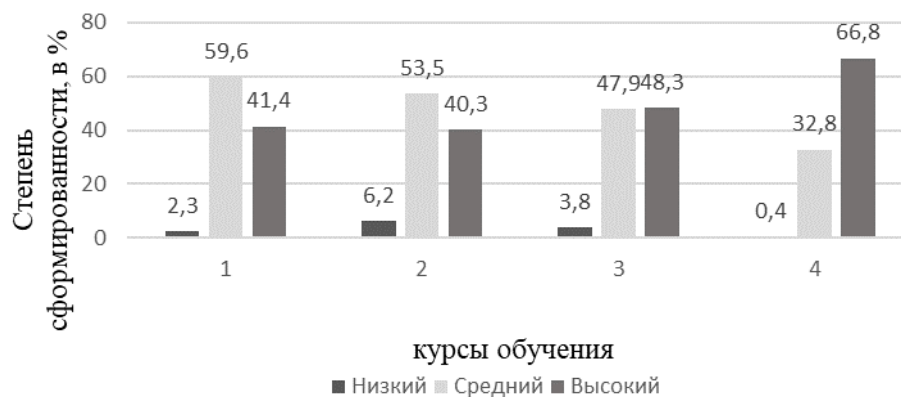

Рис. 2. Уровень сформированности готовности студентов к решению инженерных задач (ситуации)

Студенты с высоким уровнем сформированности показали высокую мотивацию к проектно-конструкторской деятельности, решению сложных задач, способность быстро включаться в рабочий процесс, отличное знание современных инстру-

ментов проектирования, хорошая обучаемость, быстрая адаптация под новые задачи и технологии. Соотношение среднего уровня к высокому продемонстрировано на рис. 3.

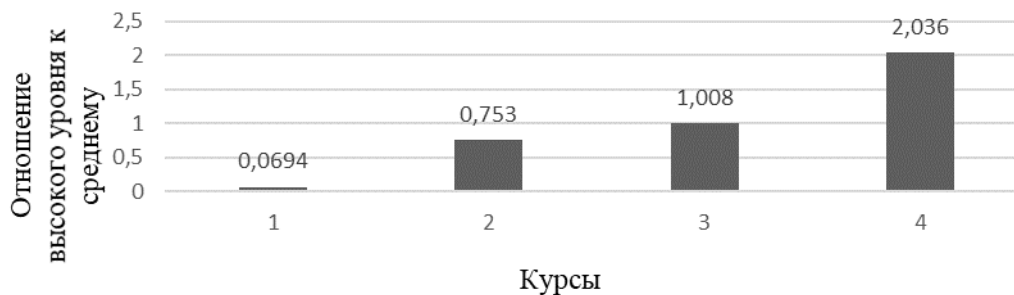

Рис. 3. График изменения соотношения между высоким и средним уровнем сформированности готовности к решению инженерных задач

Отметим некоторые показательные фактические данные, полученные в результате оценки готовности студентов к инженерной деятельности по профессионально-рефлексивному критерию. Приобретаемый студентами опыт воздействует на образ жизни будущего специалиста через механизм выбора целей и рефлексий достижений до и после опытно-экспериментального исследования обучающиеся проходили диагностику по методике О.С. Анисимовой [1] (рис. 4) с целью определения таких профессиональных качеств как: склонность к

осознанию затруднений, их анализу и способов выхода из них (рефлексивность); способность к критической реконструкции собственной деятельности (самокритичность); склонность к кооперативной рефлексии (коллективность); способность к реализации личностных функций самостоятельности, ответственности в позиции лидера (лидерство). Общая закономерность проявляется в том, что по всем качествам имеется положительная динамика.

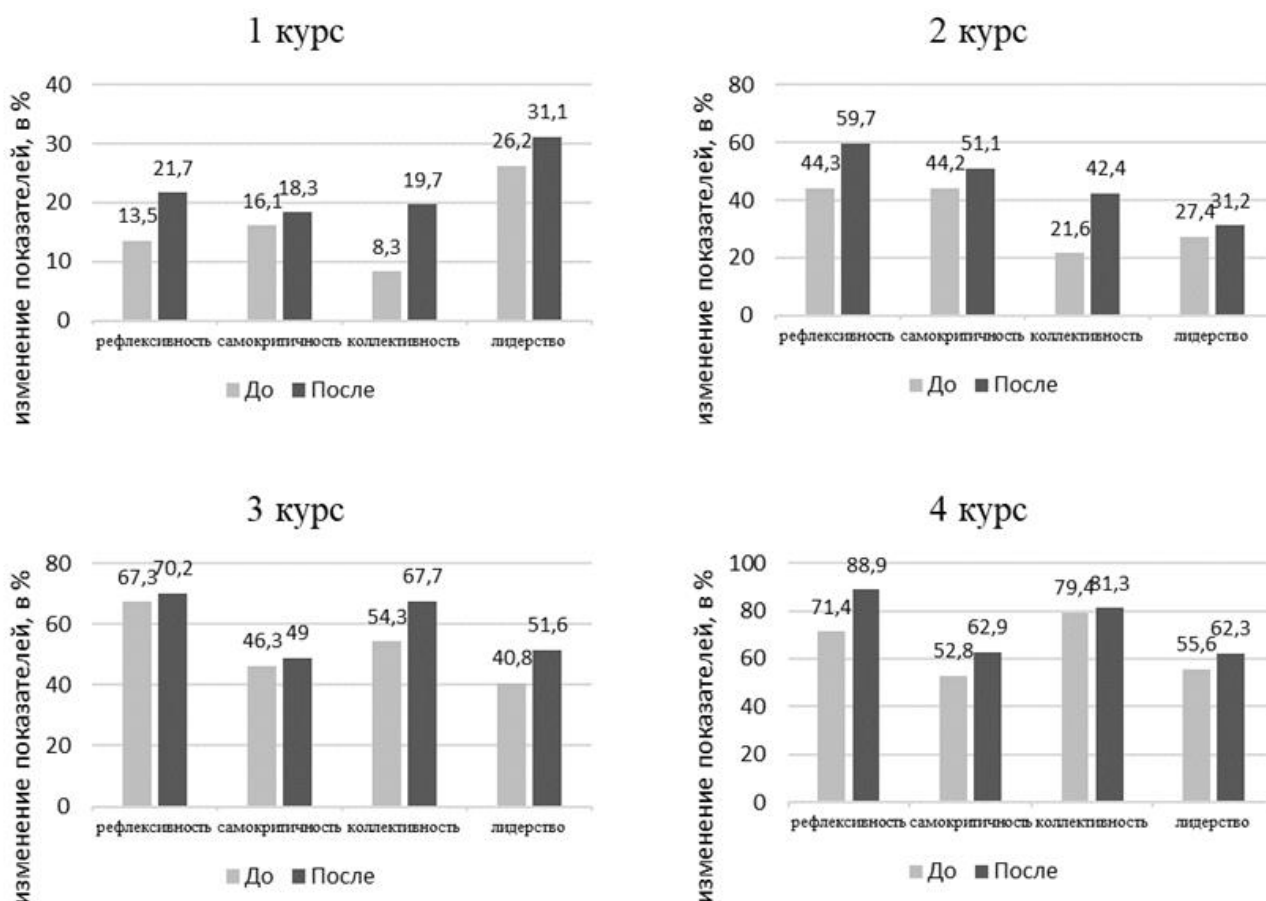

Рис. 4. Динамика изменения показателей рефлексии

В результате прохождения студентами различных видов практик на профильных предприятиях и организациях, работодателями (91 чел.) в целом получен высокий уровень оценки (рис. 5).

Рис. 5. Результаты исследования

Стоит отметить, что практически все студенты (91,8 №) направления подготовки «Электроника и наноэлектроника» (группа «Промышленная электроника») продемонстрировали установку на компетентностное действие.

Литература

1. Анисимов О.С. Акмеологические основы рефлексивной самоорганизации педагога: творчество и культура мышления: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994. 86 с.
2. Жигалев Б.А. Система оценки качества профессионального образования в лингвистическом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Шуя, 2012. 404 с.
3. Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? *Философия хозяйства*. 2021. № 3 (134). С. 199 – 213.
4. Кондаков И.М. Диагностика профессиональных установок // *Вопросы психологии*. 2005. № 2. С. 122 – 130.
5. Киуру К.В., Попова Е.Е. От учебной мотивации к студенческой вовлеченности: ответ на вызов новой парадигмы высшего образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-4. С. 151 – 156.
6. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2000. 416 с.
7. Сериков В.В., Леонтьев А.В., Закиева Р.Р. Подходы к измерению компетентности специалиста и оценка его сформированности. *Казанский педагогический журнал*. 2022. № 1 (150). С. 29 – 35.
8. Чигиринская Н.В. Формирование экономической культуры инженера в системе высшего профессионального образования: дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2010. 355 с.

References

1. Anisimov O.S. Akmeologicheskie osnovy refleksivnoj samoorganizacii pedagoga: tvorchestvo i kul'tura myshlenija: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 1994. 86 s.
2. Zhigalev B.A. Sistema ocenki kachestva professional'nogo obrazovanija v lingvisticheskom vuze: dis. ... d-ra ped. nauk. Shuja, 2012. 404 s.
3. Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidjaeva T.P. Prekariat – novyj ugnetenyj klass XXI veka? *Filosofija hozjajstva*. 2021. № 3 (134). S. 199 – 213.
4. Kondakov I.M. Diagnostika professional'nyh ustanovok. *Voprosy psihologii*. 2005. № 2. S. 122 – 130.
5. Kiuru K.V., Popova E.E. Ot uchebnoj motivacii k studencheskoj vovlechnosti: otvet na vyzov novoj paradigmy vysshego obrazovanija. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*. 2018. № 61-4. S. 151 – 156.
6. Rean A.A., Kolominskij Ja.L. Social'naja pedagogicheskaja psihologija. SPb.: Piter, 2000. 416 s.
7. Serikov V.V., Leont'ev A.V., Zakieva R.R. Podhody k izmereniju kompetentnosti specialista i ocenka ego sformirovannosti. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2022. № 1 (150). S. 29 – 35.
8. Chigirinskaja N.V. Formirovanie jekonomicheskoy kul'tury inzhenera v sisteme vysshego professional'nogo obrazovanija: dis. ... d-ra ped. nauk. Volgograd, 2010. 355 s.

*Zakieva R.R., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan State Power Engineering University*

MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITY ON THE BASIS OF MONITORING THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS

Abstract: this paper discusses the effectiveness of the education quality management system based on the assessment of the student's professional development, which allows you to identify gaps in the educational process and make appropriate changes to the content, forms, teaching methods, teacher training, the structure of the digital educational environment, extracurricular life students and in the instruments of control themselves. The difficulties lie in the fact that modern engineering cannot reach the level of the world's open ones, it is closed on outdated approaches, it is only trying to modernize the existing one; the commercialization of research works and inventions (through cooperation with industry and/or the creation of joint ventures with the university) is not widespread; advanced training courses for teachers are not focused on the correspondence of educational goals and strategic objectives of industrial enterprises that carry out technological modernization based on innovative strategies; the problem of import substitution is widespread (not just a trivial copy of foreign products, but obtaining a high-quality product in a short time that has competitive advantages over a foreign prototype). The effectiveness of the model is evidenced by the indicative results obtained as a result of approbation of the technology for assessing the level of competence formation of a graduate of a technical university.

Keywords: competency-based approach, professional training of a specialist, the unity of the educational space, pedagogical measurements, digital technologies in pedagogy, education

*Ибахаджиева Л.А., кандидат психологических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический университет*

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме психологической готовности старших дошкольников к школьному обучению. Рассматриваются различные определения психологической готовности, ее структура, характеристика отдельных компонентов. Перечислены основные группы трудностей на первых этапах школьного обучения, вызванных недостаточной психологической готовностью первоклассников. Особое внимание уделяется направлениям психолого-педагогической работы по подготовке старших дошкольников к школе. В качестве приоритетных задач предшкольной подготовки названы развитие личности ребенка, становление его в качестве субъекта в образовательном процессе. Перечислены педагогические принципы, лежащие в основе коррекционно-развивающей работы по формированию психологической готовности к школе.

Ключевые слова: психологическая готовность к школе, структура психологической готовности, направления психолого-педагогической работы

С введением в действие Федерального закона «Об образовании» и новых Федеральных образовательных стандартов образование в детских дошкольных учреждениях признано первой ступенью общего образования [12], для которой принят собственный образовательный стандарт ФГОС ДО, определяющий необходимый минимум образовательных программ и целевые показатели готовности дошкольников к школьному обучению [10]. Подобный шаг во многом был вызван общей неудовлетворенностью результатами дошкольного образования и возникшим противоречием между повышающимися требованиями к первоклассникам и уровнем их функциональной готовности к усвоению образовательных программ начальной школы [9, с. 15].

Таким образом, подготовка детей к школе признана одной из приоритетных задач дошкольного образования, которая может быть решена при условии комплексного подхода, охватывающего все сферы жизни дошкольника. Психологическая готовность ребенка к школе большинством исследователей признается важнейшим условием успешности предстоящего школьного обучения [1, 3-9, 11].

Переход ребенка к школьному обучению связан с рядом психологических проблем, обусловленных кризисом 7-летнего возраста, необходимостью освоения новых социальных ролей, адаптации к новому социальному окружению, переходом к новым видам деятельности. Система дошкольного образования не всегда успешно справляется с проблемами формирования психологической готовности ребенка к школе. В связи с этим вопросы поиска наиболее эффективных направлений, форм и методов формирования психологической готовности старших дошкольников к школьному обучению представляется особенно **актуальными**.

Многие современные исследователи отмечают увеличение количества первоклассников, испытывающих трудности с адаптацией к школьному обучению, которые связаны, прежде всего, с функциональной неготовностью к школе [1, 3, 4, 8].

В отечественной психологии рассмотрение проблемы готовности к школьному обучению начинается с трудов Л.С. Выготского и содержится в работах Л.И. Божович, Д.Б. Эльконина, Н.Г. Салминой, Е.Е. Кравцовой, Н.В. Нижегородцевой, В.Д. Шадрикова, Н.Ф. Гуткиной и др. Эти авторы вслед за Л.С. Выготским считают, что обучение всегда связано с развитием личности.

Существует множество определений психологической готовности ребенка к школе. Одни исследователи (Б.С. Волков и Н.В. Волкова) связывают психологическую готовность с необходимым уровнем психического развития, достаточным для усвоения программного материала и организации продуктивного общения с учителями и сверстниками в условиях группового обучения [6], другие (Н.В. Нижегородцева, В.Д. Шадриков) считают, что психологическая готовность к школе представляет собой готовность к усвоению части культуры, передаваемой в форме содержания образования и усваиваемой в процессе учебной деятельности [7]. Л.И. Божович, одной из первых отечественных ученых начавшая разрабатывать проблему школьной готовности, пришла к выводу, что способность ребенка к школьному обучению определяется наличием у него необходимого уровня сформированности мыслительных процессов, познавательной активности, волевой регуляции, а также принятием новой социальной роли школьника и формированием соответствующей внутренней позиции [2].

Особенность психологического аспекта школьной готовности состоит в том, что она предполагает наличие необходимого уровня развития всех структур личности с одной стороны, и освоение основных умений и навыков, лежащих в основе обучения – с другой. В структуре психологической готовности выделяют две основные группы компонентов – интеллектуальные и личностные. Интеллектуальные компоненты готовности включают преимущественно количественные характеристики – наличие у дошкольника достаточных знаний, представлений, умений, необходимых для осуществления учебной деятельности и освоения образовательной программы начальной школы. Личностные компоненты готовности объединяют мотивационные, эмоционально-волевые, регулятивные качества, необходимые для формирования предпосылок учебной деятельности: умения сознательно концентрировать внимание и память на изучаемом предмете, подчинять свои действия нормам и правилам поведения школьника.

Таким образом, психологическая готовность к школе представляет собой многокомпонентное образование, затрагивающее все сферы личности дошкольника. Недоразвитие одного или нескольких компонентов в случае отсутствия своевременной коррекционной психолого-педагогической работы неизбежно приводит к возникновению трудностей на первых этапах школьного обучения.

Можно выделить три основные группы трудностей, с которыми сталкиваются первоклассники, не обладающие достаточным уровнем психологической готовности. Первая группа связана с несформированностью умений и навыков интеллектуального ряда – недостаточным уровнем владения мыслительными процессами, вторая – с мотивационной, эмоциональной, регулятивной сферами личности и коммуникативными навыками; третья – с неадекватной самооценкой. Современные исследования показывают, что 30-40% детей, которые приходят в первый класс школы, не достигают того уровня психологической зрелости, который позволил бы им успешно перейти к систематическому обучению [1, с. 239].

В настоящее время существует множество развивающих и образовательных программ, призванных подготовить ребенка к школе и реализуемых как в дошкольных образовательных учреждениях, так и в учреждениях дополнительного образования, учреждениях культуры, группах предшкольной подготовки в школах и т.д. Все они, как правило, направлены на обучение дошкольников учебным навыкам, необходимым в начальной школе – чтению, счету, письму – а также базовым знаниям по основным предметам. Такие занятия зачастую проходят в форме в миниурока, заранее

превращая дошкольника в школьника. При этом преобладающий и предпочтительный в дошкольном возрасте вид деятельности, игровой, подменяется учебной деятельностью, к которой дошкольник еще функционально и психологически не готов [8, с. 194].

Исследования подтверждают, что «подготовленные» таким образом дошкольники приходят в первый класс, уже умея читать и считать, но не обладая при этом достаточным уровнем саморегуляции, внимания и памяти, а также коммуникативными навыками, необходимыми для освоения новой для себя социальной роли [5, с. 12].

Если же в качестве приоритетных задач при подготовке к школе ставить развитие личности ребенка – формирование произвольности поведения, развитие внимания, памяти, навыков общения, познавательной активности – такой подход может считаться психологическим, поскольку направлен он не на усвоение практических навыков, а на формирование необходимых для эффективной учебной деятельности новообразований личности, определяющих психологическую готовность ребенка к школе. ФГОС ДО в качестве целевых установок определяет развитие личности дошкольника [10]. Поэтому в практику ДОУ необходимо внедрять современные психолого-педагогические технологии, способные решить именно эту задачу.

Важно, чтобы в дошкольных образовательных учреждениях были созданы педагогические условия, способствующие психическому саморазвитию дошкольника. Если же говорить о коррекционно-развивающей педагогической работе, то в ее основу, на наш взгляд, должно быть положено понятие субъекта. Целью психолого-педагогической работы в этом случае служит становление личности дошкольника в качестве субъекта *деятельности и общения* – необходимых элементов для освоения новой социальной роли и формирования внутренней позиции школьника, объединяющей качества личности субъекта образовательного процесса. Обозначенная цель определяет два основных направления работы.

1. Становление дошкольника в качестве субъекта *деятельности* предполагает приоритетное использование игровой деятельности с обогащением ее содержания развивающими и обучающими элементами, призванными формировать предпосылки учебной деятельности. Одной из основных задач данного направления коррекционно-развивающей работы служит формирование произвольной регуляции. При разработке и реализации коррекционно-развивающих программ важно учитывать возрастные психологические особенности и потребности ребенка, и ограничивать ис-

пользование во время занятий не свойственные дошкольному возрасту формы и виды деятельности.

2. Становление дошкольника в качестве субъекта *общения* в соответствии с целевыми ориентирами, разработанными ФГОС ДО, предполагает развитие самостоятельности и инициативности в общении со сверстниками и взрослыми, формирование навыков общения в различных коммуникативных ситуациях в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами, развитие эмпатии, формирование умения находить выход из конфликтных ситуаций [11]. В процессе реализации данного направления коррекционно-развивающей работы дошкольник усваивает модели поведения, стиль и характер продуктивного общения в среде сверстников, приобретает практический опыт общения в совместной деятельности.

В основе коррекционно-развивающих программ по формированию психологической готовности к школе лежат следующие **принципы**:

1. Преобладание игровых видов деятельности с постепенным добавлением учебных элементов.

2. Поэтапное усложнение задач по мере усвоения необходимых знаний и умений во избежание снижения мотивации.

3. Согласованность учебно-воспитательных мер.

4. Индивидуальный личностно-ориентированный подход, учитывающий особенности и возможности каждого ребенка.

Очевидно, что поставленные цели и задачи коррекционно-развивающей работы по формированию психологической готовности к школе тре-

буют высокого уровня квалификации психологов и педагогов, которые помимо предметных знаний должны владеть современными педагогическими технологиями личностного, интеллектуального, творческого, коммуникативного развития детей. Вопрос профессиональной подготовки соответствующих кадров должен стать приоритетной задачей системы высшего и среднего профессионального педагогического образования.

1. Наблюдаемая в настоящее время тенденция к увеличению числа первоклассников, испытывающих трудности с обучением, связаны по большей части с неготовностью старших дошкольников к школе, которая выражается, прежде всего, в психологических аспектах школьной готовности.

2. Проблема подготовки дошкольников к школе требует комплексного решения на основе системного подхода, учитывающего структурные компоненты и условия развития психологической готовности, возрастные психофизиологические особенности детей, требования федеральных государственных стандартов дошкольного и начального образования.

3. Для решения проблемы школьной готовности наиболее эффективным и результативным представляется психологический, личностно-ориентированный подход к коррекционно-развивающей работе в ДОУ, предполагающий два основных направления: становление дошкольника в качестве субъекта деятельности и субъекта общения, первое из которых сосредоточено на формировании предпосылок учебной деятельности, второе – на развитие социальных навыков.

Литература

1. Андросова Ю.В. Психологическая готовность к школе как фактор обеспечения преемственности основных общеобразовательных программ дошкольного и начального образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 237 – 240.

2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

3. Горбунова К.В. Проблема психологической готовности детей к школьному обучению // Аллея науки. 2016. № 6. С. 348 – 351.

4. Киселева И.А. Проблема готовности к школьному обучению в трудах психологов и педагогов // Проблемы педагогики. 2017. № 5. С. 45 – 49.

5. Кудрявцев В.Т. Развитое детство и развивающее образование: культурно-исторический подход. Дубна, 1997. Ч. 1. 174 с.

6. Кузнецова А.А. Учебные пособия по возрастной психологии Б.С. Волкова, Н.В. Волковой как ресурс психолого-педагогического просвещения родителей // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся. 2017. № 7. С. 119 – 122.

7. Нижегородцева Н.В., Шадриков В.Д. Психолого-педагогическая готовность ребенка к школе: пособие для практических психологов, педагогов и родителей. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2001. 256 с.

8. Новиков П.В. Пути оптимизации готовности дошкольников к обучению в школе // КПЖ. 2020. № 1. С. 192 – 198.

9. Новикова Г.П. Преемственность дошкольного и начального школьного образования в русле реализации ФГОС ДО // Педагогическое образование и наука. 2014. № 3. С. 14 – 20.

10. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637/1ad1a834f2604827f926f8d5cce7251c500a26cd/

11. Авдулова Т.П., Гавриченко О.В., Григорович Л.А. и др. Психолого-педагогическое сопровождение реализации Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования (ФГОС ДО). Москва: Владос, 2016. 321 с.

12. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://www.zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii>

References

1. Androsova Ju.V. Psihologicheskaja gotovnost' k shkole kak faktor obespechenija preemstvennosti osnovnyh obshheobrazovatel'nyh programm doshkol'nogo i nachal'nogo obrazovanija. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 237 – 240.

2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M.: Prosveshhenie, 1968. 464 s.

3. Gorbunova K.V. Problema psihologicheskoy gotovnosti detej k shkol'nomu obucheniju. Alleja nauki. 2016. № 6. S. 348 – 351.

4. Kiseleva I.A. Problema gotovnosti k shkol'nomu obucheniju v trudah psihologov i pedagogov. Problemy pedagogiki. 2017. № 5. S. 45 – 49.

5. Kudrjavcev V.T. Razvitoe detstvo i razvivajushhee obrazovanie: kul'turno-istoricheskij podhod. Dubna, 1997. Ch. 1. 174 s.

6. Kuznecova A.A. Uchebnye posobija po vozrastnoj psihologii B.S. Volkova, N.V. Volkovoj kak resurs psihologo-pedagogicheskogo prosveshhenija roditel'ej. Razvitie psihologo-pedagogicheskoy kompetentnosti roditel'ej obuchajushhihsja. 2017. № 7. S. 119 – 122.

7. Nizhegorodceva N.V., Shadrikov V.D. Psihologo-pedagogicheskaja gotovnost' rebenka k shkole: posobie dlja prakticheskikh psihologov, pedagogov i roditel'ej. M.: Gumanit. izd. Centr VLADOS, 2001. 256 s.

8. Novikov P.V. Puti optimizacii gotovnosti doshkol'nikov k obucheniju v shkole. KPZh. 2020. № 1. S. 192 – 198.

9. Novikova G.P. Preemstvennost' doshkol'nogo i nachal'nogo shkol'nogo obrazovanija v rusle realizacii FGOS DO. Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2014. № 3. S. 14 – 20.

10. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637/1ad1a834f2604827f926f8d5cce7251c500a26cd/

11. Авдулова Т.П., Гавриченко О.В., Григорович Л.А. и др. Психолого-педагогическое сопровождение реализации Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования (ФГОС ДО). Москва: Владос, 2016. 321 с.

12. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://www.zakonobobrazovanii.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii>

*Ibakhadzhiya L.A., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State Pedagogical University*

PSYCHOLOGICAL READINESS OF PRE-SCHOOL CHILDREN FOR SCHOOL

Abstract: the article is devoted to the problem of psychological readiness of senior preschool children for schooling. Different definitions of psychological readiness, its structure, and the characteristics of its individual components are considered. The main groups of difficulties at the first stages of schooling caused by insufficient psychological readiness of first graders are listed. Particular attention is paid to the areas of psychological and pedagogical work to prepare senior preschool children for school. The development of the child's personality and his or her role as a subject in the educational process are named as priorities in pre-school preparation. The pedagogical principles underlying the corrective-developing work on formation of psychological readiness for school are listed.

Keywords: psychological readiness for school, structure of psychological readiness, directions of psychological and pedagogical work

*Антонов Н.В., кандидат педагогических наук,
начальник Управления координации воспитательной работы,
дополнительного образования и профилактики правонарушений,
Департамент образования и науки г. Москвы,
Афанасьев М.В., кандидат юридических наук, старший инспектор,
Управление организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией
осуждённых от общества (УОИНИО) ФСИН России,
Куницына С.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Академия социального управления,
Институт педагогики и психологии образования,
Московский городской педагогический университет*

МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ОТКЛОНЕНИЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОТ ТРЕБОВАНИЙ ТРУДОВЫХ ФУНКЦИЙ

Аннотация: представлены методические подходы к оценке отклонений компетенций персонала организации от требований трудовых функций посредством построения компетентностных моделей. Осуществлена классификация компетенций по видам, времени возникновения и степени сложности. Отмечается, что для эффективного решения вопросов отбора кандидатов на должность, управление карьерой, формирования кадрового резерва, обучения и развитие сотрудников и их аттестации необходим подход, основанный на построении компетентностных моделей с последующей оценкой отклонений результатов деятельности персонала от содержания нормативно закреплённых трудовых функций. Представлен обобщённый алгоритм построения моделей компетенций персонала, которые в свою очередь дают основания разработать диагностический инструментарий, с помощью которого появляется возможность максимально эффективно оценивать уровни развития профессиональных и личностных компетенций персонала организации. Подчеркивается, что руководитель организации должен иметь быть готов к конструированию подобных моделей компетенций, что позволяет ему добиваться максимальной согласованности и продуктивности используемых в организации управленческих технологий; упорядочения работы с персоналом; выстраивать стратегические планы развития организации. Представлена методика оценки отклонений компетенций персонала организации от требований трудовых функций, которая базируется на следующих необходимых и достаточных принципах: согласованности; реальности целевых установок; планировании сроков и ресурсов, на основе которых реализуется план развития организации; выборе адекватных способа анализа, включая собрания, опросы, выслушивание мнений сотрудников; применимости шаблонов поведения; достоверности и обоснованности полученных аналитических данных.

Ключевые слова: персонал организации, профессиональные и личностные компетенции, моделирование компетенций, оценка отклонений компетенций, трудовые функции

Разработка методологии оценки частот отклонений компетенций персонала организации от требований трудовых функций базируется прежде всего на осмыслении такого понятия как компетентность. Применяется несколько определений такого феномена, как компетенция. Основными из них являются: максимально детализированное описание черт характера и определенных навыков, которые необходимы человеку для осуществления рабочих процессов; характеристики человека, его способности, позволяющие ему выполнять трудовые обязанности максимально эффективно; элементы поведения, не относящиеся к интеллектуальным личностным особенностям; навыки знания и способности человека, которые необходимы для осуществления отдельных видов трудовой деятельности; навыки способности и знания, которые проявляет человек; определенные поведенческие

формы, которые характерны для более эффективных и опытных сотрудников; совокупность знаний, способностей и навыков, а также интересов и ценностей; сочетание измеряемых способов действия, которые используются для достижения цели; описание образа действия человека, которые необходимы для достижения целей всей компании в целом [1, 6].

Одновременно с разными толкованиями такого понятия, как компетенция, существует его классификация. Компетенцию разделяют на четыре основных вида:

1. Корпоративная. Здесь подразумевается компетенция, которая принята в той или иной организации. Она должна подходить для любой должности. В качестве примера можно привести способность эффективно работать в коллективе.

2. Управленческая. Подобная компетенция

предоставляет возможность максимально успешно решать бизнес-задачи. Это оптимальная возможность планировать работу своих подчиненных, организовывать рабочий процесс, вдохновлять других на достижение результатов [13].

3. Профессиональная. В этом случае подразумевается компетенция, которая применяется в какой-то определенной должности или группе специальностей. В качестве примера можно привести знание продукта, обладание навыками продаж и так далее.

4. Личностная. Здесь подразумеваются исключительно личностные аспекты в виде результатов достижений.

Среди всех видов компетенций особого внимания заслуживает профессиональная и личностная. Если под профессиональной подразумевается наличие определенных навыков и знаний, то под личностной компетенцией подразумевается намного большее количество элементов. Среди них можно выделить следующие: высокая адаптивность; самоорганизация; умение доводить начатое до конца; идеальные коммуникативные навыки; умение работать с большим объемом информации; способность быстро обучаться; управляемость; инициативность; дисциплинированность; способность работать в экстремальных условиях [8].

Компетенция также различается по степени возникновения. Здесь существует три основных вида:

1. Приобретенная. Здесь подразумеваются умения и знания, которые сотрудник приобрел на основании наработанного опыта. Например, это может быть умение планировать предстоящие работы.

2. Природная. Здесь подразумеваются определенные присущие человеку базовые качества, которыми он обладает от своего рождения. Это может быть открытость, харизматичность, тревожность, замкнутость и так далее.

3. Адаптивная. Здесь подразумеваются качества, позволяющие сотруднику быстро достигать предварительно поставленных целей и задач. В основной массе к данной категории относятся разные врожденные способности личности, связанные с эмоциями [9].

Компетенция различается также на четыре вида по степени сложности:

1. Простая. Она состоит из единого перечня умений, знаний и навыков, которые ярко проявляются в действиях человека.

2. Пороговая. Речь идет о минимальном объеме умений, навыков и знаний, которые требуются просто для того, чтобы человек получил допуск к выполнению той или иной

работы.

3. Детализированная. Состоит из нескольких уровней. Их количество определяется тем, с какой целью используется та или иная модель компетенций.

4. Дифференцирующая. Состоит из навыков, знаний и поведенческих характеристик, которые позволяют отличать аутсайдеров от лучших сотрудников [10].

Каждый руководитель организации в обязательном порядке должен уметь оценивать компетенцию. При осуществлении данного процесса он не должен забывать о том, как этот аспект будет проявляться в той или иной ситуации, в настоящий момент, а также в определенной перспективе.

Все требования, которые предъявляются к сотруднику, желательно сводить в определенную систему параметров и критериев. Она должна учитывать такие важные факторы: кадровая политика; корпоративная установка; особенности рабочего процесса; путь развития компании [12].

Компетенции каждого сотрудника в обязательном порядке должны быть отражены в их профиле. Перед написанием их желательно проанализировать, провести определенную классификацию и конкретизировать. Ранжирование, как правило, происходит по приоритетности. Здесь выделяются второстепенные, важные и желательные компетенции. Каждая из указанных в личном деле компетенций должна отвечать следующим требованиям: измеримость; простота; формализованность; структурированность; гибкость; актуальность.

Компенсация должна учитывать все возможные изменения, а также содержать в себе определенные индикаторы поведения, которые характеризуются, как непересекающиеся.

В современной профессиональной практике такое понятие, как компетенция, рассматривается в качестве определенного главенствующего централизованного понятия. Здесь эффективно объединяются практическая составляющая получаемого образования и его интеллектуальная составляющая. Кроме того, в понятие компетенции изначально заложена определенная идеология [5]. Она связана с интерпретацией содержания и особенностей получаемого образования. Этот аспект формируется в зависимости от результата, полученного на выходе.

Особого внимания заслуживает компетентность личности. Она характеризуется исключительно интегративной природой. Причина в том, что она вбирает в себя несколько близкородственных однородных знаний. Как правило, это такие навыки и умения, которые в той или иной мере относятся к широким культурным сферам и раз-

нообразным областям деятельности, которые, например, могут быть правовыми или информационными [9].

Компетентность личности характеризуется строго определенной структурой. Все входящие в состав компоненты связаны исключительно с навыками и способностями каждого отдельного человека. Самой главной из них является способность индивида решать возникшие в повседневной жизни всевозможные проблемы. Также это могут быть вопросы, возникающие в социальной сфере и в профессиональной.

На основании этого можно сделать вывод, что компетенцию можно также охарактеризовать, как компетентность личности. Человек, который обладает стандартной компетентностью, может проявить себя в таких видах деятельности, как: познавательная; гражданско-общественная; социально-трудовая; бытовая; культурно-досуговая.

Очень важно грамотно использовать определенный подход, связанный с использованием компетенций. Для управления персоналом любого предприятия это важный момент. Причина в том, что любая кадровая политика в компании в обязательном порядке связана с компетенцией каждого ее сотрудника. Именно по этой причине каждый руководитель должен сделать все возможное для того, чтобы внедрять определенные модели компетенции в своей организации. Благодаря этому можно будет решать следующие вопросы: отбор кандидатов на должность; управление карьерой; формирование кадрового резерва; обучение и развитие сотрудников; аттестация персонала [2].

Моделей компетенций персонала организации может быть достаточно много. Если разбираться в каждой из них, можно будет создать по-настоящему эффективные инструменты, с помощью которых будет предоставлена возможность максимально эффективно оценивать уровни развития каждого направления их развития и оценки [6].

Для этого существует несколько инструментов. С помощью них осуществляется оценка этого уровня. Среди самых эффективных из них можно выделить проведенное кейс-интервью. В качестве дополнительного, но не менее эффективного инструмента можно отметить методику «360 градусов». С помощью этих инструментов руководитель может более эффективно подбирать в свой штат сотрудников. Отбор будет осуществляться на основании решения таких вопросов, как: сопоставление характеристик соискателей; оценка уровня компетенции работника; получение ориентиров для последующего развития; планирование карьеры в компании.

Иными словами модель концепции представля-

ет собой достаточно широкий набор характеристик. С их помощью любой человек сможет максимально эффективно выполнять свои должностные обязанности. Чтобы подобная модель была действенной и результативной, она в обязательном порядке должна иметь простую структуру. Таким образом ее будет легко и просто понять [3].

Любая модель компетенций представляет собой набор ключевых навыков и знаний. Это такие качества, которые требуются сотрудникам для того, чтобы самостоятельно или в коллективе достигать тех целей, которые ставит перед собой компания. Каждый руководитель должен иметь возможность и умение разрабатывать подобные модели компетенции. Благодаря этому он сможет добиться таких целей, как: максимальная согласованность в используемых технологиях; стандартизация работы с персоналом; разработка стратегических планов развития [4].

При этом важно понимать, что любой сотрудник, который компетентен в той или иной области, имеет свойство развиваться в своей профессиональной деятельности. Но для достижения этого результата каждому человеку приходится с чего-то начинать. Опытные сотрудники, как правило, остаются в компаниях и работают в ней на протяжении длительного времени. Что касается соискателей, которые нанимаются без наработанного опыта и без какой-либо базовой подготовки, то они довольно часто покидают компанию еще до окончания испытательного срока [8].

В настоящее время специалисты используют большое количество методов, направленных на то, чтобы создавать такую модель компетенции, которая будет достаточно валидной. Одним из самых распространенных способов является метод репертуарных решеток. Эта методика имеет вид структурированного интервью. Проводя его, работодатель выясняет основные характеристики, присутствующие сотруднику, которые помогут ему справиться с положенными должностными обязанностями [2].

Не менее действенным является метод критических инцидентов. Это специализированная техника проведения опроса. С помощью нее можно исследовать нестандартные события, произошедшие в коллективе. Это такие ситуации, которая по той или иной причине выделяются из общего спектра выполняемых мероприятий. При этом они могут быть, как успешными, так и достаточно негативными. С помощью подобной методики можно подробно исследовать установки работников, их поведение в сложной ситуации и управлять этими процессами [13].

Особого внимания заслуживают самометоды. Здесь подразумеваются определенные методики,

которые осуществляет сам работник. Как правило, эти мероприятия проводятся после получения рекомендаций от руководителя и наставника. Здесь в обязательном порядке осуществляется регистрация полученных результатов. После этого значимая информация отбирается для последующего изучения на базе других параметров.

Для оценки персонала также можно обратиться к профессионалам. Одной из таких компаний является Ассесмент центр. Это идеальная возможность провести комплексную оценку сотрудников. Она будет основана на применении особых методик, которые будут дополнять друг друга. Благодаря этому можно получить реальную оценку всех качеств сотрудника. В обязательном порядке оцениваются его основные профессиональные и психологические особенности [10].

У каждой организации есть определенные отличительные аспекты. Соответственно, разработка модели представляет собой по-настоящему индивидуальный процесс. Компании сами выбирают разные методы разработки. Они будут основаны на целях, которые ставит перед собой предприятие и его политика.

Для получения максимально точного анализа требуется использовать сразу несколько особых моделей. В процессе их создания важно принимать во внимание на определенные ключевые принципы [3, 4]:

1. Разработка концепции модели и согласование с руководством организации. Изначально требуется выяснить объем услуг, которые предоставляет компания. Важно понять, насколько сотрудники проинформированы относительно планов руководства.

2. Разработка целевых установок. При этом данный процесс должен осуществляться одновременно со всеми участвующими.

3. Планирование. На данном этапе важно установить сроки и ресурсы, которые составляют анализ сведений, их сбор. На их основании можно будет запускать план в реализацию. Нужно заранее планировать, какие сотрудники будут привлечены к разработке.

4. Выбор команды и способа анализа. Здесь

назначаются ответственные за сбор данных. Как правило, это сторонние эксперты и сотрудники самой организации. Информация собирается разными способами – собрания, опросы, выслушивание мнений.

5. Сбор данных для разработки шаблонов поведения. В качестве основных источников используются – руководители, сотрудники, бизнес-планы.

6. Анализ предварительно собранной информации, составление специального проекта. На основании данной информации методы комплектуются по разным категориям. Уровни должны быть разной степени сложности, чтобы использовать для разного по направлению деятельности персонала [1].

7. Окончание и проверка. При осуществлении данного процесса производится проверка уровня компетенции, правильность отражения стандартов выполнения трудовой деятельности. При этом в обязательном порядке учитывается предварительно составленный план развития предпринимательской деятельности.

8. Реализация модели после полного утверждения. На этом шаге для сотрудников необходимо донести все необходимые сведения. В частности, цели проделанной работы, причины осуществления тех или иных мероприятий. Очень важно объяснить персоналу, какого плана поддержку они получат, если будет использована одна из моделей [11].

Дальнейшая работа должна быть направлена на поддержку выбранной модели компетенции. Дополнительно с этим необходимо продумать, кого назначат ответственным. Этот человек будет сообщать обо всех изменениях.

Достаточно большое количество современных организаций пользуются подобной последовательностью действий для того, чтобы конструировать модели. Применение эффективных моделей компетенций позволяет правильно подбирать персонал организации. Благодаря этому у менеджеров появляется возможность анализировать выполнение работ. Также можно будет понять, какие цели достиг персонал и каким методом.

Литература

1. Афанасьев М.В., Галямова Э.М., Губин Е.И., и др. Информационное и кадровое обеспечение деятельности профессиональных образовательных организаций // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 1 (41). С. 118 – 129.
2. Афанасьев В.В., Левина И.Д., Куницына С.М. Внутриорганизационная структура управления профессиональным развитием педагогов и руководителей общеобразовательных организаций // Искусство и образование. 2021. № 5 (133). С. 162 – 167.
3. Антонов Н.В., Афанасьев В.В., Куницына С.М., Резаков Р.Г. Персонифицированная модель повышения квалификации педагогических работников образовательных центров // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2021. № 3. С. 283 – 297.

4. Афанасьев И.В., Афанасьев В.В. Проектирование модели экзистенциальных компетенций персонала в процессе формирования интеллектуального капитала организации // Человек. Социум. Общество. 2020. № 2. С. 87 – 90.
5. Афанасьев И.В., Копысов Т.К. Проблемы формальной определенности императивных и диспозитивных норм в контексте обеспечения баланса интересов субъектов корпоративных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 113 – 124.
6. Беляцкий Н.П. Управление персоналом. 2-е изд., М.: Современная школа, 2020. 448 с.
7. Вучкович-Стадник А.А. Оценка персонала: четкий алгоритм действий и качественные практические решения. М.: Эксмо, 2019. 192 с.
8. Горбатова М.М. Методы управления персоналом: учебное пособие Кемерово: Юнити, 2017. 185 с.
9. Дейнека А.В. Управление персоналом организации. Учебник. М.: Дашков и Ко, 2020. 288 с.
10. Дятлов В.А. Управление персоналом. М.: Изд-во ПРИОР, 2019. 190 с.
11. Ковалев А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М.: Проспект, 2020. 321 с.
12. Майстренко Г.А., Майстренко А.Г. Источники правового регулирования защиты персональных данных работника в России // Legal Bulletin. 2020. № 1. С. 24 – 29.
13. Leonteva L.S., Maksimov D.A., Kurbanov S.A., Afanasev I.V., Melnikova T.E., Rezakov R.G. Information services and development of effective urban management // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. T. 9. № 11. С. 2518 – 2525.

References

1. Afanas'ev M.V., Galjamova Je.M., Gubin E.I., i dr. Informacionnoe i kadrovoe obespechenie dejatel'nosti professional'nyh obrazovatel'nyh organizacij. Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika. 2021. № 1 (41). S. 118 – 129.
2. Afanas'ev V.V., Levina I.D., Kunicyna S.M. Vnutriorganizacionnaja struktura upravlenija professional'nym razvitiem pedagogov i rukovoditelej obshheobrazovatel'nyh organizacij. Iskusstvo i obrazovanie. 2021. № 5 (133). S. 162 – 167.
3. Antonov N.V., Afanas'ev V.V., Kunicyna S.M., Rezakov R.G. Personificirovannaja model' povyshenija kvalifikacii pedagogicheskikh rabotnikov obrazovatel'nyh centrov. Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2021. № 3. S. 283 – 297.
4. Afanas'ev I.V., Afanas'ev V.V. Proektirovanie modeli jekzistencial'nyh kompetencij personala v processe formirovanija intellektual'nogo kapitala organizacii. Chelovek. Socium. Obshhestvo. 2020. № 2. S. 87 – 90.
5. Afanas'ev I.V., Kopysov T.K. Problemy formal'noj opredelennosti imperativnyh i dispozitivnyh norm v kontekste obespechenija balansa interesov sub#ektov korporativnyh otnoshenij. Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2022. № 1 (67). S. 113 – 124.
6. Beljackij N.P. Upravlenie personalom. 2-e izd., M.: Sovremennaja shkola, 2020. 448 s.
7. Vuchkovich-Stadnik A.A. Ocenka personala: chetkij algoritm dejstvij i kachestvennye prakticheskie reshenija. M.: Jeksmo, 2019. 192 s.
8. Gorbatova M.M. Metody upravlenija personalom: uchebnoe posobie Kemerovo: Juniti, 2017. 185 s.
9. Dejneka A.V. Upravlenie personalom organizacii. Uchebnik. M.: Dashkov i Ko, 2020. 288 s.
10. Djatlov V.A. Upravlenie personalom. M.: Izd-vo PRIOR, 2019. 190 s.
11. Kovalev A.G. Kollektiv i social'no-psihologicheskie problemy rukovodstva. M.: Prospekt, 2020. 321 s.
12. Majstrenko G.A., Majstrenko A.G. Istochniki pravovogo regulirovanija zashhity personal'nyh dannyh rabotnika v Rossii. Legal Bulletin. 2020. № 1. S. 24 – 29.
13. Leonteva L.S., Maksimov D.A., Kurbanov S.A., Afanasev I.V., Melnikova T.E., Rezakov R.G. Information services and development of effective urban management. International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. T. 9. № 11. S. 2518 – 2525.

*Antonov N.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Head of the Department of Coordination of Educational Work,
Additional Education and Prevention of Offenses,
Department of Education and Science of Moscow,
Afanasyev M.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Senior Inspector,
Department of the Organization of the Execution of Sentences not Related to the Isolation
of Convicts from Society of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Kunitsyna S.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Academy of Social Management,
Institute of Pedagogy and Psychology of Education,
Moscow City Pedagogical University*

MODELS FOR ASSESSING THE DEVIATIONS OF THE COMPETENCIES OF THE ORGANIZATION'S PERSONNEL FROM THE REQUIREMENTS OF LABOR FUNCTIONS

Abstract: methodical approaches to assessing the deviations of the competences of the organization's personnel from the requirements of labor functions by creating competency models are presented. The classification of competencies by type, time of occurrence and degree of complexity has been carried out. It is noted that to effectively address the issues of selection of candidates for a position, career management, formation of a personnel reserve, training and development of employees and their certification, an approach is needed based on the construction of competence models with subsequent assessment of deviations in the results of personnel performance from the content of normatively fixed labor functions. A generalized algorithm for constructing models of personnel competencies is presented, which in turn give grounds to develop diagnostic tools, with the help of which it becomes possible to assess the levels of development of professional and personal competencies of the organization's personnel most effectively. It is emphasized that the head of the organization must be ready to construct such models of competencies, which allows him to achieve maximum consistency and productivity of the management technologies used in the organization; streamlining work with personnel; develop strategic plans for the development of the organization. A methodology for assessing the deviations of the competencies of the organization's personnel from the requirements of labor functions is presented, which is based on the following necessary and sufficient principles: consistency; reality of targets; planning terms and resources on the basis of which the organization's development plan is implemented; choosing an adequate method of analysis, including meetings, surveys, listening to the opinions of employees; applicability of patterns of behavior; reliability and validity of the obtained analytical data.

Keywords: organization's personnel, professional and personal competencies, competency modeling, assessment of competency deviations, labor functions

*Зеленина Н.М., аспирант,
Московский педагогический государственный университет*

ТЕХНОЛОГИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К ВОСПИТАНИЮ АССЕРТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация: профессиональная подготовка педагога-психолога, в рамках воспитания асертивности подростков, должна включать комплексное, с точки зрения теории и практики, изучение основ психологической профилактики, как вида профессиональной деятельности педагога-психолога. Акцент на данном виде деятельности педагога-психолога обусловлен тем, что рассматриваемая нами проблема воспитания асертивности подростков, с точки зрения характерологических черт, следующих из определения понятия асертивности, является частью работы педагога-психолога в зоне психологического здоровьесбережения субъектов образования. Исходя из этого, мы считаем, что на текущий момент, процесс профессиональной подготовки педагогов-психологов в ходе обучения в высшем учебном заведении требует расширения учебного модуля соответствующей дисциплиной, отвечающей набору компетенций (общепрофессиональных и профессиональных), удовлетворяющих формированию компетенции воспитания асертивности подростков. В данной статье представлена технология внедрения учебно-методических разработок, направленных на формирование у студентов знаний, умений и навыков, отвечающих компетенции воспитания асертивности подростков.

Ключевые слова: асертивность, воспитание, подросток, формирование, компетенции

Введение

Анализ структуры профессиональной деятельности и функций педагога-психолога [5] позволяет нам заключить, что воспитание навыка асертивного поведения у подростков, как одно из направлений профессиональной деятельности педагога-психолога, тесно связано со здоровьесберегающи-

ми технологиями в образовательном процессе. Проектирование здоровьесберегающих технологий, их принципов, а также, в частности, воспитание асертивности у подростков, отвечает общепрофессиональной компетенции, регламентированной ФГОС [4], ОПК-6.

Таблица 1

Содержание компетенции

Код компетенции	Знания (знает...)	Умения (умеет...)	Навыки (владеет...)
ОПК-6	Знает психолого-педагогические основы индивидуализации обучения, воспитания и развития	Умеет применять психолого-педагогические технологии с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями	Владеет способами организации индивидуально-ориентированного образовательного процесса

Совершенствование профессиональной подготовки педагогов-психологов по воспитанию асертивности подростков предполагает наличие у будущих специалистов определенных знаний, умений и навыков, задаваемых в направлении узких объектов и процессов. Такими объектами и процессами, в нашем понимании, выступают навыки асертивного поведения. Как следствие, говоря об обучении педагогов-психологов воспитанию асертивности у подростков, мы подразумеваем формирование знаний, умений и навыков в процессе обучения студентов. В рамках нашего исследования, мы определяем этими структурными компонентами компетенции следующие:

Знания в данном случае рассматриваются как способы применения психодиагностических и тренинговых форм профессиональной деятельности; теоретические подходы к формированию понятия «асертивность» [1]; особенности структуры личностных ориентиров подросткового возраста в контексте воспитания новой характерологической черты.

Умения становятся показателем того, что студент может применять комплекс психодиагностических тренинговых форм профессиональной деятельности по воспитанию асертивности, проектировать технологию воспитания асертивности с учетом возрастных особенностей личности.

Навыки отображают владение студентом комплексом теоретико-методологических подходов воспитания асертивности у разных возрастных групп (в том числе подростков), владеет навыком применения научных знаний и результатов исследований в вопросах воспитания асертивности. Отметим, что формирование компетенции у студентов, соответствующей навыку воспитания асертивности у подростков, возможно при наличии сформированных ранее компетенций, состоящих из универсальных, общепрофессиональных и профессиональных. Освоенные ранее знания, умения и навыки из областей, напрямую связанных с воспитанием асертивности подростков, способствуют лучшему формированию новой компетенции, соответствующей навыку воспитания асертивности у подростков. Обоснование необходимости совершенствования процесса профессиональной подготовки педагогов-психологов продиктовано

тем, что современная педагогическая наука и практика предполагает разделение направлений профессиональной подготовки педагогов-психологов на академическую и практическую. Также оно продиктовано особенностями современного процесса обучения будущих педагогов-психологов, который не затрагивает в полной мере темы, посвященные воспитанию асертивного поведения как части психологической профилактики, выступающей одним из ключевых видов деятельности педагога-психолога.

В связи с этим, мы видим необходимым расширение учебного модуля для направления подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» дисциплиной «Формирование асертивности подростков». На наш взгляд, содержание данной дисциплины должно включать перечень тем, который мы можем видеть в таб. 2.

Таблица 2

Содержание тем работы со студентами

№ п/п	Содержание темы
Тема 1	Психологические основы структуры личности. Личностные характеристики. Особенности подросткового возраста в психологической науке
Тема 2	Концептуальные подходы обучения психолого-педагогическим технологиям в профессиональной деятельности
Тема 3	Теория асертивности. Изучение проблемы воспитания асертивности в психолого-педагогической науке и практике
Тема 4	Сущностные компоненты асертивности, как личностной характеристики
Тема 5	Методологический аппарат воспитания асертивности
Тема 6	Проявление форм аддиктивного и девиантного поведения как кризис не асертивной личности
Тема 7	Нормативно-правовые основы деятельности педагога-психолога в образовательной организации
Тема 8	Разработка маршрута формирования асертивности у подростков

Перечень данных тем отвечает, обозначенным нами ранее, необходимым знаниям, умениям и навыкам для качественного освоения материала и дальнейшей качественной работы, направленной на воспитание асертивности подростков.

При этом, процесс оценки образовательных результатов студентов, как части обучения, также

является составной компонентой технологии совершенствования профессиональной подготовки. Для оценки уровня сформированности компетенции, а также оценки уровня освоения материала, мы видим необходимым взять за основу систему, содержание которой имеется в табл. 3:

Таблица 3

Категории частей дисциплин

Категория теоретических частей дисциплины (знания)	Категория теоретико-методологических частей дисциплины (умения)	Категория практико-ориентированных частей дисциплины (навыки)
Индивидуальный или групповой опрос	Коллоквиум	Презентация
Собеседование	Анализ деловых ситуаций (кейсы)	Расчетное задание (проблемная задача)
Тест	Эссе	Проектное задание
Контрольная работа	Реферат	
		Отчет (по практикам, научно-исследовательской работе студента и т.п.)

При обозначении компонентов компетенции, таких как знания, умения и навыки, формирование которых происходит в процессе обучения студентов, важно производить оценку формируемых знаний, умений и навыков, учитывая определенную условную градацию дисциплин, входящих в состав образовательного модуля. Под ними мы подразумеваем части дисциплины теоретической направленности (оценка знаний студента), теоретико-практической направленности (оценка сформированных умений студента), практическую направленность и прохождение практики (оценка сформированных навыков). Мы можем представить следующий алгоритм формирования компетенций, где знания переходят в умения, а умения в навыки. При этом, особой сложностью представляется формирование последующего компонента компетенции без учета сформированности предыдущего. Так, без должного уровня сформированности знаний, мы не сможем сформировать достаточно высокий уровень умений, а в дальнейшем и навыка. Благодаря сформулированному нами алгоритму, мы можем предполагать формирование компетенции на основе ее компонентов.

При приобретении новых знаний, умений и навыков в профессии, компетенции будут пропорционально развиваться, что подтверждает идеи Гегеля о диалектическом материализме, в содержании которого значится переход количественных изменений в качественные [2].

Учитывая это, в данной работе рассматривается вопрос формирования компетенции, как части процесса совершенствования профессиональной подготовки педагога психолога к воспитанию асертивности подростков и поэтому внимание мы акцентируем на методах оценки уровня сформированности компетенции как части технологии формирования компетенции.

В процессе разработки технологии совершенствования процесса профессиональной подготовки педагогов-психологов к воспитанию асертивности подростков, как основополагающего фактора экспериментальной части данной исследовательской работы, нами был произведен структурный отбор изучаемых студентами частей дисциплин по признаку соотношения к категориям «теоретические», «практические», «теоретико-практические». Данное условное разделение нами видится необходимым для четкого понимания системы проверки усвоения содержания данных дисциплин в ходе процесса совершенствования профессиональной подготовки педагогов-психологов к воспитанию асертивности подростков. Таким образом, часть дисциплин в контексте их освоения, категориально отнесенных нами к «теоретическим», будут преимущественно оценены с позиции овладения студентами соответствующими знаниями, являющимися базисом для умений и, в последствии, навыков.

При этом, каждый из этапов требует, как было указано ранее, возможности к проверке в ходе самого обучения студентов [3]. Такая условная градация частей дисциплин по их содержательным составляющим, может способствовать возможности своевременной оценки уровня знаний, умений и навыков. Важно обозначить, что согласно данной технологии, уровни сформированности компетенции можно соотнести с 5-балльной системой оценивания, где «2» (неудовлетворительно) – компонент не сформирован; «3» (удовлетворительно) – компонент сформирован на пороговом уровне; «4» (хорошо) – компонент сформирован на углубленном уровне; «5» (отлично) – компонент сформирован на продвинутом уровне.

Таблица 4

Градация частей программы дисциплины

Наименование дисциплины учебного модуля образовательной программы	Направленность части дисциплины (темы дисциплины)		
	Теоретическая направленность (знания)	Теоретико-практическая направленность (умения)	Практическая направленность / практика (навыки)
Формирование асертивного поведения подростка	Психологические основы структуры личности. Личностные характеристики. Особенности подросткового возраста в психологической науке	Теория асертивности. Изучение проблемы воспитания асертивности в психолого-педагогической науке и практике	Методологический аппарат воспитания асертивности

Продолжение таблицы 4

	Концептуальные подходы обучения психолого-педагогическим технологиям в профессиональной деятельности	Сущностные компоненты ассертивности, как личностной характеристики	Разработка маршрута формирования ассертивности у подростков
	Нормативно-правовые основы деятельности педагога-психолога в образовательной организации	Проявление форм аддиктивного и девиантного поведения как кризис не ассертивной личности	

При анализе табл. 4, благодаря структурированию вышеназванных тем дисциплины, в процессе составления рабочей программы дисциплины, мы сможем конкретизировать средства промежуточного контроля. Также, градация частей дисциплины соответствует компонентам формируемых компетенций. Данное соответствие является частью технологии совершенствования профессиональной подготовки педагогов-психологов к воспитанию ассертивности подростков.

Заключение

Таким образом, обоснование необходимости совершенствования профессиональной подготовки педагогов-психологов к воспитанию ассертивности у подростков продиктовано следующими факторами:

1. Текущий процесс профессиональной подготовки педагогов-психологов к воспитанию ассертивности подростков не предполагает под собой

изучение понятия ассертивности, истории изучения данной черты характера, её определения;

2. Воспитание подростков со стороны педагога-психолога (как направление деятельности педагога-психолога) не включает в себя прямое воспитание навыков ассертивного поведения у подростков по причине отсутствия у специалистов соответствующих компетенций;

3. Изучение студентами, обучающимися по направлению 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», процесса воспитания ассертивности у подростков, как необходимой черты характера для гармоничного развития личности, должно быть обособлено в структуре учебного плана;

4. Обучение воспитанию ассертивности у подростков должно производиться в рамках реализации компетентностного подхода, что обусловлено нормативно-правовой базой подготовки студентов направления 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование».

Литература

1. Зеленина Наталья Михайловна Ассертивность: проблема определения понятия // Universum: психология и образование. 2022. № 6 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assertivnost-problema-opredeleniya-ponyatiya> (дата обращения: 06.11.2022)

2. Ойзерман Т.И. Диалектический материализм // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

3. Олиференко Л.Я., Чепурных Е.Е., Шульга Т.И., Быков А.В. Инновации в работе специалистов социально-психологических учреждений. М.: Полиграф сервис, 2001. 319 с.

4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. N 122 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование" (с изменениями и дополнениями). Редакция с изменениями N 1456 от 26.11.2020

5. Приказ Минтруда России от 24.07.2015 N 514н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог-психолог (психолог в сфере образования)" (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2015 N 38575)

References

1. Zelenina Natal'ja Mihajlovna Assertivnost': problema opredelenija ponjatija. Universum: psihologija i obrazovanie. 2022. № 6 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assertivnost-problema-opredeleniya-ponyatiya> (data obrashhenija: 06.11.2022)

2. Ojzerman T.I. Dialekticheskij materialism. Novaja filosofskaja jenciklopedija. In-t filosofii RAN; Nac. obshhestv.-nauch. fond; Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stjopin, zamestiteli preds.: A.A. Gusejnov, G.Ju. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurcov. 2-e izd., ispr. i dopol. M.: Mysl', 2010.

3. Oliferenko L.Ja., Chepurnyh E.E., Shul'ga T.I., Bykov A.B. Innovacii v rabote specialistov social'no-psihologicheskikh uchrezhdenij. M.: Poligraf serviz, 2001. 319 s.

4. Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 22 fevralja 2018 g. N 122 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija – bakalavriat po napravleniju podgotovki 44.03.02 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie" (s izmenenijami i dopolnenijami). Redakcija s izmenenijami N 1456 ot 26.11.2020

5. Prikaz Mintruda Rossii ot 24.07.2015 N 514n "Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Pedagog-psiholog (psiholog v sfere obrazovanija)" (Zaregistrovano v Minjuste Rossii 18.08.2015 N 38575)

*Zelenina N.M., Postgraduate,
Moscow Pedagogical State University*

TECHNOLOGY OF IMPROVING THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF TEACHERS-PSYCHOLOGISTS FOR THE EDUCATION OF ASSERTIVENESS OF ADOLESCENTS

Abstract: professional training of a teacher-psychologist, as part of the education of assertiveness of adolescents, should include a comprehensive, from the point of view of theory and practice, study of the basics of psychological prevention as a type of professional activity of a teacher-psychologist. The emphasis on this type of activity of a teacher-psychologist is due to the fact that the problem of educating the assertiveness of adolescents, from the point of view of the characterological features following from the definition of the concept of assertiveness, is part of the work of a teacher-psychologist in the area of psychological health of subjects of education. Proceeding from this, we believe that at the moment, the process of professional training of teachers-psychologists during their studies at a higher educational institution requires the expansion of the educational module with an appropriate discipline that meets the set of competencies (general professional and professional) that meet the formation of competence for the education of assertiveness of adolescents. This article presents the technology of the introduction of educational and methodological developments aimed at the formation of students' knowledge, skills and abilities that meet the competence of the education of assertiveness of adolescents.

Keywords: assertiveness, upbringing, teenager, formation, competence

*Зотова М.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Лагутина Е.И., аспирант,
Московский городской педагогический университет*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ МЛАДШИМ ШКОЛЬНИКАМ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье анализируются существующие подходы к определению понятия «театральная деятельность» и определению ее роли в педагогической деятельности, в особенности с младшими школьниками. Рассматриваются положительные моменты, которые оказывает театральная деятельность при использовании ее как психолого-педагогического средства, направленного на оказание помощи младшим школьникам с трудностями в обучении. Обосновывается необходимость повсеместного внедрения рассматриваемой формы психолого-педагогической помощи младшим школьникам в дошкольные и общие образовательные учреждения. Авторы утверждают, что театральная деятельность носит двусторонний положительный эффект, оказывая позитивное влияние как на младших школьников, так и на педагога, позволяя ему успешно решать стоящие перед ним задачи, а также обеспечить целостность педагогического процесса. В результате исследования, авторы приходят к выводу о том, что театрализованную деятельность необходимо признать важнейшим направлением деятельности в работе с младшими школьниками, поскольку она является универсальным психолого-педагогическим средством, позволяющим решать трудности в процессе адаптации, социализации и интеграции детей в процесс обучения. В качестве самостоятельного вопроса рассматривается важность использования театральной деятельности в качестве психолого-педагогической помощи младшим школьникам с трудностями в обучении, поскольку именно на стадии начального образования формируются базовые эмоциональные установки и познавательный интерес к дальнейшему процессу обучения.

Ключевые слова: обучение, нетрадиционные формы обучения, театрализованная деятельность, театрализация

Возникающие трудности в обучении обусловлены новыми социальными запросами, содержащимися в федеральных государственных образовательных стандартах, которые требуют всестороннее развитие учащихся уже в процессе начального образования. Одной из основных задач современной систем образования выступает разработка и внедрение универсальных учебных занятий, способствующих развитию компетентностной личности. Поэтому приоритетным становится не предметные знания, а способность их правильно применять в практической деятельности.

В последнее время традиционные формы и методы обучения утрачивают свою актуальность ввиду того, что обучающийся в них выступает пассивным субъектом. На сегодня формирование успешного педагога во многом зависит от его компетентности, владения им универсальными способами учебной деятельности, информационно-коммуникационными технологиями, а также систематическое саморазвитие и самосовершенствование. Использование заготовленных материалов, учебных программ не позволяет развиваться педагогу как компетентностной личности.

Поскольку деятельность выступает основной формой развития у школьников познавательных и исследовательских навыков, а также в связи с необходимостью развития творческого потенциала

педагога, считаем целесообразным в учебном процессе, а также во внеурочной деятельности применять нетрадиционные формы. К таковым можно отнести урок-фантазия, деловая игра, урок-КВН, урок-сказка и многие др. Задания на указанных формах проведения учебных занятия помогают сформировать и поддержать творческий поиск, заинтересовать обучаемого в процессе познания.

Особенно актуально использование нетрадиционных форм проведения занятий и внеурочной деятельности в начальной школе с младшими школьниками ввиду их возрастных и психологических особенностей. Путем проведения нетрадиционных форм занятий во внеурочной деятельности способности младших школьников будут развиваться гораздо эффективнее.

К одной из форм проведения форм проведения занятий, в том числе внеурочных, а также оказания психолого-педагогической помощи младшим школьникам с трудностями в обучении является театрализация, которая предполагает использование средств театра в педагогическом процессе. Важно отметить, что театрализация в педагогической деятельности с младшими школьниками может использоваться как в учебной, так и вне учебной деятельности.

Е.В. Мигунова в своем исследовании отмечает, что театрализованная деятельность младших

школьников является педагогически организованным, регулируемым режиссером-педагогом процесс, в основе которого лежит игра «актера»-школьника, способствующая перевоплощению детей в воображаемые образы в условиях вымысла с помощью выразительных средств театра [6]. Автор верно отмечает организованность, а также контролируемость процесса театральной деятельности. Однако, стоит заметить, что использованное данного вида деятельности не только способствует перевоплощению детей, а, что немаловажно, всестороннему их развитию, проработке их речевых, коммуникативных и эмоциональных качеств.

По мнению К.С. Станиславского театральная деятельность является «средством для социализации и развития детей, поскольку подобная деятельность естественна для них» [10, с. 123]. С указанным мнением нельзя не согласиться, поскольку в игре ребенок не только может получать информацию об окружающем мире, но и строить взаимоотношения с окружающими, что требует творческой активности и проявления коммуникативных навыков. В этой связи, верно замечает Е.Г. Новолодская, что театр своей помогает ребенку раздвинуть рамки в постижении окружающего мира, пробудить желание делиться своими мыслями и умение слышать других, развиваться, творя и играя [8, с. 43].

Театрализация выступает в качестве одной из форм взаимодействия педагога с детьми, в результате чего их отношения становятся близкими и доверительными и обучающийся чувствует себя комфортно и может сосредоточиться на учебном процессе. Значение театральной деятельности сложно переоценить, потому как ее специфика заключается в познаваемости, коммуникативности, сопереживании, воздействии художественного образа на личность. Стоит заметить, что в рамках театрализованной деятельности каждый обучающийся становится актером, то есть самостоятельно действующим лицом, что означает его свободу и инициативу в активности. Исходя из чего, приходим к выводу о том, что игровые методы, в числе которых театрализации, в современной педагогике становятся все более перспективным и востребованным направлением.

Отметим, что с помощью использования средств театрализованной деятельности можно достичь наиболее успешной социализации и способствовать решению трудностей в обучении и коммуникации младшим школьникам. Данная практика внедрена в государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1354 «Вектор». Многолетнее использование театральной деятельности показало то,

что она способствует облегчению интеграции ребенка в новый коллектив и в образовательную деятельность. Кроме того, театральная деятельность оказывает существенное влияние на развитие у младших школьников речевых способностей. Театрализованная игра помогает создать такие ситуации, в которых даже самые необщительные и скованные дети вступают в речевое общение и раскрываются [1].

Из полученного опыта, можно сделать вывод о том, что в рамках использования театральной деятельности младших школьников мы проследили значительные изменения в потребностно-мотивационной сфере к обучению, эмоциональном компоненте детей. Многие дети изначально сложно идут на контакт, некоторые из них, попадая в новый коллектив закрываются. Полученные результаты демонстрируют эффективность использования театральной деятельности в оказании психолого-педагогической помощи младшим школьникам.

В подтверждение выводов автора служат различные точки зрения научного сообщества относительно высокой роли и значимости театральной деятельности как в социализации, так и в обучении. Театральную деятельность рассматривают как средство гармонизации социальной адаптации трудных детей [9, с. 251], средство преодоления трудностей младших школьников [4, с. 74-76], разновидность творческой деятельности [3, с. 24-29], один из самых эффективных способов коррекционного воздействия на ребенка [11, с. 48].

С приведенными мнениями нельзя не согласиться, потому как театрализованная деятельность с младшими школьниками позволяет решить большой спектр задач ввиду чего ее можно рассматривать и как средство адаптации, и как средство социализации, и как средство обучения, и как и как способ коррекционного воздействия, и как средство преодоления трудностей и т.д. Изложенное позволяет театральную деятельность рассматривать более широко и относить ее к средством психолого-педагогической помощи. Указанный термин охватывает все перечисленные выше проявления и достоинства использования театральной деятельности.

Обобщая сказанное, можно убедиться в положительном эффекте, оказываемом использованием театральной деятельности в работе с младшими школьниками. Особую важность данное направление приобретает при работе с младшими школьниками, имеющими трудности в обучении. Данная категория школьников требует пристального внимания со стороны педагога. В рассматриваемую группу младших школьников входят те, которые требуют особого педагогического внимания, и чье

поведение резко отклоняется от общепринятых норм, и препятствуют полноценному воспитанию. Для того, чтобы избавиться от трудновоспитуемости, необходимо знать причины отклонения в поведении, индивидуальные и психологические особенности школьника, а также учитывать взаимоотношения в семье и школе [7, с. 95]. Нами установлено, что театральная деятельность позволяет не только выявить указанные особенности, но и скорректировать их.

Использование театральной деятельности особенно значимо и актуально в работе с детьми младшего школьного возраста, поскольку это важный период в их жизни, особенно при имеющихся отклонениях в умственном развитии. Недоразвитие нервно-мозговых процессов и психики у таких детей обусловлено незрелостью эмоционально-волевой сферы и стойким нарушением всех форм познавательной деятельности: восприятия, внимания, памяти, мышления, речи.

Как показывает большой опыт педагогической деятельности, к подобного рода трудным детям относятся дети из многодетных, малообеспеченных и неблагополучных семей, многие из которых в дошкольный период не посещают детские сады, имеют низкий уровень готовности к обучению в школе. Младшие школьники с трудностями в обучении отличаются бедным словарным запасом, неразвитой речью.

Театрализованная деятельность как средство преодоления этих трудностей в обучении создает благоприятные условия для речевого развития, развития эмоциональной сферы, а также для самовыражения и самореализации. В младшем школьном возрасте индивидуальность формируется в контексте и взаимосвязи основных сфер личностного развития: интеллектуальная, мотивационная, эмоциональная, волевая, предметно-практическая, сфера саморегуляции [5, с. 267].

Вышесказанное обуславливает необходимость педагога уделять особое внимание организации психолого-педагогической помощи детям младшего школьного возраста в целях своевременной корректировки неблагоприятных для развития индивидуальности проблем. Правильная подготовка и использование театральной деятельности в работе с младшими школьниками позволит обеспечить гармоничное развитие всех рассмотренных сфер

личностного развития ребенка в младшем школьном возрасте.

В целях наиболее успешного использования театральной деятельности в процессе обучения младших школьников предлагается повсеместно внедрять данный метод психолого-педагогической помощи младшим школьникам с трудностями в обучении как в общих, так и дошкольных образовательных учреждениях. Существующий положительный опыт следует развивать и использовать для того, чтобы более успешно решать задачи, стоящие перед педагогами, работающими с дошкольниками и младшими школьниками. Поскольку в период начального образования у детей формируется базовые эмоциональные установки и познавательный интерес. Дальнейшая учебная деятельность, а также мотивация к познавательной и научной деятельности во многом зависит от сформированных первоначальных умений и навыков, а также адаптации к коллективу и педагогам, с которым сталкивается школьник в первые годы обучения. Театральная деятельность способна облегчить трудности, возникающие у младшего школьника с поступлением в школьный коллектив. Ведь именно в нем формируются такие личностные характеристики, как самооценка, уровень притязаний, самоуважение и социально-значимые качества, как организованность, ответственность, инициативность и др. [2, с. 128].

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному можно сделать ряд выводов. Во-первых, театрализованную деятельность необходимо признать важнейшим направлением деятельности в работе с младшими школьниками, поскольку она является универсальным психолого-педагогическим средством, позволяет решить трудности в процессе адаптации, социализации и интеграции детей в процесс обучения. Во-вторых, театральная деятельность является одним из средств развития всесторонне развитой личности ребёнка, формирования у него потребности и мотивации к познавательным процессам, коммуникативных навыков, а также основ социальной культуры. В-третьих, использование театрализованной деятельности способствует педагога, позволяя ему успешно решать стоящие перед ним задачи, а также обеспечить целостность педагогического процесса.

Литература

1. Быкова Е.И., Каргина И.В., Новикова Н.А. Речевое развитие дошкольников посредством театрализованной деятельности // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2012. № 1. С. 111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-razvitie-doshkolnikov-posredstvom-teatralizovannoy-deyatelnosti> (дата обращения: 20.10.2022).
2. Воронкова Ю.А., Кузнецова О.Е. Особенности групповой культуры «Трудных» ученических коллективов начальной школы // Скиф. 2020. № 2 (42). С. 128 – 132.
3. Громаздина К.А. Театрализованная деятельность как средство развития детей младшего школьного возраста в учреждениях дополнительного образования // Вестник науки. 2020. № 6 (27). С. 24 – 29.
4. Климантова С.С., Павозкова О.Е. Театральная деятельность как средство преодоления школьных трудностей младших школьников // Вестник магистратуры. 2021. № 6-2 (117). С. 74 – 76.
5. Красникова Т.В. Индивидуальность младшего школьника: теоретический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. С. 265 – 267.
6. Мигунова Е.В. Педагогические возможности театрализованной деятельности в воспитании творческой направленности личности младшего школьника: дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2004. 185 с.
7. Никулина Т.В. Индивидуальный подход в воспитании трудных школьников // Символ науки. 2016. № 9-2. С. 92 – 96.
8. Новолодская Е.Г. Использование театральной педагогики в организации здоровьесберегающей деятельности младших школьников // The Scientific Heritage. 2019. № 37-2 (37). С. 43 – 45.
9. Плеханова Е.М., Соколовская Н.В. Театральная деятельность как средство социальной адаптации трудных детей младшего школьного возраста // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 17. С. 251 – 255.
10. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1988-1999. 22 см.; ISBN 5-210-00351-5
11. Штемберг Ю.Л. Театрализованная деятельность в формировании выразительности речи ребенка, его интеллектуального и художественноэстетического воспитания // Вестник магистратуры. 2022. № 4-1 (127). С. 48 – 51.

References

1. Bykova E.I., Kargina I.V., Novikova N.A. Rechevoe razvitie doshkol'nikov posredstvom teatralizovannoj dejatel'nosti. Sbornik materialov Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vospitanie i obuchenie detej mladshego vozrasta». 2012. № 1. S. 111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-razvitie-doshkolnikov-posredstvom-teatralizovannoy-deyatelnosti> (data obrashhenija: 20.10.2022).
2. Voronkova Ju.A., Kuznecova O.E. Osobennosti gruppovoj kul'tury «Trudnyh» uchenicheskikh kollektivov nachal'noj shkoly. Skif. 2020. № 2 (42). S. 128 – 132.
3. Gromazdina K.A. Teatralizovannaja dejatel'nost' kak sredstvo razvitija detej mladshego shkol'nogo vozrasta v uchrezhdenijah dopolnitel'nogo obrazovanija. Vestnik nauki. 2020. № 6 (27). S. 24 – 29.
4. Klimantova S.S., Pavozkova O.E. Teatral'naja dejatel'nost' kak sredstvo preodolenija shkol'nyh trudnostej mladshih shkol'nikov. Vestnik magistratury. 2021. № 6-2 (117). S. 74 – 76.
5. Krasnikova T.V. Individual'nost' mladshego shkol'nika: teoreticheskij aspekt. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2022. № 74-2. S. 265 – 267.
6. Migunova E.V. Pedagogicheskie vozmozhnosti teatralizovannoj dejatel'nosti v vospitanii tvorcheskoj napravlenosti lichnosti mladshego shkol'nika: dis. ... kand. ped. nauk. Velikij Novgorod, 2004. 185 s.
7. Nikulina T.V. Individual'nyj podhod v vospitanii trudnyh shkol'nikov. Simvol nauki. 2016. № 9-2. S. 92 – 96.
8. Novolodskaja E.G. Ispol'zovanie teatral'noj pedagogiki v organizacii zdorov'esberegajushhej dejatel'nosti mladshih shkol'nikov. The Scientific Heritage. 2019. № 37-2 (37). S. 43 – 45.
9. Plehanova E.M., Sokolovskaja N.V. Teatral'naja dejatel'nost' kak sredstvo social'noj adaptacii trudnyh detej mladshego shkol'nogo vozrasta. Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primenenija. 2010. № 17. S. 251 – 255.
10. Stanislavskij K.S. Sbranie sochinenij: v 9 t. M.: Iskusstvo, 1988-1999. 22 sm.; ISBN 5-210-00351-5
11. Shtemberg Ju.L. Teatralizovannaja dejatel'nost' v formirovanii vyrazitel'nosti rechi rebenka, ego intelektual'nogo i hudozhestvennojesteticheskogo vospitanija. Vestnik magistratury. 2022. № 4-1 (127). S. 48 – 51.

*Zotova M.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lagutina E.I., Postgraduate,
Moscow State Pedagogical University*

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASSISTANCE TO YOUNGER
SCHOOLCHILDREN WITH LEARNING DIFFICULTIES
BY MEANS OF THEATRICAL ACTIVITIES**

Abstract: the article analyzes the existing approaches to the definition of "theatrical activity" and the definition of its role in pedagogical activity, especially with younger schoolchildren. The positive aspects that theatrical activity has when using it as a psychological and pedagogical tool aimed at helping younger schoolchildren with learning difficulties are considered. The necessity of widespread introduction of the considered form of psychological and pedagogical assistance to younger schoolchildren in preschool and general educational institutions is substantiated. The authors claim that theatrical activity has a two-way positive effect, having a positive impact on both younger schoolchildren and the teacher, allowing him to successfully solve the tasks facing him, as well as to ensure the integrity of the pedagogical process. As a result of the study, the authors come to the conclusion that theatrical activity should be recognized as the most important activity in working with younger schoolchildren, since it is a universal psychological and pedagogical tool that allows solving difficulties in the process of adaptation, socialization and integration of children into the learning process. As an independent issue, the importance of using theatrical activity as psychological and pedagogical assistance to younger schoolchildren with learning difficulties is considered, since it is at the stage of primary education that basic emotional attitudes and cognitive interest in the further learning process are formed.

Keywords: training, non-traditional forms of education, theatrical activity, theatricalization

*Айзубов С.З., кандидат физико-математических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ С ГРУППАМИ РИСКА В РД

Аннотация: на сегодняшний день одним из ключевых моментов в социальной политике государства является социальное обслуживание граждан групп социального риска. В стране в течение последних лет наблюдается тенденция к постепенному увеличению среднего возраста населения, в связи с чем необходимо непрерывное совершенствование социального обслуживания граждан старшего возраста. Социальный работник должен владеть всей информацией о тех пожилых членах общества, которых ему необходимо обслуживать. Основную часть государственных расходов в адрес пожилого населения страны составляют выплаты, финансируемые из федеральных бюджетных средств и средств бюджета пенсионного фонда России. Это такие, как страховые пенсии по старости и социальные пенсии по старости. Сюда относятся также и государственные пенсии для отдельных категорий: служащим, пенсии военным, срочные и накопительные пенсии, разовые выплаты из средств, относящихся к пенсионным накоплениям. Также за счет региональных средств может быть оказана дополнительная поддержка. Это могут быть социальные услуги, которые оказывают учреждения социального обслуживания или иные специализированные учреждения.

Ключевые слова: группы социального риска, лица пожилого возраста, социальная политика, социальная работа, социальное обслуживание

На сегодняшний день одним из ключевых моментов в социальной политике государства является социальное обслуживание граждан групп социального риска. В стране в течение последних лет наблюдается тенденция к постепенному увеличению среднего возраста населения, в связи с чем необходимо непрерывное совершенствование социального обслуживания граждан старшего возраста. Социальный работник должен владеть всей информацией о тех пожилых членах общества, которых ему необходимо обслуживать. В связи с этим возникает необходимость находить новые формы социального обслуживания граждан, относящихся к этой категории населения. Основную часть государственных расходов в адрес пожилого населения страны составляют выплаты, финансируемые из федеральных бюджетных средств и средств бюджета пенсионного фонда России. Это такие, как страховые пенсии по старости и социальные пенсии по старости. Сюда относятся также и государственные пенсии для отдельных категорий: служащим, пенсии военным, срочные и накопительные пенсии, разовые выплаты из средств, относящихся к пенсионным накоплениям. Также за счет региональных средств может быть оказана дополнительная поддержка. Это могут быть социальные услуги, которые оказывают учреждения социального обслуживания или иные специализированные учреждения.

Данной категорией населения может быть получена и другая материальная поддержка. Это касается определенных категорий граждан, к которым, в частности, относятся инвалиды или ветераны. Лица пожилого и старческого возраста дополнительно могут иметь такие меры поддержки как налоговые вычеты и льготы федерального или ре-

гионального уровня. Однако в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста есть еще много проблем. Это наиболее важные проблемы, которые необходимо изучать и решать.

Одной из основных проблем является проблема старения населения. Доля граждан пожилого возраста в общей численности населения России в последнее десятилетие постепенно растет. На данный момент эта доля составляет четвертую часть. Эта доля немного уменьшилась в последние два года в связи с эпидемией коронавируса. Однако прогнозируется ее дальнейшее увеличение. Постепенно растет и продолжительность жизни населения. Стоит сказать, что качество жизни пожилых граждан и их здоровье не улучшается с ростом продолжительности их жизни и снижением порога смертности. Они все так же нуждаются в помощи и социальной поддержке. В этой связи социальное обслуживание лиц пожилого и старческого возраста является актуальным и в настоящее время [1].

На протяжении последних лет в стране проводится работа, направленная на повышение уровня и качества жизни пожилого населения. Так, по состоянию на конец 2021 года утверждены и реализуются федеральный проект «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (в составе национального проекта «Демография») (Паспорт Национального проекта «Демография» утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N16)); государственная программа «Социальная поддержка граждан» (Утверждена постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года №296.);

Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года (Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 05.02.2016 N164-р), Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. №1351), подготовлена Концепция политики активного долголетия в России [2].

Одной из важных является проблема необходимости оказания социальной помощи. В связи с тем, что число граждан пожилого возраста постепенно увеличивается и увеличивается средняя продолжительность жизни, растет и потребность в оказании социальной помощи и поддержки этой категории граждан. Необходимость социального обслуживания испытывают почти четыре пятых из общего числа пожилых людей. Третьей части из них необходимо постоянное социальное обслуживание. Рост доли пожилого населения в общей численности, уменьшение рождаемости и увеличение средней продолжительности жизни ставит как первостепенный вопрос модернизации механизмов социального обслуживания пожилых людей нашей страны. Также существует проблема необходимости улучшения социального обслуживания пожилых граждан. Эта проблема является следствием того, что имеется необходимость привлечения граждан пожилого возраста в трудовую деятельность.

Исследуя опыт многих стран Европы, можно выделить три основных ориентира в активном долголетии населения страны: это участие в общественной жизни, занятость и автономная жизнь. Рассматривая занятость населения старшего возраста, необходимо обратить внимание на улучшение возможности для их трудоустройства. Социальной изолированности лиц старшего поколения может противостоять их участие в общественной жизни. Большая часть граждан пожилого возраста в возрасте шестидесяти-семидесяти лет могут активно продолжать трудовую деятельность. Они могут и должны предавать ценные знания и опыт молодому поколению. Однако, зачастую, работодатели не рассматривают их как ценный трудовой ресурс. Возможно это связано с тем, что эта категория граждан требует учета их специфики. К этому не готовы в большей степени многие работодатели. Потому требуются специальные меры по такой социализации.

Пожилые граждане, как и все общество в целом, представляют собой неоднородную структуру. Они отличаются по уровню образования, трудовой квалификации, у них различные жизненные интересы. Это способствует выработки различных мер по социальному обслуживанию этой группы

населения. Необходимы и различные подходы к их социальной адаптации. Существующие программы по социальному обслуживанию граждан пожилого и старческого возраста не всегда используют разные подходы разнородным составляющим этой социальной группы. На самом деле этот процесс трудоемкий и требует значительных усилий. Одним из решений такой проблемы может стать предоставление больших возможностей на уровне региона и муниципалитета. Эти решения могут осуществляться и с использованием предпринимательской деятельности.

Так в рамках федерального проекта Федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» организовано профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование лиц предпенсионного возраста востребованным в экономике навыкам и компетенциям.

Существующие формы социального обслуживания, традиционно практикуемы не всегда полностью отражают потребности лиц пожилого возраста. Необходимо использовать потенциал активности этой категории граждан в полной мере. Однако предложения лицам пожилого возраста учреждениями социального обслуживания ограничены, несмотря на то, что часть их представителей готова к активной социальной деятельности. Многие из возможных активностей не всегда требуют большого финансового обеспечения. Это такие формы, как участие в волонтерской деятельности и помощи в обслуживании и уходе за пожилыми и престарелыми людьми. Также могут рассматриваться и клубы по интересам, не требующие финансовых вложений, но позволяющие удовлетворить недостаток общения у этой категории граждан. Эта проблема также может быть решена из средств, приносящих доход на региональном и муниципальном уровне.

Необходимо обратить внимание на нормативно-правовое регулирование в сфере социального обеспечения граждан пожилого возраста. В настоящее время на федеральном и региональном уровне процесс оказания этих услуг регулируется законодательно. Также возможно оказание услуг не из перечня, входящего в федеральный или региональный список услуг, определенных законодательно. Оказание услуг в таком случае может быть произведено безвозмездно или из средств муниципальных бюджетов. В связи с этим, список дополнительных социальных услуг, которые возможно осуществлять по отношению к пожилым гражданам не расширяется до возможного уровня. В связи с этим, данная проблема может быть решена также в рамках той деятельности, которая будет приносить доход, на муниципальном и ре-

гиональном уровне этим учреждениям.

Таким образом, можно сделать вывод: учреждения социального обслуживания, при имеющихся потенциальных возможностях к реализации дополнительных социальных услуг могут расширять список услуг и повышать качество имеющихся услуг. Необходимо переходить от оказания только социально-медицинского обслуживания данными учреждениями к определению новых социальных мероприятий. Это может быть вовлечение пожилых людей в общественные мероприятия, и мероприятия, направленные на адаптацию пожилого человека и его социальную и психологическую реабилитацию.

Органы государственной власти определяют приоритетным направлением своей деятельности организацию и правовое обеспечение социальной работы и обслуживания граждан нуждающихся в их социальной поддержке.

В силу того, что граждане пожилого возраста являются активными членами общества в России разработана и реализуется Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. В Стратегии приоритетные направления формировались, учитывая существующую социально-экономическую политику по отношению к гражданам пожилого и старческого возраста. Направление их отражает задачи, поставленные в Стратегии. В итоге, реализуя Стратегию, будет выработана система мероприятий для достижения высокого уровня благосостояния, социального и культурного развития пожилых людей. Стратегия направлена на укрепление их здоровья и на поддержание активной, продолжительной жизни. Однако, для реализации стратегии необходимо и самим гражданам старшего поколения активно участвовать в достижении целей, поставленных в Стратегии [2].

В качестве мер поддержки пожилых людей одной из важнейших является система социальных услуг, предоставляемых им. Изучая правовые и методологические основы, относящиеся к социальному обслуживанию пожилых людей в России,

мы приходим к следующему: наблюдается постепенное увеличение доли пожилых граждан в общей численности населения и прогнозируется продолжение этого тренда. Пожилые граждане страны испытывают потребность в социальном обслуживании и в то же время представляют собой ресурс, способствующий социально-экономическому развитию страны; в сфере предоставления социальных услуг населению пожилого возраста постоянно происходят изменения; разработана и реализуется Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, в которой отражаются интересы пожилых людей как социально активной и готовой продолжать трудовую и общественную жизнь.

Наряду с тем, что социальное обслуживание граждан пожилого возраста - это в основном социально-медицинское обслуживание, возникает необходимость в социально-психологической помощи и адаптации к новому социальному положению тем пожилым людям, которым такая помощь необходима.

Внедряя социальные технологии необходимо учитывать все особенности объекта. Для работы с каждой категорией граждан необходимо учитывать все особенности и условия такой работы. Внедрение социальных инновационных технологий позволяет создавать механизмы повышения эффективности использования социальных ресурсов. Это приводит к постепенному устойчивому росту благосостояния граждан страны [3].

Основное направление модернизации системы социального обслуживания населения в настоящее время – это поиск новых методик работы с социально незащищенной частью населения страны. Технологии социальной работы, представляющие собой приемы и методы, позволяют социальным работникам решать проблемы социально незащищенных слоев общества, к которым относятся и пожилые люди. При этом обеспечивается эффективность достижения поставленных задач по социальной защите населения.

Литература

1. Медведева Г.П. Этические основы социальной работы: учебник и практикум. Москва: Изд-во Юрайт, 2019. 443 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-03682-4 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/426542>
2. «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] / Распоряжение Правительства РФ № 164-р от 5 февраля 2016 г. //Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/173>
3. Зуева Н.Л. Социальное обслуживание населения: административно-правовое регулирование: монография // Воронежский государственный университет. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. С. 3.

References

1. Medvedeva G.P. *Jeticheskie osnovy social'noj raboty: uchebnik i praktikum*. Moskva: Izd-vo Jurajt, 2019. 443 s. (Professional'noe obrazovanie). ISBN 978-5-534-03682-4. Obrazovatel'naja platforma Jurajt [sajt]. URL: <https://urait.ru/bcode/426542>
2. «Ob utverzhdenii Strategii dejstvij v interesah grazhdan starshego pokolenija v Rossijskoj Federacii do 2025 goda» [Jelektronnyj resurs]. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF № 164-r ot 5 fev-ralja 2016 g. Oficial'nyj sajt Ministerstva truda i social'noj zashhity Rossijskoj Federacii. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/173>
3. Zueva N.L. *Social'noe obsluzhivanie naselenija: administrativno-pravovoe regulirovanie: monografija*. Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2013. S. 3.

Aygubov S.Z., Candidate of Physical and Mathematical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Dagestan State University

IMPLEMENTATION OF REGIONAL SOCIAL POLICY WITH RISK GROUPS IN RD

Abstract: today, one of the key points in the social policy of the state is social services for citizens of social risk groups. In the country in recent years there has been a tendency towards a gradual increase in the average age of the population, in connection with which it is necessary to continuously improve the social services for older citizens. The social worker must have all the information about those elderly members of society whom he needs to serve. The main part of government spending on the elderly population of the country is made up of payments financed from the federal budget and the budget of the pension fund of Russia. These are such as insurance old-age pensions and social old-age pensions. This also includes state pensions for certain categories: employees, military pensions, fixed-term and funded pensions, one-time payments from funds related to pension savings. Additional support can also be provided at the expense of regional funds. These may be social services provided by social service institutions or other specialized institutions.

Keywords: social risk groups, elderly people, social policy, social work, social services

*Сорокопуд Ю.В., доктор педагогических наук, профессор,
Московский финансово-промышленный университет Синергия,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Шишков Л.Д., аспирант,
Сапачев В.А., аспирант,
Московский финансово-промышленный университет Синергия*

ФОРМИРОВАНИЕ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос формирования ИКТ-компетенций студентов магистратуры направления 44.04.01. Педагогическое образование и способы его реализации. Демонстрируется необходимость их существования у будущего специалиста с профессиональной точки зрения. Далее приводятся эффективные, на взгляд авторов, способы формирования ИКТ-компетенций, связь между ними. В статье описываются возможные пути развития данных подходов и рассматриваются ИКТ-технологии и сервисы, которыми может использовать педагог предметник в своей профессиональной педагогической деятельности. Также обсуждаются направления дальнейшего исследования, посвящённого формированию ИКТ-компетенций в процессе подготовки будущих педагогов основного и дополнительного образования в условиях магистратуры. Целью статьи является рассмотрение практических механизмов формирования ИКТ-компетенций в процессе подготовки будущих педагогов основного и дополнительного образования в условиях магистратуры.

Ключевые слова: ИКТ-компетенции, цифровая грамотность, технологии в образовании

Введение

В современном мире очень важно уметь грамотно пользоваться компьютерными технологиями для решения разнообразных задач. Очевидно, что первичное знакомство с ними проходит в школе на самых разных уроках. В этой статье мы с одной стороны покажем, насколько важно пользоваться ИКТ-технологиями учителям, а с другой стороны даём практические рекомендации и примеры программного обеспечения и сервисов для каждого предмета школьной программы, а также популярных направлений дополнительного образования.

Отдельное внимание уделено формированию ИКТ-компетенций будущих педагогов в процессе подготовки в магистратуре, так как будущий преподаватель к моменту начала своей педагогической деятельности уже должен владеть всеми необходимыми навыками [4-5, 6, 8-10].

Именно во время обучения в магистратуре ИКТ-компетенциям и технологиям должно уделяться пристальное внимание, потому что такие дисциплины как методика преподавания, педагогика, преподаваемый предмет подробно изучаются в рамках бакалавриата.

ИКТ-компетентность – это не только использование различных информационных инструментов, но и эффективное применение их в педагогической деятельности. Вопрос о применении данных технологий и навыков неоднократно поднимался во множестве научных статей с самых разных сторон [2, 11].

В данной работе авторов интересует практическая составляющая данного вопроса, а именно систематизация программ и сервисов, которые учитель может использовать в процессе педагогической деятельности.

Изложение основного материала статьи

На основе федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС) [9] была разработана следующая база приложений, веб-сайтов и сервисов, способных помочь педагогу и обучающимся в образовательном процессе. Мы обращаем внимание, что данный список не является самым полным и безальтернативным выбором. Основной задачей было проиллюстрировать многообразие инструментов. Сервисы для конкретной дисциплины и нахождение лучших из них также интересуют нас. Этот вопрос может быть исследован в дальнейшем.

Таблица 1

Примеры сервисов по математике и русскому языку

Предмет	Программа/сервис	Краткое описание и варианты применения
Математика	Desmos	<i>Описание:</i> Графический калькулятор со множеством возможностей. От составления тестов и интерактивных заданий до полноценных презентаций на целый урок. <i>Варианты применения:</i> 1) Проверка домашнего задания; 2) Участие в проектах и конкурсах.
	Wolfram Alpha	<i>Описание:</i> Многофункциональный веб-ресурс, содержащий материалы по большому количеству предметов, в том числе по математике. С одной стороны интерактивная энциклопедия, в которой представлены все теоретические материалы, а с другой стороны полноценный математический пакет с большим набором функций. <i>Варианты применения:</i> 1) Демонстрация графиков; 2) Решение уравнений, неравенств, их систем.
	GeoGebra	<i>Описание:</i> Многофункциональный математический пакет с огромным количеством возможностей. Особенно полезным в нем является работа с чертежами на уроках геометрии. <i>Варианты применения:</i> 1) Построение и демонстрация чертежей; 2) Развитие пространственного мышления ввиду большой интерактивности.
Русский язык	Грамота.ру	<i>Описание:</i> Универсальный интернет-ресурс с возможностью орфографической проверки слов, большим количеством учебников, журналов и исследований по теме. <i>Варианты применения:</i> 1) Проверка домашних заданий; 2) Самостоятельное изучение интерактивных материалов ; 3) Конкурсы, игры и головоломки для уроков.
	Русский язык – грамотей	<i>Описание:</i> Приложение, содержащее более 16000 упражнений на почти все темы русского языка с подробными пояснениями и ответами <i>Варианты применения:</i> 1) Домашние задания; 2) Тесты и проверочные работы на уроках.
	Орфограмма	<i>Описание:</i> Сервис позволяет проверить целые тексты на соответствие нормам русского языка. Можно посмотреть не только шибки, но и правила, связанные с ними и советы по улучшению текста <i>Варианты применения:</i> 1) Помощь в работе над ошибками; 2) Проверка заданий детьми во время выполнения творческих заданий.

Приведем примеры сервисов и сайтов для каждой дисциплины, исходя из ФГОС [7].

- Литература:

1. Wattapad.

Описание:

Представляет собой некое подобие социальной сети для читателей и писателей. Каждый желающий может написать своё произведение и познакомиться с ним всех желающих.

Варианты применения:

1) Выполнение творческих заданий по написанию сочинений, стихов, рассказов;

2) Развитие читательской грамотности, воспитание интереса к чтению.

2. My book/Литрес.

Описание:

Библиотека электронных книг, содержащая огромное количество произведений.

Варианты применения:

1) Знакомство с интерфейсом подобной программы для поднятия популярности чтения среди обучающихся.

- Иностранный язык:

1. Duolingo.

Описание:

Универсальное приложение для изучения языков в игровой форме. Среди прочего позволяет создать свой класс и выдавать им собственные задания, используя все преимущества и инструменты сервиса.

Варианты применения:

1) Интерактивные домашние задания;

2) Добавление соревновательного элемента, мотивирующее учеников.

2. Puzzle English.

Описание:

Приложение, содержащее большое количество инструментов: задания, игры, слова, Отдельное внимание уделено говорению.

Варианты применения:

1) Интерактивные домашние задания;

2) Выполнение заданий на уроках для смены деятельности/обстановки.

- Информатика:

1. Code Academy.

Описание:

Интерактивная онлайн-платформа по обучению 12 языкам программирования.

Варианты применения:

1) Геймификация уроков информатики;

2) Выполнение проектов и творческих заданий.

2. Codewars.

Описание:

Сервис для изучения программирования, содержащий систему поощрений и стилизованный под восточные единоборства.

Варианты применения:

1) Геймификация уроков информатики;

2) Выполнение проектов и творческих заданий.

- История:

1. Histography.

Описание:

Интерактивная карта событий от Большого взрыва до 2015 года. Интересующие нас события

можно гибко настраивать: политика, войны, литература, права женщин и т.д.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивных элементов в уроки;

2) Выполнение творческих заданий и подготовка учеников к урокам с помощью данного ресурса.

2. Artefact.

Описание:

Гид по музеям России. У каждого экспоната - подробное описание и фотография.

Варианты применения:

1) Проведение уроков-экскурсий в музеи, до которых сложно добраться по тем или иным причинам;

2) Выполнение проектов. Например, уроков, посвящённый конкретному музею, где каждый обучающийся рассказывает про несколько экспонатов.

География:

1. Google Maps/Google Earth.

Описание:

Проект, в рамках которого в одну базу собраны спутниковые изображения земной поверхности.

Варианты применения:

1) Непосредственное знакомство с теми или иными объектами нашей планеты;

2) Подготовка проектов, творческих заданий.

2. EarthViever.

Описание:

Анимированная планета Земля с текущей погодой, спутниковыми данными, глобальным прогнозом и историческими данными.

Варианты применения:

1) Интерактивный элемент при изучении погоды, ветров, атмосферного давления;

2) Творческие задания на самые разные темы.

- Обществознание:

1. Learnis.

Описание:

Платформа для создания образовательных квестов, игр-викторин, терминологических викторин и интерактивных видео.

Варианты применения:

1) Проведение уроков-викторин, образовательных квестов и т.п.

2) Творческие задания и проекты.

- Физика:

1. Physics Playground.

Описание:

Бесплатное приложение от Нью-Йоркского дома науки. Распознаёт движение на записанном видео и даёт объяснение происходящему с точки зрения физики.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивного элемента в изучение механики;

2) Выполнение практических и лабораторных работ.

2. ICircuit.

Описание:

Приложение для составления и анализа электрических схем.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивного элемента в изучение электричества;

2) Выполнение практических и лабораторных работ, а также проектов и творческих заданий.

- Химия:

1. Chemcrafter.

Описание:

Представляет собой виртуальную химическую лабораторию, в которой можно проводить опыты любого уровня сложности и опасности.

Варианты применения:

1) Проведение виртуальных лабораторных работ с опасными химическими элементами;

2) Добавление интерактивного элемента в изучение химических реакций и процессов.

2. Happy Atoms.

Описание:

Набор трёхмерных атомов, работающий в паре с приложением, которое сканирует молекулы с помощью камеры.

Варианты применения:

1) Проведение практических и лабораторных работ с использованием ИКТ-технологий;

2) Выполнение проектов и творческих заданий.

- Биология:

1. 3D Motion Human Anatomy.

Описание:

Инструмент для изучения анатомии в интерактивном режиме, позволяющий ознакомиться с трёхмерной моделью человеческого тела.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивного элемента при изучении анатомии;

2) Выполнение практических работ с использованием данного ресурса.

2. Plants.

Описание:

Приложение для изучения ботаники, представляющее собой интерактивную диораму, в которой игрок может управлять погодой, лесными пожарами и т.п.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивного элемента при изучении ботаники;

2) Выполнение практических и исследовательских работ.

- Физическая культура:

1. Фитнес-приложения.

Описание:

Любое фитнес приложение с разными видами активности.

Варианты применения:

1) Дополнительный учёт физической активности.

- ОБЖ:

1. Цикл приложений Babybus.

Описание:

Сборник приложений, объясняющий правила поведения и безопасности для детей.

Варианты применения:

1) Добавление интерактивного элемента в изучение ОБЖ.

Исходя из этих соображений стоит сказать и об аналогичных сервисах для дополнительного образования. Перечень дисциплин отличается в каждом образовательном учреждении, поэтому были взяты наиболее популярные направления ([1]), такие как робототехника, искусство, иностранные языки.

Робототехника: робототехнические конструкции – наиболее популярный вариант изучения робототехники.

Искусство: графические планшеты, программы обработки фото и видео, инструменты цифрового дизайна.

Иностранный язык: сервисы и приложения, позволяющие в реальном времени общаться с носителями языка.

Выводы

Исходя из всего вышесказанного мы считаем, что формирование ИКТ-компетенций будущего педагога может быть реализовано как отдельный предмет во время подготовки в магистратуре. В рамках данной дисциплины предлагается обучить будущих педагогов:

1) Профильным сервисам (см. таблицу 1);

2) Общим технологиям современного преподавания (Московская электронная школа, электронный журнал, Российская электронная школа и т.п.);

3) Созданию и работе с массовыми онлайн курсами (данный вопрос не обсуждался в этой работе, но интересен нам и неоднократно обсуждался в других статьях, например, в [3]);

4) Инструментам, полезным при работе в дополнительном образовании.

Данная работа, с нашей точки зрения, перспективна для дальнейших исследований по следующим вопросам:

1) Применение массовых онлайн курсов в школе. Обучение будущих преподавателей созданию и работе с ними;

- 2) Рассмотрение всех сервисов для конкретного предмета, их сравнительный анализ;
- 3) Представление предполагаемой учебной программы для студентов магистратуры, её связь с федеральным государственным образовательным

стандартом высшего образования ([6]) и место в образовательном процессе;

- 4) Разработка курсов повышения квалификации по данным направлениям.

Литература

1. Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.
2. Аналитический доклад о состоянии системы дополнительного образования детей в Российской Федерации в условиях реализации Концепции развития дополнительного образования детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esur.ru/Files/file6096.pdf> (дата обращения: 18.10.2022)
3. Зенькович Д.С., Ли М.В., Захаров К.П. Вызовы цифровой эпохи: цифровая грамотность и компетентность педагогов в период пандемии // Политехническая весна. Гуманитарные науки: Материалы IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. М., 2021. С. 199 – 205.
4. Лукмонова С.Г. Цифровые образовательные ресурсы в педагогической деятельности // International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy. Collection of scientific articles, XXI international correspondence scientific specialized conference. Boston, 2020. P. 34 – 39.
5. Петрова Н.П., Бондарева Г.А.. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 353 – 355.
6. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#FdocumentF70535556FparagraphF169A1> (дата обращения: 11.10.2022)
7. Структура ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. Режим доступа: <https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2019/05/ICT-CFT-Version-3-Russian-1.pdf>
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование. [Электронный ресурс]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOSVO03++/Mag/440401_M_3_16032018.pdf (дата обращения: 11.10.2022)
9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 14.10.2022)
10. Хоченкова Т.Е. Массовые открытые онлайн-курсы: проектирование, модели, технологии интеграции в образовательный процесс школы // Актуальные проблемы физики в школе и вузе: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2018. С. 133 – 136.
11. Яковлева Е.В. Цифровая компетентность будущего педагога: компонентный состав // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2021. № 4 (апрель). С. 46 – 57. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211021.htm> (дата обращения: 12.10.2022)

References

1. Aïmaletdinov T.A., Baïmuratova L.R., Zaïceva O.A., Cifrovaja gramotnost' rossijskih pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniju cifrovyh tehnologii v uchebnom processe. M.: Izd-vo NAFI, 2019. 84 s.
2. Analiticheskij doklad o sostojanii sistemy dopolnitel'nogo obrazovanija detej v Rossijskoj Federacii v uslovi-jah realizacii Konceptii razvitija dopolnitel'nogo obrazovanija detej [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.esur.ru/Files/file6096.pdf> (data obrashhenija: 18.10.2022)
3. Zen'kovich D.S., Li M.V., Zaharov K.P. Vyzovy cifrovoj jepohi: cifrovaja gramotnost' i kompetentnost' pedagogov v period pandemii. Politehnicheskaja vesna. Gumanitarnye nauki: Materialy IV Vserossijskoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2021. S. 199 – 205.
4. Lukmonova S.G. Cifrovyje obrazovatel'nye resursy v pedagogicheskoj dejatel'nosti. International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy. Collection of scientific articles, XXI international correspondence scientific specialized conference. Boston, 2020. P. 34 – 39.
5. Petrova N.P., Bondareva G.A.. Cifrovizacija i cifrovyje tehnologii v obrazovanii. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2019. № 5 (78). S. 353 – 355.

6. Professional'nyj standart «Pedagog (pedagogičeskaja dejatel'nost' v sfere doškol'nogo, načal'nogo obshhego, osnovnogo obshhego, srednego obshhego obrazovanija) (vosпитatel', učitel')» (s izmenenijami i dopolnenijami). [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ivo.garant.ru/#FdocumentF70535556FparagraphF169A1> (data obrashhenija: 11.10.2022)

7. Struktura IKT-kompetentnosti učitelej. Rekomendacii JuNESKO. Rezhim dostupa: <https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2019/05/ICT-CFT-Version-3-Russian-1.pdf>

8. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija – magistratura po napravleniju podgotovki 44.04.01 Pedagogičeskoe obrazovanie. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOSVO3++/Mag/440401_M_3_16032018.pdf (data obrashhenija: 11.10.2022)

9. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshhego obrazovanija. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (data obrashhenija: 14.10.2022)

10. Hochenkova T.E. Massovye otkrytye onlajn-kursy: proektirovanie, modeli, tehnologii integracii v obrazovatel'nyj process shkoly. Aktual'nye problemy fiziki v shkole i vuze: Materialy Vserossijskoj nauchno-metodičeskoj konferencii. 2018. S. 133 – 136.

11. Jakovleva E.V. Cifrovaja kompetentnost' budushhego pedagoga: komponentnyj sostav. Nauchno-metodičeskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2021. № 4 (aprel'). S. 46 – 57. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211021.htm> (data obrashhenija: 12.10.2022)

*Sorokopud Yu.V., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Financial and Industrial University Synergy,
A.A. Kadyrov Chechen State University,
Shishkov L.D., Postgraduate,
Sapachev V.A., Postgraduate,
Moscow Financial and Industrial University Synergy*

FORMATION OF ICT COMPETENCIES IN THE PROCESS OF TRAINING FUTURE TEACHERS OF BASIC AND ADDITIONAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF A MASTER COURSE

Abstract: this article discusses the issue of the formation of ICT competencies of the master's degree students in the direction 44.04.01. Pedagogical education and ways of its implementation. The necessity of their existence in a future specialist from a professional point of view is demonstrated. The following are effective, in the opinion of the authors, ways of forming ICT competencies, the relationship between them. Possible ways of development of these approaches are described, considered: 1) individual components of each item; 2) ICT technologies and services necessary for a specific teacher in a specific situation. The prospects of this article from the point of view of further research are also discussed. The article is aimed at considering the practical mechanisms for the formation of ICT competencies in the process of training future teachers of basic and additional education in the conditions of the magistracy.

Keywords: ICT competencies, digital literacy, technologies in education

*Магин В.А., доктор педагогических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: в статье исследуется роль вспомогательных средств в процессе обучения младших школьников на уроках физической культуры на примере формирования техники плавания способом «Баттерфляй». В процессе экспериментальной работы были задействованы школьники от 7 до 10 лет. В статье так же рассмотрены тенденции развития отечественной системы школьного образования. В статье убедительно доказывается, что необходимо развивать содержательную и методологическую сторону процесса обучения младшеклассников плаванию, в т.ч. указанным способом. В статье так же раскрывается концепт «вспомогательные средства», указывается на их применимость в процессе освоения детьми этого способа плавания. Приводятся результаты педагогического эксперимента по их внедрению в соответствующий процесс. Основываясь на них, делается вывод о том, что интеграция в процесс обучения плаванию способом «Баттерфляй» методик, подразумевающих использование вспомогательных средств, позволяет существенно улучшить технику плавания у учащихся.

Ключевые слова: начальная школа, физкультура в начальной школе, обучение младших школьников плаванию, учитель, ученик

Вопросам развития физической культуры и спорта, в т.ч. детско-юношеского, традиционно уделяется большое внимание в нашей стране [2-3, 12, 15, 19].

С другой стороны, в последние десятилетия содержательная и организационная стороны занятий по физической культуре у младшеклассников приобрели ряд противоречивых черт [3-4; 16, 19-20]. Они нуждаются во внесении ряда прогрессивных изменений, которые позволят российской школе продолжать своё поступательное развитие. Это, в свою очередь, требует разработки новых механизмов, позволяющих повысить двигательную активность младших школьников, тем самым увеличив эффективность их обучения, развития и воспитания в рамках занятий по дисциплине «Физическая культура» [10, 17, 19-20].

При этом одним из наиболее прогрессивных средств физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности школьников является плавание [2, 5, 7, 11]. Правильно организованные занятия данным видом спорта способствуют всестороннему развитию детей.

На сегодняшний день существует большое количество методик и стратегий обучения школьников различным техникам плавания, в т.ч. с применением вспомогательных средств [1, 5, 8, 11, 14]. Вместе с тем ощущается определённый дефицит работ, посвящённых методике и содержанию обучения младших школьников плаванию способом «Баттерфляй». Недостаточно разработаны проблемы, связанные с использованием вспомогательных средств в данном процессе.

Некоторым проблемам совершенствования процесса обучения технике плавания способом «Баттерфляй» школьников 7-10 лет с применением вспомогательных средств посвящена наша статья.

Изложение основного материала статьи. Говоря о процессе обучения младших школьников плаванию, термин «вспомогательные средства» большинство авторов упоминает в двух значениях.

В первом его трактуют как совокупность специальных физических упражнений. Основная цель их выполнения – ускорение процесса обучения [9, 13, 16-18]. К вспомогательным упражнениям, применимым в ходе обучения плаванию интересующим нас способом, относятся упражнения, подобранные по определённому принципу. При этом наиболее эффективными являются те, отбор которых осуществлялся по возрастающему принципу. В качестве вспомогательных средств обучения младших школьников плаванию способом «Баттерфляй» также могут использоваться упражнения с акцентированным действием [2, 7, 11].

Во втором значении термин «вспомогательные средства» применяется для обозначения оборудования, позволяющего в той или иной степени облегчить обучение плаванию и, следовательно, более эффективно совершенствовать его технику [5, 8, 13, 18]. В данном контексте применительно к обучению детей 7-10 лет плаванию способом «Баттерфляй» можно говорить о продуктивном использовании следующих вспомогательных средств:

- доска для плавания;
- маленькие лопатки;

- колобашка;
- силиконовые ласты;
- моноласты;
- дыхательная трубка [7, 9, 14].

В целях проверки эффективности вспомогательных средств в ходе обучения плаванию способом «Баттерфляй» учащихся начальной школы был проведён педагогический эксперимент [6, с. 199-200].

На его начальном этапе были сформированы две группы: экспериментальная и контрольная.

Каждая из них включала 10 чел., 3 девочки и 7 мальчиков.

При этом в экспериментальной и контрольной группах занятия, представлявшие собой уроки из трёх частей (подготовительной, основной и заключительной), проводились два раза в неделю. Длительность каждого из них составила 40 мин. В ходе этих занятий практиковалось последовательное выполнение упражнений в обеих группах. Разница между упражнениями, практиковавшимися на занятиях с детьми из контрольной и экспериментальной групп представлена в табл. 1.

Таблица 1

Различия между упражнениями, выполнявшимися участниками эксперимента

Контрольная группа	Экспериментальная группа
Выполняла упражнения в стандартном виде	Выполняла упражнения с широким использованием вспомогательных средств
Интенсивность тренировочных нагрузок средняя	Приступала к упражнениям только после тщательной общей разминки [1, 3, 6-7]
Тренировочные нагрузки были стабильными	Делала значительные интервалы отдыха между упражнениями
Для выполнявшихся контрольной группой тренировочных нагрузок была характерна системность [6, 8]	Выполняла на суше некоторые упражнения со вспомогательными средствами, которых контрольная группа не делала

На пятом, девятом, и двенадцатом занятиях осуществлялось выявление степени сформированности технического мастерства учащихся, состо-

явших в обеих группах. Для этого был выделен ряд упражнений (табл. 2).

Таблица 2

Упражнения для контроля сформированности технического мастерства учащихся обеих групп

№ п/п	Наименование
1	Плавание на груди руки в стрелке ноги дельфин 25 м.
2	Раздельное плавание баттерфляй 25 м.
3	Раздельное плавание баттерфляй с добавлением движения гребка двумя руками 50 м.

Оценка выполнения детьми упражнений производилась в соответствии с десятибалльной шкалой. Затем, баллы, полученные участниками контрольной и экспериментальной групп, суммировались, вычислялось среднее арифмети-

ческое [5-6; 9-10].

Представим результаты тестирования младших школьников экспериментальной и контрольной групп (табл. 3).

Таблица 3

Оценка выполнения упражнений школьниками экспериментальной и контрольной групп

Упражнение	Экспериментальная группа $M \pm m$	Контрольная группа $M \pm m$
Плавание на груди руки в стрелке ноги «дельфин» 25 м	7,65±0,43	6,75±0,54
Раздельное плавание баттерфляй 25 м.	7,71±0,34	6,44±0,56
Раздельное плавание баттерфляй с добавлением движения гребка двумя руками 50 м.	8,32±0,32	6,51±0,43

Таким образом, сравнение результатов тестирования школьников, относящихся к обеим группам, наглядно демонстрирует, что в процессе обучения выполнения упражнения «Плавание на груди руки в стрелке ноги «дельфин» 25 м» различия между ним составило 0,9 балла в пользу экспериментальной группы. При выполнении упражнения «Раздельное плавание баттерфляй 25 м» результат этой группы превысил таковой у контрольной на 1,27 балла. Кроме того, школьники экспериментальной группы выполнили «Раздельное плавание баттерфляй с добавлением движения гребка двумя руками 50 м.» лучше в среднем на 1,81 балла.

На заключительном этапе эксперимента, в ходе шестнадцатого занятия, была проведена оценка техники плавания способом «Баттерфляй» школьников, относящихся к экспериментальной и контрольной группам. Школьники должны были проплыть дистанцию в 50 м. Выполнение ими данного упражнения оценивалось в соответствии со следующими критериями:

- выполнение стартового прыжка (1 балл);

- одновременные волнообразные движения двумя ногами (1 балл);
 - поворот и касание двумя руками (2 балла);
 - симметричный пронос рук над водой при гребке двумя руками (1 балл);
 - выполнение гребка двумя руками через бедро (1 балл) [2, с. 142];
 - руки должны быть собраны в стрелку, а кисти касаться друг друга на протяжении дистанции после выполнения каждого отдельного гребкового цикла (2 балла);
 - при выполнении переката (руки вверху), при этом голова должна находиться под собранными руками, затылок касается локтей (1 балл) [7, с. 75];
 - выполнение дыхательного цикла: над водой вдох, под водой выдох (1 балл) [1, 7, 19].
- Теперь следует представить результаты плавания на дистанцию 50 м. способом «Баттерфляй» учащихся контрольной и экспериментальной групп (табл. 4).

Таблица 4

Результаты плавания на дистанцию 50 м.

Вид упражнения	Экспериментальная группа (M± m)	Контрольная группа M± m
50 м способом баттерфляй	8,22±0,43	6,74±0,32

Сравнение результатов оценки техники плавания способом баттерфляй школьников экспериментальной и контрольной групп демонстрирует, что оценка в экспериментальной группе составила 8,22 балла, а в контрольной – 6,74 балла, что на 1,48 балла меньше показателей экспериментальной группы.

Основываясь на полученных в ходе педагогического эксперимента результатах, мы можем с уверенностью говорить о том, что совершенствование процесса технической подготовки школьников 7-10 лет к плаванию способом «Баттерфляй» путём широкого внедрения вспомогательных средств является эффективным.

Выводы

На основе вышеизложенного мы с определённой долей уверенности можем утверждать, что на протяжении трёх последних десятилетий содержательная и организационная стороны занятий по физической культуре у младшеклассников приобрели ряд противоречивых черт.

По этой причине преподавание физкультуры детям 7-10 лет нуждаются во внесении ряда прогрессивных изменений. Это, в свою очередь, требует разработки новых механизмов,

позволяющих повысить двигательную активность младших школьников, тем самым увеличив эффективность их обучения, развития и воспитания.

Одним из наиболее прогрессивных средств физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности школьников является плавание. Правильно организованные занятия данным видом спорта будут способствовать всестороннему развитию детей.

При этом сегодня ощущается определённый дефицит работ, посвященных методике и содержанию обучения младших школьников плаванию таким во многих отношениях интересным способом, как «Баттерфляй». В частности, остаются недостаточно разработанными проблемы, связанные с использованием вспомогательных средств в данном процессе.

Термин «вспомогательные средства» применительно к обучению детей плаванию имеет два значения. Во-первых, это совокупность специальных физических упражнений, основная цель которых – ускорение процесса обучения. Во-вторых, это оборудование, позволяющее в той или иной степени облегчить обучение плаванию и, следовательно, более эффективно совершен-

ствовать его технику.

Для объективной оценки эффективности вспомогательных средств в ходе обучения плаванию способом «Баттерфляй» учащихся начальной школы нами был проведён педагогический эксперимент.

Его результаты дают нам право утверждать, что совершенствование процесса технической подготовки школьников 7-10 лет к плаванию способом «Баттерфляй» путём широкого внедрения вспомогательных средств является весьма действенным.

Литература

1. Абытова Ж.Р., Эгамбердиева Г.Д. Методика обучения плаванию игровыми методами // Проблемы науки. 2021. № 4. С. 79 – 81.
2. Авдинко В.Б., Солопов И.Н. Искусство тренировки пловца. Москва: ИТРК, 2019. 319 с.
3. Ашмарин Б.А., Виноградов Ю.А., Вяткина З.Н. Теория и методика физического воспитания. Москва: Просвещение, 1990. 287 с.
4. Бобровский Е.А. Состояние массового спорта в регионах ЦФО // Карельский научный журнал. 2017. № 3 (20). С. 145 – 148.
5. Булгакова Н.Ж., Попов О.И. Теория и методика плавания: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М.: Академия, 2014. 320 с.
6. Гейжан Н.Ф., Илакавичус М.Р. Об измерении результатов педагогического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 198 – 208.
7. Гордон С.М. Техника спортивного плавания. Москва: Физкультура и спорт, 1968. 200 с.
8. Григорьева Е.Л., Белоусова К.В. Влияние занятий плаванием на функциональные системы организма младших школьников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 2 (23). С. 49 – 51.
9. Карпов В.Ю., Савельева Ю.О., Лапина Н.М. и др. Индивидуализация процесса обучения плаванию в детских абонементных группах // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 134 – 138.
10. Кузиева Ф.И. Роль физической культуры в формировании личности // Вестник науки и образования. 2021. № 4 (129). С. 14 – 17.
11. Макаревич В.А. Значимость обучения плаванию детей дошкольного возраста в формировании жизненно-необходимых навыков // Наука-2020. 2021. № 1 (46). С. 119 – 122.
12. Мельникова О.Ф. Массовый спорт как фактор оздоровления и формирования здорового образа жизни населения // Science Time. 2017. № 5 (41). С. 77 – 80.
13. Ольховская О.Г., Понимасов О.Е., Барченко С.А. Формирование технико-динамической структуры движений юных пловцов на этапе начальной спортивной специализации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 10 (176). С. 257 – 260.
14. Савельева О.Ю., Карпов В.Ю., Сибгатулина Ф.Р., Козьяков Р.В. Особенности обеспечения учебного процесса по плаванию с детьми старшего дошкольного возраста в ДЮСШ и фитнес-клубах // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 2 (144). С. 211 – 217.
15. Платонова, Т.В. Влияние программ ЗОЖ и фитнес клубов на систему оздоровления населения РФ // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 3 (145). С. 148 – 152.
16. Полунина Т.И., Соколов В.Н., АТитлов Ю. Физический и психологический комфорт при обучении плаванию детей младшего школьного возраста в малых бассейнах // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2019. № 4. С. 73 – 75.
17. Полянская Г.В. Методика обучения физической культуре в начальной школе // Вестник науки и образования. 2019. № 155. С. 86 – 91.
18. Постольник Ю.А., Бубенцова Ю.А. Эффективность игрового метода в обучении плаванию дошкольников с признаками водобоязни // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. № 2. С. 146 – 150.
19. Торочкова Т.Ю., Аристова Н.Ю., Демина И.А. Теория и методика физического воспитания детей младшего школьного возраста с практикумом. Москва: Академия, 2017. 272 с.
20. Юсупова З.Ш. Современные методы преподавания физического образования в начальных классах // Проблемы науки. 2021. № 2 (61). С. 20 – 23.

References

1. Abytova Zh.R., Jegamberdieva G.D. Metodika obuchenija plavaniju igrovymi metodami. Problemy nauki. 2021. № 4. S. 79 – 81.
2. Avdinko V.B., Solopov I.N. Iskusstvo trenirovki plovca. Moskva: ITRK, 2019. 319 s.
3. Ashmarin B.A., Vinogradov Ju.A., Vjatkina Z.N. Teorija i metodika fizicheskogo vospitanija. Moskva: Proshhenie, 1990. 287 s.
4. Bobrovskij E.A. Sostojanie massovogo sporta v regionah CFO. Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2017. № 3 (20). S. 145 – 148.
5. Bulgakova N.Zh., Popov O.I. Teorija i metodika plavanija: uchebnik dlja studentov uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovanija. M.: Akademija, 2014. 320 s.
6. Gejzhan N.F., Ilakavichus M.R. Ob izmerenii rezul'tatov pedagogicheskogo issledovanija. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4 (92). S. 198 – 208.
7. Gordon S.M. Tehnika sportivnogo plavanija. Moskva: Fizkul'tura i sport, 1968. 200 s.
8. Grigor'eva E.L., Belousova K.V. Vlijanie zanjatij plavanijem na funkcional'nye sistemy organizma mladshih shkol'nikov. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2018. № 2 (23). S. 49 – 51.
9. Karpov V.Ju., Savel'eva Ju.O., Lapina N.M. i dr. Individualizacija processa obuchenija plavaniju v detskih abonementnyh gruppah. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2018. № 4 (158). S. 134 – 138.
10. Kuzieva F.I. Rol' fizicheskoy kul'tury v formirovanii lichnosti. Vestnik nauki i obrazovanija. 2021. № 4 (129). S. 14 – 17.
11. Makarchev V.A. Znachimost' obuchenija plavaniju detej doshkol'nogo vozrasta v formirovanii zhiznenno-neobhodimyh navykov. Nauka-2020. 2021. № 1 (46). S. 119 – 122.
12. Mel'nikova O.F. Massovyj sport kak faktor ozdorovlenija i formirovanija zdorovogo obraza zhizni naselenija. Science Time. 2017. № 5 (41). S. 77 – 80.
13. Ol'hovskaja O.G., Ponimasov O.E., Barchenko S.A. Formirovanie tehniko-dinamicheskoy struktury dvizhenij junyh plovcov na jetape nachal'noj sportivnoj specializacii. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2019. № 10 (176). S. 257 – 260.
14. Savel'eva O.Ju., Karpov V.Ju., Sibgatulina F.R., Koz'jakov R.V. Osobennosti obespechenija uchebnogo processa po plavaniju s det'mi starshego doshkol'nogo vozrasta v DJuSSh i fitnes-klubah. Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2017. № 2 (144). S. 211 – 217.
15. Platonova, T.V. Vlijanie programm ZOZh i fitnes klubov na sistemu ozdorovlenija naselenija RF. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2017. № 3 (145). S. 148 – 152.
16. Polunina T.I., Sokolov V.N., ATitlov .Ju. Fizicheskij i psihologicheskij komfort pri obuchenii plavaniju detej mladshogo shkol'nogo vozrasta v malyh bassejnah. Fizicheskaja kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka. 2019. № 4. S. 73 – 75.
17. Poljanskaja G.V. Metodika obuchenija fizicheskoy kul'ture v nachal'noj shkole. Vestnik nauki i obrazovanija. 2019. № 155. S. 86 – 91.
18. Postol'nik Ju.A., Bubencova Ju.A. Jeffektivnost' igrovogo metoda v obuchenii plavaniju doshkol'nikov s priznakami vodobojazni. Fizicheskaja kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naja rekreacija. 2020. № 2. S. 146 – 150.
19. Torochkova T.Ju., Aristova N.Ju., Demina I.A. Teorija i metodika fizicheskogo vospitanija detej mladshogo shkol'nogo vozrasta s praktikumom. Moskva: Akademija, 2017. 272 s.
20. Jusupova Z.Sh. Sovremennye metody prepodavanija fizicheskogo obrazovanija v nachal'nyh klassah. Problemy nauki. 2021. № 2 (61). S. 20 – 23.

*Magin V.A., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
North Caucasus Federal University,
Yarychev N.U., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor),
Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
A.A. Kadyrov Chechen State University*

**PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE USE OF AUXILIARY MEANS IN
THE PROCESS OF TEACHING YOUNGER SCHOOLCHILDREN
IN PHYSICAL EDUCATION LESSONS**

Abstract: the article examines the role of auxiliary means in the process of teaching younger schoolchildren in physical education lessons by the example of the formation of swimming technique in the "Butterfly" method. In the process of experimental work, schoolchildren from 7 to 10 years old were involved. The article also examines the trends in the development of the domestic school education system. The article convincingly proves that it is necessary to develop the content and methodological side of the process of teaching junior high school students to swim, including in this way. The article also reveals the concept of "auxiliary means", indicates their applicability in the process of mastering this method of swimming by children. The results of a pedagogical experiment on their implementation in the corresponding process are presented. Based on them, it is concluded that the integration of techniques involving the use of auxiliary means into the process of learning to swim in the "Butterfly" way allows students to significantly improve their swimming technique.

Keywords: elementary school, physical education in elementary school, teaching younger students to swim, teacher, student

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Иналкаева К.С., кандидат юридических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический университет*

О ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Работа написана в рамках внутривузовского конкурса грантов инициативных научных исследований ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Аннотация: главной целью данной работы является формирование основ правового сознания и правовой культуры в процессе знакомства обучающихся с необходимым минимумом правовых знаний, пробуждение интереса к праву, воспитание законопослушного гражданина. Процесс воспитания понимается нами как в узком, так и в широком смысле. В данном случае мы подходим к проблеме воспитания с изучения современной модели федерализма. Объектом исследования являются вопросы федерализма. Для федерализма является характерным распределение сфер компетенции между центральными органами власти и органами власти ее территориальных образований. Понятие федерализация, являющееся постепенным объединением на началах федерализма и понятие федерализм, являющееся принципом организации публичной власти, необходимо разграничивать. В значительной степени это связано с тем, что многим странам СНГ до сих пор присуща чрезмерная централизация властных полномочий, умноженная на конституционно-правовую неопределенность территориального основания. Методология исследования включает как общенаучные методы исследования, так и частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, комбинация которых позволила автору определить степень усиление роли федерализации публичной власти. При этом несмотря на наличие различных подходов ко многим аспектам этой проблематики, бесспорным фактом и первоочередной задачей государственного строительства в контексте евроинтеграционного пространства является именно усиление роли федерализации публичной власти. Автор делает вывод, что единство государственной власти является определяющим свойством любого государства, для успешного функционирования современной модели федерализма, обеспечения целостности государства и одновременно баланса интересов федерального центра и ее субъектов, необходимо учитывать многонациональный состав его, проводить правильную национальную и социально-экономическую политику.

Ключевые слова: федерализм, публичная власть, законодательство, государственное устройство, деволюция, правосубъектность, разделение властей

Актуальность

Теоретические положения учения федерализма привлекательны своей широтой охвата социальных слоев и структур. Так, к примеру, в конституционно-правовом отношении суть федерализма по организации и реализации государственной власти в стране можно выразить словами, принадлежащими У. Райкеру: «Конституция является федеральной, если: 1) два уровня правления осуществляют свою власть в отношении одной и той же территории и одного и того же населения; 2) каждый уровень имеет по крайней мере одну сферу, в которой он является автономным; 3) имеются определенные гарантии (хотя бы в форме простого декларирования в Конституции) автономности каждого уровня правления в своей собственной сфере» [11].

Под федерализацией подразумевается принцип политико-территориального устройства государства. М.Н. Федорец отождествляет федерализм с понятием «федерализация», указывая, что по сво-

ему содержанию федерализм является формой государственного устройства, при котором государство образуется как объединение определенных территорий (республик, штатов, земель, областей), обладающих определенной юридической и политической самостоятельностью [13].

Так, федерализм может иметь место лишь тогда, когда произойдет изменение территориального устройства государства путем внесения изменений в Основной закон государства и действующее законодательство на основе социально-экономических и этнокультурных предпосылок.

Федерализм является фактически процессом перехода государства к федеративной форме устройства. В этом контексте, точной является позиция Р.М. Дзидзоева по поводу того, что федерализация предполагает целесообразность федеративного устройства государства, характеризуется разнообразием национальной, территориальной и социальной организации общества. При этом, по мнению ученого, внедрение федерализации позво-

лит провести децентрализацию и деконцентрацию государственной власти [3]. Наиболее обсуждаемая из них, когда речь заходит о государственном устройстве и которую отдельные авторы считают даже проблемой федерализма, является сочетание субъектов, основанных как по территориальному, так и по национальному признаку [6].

В Станфордском философском словаре под федерализацией понимают объединение на принципах федерализма определенных территорий с целью распределения полномочий и компетенции между центральными органами власти и членами федерации. Причем, в отличие от унитарных государств, полномочия между органами власти на местах и центральными органами власти распределяют равномерно и однородно. В основном за центральными органами власти остаются полномочия в сферах внешней политики и обороны страны [12].

При определении термина «федерализация» отдельные ученые выделили специфические черты и признаки этого явления. В частности, М.Г. Миронюк, О.А. Фомичева, сущность федерализации видят в создании единой центральной власти, в пределах которой ее субъекты получают право на самоуправление наряду с соучастием в общем управлении государством [9, 13]. Это утверждение предопределяет определенную подмену понятий федерализации и Федерации.

Термин «федерация» (лат. foederatio – объединение, союз) означает форму государственного устройства, или же союзное государство, состоящее из ряда государств или государственных образований. Федерация имеет единые законодательные, исполнительные органы, вооруженные силы и т.п. В то же время, каждая составляющая Федерации, имеет свою конституцию, законодательные исполнительные органы [2].

Юридической основой Федерации является договор между суверенными государствами, на основе которого они объединяются в одно государство и согласно которому передают часть своих суверенных полномочий в ведение федеративных (общих) верховных органов власти. В федерации происходит дублирование основных государственно-правовых институтов.

Территория Федерации состоит из ее субъектов. При этом государственные границы каждого из субъектов Федерации становятся административными, а государственной является лишь граница, которая отграничивает территорию всей Федерации от других государств [4]. Поскольку Федерация является самостоятельной геополитической реальностью, то она является и самостоятельным субъектом международных отношений. Члены федерации добровольно и на равноправных нача-

лах объединяются в одно государство, а потому добровольно и в четко определенных договором пределах объединяют свою политическую правосубъектность в пользу общих (федеративных) органов публичной власти.

Относительно полномочий, которые не передаются в ведение общих высших органов власти, то они осуществляются каждым субъектом самостоятельно. Каждый член Федерации сохраняет свой суверенитет и является равноправным наряду с другими членами федерации, имеет собственную территорию и территориальное верховенство, конституцию и собственное законодательство, органы власти, гражданство, собственную судебную систему, собственные атрибуты суверенного государства (герб, флаг, гимн), а также право на свободный выход из федерации. В то же время, на практике суверенной является именно федерация, а не ее члены (субъекты). Государств с такой формой государственного устройства как федерация в мировом пространстве значительно меньше, чем унитарных государств. К ним принадлежат: США, Канада, Австрия, Австралия, Объединенные Арабские Эмираты, Швейцария, Бельгия, Германия, Аргентина, Бразилия, Мексика, Россия, Индия и др. Причем, в правовых доктринах отдельных государств четко определено положение о наличии суверенитета у субъектов Федерации. Однако, как свидетельствует государственная практика, эти законодательные предписания имеют лишь формальный характер [2].

Таким образом, что Федерация – одна из форм политико-территориальной организации государственной власти, при которой составляющие ее части, являющиеся государственными образованиями, юридически оформленными релятивной самостоятельностью.

Характерными чертами такого государства являются:

- 1) наличие двух уровней органов власти;
- 2) конституционное закрепление распределения власти;
- 3) наличие государственных институтов, обеспечивающих процесс взаимодействия между органами власти;
- 4) предпосылки образования: национально-этнические, исторические, географические (территориальные), языковые, смешанные.

В зависимости от распределения компетенции между органами власти Федерации бывают централизованными и децентрализованными. Следовательно, стоит акцентировать, что децентрализация как основа организации публичной власти присуща для государств с различными формами территориального устройства, то есть характерна и для унитарных государств и федераций.

Итак, федерализация основывается на определенной политико-правовой идеологии и является основой перехода к федеративному национально-территориальному устройству государства. По своей сущности к федерализации в определенной степени, приближается, децентрализация, однако между этими научными парадигмами имеются принципиальные различия. Децентрализацию необходимо рассматривать, прежде всего, как процесс передачи полномочий между различными уровнями исполнительной власти. В основу федерализации положен, в свою очередь, принцип организации государственного устройства, которое ставит целью перераспределение публичной власти. Итак, федерализация основывается на определенной политико-правовой идеологии и является основой перехода к федеративному национально-территориальному устройству государства.

Что касается деволюции, то она также является подтипом административной децентрализации, составляет основу для политической децентрализации. Ее сущность заключается в передаче полномочий и функций, принадлежащих центральным органам власти к компетенции органов местного самоуправления. Это означает, что принятие решений, управление ресурсами и источниками доходов полностью переходят к местным органам власти. Так власть на местах получает самостоятельность и полную независимость от центральных органов власти. В делегированной системе как форме децентрализации власти, местные органы власти имеют четкие и юридически признанные географические границы, на территории которых они осуществляют власть и в рамках которой они выполняют общественные функции. Стоит заметить, что именно такой тип административной децентрализации является основой для политической децентрализации [8].

Анализ специальной литературы дает основания утверждать, что отдельные авторы выделяют, кроме указанных трех форм административной децентрализации власти еще и дивести́рование. Дивести́рование, как форма децентрализации власти, понимается как передача в волонтерские и общественные организации планирования, административной власти или других функций органов публичной власти. При этом дивести́рование довольно часто осуществляется с частичной передачей административных функций в сочетании с частичной приватизацией [10].

Финансовая или налоговая децентрализация заключается в передаче права распоряжаться источниками доходов от органов центральной власти на местах. Такая форма децентрализации власти обеспечит: самостоятельное формирование местных бюджетов; утверждение местных бюджетов

независимо от сроков принятия государственного бюджета.

Впрочем, в правовой науке существует несколько иное мнение по поводу соотношения явлений децентрализации и федерализации. Так, по мнению А.А. Мишина, одной из разновидностей процесса децентрализации публичной власти является федерализация внутригосударственных отношений, которая, в свою очередь, проявляется в двух формах. Во-первых, построение классической Федерации. Федерация создается там и тогда, где существуют значительные различия в национально-этническом составе населения страны, исторических, культурных особенностях, значительных территориальных различиях. Во-вторых, построение унитарного государства с региональной автономией привычно связывается с введением укрупненных административно-территориальных единиц, как это имело место в странах Западной Европы [7].

Мы не можем согласиться с таким подходом, поскольку анализ упомянутых явлений свидетельствует, что они затрагивают разные аспекты публичной власти, но могут и сочетаться, и существовать совершенно независимо.

Ключевым же различием между децентрализацией и федерализацией как способами организации публичной власти является то, что первая касается лишь управленческих полномочий исполнительной власти, тогда как вторая охватывает также и законодательную власть в государстве. Здесь стоит согласиться с мнением правоведов о том, что децентрализация может служить предпосылкой для дальнейшей федерализации страны [10].

Основная цель федерализации в трудах ученых-юристов заключается в закреплении прав национальных меньшинств. Для успешного функционирования современной модели федерализма, обеспечения целостности государства и одновременно баланса интересов государства и ее субъектов, необходимо учитывать многонациональный состав государства, проводить правильную национальную и социально-экономическую политику. Необходимо отметить, что национально-этнический фактор является основой для федерализации России [5].

Ученые, в частности, обосновывая свою позицию, опираются на опыт зарубежных стран. Так, например, в Канадской федерации, один из ее 10 субъектов, а именно провинция Квебек сформирована именно на этнонациональных предпосылках. Хотя и действительно этнонациональный фактор в приведенном случае был основным, в настоящее время община провинции Квебек поддерживает

идею выхода из Федерации и превращения в самостоятельное государство [2].

Национально-этнический фактор был одной из основных для изменения формы государственного устройства в Бельгии. Последняя, постепенно, благодаря конституционным реформам территориальной организации государства в 1970 г., 1980 г., 1988 г., 1993 г. осуществила изменение формы государственного устройства страны с унитарного государства на Федерацию. В этом случае, целью федерализации Бельгии было урегулирование внутригосударственного языкового конфликта между населением этой страны [1]. Процесс федерализации в Бельгии и сегодня еще не завершен и заключается в введении равноправного правового статуса для всех этнонациональных меньшинств; проведении реформ поэтапно, демократическим путем; решении языкового вопроса на законодательном уровне. Несмотря на то, анализ трудов ученых-теоретиков, дает основания для вывода о том, что, хотя федерализация и имеет место в пра-

вовых процессах Бельгии, однако существует ряд негативных факторов (внешнее политическое влияние других стран; отсутствие единой нации; господство монархических ценностей в государстве; противоречие внутренних и международных норм права), обуславливающих в будущем смену федеративной формы государственного устройства на другую [1]. Причем, децентрализационные процессы в Федеративной Республике Бельгия являются основой для ее существования в современной форме государственного устройства.

Итак, анализ определений понятия государства дает основания для выводов о том, что под созданием государства необходимо понимать многогранный и непрерывный процесс, осуществляемый на основе четко поставленных целей и разработанной соответствующей стратегии развития государства, который включает в себя также и определение роли и места органов публичной власти в этом процессе.

Литература

1. Бирюков С.В. Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма // Вестник Московского университета, 2009. № 4. С. 21 – 37.
2. Гумашвили Л.Э. Современное конституционно-правовое развитие Чеченской Республики в системе российского федерализма: монография / Чеченский гос. пед. ин-т, Гуманитарный фак. Назрань: Пилигрим, 2009. 207 с.; 21 см.; ISBN 978-5-98993-139-2
2. Гумашвили Л.Э. Конституционно-правовое понятие и содержание взаимоотношений федерального центра и субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 21.
3. Дзидзоев Р.М. Вопросы федеративного устройства в обновленной Конституции России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 29 – 41.
4. Добрынин Н.М. Российский федерализм и федерация: конъюнкция смыслов и реалий // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 71 – 79.
5. Иналкаева К.С. Проблемы разграничения предметов ведения между федеральным центром и субъектами // Право и политика. 2014. № 6. С. 746 – 753. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12244
6. Иналкаева К.С. Особенности генезиса российского государственного устройства // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции. Грозный, 30 апреля 2021 г. С. 111 – 115.
7. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М.: Городец; Формула права, 2004.
8. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов" (17-е издание, исправленное и дополненное). М.: Статут, 2013.
9. Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ: Учебное пособие. РОССПЭН, 2008. С. 21 – 36.
10. Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Кененова И.П. и др. Организация государственной власти в России и зарубежных странах: учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014.
11. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little Brown, 1964.
12. Фомичева О.А. Конституционно-правовые основы регулирования федеративных отношений в России [Электронный ресурс]: проблемы теории и практики: Монография. Электрон. текстовые данные. Саратов: Вузовское образование, 2014. 230 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/19535.html>. ЭБС «IPRbooks»
13. Федорев М.Н. Конституционно-правовые принципы российского федерализма // Право и политика. 2013. № 4. С. 473 – 482. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.04.4

References

1. Birjukov S.V. Bel'gijskij federalizm kak model' krizisa evropejskogo federalizma. Vestnik Moskovskogo universiteta, 2009. № 4. S. 21 – 37.
2. Gumashvili L.Je. Sovremennoe konstitucionno-pravovoe razvitie Chechenskoj Respubliki v sisteme rossijskogo federalizma: monografija. Chechenskij gos. ped. in-t, Gumanitarnyj fak. Nazran': Piligrim, 2009. 207 s.; 21 sm.; ISBN 978-5-98993-139-2
2. Gumashvili L.Je. Konstitucionno-pravovoe ponjatie i sodержanie vzaimootnoshenij federal'nogo centra i sub#ektov Rossijskoj Federacii. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 11. S. 21.
3. Dzidzoev R.M. Voprosy federativnogo ustrojstva v obnovlennoj Konstitucii Rossii. Juridicheskie issledovani-ja. 2020. № 7. S. 29 – 41.
4. Dobrynin N.M. Rossijskij federalizm i federacija: kon#junkcija smyslov i realij. Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2020. № 2. S. 71 – 79.
5. Inalkaeva K.S. Problemy razgranichenija predmetov vedenija mezhdru federal'nym centrom i sub#ektami. Pravo i politika. 2014. № 6. C. 746 – 753. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12244
6. Inalkaeva K.S. Osobennosti genezisa rossijskogo gosudarstvennogo ustrojstva. Puti povyshenija urovnja pravosoznaniya i pravovoj gramotnosti v sovremennom grazhdanskom obshhestve: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Groznyj, 30 aprelja 2021 g. S. 111 – 115.
7. Konjuhova I.A. Sovremennij rossijskij federalizm i mirovoj opyt: Itogi stanovlenija i perspektivy razvitija. M.: Gorodec; Formula prava, 2004.
8. Mishin A.A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran: uchebnik dlja vuzov" (17-e iz-danie, ispravlennoe i dopolnennoe). M.: Statut, 2013.
9. Mironjuk M.G. Sovremennij federalizm: Sravnitel'nyj analiz: Uchebnoe posobie. ROSSPJeN, 2008. S. 21 – 36.
10. Avak'jan S.A., Arbuzkin A.M., Kenenova I.P. i dr. Organizacija gosudarstvennoj vlasti v Rossii i zarubezhnyh stranah: uchebno-metodicheskij kompleks. ruk. avt. kol. i otv. red. S.A. Avak'jan. M.: Justicinform, 2014.
11. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little Brown, 1964.
12. Fomicheva O.A. Konstitucionno-pravovye osnovy regulirovanija federativnyh otnoshenij v Rossii [Jelektronnyj resurs]: problemy teorii i praktiki: Monografija. Jelektron. tekstovye dannye. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2014. 230 c. Rezhim dostupa: <http://www.iprbookshop.ru/19535.html>. JeBS «IPRbooks»
13. Fedorec M.N. Konstitucionno-pravovye principy rossijskogo federalizma. Pravo i politika. 2013. № 4. C. 473 – 482. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.04.4

*Inalkaeva K.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State Pedagogical University*

ON UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE FEDERAL STRUCTURE OF THE STATE: SOME QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract: the main goal of this work is to form the foundations of legal consciousness and legal culture in the process of introducing students to the necessary minimum of legal knowledge, awakening interest in law, and educating a law-abiding citizen. The process of upbringing is understood by us both in a narrow and in a broad sense. In this case, we approach the problem of education from the study of the modern model of federalism. The object of the research is the issues of federalism. Federalism is characterized by the distribution of spheres of competence between the central authorities and the authorities of its territorial entities. The concept of federalization, which is a gradual unification on the basis of federalism, and the concept of federalism, which is the principle of organizing public power, must be distinguished. To a large extent, this is due to the fact that many CIS countries are still characterized by excessive centralization of power, multiplied by the constitutional and legal uncertainty of the territorial basis. The research methodology includes both general scientific research methods and private scientific methods: formal legal, comparative legal, systemic, the combination of which allowed the author to determine the degree of strengthening the role of federalization of public authorities. At the same time, despite the existence of different approaches to many aspects of this issue, an indisputable fact and the primary task of state building in the context of the European integration space is precisely the strengthening of the role of federalization of public authorities. The author concludes that the unity of state power is a defining property of any state, for the successful functioning of the modern model of federalism, ensuring the integrity of the state and at the same time balancing the interests of the federal center and its subjects, it is necessary to take into account its multinational composition, to pursue the correct national and socio-economic policy.

Keywords: federalism, public authority, legislation, state structure, devolution, legal personality, separation of powers

Калашикова Л.М., кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Владивостокский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация: в статье представлен анализ современного состояния исследований по проблеме культуры реализации права государственных служащих, рассмотрены составляющие исследуемого феномена: государственный служащий, право, культура, реализация. Исследованы современные представления о правовой культуре и выделены основные компоненты. Сформулировано понимание культуры реализации права как синтез правовых потребностей, интересов и ценностей субъекта правоотношения, направленных на выполнение практических юридических функций. Рассмотрена система правовых ресурсов субъектов права и выделены существенные признаки: коммуникативный, процессуально-деятельностный и результативно-продуктивный, на основании которых выявлены компоненты культуры государственных служащих: культура мышления, культура поведения, стиль деятельности субъектов юридических коммуникаций и поведенческое творчество. Исходя из выявленных компонентов культуры реализации права государственными служащими определены направления правового обучения, направленного на формирование культуры реализации права.

Ключевые слова: право, государственный служащий, культура, правовая культура, реализация

В современном обществе наряду со спорами по правоприменительной практике периодически возникают дискуссии по проблеме профессиональной правоприменительной культуры и этики государственных служащих, что говорит о заинтересованности в указанной проблематике. Вместе с тем, за последние 10 лет в философских, социологических, педагогических и юридических исследованиях (по данным сайта ВАК, объявления о защитах) указанной проблеме уделено внимание в 9 научных работах, что может говорить о недостаточном исследовании проблематики применения культуры права. При этом, в исследованиях отмечается, что формирование правовой культуры личности неотделимо и происходит во взаимосвязи и взаимовлиянии с другими видами культур – профессиональной, моральной, эстетической и др., с общей целью, направленной на создание морально-правового климата в обществе с гарантией личности реальной свободы поведения в соединении с ответственностью перед обществом.

Рассмотрим подробнее составляющие культуры реализации права государственных служащих.

Государственный служащий – это гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Исходя из представленного определения, государственный служащий является представителем государства, выполняет его функции и от его имени реализует государственные нормативные акты. Посредством государственных служащих через реализацию ими норм права граждане взаимодействуют с государством.

Право представляет собой совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения

людей в обществе [5]. Исторический анализ трансформации понятия «право» позволяет представлять его как составной компонент общественной жизни, вбирающий в себя ценности цивилизации и культуры.

Культура – в общем понимании представляет собой совокупность достижений человечества в «...общественном и духовном отношении» [4].

Исходя из представленных понятий «право» и «культура» можно резюмировать, что, посредством права как части культуры общества определяется один из её видов – правовая культура или культура права.

И последнее понятие «*реализация*» – представляет собой осуществление, приведение в исполнение чего-либо [4].

Исходя из рассмотренных понятий и опираясь на юридический контекст, реализацию права представим в виде процесса воплощения правовых норм субъектами права. Посредством реализации права происходит воплощение в действиях граждан, юридических лиц, государственных органов, должностных и иных лиц предписаний действующих норм права.

Далее, с опорой на определенные понятия государственного служащего, права, культуры и реализации исследуем феномен *культуры реализации права государственных служащих*.

Современные представления о правовой культуре выделяют её в самостоятельную сферу культуры, и, в общем понимании, представляют, как развитое состояние правовой жизни общества, проявляющееся в:

- совершенствовании нормотворчества;
- правоприменительной практике;
- правосознании как общества в целом, так и

правовом развитии отдельной личности, в частности;

– взаимной ответственности государства и личности, направленной на поддержание условий существования общества [3].

Исходя из современных представлений о правовой культуре и её взаимосвязи с другими видами культур можно сделать вывод об уровне развития общей культуры общества. При этом, развитие правовой культуры общества показывает на уровень сформированности морально-правового климата с гарантией свободы поведения личности в соединении с ответственностью перед обществом, что коррелируется с высказыванием М.Б. Смоленского, что «правовая культура – это процесс и результат творчества человека в сфере права» [6].

Культура реализации права отличается от иных феноменов культуры тем, что является особым видом практической деятельности по применению правовых феноменов, включая и реализацию правовых обязанностей.

Культура реализации права оказывает существенное воздействие, как на правотворчество, так

и на деятельность законодателей, так и на качество законодательных ресурсов [1].

Исходя из вышеизложенного сформулируем понимание культуры реализации права как *синтез правовых потребностей, интересов и ценностей субъекта правоотношения, направленных на выполнение практических юридических функций.*

Переходя к рассмотрению правовой культуры государственных служащих, осуществляющих профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы, выделим понимание того, что их деятельность, помимо исполнения непосредственных должностных обязанностей оказывает существенное влияние на функционирование социальных механизмов государства, реализацию законов, правотворчество, принципы и методы деятельности органов власти, формирование общественного правосознания, что нацеливает на повышение их правовой компетентности. Рассмотрим подробнее систему правовых ресурсов, используемых различными субъектами права – личностью, обществом и государственными институтами, представленную на рис. 1.

Рис. 1. Система правовых ресурсов субъектов права

Исходя из системы правовых ресурсов субъектов права, выделим её существенные признаки:

– исходя из взаимодействующих характеристик государственных структур и общества и отдельной личности выделим *коммуникативный* признак;

– поскольку культура реализации права характеризуется своей процессуальностью, это позволяет выделить *процессуально-деятельностный* признак;

– исходя из того, что культура как деятельность конкретного субъекта права – физического, юридического лица, государства, его структур, институтов гражданского общества – воспроизводит юридически, социально и нравственно значимые феномены, выделим *результативно-продуктивный* признак, заключающийся в целях достижения максимально значимых результатов.

Выделенные признаки позволяют определить компоненты культуры реализации права государственными служащими:

– *культура мышления*, рефлексия правовых явлений, процессов, тенденций, противоречий и т.д., воздействующих на культуру деятельности государственного служащего по реализации норм права и на её результативность с развитым умением обосновывать свои позиции, оперирование юридическими фактами, понимание духа права и его смысла.

– *культура поведения, стиль деятельности субъектов юридических коммуникаций*, закреплённая в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [7] и

содержащая ориентиры адекватного поведения правоприменителей. Культура поведения, стиль деятельности субъектов юридических коммуникаций необходим в любых юридических коммуникациях.

– для субъекта культуры реализации права характерно *поведенческое творчество*. В юридическом процессе имеются возможности для творческой самореализации, не выходящей за пределы соответствующих стандартов, регламентов, предписаний.

Исходя из выявленных компонентов культуры реализации права государственными служащими представляется необходимым проведение периодических мероприятий по правовому обучению с:

– формированием личного восприятия государственно-правовых явлений и их особенностей, осознание роли личности в системе общественных отношений;

– выработкой навыков правомерного поведения личности, закрепление положительных мотивов активного участия в общественной жизни, принятия ответственных решений и действий согласно правовым нормам;

– формирование правовых представлений, понятий, взглядов, убеждений в личном правовом сознании;

– формирование привычки действовать в соответствии с требованиями права и морали;

– воспитание нетерпимости к нарушениям права и морали;

– воспитание убеждённости в необходимости строгого соблюдения законов [2].

Литература

1. Культура реализации права и её роль в гармонизации конструктивных интересов субъектов юридических отношений. Анализ теоретико-методологических исследований. М.: Издание Государственной Думы, 2015. 80 с.

2. Кучмезов Р.А. Формирование правовой грамотности студентов как актуальная педагогическая задача // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 159 – 160.

3. Общая теория права и государства / Под ред. В. Лазарева. М., 1994. С. 167.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

5. Алексеев С.С. Теория права. (Главы 1, 4). Москва: Изд-во «БЕК», 1994 г.

6. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 26.

7. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21))

8. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации», ст. 10.

References

1. Kul'tura realizacii prava i ejo rol' v garmonizacii konstruktivnyh interesov sub#ektov juridicheskikh otnoshenij. Analiz teoretiko-metodologicheskikh issledovanij. M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2015. 80 s.
2. Kuchmezov R.A. Formirovanie pravovoj gramotnosti studentov kak aktual'naja pedagogicheskaja zadacha. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. № 3 (82). S. 159 – 160.
3. Obshhaja teorija prava i gosudarstva / Pod red. V. Lazareva. M., 1994. S. 167.
4. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1991.
5. Alekseev S.S. Teorija prava. (Glavy 1, 4). Moskva: Izd-vo «BEK», 1994 g.
6. Smolenskij M.B. Pravo i pravovaja kul'tura kak bazovaja cennost' grazhdanskogo obshhestva. Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 11. S. 26.
7. Tipovoj kodeks jetiki i sluzhebного povedenija gosudarstvennyh sluzhashhih Rossijskoj Federacii i municipal'nyh sluzhashhih (odobren resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po protivodejstviyu korrupcii ot 23 dekabrya 2010 g. (protokol N 21))
8. Federal'nyj zakon ot 27.05.2003 N 58-FZ (red. ot 02.07.2021) «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii», st. 10.

*Kalashnikova L.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Vladivostok State University*

FORMATION OF A CULTURE OF REALIZATION OF THE RIGHT OF CIVIL SERVANTS

Abstract: the article presents an analysis of the current state of research on the problem of the culture of the implementation of the rights of civil servants, the components of the phenomenon under study are considered: civil servant, law, culture, implementation. Modern ideas about legal culture are investigated and the main components are highlighted. An understanding of the culture of the implementation of law is formulated as a synthesis of legal needs, interests and values of the subject of legal relations, aimed at performing practical legal functions. The system of legal resources of subjects of law is considered and essential features are highlighted: communicative, procedural-activity and productive, on the basis of which the components of the culture of civil servants are identified: culture of thinking, culture of behavior, style of activity of subjects of legal communications and behavioral creativity. Based on the identified components of the culture of the implementation of the law by civil servants, the directions of legal training aimed at the formation of a culture of the implementation of the law are determined.

Keywords: law, civil servant, culture, legal culture, implementation

*Оксамытний В.В., доктор юридических наук., профессор,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
Цветикова Т.В., аспирант,
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: построение законопослушного общества и правового государства трудно представить себе без формирования высокой правовой культуры отдельной личности, составляющий элемент, как первого, так и второго образований. В то же время если человека окружают люди, придерживающиеся негативной или безразличной позиций в отношении необходимости соблюдения норм закона, то ему будет крайне затруднительно самостоятельно выработать иную точку зрения на необходимость существования того или иного правового института. Государство в лице компетентных органов также направляет процесс на повышение или игнорирование правовой культуры. Следовательно, как личность влияет на правомерность действий общества и государства, так и указанные институты принимают определенное участие в стимулировании отдельных людей к соблюдению норм права или их отрицанию в своей повседневной жизни. Для того, чтобы с правовых позиций все три указанных компонента существовали и развивались гармонично, нужна солидарная воля на повышение правовой культуры и со стороны общественных и государственных структур, и отдельных индивидов.

Наиболее действенным механизмом в указанном случае является комплекс мер, в разработке и реализации которых участвуют и должностные лица властных структур, и общественные объединения и организации, как формального, так и неформального типов, и сами люди, движимые сознание о необходимости следования законодательным положениям в своей жизнедеятельности.

Ключевые слова: правосознание, правомерное поведение, правовая культура, правовое воспитание личности, общественные объединения и организации, государственные властные структуры

Введение

Формированием правовой культуры личности закладываются основы правового государства и законопослушного общества, ведь только от желания каждого человека зависит, будет ли он находиться в атмосфере всеобщего уважения, справедливости, заботы или, наоборот, погрузиться в состояние «войны всех против всех». Однако, любые намерения индивидов как позитивного, так и негативного свойств, не формируются сами по себе, а стимулируются окружающей средой. Поэтому внутреннее осознание человеком потребности в соблюдении или нарушении установленных норм, невозможно себе представить без участия государства и общества.

Актуальность в поиске баланса между индивидуальными представлениями о природе правовой культуры и установками общественного и государственного масштабов обусловлена опасностью роста случаев правового нигилизма, которые все больше встречаются в последние годы не только в среде подростков, но также у представителей взрослого населения.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы раскрыть взаимосвязь того или иного уровня правовой культуры отдельных людей и роли государства и общества в процессе ее формирования. **Задачи** работы заключаются, во-первых, в описании сущности взаимодействия правовой культуры

на уровнях личности, общества и государства; во-вторых, в анализе положительного и отрицательного путей взаимодействия данной категории на всех трех ступенях; в – третьих, даются рекомендации по гармонизации существования категории правовой культуры на стадии личностного формирования, развития общества и государства.

Объектом изучения является категория «правовая культура»; **предметом** исследования выступает ее соотношение в понимании отдельной личности, общества и государственной доктрины.

Для рассмотрения представленной тематики используются **нормативно-правовые акты** общего характера: конституционные положения, статьи гражданского, административного, уголовного и т.д. кодифицированных источников как российского, так и зарубежного образцов.

Их сведения дополняются **историографией**, включающей работы В.В. Лазарева, В.В. Оксамытного, Т.Н. Ратько, Н.А. Власенко и т.д.

В публикации использованы такие **методологические приемы**, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, прогнозирование. Как показывает практика, правовое государство невозможно сформировать, если население относится к праву безразлично или прямо игнорирует его существование, погружаясь в правовой нигилизм. Поскольку общество и государство складываются из отдельных личностей, большое внимание уделяется

закладыванию правовых ценностей именно на уровне индивидов.

Основную роль здесь играет правовое воспитание, которое представляет собой деятельность уполномоченных субъектов по формированию высокого правосознания и правовой культуры личности. Под правосознанием, в свою очередь, понимают часть сознания, которая образована системой правовых взглядов, понятий, идей и чувств, преобразуемых в оценку и осознание действующих правовых требований.

Иными словами, правосознание является тем механизмом, который побуждает человека следовать нормам права или игнорировать их в своей повседневной жизни. От индивидуальной фазы данная категория может развиваться до высшей ступени, когда индивид не только осознает необходимость существования правовых институтов и следует законным нормам в своей повседневной жизни, но также стремится объединить вокруг себя сторонников правомерного поведения.

Когда правосознание реализуется в конкретных действиях личности, то речь идет о правовой культуре.

Законопослушный гражданин не пойдет на нарушения действующих норм права не только из-за боязни осуждения со стороны общества или государственных структур, но также по мотивам внутренней потребности.

Стимулировать человека к выполнению норм права эффективнее всего, начав с его воспитания в этой сфере. В него включаются такие агенты, как семья, друзья и ближайшее окружение, сотрудники образовательных учреждений, коллеги в трудовых коллективах и иные субъекты. [1, с. 615-639].

В правовой культуре личности выделяют три стадии осознания указанной категории: обыденный, теоретический и профессиональный [2, с. 350-351].

Первая ступень связана с реализацией норм права без их глубокого осознания. Например, пешеход переходит проезжую часть только в установленных для этого местах и на разрешающий сигнал светофора.

Второй уровень говорит о понимании индивидом ценности права в окружающей действительности и необходимости выполнения его положений не только под страхом наказания, но и для обеспечения соблюдения интересов других субъектов правоотношений: здесь уже Правила дорожного движения соблюдаются им не только исходя из индивидуальной потребности, но также в целях профилактики аварийных ситуаций на дорогах, которые могут привести к массовым заторам или гибели людей.

Наконец, третий уровень свидетельствует о внутренней потребности человека соблюдать законы и подзаконные акты; в противном случае он испытывает дискомфорт; эта стадия наиболее ярко выражена в поведении людей, занятых в юридической деятельности, а также у служащих законотворческих структур органов власти. На этом уровне человек уже старается стимулировать к выполнению установленных правил свое ближайшее окружение, прежде всего, через убеждения и внушения.

Для того, чтобы образовались законопослушное общество и правовое государство необходимо, чтобы основная масса населения обладала уровнем индивидуальной правовой культуры не ниже теоретического.

К факторам, определяющим правовую культуру личности и общества, относят следующие обстоятельства:

- уровень правосознания, т.е. не только знание права, его отдельных положений и институтов, но и готовность руководствоваться ими в своей жизнедеятельности;

- состояние законодательной базы, определяющее ее актуальность в окружающей обстановке;

- степень совершенства судебной системы, что определяется объективностью судей и иных лиц, задействованных в разбирательстве гражданских и уголовных дел;

- наконец, нельзя не учитывать и корпоративные интересы в становлении и реализации правовой культуры, например, функционирование политических партий и общественных объединений, подобных профессиональным союзам.

По субъектам правовая культура, как и правосознание, подразделяется на индивидуальную, групповую и общественную [3, с. 323-329].

Имеется и разделение данной категории по ступеням формирования на личностный, социально-групповой и общественный уровни. При этом на первой стадии человек обнаруживает степень индивидуальной информированности о правовых ценностях; делает попытки соотносить свои потребности со стандартами поведения, существующими в окружающей действительности. Подразумевается, что индивид неизбежно входит в различные социальные группы по возрастному, территориальному или профессиональному критериям, в связи с чем он приобщается к правилам функционирования данных систем. Наконец, совокупность правовых ценностей эпохи находит свое окончательное отражение в правилах поведения, характерных для общества или государства в целом [4, с. 382-383].

Нельзя исключать и мировое сообщество, которое вносит свои коррективы в национальные пра-

новые системы. Соотношение правовой культуры личности с общепринятыми правилами поведения рассматриваются три основные модели поведения.

Низкий уровень правовой культуры личности ведет к появлению субъектов маргинального, или комформистского, типа. Для его представителей характерен правовой нигилизм, выражающийся как в индивидуальном пренебрежении существующими нормами (оскорблениями окружающих, нарушениями порядка в общественных местах и т.д.), так и в организации массовых беспорядков и даже вооруженных конфликтов, включая международные и межконфессиональные противоборства.

Надлежащая правовая культура реализуется через точное следование установленным положениям права в конкретном обществе или государстве. Так, если законом устанавливается запрет на кражу чужого имущества, то подобные лица воздерживаются от противоправных действий.

Наконец, высокий уровень данной категории предполагает, что человек не только придерживается сам установленных норм, но и активно демонстрирует свое поведение окружающим. Именно такие индивиды становятся участниками народных дружин.

Существует и исторический аспект формирования правовой культуры, начиная от личности и заканчивая обществом [5, с. 7; 264-269]. Так, в эпоху первобытнообщинного строя существовал культ вождя. Все соплеменники подчинялись ему; после кончины предводителя, как правило, в результате проведения военной компании, считалось достойным съесть часть его тела, тем самым став причастными к его доблести.

В условиях рабовладельческой формации правовая культура отдельной личности и общества в целом диктовала необходимость для низшего сословия (рабов) всецело подчиняться воли господствующего класса (рабовладельцев). На ранней стадии указанного периода раб рассматривался как орудие производства, а не в качестве живого существа; его хозяин мог не только побить подчиненное ему лицо, но и убить его. Закон подобное не запрещал, поскольку в условиях активных внешних завоеваний поработанные народы поступали в государства-завоеватели в большом количестве.

В то же время убийство хозяина каралось казнью не одного, а целой группы рабов, принадлежащих ему. Достаточно вспомнить Законы Хаммурапи и другие источники права этого периода.

В условиях феодализма убийство господином своего прислужника было скорее исключением, чем правилом, поскольку требовалось большее число зависимых лиц, специализация которых

различалась от сельскохозяйственных работ до устройства быта хозяина.

При капитализме в основном имела место экономическая зависимость работников предприятий от фабрикантов и заводчиков, а также крестьян от помещиков. Господа должны были предоставлять служащим в домах не только помещение, используемое под жилье и еду, но и выделяли и определенное материальное вознаграждение.

Что касается рабочих на производстве, то им выдавали заработную плату, размер которой, однако, мало соответствовал тяжести труда и его условиям.

Неслучайно, история знает множество буржуазных революций и восстаний представителей народа за свои права. Кроме того, в мировом масштабе стали появляться конституции, которые разграничивали свободы народа и полномочия государства. Таким образом, личность постепенно превращается в субъекта права со своими свободами и обязанностями как внутри общества, так и на государственном уровне.

Можно сказать, что при переходе от одной исторической эпохи к другой происходит революция в понимании обществом и государством роли личности в формировании правовой системы: это уже не послушная субстанция, а самостоятельный компонент, без которого вся структура теряет свою устойчивость.

Также разграничиваются правовые системы восточного и западного образцов, а также национальные правовые доктрины.

Даже в условиях существования советского государства признавалась ценность права, которая состояла в том, чтобы обеспечивать на уровне государства удовлетворение правомерных потребностей граждан, в чем заключалась, по мнению идеологов юридической науки, социальная справедливость.

В свою очередь, данный элемент реализовывался по следующим направлениям. Во-первых, следование правовым нормам побуждало государство к справедливому распределению материальных благ. Так, в Советском Союзе, работники вредных и опасных производств законодательно имели более высокую заработную плату, чем представители других профессий данной группы, а также служащие. Кроме того, им предоставлялись дополнительные отпуска, они имели льготы на отдых и лечение в санаториях не только российских, но и союзного уровней.

Далее следует отметить, что через формирование общей правовой воли общества закладываются основы осуществления отдельных правоотношений. Это подразумевает не подавление частной

воли, а ее соотнесение с интересами отдельных социальных групп и общества в целом.

Право же определяет и границы индивидуальной свободы в обществе и государстве. Иными словами, каждый индивид даже в эпоху существования советского государства должен был соотносить свои интересы с потребностями других людей. Особо охранялось государственное имущество, которое служило базисом обеспечения стабильности всей страны и ее населения.

Наконец, основные ценности права советского образца состояли в том, чтобы обеспечить справедливое распределение материальных благ между различными группами населения и равенство всех граждан пред законом независимо от таких характеристик как происхождение, материальное положение, социальный статус и других юридически значимых качеств.

Подобно предыдущей точке зрения, ценность права выступает фактором обновления общества согласно историческому ходу общественного развития. В итоге признается планетарное значение ценности права, независимо от формационного устройства [6, с. 127-129]. Тем самым, автор указанной точки зрения фактически признает необходимость существования и правосознания и правовой культуры как связующих звеньев стабилизации общества и государства. При этом подразумевается не только обобщенная правовая доктрина конкретного исторического периода, но и реализация правовых установок в деятельности отдельных лиц.

Существует также интерпретация правового статуса личности через соотношение положения отдельного человека в государстве. В этом контексте положение каждого индивида рассматривается через совокупность законодательно закрепленных за ним субъективных прав и юридических обязанностей. При этом первая из указанных категорий связана с пределами возможного поведения; вторая же отвечает за действия принудительного характера. Так, любой гражданин, согласно конституционным положениям, может участвовать в выборах разного уровня на территории, где проживает, в т.ч. быть избранным на различные государственные и муниципальные должности [7, ст. 4].

В то же время за ним закрепляется обязанность периодически вносить налоговые и иные обязательные платежи для поддержания местного, регионального или федерального бюджетов [8, ст. 50]; представители мужского населения обязаны проходить службу в вооруженных силах страны для обеспечения ее безопасности и целостности [9, ст. 1; 2 и т.д.].

Более конкретизируется правовая культура личности в рамках различных кодифицированных источников права и законах и подзаконных актах. Так, в рамках гражданского законодательства Российской Федерации, помимо выделения общих черт субъекта соответствующих правоотношений, имеются ссылки на их специфику, в частности в рамках различных договоров и соглашений. [10, часть I, ст. 18; 21; часть II].

Подобные подходы существуют и в других нормативно-правовых системах: налоговом [11, часть I ст. 9; раздел II главы 3; 3.1; часть II]; земельном [12, ст. 5 и т.д.]; трудовом [13, ст. 6; 15; 20 и т.д.]; уголовном [14, глава 10]; административном [15, ст. 2.3; 2.4; 2,5 и т.д.] законодательных источниках.

Положение специальных субъектов, представляющих собой отдельные категории лиц по разным критериям отражаются в таких федеральных и иных правовых источниках, как «Декларация прав ребенка», на базе которой была разработана и принята соответствующая Конвенция [16]; Федеральные законы «О ветеранах» [17]; «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [18] и т.д.

За рубежом правовую культуру личности, отдельных социальных групп формируют «Всеобщая декларация прав человека» [19]; Гражданский (1804) и Торговый (1807) кодексы и т.д. во Франции; Германское гражданское уложение, оказавшее влияние на отраслевую систему Японии, Китая, Греции. Что касается англо-американской правовой системы, то она построена на прецедентах, имеющих юридическую силу. В их разработке и утверждении участвуют представители палаты лордов; апелляционного суда и иных подобных структур в Великобритании. В США принятием и утверждением законопроектов занимается конгрессмены и сенаторы.

Создание Европейского союза также ознаменовалось появлением ряда нормативных источников, закрепивших и статус отдельной личности и социальных групп [20].

Таким образом, западные правоведы и юристы, как и их российские коллеги, полагают, что сформировать необходимую правовую доктрину государства и общества невозможно без наличия высокой правовой культуры у отдельных граждан. Поэтому большое внимание уделяется воспитательному процессу, начиная с первых дней жизни ребенка и заканчивая смертью индивида. В нем участвуют не только родители и ближайшее окружение конкретного субъекта, но также члены образовательных, трудовых коллективов, участники клубов и объединений разного характера.

Для того, чтобы гармонизировать формирование правовой культуры, как на низшем, так и на более высоких уровнях, необходимо разрабатывать и внедрять комплекс мер разнонаправленного действия. В частности, совершенствовать образовательные программы подготовки специалистов в сфере юриспруденции, предназначенных для будущих сотрудников правоохранительной системы. На отдельных участках уполномоченным должностным лицам следует своевременно выявлять неблагополучные семьи, где родители или иные родственники злоупотребляют алкоголем, наркотическими или психотропными веществами, вовлекают несовершеннолетних детей в занятие попрошайничеством, бродяжничеством или иным «криминальным ремеслом».

Для проверки благонадежности сотрудников соответствующих органов необходимо осуществлять ротацию кадров, выявлять и наказывать субъектов, замеченных в различных формах коррупционной деятельности; при этом на законодательном уровне следует ужесточить ответственность за соответствующие противоправные деяния.

Наконец, для предупреждения рецидива в среде лиц, совершивших преступные посягательства различной степени тяжести и общественной опасности следует наладить работу социальных и правоохранительных структур по их адаптации после освобождения из пенитенциарных учреждений; контролировать их трудовую или учебную деятельность; наблюдать за поведением по месту проживания; повседневного нахождения для предупреждения асоциальных или антисоциальных поступков.

Вывод

Таким образом, можно сказать, что влияние модификаций правовой культуры на личностном, общественном и государственном уровнях является взаимозависимым. Если индивид и формируется в конкретных условиях, то он все равно воспринимает те социальные стандарты, включая правовые ценности, которые приемлемы в тех социальных группах, в которые он включен, в т.ч. конкретного государства, основанного и существующего в определенный исторический период.

Литература

1. Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М.: Проспект, 2010. С. 615 – 639.
2. Проблемы теории права и правореализации: учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с. (Учебник Казанского университета). С. 350 – 351.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие (2-е изд., перераб., доп. и испр.). М.: Проспект, 2011. С. 323 – 329.
4. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 382 – 383.
5. Оксамытный В.В. Юридическая компаративистика: Учебный курс для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 264 – 269.
6. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. С. 127 – 129.
7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Ст. 4.
8. «Налоговый кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 31.07. 1998г. № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2022г.). Ст. 50.
9. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.). Ст. 1; 2 и т.д.
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022г.) Ст. 18; 21; (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.)
11. «Налоговый кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 31.07. 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2022г.) Ст. 9; раздел II главы 3; 3.1; часть вторая от 05.08.2000г. № 117-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.).
12. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022г.) Ст. 5 и т.д.
13. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.) Ст. 6; 15; 20 и т.д.
14. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г., с изм. от 18.07.2022г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022 г.). Глава 10.
15. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) Ст. 2.3; 2.4; 2.5 и т.д.

16. «Конвенция о правах ребенка» (принята в 1989 г.; Россия присоединилась 15.09.1990 г.).
17. Федеральный закон Российской Федерации от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ (ред. от 04.08.2022 г.) «О ветеранах».
18. Федеральный закон Российской Федерации от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.11.2021 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
19. «Всеобщая декларация прав человека» (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217A(III) от 10.12.1948) [Электронный ресурс]: URL: un.org (дата обращения: 07.09.2022 г.)
20. Общая характеристика гражданского права зарубежных стран [Электронный ресурс]: URL: be5.biz (дата обращения: 07.09.2022 г.)

References

1. Rad'ko T.N. Teorija gosudarstva i prava: ucheb. 3-e izd. M.: Prospekt, 2010. S. 615 – 639.
2. Problemy teorii prava i pravorealizacii: uchebnik. Otv. red. L.T. Bakulina. M.: Statut, 2017. 384 s. (Uchebnik Kazanskogo universiteta). S. 350 – 351.
3. Vlasenko N.A. Teorija gosudarstva i prava: uchebnoe posobie (2-e izd., pererab., dop. i ispr.). M.: Prospekt, 2011. S. 323 – 329.
4. Oksamytnyj V.V. Obshhaja teorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po napravleniju «Jurisprudencija». M.: JuNITI-DANA, 2011. S. 382 – 383.
5. Oksamytnyj V.V. Juridicheskaja komparativistika: Uchebnyj kurs dlja studentov magistratury, obuchajushhihsja po napravleniju podgotovki «Jurisprudencija». M.: JuNITI-DANA, 2015. S. 264 – 269.
6. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: uchebnik. Pod red. V.V. Lazareva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Jurist#, 1996. S. 127 – 129.
7. Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 28.06.2022g.) «Ob osnovnyh garantijah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii». St. 4.
8. «Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii» (chast' pervaja) ot 31.07. 1998g. № 146-FZ (red. ot 28.06.2022g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2022g.). St. 50.
9. Federal'nyj zakon ot 28.03.1998 g. № 53-FZ «O voinskoj objazannosti i voennoj sluzhbe» (s izm. i dop., vstup. v silu s 25.07.2022 g.). St. 1; 2 i t.d.
10. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii» (chast' pervaja) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (red. ot 25.02.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022g.) St. 18; 21; (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 g. № 14-FZ (red. ot 01.07.2021 g., s izm. ot 08.07.2021 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022 g.)
11. «Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii» (chast' pervaja) ot 31.07. 1998 g. № 146-FZ (red. ot 28.06.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2022g.) St. 9; razdel II glavy 3; 3.1; chast' vtoraja ot 05.08.2000g. № 117-FZ (red. ot 14.07.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022 g.)
12. «Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 25.10.2001 g. № 136-FZ (red. ot 14.07.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022g.) St. 5 i t.d.
13. «Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 30.12.2001 g. № 197-FZ (red. ot 14.07.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 25.07.2022 g.) St. 6; 15; 20 i t.d.
14. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996g. № 63-FZ (red. ot 14.07.2022 g., s izm. ot 18.07.2022g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 25.07.2022 g.). Glava 10.
15. «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» ot 30.12.2001 g. № 195-FZ (red. ot 14.07.2022 g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022 g.) St. 2.3; 2.4; 2.5 i t.d.
16. «Konvencija o pravah rebenka» (prinjata v 1989 g.; Rossija prisoedinilas' 15.09.1990 g.).
17. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 12.01.1995 g. № 5-FZ (red. ot 04.08.2022 g.) «O veteranah».
18. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 24.11.1995 g. № 181-FZ (red. ot 29.11.2021 g.) «O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii».
19. «Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka» (prinjata rezoljuciej General'noj Assamblei OON 217A(III) ot 10.12.1948) [Jelektronnyj resurs]: URL: un.org (data obrashhenija: 07.09.2022 g.)
20. Obshhaja harakteristika grazhdanskogo prava zarubezhnyh stran [Jelektronnyj resurs]: URL: be5.biz (data obrashhenija: 07.09.2022 g.)

*Oxamytny V.V., Doctor of Juridicaal Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov,
Tsvetikova T.V., Postgraduate,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky*

THE LEGAL CULTURE OF THE INDIVIDUAL AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE RULE OF LAW AND A LAW-ABIDING SOCIETY

Abstract: it is difficult to imagine the construction of a law-abiding society and a rule-of-law state without the formation of a high legal culture of an individual, which is an element of both the first and second formations. At the same time, if a person is surrounded by people who adhere to negative or indifferent positions regarding the need to comply with the law, it will be extremely difficult for him to independently develop a different point of view on the need for the existence of a particular legal institution. The State, represented by the competent authorities, also directs the process to increase or ignore the legal culture. Consequently, as a person influences the legality of the actions of society and the state, so these institutions take a certain part in stimulating individuals to comply with the norms of law or their denial in their daily lives. In order for all three of these components to exist and develop harmoniously from a legal point of view, a joint will is needed to improve the legal culture on the part of public and state structures, as well as individual individuals.

The most effective mechanism in this case is a set of measures, in the development and implementation of which officials of government structures, public associations and organizations, both formal and informal types, and people themselves, driven by the consciousness of the need to follow legislative provisions in their lives, participate.

Keywords: legal awareness, lawful behavior, legal culture, legal education of the individual, public associations and organizations, state power structures

*Пурге А.Р., кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет*

ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

Аннотация: объектом настоящего научного исследования является понятие и сущность процедуры экстракорпорального оплодотворения в соответствии с действующим законодательством России и Республики Таджикистан. В свою очередь, в качестве предмета настоящего исследования выступили нормы российского и таджикского законодательства, определяющие понятие и порядок проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения, соответствующие материалы сформированной правореализационной практики (статистические данные и данные медицинских сайтов); научные труды отечественных ученых, посвященные разработке выбранной темы.

Основными методами настоящего научного исследования выступили компаративистский анализ (он же – сравнительно-правовой метод), а также формально-юридический метод. Кроме того, в числе использованных автором методов научного познания объективной правовой действительности также логический метод, системно-структурный анализ, метод правового моделирования.

Научная новизна настоящего исследования заключается в проведении углубленного сравнительно-правового анализа особенностей законодательной регламентации сущности процедуры экстракорпорального оплодотворения как одного из методов вспомогательной репродукции (на примере Республики Таджикистан и России), а также формулировании собственного авторского определения последнего.

В качестве основного результата настоящего исследования автором разработано предложение о возможном перспективном закреплении легального определения понятия «экстракорпоральное оплодотворение» в положениях действующего законодательства России и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: понятие экстракорпорального оплодотворения, сущность экстракорпорального оплодотворения, легальное определение экстракорпорального оплодотворения, доктринальное определение экстракорпорального оплодотворения, законодательство России о экстракорпоральном оплодотворении, законодательство Республики Таджикистан о экстракорпоральном оплодотворении

Быстрые темпы развития научно-технического прогресса, затронувшего практически все государства мира (включая Россию, страны СНГ), привели к разработке и внедрению в медицинскую клиническую практику различных методов вспомогательной репродукции, включая экстракорпоральное оплодотворение. Их возникновение тесно связано с потребностью в разрешении поистине глобальной проблемы – проблемы бесплодия, существовавшей всегда и сохраняющейся в текущий момент: по приблизительным оценкам Всемирной организации здравоохранения, в мире на сегодняшний день насчитывается около 48,5 млн супружеских пар, физиологически неспособных зачать ребенка [1]. Особенно остро данная проблема стоит сегодня для России: так, по примерным оценкам в 20 % семей испытывают трудности при зачатии, последующем вынашивании и рождении ребенка [2, с. 83].

Зачастую проблема бесплодия супружеских пар связывается с наличием определенного рода физиологических отклонений в их репродуктивном здоровье, среди которых выделяется непроходимость маточных труб женщины, низкая фертильность и скорость сперматозоидов мужчины, отсутствие собственной естественной овуляции. Эффективным способом лечения данных недугов стал такой метод вспомогательной репродукции

как экстракорпоральное оплодотворение (далее по тексту настоящего исследования – ЭКО), история применения которого в мире насчитывает 45 лет: благодаря ему оплодотворение яйцеклетки осуществляется искусственным путем и только после осуществляется ее подсадка в организм генетической матери или суррогатной матери. Использование данного метода вспомогательных репродуктивных технологий достигло поистине колоссальных показателей собственной популярности в мире: так, на сегодняшний день более 8 млн детей появились на свет в результате применения экстракорпорального оплодотворения [3].

Однако, правовое регулирование порядка применения экстракорпорального оплодотворения, как на территории российского государства, так и на территории стран СНГ, по сей день остается несовершенным: так, не разрешен вопрос о правовом статусе эмбриона, о допустимом предельном возрасте женщины, прибегнувшей к использованию данного метода вспомогательной репродукции; о дальнейшей судьбе криоконсервированных в результате проведения ЭКО эмбрионов. Именно потребность в поиске возможных путей решения обозначенных проблем правового регулирования практики применения экстракорпорального оплодотворения и обусловила актуальность научного осмысления выбранной темы исследования.

В частности, с большим сожалением, мы вынуждены констатировать факт того, что ни действующее законодательство России, ни действующее законодательство Республики Таджикистан не закрепляет легального определения понятия «экстракорпоральное оплодотворение»: в Республике Таджикистан единственным нормативным правовым актом, закрепляющим право на применение указанного метода вспомогательных репродуктивных технологий выступает Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года №1413 [4], а в России – Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [5].

Особенности правового регулирования различных аспектов применения такого метода вспомогательных репродуктивных технологий как экстракорпоральное оплодотворение неоднократно становились объектом научного осмысления отечественных ученых-правоведов: так, еще в далёком 1999 году ему было посвящена диссертация Е.В. Григорович [6], а значительно позже, в 2011 году – диссертация И.А. Диковой [7]. Точечно проблемные аспекты использования данного метода вспомогательных репродуктивных технологий были затронуты в содержании диссертационных работ таких современных ученых в области семейного и гражданского права как А.Р. Пурге [8], С.В. Алборова [9], а также некоторых других. Однако, ни один из указанных авторов ранее так и не сформулировал собственного доктринального определения понятия «экстракорпорального оплодотворения».

Однако, мы считаем крайне важным формулирование легального определения понятия «экстракорпоральное оплодотворение», в связи с тем, что уровень популярности применения данного метода вспомогательной репродукции в последние годы в мире только растет (так, например, в 2020 году только на территории Свердловской области в рамках реализации бесплатных ЭКО-программ было криоконсервировано 356 эмбрионов, а в рамках оказания платных медицинских услуг по криоконсервации – 128 [10]).

Сегодня на территории российского государства, как было уже упомянуто ранее в содержании предыдущего подраздела настоящего исследования, действует Приказ Министерства здравоохранения России от 31.07.2020 №803н, которые в числе методов вспомогательной репродукции называют также и экстракорпоральное оплодотворение, при этом не закрепляя определение последнего. Лишь в пункте 8 данного нормативного правового акта подчеркивается, что экстракорпораль-

ное оплодотворение является базовой программой вспомогательных репродуктивных технологий, и охватывает собой проведение нескольких последовательных и связанных между собой этапов практической реализации различных медицинских манипуляций, среди которых, в том числе выделяются:

«а) овариальная стимуляция;

б) пункция фолликулов яичников для получения ооцитов;

в) инсеминация ооцитов специально подготовленной спермой мужа (партнера) методом ЭКО или путем инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита;

г) культивирование эмбрионов;

д) перенос эмбрионов в полость матки (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона);

е) криоконсервация эмбрионов);

ж) разморозка криоконсервированных эмбрионов;

з) внутриматочное введение размороженного эмбриона, в том числе донорского (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона)» [36].

Между тем, подобного рода законодательная позиция относительно определения сущности экстракорпорального оплодотворения представляется нам в некоторой степени несовершенной: все дело в том, что его легальное определение через комплекс, охватываемых им манипуляций, носит узкопрофильный, медицинский характер, и не раскрывает все то множество правовых признаков, которые присущи данному методу вспомогательной репродукции. Однако, несмотря на это обстоятельство, приведенная точка зрения является наиболее распространенной в отечественной науке, и была отражена в работах таких авторов, как Е.Б. Рудкова, Л.Ю. Замаховская Т.В. Стрижова О.Б., Трубникова, Л.В. Татарина [11, с. 84-91], а также зафиксирована и в содержании законодательных актов, действующих на сегодняшний день на территории отдельных стран СНГ (например, Республики Таджикистан, Республики Казахстан).

Имеется в науке сегодня и другая, менее распространенная, зато сугубо юридическая точка зрения относительно возможного определения сущности экстракорпорального оплодотворения как специфического способа практической реализации репродуктивных прав граждан, который хоть в полной мере и отвечает провозглашенным

международно-правовым стандартам в сфере репродукции (в частности, речь идет о положениях, содержащихся в Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) [12], Конвенции о правах ребенка (1989 г.) [13], Всеобщей декларации о геноме человека (1997 г.) [14], однако, напротив, исключает другую немаловажную составляющую сущности экстракорпорального оплодотворения – медицинскую.

В виду этого, полагаем, что ни один из названных подходов не раскрывает точным образом сущность экстракорпорального оплодотворения, и потому не может быть взят ни за основу в контексте настоящего исследования, ни зафиксирован в качестве легального определения на законодательном уровне ни в России, ни в других странах СНГ. В этой связи, попытаемся сформулировать собственное авторское видение сущности экстракорпорального оплодотворения, выделив и проанализировав его основные сущностные характеристики, обозначенные ниже.

1. Метод вспомогательной репродукции.

Данный признак означает, что экстракорпоральное оплодотворение традиционно рассматривается в качестве особой биомедицинской технологии, разработанной в результате быстрых темпов развития научно-технического прогресса в мире, способной в полной мере вытеснить из социума естественный процесс зачатия, вынашивания и рождения детей, заменив его, и потому объективно нуждающийся в собственном правовом урегулировании. В противном случае зачатие и рождение детей без наличия полового партнера станет повсеместно доступным, тем более, что уже сейчас многие женщины, в том числе и в России, и в отдельных странах СНГ, осознанно отказываются от естественного процесса появления их детей на свет в их более молодом возрасте, мотивируя это тем, что уровень современной репродукции настолько высок, что они смогут стать матерями, когда захотят посредством использования процедуры ЭКО [15].

2. Направленность на лечение бесплодия и рождение детей.

Применение рассматриваемого нами метода вспомогательной репродукции не направлено «вникуда», экстракорпоральное оплодотворение делается только при наличии медицинских или объективных показателей к тому, среди которых, в содержании упомянутого выше приказа Минздрава России, в частности, называются:

«а) неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше;

б) состояния, при которых эффективность лечения бесплодия при применении программы ЭКО выше, чем при применении других методов;

в) наследственные заболевания, для предупреждения которых необходимо преимплантационное генетическое тестирование, независимо от статуса фертильности;

г) сексуальная дисфункция, препятствующая исполнению полового акта (при неэффективности искусственной инсеминации);

д) ВИЧ-инфекция у дискордантных партнеров, независимо от статуса фертильности» [7].

Названные на легальном уровне основания применения ЭКО как метода вспомогательной репродукции, позволяют говорить о том, что главной целью его практического применения, безусловно, является лечение бесплодия, а также рождение здоровых детей, несмотря на наличие риска наследственных заболеваний, ВИЧ-инфекции, и отсутствие постоянного полового партнера. К слову, подтверждается такая целевая направленность и положениями действующего российского законодательства, в соответствии с которыми использование методов вспомогательной репродукции не допускается в промышленных целях [16], а также сформированными данными отчетной статистики: в среднем же в результате ЭКО беременность наступает почти в 35% случаев, если яйцеклетка донорская – в 43% случаев [17].

3. Вспомогательный характер применения.

Обозначенный признак свидетельствует собой о том, что экстракорпоральное оплодотворение является дополнительным, а не основным способом зачатия ребенка: в любом случае приоритет со стороны отечественного законодателя отдается естественным, природным процессам зачатия, вынашивания и рождения детей, на что имеется также и соответствующее указание в содержании Концепции демографической политики РФ [18]. Косвенно о вспомогательном характере применения данного метода репродуктивных технологий свидетельствуют также и установленные выше медицинские основания для этого: ЭКО как способ лечения бесплодия используется только в случаях, когда беременность не наступает продолжительное время, а все остальные альтернативные способы лечения данного клинически диагностированного диагноза оказались попросту неэффективными и не привели к желаемому результату в виде зачатия ребенка.

4. Обязательное получение информированного добровольного согласия пациента на соответствующее медицинское вмешательство в виде применения данного метода вспомогательной репродукции.

Данный признак экстракорпорального оплодотворения связывается с законодательно установленным правилом о том, что любое вмешательство в человеческий организм в текущий момент разрешается исключительно при предварительном получении от имени пациента добровольного информированного согласия, данного им после получения со стороны медицинской организации исчерпывающей информации о данном вмешательстве, в том числе и о тех возможных последствиях с его здоровьем и жизнью, к которым оно может привести. Наличие такого правила в полной мере отвечает установленным на международно-правовом уровне стандартам оказания медицинской помощи (например, в содержании Европейской конвенции по правам человека и биомедицине от 24 января 2002 г.) [19].

5. Особый вид медицинского вмешательства.

Как ранее нами уже упоминалось в содержании данного подраздела настоящего исследования процедура экстракорпорального оплодотворения охватывает собой множество медицинских манипуляций, совершаемых в рамках его практической реализации, среди которых, в частности, выделяются следующие: «овариальная стимуляция; пункция фолликулов яичников для получения ооцитов; инсеминация ооцитов специально подготовленной спермой мужа (партнера) методом ЭКО или путем инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита; культивирование эмбрионов; перенос эмбрионов в полость матки (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона); криоконсервация эмбрионов; разморозка криоконсервированных эмбрионов; внутриматочное введение размороженного эмбриона, в том числе донорского (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона)» [16]. Именно данная медицинская составляющая существенным образом отличается экстракорпоральное оплодотворение от всех иных методов вспомогательной репродукции, и потому нам представляется недопустимым о ней «забывать» при формулировании собственного авторского подхода к сущности и понятию экстракорпорального оплодотворения.

б. Возможность применения как на возмездной, так и безвозмездной основе.

В содержании названного выше Приказа Минздрава России указывается, что ЭКО-программы в ряде случаев при наличии к тому медицинских показаний (например, клинически диагностированное бесплодие, не поддающиеся медикаментозному лечению на протяжении двенадцати ме-

сяцев до 35 лет, и свыше шести месяцев при возрасте от 35 лет и старше) финансируется за счет денежных средств фонда обязательного медицинского страхования), и в таком случае практическая реализация рассматриваемой нами процедуры будет носить безвозмездный характер. Во всех остальных случаях, данная процедура, проводимая по желанию физических лиц осуществляется на возмездной основе.

Однако, с практической реализацией экстракорпорального оплодотворения на безвозмездной основе в России имеются проблемы, которые мы рассмотрим на примере опыта медицинской практики Приморского края, где данный вопрос урегулирован предписаниями Приказ МЗПК от 06.02.2020г. № 18/пр/127 «О порядке направления и отбора пациентов на вспомогательные репродуктивные технологии (экстракорпоральное оплодотворение) за счет средств территориального фонда обязательного медицинского страхования в Приморском крае» [20]. Так, только за период с января по март 2022 года в указанном регионе российского государства получили квоты на проведение процедуры ЭКО 145 человек, что свидетельствует о востребованности данного метода вспомогательной репродукции. При этом, базовые программы ЭКО, реализуются по квоте в Приморском крае на базе таких медицинских учреждений, как ГАУЗ «Краевой клинический центр специализированных видов медицинской помощи» (успешность ее проведения (наступление желаемой беременности) за рассматриваемый период была достигнута в 27 % случаев), ООО «Святая Мария» (успешность ее проведения (наступление желаемой беременности) за рассматриваемый период была достигнута в 34 % случаев), ГУ «Мать и дитя» Владивосток ((успешность ее проведения (наступление желаемой беременности) за рассматриваемый период была достигнута в 46 % случаев) [21]. Указанное свидетельствует наглядным образом о том, что успех проведения процедуры ЭКО достигается в менее, чем половине случаев реализации квоты, что вынуждает граждан повторно становиться в очередь на применение данного метода вспомогательной репродукции, тем самым, закономерным образом увеличивая ее. Иными словами, складывается ситуация, при которой очередь на получение возможности бесплатного участия в ЭКО-программе будет двигаться очень медленно, а граждане, при столь низких показателях успешности ее проведения, могут стать родителями совсем нескоро.

Разрешение данной проблемы кажется нам возможным в случае увеличения числа медицинских центров, готовых сотрудничать с российским государством по вопросу реализации ЭКО-

программ на основе квотирования, что позволит увеличить число лиц, которые смогут максимально в быстрые сроки получить необходимую медицинскую помощь в лечении бесплодия (например, на территории Приморского края таким медицинским центром, в частности, смогла бы выступить новейшая американская клиника современной репродуктологии Next Generation Clinic [22].

Тем самым, учитывая изложенные признаки, присущие экстракорпоральному оплодотворению как методу вспомогательной репродукции, формулируем собственное авторское определение сущности данной категории в качестве результирующего вывода настоящего исследования: это современный, инновационный биомедицинский метод содействия в перспективном зачатии деторождения лицам, которые в силу различных объективных причин рискуют в дальнейшем утратить собственную репродуктивную функцию в силу различных причин (например, в силу гормонального бесплодия, не поддающегося лечению в течение двенадцати месяцев подряд, наступившей стерилизации в результате проведения химиотерапии как метода лечения онкологических заболеваний, в силу достижения возраста, выходящего за пределы детородного; в силу риска развития наследственных генетических заболеваний у эмбриона определенного пола, иных) и не смогут самостоятельно реализовать свое право на рождение ребенка и построение семьи естественным об-

разом, при применении которого осуществляется следующие медицинские манипуляции: овариальная стимуляция; пункция фолликулов яичников для получения ооцитов; инсеминация ооцитов специально подготовленной спермой мужа (партнера) методом ЭКО или путем инъекции сперматозоида в цитоплазму ооцита; культивирование эмбрионов; перенос эмбрионов в полость матки (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона); криоконсервация эмбрионов; разморозка криоконсервированных эмбрионов; внутриматочное введение размороженного эмбриона, в том числе донорского (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона), реализующийся при предварительном получении на то добровольного, информированного согласия указанных лиц, как на возмездной, так и на безвозмездной основе, в случае наличия к тому соответствующих медицинских показателей». Именно в подобного рода формулировке определение понятия «экстракорпоральное оплодотворение» в п. 8 Приказа Министерства здравоохранения России от 31.07.2020 № 803н, а также на законодательном уровне в отдельных странах СНГ (например, Республики Таджикистан).

Литература

1. Бесплодие – тенденции мировые и российские // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669397> (дата обращения: 07.04.2022)
2. Толстикова О.М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Сибирский юридический вестник. 2017. № 1. С. 83-87.
3. Ребенок из пробирки: 10 любопытных фактов об ЭКО // Вокруг света: [сайт] URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/298102> (дата обращения: 07.04.2022)
4. Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года № 1413 // СПС «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5193 (дата обращения: 07.04.2022)
5. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Министерства здравоохранения России от 31.07.2020 № 803н // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/ (дата обращения: 07.04.2022)
6. Григорович Е.В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона: Семейно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. 177 с.
7. Дикова И.А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в семейном и гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 211 с.
8. Пурге А.Р. Правовое регулирование суррогатного материнства как метода вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. 237 с.
9. Алборов С.В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 243 с.
10. Статистика в деталях // Клинический институт репродуктивной медицины: [сайт]. URL: <https://xn--h1adhp.xn--p1ai/nashi-pokazateli.php> (дата обращения: 07.05.2022)

11. Рудакова Е.Б. Исходы экстракорпорального оплодотворения как мультифакторная проблема клинической репродуктологии // Медицинский совет. 2015. № 9. С. 84 – 91.
12. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540229/> (дата обращения: 07.06.2022)
13. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 01.05.2022)
14. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 07.04.2022)
15. "Зачем пытаться? Усыновите": мамы ЭКО-малышей – о годах мучений и неготовности общества // Москва24: [сайт]. URL: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/30102019/156127> (дата обращения: 07.06.2022)
16. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (посл. ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 07.05.2022)
17. Президент Ассоциации репродукции человека: Шансы забеременеть стремительно падают после 35 // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/661068> (дата обращения: 07.04.2022)
18. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 (посл. ред. от 01.07.2014 № 483) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 07.05.2022)
19. Европейская конвенция по правам человека и биомедицине 2002 г. // Совет Европы: [сайт]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/186> (дата обращения: 07.05.2022)
20. О порядке направления и отбора пациентов на вспомогательные репродуктивные технологии (экстракорпоральное оплодотворение) за счет средств территориального фонда обязательного медицинского страхования в Приморском крае: Приказ МЗПК от 06.02.2020 г. № 18/пр/127 // Правительство Приморского края: [сайт]. URL: <https://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenje-eko.doc> (дата обращения: 07.05.2022)
21. Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО): порядок получения квоты и отчетные статистические показатели // Правительство Приморского края: [сайт]. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenje-eko/> (дата обращения: 07.05.2022)
22. Медицинский центр репродуктологии «Next Generation Clinic» // Next Generation Clinic: [сайт]. URL: <https://vldv.ngc.clinic/> (дата обращения: 07.05.2022)

References

1. Besplodie – tendencii mirovye i rossijskie. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki»: [sajt]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669397> (data obrashhenija: 07.04.2022)
2. Tolstikova O.M. Problemy pravovogo regulirovanija surrogatnogo materinstva v Rossii. Sibirskij juridicheskij vestnik. 2017. № 1. S. 83-87.
3. Rebenok iz probirki: 10 ljubopytnyh faktov ob JeKO. Vokrug sveta: [sajt] URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/298102> (data obrashhenija: 07.04.2022)
4. Kodeks zdravoohranjenja Respubliki Tadzhiqistan ot 30 maja 2017 goda № 1413. SPS «Zakonodatel'stvo stran SNG». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5193 (data obrashhenija: 07.04.2022)
5. O porjadke ispol'zovanija vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij, protivopokazanijah i ogranichenijah k ih primeneniju: Prikaz Ministerstva zdravoohranjenja Rossii ot 31.07.2020 № 803n. SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/ (data obrashhenija: 07.04.2022)
6. Grigorovich E.V. Iskusstvennoe oplodotvorenje i implantacija jembriona: Semejno-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1999. 177 s.
7. Dikova I.A. Regulirovanie otnoshenij, vznikajushih pri primenenii vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij, v semejnom i grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2011. 211 s.
8. Purge A.R. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva kak metoda vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij: dis. ... kand. jurid. nauk. Dushanbe, 2015. 237 s.
9. Alborov S.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie surrogatnogo materinstva: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2018. 243 s.
10. Statistika v detaljah. Klinicheskij institut reproduktivnoj mediciny: [sajt]. URL: <https://xn--h1adhp.xn--p1ai/nashi-pokazateli.php> (data obrashhenija: 07.05.2022)

11. Rudakova E.B. Ishody jekstrakorporal'nogo oplodotvorenija kak mul'tifaktornaja problema klinicheskoj re-produktologii. Medicinskij sovet. 2015. № 9. S. 84 – 91.
12. Konvencija OON o likvidacii vseh form diskriminacii v otnoshenii zhenshhin 1979 g. SPS «Garant». URL: <https://base.garant.ru/2540229/> (data obrashhenija: 07.06.2022)
13. Konvencija o pravah rebenka 1989 g. SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (data obrashhenija: 01.05.2022)
14. Vseobshhaja deklaracija o genome cheloveka i pravah cheloveka 1997 g. Organizacija Ob#edinen-nyh Nacij: [sajt]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (data obrashhenija: 07.04.2022)
15. "Zachem pytat'sja? Usynovite": mamy JeKO-malyshej – o godah muchenij i negotovnosti obshhestva. Moskva24: [sajt]. URL: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/30102019/156127> (data obrashhenija: 07.06.2022)
16. Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (posl. red. ot 22.12.2020). SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashhenija: 07.05.2022)
17. Prezident Associacii reprodukcii cheloveka: Shansy zaberemenet' stremitel'no padajut posle 35. Interfaks: [sajt]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/661068> (data obrashhenija: 07.04.2022)
18. Ob utverzhenii Konceptii demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.10.2007 № 1351 (posl. red. ot 01.07.2014 № 483). SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (data obrashhenija: 07.05.2022)
19. Evropejskaja konvencija po pravam cheloveka i biomedicine 2002 g. Sovet Evropy: [sajt]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/186> (data obrashhenija: 07.05.2022)
20. O porjadke napravlenija i otbora pacientov na vspomogatel'nye reproductivnye tehnologii (jekstrakorporal'noe oplodotvorenije) za schet sredstv territorial'nogo fonda objazatel'nogo medicinskogo strahovanija v Primorskom krae: Prikaz MZPK ot 06.02.2020 g. № 18/pr/127. Pravitel'stvo Primorskogo kraja: [sajt]. URL: <https://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenije-eko.doc> (data obrashhenija: 07.05.2022)
21. Jekstrakorporal'noe oplodotvorenije (JeKO): porjadok poluchenija kvoty i otchetnye statistiche-skie poka-zateli. Pravitel'stvo Primorskogo kraja: [sajt]. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/health/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenije-eko/> (data obrashhenija: 07.05.2022)
22. Medicinskij centr reproductologii «Next Generation Clinic». Next Generation Clinic: [sajt]. URL: <https://vldv.ngc.clinic/> (data obrashhenija: 07.05.2022)

*Purge A.R., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladivostok State University*

IVF FERTILIZATION: TO THE QUESTION OF THE CONCEPT

Abstract: the object of this scientific research is the concept and essence of the in vitro fertilization procedure in accordance with the current legislation of Russia and the Republic of Tajikistan. In turn, the subject of this study was the norms of the Russian and Tajik legislation that define the concept and procedure for the in vitro fertilization procedure, the relevant materials of the formed law enforcement practice (statistical data and data from medical sites); scientific works of domestic scientists devoted to the development of the chosen topic

The main methods of this scientific research were the comparative analysis (it is also the comparative legal method), as well as the formal legal method. In addition, among the methods used by the author of scientific knowledge of objective legal reality are also the logical method, system-structural analysis, the method of legal modeling.

The scientific novelty of this study lies in the conduct of an in-depth comparative legal analysis of the features of the legislative regulation of the essence of the in vitro fertilization procedure as one of the methods of assisted reproduction (on the example of the Republic of Tajikistan and Russia), as well as the formulation of the author's own definition of the latter.

As the main result of this study, the author developed a proposal on the possible prospective consolidation of the legal definition of the concept of "in vitro fertilization" in the provisions of the current legislation of Russia and the Republic of Tajikistan.

Keywords: concept of in vitro fertilization, essence of in vitro fertilization, legal definition of in vitro fertilization, doctrinal definition of in vitro fertilization, Russian legislation on in vitro fertilization, legislation of the Republic of Tajikistan on in vitro fertilization

*Винокуров Э.А., кандидат юридических наук, доцент,
Лукьянчикова В.В., преподаватель,
Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: в статье анализируются проблемные аспекты взаимодействия государств, в рамках оказания правовой помощи, при осуществлении уголовного судопроизводства. К таким проблемным аспектам, авторы относят: существующие противоречия между положениями международного законодательства и нормами национального уголовно-процессуального законодательства; процессуальный порядок производства следственных действий на основании предоставленных стороной инициатором материалов уголовного дела; процессуальный порядок производства следственных действий на основании запроса о правовой помощи.

На основании проведенного анализа, авторы отмечают, что исполнение запросов об оказании правовой помощи, поступивших от компетентных органов иностранных государств на территории Российской Федерации, является одним из механизмов осуществления назначения уголовного судопроизводства и значимость данного направления в рамках борьбы с преступностью неоспорима. При этом ряд сложностей, связанных с отсутствием единого процессуального порядка исполнения запросов о правовой помощи, которые обусловлены в большей степени различиями уголовно-правовой системы взаимодействующих государств. Устранению данного проблемного аспекта способствовала бы выработка единого подхода и формирование общих принципов оказания правовой помощи вне зависимости от особенностей их национального законодательства. Данные положения, по мнению авторов, нуждаются в закреплении как в едином международно-правовом акте, так и в отдельных положениях национального законодательства взаимодействующих государств.

Ключевые слова: запрос о правовой помощи, следственные действия, процессуальные действия

Сохраняющаяся тенденция глобализации, в том числе на уровне межгосударственных связей, диктует необходимость международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Динамика современной преступности, степень её организованности и использование высоких технологий обуславливает невозможность осуществления противодействия ей на достаточном уровне силами и средствами правоохранительных органов отдельного государства. Именно поэтому, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является важной сферой международных отношений, которое способствует раскрытию и расследованию преступлений, а также привлечению виновных к уголовной ответственности, несмотря на их территориальное местонахождение.

Подтверждением данного факта является наличие большого количества заключенных двусторонних договоров (конвенций) об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам, между Российской Федерацией и иностранными государствами.

В настоящее время эту сферу уголовного судопроизводства регламентируют значительное количество различных нормативных правовых актов международного уровня.

Международные акты об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам, между Российской Федерацией и иностранными государствами, можно условно разделить на следующие группы:

– международные конвенции о правовой помощи («Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам» [3], Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [4] и др.);

– межгосударственные договоры и дополнительные соглашения к ним («Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам» [2], «Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам» [1] и др.);

– принцип взаимности (основывается на взятых сторонами письменных обязательств в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам);

– национальное законодательство (раздел XVIII УПК РФ закрепляющий процессуальный механизм взаимодействия компетентных органов Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств).

Проведенный анализ указанных групп, позволяет говорить о схожести правовой регламентации в области оказания правовой помощи, но вместе с тем и о существующих проблемных аспектах, как правового характера, так и процессуального.

Первым проблемным аспектом будет являться, тот факт, что поступившие запросы о правовой помощи от иностранного государства не всегда представляется возможным исполнить в полном объеме, поскольку исполнителю необходимо руководствоваться не только положениями международного законодательства, но и нормами национального уголовно-процессуального законодательства.

Так, например, в положении ч. 2 ст. 3 Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 сказано, что если инициатор запроса желает, чтобы свидетели и эксперты дали показания под присягой, то это необходимо указать в запросе, при условии, что данное положение прямо не запрещено законодательством государства исполнителя [3]. При анализе данного вопроса в контексте уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, следует отметить, что законодательного запрета на проведение указанной процедуры в действующих нормах не предусмотрено, но при этом и не предусмотрен процессуальный порядок производства данной процедуры, что также создаёт затруднения в исполнении запроса.

По нашему мнению, верным практическим решением данной ситуации является проведение допроса свидетеля и (или) эксперта, то есть получение от них показаний, под присягой в порядке, предусмотренном национальным законодательством запрашиваемой страны. Однако, обязательным условием осуществления указанных действий является наличие заверенной выписки из закона, предусматривающего основания и порядок проведения соответствующих следственных действий под присягой. В случае же отсутствия такой выписки, приложенной к запросу о правовой помощи, должностное лицо компетентного органа Российской Федерации не вправе проводить запрашиваемые действия, поскольку нашим национальным законодательством не предусмотрен процессуальный порядок производства данного процессуального действия (допрос под присягой).

Следующим проблемным аспектом, на котором следует остановиться более подробно, выступает процессуальный порядок производства следственных действий на основании запроса о

правовой помощи.

В данном контексте, более подробно остановимся на процессуальном механизме производства таких следственных действий, как: допрос, обыск и выемка.

Анализ указанных следственных действий, необходимо проводить не только с позиции международно-правовых актов, но и с позиции национального уголовно-процессуального законодательства.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что хотя международное законодательство и дает сторонам право обратиться с запросом о правовой помощи с указанием производства конкретных следственных действий и процессуальным порядком закрепления в качестве доказательств, однако зачастую не представляется возможным выполнить указанную просьбу, поскольку она или противоречит процессуальному механизму национального законодательства или же вовсе указанный механизм отсутствует.

Поэтому преимущественно при исполнении указанного рода запросов применяется национальное уголовно-процессуальное законодательство.

Так, например, при поступлении запроса о допросе в качестве потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого на территории Российской Федерации должны учитываться общие положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации о порядке вызова на допрос и его процессуальном производстве (ст. 187-191 УПК РФ).

При этом следует учитывать также ряд обстоятельств.

1. Допрос на территории РФ, по запросу компетентных органов иностранного государства может быть осуществлен не только в отношении потерпевшего или свидетеля, а также подозреваемого (обвиняемого) при условии, что последний не является гражданином Российской Федерации. Поскольку производство следственного действия в отношении указанной категории лиц, может производиться только исключительно по находящемуся в производстве российских правоохранительных органов уголовному делу.

2. При подготовке к допросу свидетеля, следователю (дознавателю) надлежит учитывать положение ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в котором закреплен круг лиц, обладающих свидетельским иммунитетом.

Кроме этого, следователь (дознаватель) обязан при производстве допроса применять положения п.п. 2, 3 ч. 4 ст. 46 и ч. 5 ст. 189 УПК РФ в отношении лиц, которые юридически пока еще не являются подозреваемыми или обвиняемыми, одна-

ко имеются фактические данные о их причастности к преступлению по расследуемому уголовному делу [5].

Следующее, на что следует обратить внимание, это порядок производства обыска (выемки) на территории РФ на основании запроса о правовой помощи.

Так в соответствии с пунктом 3 Федерального закона от 25.10.1999 № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и дополнительного протокола к ней» [7], РФ оставляет за собой право исполнять поручения о проведении обыска или наложении ареста на имущество только при соблюдении условий, предусмотренных в подпунктах «а», «б» и «с» подпункта 1 статьи 5 указанной Конвенции, а также в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Однако указанная норма Европейской конвенции не конкретизирует процессуальный механизм производства следственного действия, а лишь указывает на необходимость соблюдения условий для производства обыска (выемки).

В тоже время, положение ст. 80 «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» предусматривает особый порядок сношений по вопросам исполнения процессуальных и иных действий, требующих санкции прокурора (суда) тем самым указывает на необходимость при организации производства обыска (выемки) получить на то разрешение соответствующих органов.

При этом следует отметить, что в тех случаях, когда запрос о правовой помощи содержит просьбу о проведении указанных следственных действий на основании процессуальных решений должностных лиц компетентных органов иностранного государства на территории Российской Федерации, являются по своей правовой форме недопустимыми, а предоставленные инициатором запроса процессуальные документы необходимые для заполнения (протоколы и т.д.) не подлежат использованию следователем (дознавателем) при производстве указанных действий на территории Российской Федерации.

Данное положение находит свое подтверждение и в судебно-следственной практике. Так, например, в ходе исполнения запроса компетентных органов Кыргызской Республики по уголовному делу №567, установлено, что выемка в ООО

«С» и ОАО «Московский индустриальный банк» документов, произведена на основании процессуального решения, вынесенного судьёй Первомайского районного суда г. Бишкека и др. [5].

Нам представляется, чтобы минимизировать вышеуказанные недостатки, каждому сотруднику органа предварительного расследования необходимо располагать и пользоваться актуальными методическими рекомендациями и иными материалами (обзоры, информационные письма и т.п.) для данной сферы служебной деятельности. Соответствующие материалы целесообразно формировать в отдельной накопительной папке. При этом, немаловажным является осуществление контроля со стороны ответственного за данное направление деятельности сотрудника органа предварительного расследования в целях обеспечения личного ознакомления с изменениями каждого следователя (дознавателя), в том числе ранее не ознакомленных с внесенными изменениями по причине нахождения в командировке, отпуске, временной нетрудоспособности.

Кроме этого, актуальным является полнота и качество производства следственных и иных процессуальных действий, о выполнении которых указывается запрашиваемой стороной, и в особенности – допроса лиц по изложенным в запросе о правовой помощи вопросам.

Подводя итог, следует отметить, что исполнение запросов об оказании правовой помощи, поступивших от компетентных органов иностранных государств на территории Российской Федерации, является одним из механизмов осуществления назначения уголовного судопроизводства и значимость данного направления в рамках борьбы с преступностью неоспорима.

Однако, имеется ряд сложностей, связанных с отсутствием единого процессуального порядка исполнения запросов о правовой помощи, которые обусловлены в большей степени различиями уголовно-правовой системы взаимодействующих государств. Устранению данного проблемного аспекта способствовала бы выработка единого подхода и формирование общих принципов оказания правовой помощи вне зависимости от особенностей их национального законодательства. Данные положения, на наш взгляд, нуждаются в закреплении как в едином международно-правовом акте, так и в отдельных положениях национального законодательства взаимодействующих государств.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам // Собрание законодательства РФ. 2000. № 47. Ст. 4579.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Дели 21.12.1998) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 28. Ст. 2884.
3. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 08.11.2001) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
5. Эмпирические материалы предоставленные объединенными филиалами кафедры уголовного процесса и кафедры уголовно-правовых дисциплин на базе СУ УМВД России по Белгородской области.
6. Постановление Президиума Московского городского суда от 9 сентября 2016 г. по делу № 44у-379/16[Электронный ресурс] Официальный сайт: <https://sudact.ru/>
7. Федеральный закон от 25.10.1999 № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и дополнительного протокола к ней» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 43. Ст. 5132.

References

1. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Islamskoj Respublikoj Iran o pravovoj pomoshhi i pravovyh otnoshenijah po grazhdanskim i ugodovnym delam. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 47. St. 4579.
2. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Indiej o vzaimnoj pravovoj pomoshhi po ugodovnym delam (podpisan v g. Deli 21.12.1998). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 28. St. 2884.
3. Evropejskaja konvencija o vzaimnoj pravovoj pomoshhi po ugodovnym delam (Zakljuchena v g. Strasburge 20.04.1959) (s izm. ot 08.11.2001). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 23. St. 2349.
4. Konvencija o pravovoj pomoshhi i pravovyh otnoshenijah po grazhdanskim, semejnym i ugodovnym delam (Zakljuchena v g. Minske 22.01.1993) (red. ot 28.03.1997). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 17. St. 1472.
5. Jempiricheskie materialy predostavlennye ob#edinennymi filialami kafedry ugodovnogo processa i kafedry ugodovno-pravovyh disciplin na baze SU UMVD Rossii po Belgorodskoj obla-sti.
6. Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 9 sentjabrja 2016 g. po delu № 44u-379/16[Jelektronnyj resurs] Oficial'nyj sajt: <https://sudact.ru/>
7. Federal'nyj zakon ot 25.10.1999 № 193-FZ «O ratifikacii Evropejskoj konvencii o vzaimnoj pravovoj pomoshhi po ugodovnym delam i dopolnitel'nogo protokola k nej». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 43. St. 5132.

*Vinokurov E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lukyanchikova V.V., Lecturer,
Alexandrov A.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*

PROBLEMATIC ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

Abstract: the article analyzes the problematic aspects of the interaction of states, within the framework of legal assistance, in the implementation of criminal proceedings. The authors refer to such problematic aspects: the existing contradictions between the provisions of international legislation and the norms of national criminal procedure legislation; the procedural procedure for conducting investigative actions based on the materials of the criminal case provided by the initiator party; the procedural procedure for conducting investigative actions based on a request for legal assistance.

Based on the analysis, the authors note that the execution of requests for legal assistance received from the competent authorities of foreign states on the territory of the Russian Federation is one of the mechanisms for the appointment of criminal proceedings and the importance of this direction in the fight against crime is undeniable. At the same time, there are a number of difficulties associated with the lack of a unified procedural procedure for the execution of requests for legal assistance, which are caused to a greater extent by differences in the criminal legal system of the interacting states. The elimination of this problematic aspect would be facilitated by the development of a unified approach and the formation of common principles for the provision of legal assistance, regardless of the specifics of their national legislation. These provisions, according to the authors, need to be consolidated both in a single international legal act and in separate provisions of the national legislation of the interacting states.

Keywords: request for legal assistance, investigative actions, procedural actions

*Бронская М.В., кандидат юридических наук, доцент,
Трушков И.И.,
Владивостокский государственный университет*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВ НА БЕСХОЗЯЙНЫЕ ЗЕМЛИ В САДОВЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ

Аннотация: в Российской Федерации сегодня существует большое количество заброшенных земельных участков собственники, которых не несут бремя содержания принадлежащих им земель либо собственников данных земельных участков. Количество заброшенных земельных участков в СНТ не уменьшается, что подтверждается статистикой. Предметом исследования является выявление проблем законодательства РФ, не позволяющих эффективно решить проблему заброшенных участков, а также выявление способов устранения данных проблем. Автор подробно рассматривает состояние заброшенного земельного участка, как бесхозяйной вещи и способ приобретения заброшенного участка в собственность через институт приобретательной давности. Особое внимание уделяется критерию добросовестности давностного владельца, который должен быть приведен к однообразному его пониманию в РФ, что позволит давностным владельцам приобретать заброшенные земельные участки в собственность. Основными выводами данной работы является то, что необходимо внести изменения в действующее законодательство, которые заключается в следующем: во-первых, нужно признать состояние земельного участка, как бесхозяйной вещи; во-вторых, устранить критерий добросовестности давностного владельца.

Ключевые слова: заброшенный земельный участок, бесхозяйный земельный участок, приобретательная давность, добросовестность

Сегодня в Российской Федерации сложилась такая ситуация при которой в садовых некоммерческих товариществах от 10 до 50% земельных участков являются заброшенными, никто не осуществляет бремя содержания, земли приходят в непригодность, утрачивают полезные свойства. Так, например, по некоторым данным в Московской области присутствует более 15 тысяч заброшенных дачных участков, вред от пустеющей земли очевиден. Во-первых, зарастание земельного участка многолетними сорняками приводит к деградации и истощению почвы, а процесс восстановления занимает длительное время и требует больших затрат. В земельном законодательстве установлено, что собственник земельного участка должен пользоваться им в соответствии с его целевым назначением и не допускать негативного воздействия на него. В противном случае он может быть привлечен к административной ответственности. Во-вторых, заброшенный участок, заросший высокой травой, опасен для соседских участков, в летне-осенний период повышенной пожароопасности возможны возгорания и причинение ущерба имуществу других собственников или вовсе уничтожению. Только за первую половину 2022 года в России сгорело свыше 700 частных домов, одной из причин пожаров является сухая трава на заброшенных земельных участках. Указанные обстоятельства обосновывают актуальность предмета настоящего исследования. Целью же настоящей статьи авторам видится в выявлении пробелов российского законодательства в части регламентации правового механизма при-

знания прав на бесхозяйные земельные участки и определении путей восполнения законодательных проблем. Для достижения, указанной нами цели данной работы будет проведен сравнительно-правовой анализ Российского законодательства и законодательства зарубежных стран, в которых существуют институты способные решить обозначенную проблему. Нами также будет проведен анализ положений реформы гражданского права. С помощью таких методов, как описание, синтез, сравнение будут выявлены проблемы законодательства и пути их решения.

В начале исследования определим, что дефиниции «заброшенный земельный участок» в российском законодательстве не содержится. Заброшенный земельный участок подразумевает под собой такое состояние участка при котором нет ни правообладателей, ни уполномоченных субъектов, которые бы осуществляли его содержание, что проявляется во внешних признаках запустения, например, зарастание травой. Причины и последствия возникновения подобной ситуации появляются в результате следующих случаев. Во-первых, собственник (титальный владелец) земельного участка может умереть, следовательно, такой участок подлежит правопреемству либо наследниками умершего, либо становится выморочным имуществом, однако никто из указанных лиц не принял наследство. Во-вторых, земельный участок может быть фактически заброшен в бездействия собственника (титальный владелец).

Авторы видят решение проблемы большого количества заброшенных земельных участков в том,

чтобы определить правовой механизм приобретения прав на заброшенные участки, в частности путем внесения изменений в институт давностного владения, что даст возможность физическим лицам, желающим владеть и пользоваться заброшенным участком право приобрести данный участок. Такое решение позволит быстро решить проблему с пустующей землей в СНТ, так как заинтересованные лица в отсутствие четкого правового механизма сталкиваются с многочисленными бюрократическими процедурами по получению заброшенной земли, не гарантирующими положительного исхода дела. На возможность такого решения проблемы заброшенных земель указывает Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 2020 года, что будет истолковано далее в контексте логики настоящего исследования. Однако на данный момент давностный владелец не может приобрести право собственности на заброшенный или даже бесхозный земельный участок, так как в Гражданском кодексе РФ находятся положения не допускающие этого. Данные положения противоречат друг другу создавая двойственность понимания института давностного владения, а также отрицают фактическое состояние земельного участка, как бесхозной вещи.

Первая проблема состоит в том, что законодатель не признает земельный участок бесхозной вещью в результате чего невозможно приобрести право собственности по давности владения на земельный участок, как бесхозную вещь, фактически законодатель в статьях, посвященных режиму бесхозных вещей, не устанавливает режим бесхозности земли. В частности, в законе о государственной регистрации недвижимости [2], в приложении к Приказу Минэкономразвития об учете бесхозных вещей [4] перечислены объекты недвижимости, которые могут быть бесхозными, среди которых земельного участка нет. В юридической доктрине высказывается предположение о том, что такое решение законодателя связано с существованием презумпции государственной собственности на землю. Согласно гражданскому и земельному законодательству, презумпция государственной собственности заключается в том, что если земельный участок не находится в чьей-то собственности, то такой участок является государственной собственностью. При таком подходе к пониманию презумпции государственной собственности, можно прийти к выводу, что она относится, как к неразграниченным землям, так и к разграниченным земельным участкам, у которых не стало собственника. Между тем, авторы допускают иной законодательный смысл, - законодатель не допускает признания земельного участка бесхозным исключительно для того, чтобы не было злоупотре-

бления прав лиц, в отношении неразграниченных земельных участков [1].

Однако данное решение видится неправильным, так как ограничивает права на приобретение разграниченного земельного участка по давности владения частными лицами, что ставит их в неравное положение по отношению к публично-правовым образованиям. Правильно понимать презумпцию государственной собственности на землю так, что все неразграниченные земли являются исключительно государственной собственностью, но разграниченные земельные участки также могут принадлежать на праве собственности другим гражданам, юридическим лицам и муниципалитетам, и, когда собственник умирает, участок не становится автоматически государственной собственностью, а фактически является бесхозным в определенный момент.

В результате этого на практике возникает следующая ситуация, собственник земельного участка умирает, наследников у него нет, или же они отказались от наследства, или не приняли его, следовательно согласно статье 1151 Гражданского кодекса РФ такой участок становится выморочным имуществом и переходит в порядке наследства в собственность муниципалитета. Специального закона, который регулирует порядок наследования выморочного имущества на данный момент нет, поэтому он наследуется по общим правилам Гражданского кодекса. В силу статьи 1162 Гражданского кодекса РФ нотариус должен выдать наследнику свидетельство о праве на наследство, также в данной статье указывается, что свидетельство выдается по заявлению наследника [1].

Таким образом, если муниципалитет не подает заявление нотариусу о выдаче свидетельства о праве на наследство, то земельный участок фактически является бесхозным, так как появляется один из признаков бесхозной вещи, а именно вещь, у которой нет собственника. Однако законодатель из-за стремления не допустить признания права собственности на неразграниченные земли, ограничил и право признать право собственности граждан на разграниченный, заброшенный и фактически бесхозный земельный участок в силу приобретательной давности. Отрицание законодателем существования бесхозного земельного участка приводит к тому, что множество участков в СНТ не имеют собственника, становятся выморочным имуществом. Муниципалитет в большинстве случаев не выявляет эти участки, что подтверждается огромным количеством таких участков в почти каждом СНТ. Как следствие, земля долгое время не имеет собственника, но не признается бесхозной, так как муниципалитет имеет право наследовать такое имущество.

Другая проблема заключается в том, в отечественном законодательстве сформировалась ситуация, при которой фактически два института давностного владения (ст.ст.225, 234 ГК РФ), различие которых заключается только в разном понимании добросовестности владения, как одного из главных условий признание права за давностным владельцем. К сожалению правовые позиции судов не позволяют восполнить данный законодательный казус. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 (Далее – Совместный Пленум ВС, ВАС 10/22) суды определили, что добросовестность у давностного владельца присутствуют только в случае, если владея имуществом он полагает, что оно принадлежит ему, т.е. он считает себя собственником или другим титульным владельцем [9]. При таком подходе к пониманию добросовестности, суды фактически сделали невозможным приобретение чужой недвижимой вещи в силу приобретательной давности, так как владение являлось недобросовестным. В результате чего в научной литературе часто критиковали такой подход высших судов, многие авторы отмечали, что он противоречит самому смыслу существования института приобретательной давности [7].

Так признать право собственности на практике можно было только в редких случаях, например, когда лицо получило по договору дарения какой-либо объект, но договор надлежащим образом оформлен не был, в результате чего право собственности по нему (договору) не перешло [10]. В таком случае, одаряемый по истечении установленного законом срока обращался в суд с требованием признать за ним право собственности на объект дарения в силу приобретательной давности.

Суды соблюдали подход, который был принят в Совместном Пленуме ВС, ВАС 10/22 и часто отказывали лицам в признании права собственности в связи с отсутствием добросовестности. Однако, когда подобные дела доходили до гражданской коллегии ВС РФ, позиция суда по отношению к пониманию добросовестности отличалась и не исключала возможность того, что добросовестный владелец должен знать, что у него нет оснований для возникновения права собственности.

В итоге, когда до ВС РФ снова дошло подобное дело, гражданская коллегия решила согласиться с позициями нижестоящих судов, хотя до этого неоднократно в подобных делах занимала обратную позицию. Суть дела состояла в том, что к гражданину еще в 1997 г. перешел от другого лица объект недвижимости, но лицо не имело права распоряжаться землей [7]. В результате чего такое соглашение правовых последствий не повлекло.

Гражданин, который владел земельный участком более 15 лет, посчитал, что имеет право приобрести участок по приобретательной давности. Суды, следуя позиции Совместного Пленума ВС, ВАС 10/22, в удовлетворении его требований отказали, указав следующие аргументы:

1. Спорный земельный участок находится в публичной собственности, поэтому на него не может возникнуть право собственности по давности владения.

2. Отсутствует добросовестность владения, так как гражданин не мог не знать об отсутствии у него оснований для возникновения права собственности.

После чего гражданин обратился в Конституционный суд РФ с жалобой о несоответствии Конституции РФ положений п. 1 ст. 234 Гражданского кодекса РФ в части понимания добросовестности и о нарушении ВС РФ принципа правовой определенности.

Результатом рассмотрения жалобы стало то, что Конституционный суд в Постановлении от 26.11.2020 №48-П (Далее – П КС РФ №48-П) закрепил сложившийся в практике гражданской коллегии ВС РФ подход к пониманию добросовестности по давности владения по статье 234 ГК, согласно которому владения является добросовестным, если лицо знало, что имущество чужое, и знало, кому это имущество принадлежит [8].

Также КС подчеркнул, что понимание добросовестности, предусмотренное в Совместном Пленуме ВС, ВАС 10/22 лишает лицо, которое долгое время владело имуществом как своим, заботилось о нем и несло расходы на содержание имущества, при этом не нарушало прав иных лиц, возможности легализовать своё владение, и поэтому противоречит целям института приобретательной давности.

Новый подход к пониманию добросовестности давностного владения имеет существенное значение для практики реализации приобретательной давности земельных участков. Так, теперь фактически стало возможным приобрести заброшенный земельный участок в собственность по приобретательной давности, а также начать владеть и пользоваться заброшенным участком. В рамках настоящей научной статьи это означает, что лицо, может начать владеть земельным участком, зная заранее, что этот участок ему не принадлежит, и, зная или не зная, кому такой участок принадлежит.

Конечно, земельный участок, которым хочет начать владеть лицо, не имея никаких титулов на него, должен обладать признаками заброшенной вещи, то есть быть запущенным, иметь бесхозно содержимый вид и т.д. Примечательным является

факт, что Конституционный суд в П КС РФ №48-П указал, что для приобретения права собственности по давности владения достаточным является состояние вещи, как фактически брошенной, а сам отказ собственника от собственности, не обязателен. Суд пояснил, что заброшенной является вещь, собственник которой в течение длительного времени устранился от владения вещью, не исполняет обязанностей по её содержанию и не проявляет интереса к ней.

На данный момент в результате произошедших изменений в понимании добросовестности в гражданском законодательстве присутствуют логически противоречащие друг другу положения. Проявляется это в том, что по статье 225 Гражданского кодекса РФ нельзя приобрести право собственности по давности владения на земельный участок, который не имеет собственника, из-за того, что закон не допускает признания земельного участка бесхозным, вследствие презумпции государственной собственности на землю, однако по статье 234 Гражданского кодекса РФ в совокупности с Постановлением КС РФ №48-П участок, который не имеет собственника, т.е. фактически является бесхозным может быть приобретен по давности владения в собственность, так как лицо может им владеть зная, что ему он не принадлежит и, более того, зная, кому участок должен принадлежать (муниципалитету, так как является выморочным имуществом).

Конституционный суд в своем постановлении указал на то, что сама по себе презумпция государственной собственности не может опровергать добросовестность давностного владельца, так как иное ставило бы частных лиц в заведомо невыгодное положение по сравнению с публично-правовыми образованиями, что в свою очередь нарушает принцип равенства субъектов гражданского права. Также суд говорит о том, что государственная собственность является точно такой же собственностью, что и муниципальная или частная, согласно п. 2 статьи 8 Конституции РФ, и, соответственно, не может возникать приоритет какой-либо из них.

Многие авторы, комментируя позицию Конституционного суда по поводу презумпции государственной собственности, полагают, что в результате такого подхода появляется возможность приобрести по давности владения право собственности на неразграниченные земельные участки, находящиеся в публичной собственности. Поэтому смысла в том, что законодатель не признает земельный участок бесхозным, нет. Другие авторы считают, что позиция Конституционного суда поможет решить проблему большого количества заброшенных участков и увеличит количе-

ство удовлетворенных исков о признании давностного владения [7].

В настоящем исследовании, авторы исходят из гипотезы о том, что появление «новой» концепции добросовестности является одним из удачных способов борьбы с огромным количеством заброшенных участков. Однако вызывает сожаление то, что определив правовую позицию Конституционный Суд не сформулировал предложений, направленных на совершенствование российского законодательства путем внесения соответствующих изменений.

Если обратиться к опыту зарубежных стран с развитым правовым порядком, то можно отметить тот факт, что в их законодательстве присутствуют правовые институты, которые позволяют приобрести землю по давности владения. Но также у них существует и презумпция государственной собственности на землю, которая никак не противоречит ранее обозначенному правовому механизму.

Так, согласно статье 937 Германского гражданского уложения (Далее – ГГУ) земельный участок не может быть приобретен лицом в собственность, через институт приобретательной давности, так как согласно названной статье по давности владения можно приобрести только движимую вещь [5]. Однако в статье 927 главы 2 ГГУ содержится положение, по которому лицо, собственник земельного участка, может утратить свое право при условии, если этим земельным участком в течение 30 лет владело другое лицо. Также в данной статье содержится отсылка, что время владения таким земельным участком рассчитывается по правилам о приобретательной давности.

Так, в гражданском законодательстве Германии присутствует ситуация, схожая с той, которая сложилась в российском законодательстве, а именно существование сразу двух институтов приобретательной давности, по одному из которых можно приобрести в собственность земельный участок, а по другому – нет. Также сходство проявляется в том, что в приобретательной давности в немецком праве присутствует критерий добросовестности и понимается он так же, как в Совместном Пленуме ВС, ВАС 10/22: «добросовестным является тот владелец, который полагает себя собственником, но ошибается».

В статье 927 ГГУ, регулирующей приобретение земельного участка лицом, которое владело им в продолжение 30 лет, сказано, что к данному положению применяются правила о приобретательной давности только в части, регулирующий время владению вещью. Про добросовестность в 927 и последующих статьях, посвященных приобретению участка по давности владельца, не упоминается о том, что владение должно быть добросо-

вестным. Соответственно, немецкое законодательство не предусматривает критерия добросовестности, а это означает, что лицо, зная, что оно не является собственником земельного участка, может начать им владеть, и если собственник участка в течение 30 лет не объявится, то он приобретет право собственности на этот участок путем внесения его в вотчинную книгу в качестве собственника. Такой подход видится правильным, так как помогает стабилизировать оборот земельных участков и служит инструментом для возвращения вещей в гражданский оборот.

Можно сделать вывод, что германское законодательство допускает возможным применять к земельному участку институт приобретательной давности, наряду с наличием презумпции государственной собственности.

Если обратиться к французскому опыту регулирования режима бесхозяйной вещи, то можно сказать, что бесхозяйным по Кодексу Наполеона 1804 года (Далее – ФГК) является вещь, собственник которой умер или у которой хозяина никогда не было [6]. Поэтому к нормам о бесхозяйных вещах во Франции относят правила о морских продуктах, о кладе и т.д. Согласно статье 539 ФГК бесхозяйное имущество, собственник которого умер, а наследников нет, принадлежит коммуне, но коммуна может отказаться от данной вещи, и тогда имущество принадлежит государству, частный собственник приобрести право собственности по приобретательной давности на данное имущество не может. Данная позиция также закрепляется в статье 713 ФГК, в которой сказано, что если у имущества нет собственника, то оно принадлежит государству.

В России сейчас схожая ситуация, по которой земельный участок, который не имеет собственника, не может быть приобретен другим лицом по давности владения, но если во Франции нет проблем с большим количеством заброшенных земельных участков, то в России данная проблема актуальна как никогда. Основными выводами авторов выступают:

1) Правовым механизмом устранения бесхозяйности, брошенности земельных участков является возможность применения института приобретательной давности;

2) Осуществить внесение изменений в гражданское законодательство в части: во-первых, следует полностью исключить критерий добросовестности давностного владения. Такую идею поддерживают авторы Концепции развития гражданского законодательства РФ, в которой они вы-

ступают за исключение критерия добросовестности из давности владения, а также за то, что виндикационный иск не задавнивался, т.е. собственник вещи в течение 15 лет может потребовать свою вещь обратно [3]. Во-вторых, поименовать применение режима бесхозяйной вещи к земельным участкам, для чего внести изменения в статью 225 Гражданского кодекса РФ, в которой указать, что земельный участок, который ранее уже был поставлен на кадастровый учет, может быть признан бесхозяйным, вследствие чего лицо, которое владело таким участком более 15 лет, имеет право признать право собственности на этот участок. Такой подход не будет противоречить ч. 2 статьи 8 Конституции РФ, о равенстве всех форм собственности. Сказанное не означает возможность признания права собственности на неразграниченные земельные участки, однако позволит реализовать право заинтересованных давностных владельцев в отношении бесхозяйных земельных участков, которые были учтены, однако собственник, которых умер, или собственник которых неизвестен, либо отказался от права на участок (т.е. фактически устранился от владения вещью, и в течение 15 лет не проявлял к ней интереса).

3) Внести изменения в п. 3 ст. 225 ГК РФ предусмотрев ее в следующей редакции «По истечении года со дня постановки бесхозяйной недвижимой вещи на учет, орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом, может обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на эту вещь. Не осуществление настоящего права является основанием для возможности подачи заявления в суд о признании права собственности в силу приобретательной давности».

Таким образом, в результате данных изменений возможно решить проблему большего количества бесхозяйных земельных участков и их освоения, содержания, сохранения ценных свойств; у заинтересованных лиц появится возможность легализации прав; давностные владельцы во время своего владения могут применять вещные защиты права собственности от нарушителей; правопреемники давностного владельца могут наследовать данный участок путем присоединения времени владения наследодателя к своему времени владения, что также способствует стабильности гражданского оборота объектов недвижимости; органы местного самоуправления будут заинтересованы в наделении полномочий тех, кто будет обеспечивать выявление, учет и оформление прав на бесхозяйное недвижимое имущество.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 14.05.2022)
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=kwHIP8TSCjVx5QXy2&cacheid=085F82C68D0E2F7E953EC5DBFC721C77&mode=splus&rnd=Tzi76w&base=LAW&n=416285#dxyPP8TDFvRGY8XG> (дата обращения: 16.05.2022)
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=95075&dst=100032#9HQmP8TC4L4KpTCY> (дата обращения: 25.05.2022)
4. Об установлении Порядка принятия на учет бесхозных недвижимых вещей: Приказ Минэкономразвития России от 10.12.2015 № 931 (зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2016 № 41899) [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197192/ (дата обращения 18.05.2022)
5. Германское гражданское уложение [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 23.05.2022)
6. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) 1804 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/231/34260.php> (дата обращения: 24.05.2022)
7. Конституционный суд разъяснил приобретательную давность [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/227878/> (дата обращения 23.05.2022)
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова» // Решения, постановления и определения судов [Электронный ресурс]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=PTiP8T0MamlX1mo&cacheid=FB477E6128C63C4D0459D90CC09936C1&mode=splus&rnd=DWMu0Q&base=LAW&n=369276#eAUiP8TGOKFt01F6> (дата обращения 23.05.2022)
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения: 20.05.2022)
10. Решение Емельяновского районного суда Красноярского края от 12.10.2016 по делу № 2-2181/2016 М-956/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6mqtxNiEАНw/> (дата обращения: 20.05.2022)

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii chast' 1: Federal'nyj zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ [Jelektronnyj resurs]. SPS «Konsul'tant Pljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (data obrashhenija: 14.05.2022)
2. O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti: Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ [Jelektronnyj resurs]. SPS «Konsul'tantPljus». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=kwHIP8TSCjVx5QXy2&cacheid=085F82C68D0E2F7E953EC5DBFC721C77&mode=splus&rnd=Tzi76w&base=LAW&n=416285#dxyPP8TDFvRGY8XG> (data obrashhenija: 16.05.2022)
3. Koncepcija razvitija grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) [Jelektronnyj resurs]. SPS Konsul'tantPljus. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=95075&dst=100032#9HQmP8TC4L4KpTCY> (data obrashhenija: 25.05.2022)
4. Ob ustanovlenii Porjadka prinjatija na uchet beshozhajnyh nedvizhimyh veshhej: Prikaz Minjeko-nomrazvitija Rossii ot 10.12.2015 № 931 (zaregistrovano v Minjuste Rossii 21.04.2016 № 41899) [Jelektronnyj resurs]. SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197192/ (data obrashhenija 18.05.2022)

5. Germanskoe grazhdanskoe ulozhenie [Jelektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Germanskoe_grazhdanskoe_ulozhenie (data obrashhenija: 23.05.2022)
6. Grazhdanskij kodeks (Kodeks Napoleona) 1804 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pandia.ru/text/77/231/34260.php> (data obrashhenija: 24.05.2022)
7. Konstitucionnyj sud raz#jasnil priobretatel'nuju davnost' [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pravo.ru/story/227878/> (data obrashhenija 23.05.2022)
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.11.2020 № 48-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 234 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanina V. V. Volkova». Reshenija, postanovlenija i opredelenija sudov [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=PITiP8T0MamlX1mo&cacheid=FB477E6128C63C4D0459D90CC09936C1&mode=splus&rnd=DWMu0Q&base=LAW&n=369276#eAUiP8TGOKFt01F6> (data obrashhenija 23.05.2022)
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 «O nekotoryh voprosah, vznikajushih v sudebnoj praktike pri razreshenii sporov, svjazannyh s zashhi-toj prava sobstvennosti i drugih veshnyh prav» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (data obrashhenija: 20.05.2022)
10. Reshenie Emel'janovskogo rajonnogo suda Krasnojarskogo kraja ot 12.10.2016 po delu № 2-2181/2016 M-956/2016 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6mqtxNiEAHNw/> (data obrashhenija: 20.05.2022)

*Vronskaya M.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Trushkov I.I.,
Vladivostok State University*

CURRENT ISSUES OF ACQUISITION OF RIGHTS TO OWNED LAND IN GARDEN NON-PROFIT PARTNERSHIPS

Abstract: in the Russian Federation today there are a large number of abandoned land plots, the owners of which do not bear the burden of maintaining their land or the owners of these land plots. The number of abandoned land plots in GNPP is not decreasing, which is confirmed by statistics. The subject of the study is to identify the problems of the legislation of the Russian Federation that do not allow to effectively solve the problem of abandoned sites, as well as to identify ways to eliminate these problems. The author examines in detail the state of an abandoned land plot as an ownerless thing and the method of acquiring an abandoned land plot into ownership through the institution of acquisitive prescription. Particular attention is paid to the criterion of good faith of a long-term owner, which should be brought to a uniform understanding in the Russian Federation, which will allow long-term owners to acquire abandoned land plots. The main conclusions of this work are that it is necessary to make changes to the current legislation, which are as follows: firstly, it is necessary to recognize the state of the land plot as an ownerless thing; secondly, to eliminate the criterion of good faith of the old owner.

Keywords: abandoned land, ownerless land, acquisitive prescription, conscientiousness

*Новикова Е.А., кандидат юридических наук, профессор,
Карпушин О.Е., начальник факультета,
Ряполова А.В.,
Новикова Я.О.,*

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы правовой регламентации процессуального порядка изъятия документов и предметов при проверке сообщения о преступлении, дифференциации процессуальных способов изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела. Авторами исследования констатируется, что законодательными изменениями правоприменителю предоставлены полномочия по изъятию предметов и документов при проверке сообщения о преступлении, но при этом не детализирован порядок производства данного процессуального действия. Указанное обстоятельство обусловило возникновение в судебно-следственной практике проблем, связанных с неопределенностью истолкования и правоприменения.

Названные аспекты являются предметом изучения в правовой литературе, однако ненадлежащим образом исследованы учеными в судебно-следственной практике. Авторами на основе анализа опубликованной следственной и судебной практики сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: изъятие документов и предметов, выемка, осмотр места происшествия, рассмотрение сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела

Вопросы изъятия документов и предметов на стадии возбуждения уголовного дела стали предметом научных дискуссий и обусловлены, прежде всего, отдельными проблемами правоприменения.

Ретроспективный анализ положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих в разные исторические периоды порядок изъятия предметов и документов, позволил установить, что еще в ст. 270 Устава уголовного судопроизводства 1864 года было закреплено положение, согласно которому законные требования судебного следователя исполняются как полицией, так и присутственными местами, должностными и частными лицами без замедления. В ходе правовой реформы 1958-1960 гг. в УПК РСФСР 1960 г. было включено полномочие прокурора, следователя, органа дознания и судьи на истребование необходимых материалов (ч. 2 ст. 109). Однако в УПК РФ 2001 года такого полномочия следователя (дознателя) не было, и только Федеральным законом от 4 марта 2013 года ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена формулировкой, согласно которой в ходе проверки сообщения о преступлении допускается истребование документов и предметов и их изъятие [1, с. 87].

Законодательные изменения предоставили правоприменителю полномочия по изъятию предметов и документов при проверке сообщения о преступлении, но при этом не детализировали порядок производства данного процессуального действия. Указанное обстоятельство обусловило возникновение в судебно-следственной практике

проблем, связанных с неопределенностью истолкования и правоприменения предписания «изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» [2]. Вместе с тем, проведенный авторами анализ статистических данных, констатировал, что необходимость в производстве выемки по уголовным делам с каждым годом только возрастает.

По данным официальной судебной статистики в 2018 году в суды было направлено 126 838 ходатайств о производстве выемки, из которых удовлетворено – 120 682, в 2019 году – 127 825, из которых удовлетворено – 121 233, в 2020 – 130 825, из которых удовлетворено – 124 051, а в 2021 году количество поданных ходатайств о производстве выемки достигло 138 075, из которых было удовлетворено 95%. [3].

«Многие следователи, как справедливо заключает К.А. Костенко, не в полной мере понимают основания и цель производства осмотра предметов и документов до возбуждения уголовного дела, неверно применяют процессуальное законодательство, предусматривающее основания и порядок изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела» [4, с. 71]. В отдельных следственных ситуациях, связанных с необходимостью изъятия предметов или документов на стадии возбуждения уголовного дела, происходит процессуальная подмена одного процессуального действия другим. В частности, в тех случаях, когда необходимо произвести изъятие в ходе проверки сообщения о преступлении, следователи, дознаватели, орган дознания в основном осу-

ществляют его посредством производства осмотра места происшествия или получения образцов для сравнительного исследования.

Анализ норм УПК РФ, в которых встречается слово «изъятие» или хотя бы предполагается изъятие чего бы то ни было в ходе уголовного судопроизводства, как пишет профессор С.Ф. Шумилин, приводит к выводу, что действие, которое называется «изъятие» является составным элементом таких следственных действий, как осмотр места происшествия, жилища или иного помещения, обыск и выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» [1, с. 88].

Полемизируя на страницах научных изданий, ученые – процессуалисты высказывают диаметрально противоположные мнения по вопросу правомерности производства выемки на стадии возбуждения уголовного дела.

Сторонники процессуальной возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела полагают, что применительно к истребованию и изъятию документов, предметов не требуется «какого-либо законодательного дополнительного пояснения и правоприменитель уполномочен проводить выемку и обыск при проверке сообщения о преступлении» [5, с. 39]. При этом указанная точка зрения находит свое подтверждение в правоприменительной практике.

Так, «дата» следователь Д. в ходе проверки сообщения о преступлении обратился в Симоновский районный суд г. Москвы с ходатайством о разрешении выемки медицинских документов в ООО НПЦ «СХиО». Рассмотрев ходатайство следователя и материалы проверки сообщения об обнаружении трупа Г., суд удовлетворил ходатайство следователя.

Адвокат И. обжаловала постановление суда как незаконное и необоснованное, поскольку суд первой инстанции в нарушение требований УПК РФ удовлетворил заявленное следователем ходатайство в рамках проверки, проводимой в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, хотя такое ходатайство могло быть заявлено исключительно в рамках возбужденного уголовного дела. Суд в апелляционном постановлении не согласился с доводами адвоката и оставил постановление Симоновского районного суда в силе. По результатам рассмотрения данного дела апелляционная инстанция сформулировала правовое положение следующего содержания: «Ходатайство о разрешении выемки медицинских документов удовлетворено правомерно, поскольку суд при принятии решения строго руководствовался требованиями уголовно-процессуального закона и должным образом мотивировал свои выводы о необходимости производства выемки медицинских документов органи-

зации в рамках проводимой в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ проверки» [6].

Отдельные ученые в своих научных трудах указывают на недопустимость производства выемки на стадии возбуждения уголовного.

По мнению Е.В. Марковичевой и В.Ф. Васюкова, «производить выемку документов и предметов, предусмотренную ст. 183 УПК РФ, следовательно может только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и принятия его к производству. Иное понимание нормы УПК РФ может привести к необоснованному ограничению прав граждан на стадии возбуждения уголовного дела, получению недопустимых доказательств, нивелированию авторитета компетентных органов» [6, с. 65].

«Системное толкование уголовно-процессуальных норм», как пишет К.Б. Калининский, «позволяет утверждать, что производить выемку до того, как уголовное дело будет возбуждено, недопустимо. Статья 156 УПК прямо указывает, что предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а в содержание предварительного расследования входит производство следственных действий» [7], при этом, детализировав, что «из этого правила законодатель предусмотрел пять исключений: производство экспертизы (включая получение образцов для сравнительного исследования), осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр трупов, освидетельствование» [7].

Изъятие предметов и документов при производстве осмотра места происшествия, как показал анализ судебно-следственной практики, один из наиболее распространенных способов процессуального изъятия объектов при проверке сообщения о преступлении.

Результаты осмотра места происшествия, оформленные протоколом и приложениями к нему, имели доказательственное значение по уголовному делу по обвинению Щ. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Так, «данные изъятия» в период времени «данные изъятия» Щ., обнаружив на участке местности в 850 метрах южнее телевышки и 700 метрах юго-западнее здания ООО «КОС» «данные изъятия» мотоцикл марки «HONDA» (Хонда) модель «CBR600RR5ED» стоимостью 267 840 рублей, принадлежащий В., действуя умышленно, незаконно, с целью тайного хищения чужого имущества и обращения его в свою пользу, воспользовавшись отсутствием должного контроля со стороны собственника и иных лиц, и убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, путем свободного доступа перекатил указанное транспорт-

ное средство в яму, расположенную на участке местности в 138 метрах северо-восточнее от места его обнаружения – проселочной дороги к «данные изъяты», где спрятал мотоцикл с целью сокрытия, намереваясь в дальнейшем вернуться за ним. В продолжение своего преступного умысла, направленного на хищение чужого имущества, «данные изъяты» Щ. прибыл на указанный участок местности, где воспользовавшись помощью заранее неосведомленных о его преступных намерениях Б., П. и А. перекатил мотоцикл из ямы в гараж, тайно похитив его, распорядившись имуществом по своему усмотрению, причинив потерпевшему В. имущественный ущерб в сумме 267 840 рублей, то есть в крупном размере.

В приговоре суд указал, что вина подсудимого Щ. в совершении хищения подтверждается в том числе: протоколом осмотра места происшествия «данные изъяты» с план-схемой и иллюстрационной таблицей, согласно которому на участке местности в 850 метрах южнее телевышки и 700 метрах юго-западнее ООО «КОС» «данные изъяты» в месте указанном заявителем В. обнаружены и изъяты по траектории движения преступника в направлении телевышки фрагмент резины с пылевым следом протектора шины транспортного средства, фрагмент резинового шланга с фрагментом пылевого следа обуви, два следа обуви на проселочной дороге изъяты на гипсовые слепки, а также копии ПТС и договора купли-продажи мотоцикла; протоколом осмотра места происшествия от «данные изъяты» с иллюстрационной таблицей к нему, согласно которому в помещении гаража № гаражного кооператива «За рулем» «данные изъяты» обнаружен и изъят мотоцикл марки «HONDA» модель CBR600RR5ED, три следа папиллярных линий; протоколами получения образцов для сравнительного исследования: от «данные изъяты», согласно которому у Щ. изъяты кроссовки белого цвета 41 размера; протоколом получения образцов для сравнительного исследования от «данные изъяты», согласно которому у Щ. получены образцы папиллярных линий рук; от «данные изъяты», согласно которому у потерпевшего В. получены образцы протектора шин мотоцикла марки «HONDA» модель CBR600RR5ED.

Аналогичным способом были изъяты предметы на этапе проверки сообщения о преступлении «данные изъяты» по адресу «данные изъяты». Так, в ходе ссоры П. с помощью кухонного ножа нанес А. колото-резаное проникающее слепое ранение живота. После чего, А. был доставлен в больницу.

В приговоре №22-546/2020 от 13 мая 2020 года в качестве доказательств, был указан протокол осмотра места происшествия, в рамках которого были изъяты предполагаемые следы преступле-

ния, в частности 4 кухонных ножа, полотенце со следами бурого цвета, футболка и куртка, принадлежащие И. Ульяновским областным судом указанный протокол признан допустимым доказательством.

Изучение авторами судебно-следственной практики подтверждает суждение о том, что помимо уголовно-процессуального порядка изъятия документов и предметов, предусмотренного в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, последнее может осуществляться посредством, личного досмотра, получения образцов для сравнительного исследования, в результате проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Правоприменительная практика по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, изобилует примерами изъятия предметов посредством производства личного досмотра, результаты которого имели доказательственное значение в соответствующих судебных решениях.

Например, по уголовном делу по факту покушения М. и К. на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») следователем в содержательную часть обвинительного заключения, а судом – приговора, положены результаты личных досмотров М. и К.

Так, М., не позднее «данные изъяты», действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, согласно ранее достигнутой с К. договоренности о совместном оборудовании тайников с наркотическим средством в разных частях города «данные изъяты», выполняя отведенную им преступную роль в качестве «закладчиков», продолжил совместно с К. незаконно хранить в салоне автомобиля часть незаконно приобретенного «данные изъяты» наркотического средства, не менее чем в 34 полимерных свертках, общей массой не менее чем 17,35 грамма, относящихся к крупному размеру, находящихся в двух пачках из под сигарет. М., на принадлежащем ему автомобиле «данные изъяты» под управлением последнего, незаконно перевезли часть наркотического средства на участок местности, расположенный на расстоянии 170 метров от дома «данные изъяты» с целью последующего незаконного сбыта в составе группы лиц по предварительному сговору.

Реализуя совместный преступный умысел, не позднее «данные изъяты» М., управляя автомобилем «данные изъяты», припарковал автомобиль возле указанного участка местности, и действуя согласно отведенной М. и совместно с ним К. преступной роли в качестве «закладчика», оборудовал путем «данные изъяты» тайник, в который поме-

стил вещество, являющееся наркотическим средством, относящегося к значительному размеру, упакованное в полимерный сверток желто - зеленого цвета, в то время как он К. наблюдал за окружающей обстановкой, с целью своевременно предупредить о возможном обнаружении посторонними лицами их преступной деятельности, и иметь возможность совместно с К. скрыться с места преступления. М. зафиксировал путем фотосъемки на сотовый телефон «данные изъяты», модель – «данные изъяты», imei – «данные изъяты», точное местоположение оборудованного М. и К. «тайника» и сделал описание указанного места, с целью в последующем сообщить посредством информационно-телекоммуникационных сетей в приложении «Telegram» (Телеграм) сведения, зарегистрированным в указанном приложении под неустановленными в ходе предварительного следствия никнеймом и именем пользователя.

Оставшуюся часть наркотического средства, «данные изъяты», расфасованного не менее чем в 33 полимерных свертка, общей массой не менее чем 16,83 грамма, относящемуся к крупному размеру, продолжили незаконно совместно хранить в салоне автомобиля, возле «данные изъяты» и карманах брюк, для последующего незаконного сбыта в составе группы лиц по предварительному сговору на территории города «данные изъяты». Довести преступный умысел до конца, М. и К. совместно с неустановленными лицами не смогли по независящим от них обстоятельствам, так как в «данные изъяты» были задержаны сотрудниками полиции и в установленном законном порядке сотрудниками полиции были изъяты полимерные свертки с веществом, являющимся наркотическим средством, содержащим производное «данные изъяты», массой «данные изъяты» грамма, относящихся к значительному размеру.

Доказательствами, свидетельствующими о причастности М. и К. к инкриминируемому деянию, наряду с другими доказательствами, стали протоколы личного досмотра, согласно которым у М. и К. обнаружены и изъяты полимерные свертки с наркотическим веществом, а также мобильный телефон М.

Изучение авторами судебной практики свидетельствует о том, что одним из способов изъятия предметов, документов являются результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом суды в соответствующих решениях в большинстве своем формулируют правовые положения о том, что «совокупность представленных доказательств, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности при осуществлении ОРМ, соответствуют требованиям допустимости доказательств, а результаты

оперативно-розыскной деятельности получены и переданы органу предварительного расследования и суду в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона».

Центральный районный суд города Кемерово в приговоре №1-122/2019 от 11 июля 2019 г. по делу № 1-597/2018 по обвинению Ш. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ указал о том, что показания Ш. и указанных (в приговоре) свидетелей дополняются и подтверждаются письменными материалами дела, в частности, материалами ОРМ: протоколами обследования зданий, помещений, участков местности, транспортных средств в помещении ООО ЧОП «Отчизна» и ГАУ КО «Санаторий Борисовский», ОРМ «наблюдение» в отношении «данные изъяты», ОРМ-опрос-протоколами опросов и «данные изъяты», «данные изъяты» и «данные изъяты», Ш., наведение справок, актом добровольной выдачи предметов от «данные изъяты», при проведении ОРМ «обследование зданий, сооружений и участков местности, транспортных средств» в санатории «Борисовский», копиями платежных поручений о перечислении денежных средств по договорам от и «данные изъяты» с расчетного счета ООО «ЧОП Отчизна» «Юридическому агентству» в суммах, о которых пояснял Ш., С., что подтверждается и копиями выписок о движении денежных средств со счета ООО ЧОП «Отчизна», копиями выписок о движении денежных средств по счету ООО «Юридическое агентство», копиями тендерной документации на право заключения договоров по охране Санатория «Борисовский», копиями документов о занимаемом должностном положении и «данные изъяты», протоколами осмотров детализацией телефонных соединений на номера абонентов Ш. 2 «данные изъяты», «данные изъяты», «данные изъяты» и др., копией заключения эксперта по видеозаписям встреч Л. и С., и другими исследованными материалами.

Проблемы, связанные с нормативной регламентацией процессуального порядка изъятия документов и предметов при проверке сообщения о преступлении, обусловили внесение авторами предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Видится целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, изложив второе предложение первого абзаца в следующей редакции: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, указанном в пункте 1.3 настоящей статьи...».

Статью 144 УПК дополнить п. 1.3 следующего содержания: «Изъятые документы и предметы предъявляются лицам, присутствующим при изъятии, и в случае необходимости упаковываются и

опечатываются на месте изъятия, что удостоверяется подписями указанных лиц.

При производстве изъятия документов и предметов составляется протокол изъятия в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса».

Литература

1. Шумилин С.Ф. Следственная деятельность: цели и средства достижения: монография. Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. 128 с.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: текст в редакции от 7 октября 2022 года: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Судебная статистика РФ. <http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 03.11.2022)
4. Костенко К.А. К вопросу об изъятии предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 2 (12). С. 70 – 73.
5. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37 – 42.
6. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе. Москва: Изд-во Проспект, 2016. 80 с.
7. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3 (135). С. 44 – 51.

References

1. Shumilin S.F. Sledstvennaja dejatel'nost': celi i sredstva dostizhenija: monografija. Belgorod : Bel JuI MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2017. 128 s.
2. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ: tekst v redakcii ot 7 oktjabrja 2022 goda: [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 22 nojabrja 2001 goda: odobren Sovetom Federacii 5 dekabrja 2001 goda]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
3. Sudebnaja statistika RF. <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/15/s/13> (data obrashhenija: 03.11.2022)
4. Kostenko K.A. K voprosu ob iz#jatii predmetov i dokumentov v stadii vzbuzhdenija ugovnogo dela. Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2017. № 2 (12). S. 70 – 73.
5. Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. Sledstvennye dejstvija kak sposoby proverki soobshhenija o prestuplenii. Zakonnost'. 2014. № 7. S. 37 – 42.
6. Markovicheva E.V., Vasjukov V.F. Problemnye voprosy vzbuzhdenija ugovnyh del na sovremennom jetape. Moskva: Izd-vo Prospekt, 2016. 80 s.
7. Kalinovskij K.B. Vyemka do vzbuzhdenija dela narushaet konstitucionnyj princip sorazmernosti ograni-chenija prav grazhdan. Ugovnyj process. 2016. № 3 (135). S. 44 – 51.

*Novikova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Professor,
Karpushin O.E., Head of the Faculty,
Ryapolova A.V.,
Novikova Ya.O.,*

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

ON THE ISSUE OF REGULATORY REGULATION OF THE SEIZURE OF OBJECTS AND DOCUMENTS AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Abstract: the article deals with the issues of legal regulation of the procedural procedure for the seizure of objects and documents when checking a crime report, differentiation of procedural methods for the seizure of objects and documents at the stage of initiation of a criminal case. The authors of the study state that legislative amendments have given the law enforcement officer the authority to seize items and documents when checking a crime report, but the procedure for the production of this procedural action is not detailed. This circumstance caused the emergence of problems in judicial and investigative practice related to the uncertainty of interpretation and law enforcement.

The above aspects are the subject of study in the legal literature, but have not been adequately investigated by scientists in forensic investigative practice. Based on the analysis of published investigative and judicial practice, the authors formulated proposals for improving criminal procedural legislation and the practice of its application.

Keywords: seizure of objects and documents, seizure, inspection of the scene, consideration of a crime report, the stage of initiation of a criminal case

*Шатохина Е.Д., старший следователь, аспирант,
Следственный отдел по г. Калуга следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Калужской области,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации*

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ НА ПРИМЕРАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕДОМСТВ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АСПЕКТЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРОКУРОРУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

Аннотация: в статье анализируется практическая деятельность органов и их должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, на примерах взаимодействия ведомств Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации. Автором раскрываются понятия и существо деятельности органов внутренних дел, наделённых полномочиями по расследованию уголовных дел, а также Следственного комитета Российской Федерации; даны понятия термина «предварительное следствие» с нескольких точек зрения учёных-процессуалистов. Кроме того, в статье обращается внимание на трудности взаимодействия органов следствия, которые обусловлены рядом причин. Прежде всего, такие проблемы имеют место при передаче уголовных дел из одного ведомства в другое для дальнейшего следствия по ним. Основаниями для такой передачи дел являются: изменение следственной ситуации по делу и переквалификация уголовного деяния, содержащего признаки уголовного преступления; изъятие уголовного дела прокурором из органов внутренних дел и направления его в Следственный комитет для соединения в одно производство с уже имеющимся уголовным делом; определение подследственности прокурором уголовных дел, не относящихся к подследственности Следственного комитета, в связи с наличием высокой степени общественной безопасности и резонанса. При этом, как показывает следственная практика, в действительности уголовные дела, поступающие из одного ведомства в другое, зачастую содержат дефекты, а некоторые из них существенные недостатки, негативно влияющие на качество и полноту следствия. В связи с имеющимися в практической деятельности проблемами и «ошибками следствия», автором предложены пути разрешения таких проблем.

Ключевые слова: органы предварительного следствия; «следственные ошибки»; должностные лица; Министерство внутренних дел Российской Федерации; Следственный комитет Российской Федерации; межведомственное взаимодействие

Актуальные нормы уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [1], отнесённого к категории федерального закона, действие которого на территориях всех субъектах нашей страны одновременно распространено во времени, в пространстве и по кругу лиц, не содержит чёткого определения термина «предварительное следствие», в связи с чем следует обратиться к определениям настоящего понятия, сформулированным в научных трудах.

И.И. Сыдорук полагает, что «Предварительное следствие как самостоятельная форма расследования представляет собой систему определенных действий, являющихся как бы внешней оболочкой деятельности следователя» [2, с. 172-173].

А.В. Смирнов указывает, что «Предварительное следствие – это наиболее полная форма предварительного расследования, обеспечивающая максимальные гарантии установления истины и реализации прав участников процесса» [3, с. 432].

А.Ю. Шумилов раскрывает данное понятие следующим образом: «Предварительное следствие – основная форма предварительного расследова-

ния преступлений, начинающаяся после возбуждения уголовного дела и заканчивающаяся направлением уголовного дела прокурору или прекращением по основаниям, предусмотренным УПК РФ» [4, с. 289].

Н.Е. Павлов отмечает: «Предварительное следствие является основной и наиболее полной формой досудебного установления обстоятельств совершенного преступления и проводится по подавляющему большинству уголовных дел» [5, с. 8].

Каждое определение по праву индивидуально и самостоятельно, предоставляет возможность читателю настоящей статьи понять существо такого этапа уголовного судопроизводства как «предварительное следствие», а также определение данного термина.

Далее представляется логичным и правильным дать определения ведомствам, которые будут анализироваться в настоящей статье. В отличие от термина «предварительное следствие», определения органов нашли своё законодательное закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах.

В ч. 1 ст. 1 ФЗ от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 20.10.2022) "О Следственном комитете Российской Федерации" [6] дано определение ведомства, где он «является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства».

Согласно ст. 1 Приложения – Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждённого Приказом МВД России от 01.07.2011 г. N 780 "Об утверждении положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации" (в ред. от 14.02.2020) Следственный департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации (Следственный департамент МВД России) является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также правоприменительные полномочия в сфере расследования преступлений, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации, а также исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве [7].

В ч. 2 ст. 151 УПК РФ законодательно закреплено, что предварительное следствие производится следователями Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации, а также органов федеральной службы безопасности. В настоящей статье более подробно остановимся и разберём аспекты взаимодействия должностных лиц на примере первого и второго ведомств, указанных в настоящей статье.

Как следует из смысла основного уголовно-процессуального закона, к подследственности органов Следственного комитета относят категории тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых в том числе несовершеннолетними лицами; преступлений о нарушениях конституционных и гражданских прав граждан; преступлений, совершённых лицами, обладающими особым правовым статусом; преступлений, совершённых должностными лицами, а также военными в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, а также отдельные категории уголовных преступлений, имеющих альтернативную подследственность.

Кроме того, положения УПК РФ также закрепляют и подследственность уголовных дел органов системы внутренних дел, перечень которых также

является чётко регламентированным. Предварительное следствие органами внутренних дел осуществляется по уголовным делам различной категории тяжести, которые одновременно с этим являются и имеют большую распространённость, нежели преступления, расследуемые следователями других ведомств. К таковым относят преступления против личности, имущества и общественного порядка, различные преступления в сфере экономической деятельности и многие другие, в том числе также имеющие альтернативную подследственность.

Складывающаяся следственная практика показывает, что нередки случаи передачи уголовных дел из органов внутренних дел в Следственный комитет для производства дальнейшего следствия.

Указанное решение может быть принято руководителем следственного органа внутренних дел, входящего в состав МВД России, либо его заместителем в случае изменения следственной ситуации по делу и в связи с переквалификацией уголовного деяния, содержащего признаки уголовного преступления. Например, следователем следственного отдела № 1 следственного управления УМВД России по г. Калуга 14.09.2022 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п.п. «д», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ по факту причинения из хулиганских побуждений тяжкого вреда здоровью Ш., после чего через непродолжительное время 19.09.2022 в медицинском учреждении наступила смерть Ш., причиной которой явилась колото-резаное ранение спины, по левой лопаточной линии, на уровне седьмого межреберья, проникающего в левую плевральную полость, с повреждением нижней доли левого лёгкого, восьмого левого ребра, пристеночной плевры и межрёберных мышц. Указанный случай иллюстрирует изменение как следственной ситуации по делу (смерть потерпевшего), так и переквалификации деяния обвиняемого лица (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Также в целях проведения всестороннего, полного и объективного следствия и справедливого разрешения уголовного производства в суде в наиболее короткие сроки, имеют место случаи определения подследственности уголовных дел прокурором в соответствии с полномочиями, предоставляемыми ч. 7 ст. 151 УПК РФ, и дальнейшей передачи уголовного дела из органа внутренних дел в Следственный комитет для принятия решения о соединении таких дел в одно производство и осуществления дальнейшего следствия в случае, если должностным лицом Следственного комитета уже инициировано уголовное преследование в отношении лица, которое одновременно с этим имеет аналогичный процессуальный статус

подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле, возбужденного полицейским следствием. Например, следственным отделом по г. Калуга следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Калужской области (далее – СО по г. Калуга) 11.10.2021 возбуждено уголовное дело в отношении П. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ. Одновременно с этим следственным отделом №1 следственного управления УМВД России по г. Калуга в отношении П. 15.10.2021 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, по которому в дальнейшем прокурором г. Калуга была определена подследственность Следственному комитету, материалы уголовного дела направлены в СО по г. Калуга для решения вопроса о соединении данных уголовных дел в одно производство и дальнейшего следствия.

Наконец, в следственной практике всё чаще стали встречаться уголовные дела, хоть и относимые к подследственности органов внутренних дел, но по которым ввиду высокого общественного резонанса и повышенной общественной опасности прокурором определяется подследственность таких дел Следственному комитету в целях наиболее качественного и полного следствия по ним. Например, следственным отделом № 2 следственного управления УМВД России по г. Калуга 26.06.2019 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ в отношении П. В ходе следствия было установлено, что П. 24.04.2019 в период с 18 часов 00 по 19 часов 40 минут он, находясь по адресу: (данные изъяты), действуя умышленно, повалил на пол свою племянницу С. и обхватив ее руками за шею, стал душить, тем самым создавая угрозу жизни и здоровья С., которая находилась в состоянии беременности в ограниченном пространстве с П., и, учитывая сложившуюся обстановку, агрессивное состояние и действия П., восприняла данную угрозу как реальную и опасную для своей жизни и здоровья. По данному уголовному делу в связи с наличием вышеупомянутых оснований прокурором г. Калуга была определена подследственность, и оно было направлено для дальнейшего следствия в СО по г. Калуга.

Уголовные дела, направляемые из органов внутренних дел, перед их приёмкой и регистрацией тщательным образом изучаются руководством подразделения следственного органа, в который они поступили. Как показывает практика, зачастую поступившие дела имеют ряд недостатков, которые условно можно разделить на следующие категории:

- оформительские (отсутствие подписи должностного лица, составившего документ, незаполненные графы протоколов следственных и процессуальных действий, отсутствие приложений к протоколам следственных действий, а также иные);

- технические (опечатки, ошибки в протоколах следственных и процессуальных действий, процессуальных решениях, а также иные);

- нарушения норм УПК РФ (не направление уведомления о возбуждении уголовного дела заинтересованным лицам, не разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства, ознакомление с постановлениями о назначении судебных экспертиз лиц, имеющих право на ознакомление с ними, уже после получения заключения экспертизы, не предъявление обвинения в 10-суточный срок с момента избрания меры пресечения, а также иные).

Отдельно следует выделить в качестве недостатка случаи не направления изъятых в ходе следственных действий предметов вместе с уголовным делом при передаче такового в другой следственный орган. К сожалению, такие случаи не являются единичными. Так, в производстве СО по г. Калуга находилось уголовное дело, возбуждённое 06.03.2020 следственным отделом № 2 следственного управления УМВД России по г. Калуга по признакам преступления, предусмотренного п. "а", "б", "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ, которое в дальнейшем для производства предварительного следствия направлено в СО по г. Калуга. 04.03.2020 в рамках доследственной проверки следователем в ходе осмотра места происшествия - скупки металла - изъято похищенное имущество потерпевшей К., а именно две отопительные батареи. В сопроводительном письме о направлении уголовного дела в иной следственный орган изъятые предметы не значились. В ходе следствия было установлено, что изъятые предметы, которые являлись похищенным имуществом К., и имели непосредственное отношение к расследованию, были утеряны должностными лицами следственным отделом № 2. В связи с изложенным, расследования уголовного дела было осложнено отсутствием объекта преступного посягательства, а также трудностями в его объективной стоимостной оценке в целях установления имущественного ущерба потерпевшей, что входит в непосредственный предмет доказывания по настоящему уголовному делу. В качестве меры реагирования на указанное нарушение, в адрес начальника следственного управления УМВД России по Калужской области внесено представление об устранении нарушений закона, а также инициирована процессуальная проверка в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ в отношении должностных лиц, допустивших

невосполнимую утрату по сути вещественных доказательств.

Конечно же, возможность передачи уголовного дела существует и в обратном направлении: от следователей Следственного комитета к следователям органов внутренних дел. Указанное возможно при выделении уголовного дела из основного в отношении совершеннолетнего подозреваемого либо обвиняемого лица, совершившего, например, тяжкого преступления в соучастии с несовершеннолетним лицом, например, при совершении ими кражи, то есть тайного хищения чужого имущества, совершённого группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В таком случае выделенное уголовное дело в отношении совершеннолетнего будет направлено для дальнейшего следствия по подследственности в органы внутренних дел.

По мнению А.Т. Дугина можно выделить объективные и субъективные причины ошибок следствия. В качестве объективной причины нарушений уголовно-процессуального закона А.Т. Дугин рассматривает профессиональную характеристику особенностей следственной работы, определяющую возможности допущения следователями ошибок. Причины субъективного характера, называемые А.Т. Дугиным, представляют собой определенную профиограмму некоторых отрицательных качеств следователя, безусловно, сказывающихся на допускаемых им следственных ошибках [8, с. 61].

В своём научном труде В.И. Власов рассматривает причины следственных ошибок, называя среди них следующие:

1) низкий уровень деловых качеств следователя;
2) отсутствие должных политических, моральных, а также некоторых специальных, необходимых для профессии следователя качеств, их недостаточное развитие;

3) организационные недостатки, перегрузки в работе следователя. Кроме того, он выделяет условия, способствующие совершению следственных ошибок:

а) недостатки в осуществлении прокурорского надзора;

б) недостатки участия адвокатов в предварительном расследовании [9, с. 97, 113].

Нельзя не согласиться и с позициями А.Т. Дугина и В.И. Власова, чётко определившими и классифицировавшими причины так называемых следственных ошибок.

Вместе с перечисленными причинами, изложенными в своих трудах В.И. Власовым и А.Т.

Дугиным, полагаю возможным также указать на ещё на одну причину, являющуюся по мнению автора настоящей статьи, значимым аспектом. К таковой можно отнести количественный некомплект кадров следствия, что в свою очередь приводит к увеличению фактической нагрузки уголовными делами следователей, и, как следствие этого, рассеивание внимания на них.

Подводя итог вышесказанному и проанализировав перечисленные недостатки следствия, допускаемые должностными лицами, а также причины и условия их допущения, можно сформулировать пути возможного решения указанной проблемы взаимодействия ведомств Министерства внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации в аспекте перспективы направления уголовных дел прокурору с обвинительным заключением.

В целях минимизации следственных ошибок, а также нарушения уголовно-процессуального законодательства необходимо усиление ведомственного контроля в лице руководителя следственного органа либо его заместителя. В качестве превентивных мер для сокращения ошибок следствия руководителю следственного органа либо его заместителю необходимо выполнение следующих мероприятий:

- проверка в порядке контроля находящихся в производстве подчиненных ему следователей уголовных дел, а также материалов процессуальных проверок;

- дача указаний следователю о производстве предварительного следствия в порядке ст. 39 УПК РФ;

- реализация полномочий по изъятию и передаче дела от одного следователя другому с учётом имеющихся к тому обстоятельств;

- создание следственных групп по уголовным делам с фактической и правовой сложностью;

- реализация возможности личного проведения предварительного следствия/проведения отдельных следственных действий с использованием при этом полномочий следователя;

- реализация возможности отмены незаконных или необоснованных постановлений следователя.

Указанные полномочия руководителя следственного органа, по мнению автора способны повысить качество предварительного следствия, оптимизировать его, а также сократить количество недостатков в целях возможности дальнейшего направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, а затем в суд для рассмотрения по существу.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (изм., вносимыми ФЗ №384-ФЗ от 07.10.2022) // опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 31.10.2022)
2. Сыдорук И.И. Уголовный процесс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2012. С. 172 – 173.
3. Смирнов А.В. Уголовный процесс. М., 2015. С. 432.
4. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004. С. 289.
5. Павлов Н.Е. Общие условия предварительного расследования (сравнительное исследование): учеб. пособие. М., 1982. С. 8.
6. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 20.10.2022) "О Следственном комитете Российской Федерации" // опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <https://base.garant.ru>
7. Приказ МВД России от 01.07.2011 г. N 780 "Об утверждении положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации" (в ред. от 14.02.2020) // опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <https://base.garant.ru> (дата обращения: 31.10.2022)
8. Дугин А.Т. Причины процессуальных нарушений // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. М.-Кемерово, 1996. С. 61.
9. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. С. 97, 113.

References

1. Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 18.12.2001 N 174-FZ (izm., vnosimymi FZ №384-FZ ot 07.10.2022). opublikovan na oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru> (data obrashhenija 31.10.2022)
2. Sydoruk I.I. Ugolovnyj process: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti «Jurisprudencija». M., 2012. S. 172 – 173.
3. Smirnov A.V. Ugolovnyj process. M., 2015. S. 432.
4. Shumilov A.Ju. Operativno-rozysknaja jenciklopedija. M., 2004. S. 289.
5. Pavlov N.E. Obshhie uslovija predvaritel'nogo rassledovanija (sravnitel'noe issledovanie): ucheb. posobie. M., 1982. S. 8.
6. Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 N 403-FZ (red. ot 20.10.2022) "O Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii". opublikovan na oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <https://base.garant.ru>
7. Prikaz MVD Rossii ot 01.07.2011 g. N 780 "Ob utverzhenii polozhenija o Sledstvennom departamente Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii" (v red. ot 14.02.2020). opublikovan na oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <https://base.garant.ru> (data obrashhenija: 31.10.2022)
8. Dugin A.T. Prichiny processual'nyh narushenij. Sovremennye problemy ugolovnogo prava, processa i kriminalistiki. M.-Kemerovo, 1996. S. 61.
9. Vlasov V.I. Rassledovanie prestuplenij. Problemy kachestva. Saratov, 1988. S. 97, 113.

*Shatokhina E.D., Senior Investigator, Postgraduate,
Kaluga Investigative Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Kaluga Region,
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

**ON THE ACTIVITIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES,
USING EXAMPLES OF INTERACTION BETWEEN DEPARTMENTS OF THE
MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND THE INVESTIGATIVE COMMITTEE
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN TERMS OF THE PROSPECTS OF SENDING
CRIMINAL CASES TO THE PROSECUTOR WITH AN INDICTMENT**

Abstract: the article analyzes the practical activities of bodies and their officials conducting preliminary investigation, using examples of interaction between departments of the Ministry of Internal Affairs and the Investigative Committee of the Russian Federation. The author reveals concepts and the essence of activity of bodies of internal affairs which are authorized to investigate criminal cases as well as of Investigative Committee of the Russian Federation; the concept of the term "preliminary investigation" from several points of view of scientists-processualists is given. In addition, the article draws attention to the difficulties of interaction of investigative bodies, which are due to a number of reasons. First of all, such problems occur in the transfer of criminal cases from one agency to another for further investigation on them. Grounds for such transfer of cases are: change of the investigative situation in the case and re-categorization of a criminal act, which contains signs of a criminal offense; withdrawal of a criminal case by the prosecutor from internal affairs bodies and sending it to the Investigative Committee for joining in one proceeding with an existing criminal case; determination of jurisdiction of criminal cases, which are not within the jurisdiction of the Investigative Committee due to the high degree of public safety and resonance, by the prosecutor. At the same time, as investigative practice shows, in reality criminal cases coming from one agency to another often contain defects, and some of them have significant flaws that negatively affect the quality and completeness of the investigation. In connection with the existing in practice problems and "errors of investigation" the author suggested ways of solving such problems.

Keywords: preliminary investigation bodies; "investigative errors"; officials; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Investigative Committee of the Russian Federation; interagency cooperation

*Гилева Н.С.,
Дальневосточный федеральный университет*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ (ГЕНЕТИЧЕСКИХ) РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ ПО ПРОГРАММЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: проведенное исследование посвящено проблемам генетических (потенциальных) родителей-участников правоотношений по суррогатному материнству, порождающим их правовую незащищенность. В статье подробно рассматриваются правовые пробелы, существующие на сегодняшний день в российском законодательстве. Большое внимание уделено поиску путей разрешения указанных правовых проблем, которые способствовали бы популяризации института суррогатного материнства среди населения Российской Федерации. Указанные проблемы проиллюстрированы подробными и актуальными примерами из судебной практики. Автором статьи отмечаются попытки судебных органов закрыть некоторые существующие правовые пробелы, однако судебная практика носит неоднозначный характер. Завершая анализ проблемы правовой незащищенности генетических (потенциальных) родителей, автор делает вывод о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации. Выводы, сделанные автором по итогам исследования могут быть использованы на практике при дальнейшей разработке норм, регулирующих правоотношения по суррогатному материнству.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, правовая незащищенность, ребенок, семья, договор суррогатного материнства, генетические (потенциальные) родители; суррогатная мать

В настоящее время, в век технологического прогресса, проблема бесплодия актуальна как никогда. По данным Всемирной организации здравоохранения с бесплодием сталкивается от 96 до 186 миллионов человек в мире [18]. Не обошла данная проблема и Российскую Федерацию. Согласно информации, содержащейся в Клинических рекомендациях, утвержденных Минздравом России в 2021 году, в России, в зависимости от региона, бесплодие встречается с частотой от 17,2% до 24% [7]. Приблизительно 15% сексуально активных и не предохраняющихся от зачатия пар не достигают беременности в течение года [8].

Одним из способов борьбы с проблемой бесплодия является институт суррогатного материнства. К сожалению, несмотря на то, что суррогатное материнство играет важную роль в реализации права на семью, в улучшении демографической ситуации в целом, нельзя сказать, что оно пользуется большой популярностью у граждан Российской Федерации. Причиной тому – недостаточное правовое регулирование правоотношений по суррогатному материнству. Наличие огромного количества правовых пробелов, неоднозначная судебная практика, отсутствие понимания у представителей государственных органов о правах и обязанностях в сфере суррогатного материнства – всё это порождает сомнения в целесообразности программы и вызывает опасения бесплодных граждан, решивших стать родителями.

Исходя из законодательно закрепленного определения суррогатного материнства, содержащегося в ч. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федера-

ции» от 21.11.2011 №323-ФЗ (далее – ФЗ №323-ФЗ) [5], можно сделать вывод, что правоотношения по суррогатному материнству возникают между суррогатной матерью и генетическими (потенциальными) родителями или генетическим (потенциальным) родителем после заключения договора суррогатного материнства. Отметим, что под генетическим (потенциальным) родителем мы имеем в виду представителей обоих полов. Несмотря на то, что закон не упоминает о наличии у одинокого мужчины права на заключение договора суррогатного материнства и на становление отцом посредством участия в данной программе, практика показывает, что и такие договоры тоже заключаются.

Исходя из анализа ч. 3 ст. 55 ФЗ №323-ФЗ, на применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), в том числе на суррогатное материнство, имеют право мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина. Обязательным условием является наличие информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (для супружеской пары или сожителей согласие должно быть обоюдным). Действующее законодательство Российской Федерации не содержит никаких требований к генетическим (потенциальным) родителям. Однако отметим, что п. 70 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Приказ Минздрава России №803н), содержит медицинские показания, которые свидетельствуют о

том, что вынашивание и рождение ребенка иным способом невозможно. Наличие данных показаний обязательно для применения таких ВРТ как суррогатное материнство, без них участие в качестве потенциальных (генетических) родителей невозможно [6].

Пункт 71 Приказа Минздрава России № 803н содержит запрет одновременного использования донорских половых клеток потенциальных родителей, а также донорских эмбрионов, которые не имеют генетического родства с лицами, желающими стать родителями по программе суррогатного материнства. Следовательно, если одинокая бесплодная женщина (равно как одинокий бесплодный мужчина) или пара, где оба человека бесплодны, решит стать родителями, то прибегнуть к суррогатному материнству с использованием донорского генетического материала они уже не имеют права. Такой метод лечения бесплодия для данной категории граждан является недоступным, что определенно ограничивает права граждан. Единственным выходом в данной ситуации является усыновление (удочерение) или иная форма принятия ребенка в семью (опека, приемная семья).

Отметим, что законодатель уравнил в правах на суррогатное материнство лиц, состоящих в браке, заключенном в установленном законом порядке, и так называемых сожителей – лиц, проживающих друг с другом без регистрации брака. Однако соответствующие изменения в положения Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] и Федерального Закона «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 №143-ФЗ (далее – ФЗ №143-ФЗ) [3] не были внесены. Это приводит к тому, что фактические сожители, являющиеся потенциальными (генетическими) родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, вынуждены регистрировать рождение такого ребенка в судебном порядке. Так, например, Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга рассматривал дело об оспаривании генетическими родителями отказа органов ЗАГС в государственной регистрации рождения детей. Ответчик сослался на ч. 4 ст. 51 СК РФ и ч. 5 ст. 16 ФЗ №143-ФЗ и назвал причиной отказа факт того, что «на момент подачи заявления в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения и на имплантацию эмбрионов, они не состояли в зарегистрированном браке». В Решении суд встал на сторону истцов и обязал органы ЗАГС произвести государственную регистрацию рождения детей заявителей, так как согласно ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации [1]. Таким образом, дей-

ствующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не исключением является, по мнению суда, и право женщин и мужчин, не состоящих в браке, на рождение ребенка, создание семьи. В действующем законодательстве отсутствует запрет данной категории лиц на регистрацию рождения ребенка, рожденного в результате имплантации эмбриона другой женщине в целях его вынашивания [15]. Таким образом, судебная практика указывает на необходимость корректировки положений, содержащихся в СК РФ и ФЗ №142-ФЗ.

Семейное законодательство Российской Федерации, предоставляя право одиноким женщинам стать матерями с помощью суррогатного материнства, не предусматривает аналогичного права на участие в программе суррогатного материнства для одиноких мужчин. Законодатель игнорирует эту категорию потенциальных родителей в противоречие действующему принципу равенства полов, закрепленному в ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации. Несмотря на отсутствие законодательного регулирования, одинокие мужчины все же прибегают к процедуре суррогатного материнства, но единой судебной практики по этому поводу до сих пор не сложилось. Так, практика Тушинского районного суда г. Москвы свидетельствует о тенденции отказа судов в удовлетворении требований о признании одиноких мужчин в качестве отцов детей, рожденных в результате имплантации принадлежащих им эмбрионов суррогатной матери. В мотивировочной части одного из судебных решений суд сослался на то, что «порядок государственной регистрации рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, с записью одинокого мужчины единственным родителем ребенка, законодательством не определен». В итоге дети были зарегистрированы вовсе без указания сведений об отце и матери, что влечет за собой нарушение прав не только одинокого мужчины, решившего стать отцом с помощью суррогатного материнства, но и детей, рожденных по такой программе [14]. Попытка апелляционного обжалования также не принесла истцу желаемого результата [12].

Однако, как говорилось выше, судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Например, в одном из решений Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга вынес решение в пользу генетического отца-одиночки. Судья указал, что «не является исключением и право одиноких мужчин на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только дети и их отец». Также судья сослался на отсутствие в действующем законодательстве запрета на регистрацию рождения ребенка, рожденного в результате имплантации

эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одинокой матерью или отцом данного ребенка [17]. Таким образом, вопрос о праве одинокого мужчины на участие в программе суррогатного материнства в качестве генетического (потенциального) родителя в настоящее время носит дискуссионный характер и неоднозначно разрешается судами, что свидетельствует о пробеле в праве и отсутствии действенного регулирования.

Существуют определенные правовые сложности, с которыми рискуют столкнуться все, кто решается участвовать в программе суррогатного материнства как генетические (потенциальные) родители. Так, суррогатная мать, как и любая другая женщина, согласно ч. 1 ст. 56 ФЗ №323-ФЗ, имеет право на искусственное прерывание беременности по своему желанию при наличии информированного добровольного согласия. Из анализа положений данной статьи можно сделать вывод, что для принятия такого важного решения согласия генетических (потенциальных) родителей не потребуется, суррогатная мать вправе самостоятельно решать данный вопрос. Таким образом, желание генетических (потенциальных) родителей не учитывается вовсе, что противоречит сути суррогатного материнства как способа борьбы с бесплодием.

Правовая незащищенность всех генетических (потенциальных) родителей также обусловлена положениями ч. 4 ст. 51 СК РФ, которая указывает на необходимость получения согласия суррогатной матери на запись родителями ребенка. Нельзя не согласиться с мнением тех авторов, которые говорят о нарушении баланса конституционных ценностей и несправедливости закрепления преимущественного положения суррогатной матери в вопросе определения судьбы ребенка. Анисимов А.П., Мограбян А.С. справедливо отмечают, что данное положение противоречит конституционному принципу охраны семьи, материнства и детства, закрепленному в ст. 38 Конституции Российской Федерации [16].

Такой приоритет прав суррогатной матери подвергается критике со стороны судей Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Так, супруги Ч. оспаривали в суде действия суррогатной матери, зарегистрировавшей в качестве родителей ребенка себя и своего супруга. Добиться справедливости в судах общей юрисдикции не удалось – в удовлетворении исковых требований супругам отказали, обосновав это тем, что положения ч. 4 ст. 51 СК РФ допускают возможность регистрации генетических родителей в книге записей рождения в качестве родителей ребенка исключительно при наличии согласия суррогатной матери на совершение такой записи. В дальнейшем супруги обратились в КС РФ, однако в при-

нятии жалобы им было отказано [9]. Однако некоторые судьи КС РФ не согласились с таким подходом.

Так, судья Князев С.Д. указывает на безучастие законодателя к интересам генетических (потенциальных) родителей и, более того, создание абсолютно законных оснований для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов генетических родителей и ребенка. Также Князев С.Д. акцентирует внимание на несоответствии избранного законодателем варианта правового регулирования целевому предназначению института суррогатного материнства – лечению бесплодия лиц, которые не в силах самостоятельно реализовывать репродуктивные права, предоставление им возможности стать родителями своего генетического ребенка.

По мнению судьи Гаджиева Г.А. существующий в законодательстве подход по определению порядка регистрации рождения детей «ведет к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и равенства».

Указанный выше принцип оставляет возможность недобросовестным суррогатным матерям вводить в заблуждение и шантажировать генетических родителей, вымогая дополнительное вознаграждение. Так, в 2017 году произошел громкий случай, который активно освещался в СМИ. Супруги Фроловы, предоставившие свой генетический материал для участия в программе суррогатного материнства, судились с суррогатной матерью Татьяной Суздаевой [19]. В договоре, заключенном между указанными сторонами, предусматривалась доплата за многоплодную беременность в размере 150 тысяч (помимо основной суммы – 750 тысяч рублей). Татьяна потребовала от Фроловых дополнительной оплаты в размере 750 тысяч рублей за каждого из двоих детей, а, когда получила отказ от генетических родителей на изменение условий договора, просто вышла из программы суррогатного материнства и скрыла рождение детей. Также известно, что перед родами Татьяна расторгла брак со своим супругом, а затем, как одинокая многодетная мать (у нее уже имелось двое родных детей до участия в программе суррогатного материнства), встала в очередь на квартиру и получила все соответствующие льготы. Короткие мотивы суррогатной матери быть очевидны для судов, начиная с первой инстанции и заканчивая Конституционным Судом РФ [10]. Итогом этих разбирательств стало внесение данных Сергея и Марины Фроловых в книгу актов гражданского состояния в отношении сведений о родителях близнецов, изъятие детей у суррогатной

матери и передача их в семью генетических родителей.

Важную роль в разработке решения указанной проблемы сыграло Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснивший в п. 31, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. Однако, как отмечает судья КС РФ Кокотова А.Н. в Особом мнении к Определению КС РФ от 27.09.2018 №2318-О, «возможность генетических родителей ссылаться на этот свой статус при оспаривании материнства (отцовства) в отношении рожденного суррогатной матерью ребенка по мотиву злоупотребления суррогатной матерью своими правами требует наличия в законодательстве и судебной практике выверенных, пусть отчасти и оценочных, критериев, позволяющих бы вполне определенно судить о недобросовестном поведении суррогатной матери как основании для передачи ребенка от нее генетическим родителям» [10].

Генетические (потенциальные) родители не могут быть уверены в своей правовой защищенности даже при условии отсутствия споров и конфликтов с суррогатной матерью. На практике нередки случаи, когда таким родителям отказывают в предоставлении мер государственной поддержки, пособий, гарантий и компенсаций, чаще всего в силу отсутствия законодательного регулирования. К примеру, в одном из дел Химкинского городского суда Московской области истец (генетический отец двоих детей, рожденных по программе суррогатного материнства) обжаловал нарушение его права на получение мер государственной поддержки, а именно сертификата на материнский (семейный) капитал. Ответчик (Главное Управление ПФ РФ №5 по г. Москве и Московской области) в обоснование своей позиции ссылался на отсутствие у истца права на получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, ссылаясь на п. 1 ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – ФЗ №256-ФЗ) [4]. Суд признал за Нефедовым указанное право и обязал ответчика выдать сертификат. В решении судья указал, что в ФЗ №256-ФЗ установлен широкий круг лиц, имеющих право на получение материнского (семейного) капитала. Это свидетельствует о поддержке детей и семьи, а не только о компенсации трудностей матери, связанные с рождением ребен-

ка. Лишение биологического отца права на получение указанного сертификата является, по мнению суда, недопустимым, поскольку истец подвергся бы дискриминации на том основании, что он является одиноким отцом при осуществлении своего права на уважение семейной жизни, что противоречит международно-правовым нормам и Конституции Российской Федерации [13]. Таким образом необходимо внести поправки в законодательство Российской Федерации с учетом особенностей правового статуса граждан, выступающих генетическими (потенциальными) родителями в правоотношениях по суррогатному материнству.

Итак, в заключение хотелось бы сформулировать предложения по внесению изменений в действующее российское законодательство, которые обеспечат правовую защищенность потенциальных (генетических) родителей в правоотношениях по суррогатному материнству.

1. Отменить действие абз. 2 п. 71 Приказа Минздрава России, предоставив тем самым одиноким бесплодным женщинам (равно как одиноким бесплодным мужчинам) и парам, где оба человека бесплодны, право участия в программе суррогатного материнства с использованием донорского генетического материала.

2. Внести в СК РФ и ФЗ №143-ФЗ поправки, позволяющие фактическим сожителям, ставшим родителями с помощью суррогатного материнства, регистрировать рождение детей в органах ЗАГС.

3. Закрепить в законодательстве Российской Федерации право одиноких мужчин (наравне с одинокими женщинами) на участие в программе суррогатного материнства в качестве генетического (потенциального) родителя.

4. Установить, что обязательным условием аборта по желанию суррогатной матери является наличие письменного согласия генетических (потенциальных) родителей.

5. Ограничить преимущественное положение суррогатной матери в вопросе определения судьбы ребенка, выработав и закрепив критерии, позволяющие судить о недобросовестном поведении суррогатной матери как основании для передачи ребенка от нее генетическим родителям.

6. Внести поправки в законодательство, закрепив за генетическими родителями право на получение мер государственной поддержки, пособий, гарантий и компенсаций наравне с лицами, ставшими родителями без помощи суррогатного материнства.

Только совершенствуя законодательство и закрывая правовые пробелы можно гарантировать правовую защищенность лицам, желающим победить бесплодие посредством участия в программе суррогатного материнства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Клинические рекомендации «Женское бесплодие» (утв. Минздравом России в 2021 году) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Клинические рекомендации «Мужское бесплодие» (утв. Минздравом России в 2021 году) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // ЮИС «Легалакт».
10. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.07.2014 г. по делу № 33-29316/2014 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
13. Решение Химкинского городского суда Московской области от 03.03.2014 г. по делу № 2-1672/2014 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
14. Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 19.03.2014 г. по делу № 2-1472/2014 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
15. Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург от 25.02.2019 г. по делу № 2-639/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
16. Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. т.15 (№5). С. 117-125.
17. Внукова В.А., Щербак А.Ю. О проблемах института суррогатного материнства в России // Семейное и жилищное право. 2019. №6. С. 7-12.
18. Информационный бюллетень «Бесплодие» // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 29.09.2022).
19. «Не мама родила. Суды начали забирать детей у суррогатных матерей» Текст: Михаил Терехов // Российская газета – Федеральный выпуск № 186 (7352). URL: <https://rg.ru/2017/08/21/sudy-nachali-zabirat-detej-u-surrogatnyh-materej.html> (дата обращения: 16.10.2022)

References

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020). SPS «Konsul'tantPljus».
2. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ. SPS «Konsul'tantPljus».
3. Federal'nyj zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ «Ob aktah grazhdanskogo sostojanija». SPS «Konsul'tantPljus».
4. Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 256-FZ «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushih detej». SPS «Konsul'tantPljus».
5. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii». SPS «Konsul'tantPljus».

6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению». СПС «КонсультантПлюс».
7. Клинические рекомендации «Женское бесплодие» (утв. Минздравом России в 2021 году). СПС «КонсультантПлюс».
8. Клинические рекомендации «Мужское бесплодие» (утв. Минздравом России в 2021 году). СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Журнал «Legalakt».
10. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». СПС «Garant».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.07.2014 г. по делу № 33-29316/2014. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
13. Решение Химкинского городского суда Московской области от 03.03.2014 г. по делу № 2-1672/2014. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
14. Решение Тухинского районного суда г. Москвы от 19.03.2014 г. по делу № 2-1472/2014. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
15. Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.02.2019 г. по делу № 2-639/2019. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт).
16. Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах. Актуальные проблемы российского права. 2020. т.15 (№5). С. 117-125.
17. Внукова В.А., Шербак А.Ю. О проблемах института суррогатного материнства в России. Семейное и жилищное право. 2019. №6. С. 7-12.
18. Информационный бюллетень «Бесплодие». Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 29.09.2022).
19. «Не мама родила. Суды начали забирать детей у суррогатных матерей» Текст: Михаил Терехов. Российская газета – Федеральный выпуск № 186 (7352). URL: <https://rg.ru/2017/08/21/sudy-nachali-zabirat-detej-u-surrogatnyh-materej.html> (дата обращения: 16.10.2022)

*Gileva N.S.,
Far Eastern Federal University*

LEGAL INSECURITY OF SURROGATE MOTHERS AND THEIR SPOUSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the conducted research is devoted to the problems of genetic (potential) parents-participants of legal relations in surrogate motherhood, which give rise to their legal insecurity. The article examines in detail the legal gaps that exist today in Russian legislation. Much attention is paid to finding ways to resolve these legal problems that would help popularize the institution of surrogate motherhood among the population of the Russian Federation. These problems are illustrated with detailed and relevant examples from judicial practice. The author of the article notes the attempts of the judiciary to close some of the existing legal gaps, but the judicial practice is ambiguous. Concluding the analysis of the problem of legal insecurity of genetic (potential) parents, the author concludes that it is necessary to improve the legislation of the Russian Federation. The conclusions made by the author based on the results of the study can be used in practice in the further development of the rules governing legal relations in surrogate motherhood.

Keywords: surrogacy; assisted reproductive technologies; legal insecurity; child; a family; surrogate motherhood agreement; genetic (potential) parents; surrogate mother

*Шебалов В.А., аспирант,
Саратовская государственная юридическая академия*

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С «ЧЕРНЫМИ КОПАТЕЛЯМИ»

Аннотация: проблема «черной археологии» на протяжении многих лет стоит остро в нашей стране, поскольку своей деятельностью «черные копатели» наносят непоправимый вред истории и культуре в результате которого утрачивается связь поколений. Законодательство Российской Федерации в настоящее время недостаточно осуществляет защиту культурного наследия, в связи, с чем автором анализируется зарубежный опыт борьбы с таким отрицательным уголовно-правовым феноменом известным как «черная археология». Наряду с Российской Федерации борьбу с «черной археологией» ведут и зарубежные страны, которые осуществляют данную борьбу при помощи нормативно-правовых актов охватывающих данную область общественных отношений. Для более полного и объективного рассмотрения данного вопроса проанализировано законодательство стран относящихся к разным правовым семьям, поскольку законодательство каждой правовой семьи базируется на разных источниках права. Целью работы является возможность перенять позитивный зарубежный опыт в борьбе с «черной археологией» и включение данного зарубежного опыта в Российское законодательство, что возможно сделать, только путем анализа нормативно-правовых актов, действующих на территории определенной страны в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: «черная археология», законодательство, правовые семьи, зарубежные страны

Правовая семья – это группа правовых систем (как правило, национальных правовых систем) имеющих общие признаки [1]. В настоящее время учеными выделяются следующие правовые семьи: романо-германская; англосаксонская; религиозная; смешанная; традиционная.

Зарубежный опыт стран в борьбе с «черной археологией» возможно, только проанализировав нормативно-правовые акты, действующие на территории данной страны в данной сфере.

Одной из стран романского права является Франция, где процветает самая разветвленная правовая система, данной правовой семьи. Источником права в данной стране, как и в других странах романо-германской семьи является нормативно-правовой акт.

Можно выделить основные нормативно-правовые акты регулирующие деятельность в сфере культурного и археологического наследия во Франции, к ним относятся:

1. Кодекс наследия, который в 1 статье дает понятие, что же представляет наследие - совокупность объектов недвижимости или движимого имущества, находящихся в государственной или частной собственности, которые представляют исторический, художественный, археологический, эстетический, научный или технический интерес[2]. Защита культурного наследия находящегося в собственности частных лиц и государства представляющего интерес для культурного наследия, является прерогативой государства. Поиск предметов представляющих доисторический, исторический, художественный или археологический интерес при помощи приборов позволяющих определить их местоположение без разрешения

администрации, выдаваемого в соответствии с квалификацией заявителя, запрещен.

2. Уголовный кодекс Франции предусматривает уголовную ответственность за уничтожение, повреждение и порчу археологической находки сделанной во время раскопок или случайно[3].

Центральной страной германского права является сама Германия, где процветает самая разветвленная правовая система, данной правовой семьи. Источником права в данной стране, как и в других странах романо-германской семьи является нормативно-правовой акт.

Основным нормативно-правовым актом регулирующим деятельность в сфере культурного и археологического наследия в Германии, является Закон «О защите культурных ценностей». Согласно данному закону, под археологическими культурными ценностями понимаются движимые предметы или совокупности вещей, которые были сделаны или обработаны людьми, или представляют информацию о человеческой жизни в более ранние времена, которые находятся или находились в земле или под водой, или для которых это можно предположить, учитывая общие обстоятельства. Незаконными раскопками признаются раскопки, осуществляемые в нарушение внутреннего или иностранного законодательства о защите археологических или палеонтологических культурных ценностей, в частности, без лицензии, требуемой таким законодательством. Все археологические предметы в обязательном порядке проходят государственную регистрацию в реестре культурных ценностей [4].

Одной из стран скандинавского права является Дания, где процветает разветвленная правовая система, данной правовой семьи. Источником права

в данной стране, как и в других странах романо-германской семьи является нормативно-правовой акт.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Закон № 332 от 4 июня 1986 года «О защите культурных ценностей в Дании». В соответствии с данным законом осуществляется защита культурных ценностей находящихся в частной собственности и обладающая следующими признаками: культурные объекты до 1660 года, возраста старше 100 лет и стоимостью свыше 100 000 датских крон. Кроме того, Министр культуры Дании может применить данный закон к культурному объекту, не подпадающему под действие данного Закона, если для этого требуются особые обстоятельства [5].

2. Исполнительный указ №1514 от 14 декабря 2006 года «Об управлении древними реликвиями или памятниками», предусматривает деятельность по управлению древними реликвиями или памятниками, не принадлежащими государственным органам. Управление древними реликвиями или памятниками происходит местным советом, с учетом мнения владельца данных реликвий или памятников [5].

Великобритания является одной из стран англосаксонской правовой семьи, где процветает одна из самых разветвленных правовых систем, данной правовой семьи. Источником права в данной стране, как и в других странах англосаксонской правовой семьи, является прецедентное право. С целью защиты культурного и археологического наследия в Великобритании действуют законы регулирующие охрану в данной сфере жизни общества.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Закон «О сокровищах», который дает понятие сокровища, под которыми понимается: любой найденный предмет возрастом не менее 300 лет, содержащий 10% золота или серебра; монеты, если они состоят из двух и более монет возрастом не менее 300 лет, содержащий 10% золота или серебра; два или более предмета являющиеся доисторическими предметами без содержания золота и серебра. Данный закон обязывает лиц обнаруживших сокровища сообщить в течение 14 дней королю о находке. При подтверждении, что обнаруженные предметы являются сокровищем, то нашедший должен предложить предмет для продажи музею по цене, установленной независимым советом экспертов по древностям, известным как Комитет по оценке сокровищ [6].

2. Закон «О защите затонувших судов», согласно которого осуществляется государственная охрана мест исторически затонувших кораблей.

3. Закон «О торговле культурными ценностями», согласно которого торговля культурными ценностями является правонарушением. Согласно данному закону регулируются отношения в сфере распоряжения культурными ценностями (покупка и продажа), которая на территории Великобритании запрещена под угрозой наказания.

Еще одной страной англосаксонской правовой семьи, являются Соединенные Штаты Америки. Источником права в данной стране, как и в других странах англосаксонской правовой семьи, является прецедентное право.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Закон «О древностях» принятый в 1906 году, уполномочивает президента объявлять национальные памятники на федеральных землях, которые содержат исторические достопримечательности, исторические и доисторические сооружения и другие объекты, представляющие исторический или научный интерес охраняемыми объектами [7];

2. Закон «Об охране археологических ресурсов» от 1979 года, который определяет охрану археологического наследия Индейских племен. Данный закон определяет, что археологические ресурсы представляют собой материальные останки человеческого существования возрастом не менее 100 лет и представляющие археологический интерес. Археологические ресурсы подвергаются все большей опасности из-за их коммерческой привлекательности; существует огромное количество археологической информации, которая была законно получена частными лицами для некоммерческих целей и которая может быть добровольно предоставлена профессиональным археологам и учреждениям [8].

Представителем религиозной правовой семьи, является Индия. Источником права в данной стране, как и в других странах религиозной правовой семьи, является священное писание.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Конституция Индийского государства, в которой прописаны основные права и обязанности по отношению к культурному наследия. Государство обязано защищать, место или объект, представляющий художественный или исторический интерес, имеющий национальное значение, от разграбления, обезображивания, уничтожения, удаления, утилизации или экспорта, в зависимости от обстоятельств [9];

2. Законом «О древних памятниках, археологических памятниках и останках», принятый в 1958 году. Закон, предусматривает сохранение древних и исторических памятников, археологических памятников и памятников национального значения, регулирование археологических раскопок и защиту скульптур, резьбы и других подобных объектов. Кроме того, проведение каких-либо раскопок, в археологических целях без разрешения Центрального правительства запрещено [10].

Страной традиционной правовой семьи, является Япония. Источником права в данной стране, как и в других странах традиционной правовой семьи, является правовой обычай.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Закон «Об охране объектов культуры», который предусматривает защиту достопримечательные места, живописные места. Также, вводит понятие нематериальных объектов культуры. Производит подразделение на национальные сокровища и важные объекты культуры [11];

2. Закон «О сохранении древних столиц», который определяют охрану древних столиц состоящих из группы исторических зданий находящихся на определенной территории [12].

К смешанной правовой семье относится Китайская Народная Республика, право в которой представляет симбиоз древних традиций и законодательства основанного на социализме.

Основными нормативно-правовыми актами регулирующими деятельность в сфере культурного и археологического наследия являются:

1. Конституция Китайской Народной Республики в статье 22 определяет, что государство охраняет места живописной красоты и исторического интереса, ценные культурные реликвии и другие формы важного исторического и культурного наследия [13];

2. Уголовное право Китайской Народной Республики, которое определяют деяние по контрабанде культурных реликвий как запрещенное под угрозой наказания. Кроме того, уголовным правом запрещены следующие деяния: кража ценных культурных реликвий; умышленная порча или уничтожение ценных культурных реликвий; продажа или дарения в качестве подарка иностранцу без разрешения культурной реликвии из своей коллекции; перепродажа культурных реликвий с целью получения прибыли; проведение раскопок и разграбление памятников древней культуры или древних гробниц, представляющих историческую, художественную или научную ценность; насильственный захват или кража архива, принадлежащего государству [14];

3. Закон «Об охране культурных ценностей», который предусматривает определение и категории культурных объектов, устанавливает принципы защиты культурных объектов и возлагает на правительства всех уровней ответственность за охрану культурных объектов и управление ими, устанавливает государственную собственность на неоткрытые культурные объекты и запрещает их вывоз без разрешения государства, а также допускает их экспроприацию и конфискацию в случае незаконного экспорта, допускает как государственную, так и частную собственность на культурные объекты «Право собственности на культурные объекты, передаваемые из поколения в поколение и принадлежащие коллективам или отдельным лицам, должно охраняться законами штата» [15].

Таким образом, проанализировав законодательство Франции, Германии, Дании, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Индии и Китайской Народной Республики, относящихся к разным правовым семьям и имеющие разные источники права, можно сделать вывод, что специализированного законодательства направленного на регулирование деятельности «черных копателей» ни в одной стране мира не имеется.

В большей своей части законодательство зарубежных стран схоже с законодательством Российской Федерации, однако имеются кардинальные отличия, которые могут быть расценены как положительный опыт и использован в законодательстве Российской Федерации. К такому положительному зарубежному опыту можно отнести:

1. Кодекс наследия Франции предусматривает, что поиск предметов представляющих доисторический, исторический, художественный или археологический интерес при помощи приборов позволяющих определить их местоположение без разрешения администрации, выдаваемого в соответствии с квалификацией заявителя, запрещен. Исходя из вышесказанного, имеется предложение по внедрению в законодательство Российской Федерации осуществление продажи специальных технических средств поиска в специализированных магазинах, при наличии лицензии дающей право приобретения данных средств поиска, с последующей их регистрацией в специализированном органе, уполномоченном в сфере оборота данных средств поиска. Введение данного изменения в законодательстве Российской Федерации позволит сократить покупку специальных технических средств поиска «черными копателями» из чего следует уменьшение их количества и позволит более оперативно реагировать и устанавливать лиц причастных к совершению незаконного поиска

ка и изъятия археологических предметов из мест залегания.

2. Закон «О защите затонувших судов» Великобритании, согласно которому осуществляется государственная охрана мест исторически затонувших кораблей. На основе данного закона в отдельный вид объекта культурного наследия относятся места затонувших кораблей. На основании данного Закона в Российском законодательстве имеется необходимость для закрытия правового

пробела введение в Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьи, которая урегулирует деятельность «черных копателей» в сфере поиска и изъятия огнестрельного оружия (крупнокалиберного огнестрельного оружия), его основных частей и боеприпасов к нему, взрывчатых веществ или взрывных устройств, холодного оружия из мест залегания, то есть будет урегулирован конкретный вид поиска.

Литература

1. Правовая семья // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/law/text/3165087> (дата обращения: 15.03.2022)
2. French Cultural Heritage legislation as at July 2010 // European University Institute: [сайт]. URL: <https://www.eui.eu/en/home> (дата обращения: 16.03.2022)
3. France Code pénal Dernière modification: 2022-09-01 Edition: 2022-09-01 // Яндекс диск: [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения: 06.11.2022)
4. Act amending the law on the protection of cultural property* Date: 31 July 2016 The Bundestag has adopted the following Act with the approval of the Bundesrat: Act on the Protection of Cultural Property (Cultural Property Protection Act – KGSG) // Unesco: [сайт]. URL: <https://www.unesco.org/en> (дата обращения: 17.03.2022)
5. Danish Cultural Heritage legislation as at July 2010 // European University Institute: [сайт]. URL: <https://www.eui.eu/en/home> (дата обращения: 17.03.2022)
6. Treasure Act 1996 // European University Institute: [сайт]. URL: <https://www.eui.eu/Projects/InternationalArtHeritageLaw/Documents/NationalLegislation/UnitedKingdom/treasureact1996.pdf> (дата обращения: 18.03.2022)
7. National Monuments and the Antiquities Act name redacted Specialist in Natural Resources Policy January 30, 2017 // Every CRS Report: [сайт]. URL: <https://www.everycrsreport.com/> (дата обращения: 19.03.2022)
8. Закон об охране археологических ресурсов 1979 года // Википедия: [сайт]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8eb04aed-63676ca3-ba2296d6-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Archaeological_Resource_Protection_Act_of_1979 (дата обращения: 19.03.2022)
9. THE CONSTITUTION OF INDIA [As on 1st April, 2019] // Яндекс Диск: [сайт]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1645125721&tld=ru&lang=en&name=COI-updated.pdf&text=constitution> (дата обращения: 20.03.2022)
10. Ancient Monuments and Archaeological Sites and Remains Act, 1958 No.24 of 1958 // UNESCO: [сайт]. URL: <https://www.unesco.org/en> (дата обращения: 20.03.2022)
11. The Law "On the Protection of Cultural Objects" of India // Every CRS Report: [сайт]. URL: <https://www.everycrsreport.com/> (дата обращения: 21.03.2022)
12. Сохранение культурного наследия в Японии: сравнение с российскими проблемами // Российский комитет программы ЮНЕСКО "Информация для всех": [сайт]. URL: <http://www.ifarcom.ru/> (дата обращения: 22.03.2022)
13. Constitution of the People's Republic of China // English.gov.cn: [сайт]. URL: <https://english.www.gov.cn/> (дата обращения: 22.03.2022)
14. Criminal law of the people's republic of China (Adopted at the Second Session of the Fifth National People's Congress on July 1, 1979; revised at the Fifth Session of the Eighth National People's Congress on March 14, 1997 and promulgated by Order No.83 of the President of the People's Republic of China on March 14, 1997) // International Labour Organization: [сайт]. URL: <https://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm> (дата обращения: 24.03.2022)
15. Legal protection of cultural heritage in China: a challenge to keep history alive Zhengxin Huo* Faculty of International Law, China University of Political Science and Law, No. 25 Xitucheng Rd., Haidian District, Beijing, China (Received 16 January 2015; accepted 29 January 2015) // Dr. Zhiwen Hu – Professor of Zhejiang Gongshang University: [сайт]. URL: <http://orcp.hustoj.com/> (дата обращения: 24.03.2022)

References

1. Pravovaja sem'ja. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: [sajt]. URL: <https://bigenc.ru/law/text/3165087> (data obrashhenija: 15.03.2022)
2. French Cultural Heritage legislation as at July 2010. European University Institute: [sajt]. URL: <https://www.eui.eu/en/home> (data obrashhenija: 16.03.2022)
3. France Code pénal Dernière modification: 2022-09-01 Edition: 2022-09-01. Jandeks disk: [sajt]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (data obrashhenija: 06.11.2022)
4. Act amending the law on the protection of cultural property* Date: 31 July 2016 The Bundestag has adopted the following Act with the approval of the Bundesrat: Act on the Protection of Cultural Property (Cultural Property Protection Act – KGSG) // Unesco: [sajt]. URL: <https://www.unesco.org/en> (data obra-shhenija: 17.03.2022)
5. Danish Cultural Heritage legislation as at July 2010. European University Institute: [sajt]. URL: <https://www.eui.eu/en/home> (data obrashhenija: 17.03.2022)
6. Treasure Act 1996. European University Institute: [sajt]. URL: <https://www.eui.eu/Projects/InternationalArtHeritageLaw/Documents/NationalLegislation/UnitedKingdom/treasureact1996.pdf> (data obrashhenija: 18.03.2022)
7. National Monuments and the Antiquities Act name redacted Specialist in Natural Resources Policy January 30, 2017 // Every CRS Report: [sajt]. URL: <https://www.everycrsreport.com/> (data obrashhenija: 19.03.2022)
8. Zakon ob ohrane arheologicheskikh resursov 1979 goda. Vikipedija: [sajt]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8eb04aed-63676ca3-ba2296d6-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Archaeological_Resources_Protection_Act_of_1979 (data obrashhenija: 19.03.2022)
9. THE CONSTITUTION OF INDIA [As on 1st April, 2019]. Jandeks Disk: [sajt]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1645125721&tld=ru&lang=en&name=COI-updated.pdf&text=constitution> (data obrashhenija: 20.03.2022)
10. Ancient Monuments and Archaeological Sites and Remains Act, 1958 No.24 of 1958. UNESCO: [sajt]. URL: <https://www.unesco.org/en> (data obrashhenija: 20.03.2022)
11. The Law "On the Protection of Cultural Objects" of India. Every CRS Report: [sajt]. URL: <https://www.everycrsreport.com/> (data obrashhenija: 21.03.2022)
12. Sohranenie kul'turnogo nasledija v Japonii: sravnenie s rossijskimi problemami. Rossijskij komitet programmy JuNESKO "Informacija dlja vseh": [sajt]. URL: <http://www.ifapcom.ru/> (data obrashhenija: 22.03.2022)
13. Constitution of the People's Republic of China. English.gov.cn: [sajt]. URL: <https://english.www.gov.cn/> (data obrashhenija: 22.03.2022)
14. Sriminal law of the people's republic of Shina (Adopted at the Second Session of the Fifth National People's Congress on July 1, 1979; revised at the Fifth Session of the Eighth National People's Congress on March 14, 1997 and promulgated by Order No.83 of the President of the People's Republic of China on March 14, 1997). International Labour Organization: [sajt]. URL: <https://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm> (data obrashhenija: 24.03.2022)
15. Legal protection of cultural heritage in China: a challenge to keep history alive Zhengxin Huo* Faculty of International Law, China University of Political Science and Law, No. 25 Xitucheng Rd., Haidian District, Beijing, China (Received 16 January 2015; accepted 29 January 2015). Dr. Zhiwen Hu – Professor of Zhejiang Gongshang University: [sajt]. URL: <http://orcphustoj.com/> (data obrashhenija: 24.03.2022)

*Shebalov V.A., Postgraduate,
Saratov State Law Academy*

FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIGHT AGAINST "BLACK DIGGERS"

Abstract: the problem of "black archeology" has been acute in our country for many years, because through their activities, "black diggers" cause irreparable harm to history and culture, as a result of which the connection of generations is lost. The legislation of the Russian Federation currently does not sufficiently protect cultural heritage, in connection with which the author analyzes the foreign experience of combating such a negative criminal phenomenon known as "black archeology". Along with the Russian Federation, foreign countries are also fighting against "black archeology", which carry out this struggle with the help of normative legal acts covering this area of public relations. For a more complete and objective consideration of this issue, the legislation of countries belonging to different legal families is analyzed, since the legislation of each legal family is based on different sources of law. The aim of the work is to learn from positive foreign experience in the fight against "black archeology" and the inclusion of this foreign experience in Russian legislation, which can be done only by analyzing the regulatory legal acts in force in a certain country in this area of public relations.

Keywords: "black archeology", legislation, legal families, foreign countries